

ГЕРМАН ЛЮББЕ

**В НОГУ
СО ВРЕМЕНЕМ**

СОКРАЩЕННОЕ ПРЕБЫВАНИЕ
В НАСТОЯЩЕМ

СЕРИЯ
ИССЛЕДОВАНИЯ
КУЛЬТУРЫ

В Ы С Ш А Я Ш К О Л А Э К О Н О М И К И

С Е Р И Я
И С С Л Е Д О В А Н И Я
К У Л Ь Т У Р Ы

IM ZUG DER ZEIT

*Verkürzter Aufenthalt
in der Gegenwart*

HERMANN LÜBBE

Dritte, um ein Nachwort erweiterte Auflage

В НОГУ СО ВРЕМЕНЕМ

*Сокращенное пребывание
в настоящем*

Г Е Р М А Н Л Ю Б Б Е

Второе издание

Перевод с немецкого

АЛЕКСЕЯ ГРИГОРЬЕВА,
ВИТАЛИЯ КУРЕННОГО

под научной редакцией

ВИТАЛИЯ КУРЕННОГО

*Издательский дом
Высшей школы экономики*
МОСКВА, 2019

УДК 130.2
ББК 71.0
Л93

Составитель серии
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Дизайн серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Научный редактор
ВИТАЛИЙ КУРЕННОЙ

Люббе, Г.

Л93 В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем [Текст] / пер. с нем. А. Григорьева, В. Куренного; под науч. ред. В. Куренного; вступ. ст., сост. указ. В. Куренного, М. Румянцевой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. — 2-е изд. — 456 с. — (Исследования культуры). — 600 экз. — ISBN 978-5-7598-1918-9 (в пер.). — ISBN 978-5-7598-1860-1 (e-book).

В динамической цивилизации модерна увеличивается скорость обновления науки и техники, искусства и экономики, политики и права. Уменьшается период времени устойчивой работы и жизни. Наше пребывание в настоящем сокращается. Время становится ограниченным, а потому нуждается в социальной и технической организации — как среда координации наших действий. В работе Германа Люббе разворачивается широкая панорама темпоральной структуры нашей цивилизации. Почему прогресс, устремленный в будущее, умножает число форм исторической культуры? Почему художественный и интеллектуальный авангардизм склоняется к поддержке тоталитарных режимов? Как архивы и библиотеки справляются с нарастающим потоком информации? Таковы только некоторые из вопросов, на которые дает ответы эта книга.

Издание предназначено для ученых, студентов и всех, кто стремится ориентироваться в современных культурных процессах.

УДК 130.2
ББК 71.0

Translation from the German language edition: *Im Zug der Zeit* by Hermann Lübbe.

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики <<http://id.hse.ru>>

doi:10.17323/978-5-7598-1918-9

ISBN 978-5-7598-1918-9 (в пер.)
ISBN 978-5-7598-1860-1 (e-book)
ISBN 3-540-00202-2 (нем.)

Copyright © Springer-Verlag Berlin Heidelberg
1992, 1994, 2003
Springer is a part of Springer
Science+Business Media.
All rights reserved.

© Перевод на рус. яз.
Издательский дом Высшей школы
экономики, 2016; 2019

СОДЕРЖАНИЕ

В. Куренной, М. Румянцева

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ ГЕРМАНА ЛЮББЕ	VII
ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ	8
ВВЕДЕНИЕ	9
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПО ТЕОРИИ ВРЕМЕНИ	31
1. ТРУДНОСТИ С ПАМЯТЬЮ. ОБ ОТНОШЕНИИ К ПРОШЛОМУ В ХОДЕ ПРОГРЕССА	41
1.1. НАСТОЯЩЕЕ МЕРТВЫХ. ИСТОРИЗИРОВАННОЕ КЛАДБИЩЕ И АНОНИМНЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ	43
1.2. ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ, ИЛИ ПАРАДОКСЫ СТРЕМЛЕНИЯ СТАРОЕ ВНОВЬ СДЕЛАТЬ СТАРЫМ	58
1.3. ИСТОРИЗИРОВАННЫЙ МОДЕРН ИЛИ ПОСТМОДЕРН	77
1.4. ЭКСКУРС В ОБЛАСТЬ АРХИТЕКТУРНОГО ВОССОЗДАНИЯ	88
2. АВАНГАРД, ИЛИ КАК ПРОТИВ ВОЛИ ДЕЛАЮТ ПРОШЛОЕ ВСЕ БОЛЕЕ ИНТЕРЕСНЫМ	91
2.1. ПАРАДОКС АВАНГАРДА: ПРОШЛОЕ ПРИБЛИЖАЕТСЯ К СОВРЕМЕННОСТИ	93
2.2. ВЗАИМОДОПОЛНЯЮЩИЕ КОМПОНЕНТЫ АВАНГАРДА: ЭКЛЕКТИКА И КЛАССИКА	107
3. АВАНГАРД И УПРАВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИМ СМЫСЛОМ ИСТОРИИ	117
3.1. АВАНГАРДИСТСКОЕ ИСКУССТВО И ТОТАЛИТАРНОЕ ГОСПОДСТВО	119
3.2. ПОЛИТИЧЕСКИЙ АВАНГАРДИЗМ, ИЛИ ПРОГРЕСС И ТЕРРОР	135
4. ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИНАМИКА И ФОРМИРОВАНИЕ АРХИВНОЙ ТРАДИЦИИ	151
4.1. БЮРОКРАТИЯ И РОСТ КОЛИЧЕСТВА РЕЛИКТОВ	153
4.2. АРХИВНЫЙ ОТБОР ДОКУМЕНТОВ ДЛЯ УНИЧТОЖЕНИЯ	164
4.3. ПРЕЦЕПЦИЯ, ИЛИ СОВРЕМЕННОЕ ПРЕДВОСХИЩЕНИЕ БУДУЩЕЙ РЕЦЕПЦИИ ПРОШЛОГО	185
4.4. БИБЛИОТЕКИ-КНИГОХРАНИЛИЩА, ИЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ РАЗДЕЛЕНИЯ АКТУАЛЬНОЙ И УСТАРЕВШЕЙ ИНФОРМАЦИИ	204

5. ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИНАМИКА И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ	219
5.1. НАУЧНО-КУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДИНАМИЗИРОВАННОЙ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ	221
5.2. СГУЩЕНИЕ ИННОВАЦИЙ В ХОДЕ ЭВОЛЮЦИИ ТЕХНИКИ	240
6. ЭКСКУРСЫ.....	255
6.1. ЭКСКУРС I. КУЛЬТУРНО-РЕВОЛЮЦИОННОЕ УСКОРЕНИЕ. КАЗАТЬСЯ ИЛИ БЫТЬ?.....	257
6.2. ЭКСКУРС II. СПОР О КОМПЕНСАТОРНОЙ ФУНКЦИИ НАУК О ДУХЕ	267
7. ИМПЕРАТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВРЕМЕНИ	287
7.1. ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ТЕХНИКОЙ ИМПЕРАТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВРЕМЕНИ.....	289
7.2. ВРЕМЯ КАК СРЕДСТВО КООРДИНАЦИИ ДЕЙСТВИЙ. СОЦИАЛЬНО ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ИМПЕРАТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВРЕМЕНИ.....	298
8. ВЫИГРЫШИ ВО ВРЕМЕНИ И КУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВРЕМЕНИ	311
8.1. ВРЕМЯ КАК СВОБОДА	313
8.2. КУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ СЛЕДСТВИЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ СВОБОДЫ РАСПОРЯЖЕНИЯ ВРЕМЕНЕМ ...	326
9. ВРЕМЯ ПЕРЕЖИВАЕМОЕ И ВРЕМЯ ИЗМЕРЯЕМОЕ	341
9.1. СУБЪЕКТИВНОЕ И ОБЪЕКТИВНОЕ ВРЕМЯ	343
9.2. ВРЕМЯ КУЛЬТУРЫ И ВРЕМЯ ПРИРОДЫ	363
ПОСЛЕСЛОВИЕ.....	379
I. СОКРАЩЕНИЕ НАСТОЯЩЕГО. НОВОЕ ПОНЯТИЕ ВЫЗЫВАЕТ ИНТЕРЕС.....	381
II. ВЫИГРЫШИ ВО ВРЕМЕНИ И АКТУАЛЬНОСТЬ МОРАЛИСТИКИ ВРЕМЕНИ.....	387
III. ИЗДЕРЖКИ ВРЕМЕНИ КАК СМЫСЛОВАЯ ГРАНИЦА ИННОВАЦИЙ	396
IV. РАСЦВЕТ НАУК О ДУХЕ И БУДУЩЕЕ ВОСПОМИНАНИЯ.....	406
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.....	416
ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ.....	424

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ ГЕРМАНА ЛЮББЕ

Виталий Куренной
Мария Румянцева

Предложенное вниманию читателя издание представляет собой первый перевод на русский язык книги немецкого философа Германа Люббе (1926 г. р.)¹. Люббе принадлежит к числу наиболее значительных современных немецких мыслителей, оказавших глубокое влияние не только на интеллектуальный и философский, но также политический и культурный ландшафт Германии, начиная с 60-х годов XX века.

Его творческий путь не только необычайно продолжителен, но и столь же необычайно продуктивен: работы Люббе посвящены самому широкому спектру тематических вопросов — от политики и морали до истории философии². Даже краткий обзор многообразия этой интеллектуальной деятельности вышел бы далеко за рамки небольшой вводной статьи, поэтому мы остановимся лишь на основных аспектах его творчества, позволяющих составить представление о некоторых сквозных особенностях его философской позиции, а также на тех узловых моментах, которые позволяют понять его положение в историческом пространстве современной немецкой интеллектуальной и политической культуры.

ФИЛОСОФ «СКЕПТИЧЕСКОГО ПОКОЛЕНИЯ»

Герман Люббе родился 31 декабря 1926 г. в Аурихе (Нижняя Саксония). Не достигнув 17 лет, в 1943 г. он был призван на морскую военную службу. В Германии таких молодых людей называют поколением «помощников зенитчиков» (Flakhelfer) — по сути, дети-солдаты. После пребывания в советском плену в 1946 г. он изучал философию, теологию и социологию в университетах Гёттингена, Мюнстера и Фрайбурга в Брейсгау, где в 1951 г. защитился у Вильгельма Сцилази.

После защиты докторской диссертации, посвященной проблематике «вещи самой по себе» у Канта, работал ассистентом Герхарда Крюгера во Франкфуртена-Майне, а также в университете Эрлангена и Кёльна. Во время работы во Франкфурте посещал семинары Теодора Адорно и Макса Хоркхаймера. В 1957 г.

¹ До этого на русском языке были представлены отдельные разрозненные переводы статей Люббе (основные из них будут указаны ниже). Особо следует отметить в этом ряду перевод работы «В ногу со временем. О сокращении нашего пребывания в настоящем» (Вопросы философии. 1994. № 4), выполненный Николаем Плотниковым. Этот небольшой текст представляет собой подготовленное самим Германом Люббе краткое изложение некоторых основных положений настоящей книги.

² Герман Люббе опубликовал более 30 монографий. К числу важнейших из них исследователи, в частности Марк Шведа, относят «Понятие истории и исторический интерес. Аналитика и прагматика истории» (1977), «Религия после Просвещения: О необходимости практического разума» (1986), а также представленную здесь работу «В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем» (первое издание — 1992).

защитил в Эрлангене у Герхарда Крюгера габилитационную работу «Трансцендентальная философия и проблема истории. Исследование генезиса философии истории (Кант, Фихте, Шеллинг)».

Преподавал — сначала как приват-доцент, позднее — в качестве профессора — в университетах Эрлангена, Гамбурга, Кёльна и Мюнстера. В 1963 г. становится ординарным профессором в новом Рурском университете (Бохум), в 1969 г. — в Билефельде. С 1971 г. до своего выхода на пенсию в 1991 г. занимает позицию профессора философии и политической теории в Университете Цюриха (причиной переезда из Германии в Швейцарию стали угрозы его семье со стороны левых радикалов). Помимо этого он в 1966–1970 гг. работал на различных постах в правительстве Земли Северный Рейн-Вестфалия. Герман Люббе является членом различных научных обществ в Германии и за ее пределами, был удостоен множества наград и премий, в частности, является лауреатом премии Эрнста Роберта Курциуса по эссеистике (1990) и премии Ганса-Мартина Шлейера (1994).

Герман Люббе принадлежит к специфическому послевоенному поколению немецких мыслителей. Пережитый опыт краха Третьего рейха, который для молодого человека являлся герметически замкнутым миром, основанным на нацистской идеологии, позволяет отнести Люббе к той социальной группе, которую Гельмут Шельски в своей знаменитой одноименной работе определил как «скептическое поколение» (согласно Шельски, «помощники зенитчиков» составляли как раз ее ядро)³. В числе характерных черт этого поколения, пережившего фундаментальный опыт социальной неопределенности, — скептический отказ от любого рода идеологий, ориентация на функциональный прагматизм. В отличие от молодежных движений, возникших после Первой мировой войны и в эпоху Веймарской республики, представители «скептического поколения» не были настроены враждебно к требованиям общества модерна и индустриального общества. И хотя сам Люббе далеко не во всем согласен с теми характеристиками, который Шельски дал «скептическому поколению»⁴, в его работах нетрудно обнаружить некоторые из них. Это, прежде всего, критическое отношение к любому рода «высоким идеологиям», к числу которых Люббе относит не только национал-социализм, но и разного рода «интернационал-социалистические» идеологии. Их все — несмотря на существенные различия — объединяет, по мнению Люббе, отказ от здравого смысла (*common sense*) и пренебрежение конвенциональной моралью, подмена ее особым — причем очень сильным и бескомпромиссным — политическим морализмом⁵. Одо Марквард

³ Schelsky H. Die skeptische Generation. Eine Soziologie der deutschen Jugend. Düsseldorf; Köln, 1957.

⁴ См., в частности, его ироничное замечание по этому поводу: Люббе Г. Карл Шмитт в восприятии либералов // Логос. 2012. № 5 (89). С. 145–146.

⁵ Анализ и критика политического морализма, служащего самолегитимации тоталитарных идеологий, представлены, в частности, в работе: Lübbe H. Politischer Moralismus: Der Triumph der Gesinnung über die Urteilskraft. Berlin: Siedler, 1987. Основной тезис Люббе заключается в том, что тоталитарные режимы отнюдь не сводятся к «инструментальному разуму» (М. Хоркхаймер) или «банальности зла» как нейтральной карьерной исполнительности (Х. Арндт), но основаны на энергичной

(1928–2015) — ближайший философский единомышленник Люббе — разделяет данный тезис и по тем же причинам делает одним из центральных пунктов своей философской позиции апологию скептицизма.

ШКОЛА ИОАХИМА РИТТЕРА

Герман Люббе и Одо Марквард здесь объединены не случайно — несмотря на различие философских стилей и тематики своих работ, именно они являются одними из наиболее заметных последователей философии Иоахима Риттера (1904–1974), известного в международном контексте прежде всего как инициатор издания и первый редактор «Исторического словаря философии» — наиболее обширного и значимого современного немецкого словаря по философии, развивавшего историко-аналитический подход в русле истории понятий⁶ — наряду с несколько более скромным по масштабу проектом «Словаря основных исторических понятий» Райнхарта Козеллека. В настоящее время как идеи Риттера, так и отдельные аспекты творчества так называемой школы Риттера становятся предметом основательных исторических исследований, раскрывающих масштаб их влияния на идейный и политический ландшафт послевоенной ФРГ⁷. Из последних подобных работ прежде всего необходимо назвать книгу Йенса Хаке «Философия буржуазности. Либерально-консервативное обоснование Федеративной Республики»⁸, а также работы Марка Шведа «Раздвоение

моральной аргументации: «Морализирующие аргументы играют в тоталитарных системах несравненно большую роль, чем в либеральных» (*Lübbe H. Op. cit. S. 7*).

⁶ «Historisches Wörterbuch der Philosophie» был выпущен в 13 томах в период 1971–2007 гг.

⁷ Емкий анализ, в котором позиция Риттера и его последователей определена в рамках идейно-политических дискуссий относительно легитимации послевоенного политического порядка ФРГ, представлен в работе: *Hacke J. Die Bundesrepublik als Idee. Zur Legitimationsbedürftigkeit politischer Ordnung. Hamburger Edition, 2009*. Среди обзорных работ, посвященных различным аспектам школы Риттера, см. также: *Dierse U. Joachim Ritter und seine Schüler // Hügli A., Lübcke P. (Hrsg.). Philosophie im 20. Jahrhundert. Bd. 1: Phänomenologie, Hermeneutik, Existenzphilosophie und kritische Theorie. Reinbek, 1992. S. 237–278; Lohmann G. Neokonservative Antworten auf moderne Sinnverlustserfahrungen. Über Odo Marquard, Hermann Lübcke und Robert Spaemann // Faber R. (Hrsg.). Konservatismus in Geschichte und Gegenwart. Würzburg, 1991. S. 183–201; Roth F. Philosophie für die junge Bundesrepublik. Manuskript zu einem Volkshochschul-Vortrag. München, 2005 <<http://www.florian-roth.com/texte/pdfs/Ritter-Schule.pdf>>.*

⁸ *Hacke J. Philosophie der Bürgerlichkeit. Die leberalkonservative Begründung der Bundesrepublik. Göttingen, 2008*. Для перевода понятия «Bürgerlichkeit» мы используем вариант «буржуазность» (в основном под влиянием работ Одо Маркварда, автора оборота «Philosophie der Bürgerlichkeit», посвятившего теме буржуазности множество своих блестящих афористических текстов), но при этом, разумеется, необходимо иметь в виду весь спектр возможных смыслов понятия «бюргер» — гражданин, мещанин, житель города. Что касается урбанистического аспекта «философии буржуазности» Риттера, то здесь необходимо указать на его емкое эссе «Большой город» (*Ritter J. Die große Stadt (1960) // Ritter J. Metaphysik und Politik. Studien zu Aristoteles und Hegel / Erweiterte Neuauflage mit einem Nachwort von O. Marquard. Suhrkamp, 2003. S. 341–354*). Герман Люббе ограничил смысл этого понятия от устойчивых марксистских коннотаций с классом «буржуазии» следующим образом: «Буржуа мертв, бюргер жив» («Der Bourgeois ist tot, der Bürger lebt»), см.: Hermann Lübcke im Gespräch. München, 2010. S. 38.

и компенсация. Философская теория мира модерна Иоахима Риттера» и «Иоахим Риттер и школа Риттера: Введение»⁹.

Иоахим Риттер организовал в Мюнстере, где с 1948 г. до своего выхода на пенсию в 1968 г. он занимал позицию ординарного профессора, постоянный семинар — Collegium Philosophicum. Расцвет Коллегиума приходится на 1955–1965 гг., однако семинар существовал с 1947 г. и фактически вплоть до кончины Риттера. В число его участников, если отметить только наиболее известных из них, входили: Эрнст-Вольфганг Бёкенфёрде, Бернард Вильмс, Калфрид Грюндер, Ульрих Дирзе, Ханс Йорг Зандкюлер, Юрген Зайферт, Мартин Криле, Герман Люббе, Одо Марквард, Райнхарт Мауэр, Вилли Ольмюллер, Людгер Онинг-Ханхоф, Гюнтер Рормозер, Эрнст Тугендхат, Роберт Шпеман, Райнер Шпехт, Рудольф Фирхаус.

Наименование «школа Риттера» по отношению к участникам Collegium Philosophicum можно, впрочем, употреблять лишь с известной долей историко-философской условности: как отмечает Юрген Зайферт, это понятие было введено *post factum*, тогда как фактическую суть этого явления точнее передает выражение «форум свободных мыслителей»¹⁰. «Иногда приходилось слышать, — отмечает Флориан Рот, — что этот круг никогда не представлял собой школы, объединенной единым учением, а само название “школа Риттера” он получил от своих противников. И в самом деле, Риттер не придавал никакого значения следованию или единству в том, что касалось философской или политической позиции. Однако с годами многие ученики Риттера все более настойчиво обращались к фундаментальным убеждениям своего учителя и, соответственно, стремились дать им новое, более глубокое обоснование»¹¹. Одо Марквард следующим образом пояснял то обстоятельство, что школа Риттера образовалась не сразу, а так сказать, задним числом. Для Риттера, подчеркивал он, опыт был необходимым условием философии: «Не имея опыта, человек не может иметь, в действительности, никакой философии, так как философия есть ответ на такой опыт. Но опыт требует времени. Поэтому ученики Риттера сблизилась в своих содержательных тезисах не во время обучения, а спустя десятилетия — только после того, как они приобрели собственный опыт, который с тех пор сделал для них убедительными те философские ответы, которые предлагал Риттер. Консолидация школы Риттера — это долгосрочный процесс»¹².

Хотя Коллегиум не имел никакого выраженного доктринального единства, в нем все же присутствовал некоторый общий набор установок. По словам того же Зайферта, Риттер запрещал только две интеллектуальные фигуры — «разоблачение» и редукцию в форме «не что иное, как». Благодаря этому в Коллегиуме

⁹ Schweda M. *Entzweiung und Kompensation. Joachim Ritters philosophische Theorie der modernen Welt*. Freiburg; München, 2013; Schweda M. *Joachim Ritter und die Ritter-Schule zur Einführung*. Hamburg: Junius, 2015.

¹⁰ Seifert J. Joachim Ritters “Collegium Philosophicum”. Ein Forum offenen Denkens // Faber R., Holste C. (Hrsg.). *Zur Soziologie moderner Intellektuellenassoziation. Kreise; Gruppen; Bünde*. Würzburg, 2000. S. 189–199.

¹¹ Roth F. *Op. cit.* S. 7–8.

¹² Marquard O. *Positivierte Entzweiung. Joachim Ritters Philosophie der bürgerlichen Welt // Ritter J. Metaphysik und Politik... S. 456.*

обсуждались работы авторов, принадлежащих к самым разным интеллектуальным и политическим направлениям: Шпеман реферировал «Естественное право и историю» Лео Штрауса, Люббе делал доклад по книге Вильгельма Шаппа «Впутавшиеся в историю»¹³ и критиковал «Теорию современной эпохи» Ханса Фрайера, Марквард, который в то время симпатизировал Франкфуртской школе, рассказывал об «Эросе и цивилизации» Герберта Маркузе. «При этом широкие связи Риттера с другими влиятельными интеллектуалами того времени, такими как Гельмут Шельски, Карл Шмитт, Ханс Фрайер и Арнольд Гелен, а также его толерантность, позволявшая ученикам мастера двигаться собственным путем, подчеркивали открытость кружка, что иногда приводило к напряжению внутри него»¹⁴. В итоге в интеллектуальной атмосфере Collegium Philosophicum сформировалась неоднородная — в том числе и в плане политических ориентаций — плеяда академических и общественных деятелей. Как показывает Марк Шведа, бывшие участники Collegium Philosophicum придерживались как правых (Гюнтер Рормозер, Бернард Вильмс), так и левых (Юрген Зайферт, Ханс Йорг Зандкюлер) убеждений. С этой точки зрения позицию Германа Люббе, Одо Маркварда, Эрнста-Вольфганга Бёкенфёрде и, с некоторыми оговорками, Мартина Криле и Роберта Шпемана можно охарактеризовать как «умеренную» или «центристскую». Исходной точкой как «правых» и «левых», так и «умеренных» авторов были базовые концепты, введенные Риттером, прежде всего его понятия «раздвоение» (*Entzweiung*) и «компенсация». При этом, в отличие от «правых» и «левых» мыслителей, критиковавших основные теоретические положения Риттера, названные «умеренные» авторы скорее принимали и развивали данные базовые концептуальные положения, — несмотря на существенное их переосмысление и уточнение¹⁵. С точки зрения исторического анализа рецепции стоит отметить — применительно как к Риттеру, так и к его последователям, — что мы наблюдаем здесь специфический для современной истории философии разрыв между реальной общественной значимостью определенного интеллектуального течения и ее медийной, а отчасти и специализированно-научной репрезентацией в виде

¹³ Вильгельм Шапп формально считается первым учеником Гуссерля: в 1909 г. он защитил у него в Гёттингене диссертацию «Феноменология восприятия». В дальнейшем Шапп, однако, избрал юридическую карьеру. Указанная книга вышла в 1956 г. (*Shapp W. In Geschichten verstrickt. Zum Sein von Ding und Mensch. Hamburg*). Начиная со второго издания, эта работа Шаппа выходит с предисловием Германа Люббе. Философия «историй» (значимым здесь является акцент на множественном числе) представляет собой самостоятельный — весьма отличный от работ позднего Гуссерля — вариант исторической феноменологии, на который опирается в своих работах Герман Люббе. Для Люббе рассказывание историй представляет собой ключевой способ определения собственной идентичности, а также является конститутивным моментом для нашего переживания прошлого. (Наст. изд., с. 186 и далее, с. 348.)

¹⁴ *Hacke J. Philosophie der Bürgerlichkeit. S. 40–41.* Некоторые из этих мыслителей выступали на Collegium Philosophicum, в частности, Карл Шмитт. Об обстоятельствах этого посещения, а также о либеральной рецепции Шмитта в кругу Иохима Риттера см.: Люббе Г. Карл Шмитт в восприятии либералов. С. 143–157.

¹⁵ Исключением здесь является Роберт Шпеман, критиковавший теорию компенсации, предложенную Риттером и позже развитую и уточненную в работах Германа Люббе и Одо Маркварда.

расхожего историко-философского канона. Указанные выше работы Й. Хаке, У. Дирзе, М. Шведа, равно как и прямое знакомство с биографией, сферами активности и научными проектами Риттера и его последователей показывают, что данное философское течение оказало глубокое влияние не только на философский дискурс послевоенной ФРГ, но на ее образовательную и культурную политику, правовую систему. Пожалуй, можно сказать, что ни одно западное философское течение в период после Второй мировой войны не имело столь значительного прямого влияния на реальный политический и институциональный процесс своей страны, как школа Иоахима Риттера в ФРГ, выступившая на сцену общественных дискуссий в 1960-х годах — вслед за послевоенным поколением управленцев-технократов. Достаточно упомянуть некоторые эпизоды истории этого институционального влияния. В период реформы высшей школы ФРГ в 1960-х годах множество участников Collegium Philosophicum получили профессорские позиции — в том числе благодаря влиянию и покровительству самого Риттера, непосредственно вовлеченного в процесс реформ (наряду с Гельмутом Шельски, также преподававшим в Мюнстере с 1960 г.). Особая роль Риттера в этом процессе реформы высшего образования в послевоенной ФРГ связана с его докладом 1961 г. «Задачи наук о духе в обществе модерна», который сыграл важную роль в процессе обоснования необходимости широкого присутствия гуманитарно-исторических наук в реформируемой университетской системе¹⁶. Герман Люббе и Рудольф Фирхаус входили в учредительные комитеты и сенаты новых университетов в Бохуме и Билефельде. С 1966 г. Люббе занимал пост заместителя министра культуры по вопросам высшей школы и церкви, а с 1969 по 1970 г. — пост заместителя премьер-министра Земли Северный Рейн-Вестфалия¹⁷. В 1975–1978 гг. Люббе становится президентом Немецкого философского общества, Одо Марквард занимает эту должность в период с 1985 по 1987 г. Наибольшего политического влияния эта группа достигла в 1980-х годах. Несмотря на то что Люббе долгое время пребывал в рядах Социально-демократической партии Германии, в это время он действует в качестве сподвижника лидеров Христианско-демократического союза, выполняя функции советника правительства Лотара Шпета в Земле Баден-Вюртемберг, заметное влияние его идей прослеживается также в речах Гельмута Коля¹⁸.

¹⁶ Доклад был переработан в статью: *Ritter J. Die Aufgabe der Geisteswissenschaften in der modernen Gesellschaft* (1963) // Ritter J. *Metaphysik und Politik...* S. 377–406. Об истории развития этой аргументации Риттера в работах Люббе и Маркварда, а также ответ Люббе на основные возражения против нее см. подраздел 6.2 наст. изд. (Эксккурс II. Спор о компенсаторной функции наук о духе).

¹⁷ Снял с себя полномочия из-за несогласия с левым характером программы образовательной политики своих однопартийцев из СДПГ (*Der Spiegel*. Hermann Lübke. 28.08.1978 <<http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-40606731.html>>).

¹⁸ В этот период в работах некоторых философов, представляющих иные линии философского и политического спектра, дело доходит едва ли не до демонизации влияния Люббе на тогдашних лидеров ХДС. Так, представитель дискурсивной теории и дискурсивной этики Дитрих Бёлер усматривал в Германии 1980-х годов расцвет политического децизионизма: «Люббе его пропагандирует, а Коля, Драггер и Циммерман его реализуют в смягченной для вида форме» (*Böhler D. Die deutsche Zerstörung des politisch-ethischen Universalismus. Über die Gefahr des — heute (post-)*

Другим важным полем деятельности выходцев из круга Риттера было право: Эрнст-Вольфганг Бёкенфёрде занимал пост судьи Конституционного Федерального суда Германии (1983–1996), Мартин Криле — судьи Конституционного суда Земли Северный Рейн-Вестфалия (1976–1988), Юрген Зайферт время от времени выступал советником Герхарда Шрёдера в правительстве Нижней Саксонии¹⁹. Резюмируя эту тему применительно к Герману Люббе, процитируем Ханнса-Грегора Ниссинга: «Люббе принадлежит к тем мыслителям, доклады и сочинения которых существенно повлияли не только на академическую философию, но и на политическую и общественную жизнь в ФРГ»²⁰.

РЕЦЕПЦИЯ В РОССИИ

Указанное выше несоответствие фактической общественной значимости и медийной известности, отражающейся в том числе в системе интеллектуальных «звезд», обладающих международным признанием, обнаруживается особенно наглядно, если обратить внимание на диспропорцию представленных на русском языке философов Франкфуртской школы и школы Риттера. Франкфуртцы представлены здесь во всем своем многообразии и полноте (существуют переводы и работы о Теодоре Адорно, Вальтере Беньямине, Герберте Маркузе, Эрихе Фромме, Юргене Хабермасе, Максе Хоркхаймере — если говорить только об основных представителях), тогда как Иоахим Риттер вообще не представлен на русском языке, а его основные последователи — весьма фрагментарно²¹.

В постсоветский период в России реализовалась также широкомасштабная рецепция радикального «правого» крыла немецкой философско-политической мысли — Мартина Хайдеггера, Карла Шмитта, Эрнста Юнгера и др. Примечательно, что единственный автор, связанный со школой Риттера, в том числе в силу своей исторической причастности к Collegium Philosophicum, который представлен на русском языке в виде не только разрозненных статей, но и монографий, — это решительно культур-критически настроенный консерватор Гюнтер Рормозер²². Причины и мотивы столь избирательной рецепции заслуживают отдельного рассмотрения. Единственное, что можно сказать вполне определенно: постсоветская рецепция немецкой философско-политической

modernen — Relativismus und Dezisionismus // Zerstörung des moralischen Selbstbewußtseins: Chance oder Gefährdung? — Praktische Philosophie in Deutschland nach dem Nationalsozialismus / Herausgegeben vom Forum für Philosophie Bad Homburg. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1988. S. 170 (цит. по: *Hacke J.* Op. cit. S. 178)).

¹⁹ *Hacke J.* Op. cit. S. 44.

²⁰ *Nissing H.G.* Hermann Lübbe — Pragmatische Vernunft nach der Aufklärung. Zur Einleitung // *Nissing H.G.* (Hrsg.). Pragmatische Vernunft nach der Aufklärung. Stuttgart: Fink & Bumiller, 2001. S. 7.

²¹ Первый перевод Люббе на русский язык вышел в сборнике по философии техники и остался незамеченным в потоке литературы, хлынувшей на российский рынок, начиная с эпохи перестройки (*Люббе Х.* Технические и социальные изменения как проблема ориентации // *Философия техники в ФРГ.* М.: Прогресс, 1989. С. 162–171).

²² *Рормозер Г.* Кризис либерализма. М.: Изд-во Ин-та философии РАН, 1996. Ср. также: *Рормозер Г., Френкин А.* Новый консерватизм. Вызов для России. М.: Изд-во Ин-та философии РАН, 1996.

мысли причудливым образом выбрала крайности, но обошла здравомыслящую философию либерально-консервативной «середины», сформулированную Риттером и его последователями²³. В настоящей работе Германа Люббе читатель обнаружит, что для ее автора как правый, так и левый радикализм в области культур-критики (а проблематика данной работы ограничивается данной сферой) в равной степени являются постоянными оппонентами, а именно — в силу своего отрицания и неприятия цивилизации и культуры модерна. Такого рода отрицание объединяет — несмотря на различие перспектив и оснований — основоположников художественного авангарда и Фридриха Ницше, Хайдеггера и Адорно, современную левую и церковную культур-критику. В политической плоскости эту линию продолжает, например, соседство Карла Шмитта и Юргена Хабермаса, представляющих собой, согласно Люббе, «лишь взаимодополнительные формы политического романтизма»²⁴.

Это не случайно, поскольку Герман Люббе принадлежит к упомянутой традиции практической философии «середины», избегающей радикальных крайностей и восходящей к Аристотелю. Традиция аристотелизма в послевоенной Германии получила новый импульс в интерпретации²⁵, принадлежавшей Иоахиму Риттеру, образуя — наряду с его эпохальной для послевоенного либерального консерватизма интерпретацией Гегеля, ядро практической философии как самого Риттера, так и его «умеренных» последователей: «Герменевтика исторического мира Риттера связывает аристотелевское предположение о разумности существующего с гегелевским доверием к разуму, уравнивающим опасность, которые несет с собой свобода»²⁶, — так охарактеризовал это сочетание Хеннинг Оттман.

ТЕОРИЯ МОДЕРНА: РАЗДВОЕНИЕ И КОМПЕНСАЦИЯ

Комментируя критические замечания Герберта Шнедельбаха в адрес компенсаторной теории исторических наук о культуре в представленной здесь книге, Герман Люббе отмечает, что его полемическая задача состояла, видимо, в том, чтобы сохранить «противопоставление консервативной, так сказать, тра-

²³ В порядке примера такой утвердившейся оптики: Михайловский А. Германия // Куренной В. (ред.). История и теория интеллигенции и интеллектуалов. М.: Наследие Евразии, 2009. С. 116–158. Представленный в этой работе обзорный анализ рассматривает послевоенную интеллектуально-политическую дискуссию как располагающую между полюсом левых интеллектуалов и загнанных в различные формы «эзотерической коммуникации» (Указ. соч. С. 151) «старых» правых и консерваторов (К. Шмитт, М. Хайдеггер и др.).

²⁴ Люббе Г. Карл Шмитт в восприятии либералов. С. 152.

²⁵ К числу основных работ Риттера — фактически небольших статей — об Аристотеле относятся следующие: «Учение о происхождении и смысле теории у Аристотеля» (1953); «Аристотель и досократики» (1954); «Гражданская жизнь. О теории счастья Аристотеля» (1965); «Политика» и «этика» в практической философии Аристотеля» (1963); «Естественное право» у Аристотеля» (1963). Все они представлены в сборнике: Ritter J. Studien zu Aristoteles und Hegel. S. 9–182.

²⁶ Ottmann H. Joachim Ritter // Nida-Rümelin J. (Hrsg.). Philosophie der Gegenwart in Einzeldarstellungen. Von Adorno bis von Wright. Stuttgart, 1991. S. 507.

диционной теории, с одной стороны, и критической — с другой». «В противоположность этому, — замечает Люббе, — компенсаторная теория исторических наук о культуре как раз выявляет реликтовый характер этого средства интерпретации»²⁷. Дискуссия о компенсаторной теории, рассмотренная в настоящей работе Люббе в аспекте роли наук о духе, в действительности затрагивает фундаментальный момент, который, несмотря на различные интерпретации как понятия «компенсация»²⁸, так и компенсаторной теории в целом, во многих отношениях объединяет позиции Риттера, Маркварда и самого Люббе. Дело в том, что понятие «компенсация» затрагивает важнейший момент исторической и теоретической интерпретации общества модерна, первоначально изложенной Риттером в его работе «Гегель и французская революция»²⁹. Основная заслуга этой работы — формулировка комплексной теории общества модерна, обладающей весьма широким эвристическим и практическим потенциалом³⁰. Объяснительные возможности этой теории позволяют не только прояснить основные структурные особенности общества модерна, но и раскрыть причины и механизмы формирования основного спектра теорий и позиций, направленных против общества и культуры модерна, которые могут располагаться как в политической плоскости «правые — левые», так и в плоскости взаимоотношений «личность — общество», распространяясь и на более специальные области, в частности, в контексте упомянутой дискуссии между Шнедельбахом и Люббе, на дихотомию «традиционалистский консерватизм — критика». Выступая как противоположные, разные полюса этой критики единоклассны, однако, в том, что равным образом отрицают общество модерна, стремясь ликвидировать его *раздвоенный* характер, что, по мнению Люббе, в случае успешной и последовательной реализации этого отрицания приводит не к его предполагаемому улучшению, а к ликвидации его принципиальных оснований. В политическом плане эта интерпретация позволила Риттеру и его ученикам сформулировать идейно-политическую позицию, защищавшую либерально-демократический строй ФРГ, основанный на действительности права и разделении властей, от попыток поставить ее под сомнение и лишит легитимности как со стороны правых, так и — что было более актуально в рамках послевоенной истории республики — со стороны левых критиков (прежде всего — представителей Франкфуртской школы). Одо Марквард выразил суть позиции, первоначально сформулированной Риттером, следующим образом: «Противоположностью правому тоталитаризму является не левый тоталита-

²⁷ Наст. изд., с. 280.

²⁸ Понятие «компенсация» в рамках данной традиции не сводится к ее психоаналитической трактовке. О генезисе понятия см., например: *Marquard O. Kompensation // Historisches Wörterbuch der Philosophie. Bd. 4. S. 912–918.*

²⁹ *Ritter J. Hegel und die französische Revolution (1956) // Ritter J. Metaphysik und Politik... S. 183–233.*

³⁰ С точки зрения ее эпистемологического статуса теорию модерна школы Риттера уместно назвать исторической герменевтикой современности, она не является набором произвольно утверждаемых гипотетических тезисов, но основана на аналитической экспликации значимых структурных моментов современной культуры и общества.

ризм, а либеральная демократия. Позицией, противостоящей отрицанию буржуазности, является не другое отрицание буржуазности, а отрицание этого отрицания буржуазности, а именно — представленная философией Риттера — философия мужества к буржуазности»³¹. Но потенциал теории модерна школы Риттера далеко не ограничивается политической проблематикой. С известной долей условности, к которой побуждает схематизм, игнорирующий множество важнейших нюансов, можно сказать, что она также в целом структурирует ту модель объяснения и понимания современного общества, которая позволяет Люббе уверенно обращаться к анализу множества самых различных аспектов культуры и цивилизации общества модерна, изложенных в работе «В ногу со временем». Кратко поясним специфическое понимание особенностей общества модерна в его первоначальном виде, сформулированном Риттером.

Амбивалентная структура общества модерна, согласно Риттеру, была выявлена Гегелем, определившим ее с помощью понятий «раздвоение» (*Entzweiung*) и «различие» («*Differenz*») ³², которые, в том числе, маркируют принципиальную «дисконтинуальность» общества модерна по отношению к предшествующим историческим периодам. Структура «раздвоения» имеет множество аспектов, однако они сходятся в том, что во всех случаях речь идет о специфическом разрыве между историческим «происхождением» (*Herkunft*) общества модерна и его настоящим и будущим (*Zukunft*). Речь идет, в первую очередь, о раздвоении в области права как сферы реализации всеобщей свободы индивида: универсальность права, осуществленного в рамках современного государства и его институтов, действует здесь независимо от исторического «происхождения» индивида: «*Значение человека в том, что он человек, а не в том, что он еврей, католик, протестант, немец, итальянец и т.д.*»³³. Осуществление универсальной свободы в праве снимает, таким образом, все социально-сословные, национальные, религиозные и др. специфические исторически обусловленные особенности происхождения индивида. Второй сферой «раздвоения» является гражданское общество, где индивид теперь выступает как независимый от истории своего происхождения носитель экономических интересов. Гражданское общество Гегель, основываясь на работах современных ему британских экономистов, понимает как сферу, где индивиды свободно руководствуются лишь собственными потребностями, удовлетворить которые они могут посредством участия в экономической системе, основанной на разделении труда³⁴. При этом не только индивид получает свободу в отношении своих потребностей, но и семья, утрачивающая свое значение как всеобъемлющая экономическая единица, становится общностью, «в которой человек может жить сам по себе в своей

³¹ Marquard O. *Positivierte Entzweiung*. S. 456.

³² Термины, регулярно встречающиеся в работах Гегеля. Поскольку, однако, ключевой для интерпретации Риттера является «Философия права», то наиболее часто цитируемые Риттером контексты отсылают именно к ней, а именно: к § 184, § 182 (Прибавление), § 33. Синонимом понятия «раздвоение» в определенных случаях можно считать также понятие «отчуждение» в понимании Маркса, ср.: *Roth F.* *Op. cit.* S. 5.

³³ Гегель Г.В.Ф. *Философия права*. М.: Мысль, 1990. С. 246 (§ 209).

³⁴ Там же. § 188.

субъективности, связанный со своими близкими личным отношением любви»³⁵. Наконец, и здесь берет начало длительная дискуссия, к которой — подводя ей итог — «метакритически» обращается в настоящей работе Люббе, речь идет о раздвоении, связанном с современной наукой, техникой и научно-техническим прогрессом, в основе которых лежит идея о практическом овладении природой, а тем самым и об освобождении человека от господства довлеющих над ним природных условий. Теология и философия, понимаемая как метафизика, утрачивают здесь всякое значение, а наука становится «позитивной наукой» в том смысле, какой придал ей Огюст Конт, значение и функции которой никак не связаны с ее историческим «происхождением». Однако, формулирует свой главный тезис Риттер, в обществе и культуре модерна существует и обратная тенденция, уравновешивающая эту неисторичность. Для ее определения Риттер как раз и вводит второе ключевое понятие своей теории общества модерна — понятие компенсации: «На этой конститутивной и неустранимой для общества модерна абстрактности и неисторичности основывается принадлежность к нему наук о духе. Они развиваются на его почве, так как обществу необходимым образом требуется орган, который компенсирует его неисторичность, сохраняя открытым и актуальным для него тот исторический и духовный мир, который это общество должно оставлять вне себя»³⁶. Здесь Риттер обращает внимание прежде всего на гуманитарные науки («науки о духе») и их необходимую функциональную роль в культуре модерна, обосновывая тем самым необходимость их присутствия в структуре современного университета³⁷. При этом в статье дан также ряд точных замечаний, открывающих более широкий горизонт понимания динамики современной культуры, а именно той ее характеристики, которую Люббе в настоящей работе определяет как «историзм» и «историческое сознание», уникальным образом характеризующее культуру модерна. Согласно Риттеру, «историческое чувство», которым наделена культура модерна, «фундаментально и сущностно» отличает его от того, «каким образом народы в континуальности своей исторической жизни действуют в отношении своего прошлого». Этот тезис он поясняет весьма выразительно: «Когда боги умерли и вера, вдохновляющая их почитание, исчезла, тогда храмы, которые им принадлежали, утратили свою достопримечательную красоту и превратились просто в камни и стены. Другой исторический мир мог использовать их лишь как вещь, в которой не обитает больше никакой дух»³⁸. Последний тезис можно проиллюстрировать на актуальном материале текущих событий, связан-

³⁵ Ritter J. Subjektivität und industrielle Gesellschaft. Zu Hegels Theorie der Subjektivität (1961) // Ritter J. Metaphysik und Politik... S. 374.

³⁶ Ritter J. Die Aufgabe der Geisteswissenschaften in der modernen Gesellschaft (1963) // Ibid. S. 399.

³⁷ Тем самым Риттер смог легитимировать положение историко-культурного и историко-философского знания в структуре университета, предложив для него перспективу, отличную от весьма пессимистического вывода Гельмута Шельски о превращении современного университета исключительно в «современное предприятие», утратившее образовательно-гуманитарную функцию (см. Шельски Г. Уединение и свобода. К социальной идее немецкого университета // Логос. 2013. № 1 (91). С. 65–86).

³⁸ Ritter J. Die Aufgabe der Geisteswissenschaften... S. 395–396.

ных, например, с действиями религиозных фундаменталистов по отношению к историческим памятникам в Афганистане, Ираке и Сирии, которые весьма наглядно показывают, что означает ликвидация раздвоенности культуры модерна и возвращение ей традиционной целостности, лишенной историзма как необходимой сущностной черты этой культуры. Хотя в последнем случае речь идет о демонстративном отрицании цивилизации модерна (которая давно уже не является «европейской», но присутствует повсюду, где обнаруживается описанная выше структура), но аналогичные следствия имеют — что показывает драматическая история как Германии, так и России XX в. — и другие попытки упразднить ее амбивалентную сложность, выраженную в структуре раздвоения, и привести ее к целостному, гомогенному и, как поначалу кажется, свободному или справедливому порядку.

Теория модерна, сформулированная в школе Риттера, первоначально широко использовалась его основными последователями в рамках политической дискуссии — для осмысления и легитимации политического строя ФРГ, в частности, как замечает Люббе в своем сборнике интервью, против «попыток новых левых поставить под сомнение политическую и моральную легитимность западногерманского государства, основываясь на реконструированной марксистской традиции». «Все это, — продолжает он, — принадлежит, впрочем, далекому прошлому. Вместе с крахом реально существующего социализма и теми последствиями, которые оно имело для мировой политики, угасла, сократившись до маргинальных остатков, и старая немецкая склонность к тому, чтобы не пребывать в мире с самим собой. Нормальное состояние, которое сейчас установилось в Германии, отмечено в основном тем грузом проблем, которые *mutatis mutandis* вообще связаны с эволюцией современной цивилизации»³⁹. Без преувеличения можно сказать, что теория модерна школы Риттера вышла из длительных идеологически-политических схваток как философия победителей, а политическая проблематика в работах Люббе последнего периода сместила к широкому спектру проблем философии культуры, проблемам современной глобальной цивилизации (в частности, возрождению роли религии), различным аспектам европейской политики⁴⁰. Стоит также обратить внимание, что исследования и размышления, изложенные в настоящей книге, пронизаны и фундированы чрезвычайно обширной историей дискуссий, которые Люббе вел на протяжении всей своей жизни. В самой работе они могут быть не артикулированы, но внимательный читатель, безусловно, распознает серьезные скрытые полемические мотивы, которые стоят за отдельными тезисами работы. В частности, следы полемического отношения к коммуникативной

³⁹ Hermann Lübbe im Gespräch. S. 9. Несмотря на то что полемика с «новыми левыми» утратила свою первоочередную актуальность, отметим, тем не менее, что в силу «центристского» характера аргументы Люббе и Маркварда вполне могли бы сыграть роль в критике так называемых «новых правых», на сегодняшний день представляющих широко обсуждаемую проблему в Германии.

⁴⁰ На русском языке см.: Люббе Г. Право оставаться иным. К философии регионализма // Политическая философия в Германии. М.: Современные тетради, 2005. С. 53–69; Люббе Г. Что такое народ? Новая актуальность права на самоопределение // Политическая философия в Германии. С. 102–109.

теории (прежде всего — Юргена Хабермаса, но также и Карла-Отто Апеля⁴¹) можно найти в анализе научного коммуникативного сообщества⁴², а критику «философии публичности» Хабермаса — в ремарках относительно выведения в сферу публичности вопросов, которые должны решаться экспертами и специалистами⁴³. Важный и, в известной мере, преемственный для консервативной и скептически-технократической немецкой традиции⁴⁴, сквозной момент настоящей работы Люббе — решительное, а иногда — снисходительно-ироническое неприятие претензий ангажированных интеллектуалов и «критических критиков» на привилегированную точку зрения⁴⁵. Данную работу также отличают такие характерные для Германа Люббе установки, как философия «здравого смысла» (*common sense*), противопоставленная, среди прочего, любым формам «идеализма», понятого как слепое следование идеалам, пренебрегающим традиционной моралью и обыденным рассудком; аффирмативное отношение к действительности модерна; «апология» буржуазных жизненных миров; внимание и интерес к региональной и локальной культурной жизни немецкого общества — что само по себе маркирует фундаментальную трансформацию проблематики в контексте немецкой философской традиции.

СТРУКТУРНАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Работа «В ногу со временем» наиболее полным, хотя и не исчерпывающим образом репрезентирует один из аспектов интеллектуального творчества Германа Люббе, а именно то его направление, которое можно назвать философией культуры цивилизации модерна. Выражаясь точнее и в соответствии с немецкой традицией, ее, впрочем, следовало бы назвать культур-философией — по той же причине, по которой сегодня ряд современных направлений анализа культуры именуют себя культур-социологией⁴⁶. Причина заключается в том, что анализ культуры не осуществляется здесь, исходя из некоторой предза-

⁴¹ См., в частности: *Апель К.-О.* Коммуникативное сообщество как трансцендентальная предпосылка социальных наук // *Апель К.-О.* Трансформация философии. М.: Логос, 2001. С. 193–236.

⁴² Наст. изд., с. 231 и далее.

⁴³ Наст. изд., с. 401 и далее. О критической позиции Люббе, Маркварда и Шпемена по отношению к коммуникативной теории дискурса см. *Hacke J.* Philosophie der Bürgerlichkeit. S. 194–204.

⁴⁴ Ср., например: *Филиттов А.* Арнольд Гелен и Гельмут Шельски // Куренной В. (ред.). История и теория интеллигенции и интеллектуалов. М.: Наследие Евразии, 2009. С. 274–313.

⁴⁵ Ср.: «Верно, что интеллектуальные школы (*Denkschulen*) сегодня быстро устаревают. Тот, кому не удастся выбраться из реликтовой позиции, на которую он обречен как интеллектуал, уже больше не понимает мир, так что ему, для того чтобы сделать современность отвечающей его свежей критико-теоретической ориентации, не остается ничего другого, как в каждом не предусмотренном в его собственной концепции новшестве предполагать ренессанс старого зла». (Наст. изд., с. 285.)

⁴⁶ Эта понятийная трансформация достигла теперь и англоязычного мира и была популяризована, в частности, Джефффри Александером. Ср.: *Александр Д.* Смыслы социальной жизни: Культурсоциология. М.: Практикс, 2013.

данной философской системы, а исходными являются смысловые структуры современной культуры, реализующиеся в различных практиках — как повседневных, так и специализированных.

Теория модерна Риттера, что показывает в своей развернутой историко-герменевтической работе Марк Шведа, была весьма тесно связана с метафизической подоплекой интерпретаций Риттера, разворачивающейся в пространстве западной мысли, начиная с Аристотеля. У Люббе этот метафизический фон фактически полностью исчезает⁴⁷, уступая место развернутой структурно-аналитической дескрипции культуры модерна, воздерживающейся не только от обширных обобщений в духе философии истории, но и от оценочного отношения к динамическим тенденциям культуры модерна. Применительно к последнему аспекту Люббе поясняет свою позицию следующим образом: «Описываются функциональные взаимосвязи, тогда как причины, которые, вообще говоря, хотелось бы иметь, для того чтобы морально и эмоционально сочувствовать или не сочувствовать современной цивилизации, не являются темой данной книги»⁴⁸.

⁴⁷ «Место философско-исторического истолкования современного раздвоения, разворачивающегося на фоне метафизической традиции западноевропейской философии, — замечает М. Шведа в отношении Люббе, — у него в итоге занимает дескриптивная культур-философия современной цивилизации, сущностно определяемой ускорением изменений. Перенос теоремы компенсации Риттера из одного теоретического контекста в другой имеет глубокие последствия для ее философского содержания. Для Риттера формирование исторического чувства было связано, преимущественно, с теоретической актуализацией исторических взаимосвязей реальности, которым больше не уделяется внимания в современном “неисторическом” обществе. Для Люббе, напротив, вся историческая культура модерна служит, в первую очередь, “компенсации утраты привычности, обусловленной темпом изменений”, настоятельная потребность в которой возникает вследствие увеличившейся динамики развития цивилизации. Она нацелена, таким образом, в первую очередь не на объективное установление исторических фактов, но в ходе социальной трансформации берет на себя функцию “стабилизации нашего сознания посредством переживания познания известного”» (*Schweda M. Entzweigung und Kompensation... S. 398*).

⁴⁸ Наст. изд. С. 12. Подобное «воздержание от оценок» (Макс Вебер) само по себе можно понимать как следствие консервативной философской позиции, которая «оставляет все так, как оно есть» (Людвиг Витгенштейн, «Философские исследования», § 124). Отношение Люббе к цивилизации модерна равно дистанцировано как от наивных теорий «модернизации», оптимистически понимающих модерн как цивилизацию прогрессирующего развития в направлении лучшего будущего, так, например, и от пессимизма Арнольда Гелена (с антропологией и теорией институтов которого представитель школы Риттера связывает множество нитей), который усматривал в культуре модерна, прежде всего, факторы, способствующие разрушению антропологически необходимых институтов (см.: *Руткевич А.М. Теория институтов Арнольда Гелена // История философии. М., 2000. № 5. С. 35–71*). Повторяющаяся метафора, заимствованная из современного искусства, которую Люббе использует для пояснения ускоряющейся цивилизации модерна, имеет, тем не менее, ярко выраженный драматический характер: это скульптура «экспоненциальной лестницы», «начало которой уютно и привлекательно, затем высота ступеней резко возрастает в ущерб их ширине, и тот, кто продолжал бы дальнейшее движение по ней, быстро достиг бы такой точки, после которой следует падение вниз». (Наст. изд., с. 30, с. 378.)

Методология анализа, используемая в философии культуры Люббе, не получает в книге «В ногу со временем» развернутого обоснования, предполагая, скорее, верификацию силами способности суждения ее читателя. Сам он мимоходом характеризует ее как «феноменологию эволюционной динамики нашей современной культуры»⁴⁹. «Вклад Люббе и Маркварда в культур-философию прогресса является, — поясняет Йенс Хаке, — дескриптивно-феноменологическим: они обнаруживают феномены компенсации в нашей современности и историческом прошлом, чтобы — позитивно — утвердить их необходимость или — критически — снять маску с тех механизмов, которые “компенсируют реальность” в идейно-политической сфере»⁵⁰. Момент, который здесь подмечен, на наш взгляд, совершенно верно, состоит в том, что философию культуры Германа Люббе можно определить как серьезное обновление феноменологической философии, дистанцирующейся от методологии имманентного анализа сознания в духе Эдмунда Гуссерля и, с опорой на некоторые моменты реалистической феноменологии (прежде всего — Вильгельма Шаппа), обращающейся к сущностному анализу и аналитической экспликации смысловых структур значительных сегментов как нашей повседневности, так и некоторых специфических — научных, музейных и т.д. — практик историзированной культуры модерна. Данная адаптация у Люббе включает несколько архитектурных моментов. Прежде всего — отказ от области «чистого сознания» как исключительного медиума феноменологического анализа. Для Люббе таковым медиумом становится сфера повседневных жизненных миров и некоторых специальных практик (архивное дело, библиотеки, обращение с научной информацией), анализ которых хотя и не дает беспредпосылочного априорного знания, однако имеет другие преимущества, связанные с опорой на объективные и бесспорные элементы жизненного мира (вроде роста численности музеев, памятников архитектуры, садовых товариществ или распространения органайзеров и календарей) и богатую сферу исторического прошлого. Феноменологическая методология «варьирования в фантазии» замещается здесь вниманием к историческим и современным деталям жизненного мира, способным обогатить анализ конкретными моментами, недоступными для рефлексивной «философии письменного стола».

На этой методологической основе изменяется, усложняется и обогащается структура концептуальных инструментов анализа, которые использует Люббе применительно к различным сферам современной культуры — искусству авангарда, практике памятников сохранения культуры, архивному делу, проблемам, связанным с возросшей динамикой роста научной информации, различными областям нашей повседневности и т.д. В статье «Опыты времени. Семь понятий для описания цивилизационной динамики модерна»⁵¹, опубликованной после выхода первого издания книги «В ногу со временем», Люббе резюмировал основные дескриптивно-аналитические характеристики современного

⁴⁹ Наст. изд., с. 263.

⁵⁰ *Hacke J. Philosophie der Bürgerlichkeit. S. 73.*

⁵¹ *Lübbe H. Zeit-Erfahrungen. Sieben Begriffe zur Beschreibung moderner Zivilisationsdynamik. Akademie der Wissenschaften und der Literatur zu Mainz. Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse. Jahrgang 1996. Nr. 5. Stuttgart, 1996.*

общества перечнем из семи понятий (понимаемых как схемы «когнитивного различения и соединения»). Приведем их краткую характеристику.

- *Прецепция*: предвосхищающее представление современников о том, что будет интересовать будущие поколения в их собственной истории, определяющее соответствующие практики этого предвосхищения, например, в архивном деле.
- *Сокращение настоящего*: сжимание периода постоянства жизненных условий.
- *Экспансия будущего*: комплементарно к сокращению настоящего будущее в хронологическом отношении наступает все быстрее, но является все менее предсказуемым. Вследствие этого, в частности, в обществе модерна приобретают столь важное значение такие вторичные добродетели, как пунктуальность и умение обращаться со временем.
- *Рост множества реликтов*: возрастание числа тех элементов культурных, социальных или природных систем, которые в силу эволюционных изменений потеряли свои первоначальные функции. Культурно значимой формой обращения с реликтами цивилизации является их музеефикация, что выражается в росте числа музеев, расширении практик охраны памятников и т.д.
- *Эволюционная иллагинарность*: понятие, полемически направленное против представления об историческом процессе как однонаправленном движении вперед, не учитывающего, что вместе с динамикой цивилизации модерна увеличивается и ее разнонаправленность. Именно поэтому «каждая динамическая цивилизация является в то же время консервативной цивилизацией».
- *Сетевая концентрация* (или «уплотнение сетей» — «Netzverdichtung»): увеличивающаяся социальная и экономическая взаимозависимость отдельных индивидов, институтов и регионов, начиная от транспортных сетей и заканчивая сетями коммуникации. В культурном отношении концентрация сетей ведет к культурной экстерриториальной гомогенизации в плане доступа к товарам и информации. Компенсаторно к этому возникает стремление к консервации и актуализации специфических особенностей локальных элементов.
- *Эмпирическая апокалиптика*: современные формы ожидания конца света, основанные на эмпирических данных (ожидаемые последствия ядерной войны, климатических изменений и т.д.). Эти научно-фундируемые формы ожидания не являются, тем не менее, прогнозами: в динамически развивающейся цивилизации спрогнозировать будущее все труднее, вследствие этого эмпирическая апокалиптика остается сомнительным предприятием.

Содержание некоторых из перечисленных понятий подробно и исчерпывающим образом раскрыто в книге «В ногу со временем», тогда как другие едва или почти не затронуты на сколько-нибудь значительном материале. Впрочем, модели структурного анализа, используемые Германом Люббе, достаточно консистентны для того, чтобы их можно было транспонировать на области культуры, которые почти не затронуты в настоящей работе или же — в точном соответствии с тезисом Люббе об ускорении культурной динамики и «сокращении настоящего» — успели сформироваться после ее появления. Так, рассмотренные Люббе на примере традиционных архивов парадоксальные проблемы, с которыми сталкивалась культура сохранения памяти о настоящем

с целью передачи ее будущим поколениям, не исчезают, как может показаться на первый взгляд, вместе со снятием ограничений на физический объем сохраняемой оцифрованной информации, но, трансформируясь, воспроизводятся как структурные сложности поиска и ориентации в стремительно растущем объеме информации, устаревания средств доступа к ней и т.д., а всякий, кто пережил поломку жесткого диска своего компьютера, с которого не была снята заблаговременная копия, поймет, какие существенные риски имеет новая цифровая эпоха с точки зрения личного или семейного архива.

О НАСТОЯЩЕМ ИЗДАНИИ

Недостаточная известность работ Германа Люббе за пределами немецкого контекста не в последнюю очередь связана с тем, что он является чрезвычайно сложным автором, язык которого весьма далек от обычного понятийного строя философских и гуманитарно-теоретических работ. Его отличает, во-первых, специфическая усложненность и тяжеловесность синтаксиса, выстроенного как ироничная игра, где энергичность формулировок соседствует с тавтологичностью философского дискурса, с одной стороны, и тяжеловесностью немецкого канцелярита — с другой. Во-вторых, его работы далеки от понятийной лексики философского трактата в силу дотошного погружения в детали различных жизненных миров, всевозможных повседневных и специализированных (например, инженерных) практик. Переориентация философии на локальные детали, подробности жизненных миров и те сферы деятельности, которые давно являются уделом профессионалов (будь то архивы или библиотеки), проявляется здесь непосредственно на уровне языка и создает особые сложности для перевода в силу, в том числе, их неполной межкультурной соизмеримости. В-третьих, трансформация философской проблематики заставляет Люббе вводить целый спектр новообразованных аналитических понятий, далеких от школьного философского языка — достаточно обратиться к предметно-тематическому указателю этой книги, чтобы оценить эту инновативность, например, в части понятий, связанных со временем. Наконец, работы Люббе насыщены — не всегда артикулированно — терминологией, заимствованной из самых разных философских традиций — феноменологии, аналитической философии языка и др., что предъявляет к переводу особые требования с точки зрения компетентного владения всем спектром современных философских традиций. Можно, пожалуй, сказать, что работы Люббе сами по себе выражают еще один аспект «раздвоения» современной культуры, где, с одной стороны, формируется глобальная, делокализованная гуманитарная культура, представленная в международных реферируемых журналах и в интернациональной кампусной гуманитарной науке, которая, с другой стороны, дополняется сосредоточенным проникновением в прогрессирующие сложности и детали локальной и национальной культуры. И если первая отличается глобальной известностью и узнаваемостью, то вторая — непосредственным влиянием и участием в локальных социокультурных процессах.

Сложности перевода начинаются уже с названия настоящей работы. Для перевода используемого в нем выражения «Im Zug der Zeit» Николай Плотно-

ников⁵² предложил в свое время выразительный вариант «В ногу со временем». Однако этот перевод мы приняли не без колебаний, обратившись за консультациями к самому Герману Люббе. Все же в русском языке выражение «в ногу со временем» обладает несомненным авангардистским оттенком: «шагать в ногу со временем» — значит, во многом, находиться в строе тех, кто марширует вперед. Однако то состояние актуальности, на которое указывает выражение «Im Zug der Zeit», у Люббе основано на метафоре менее однозначной, чем строевое движение в одном направлении. Это образ «илламинарного» течения: «В отличие от реальных потоков, которые дарят нам метафору о потоке истории, с расстоянием от источника скорость течения не падает, а возрастает, и вместе с этим снижается ламинарность, т.е. равнонаправленность течения. Скорости поступательного движения дифференцируются. Возникают водовороты, где нет движения вперед, а только вращение на месте, в омутах вообще все стоит недвижно, и здесь развивается и преуспевает то, что может развиваться и преуспевать только в состоянии покоя»⁵³. С учетом этой поправки и необходимо, таким образом, прочитывать название настоящей книги.

Перевод работы «В ногу со временем» был выполнен в основном Алексеем Григорьевым — за исключением главы 1.2 «Охрана памятников, или Парадоксы стремления старое вновь сделать старым» и Послесловия, которые были переведены Виталием Куренным. В главе 3.2 «Политический авангардизм, или Прогресс и террор» использован фрагмент перевода, сделанный Николаем Плотниковым. Перевод Алексея Григорьева был основательно переработан в ходе сверки и редактуры.

За консультации по отдельным вопросам, связанным с переводом, мы хотели бы поблагодарить самого Германа Люббе, оказавшего всяческую поддержку нашей работе. Ольга Эдельман помогла нам разобраться с некоторыми тонкостями терминологии архивного дела. Александр Сувалко дополнительно вычитал отдельные главы настоящей книги. Алёна Колесникова, Александра Скоробогатская и Валерия Шалаева взяли на себя труд по упорядочиванию «Указателя имен» и «Предметно-тематического указателя». Мы также хотели бы поблагодарить Сергея Коростелёва, а также Сергея Лаишевцева и всех сотрудников базы отдыха Эко-парка «Зюраткуль» (Челябинская область), которые предоставили нам возможность выполнить значительную часть работы по подготовке этой книги. При написании нашего предисловия мы не только опирались на публикации Ульриха Дирзе, Райнхарта Мауэра, Марка Шведа, Йенса Хаке, но также в течение 2015 г. имели возможность во время встреч с ними лично обсуждать некоторые вопросы, связанные с историей школы Иоахима Риттера. Каждая из этих встреч была необычайно ценной для нас. Наконец — last but not least, — мы хотели бы поблагодарить коллектив Издательского дома Высшей школы экономики за терпение, которое потребовалось при подготовке настоящего издания, работа над которым заняла намного больше времени, чем планировалось изначально.

⁵² См. примеч. 1.

⁵³ Наст. изд., с. 28.

ГЕРМАН ЛЮББЕ

В НОГУ СО ВРЕМЕНЕМ.

СОКРАЩЕННОЕ

ПРЕБЫВАНИЕ

В НАСТОЯЩЕМ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Научно-техническая цивилизация является цивилизацией, обращенной к прошлому. Прежде такого не было. Интенсивность наших усилий по актуализации прошлого не имеет исторических аналогов. Об этом говорит хотя бы тот факт, что наряду с динамическим развитием нашей цивилизации одновременно растет число музеев, а модернизация* нашего градостроительного жизненного пространства дополняется заботой об охране исторических памятников.

Почему же именно современная цивилизация культивирует сознание своей собственной историчности? Что заставляет нас сегодня — в противовес нашей специфически современной нацеленности на будущее — как никогда прежде интересоваться прошлым? Ответ на эти вопросы предполагает осведомленность относительно ускоряющегося характера нашей цивилизационной эволюции. Чем быстрее протекают объективные изменения наших жизненных отношений, тем настоятельнее заявляет о себе субъективный опыт того, что мы, в сущности, сами уже неспособны распознавать в современности даже наше недавнее прошлое. Благодаря прогрессу быстрота устаревания увеличивается в науке, технике и экономике, а три или четыре поколения, живущие одновременно друг с другом в современной культуре, различаются между собой не только возрастом, но и культурными особенностями, относящимися к различным историческим эпохам.

В больших¹ и малых² работах прошлых лет я старался разъяснить происхождение исторического сознания из опыта культурно-революционной динамики. При этом, в частности, мои взгляды в этом вопросе совпадают с мнением Райнхарта Козеллека: лишь тогда, когда в сознании современников разводятся

* Автор различает понятие «modern» (относящийся к эпохе модерна в смысле социально-теоретической и социально-исторической категории, а не искусствоведческой, как это более принято в России) и его производные и «gegenwärtig» (относящийся к настоящему времени, современный). В переводе это различие передается путем использования слов «модерновый» и «современный» — за исключением случаев, где понятие «модерн» не несет специфической концептуальной нагрузки. — *Здесь и далее все примечания, отмеченные звездочкой, сделаны редактором и переводчиком.*

¹ См. по этому поводу прежде всего главу «Evolutionäre Beschleunigung und historisches Bewußtsein» («Эволюционное ускорение и историческое сознание») в моей книге по теории исторического знания: *Lübbe H. Geschichtsbegriff und Geschichtsinteresse. Analytik und Pragmatik der Historie.* Basel; Stuttgart, 1977. S. 304–335.

² Ряд исследований по конкретным вопросам происхождения исторического интереса из опыта эволюционного ускорения перепечатаны в сборнике: *Lübbe H. Die Aufdringlichkeit der Geschichte: Herausforderungen der Moderne vom Historismus bis zum Nationalsozialismus.* Graz; Wien; Köln: Verlag Styria, 1989. Например, «Der Fortschritt und das Museum» («Прогресс и музей»), S. 13–29 или «Historisierung und Ästhetisierung» («Историзация и эстетизация»), S. 46–63.

«пространство опыта» и «горизонт ожидания»³, прошлое предстает как действительно прошедшее, т.е. необратимо завершённое, или актуальное разве что в преобразённом виде, а культурная эволюция, которая в ускорённом темпе отдаляет нас от прошлого, становится познаваемой как необратимая, единичная, непредсказуемо-открытая для будущего и тем самым как история в модерновом историческом (historistischen) смысле.

Но именно Козеллек при обсуждении этой темы в незабвенной исследовательской группе «Теория истории»⁴ озадачил всех, заявив, что для подтверждения тезиса об ускоряющемся характере цивилизационной эволюции трудно найти эмпирические доказательства. Имеется предостаточно журналистских свидетельств того впечатления, которое произвела на интеллектуалов предполагаемая гипердинамика нашей цивилизации⁵. Но скептики также высказали свое мнение, справедливо заявив, что с помощью субъективных впечатлений едва ли можно обосновать далекоидущие теоретико-культурные утверждения⁶.

Цель этой книги — наглядно продемонстрировать указанный ускоряющийся характер культуры модерна. Необходимые для этого материалы в значительной части уже давно представлены в хорошо известных работах наших историков. По понятным причинам результаты экономических и историко-технических исследований оказались при этом особенно интересными — от работ Ландеса⁷ до Линн Уайт⁸. Однако при чтении соответствующих публикаций у нас не будет недостатка и в философии, только с позиции которой результаты этих исследований приобретают теоретическое культурно-эволюционное измерение.

Ведь историческая наука несравнимо более философична, чем склонны полагать многие философы.

Однако в других случаях встречаются разбросанные и не связанные друг с другом случайные материалы, которые подходят для доказательства ускоряющегося характера нашей цивилизационной эволюции. Крайне разношерстные институты участвуют в создании или распоряжении этими материалами,

³ Koselleck R. "Erfahrungsraum" und "Erwartungshorizont" — zwei historische Kategorien // Koselleck R. *Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. Frankfurt am Main, 1989. S. 349–375.

⁴ Деятельность этой исследовательской группы, которая регулярно собиралась во второй половине 1970-х годов в Фонде Вернера Раймерса в Бад-Гомбурге, нашла отражение в ряде важных публикаций по теории истории. В качестве примера назовем следующее издание: *Kocka J., Nipperday Th.* (Hrsg.). *Theorie und Erzählung in der Geschichte. Theorie der Geschichte. Beiträge zur Historik*. Bd. 3. München, 1979.

⁵ См. в качестве примера: *Virilio P.* *Geschwindigkeit und Politik. Ein Essay zur Dromologie*. Aus dem Französischen übersetzt von Ronald Voullié. Berlin, 1988. (Под названием «Vitesse et Politique» впервые опубликована в 1977 г.)

⁶ См. наст. изд., с. 257 и далее.

⁷ *Landes D.S.* *Der entfesselte Prometheus. Technologischer Wandel und industrielle Entwicklung in Westeuropa von 1750 bis zur Gegenwart*. Köln, 1973.

⁸ *White L.* *Medieval Religion and Technology. Collected Essays*. Berkeley; Los Angeles; London, 1978.

а профессиональные отчеты о них и результаты теоретического осмысления публикуются в специальных журналах, ориентирующихся на профессиональные сообщества весьма пестрого состава. Что объединяет архивное дело с официальной статистикой? Как получается, что в управленческой сфере объем делопроизводства растет несравненно быстрее, чем число административных учреждений? Какие последствия вытекают отсюда для архивной практики и тем самым для практики сохранения источников исторического исследования нашего настоящего, когда в будущем оно станет прошлым? Как изменится — в техническом и культурном отношении — функция научных библиотек под влиянием сокращающегося периода обесценивающего полураспада научной литературы? Как объяснить, что в самых древних местах гуманистической культуры памяти, на наших кладбищах, в настоящее время быстро растет число так называемых анонимных захоронений, а это означает, что захороненные заранее хотели быть уверенными в том, что память о них, связанная с культурой кладбищ, больше не сможет сохраниться? Почему именно художественный авангард поощряет музейное искусство, и что заставляет нас воспринимать строения антиистористского архитектурного модерна как исторические сооружения?

Налицо исключительно разномастные вопросы. Тот, кто в работе с материалами, в отношении которых и возникают эти вопросы, — от актуальной истории кладбищенской культуры до архивного дела и от взаимодействий между патентным правом и технической эволюцией до подоплек актуальных планов в отношении библиотек-книгохранилищ — обратит внимание на отражающиеся в них временные соотношения в области культуры, будет удовлетворен в своем справедливом стремлении подтвердить тезис об ускоряющемся характере нашей цивилизационной эволюции. Тогда будет даже невозбранно находить тезис об ускоряющемся характере нашей цивилизационной эволюции тривиальным. Так и повелось в научной практике: стоит только, не жалея сил, найти доказательства того, над чем еще незадолго до этого подсмеивались скептики, как все уже считают это вполне очевидным. Однако нетривиальным остается сведение трудностей, с которыми мы сталкиваемся в нашей современной цивилизации, к исчерпанию институциональных и индивидуальных способностей культурной переработки инноваций. Границы есть и у способности памяти.

Тогда можно понять, например, и уже упоминавшуюся актуальную практику анонимных захоронений. Существуют феномены перегрузки исторического сознания, и не в последнюю очередь это проявляется в так называемом постмодерне. Нетривиальны также культурные феномены специфической для модерна культуры обращения со временем. В динамической цивилизации время становится, с одной стороны, короче, и как никогда прежде мы зависим от инструментов его рационального использования и от темпорального, все более заблаговременного планирования. Вот и добродетель пунктуальности оказывается специфической особенностью модерна. Без нее мы не были бы способны к темпоральной координации действий в социальных жизненных ситуациях, из-за чего многие коммуникативные возможности были бы упущены. С другой стороны, используемый для развития экономики научный и тех-

нический прогресс означает не в последнюю очередь прогресс производительности труда, т.е. увеличение производства в единицу времени, а этот прогресс производительности высвобождает свободное — прежде всего свободное от выполнения профессиональных обязанностей — жизненное время. Как никогда прежде в какой-либо культуре сегодня для индивидуумов расширяются пространства жизненного времени, в которых ничего не происходит, а если и происходит, то по собственному желанию. Продуктивный ответ на этот вызов имеет предпосылки и последствия, анализ которых составляет последующую часть этой книги. В целом вырисовывается картина темпоральной структуры нашей культуры модерна, которая за пределами историко-философских теорий о прогрессе и упадке нуждается в эволюционно-теоретической интерпретации нашей культурной ситуации современности. Вот и для этого могла бы послужить данная книга.

Подробное введение предоставляет возможность для предварительной ориентации в сути содержания и во взаимосвязи ключевых глав книги. При этом пришлось отказаться от доказательств. Указатели содержат все упомянутые в тексте и в примечаниях имена, а также важнейшие понятия, в особенности вводимые здесь новые понятия.

Философы по роду своей профессии не знакомы с большей частью материалов, теоретически осмысляемых в этой книге. Вот я смог вникнуть в них только с помощью советов, охотно предоставляемых мне в подробных обсуждениях специалистами. За это приношу благодарность многим из них. В качестве адресата моей признательности особо позволю себе упомянуть в отношении архивного дела господина архивного директора доктора Вальтера Деетерса из Ауриха (Остфризланд); в области официальной статистики президента Статистической службы земли Баден-Вюртемберг, господина профессора доктора Макса Вингена; в отношении библиотечного дела бывшего директора Германской библиотеки во Франкфурте-на-Майне, господина профессора доктора Гюнтера Пфлюга; в этой же сфере также выражаю благодарность моему брату Райнеру Люббе, дипломированному сотруднику земельной библиотеки в Ольденбурге; за консультации в области современного искусства приношу благодарность моему к этому времени уже покойному бывшему коллеге по Бохумскому университету Максиму Имдалю, а также моему коллеге, сотрудничавшему со мной в течение многих лет, историку искусства лиценциату философии Алоизу М. Мюллеру. Теоретические аспекты цивилизационной эволюции я имел возможность часто обсуждать с Бруно Фричем, моим коллегой по Швейцарской высшей технической школе в Цюрихе. Ему я тоже хотел бы выразить мою особую благодарность, а не в последнюю очередь также и моим друзьям Карлфриду Грюндеру и Одо Маркварду за многочисленные беседы о происхождении исторических наук о культуре из духа модерна.

Время элементарного вникания в специальные области, на которые не распространяются *eo ipso* полномочия философов, легло на моих теперешних сотрудников — госпожу лиценциата философии Сидонию Блеттлер Шиманн, господина лиценциата философии Тобиа Беццолу, господина доктора Давида Боссхарта и господина доктора Марко Мольтени. Им я благодарен — поми-

ПРЕДИСЛОВИЕ

мо возможности обсуждения специальных проблем — за литературную обработку, за помощь при корректуре, а также за составление указателей. Госпожа Грете Штоль-Лангенберг обеспечила техническую подготовку рукописи. Эта технология сегодня достаточно сложна, и только владеющий ею может помочь как автору, так и издателю. Это было обеспечено здесь не в последнюю очередь благодаря многообразному дружескому содействию, оказанному во всех вопросах по программированию господином доктором Алоизом Рустом.

В заключение приношу благодарность Фонду Фрица Тиссена, помощь которого позволила мне на некоторый период освободиться от академической рутинной работы и удалиться в уединенную келью. Без такой разгрузки общие затраты времени на работу над книгой пришлось бы удвоить.

Цюрих, осень 1991 г.

Герман Люббе

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

В третьем издании книга «В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем» также оставлена без изменений, не считая несущественных корректур. Внимание, которое она вызвала, тем не менее побудило развить некоторые ее тезисы и аналитические подходы в послесловии, учитывающем одобрительные отзывы и критику, а также некоторые важные и значительные новые публикации, посвященные теме времени. При этом я ограничился четырьмя существенными вопросами, которые рассмотрены в параграфах «Сокращение настоящего. Новое понятие вызывает интерес», «Выигрыши во времени и актуальность моралистики времени», «Издержки времени как смысловая граница инноваций» и «Расцвет наук о духе и будущее воспоминания».

Цюрих, осень 2002 г.

Герман Люббе

ВВЕДЕНИЕ

Борцы с музеями среди авангардистов, и прежде всего Маринетти, критиковали музеи как кладбища искусства. Музеефицированное искусство — мертвое искусство, а музеи — просто мормги. Эта метафорика стала для нас привычной. Еще в конце 1960-х годов ее риторически подновили, преследуя свои цели, касающиеся политики в области искусства. Даже известные директора музеев, конформистски уступая давлению мимолетного духа времени той эпохи, заявляли, что музеефицированное искусство — это вымершее искусство. Но даже если бы так оно и было, все же, заглядывая в прошлое, мы терялись бы в догадках, почему Маринетти выводил отсюда назревшую необходимость ликвидации музеев. В его футуристической антикладбищенской полемике подчеркивалась несовременность того, что итальянцы, как и жители других стран, как и прежде, дорожили своими кладбищами. Где бы еще вместе с покойниками стремились по возможности похоронить и память о них? Только в тоталитарных режимах нашего столетия было такое возможно, если, конечно, мертвец были мертвыми врагами. Тоталитарные вершители исторического смысла действительно пытались вместе с жертвами ликвидировать продолжение их жизни в памяти потомков. Истреблялись даже их имена, а облик их массовых захоронений меняли до неузнаваемости.

Контраст этому составляет культурная нормальность продолжающегося присутствия мертвых в памяти, а кладбище является важнейшим местом в этой культуре памяти. Наши историки со своей стороны историзировали богатую и разнообразную историю этой культуры памяти. Историография кладбищ есть живая часть истористской актуализации прошлого, характерной для цивилизации модерна. Память, которой служит кладбище, в соответствии со своим происхождением и сохраняющимся смыслом не является — в своей банальной форме — памятью в духе историзма. Тем не менее сегодня воспоминание о мертвых также несет отпечаток культуры памяти в духе историзма. Это относится уже к индивидуально-ориентированному воспоминанию о мертвых, которое во многих регионах развивалось на реформированных кладбищах XIX в. Информация на надгробиях, указывающая на титул, профессиональную принадлежность и данные об основании фирм, говорят об успешных буржуазных карьерах, которые при жизни уже увековечивались в форме автобиографий и которыми, в случае знаменитостей, грядущие поколения начали интересоваться в локально-историческом, да и биографическом аспектах. Старинная привилегия увековечивать свое имя, высекая его резцом на камне, которая на домодерновых церковных кладбищах не могла стать общим правом ни из-за нехватки места, ни по экономическим причинам, подверглась демократизации, и к настоящему времени почти каждый человек может рассчитывать на то, что его имя в связи со смертью будет сохранено в бронзовом литье или еще каким-либо образом.

Но уже на этом маргинальном месте пределы нашей способности памяти начинают назойливо заявлять о себе. Вместе с историзацией нашей культу-

ры, разумеется, удлинились в первую очередь сроки установления надгробий. И все же они редко превышают срок жизни одного поколения. Однако вплоть до сегодняшнего дня обычная практика состоит в том, что надгробные памятники, которые — в соответствии с их первоначальным смыслом культурной памяти — должны были бы сохранить свои запечатленные в камне надписи до окончания времен, сносятся. Кладбища суть мемориалы, напоминающие о нашей бренности, и на сборных пунктах снесенных надгробий нам напоминают дополнительно о бренности наших усилий по консервации памяти.

Срок сохранения памяти о нас, на который мы сегодня можем рассчитывать после смерти, значительно удлиняется в результате придания некоторым кладбищам статуса охраняемого памятника. Число подобным случаям быстро растет. Никогда еще не было столько кладбищ, как сегодня, которые продолжают существовать, хотя на них уже давно никого не хоронят. Они продолжают жить в нашей культуре памяти как памятники предшествующих эпох, особенно если на них погребены люди, которые мы сегодня считаем крупными именами, руководствуясь памятью, дисциплинированной исторической наукой. Тот, кто покоится на кладбище знаменитостей, ставших частью истории, может быть уверен, даже если он не знаменитость, что сроки сохранения его могилы значительно превысят обычные сроки ликвидации участка. Речь здесь идет о случаях консервации памяти как побочного эффекта консервации памятников культуры памяти, проводимой в рамках охраны исторических памятников. Существует даже спекуляция подобным эффектом. Повышенный спрос на могилы на так называемых кладбищах знаменитостей существует и может быть подтвержден статистикой. После смерти человека живые стремятся похоронить его вблизи знаменитостей, потому что ожидается, что в историческом сознании будущего им суждено оставаться современными. Желание древнего христианина, чтобы его могила находилась как можно ближе к реликвиям какого-либо святого, обретает здесь вторую жизнь в секуляризованной форме исторической культуры.

Одновременно в современных обществах распространяются всевозможные формы анонимного захоронения — от выбора незаметной могилы посреди обширного зеленого газона до дорогостоящей крайности — рассеивания собственного праха над морем. Подобные усилия по упразднению кладбища как места индивидуально-ориентированного воспоминания о мертвых путем полного устранения всех внешних зацепок для этого воспоминания, находятся в кажущемся противоречии к растущей значимости «организованной» памяти в жизненном контексте современной культуры. Кажущимся это противоречие является потому, что указанная практика анонимного захоронения вовсе не сигнализирует об отсутствии интереса к продолжению жизни в памяти. Напротив, речь идет об актах заблаговременной деликатности, когда заранее хотели бы освободить оставшихся в живых от ритуального долга памяти, который все чаще плохо вписывается в мобильный образ жизни современного человека.

В сфере охраны памятников, где кладбища уже давно возведены в ранг исторических памятников, пределы способности памяти как будто еще не до-

стигнуты. Так, охрана памятников все еще расширяет круг своих объектов, разве что все чаще возникают финансовые ограничения, которые не может преодолеть воля, подстегивающая гражданские инициативы архитектурных, и даже градостроительных проектов консервации прошлого. Охрана памятников не в последнюю очередь расширяется и в темпоральном отношении, что соответствует временной структуре современной цивилизации. Тривиально, что при этом как по эту, так и по ту сторону лимеса* продвигаются все дальше в сторону древнейшего прошлого и в ходе целенаправленных раскопок добывают такие реликты, которые еще несколько десятилетий назад даже профессионально тренированный глаз едва ли принял за реликты. Нетривиально же то, что в истории охраны памятников постепенно уменьшается число лет, за которыми начинается прошлое, уже ставшее ценным в аспекте исторических памятников. В точности комплементарным динамике цивилизационных инноваций оказывается феномен того, что наши исторические памятники становятся все моложе, а современность, т.е. хронологический период времени, который мы еще не считаем способным породить исторические памятники, все короче.

Эта комплементарная взаимосвязь роста скорости обновления и растущего интереса к консервации прошлого была описана неоднократно. Чем стремительнее под влиянием инноваций изменяется на наших глазах градостроительное жизненное окружение, тем важнее становятся — в качестве посредников для формирования опыта континуальности — архитектурные достижения вчерашнего дня, которые мы сегодня охраняем как исторические памятники. Для описания этой взаимосвязи полезно воспользоваться понятием компенсации: охрана памятников компенсирует утрату привычности, обусловленную темпом изменений.

Понятие компенсации делает понятным, почему мы, не считаясь с затратами, консервируем архитектурные и прочие реликты нашего прошлого, тогда как в домодерновых, а значит, и доисторических эпохах истории наши предки обращались с подобными реликтами как с каменоломнями, т.е. источниками материалов, или, иначе говоря, — как со вторсырьем. Между тем компенсаторная теория истолкования работы исторического сознания подверглась ожесточенной критике. При этом в рамках идеологической критики этой теории приписывают намерение утешить несчастное сознание цивилизации модерна, дела которой не блестящи, посредством исторической актуализации лучшего прошлого, чтобы дать возможность модернизации и дальше делать свое гнусное дело. Этот упрек бьет мимо цели. Рассуждать о будущем потенциале современной цивилизации — это одно, другое дело — анализировать культурные условия ее самосохранения, пока она еще продолжает существовать и считается достойной сохранения. Здесь речь идет только об анализе культурных условий

* Лимес (лат. *limes*) — римская военная дорога; граница, отделяющая Римскую империю от варварских (например) германских племен, от неподвластных Риму государств. Здесь, видимо, имеется в виду граница между германскими и негерманскими странами.

самосохранения модерна. Описываются функциональные взаимосвязи, тогда как причины, которые, вообще говоря, хотелось бы иметь, для того чтобы морально и эмоционально сочувствовать или не сочувствовать современной цивилизации, не являются темой данной книги. Вот почему в этой книге не найти требований усилить охрану исторических памятников — скорее можно почерпнуть сведения о том, что с ростом потребности в памятникоохранной и прочей культурной актуализации прошлого одновременно все настойчивее заявляют о себе пределы осуществимости этой потребности. Эти границы ощущаются в современной тенденции в сфере охраны памятников — самореферентно делать себя объектом собственной практики. Хотя и звучит непросто, но это точное описание того процесса, что порождения вчерашней системы охраны памятников сегодня уже сами считаются историческими памятниками и сохраняются как таковые в рамках охраны памятников. У охраны памятников имеется своя собственная история, и она, в свою очередь, уже историзировалась. Чуть ли не столетие назад разгорелся спор о том, нужно ли реставрировать (точнее, восстанавливать) обратившиеся в руины или дошедшие до нас незавершенными строения или же их следует консервировать как руины из уважения к их «ценности руин». Сегодня мы консервируем отреставрированное, консервируем и руины, оставленные в таком виде в ходе реставрации. «Так дальше не может продолжаться», — приходит в голову профану. И в самом деле: всем видно, что плоды наших множущихся усилий по уходу за историческими памятниками уже нельзя считать удачными и описывать их соответствующим образом, а также комплементарно к модерну сохранять старым то, что было старым в актуальную эпоху этого модерна.

Более того, надо сказать, что вид наших городов и сел, приукрашенных деятельностью по охране памятников, представляет собой зрелище, до сих пор ни одним поколением не виданное. Все, что предстает перед глазами, это попросту новодел. Перед нами не объекты охраны исторических памятников, а порождения ее историзирующей архитектурной практики, отличающиеся крайне разношерстным избытком компромиссов в потугах сочетать функцию практического использования старого строения с его функцией исторического памятника, определяемой историческим сознанием.

Мы не станем выдвигать спекулятивных предположений о том, как будут протекать намеченные и подробно описанные в соответствующих главах этой книги эволюционные процессы и к чему приведут тенденции к самоисторизации современной цивилизации. На текущий момент можно констатировать следующее: культурное многообразие нашего архитектурного жизненного окружения никогда не было больше, чем сегодня. Так называемое массовое общество вовсе не подчинило наши города своим мнимым тенденциям омасовления. Еще никогда не сосуществовали столь исключительно разнородные по своему историческому происхождению вещи в более плотных сгущениях пространства и сжатых сроках времени, чем сегодня. Продолжают сохраняться постройки периода архитектурного историзма, и элементарное историческое образование все еще позволяет воспринимать их как строения, способные рассказать о себе. С этим историзирующим красноречием контрастирует

антиисторизм архитектурного модерна, который оптически выставляет напоказ строительные функции, но взамен, как правило, скрывает функции пользовательские. Обе эти вещи развитый историзм унифицировал, историзируя в ходе деятельности по охране памятников как более старый архитектурный историзм, так и антиистористический конструктивизм. Что же дальше? Так называемый постмодерн является не столько ответом на этот вопрос, сколько выразительной его постановкой. То, что, в свою очередь, породил постмодерн, является чем-то вроде демонстрации перегрузки нашего исторического чувства. Оглядываясь в прошлое, люди думают, что понимают Ницше, который вопреки куда более скромному плюрализму стилей того времени определял культуру как «единство художественного стиля во всех жизненных проявлениях народа»*. Но по опыту нашего столетия мы, между тем, узнали, что всякая попытка преобразовать это определение культуры в культурно-политическую программу не может не привести к архитектурному и градостроительному тоталитаризму.

В аналогичных трудностях запутался и авангардизм. Обязанность производить новое требует, чтобы устаревшее назойливо себя предъявляло. Тот, кто с намерением преодолеть музеефицирующий подход призывает к увеличению скорости инноваций, ускоряет вместе с тем процессы устаревания, благодаря которым искусство достигает своей зрелости для помещения в музеи. Такое понимание времени, присущее модерну, тематизировано историками искусства уже в 1920-е годы. Ничто так не поощряет музеефикацию искусства, как взятое на себя обязательство по непременно перевыполнению того, что достигнуто на текущий момент времени. Тот, кто уже сегодня хочет быть завтрашним, послезавтра сам будет вчерашним — посредством этой лаконичной формулы я пытался зримо изобразить темпоральные последствия авангардизма. Между тем искусство, которое, согласно первоначальным футуристическим манифестам, стремилось преодолеть институт музея, производится в качестве как так называемого музейного искусства, и крупные художники в условиях авангарда солидную часть своей жизни существовали как представители давно историзированных (потому что давно превзойденных другими) новаций вчерашнего дня. Оглядываясь на недавние периоды своей деятельности, художник сам становится историческим. Тем временем растущая разновременность одновременного стала в течение короткого срока жизни одного поколения необозримой, и растет доля молодых, чьи достижения еще не стары, но уже устарели.

Культурные последствия наличия этой простой, но навязчивой темпоральной структуры авангардизма значительны. Во-первых, чем скорее надвигается фронт нового, тем быстрее каждое конкретное состояние вещей утрачивает долю своей темпоральной однозначности. Любые прорывы в будущее становятся жертвами исторического срока, в пределах которого мы осмысленно можем

* *Ницше Ф. Давид Штраус — исповедник и писатель / пер. с нем. И. Эбаноидзе // Ницше Ф. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 1/2: Несвоевременные размышления. М.: Культурная революция, 2014. С. 7–82, с. 12.*

образовать понятия, обладающие, в свою очередь, значимостью лишь в течение некоторого ограниченного времени. Тем самым, во-вторых, по меньшей мере непрофессионалы среди любителей искусства лишаются возможности исторической переработки результатов недавнего историко-художественного развития. Его генетическая реконструкция становится уделом экспертов, но даже историческое сознание этих экспертов то и дело оказывается перегруженным. Это оказывает воздействие, в-третьих, на исполнимость и тем самым на обязательность притязаний авангарда. Смысл усилий, прилагаемых для того, чтобы находиться впереди, терпит крах из-за невозможности художника находиться впереди на протяжении даже сколько-нибудь короткого промежутка времени. Художники, как и их публика, таким образом, возвращают себе свободу формирования и рецепции новых необычных предпочтений, которые в обычном случае связаны с долгоживущими пристрастиями. Тем самым, в-четвертых, реабилитируется эклектизм. Философия истории, полагавшая, что применительно к искусству и политике в состоянии распознавать в новом одновременно обязательное, как известно, отвергала эклектизм как недопустимый в познавательном и моральном отношениях. Иначе обстоит дело с традицией либерального просвещения. Для нее эклектизм всегда означал высшую интеллектуальную добродетель, которая к тому же была способна обеспечивать себе еще и христианскую легитимацию («Все испытывайте, хорошего держитесь», 1 Фес. 5, 21). Там, где мы обнаруживаем, что перегружены обилием нового, постоянно превосходящего прежнее, мы имеем право на более продолжительный срок остановиться на том, что уже зарекомендовало себя как хорошее. Это относится и к вероятному случаю, что мы при этом можем упустить что-либо лучшее. Дело в том, что при растущей скорости обновления, с одной стороны, и остающимся постоянным сроком жизни — с другой, расходы, связанные с перенастройкой на новое, превышают выгоду, которую могло бы действительно принести новое, заменив испытанное старое.

Короче говоря, с ростом скорости инноваций уменьшается предельная полезность нового в культуре. Это повышает значимость культурных запасов, не подвластных старению. Понятие классического, в его специфически современном значении, есть понятие, относящееся к этим запасам. В определенном отношении публика в предыдущие эпохи истории искусств была больше связана с современностью, чем мы сегодня. Карл Дальхаус четко показал это на примере истории музыки, скупно указав, что те прошедшие эпохи, в которых преимущественно и рождалась музыка, которую сегодня мы ценим как «классическую», не знали никакой классики. Концертные программы сегодняшнего дня с исторической точки зрения куда более пестрые, чем были в те времена. Эта историческая дифференцированность вообще присуща культуре модерна. Ей соответствует постоянно прогрессирующая дифференциация образования, функция которой — сохранять у нас способность к рецепции. Тем самым, однако, исчезает и культурная гомогенность вкуса, иными словами, выделить господствующий вкус эмпирически уже невозможно. Что касается недифференцированного суждения вкуса, то в дифференцированной культуре оно уже не стесняется высказывать, да и реализовывать себя, что опять-таки делает не-

избежным эклектизм как адекватную форму обращения с тем, что нам в целом рекомендуется или навязывается. Требования единства стиля, которые можно вывести из процитированного понятия культуры, предложенного Ницше, оказались между тем невыполнимыми, и отвращение Адорно к музыке для музыкантов под флагом музыкального авангарда есть не что иное, как выражение элитарной позиции интеллектуалов, которая, к счастью, не имела никаких последствий и которую, однако, также не хотелось бы упустить как элемент в напластовании, которое сегодня представляет собой культура модерна, вплоть до недавнего времени авангардистски настроенного. Чем стремительней движется вперед поток истории, тем менее ламинарным он делается, т.е. движущимся по всей своей ширине равнонаправленно и с одинаковой скоростью. К этой структуре ламинарности процесса цивилизации, ламинарности, уменьшающейся с ростом динамики эволюции, мы еще вернемся, чтобы рассмотреть ее повнимательнее. Ведь в недавней истории искусств именно авангардизм невольно способствовал образованию завихрений, в которых уже ничего больше не движется вперед.

«Авангард», как известно, метафора из военной области. А футуризм охотно использовал военную риторику в целях саморепрезентации. Это указывает на политические притязания авангардизма, чтобы искусство и политика, маршируя в будущее, шагали в ногу. Таков был замысел. Однако политический авангардизм, пока он марширует в будущее и ощущает в себе силу свершения исторического смысла, тождествен тоталитаризму. На службу тоталитаризму были взяты и некоторые представители художественного авангардизма — их соблазнила идея единства искусства и политики, в рамках которого они претендовали на роль репрезентантов — передового отряда — культуры и общества будущего. Эта попытка политизации искусства и эстетизации политики, как известно, провалилась. Художественная интеллигенция, стремившаяся идти в ногу с ходом мировой истории, вместо того чтобы выполнять функции передового отряда, тотчас брала на себя роль попутчиков диктатур, управлявших смыслом истории. В отношении итальянского футуризма это достаточно хорошо известно. Но это относится — что менее известно — также к русскому футуризму в его постреволюционной ангажированности в диктатуре Ленина. Согласно политико-романтическому мифу, на заре господства советов после Октябрьской революции на протяжении одного звездного часа человечества художественный и политический прогресс в силу эволюционной логики развития человечества пребывали в согласии. В действительности уже Ленин, а не только Сталин, был великим тираном, и как марксистский теоретик стал завершителем той политической философии истории, которая вплоть до Сталина и после него составляла легитимационную основу советской диктатуры. Но согласно логике этой властно-политической самолегитимации марксистско-ленинского образца, русские футуристы считали себя, в свою очередь, вознесенными революцией «к власти» и выдвигали «претензию авангарда» быть представителями единственно революционного искусства, созвучного пролетариату. Последствия этого очевидны: «При этом наследство прошлого должно быть беспощадно очищено от всех примесей буржуазного распада и разврата...».

Это не распоряжение Сталина, а художественно-политическое заявление «Художественного сектора Наркомпроса и ЦК профсоюза работников искусства об основах политики в области искусства» в формулировке А. Луначарского и Ю. Славинского*.

Правда, как и в данном случае, революция не замедлила пожрать своих детей. Недопустимо в духе ретроспективного пророчества утверждать, что этого следовало ожидать. Но при ретроспективном рассмотрении можно без труда понять, почему попытка авангардизма взять на себя роль художественно-политического исполнителя тоталитарной власти была обречена на провал. Причина заключалась не в том, что между художественным авангардизмом и политической свободой существовало исконное родство, и тем самым авангард хотя бы уже из-за своих притязаний на свободу должен был пасть жертвой установившейся диктатуры пролетариата или других тоталитарных диктатур. Более того, политика в отношении искусства тоталитарных режимов, чьи диктаторы ведь легитимировали себя как народные вожди, — Геббельс называл это «облагороженной демократией» — привела к упразднению авангардного искусства из-за его недостаточной народности. Однако временной промежуток между революцией и ликвидацией авангарда был в Советском Союзе несравненно большим, чем в национал-социалистической Германии. В сущности, это было связано с двумя причинами. Во-первых, национал-социалистическая германская рабочая партия, в отличие от партии большевиков в ее ранний период, видела в себе вовсе не политический авангард масс, а напротив, организацию самих этих масс. Вот почему она вплоть до своей политики в области искусства придерживалась популистской ориентации. Во-вторых, Гитлер, в отличие от высокопоставленных советских вождей, считал себя одновременно и художником, причем с антиавангардистским биографическим оттенком. Так, осторожные попытки Геббельса приспособить весьма немецкий по духу экспрессионизм к национал-социализму немедленно терпели крах, и даже выставки, которые в ранний период Третьего рейха под эгидой Геббельса все же могли посвящаться футуристическому искусству фашистской Италии, не имели никаких последствий для политики в области искусства.

Проведение тоталитарного популизма в сфере политики в области искусства, как известно, означало в архитектуре поощрение монументалистских вариантов неоклассицизма. Если смотреть на это из перспективы подозрения в духе критики идеологии, то в Германии стиль архитектурного монументализма, появившийся в межвоенное время на контрасте с архитектурным модернизмом, сам должен был возникнуть из того тлетворного духа, которому он впоследствии действительно должен был служить. Так воспринимается ситуация в авангардистской перспективе, причем снова путем приписывания искусству и политике полного параллелизма как в историческом позиционном раскладе сил, так и в тенденции — на этот раз в виде реакционно-регрессивного марша в ногу. И снова реальность учит нас, что в эволюции модерна движения

* «Тезисы художественного сектора НКП и ЦК РАБИС об основах политики в области искусства» (Луначарский А. Об искусстве: в 2 т. Т. 2. М.: Искусство, 1982).

в политике, с одной стороны, и в искусстве — с другой (как и в других секторах культурной и общественной жизни) протекали вовсе несинхронно. Ни в ходе «прогресса», ни в ходе «регресса» в отличие от того, что предполагал Маркс, теоретизируя в области истории и идеологии, экономический базис и правовая институциональная, а также культурная надстройка никогда не переживали переворот одновременно. В который раз здесь обнаруживается вот что: вместе с динамикой цивилизационной эволюции растет разновременность того, что в хронологическом смысле существует одновременно, и вместе с этим увеличивается вероятность анахронических комбинаций, а также, в частности, идеолого-политического выдергивания цитат из истории. Неверно полагать, подчеркнем еще раз, что художественный авангардизм *eo ipso* был прогрессивно ориентирован и в области политики. Но из того факта, что он ставил себя на службу тоталитаризму — как правому, так и левому, нельзя делать и вывода об изначальной тоталитарной склонности этого авангардизма. Аналогично обстояло дело и с архитектурно-исторической специализацией монументализма: как показал прежде всего Лампуньяни, из антитетической позиции монументализма по отношению к архитектуре модерна нельзя делать абсолютно никаких выводов в политическом и идеолого-критическом отношениях. Монументализм, о котором шла речь, встречается в межвоенный период в Париже и Риме, в Лондоне и Мюнхене, в Хельсинки и Москве. В самом деле, тоталитарные власти тогда канонизировали архитектурный классицизм. Но это происходило не потому, что уже в каждой колоннаде как таковой манифестировалась готовность встать в строй и в политическом смысле. Напротив, причина состояла в том, что в условиях авангарда, в полном соответствии с самопониманием авангарда, историзирующие репризы всегда популярнее, чем эзотерика самоновейшего. Именно это и претворилось тогда в популистскую политику в области искусства тоталитарных властей — от неоклассицистских пантеонов (*Ehrentempel*) Гитлера через социалистический реализм вплоть до придания Новой караульне Шинкеля новой функции антифашистского мемориала со сменой караула, печатающего шаг в духе прусских традиций.

В итоге это означает, что в основе самопонимания авангардизма лежит философия истории историцистского типа. Историцистская философия истории — это суеверие, будто из нашей динамичной цивилизационной эволюции можно извлечь морально-политический долг — шагать в ногу с этой эволюцией, даже выступать на линию фронта ее движения и там мчаться по команде «вперед!». Морализируя и политизируя историческую эволюцию, сам авангардизм превращается в движение культурно-политической унификации движений. Тем самым он отказывает в должном признании плюрализма стилей одновременно существующих разнородных явлений, плюрализма, который должен возрастать вместе с динамикой культурной эволюции. Вот почему авангардизм также относится к ряду специфически для модерна культурных видов анти-модернизма.

Вместе с тем у авангардизма имеется одно мнимое преимущество, оно-то не в последнюю очередь и делало его идеологически привлекательным. Тот, кто полагает, что познал историю в целом, как процесс, который интеллектуально

разведен и проводится авангардами, тот игнорирует случай и способен усматривать в эволюциях процессы осуществления смысла истории. В ретроспективе при раскрытии исторического смысла прогресс вчерашнего дня доступен идентификации. Работа историографов упрощается. История уже больше постоянно не переписывается, а всегда только продолжает писаться вместе с ходом истории, закономерность которого принципиально познана. Нетрудно даже дать ответ на вопрос, как современность должна традировать знания о себе будущему, чтобы в будущем в качестве прогресса вчерашнего дня в историографии этого будущего можно было бы учесть нынешнюю современность адекватно ее историческому смыслу. Короче говоря, теория истории способна овладеть реальной историей. Изложение того, как это происходило на самом деле, становится иллюстрацией теории истории. Комплементарно авангардистской однозначности прогресса однозначность памяти ведет себя как принцип господствующего культурного и политического консерватизма. Профессиональные хранители памяти занимаются своей работой, не страдая от приступов сомнения в отношении самих себя.

В либеральных культурах, которые не обязаны придавать истории политико-идеологический смысл, процессы формирования памяти и консервации памяти протекают в противоположность этому несравненно сложнее. Мы вольны считать, что эти процессы формирования и консервации памяти, в свою очередь, являются историями, т.е. не могут быть в совокупности охвачены какой-то теорией, являются контингентными, направленными, но не целенаправленными и одновременно необратимыми процессами, т.е. они представляют собой эволюции, в рамках которых никто (причем по принципиальным причинам) заранее не может знать, что захотят в будущем знать о том прошлом, которым наша современность затем станет, и какими традированными из прошлого источниками этого знания там хотели бы располагать.

Это вовсе не далекая от практики традирования философская рефлексия. Напротив, речь идет о дилемме, уже давно настоятельно заявившей о себе в практике профессионального формирования архивной традиции, которой в контексте историзирующей себя саму цивилизации отводится центральная роль. В домодерновые исторические эпохи, когда еще не сформировалось сознание своей историчности, традировались сведения, которые позднее для исторического сознания приобретут значение источников профессионального исторического знания, без учета того интереса к сохранению подобных источников, который позднейшее историческое сознание охотно видело бы сформированным пораньше. Это справедливо и для канонизированных традиций, благодаря которым в доисторических культурных эпохах прошедшие и грядущие времена, не взирая на хронологический промежуток между ними, объединены в единство культурной значимости. Потребность в источниках для удовлетворения исторического интереса к истории, который появляется только в культуре модерна, простирается далеко за пределы содержания канонизированных традиций. Традиции при этом, в свою очередь, историзируются, и выявляются контингентные перемены, которым подвержены и сами каноны. Зная об этом, историческое сознание берет на себя задачу обеспечения источ-

никами исторических исследований в будущем. Оно, повторим еще раз, предвосхищает тот интерес, который будет привлечен в будущем к тому прошлому, которое для нас самих еще является современностью. В современной цивилизации архивы, как частные, так и общественные, превратились в институты предусмотрительного сохранения исторических источников, ориентирующихся на будущий интерес к прошлому. Функция сохранения исторических документов, имеющих непреходящее правовое, политическое или прочее практическое значение, играет в архивной практике модерна лишь второстепенную роль. Абсолютно доминирует цель сохранения информационных реликтов, оставшихся от завершенных коммуникативных процессов современности, в интересах будущих исторических исследований.

Поскольку историческое сознание берет под свой контроль сохранение исторических источников для будущих исторических исследований, можно предположить, что в будущем дефицит источников в исторической науке уже не будет осложнять научно-историческую исследовательскую практику. И все же эта красивая утопия неограниченной доступности информации о прошедших временах, к которой захотело бы обратиться в будущем историческое сознание, терпит крах хотя бы уже из-за проблем, связанных с количеством материалов, которые с нарастающей скоростью заваливают нас в силу информационной динамики цивилизации модерна. Насколько просты были проблемы архивации, например, к началу XIX столетия, когда «письменную документацию к ежегодному финансовому отчету города размера выше среднего» можно было сложить в папки, которые лишь за семь лет заполняли один погонный метр полка. С тех пор, как могут подтвердить специалисты, приток поступающих документов возрос примерно в 800 раз. Равнодушный к экономической, социальной и административной статистике исторический профан мог бы возразить: ну что интересного мы можем узнать из финансового отчета города средних размеров? Вместо этого наш профан, любитель истории, хотел бы познакомиться с главными событиями большой политики в нашем столетии. Но и политику можно исследовать только на основе источников, например, на базе архивов американского федерального правительства, фонды которых уже 30 лет назад прирастали в год почти на тысячу километров, — в 100 раз быстрее, чем 100 лет назад.

Что подобные величины означают для практики формирования архивной традиции, неспециалист с ходу, понятно, осмыслить не в состоянии. Поэтому приведенные для примера данные служат только подтверждением того факта, что превращение такого объема быстро растущего множества старых документов в исторические источники невозможно. Ни наши технические возможности по сохранению информации, ни наши институциональные и человеческие возможности по переработке информации с исторической целью не позволяют справиться с таким количеством данных.

Как тут быть? Ломать голову над ответом на этот вопрос нет нужды. Этот ответ — отбор документов для уничтожения. За этим словом из профессионального языка наших архивариусов стоит грубая практика селекции фондов старых документов: отбор того, что в самом деле хотелось бы сохранить в качестве

источников для будущих исторических исследований, и того, что будет переведено в ранг макулатуры и далее отправлено на заводы, занимающиеся переработкой старой бумаги. Доля остатков сведений о прошлом, реликтов завершённых процессов административной коммуникации, оставшихся после уничтожения ненужной документации, постоянно снижается, тогда как практика уничтожения старых документов продолжает расширяться в соответствии с ростом массы поступающей новой документации. Именно в Великобритании, которую мы, согласно распространённому стереотипу, считаем страной, уважающей традиции больше всех европейских стран, в практике отбора документов для уничтожения действуют самым радикальным образом. Менее 10% информационно административной продукции считаются здесь достойными того, чтобы быть традированными будущему в качестве источника знания о прошлом. Но, возможно, именно традиционализм британской культуры, который отнюдь не является историзмом, есть причина этого радикализма в практике отбора документов для уничтожения.

Ключевой вопрос к будущему историческому сознанию в отношении его способности к пониманию прошлого формулируется, естественно, так: по каким критериям в числе остатков сведений о прошлом нашей современной культуры следует отличать будущие исторические источники от других материалов, ценность которых не превышает ценности макулатуры. Ответ, гласящий: важное для цели будущих исторических исследований следует сохранять, а неважное нужно уничтожать, не решает проблемы, но лишь ставит ее. Согласно темпоральной структуре этой проблемы, такой ответ требует предвидения будущих исторических интересов в сфере актуализации того прошлого, которым впоследствии станет наше собственное настоящее. Это и есть именно то предвидение, которым в контексте расширяющейся самоисторизации, столь характерной для цивилизации модерна, действительно должны располагать те, кто профессионально занимается формированием архивной традиции. Историко-культурное значение подобного предвидения тем больше, чем жестче проводится практика отбора документов для уничтожения под давлением драматически растущей массы цивилизационных остатков сведений о прошлом. Поэтому вполне естественно, если мы выдвинем собственное понятие для обозначения усилий по такому предвидению, а именно понятие прецепции. «Прецепция» при этом, как слово, образовано по аналогии с хорошо знакомым нам из герменевтики понятием «рецепция». А рецепция, как известно, есть процесс воспоминания, актуализации прошлого с использованием доступных источников возможного знания об этом прошлом и в зависимости от вопросов и интересов, с помощью которых мы в настоящее время в соответствии с нашей научно-исторической, культурной, да и политической ситуацией соотносим себя с прошлым. Аналогом этого является прецепция — предвосхищающая оценка интереса будущей рецепции с целью распознавания среди скапливающихся в настоящее время старых данных тех, без которых — как источника будущего исторического знания — тот интерес рецепции будет невозможно обслуживать.

Охарактеризованное таким образом понятие прецепции ничего не постулирует. Однако оно описывает актуальную практику наших архивистов и

других людей, занятых формированием архивной традиции, а им уже давно известно, что эта практика кроет в себе неразрешимые проблемы. Вместе с модернизацией цивилизации модерна накапливается осадок документальных реликтов, создаваемых в процессах коммуникации, которая в бюрократии и науке, в хозяйстве и в культуре приватной жизни связывает институциональные и индивидуальные элементы этой цивилизации. Одновременно с динамикой цивилизации модерна растет скорость устаревания информации, возникшей в процессе коммуникации. В результате этого уменьшаются возможности предвидения цивилизационной эволюции и становятся очевидными принципиальные границы разрешения проблемы прецедции. Мы не знаем, что мы благодаря науке будем знать в будущем. Кроме того, мы не знаем, какие практические проблемы, вызванные непредвиденными, более того, даже непредставимым побочными последствиями технической реализации и экономического использования научного знания, будут в первую очередь вызывать у нас озабоченность. Тем самым мы вообще не знаем, как в зависимости от коллективных идентичностей, которые мы обретем в будущем, будут тогда выглядеть господствующие культурные интересы актуализации прошлого. Само собой разумеется, процесс цивилизации остается прошитым антропологическими константами.

Ни одна новая историческая ситуация не является абсолютно новой ситуацией, не имеющей аналогов. Так и в истории прецедции, которую уже можно писать, выработались оправдавшие себя правила отбора документов для уничтожения, годность которых подтверждена на практике. Тем больше сожалеют по поводу ошибочных оценок, когда обнаруживают, что уже не располагают необходимыми источниками, причем известно, как было легко сохранить их, если раньше знали бы, что позднее возникнет исторический интерес, удовлетворить который может только этот источник. Ситуация знакома нам из собственного опыта частной жизни. Сегодня скапливается масса домашних документов, налоговых деклараций, страховых полисов, актов различных обществ и частной корреспонденции, и объем этой массы значительно превышает средние возможности домашнего хранения. Вот почему постоянно приходится отбирать документы для уничтожения, причем все чаще оказывается, что письма старших коллег, которые расценили как ненужные и выбросили, требуются издателям той или иной переписки или даже, вместо макулатурного пункта, могли бы попасть на рынок автографов.

В целом считается, что с растущей информационной динамикой шансы нашей цивилизации на формирование адекватного исторического сознания не улучшаются. Мало того, они ухудшаются, поскольку масса поступающих реликтов коммуникации растет быстрее наших институциональных и индивидуальных возможностей их хранения и обработки в ходе исследовательской практики. Разумеется, существуют высокоэффективные методы концентрации старых данных. Одним из них является статистика, и сжатая информация, которую мы можем почерпнуть из хранилищ наших официальных и прочих статистических бюро, делает излишним хранение миллионов закрытых налоговых деклараций, больничных листов, досье о нарушениях общественного

порядка, документов по страхованию жизни с истекшим сроком или прочих бумаг о частных событиях, абсолютно бесполезных в историческом отношении. Более важные документы можно, в пределах заданных расходов, миниатюризировать в виде микрофильмов и складировать в заброшенных шахтах, но при этом возникает новый вопрос, соразмерна ли долговечность пленки микрофильмов, на которой сняты документы, тому сроку, в течение которого можно было бы рассчитывать на исторический интерес к этим данным. Периоды времени, на которые нацелена наша современность с целью традировать данные о себе будущему, расширяются, и в соответствии с этим в растущем числе секторов, где формирование архивной традиции организовано перцептивно, все бóльшую значимость приобретает вопрос о долговечности носителей данных. Магнитофонные архивы, которые в связи с ростом культурного значения электронных средств массовой информации, в свою очередь, быстро приобретают значимость, как известно, крайне подвержены старению, и их информационный контент с течением времени под воздействием космического излучения неудержимо превращается в шум. К счастью, бумага долговечна — кроме продукта прогрессирующего производства бумаги во второй половине XIX в., который из-за содержащейся в нем кислоты в исторической перспективе превратит чрезвычайно важные части наших библиотек в бумажную пыль. Соответственно в противоположном направлении стремительно развивается искусство консервирования материалов носителей информации и еще более стремительно растут расходы на широкое использование этих методов консервации. Даже в материальном отношении деятельность исторического сознания по актуализации и консервации прошлого тем самым как будто подчиняется закону убывающей предельной полезности этой деятельности.

Познакомившись с растущими трудностями формирования архивной традиции, описанными в ряде глав этой книги, посвященных архивному делу, роли статистики или библиотечному делу, и проанализированными в отношении их содержания, интересного в плане теории времени, читатель, конечно, может впасть в культурный критицизм и оплакивать цивилизацию, которая производит для традирования знаний больше, чем когда-либо, материала, способного представлять интерес для будущего исторического сознания, что, тем самым, мешает нашей цивилизации культурно интегрироваться в адекватное ей самой историческое сознание. Данный культур-критический импульс понятен. Но продуктивным он не является, поскольку не позволяет сказать, что нужно сделать, чтобы избавить нашу историческую культуру от проблем, связанных с давлением массы документации, порожденной информационной динамикой модерна. Здесь ситуация напоминает давно уже актуальную критику бюрократии. Критика эта очень популярна. Но, будучи бессильной, она является не более чем выражением неудовольствия по поводу неизбежных побочных последствий, возникающих в ходе удовлетворения тех запросов, которые возникают в нашем обществе модерна и адресуются нашей бюрократии. Модернизация означает, что мы опосредованно все больше становимся зависимыми от крайне далеких от социальной сферы вещей — начиная с заботы о материальном существовании, обеспечения социальной безопасности и кон-

чая умножением и расширением наших политических и прочих возможностей участия в принятии решений. Соответствующие посреднические функции реализуются в выходящих за пределы общества и одновременно интегрирующих общество институтах — начиная с рынков, транспортных учреждений и кончая учебными заведениями; сюда относится бюрократия включая супер-бюрократию государственного управления. Можно ли сказать, что эти виды бюрократии буйно разрастаются? Ведь хочется так выразиться, когда знакомимся со статистическими данными о росте числа управленцев. Вместе с тем метафоры разрастания, на которые провоцируют и забавные социологические описания Паркинсона, отвлекают от неизбежного процесса, состоящего в том, что в цивилизации модерна наши индивидуальные и коллективные экзистенции представлены в документах, количество и объем которых драматически возрастают. Число административных учреждений должно, по идее, умножаться параллельно с развитием жизненных функций, которые дифференцируются в ходе нашей цивилизационной эволюции и для реализации которых мы пользуемся услугами государственной службы — начиная со строительства дорог, санитарного контроля питьевой воды до обеспечения налоговых вычетов для оплаты издержек в интересах охраны исторических памятников и от издания распоряжения о стаже, релевантном в отношении размера пенсии, до судебно-административной проверки этого решения. Но еще быстрее, чем число этих функционально определенных сервисов административного аппарата, с неизбежностью растет множество перекрестных связей между ними. В общем, это означает следующее: несравнимо быстрее, чем число элементов растущей системы, растет множество возможных связей между ними, и знания арифметики в пределах средней школы достаточно, чтобы понять, что названный последним рост есть квадрат первого. Модерновые общества интегрированы посредством коммуникации — правда, не в экзистенциально-эмпатическом смысле Ясперса, но в техническом смысле обмена информацией между индивидуальными и институциональными частями этого общества. Поэтому множество коммуникативных отношений, которые конденсируются в документопроизводстве или в прочих документах, растет несравнимо быстрее, чем сложность общества, т.е. чем число интегрированных в нем частей. По той же причине доля старых данных в обществах модерна, которая доступна традированию как источник для будущих исторических исследований будущего, должна в сумме продолжать сокращаться по отношению к общему объему этих данных.

Но в наших библиотеках, по крайней мере, в научных, как уверяют наши библиотечные работники, «целью является ...всеобъемлющее собрание духовного богатства современности...». Перед лицом информационной динамики цивилизации модерна, которая также осаждается в книжном производстве, это является амбициозной целью, ведь, согласно статистике ООН, считается, что «каждые 20 лет» будет происходить «удвоение фондов университетских библиотек». Одно решение проблемы, как при таких темпах роста фондов наших библиотек полностью традировать потомкам относящийся к данному времени объем информации, отказавшись при этом от практики «отбора документов

для уничтожения» — т.е. уничтожения старых данных по методу архивистов, — вытекает из последствий быстро сокращающегося периода обесценивающего полураспада научной литературы. Как ничто другое прогресс научного познания ускоряет процесс сокращения настоящего. Чем быстрее растет наше знание о том, что случилось, что имеет место, и чем быстрее теории, в которые перерабатывается это знание, обгоняют и превосходят другие теории, тем скорее сокращается хронологический период времени, в котором данные теории утверждают свою неограниченную ценность. Благодаря прогрессу сокращается и период современности, доступный научно-историческому пониманию. Здесь также скорость устаревания относится к скорости обновления комплементарно, и по мере роста динамики прогресса уже устаревшее в хронологическом смысле становится все моложе. Из библиотечной практики известно, что это выражается в быстро уменьшающейся частоте востребования фондов тех книг и журналов, которые считаются уже устаревшими. В конце 1950-х годов один британский специалист по библиотечному делу установил, что три четверти фонда британских научных журналов используются настолько мало, что достаточно единственного экземпляра из этих наличных фондов, чтобы удовлетворить общий спрос на них путем пересылки читателям в Великобритании. Между тем линия разлома между актуальным и устаревшим подошла гораздо ближе к современности. В практическом отношении предлагается сепарация актуального и устаревшего на основе техники передачи архивной традиции. Это означало бы следующее. Не всякая библиотека, являясь хранилищем литературных документов более ранних стадий развития научного знания, представляет еще — помимо его актуального состояния (как оно уже зафиксировалось в печатных изданиях) — одновременно историю происхождения этого знания. Устаревшую же литературу, полезную только в качестве источника для исторических исследований, сосредоточивают в так называемых библиотеках-книгохранилищах, причем в соответствии с установленной частотой использования фонда старых книг одного такого хранилища вполне достаточно в сочетании со множеством обычных библиотек, хранящих актуальную литературу для читательского доступа. Эти библиотеки, в свою очередь, могут избавляться от устаревшей научной печатной продукции и освобождать место для быстро растущей массы новых поступлений.

Понятно, что давно намеченная и возведенная в ранг программы библиотечная политика сепарации актуального и устаревшего воспринимается как варварская с позиции того исторического чувства, которое давно привыкло к нераздельному библиотечному единству исторического и современного. Но перед лицом фактов мы вынуждены назвать это чувство убегающей от современности ностальгией. А в ней недооцениваются причины, которые за пределами нечетких границ, с учетом возрастающей быстроты устаревания имеющейся культурной информации попросту вынуждают разделять актуальное и устаревшее. Соображения, связанные с местом, а значит, в самом широком смысле, с расходами, являются только частью этих причин. Еще важнее тот факт, что с ростом скорости культурной эволюции снижается протяженность истории нашего происхождения, которую мы — вне профессионально исторического

обращения к ней — можем интегрировать в нашу ориентацию на современность. Поясним это на примере: когда возрастает скорость прохождения законопроектами стадий законодательной процедуры — и это неизбежно, — вынужденно снижается значение общих историко-правовых знаний, которое юристы приобретают во время обучения или в процессе профессиональной деятельности наряду с необходимыми актуальными знаниями. Но это вовсе не означает, что в современной научной практике историческое знание зачахло. Напротив, как никогда прежде оно институционально дифференцируется и профессионализируется, а в благоприятных случаях популяризируется, например, в виде общеобразовательных лекций *Studium Generale**, и доходит до тех студентов, чей учебный план давно очищен от обязательных историко-правовых дисциплин. Инкриминированное библиотечно-техническое разделение актуального и устаревшего, которое в газетных разделах с подозрением расценивается как вклад в ликвидацию научно-исторической культуры, на самом деле представляет собой продолжение этой культуры в рамках институционального и дисциплинарного обособления.

Темпоральное сгущение инноваций можно, разумеется, наблюдать и на примере технической эволюции. Даже тот, кто, будучи любителем истории, занимается историей техники лишь эпизодически, знаком с хронологическими шкалами с указанием дат технических изобретений, которые эпохально группируются в целые партии, а при макроисторическом рассмотрении наглядно демонстрируют непрерывность прогресса. Нет нужды еще раз приводить здесь пример эффекта сокращения настоящего, который порождается не только научной, но и технической эволюцией. Временные и культурные последствия технической эволюции в сфере темпоральной культуры выходят далеко за пределы простой комплементарной взаимосвязи скорости инноваций и быстроты устаревания. В истории экономики доказано, что вместе со сгущением инноваций, характерным для ранней истории техники, сроки между научно-техническими инновациями, с одной стороны, и их экономическим использованием — с другой, сокращаются. Технические инновации новейшего времени при их экономическом использовании направлены в основном на повышение производительности, т.е. на увеличение скорости производства или количества товаров, производимых в единицу времени. Эти выигрыши в использовании времени, являющиеся результатом технического прогресса, вместе с тем приводят по экономическим причинам к необходимости широкого участия в этом прогрессе. Уже в XIX в. можно было наблюдать, что конкурентные отношения вынуждают предпринимателей заменять обрабатывающие станки более совершенными станками, причем задолго до того, как старые машины в ходе использования были бы полностью изношены. Вместе с повышением производительности технически оснащенного труда, а также вместе с растущей степенью дифференцированности продукции расширялись рынки, а значит, увеличивались расстояния, на которые нужно было перевозить массы товаров. Это не было бы

* В немецких университетах лекции по философии, общественным и другим наукам, рекомендуемые студентам всех факультетов для расширения кругозора.

возможно без насыщения транспорта техникой. Подобная технизация способствовала тому повышению скорости транспортирования, без которого нельзя было бы компенсировать быстро растущие пространственные расстояния массовой перевозки товаров и людей. Теперь можно было координировать во времени действия людей и институтов на все больших расстояниях. Это вызвало необходимость стандартизации времени, и фактически лишь благодаря железнодорожному транспорту, который хотя бы уже по техническим причинам зависит от тщательно составленных планов использования времени, возникла необходимость внедрения технически контролируемого единого времени в федеральных землях. Это не могло не отразиться на культуре обращения со временем. Добродетель пунктуальности, позволяющая человеку с точностью до минут согласовывать свои действия с действиями другого человека, находящегося на удалении, только теперь становится добродетелью, отсутствие которой может приводить к исключению из социальной кооперации. Часы становятся всеобщепотребительным предметом. Они являются общераспространенным культурным символом темпоральной дисциплины, которой мы подчиняемся в цивилизации модерна. Норберт Элиас описал эту темпоральную дисциплину, отнеся ее к тончайшим следствиям процесса цивилизации.

Но в нашей сложной цивилизации наряду с ростом социального масштаба наших действий, нуждающихся в темпоральной координации, увеличивается промежуток времени, на который они распространяются в направлении будущего. Временной горизонт будущего, актуализируемого с помощью методов планирования, расширяется. Календарь-ежедневник как план использования личного времени становится всеобщепотребительным предметом. Уже давно ушли в прошлое времена, когда было достаточно для записи встреч и планирования деятельности иметь при себе календарь на один год. Уже давно вошел в обиход двухгодичный календарь, а предприятия планового хозяйства стали предлагать своим коллегам по бизнесу в качестве подарка на Рождество календари с возможностями записей на «long-range planning up to the year 2010»^{*}.

Популярная критика культуры стремится выяснить, не носят ли характера экспроприации времени намеченные здесь и подробно рассмотренные в дальнейших главах этой книги культурные последствия обращения со временем в нашей цивилизационной эволюции. Утрата «личного времени» тематизируется в культурно-критически настроенной социологической литературе. Церковные конференции призывают к повороту в обращении со временем и настаивают на возврате экспроприированного времени.

Однако специфические для нашей цивилизации возможности использования времени, а с ними и усиливающиеся императивы использования времени (*Zeitnutzungszwänge*), равно как и требуемые от нас добродетели более жесткой темпоральной дисциплины — лишь одна сторона проблемы. При этом вызванный совершенствованием техники рост производительности, т.е. рост производства продукции в единицу времени, в слишком быстро растущих долях, приводит не к увеличению заработных плат, а к освобождению времени

* Планирование на большие периоды времени вплоть до 2010 г. (англ.).

от профессиональной деятельности. Доля жизненного времени, в котором ничего не происходит, а если происходит — то по своей воле, достигла размера, к которому не подходит старое привычное понятие досуга. Мы впадали бы в весьма мрачное состояние духа, если бы стремились посвятить досугу преобладающую часть освобожденного от профессиональной деятельности и в этом смысле ставшего свободным для нас жизненного времени. Проблема состоит в том, чтобы из свободы, в виде выпавшего нам выигрыша свободного жизненного времени, генерировать смысл, смысл жизни, а именно посредством самоопределения приходите к осмысленному действию. В общем, можно сказать, что реакция нашего цивилизационного сообщества на вызовы исторически беспримерного прироста освобожденного от профессиональной деятельности жизненного времени оказалась весьма творческой. Вместо того чтобы лишить нас нашего «личного времени», цивилизация модерна сделала нас суверенными в отношении времени. Изложение последствий этого можно было бы поместить под красивым заголовком «Цвет культуры повседневности» — от многообразных форм суверенной по отношению к медиа культуры чтения через возрождение домашнего музицирования или садоводческой культуры вплоть до продуктивного использования профессиональных компетенций в контексте так называемой теневой экономики.

Существует и обратная сторона подобного прекрасного состояния культуры повседневности. Сюда относятся психологические и социальные последствия распространенной неспособности к самоопределению, когда индивид, вместо того чтобы развиваться, становится для себя величайшей проблемой и ощущает себя жертвой современных жизненных отношений. И тут остается спросить, от чего в самом деле зависит способность или неспособность человека к самоопределению, требуемому от нас как никогда прежде темпоральной структурой культуры модерна. К факторам нашей способности к самоопределению относится не в последнюю очередь полученная благодаря воспитанию способность ориентации на добродетели, в том числе второстепенные добродетели обращения со временем — от пунктуальности до упорядоченности в темпоральной организации жизни. Ведь эти добродетели обращения со временем вовсе не действуют, как говорилось в инсинуациях на упомянутой церковной конференции, как генераторы стресса, уменьшающие жизненное счастье.

Напротив, они являются темпорально-специфическими средствами избегания стресса. Резюмируя, можно сказать, что описанный недостаток времени, характерный для модернизации, дополняет высвобождение жизненного времени, разгруженного от насущных забот. Возникает как никогда много пространств свободного действия, и в ходе использования различных компетенций самоопределения — неравномерно распределенных в социальном отношении и лишь в крайне узких границах уравниваемых социальной и культурной политикой — происходит все большая дифференциация культур повседневности, включая сам уровень культуры, доступный для индивидов. При этом культура повседневности одновременно связана обратной связью с описанными вначале тенденциями самоисторизации нашей цивилизации. В большинстве случаев музеи являются общественными учреждениями, охрана памятников — частью

государственной культурно-политической программы, то же самое верно и для разнообразных видов деятельности в области транспортно-технического и градостроительного воссоздания, не говоря уже об охране природы. Но свою политическую легитимацию эта практика государственной компенсаторной консервации культурных и природных миров, из которых мы родом, находит в повседневной практике миллионов людей, которые стоят в очередях на музейные выставки, протестуют против сноса старых и даже не очень старых построек, вновь придают естественный вид своим чрезмерно культивированным садам и таким образом вносят смысл в свободу своего темпорального самоопределения.

Если припомнить описанные состояния и процессы развития культуры, то становится понятным, что некоторое интеллектуальное сомнение в ускоряющемся характере нашей цивилизационной эволюции базируется на недостатках восприятия, а если поточнее — на трудностях в теоретическом сочетании якобы противоречащих друг другу явлений. Правда, что литературное выражение впечатления, что «все движется все быстрее!», которое мы можем найти у наших постмодернистских дромологов*, в первую очередь провоцирует не столько просвещенное одобрение, сколько поиск противоположных примеров, а таких имеется множество. Существует авангардистское предпочтение нового, но наблюдается и растущая тяга людей к классике — культурному багажу, для которого характерна большая сопротивляемость устареванию. Имеет место так называемая переоценка ценностей, и в ходе этой переоценки значимы жизненные ориентации, исходя из которых безусловно привлекательно все новое и модерновое. Это относится, например, к «самореализации». Если приглядеться, то можно обнаружить, что, с одной стороны, благодаря темпоральной структуре современной культуры от нас действительно требуются способности независимо трансформировать свободу в смысл («самореализация»). Однако, с другой стороны, именно эти способности укоренены в очень старых и все же не устаревших, а именно классических добродетелях — от первичной добродетели умеренности до второстепенной добродетели дисциплины, в особенности в специфически современных взаимосвязях социально весьма обширной коммуникации и кооперации. Как правило, вместе с динамикой цивилизации модерна становится еще навязчивее то, что в ее эволюции непосредственно не принимает участие. Одна сторона дела не опровергает другую, но относится к ней комплементарно. Стоит вспомнить метафору о потоке истории в ее актуализированной интерпретации. В отличие от реальных потоков, которые дарят нам метафору о потоке истории, с расстоянием от источника скорость течения не падает, а возрастает, и вместе с этим снижается ламинарность, т.е. равнонаправленность течения. Скорости поступательного движения дифференцируются. Возникают водовороты, где нет движения вперед, а только вращение на месте, в омутах вообще все стоит недвижно, и здесь развивается и преуспевает то, что может развиваться и преуспевать только в состоянии покоя.

* Дромология — учение о скорости (*греч.*). Характерный представитель этого направления — французский философ Поль Вирилио.

В такой перспективе описания и анализ в этой книге можно прочитывать как примеры эволюционной структуры цивилизационного процесса. При этом культурная эволюция по своей структуре ничем не отличается от природной. Однако обе различаются способом межпоколенческого информационного трансфера, который в каждом случае имеет свои особенности. В биологической эволюции этот трансфер осуществляется на генетическом уровне, в культурной же эволюции, напротив, на уровне языковом, символическом. Именно с этим языковым символическим модусом решающим образом связана скорость культурных эволюционных процессов, предельно возросшая по сравнению с эволюцией биологической. Историки, занимающиеся историей первобытного общества и ранней историей, выдвинули предположение, что в рамках культурных процессов их ускорение опять-таки относится к культурно-эволюционным константам. Возможно, это так, возможно, иначе: скорость, которой сегодня достиг ускоряющийся цивилизационный процесс, доставляет нам много хлопот. По-видимому, существуют пределы как индивидуальных, так и институциональных способностей переработки инноваций. Описанные в данной книге трудности, связанные с культурной организацией памяти, подтверждают это. В общем, представляется, что межпоколенческий информационный трансфер вообще находится под угрозой — даже если оставить в стороне неопределенные границы скорости культурной эволюции. Культурные ориентации двух или трех поколений, живущих вместе в малом социальном союзе современной семьи, расходятся в стороны. Процессы взросления, как и процессы старения, приобретают критические черты, когда множество культурных запасов, обладавших неизменной значимостью на протяжении короткого периода средней человеческой жизни, тают в результате дезориентации.

Возникает совершенно новое опасение, что главной проблемой нашей цивилизации может стать ее эволюционная тахителения*. В одном из мифов модерна утверждается, что в начале строительства железных дорог мчащиеся поезда порождали страх перед скоростью. В целом, однако, считается, что динамика цивилизации модерна в начальные периоды своей тематизации вызывала преимущественно одобрительную реакцию. Встречается мания скорости, даже эстетически культивированная страсть к ней — например, история музыки свидетельствует, что в XIX в. контраст темпов использовался как средство драматизации. Предписания темпов исполнения, чего прежде не было, становятся теперь неотъемлемой частью композиторской техники — вплоть до указаний о нарастании темпа, доходящих до абсурда. Соль-минорная фортепианная соната Роберта Шумана (оп. 22) — ярчайший пример этого. В самом начале предписывается играть «Скоро, как только возможно», а через несколько тактов следует требование — «Еще быстрее».

А между тем наш современный опыт восприятия времени как опыт ускорения сделался главным содержанием наших цивилизационных опасений. Ведь каждый потребитель продукции СМИ видел те кривые на графиках, которые наглядно представляют экспоненциальный характер протекания процессов

* В биологии — очень быстрый темп эволюции некоторых организмов.

ВВЕДЕНИЕ

эволюции, в которые мы оказались вплетены. «Так дальше не может продолжаться», — гласит по этому поводу банально меткий комментарий common sense. Но это мало что дает для ответа на вопрос, как — ради сохранения и поддержания системы — переориентировать и взять под контроль эти экспоненциальные процессы. Однако ответ на этот вопрос нам обычно также известен, и это, в свою очередь, должно усиливать тенденции к эмоциональному самодистанцированию наших современников от своих цивилизационных жизненных основ. Угрозы культурно-эволюционной тахителлии ощущаются повсюду, и искусство не остается в стороне. На выставке современного искусства в Базеле демонстрировалась так называемая экспоненциальная лестница, которая после спокойного подъема стремительно взлетала отвесно вверх, делая дальнейшее восхождение чреватым гибелью.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПО ТЕОРИИ ВРЕМЕНИ

Литературу, которую библиографы собирают по любым, даже весьма специфическим научным темам и которая доступна для тех, кто занимается исследованиями на эти темы, теперь привычно называть «необозримой». В случае большой темы «время» даже небольшие библиографические указатели¹ сразу же подтверждают тот факт, что детальное ознакомление с литературой по этой тематике было бы невозможно. Нет нужды демонстрировать это, сравнивая краткость среднего срока жизненной работы ученого с тем временем, которое потребовалось бы для этого ознакомления даже при высокой скорости чтения, если ошибочно рассматривать специальные библиографии как нормативный объем обязательной для прочтения литературы.

Однако из взрывного увеличения литературы по этой теме не следует делать вывод об исключительной актуальности темы «время». Экспоненциальный рост литературы можно ведь наблюдать во всех областях литературного производства, как будто он соответствует определенной закономерности. Это относится и к научной литературе, и даже вопросы, которые с точки зрения исследовательской практики давно считаются бесспорно устаревшими, продолжают сегодня стимулировать появление новой литературы, а именно литературы в исследовательской области нашей цветущей историографии науки, которая в преломлении исторического сознания даже устаревшее воспринимает как все еще современное.

И в случае философии не так-то просто обратиться к специфически актуальной для современности теме времени. Даже в названии работы, которую следовало бы отнести к одной из самых влиятельных философских книг этого столетия, а именно в книге Хайдеггера «Бытие и время»², «время» тематизировано наряду со вторым важным понятием. С другой стороны, каким бы оглушительным ни был успех этой книги в свое время³, эта знаменитая работа скудна в части описания и анализа присутствия времени в жизненно-практическом и специфическом для современной культуры обращения с ним. Да и профессиональные философы достаточно информированы, а потому, вникая в феноменологию субъективного восприятия времени, обращаются не к «Бытию и вре-

¹ Обширную библиографию литературы по теории времени см. в: *Fraser J.T., Lawrence N., Park D.* (eds). *The Study of Time IV. A Report on the Literature of Time, 1900–1980.* New York; Heidelberg; Berlin, 1981. P. 243–269.

² *Heidegger M.* *Sein und Zeit.* Erste Hälfte. Sonderdruck // *Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung* / E. Husserl (Hrsg.). Bd. VII. Freiburg i. Br.; Halle a.d.S., 1927. Рус. пер.: *Хайдеггер М.* *Бытие и время* / пер. с нем. и примеч. В.В. Бибихина. 2-е изд., испр. СПб.: Наука, 2002.

³ *Sass H.-M.* *Martin Heidegger: Bibliography and Glossary.* Bowling Green (Ohio): Philosophy Documentation Center, 1982.

мени» Хайдеггера, а к актуальным работам по исследованию времени наших психологов, психиатров и социологов. «Время», безусловно, является темой с традиционной философской пропиской. Но это одновременно и тема, которую с точки зрения истории науки каждая дисциплина, обособившаяся от философии, рассматривает и разрабатывает как тему собственной профессиональной юрисдикции.

Именно в этом кроется важнейшая причина библиографической необозримости литературы о времени. Кто бы, с каким бы особым интересом ни пытался обратиться к этому предмету, используя обычные средства поиска по ключевому слову «время», — тот скоро убедился бы в том, что едва ли существует институционально специализированная научная дисциплина — от теоретической физики до физической химии, от космологии до молекулярной биологии, от палеонтологии до геологии, от первобытной истории и ранней истории до теории исторической науки, от этнологии до лингвистики, — в которой не ведутся исследования с привлечением теории времени. Это, безусловно, справедливо и для трех названных наук о действии⁴ — психологии, психиатрии и социологии. А вот по сравнению с множеством того, что имеется в области литературы по узкоспециальной теории времени, количество работ, вышедших из-под пера философов, которые из своенравия своей академической дисциплины обязаны считаться профессиональными философами, выглядит скорее скромно.

Тем не менее можно утверждать, что несмотря на крайне узкоспециальный интерес к теме «время», она явно сохранила качество философской привлекательности. Нет такой специализированной дисциплины, которая бы могла претендовать на исключительную дисциплинарную монополию в отношении этой темы. Тема «время» междисциплинарно расплывлена как никакая другая и, соответственно, относится к стандартным темам так называемых междисциплинарных исследований. То, чем являются эти исследования в методическом и прагматическом плане, само стало темой междисциплинарных исследований⁵. При рассмотрении проблемы времени можно точно сказать, в чем до сих пор преимущественно заключается междисциплинарность ее исследования: по теме «время» организуются коллоквиумы или даже конференции с докладчиками, представляющими все мыслимые дисциплины, которые занимаются (как основной или побочной темой) исследованиями в области теории времени. После этого прочитанные доклады или присланные материалы собираются в сборник

⁴ По выражению Хельмута Шельски: *Schelsky H. Einsamkeit und Freiheit. Idee und Gestalt der deutschen Universität und ihrer Reformen.* Reinbek bei Hamburg, 1963. S. 282.

⁵ Все важные методические и организационные аспекты так называемых междисциплинарных исследований рассматриваются Юргеном Кока в: *Kocka J. (Hrsg.). Interdisziplinarität. Praxis — Herausforderung — Ideologie.* Frankfurt am Main, 1987. В этом сборнике собраны, согласно междисциплинарному принципу, работы для симпозиума об «Идеологии и практике интердисциплинарности. Концепция Шельски и что из нее вышло», состоявшегося в связи с 20-летием Центра междисциплинарных исследований в Университете Билефельда, основанного по инициативе Хельмута Шельски.

и печатаются. Существенная часть актуальной литературы по теории времени носит такой характер сборников материалов симпозиумов, собранных по данному междисциплинарному принципу⁶. Требование междисциплинарности в таких случаях выполняется в первую очередь посредством синтеза книжного переплета, создающего искомое единство. Сложности, которые возникают при попытках выявить для темы «время» нетривиальные аспекты единства, пересекающие границы дисциплин, впечатляющим образом заявляют о себе, когда соответствующим сборникам даже не предпосылается введение издателя⁷. В других случаях все же регулярно появляются «послесловия», которые скромно выдают себя за «попытку интеграции»⁸. Названия данных хрестоматий говорят также о неспособности выявить единство предмета каким-нибудь другим способом, без обращения ко всем известному слову «время»⁹. Тот, кто возвещает в названии книги о «понятиях времени»¹⁰, в качестве результата междисциплинарной кооперации обещает предоставить категориальную дифференциацию. Но в этом случае тем более впечатляющим становится именно тот факт, что единство того, что должно быть продемонстрировано в дифференцированности его аспектов, присутствует только в единстве одного слова. Лишь там, где симпозиумы тематически не переступают границ, пролегающих в отношении исследовательской практики и в литературном плане между «двумя культурами»¹¹, названия сборников становятся более ясными или специальными¹². Философы охотно обращаются, главным образом, не к предметной

⁶ Небольшое количество сборников статей или докладов по теме «время» цитируются, например, в: Meyer R. (Hrsg.). *Das Zeitproblem im 20. Jahrhundert*. Ringvorlesung Universität Zürich. Bern; München, 1964; *Zeit und Zeitlosigkeit*. Eranos-Tagung. Frankfurt am Main, 1981; Horvart M. (Hrsg.). *Das Phänomen Zeit*. Symposion der Technischen Universität Wien. Wien, 1984; Petri H. (Hrsg.). *Geht uns die Zeit verloren? Beiträge zum Zeitbewußtsein*. Tagung der Studiengesellschaft für praktische Psychologie. Bochum, 1985; Zoll R. (Hrsg.). *Zerstörung und Wiederaneignung von Zeit*. Frankfurt am Main, 1988.

⁷ Это относится к сборнику: Heinemann G. (Hrsg.). *Zeitbegriffe*. Ergebnisse des interdisziplinären Symposiums "Zeitbegriff der Naturwissenschaften, Zeiterfahrung und Zeitbewußtsein". Freiburg; München, 1986 (Kassel, 1983).

⁸ См. посвященные данному вопросу статьи Эдгара Люшера: Lüscher E. *Zusammenfassende Bemerkungen zur physikalischen Zeitdefinition*, а также Эрнста Пёппеля: Pöppel E. *Erlebte Zeit und die Zeit überhaupt: Ein Versuch der Integration* // Peisl A., Mohler A. (Hrsg.). *Die Zeit*. München; Wien, 1983. S. 365, 369–382.

⁹ См. сборник, упомянутый в примеч. 8.

¹⁰ См. сборник, упомянутый в примеч. 7.

¹¹ Таково постоянно цитируемое название ставшей весьма популярной книги Чарльза Перси Сноу: Snow C.P. *Die zwei Kulturen*. Literarische und naturwissenschaftliche Intelligenz. Stuttgart, 1967. Впервые прочитана в 1959 г. как «Rede-Lecture». Рус. пер.: Сноу Ч.П. *Две культуры и научная революция* // Сноу Ч.П. *Портреты и размышления*. М., 1985. С. 195–226.

¹² Вот пример: Fürstenberg F., Mörth I. (Hrsg.). *Zeit als Strukturelement von Lebenswelt und Gesellschaft*. Linz, 1986; или в основном ориентированная на естественные науки книга: Whitrow G.J. *The Natural Philosophy of Time*. 2nd ed. Oxford, 1984. Рус. пер.: Уитроу Дж. *Естественная философия времени* / пер. с англ., общ. ред. М.Э. Омельяновского. М.: Едиториал УРСС, 2003.

теме, а к истории занятия этой предметной темой: и вместо «исследований проблемы времени» предлагаются исторические штудии о более старых или более новых исследованиях проблемы времени¹³.

Специфический характер той междисциплинарности, под флагом которой проводятся упомянутые коллоквиумы и симпозиумы с их материалами, можно охарактеризовать как междисциплинарность типа *Studium Generale*. Все это знакомо по общеобразовательным циклам лекций в наших вузах: берется какое-либо ключевое слово, которое, обладая семантической привлекательностью, предлагает актуальную или даже важную во все времена тему, и объявляется в качестве названия общественной лекции. При этом регулярно подтверждается тот факт, что едва ли найдется какая-нибудь дисциплина, которая по данному ключевому слову не способна была бы сообщить нечто свое. «Смерть», к примеру, дает возможность прочитать доклад о статистике причин смерти, включая ее разнообразные исторические и региональные аспекты, а также сделать сообщение о юридической стороне фиксации момента смерти, а за лекцией об иконографии смерти может следовать доклад эксперта об актуальных проблемах погребального дела, включая его подоплеку, рассмотренную с точки зрения истории ментальностей. В отличие от этого «вода» как тема лекций *Studium Generale* обладает менее выраженными экспрессивными качествами. Но специалист по сточным водам сумеет представить в этом случае аспекты соответствующих опасностей, всегда приковывающих внимание, а потрясение от того, что происходит в настоящее время с одним из наших жизненных элементов (вплоть до экскурсов в область химии грунтовых вод), сохранится еще дольше на фоне доклада историка религии о роли воды в ритуалах очищения и окропления для передачи благословения и благодати. Аналогично, к примеру, могут предлагаться доклады на тему «безопасность» в рамках *Studium Generale*, содержание которых простирается от культурной истории замков до проблем актуальных реформ систем социального страхования, или на тему «миграция», где появляется возможность соединять несопоставимые вещи от великого переселения народов, послевоенной политики изгнания в отношении немцев до статуса гастарбайтеров в пределах ЕС.

Нить, связывающая подобные разрозненные информационные сообщения, есть только нить ассоциации, которая рождается благодаря какому-то ключевому слову, используемому вне контекста, а потому остающемуся семантически диффузным. Слово «время» вполне подходит на роль возбудителя ассоциаций такого рода, постоянно выступая стимулом к организации циклов лекций, в которых об искусстве включения времени в художественное полотно говорится столько же, сколько о календарных реформах или о кибернетике физиологических ритмов.

Польза в ориентации, которая извлекается из подобных крайне случайных наборов информации, что было характерно для ранней истории междисциплинарных исследований (*Studium Generale*), с необходимостью ничтожна. Тем не

¹³ См., например, сборник: *Orth E. W. (Hrsg.). Studien zum Zeitproblem in der Philosophie des 20. Jahrhunderts.* Freiburg; München, 1982.

менее люди уверены в том, что в теме «время», а тем более в самом времени тесно связаны крайне разнородные области реальности, причем такая ситуация возникает не из-за случайного характера семантического разброса других подобных ключевых слов *Studium Generale*. Уже цитированное знаменитое название «Бытие и время» непревзойденным образом выразило онтологическую универсальность аспекта темпоральности, и притязание данного названия сохраняет свою авторитетность, даже если Мартин Хайдеггер ограничивается преимущественно феноменологическим анализом субъективного опыта переживания времени, и прежде всего собственного опыта *Dasein* как «бытия к смерти». С тех пор феноменологи — как и философы, которые и сегодня еще пребывают под впечатлением от анализа времени у Бергсона, — склонны пренебрегать временем, рассматриваемым как измеряемое время физических, биологических и социальных процессов, более того, под влиянием культурно- и научно-критических инсинуаций Хайдеггера называют его «вульгарным» или препоручают его теоретикам науки в качестве специального объекта, не представляющего общего интереса. В самом деле, жизненно-практическое обращение со временем, забота о времени (*Zeit-Besorgung*) в горизонтах будущего, ограниченного смертью, кажется абсолютно несопоставимым с измеренными временными горизонтами палеонтологии, геологии или даже космологии.

Но видимость отсутствия связи здесь только кажущаяся. Мировой успех, который имела научно-публицистическая книга Хокинга «Краткая история времени»¹⁴, можно объяснить только тем обстоятельством, что в ней интерес к колоссальным эпохам космической динамики, превышающим масштабы человеческой жизни, был возвышен до экзистенциального интереса субъективности, которой угрожает смерть. Философия, которая в данном случае связывает жизненное время и мировое время в плане интересов, может быть и плохой философией. Что же касается взыскательного философского осмысления разнообразных воздействий, которые исходят от научно- и культурно-исторического опыта прогрессирующего расхождения между «мировым временем» и «жизненным временем», то она уже давно представлена в большой книге Ханса Блюменберга¹⁵, в названии которой фигурируют эти понятия. В книге особенно впечатляет опровержение мнимой иррелевантности объективных структур темпоральности для строения субъективного опыта переживания времени.

До этого Пиаже, двигаясь иным образом и направляя острие своей критики в адрес Бергсона, в своих знаменитых исследованиях развития ориентации ребенка во времени¹⁶ уже показал, что ориентирование во времени консти-

¹⁴ *Hawking S.W. Eine kurze Geschichte der Zeit. Die Suche nach der Urkraft des Universums / mit einer Einleitung von C. Sagan. Deutsch von H. Kober, unter fachlicher Beratung von Dr. B. Schmidt. Reinbeck bei Hamburg, 1988. (Оригинальное название: «A Brief History of Time: From the Big Bang to Black Holes». 1988.)* Рус. пер.: Хокинг С. Краткая история времени. От большого взрыва до черных дыр / пер. с англ. Н.Я. Смородиной. СПб., 2000.

¹⁵ *Blumenberg H. Lebenszeit und Weltzeit. Frankfurt am Main, 1986.*

¹⁶ *Piaget J. Die Bildung des Zeitbegriffs beim Kinde. Frankfurt am Main, 1974 (первое издание на немецком языке французского оригинала 1955 г.).*

тируется в процессе обучения прагматической способностью приспосабливаться к объективным структурам времени. Даже для темпоральной структуры историчности, которая, по Хайдеггеру и в соответствии со следующей ему вослед герменевтической теорией, порождается исключительно на основе конституирующего смысл отношения субъекта к себе, считается, что она в действительности является структурой всех открытых и динамичных систем, индифферентной к конкретной области. Природа и культура — и это вполне банально — не идентичны; но структура исторических процессов — а вот это уже не банально — ведет себя индифферентно по отношению к отличию историй природы, с одной стороны, от историй культуры — с другой¹⁷.

Кроме того, постановка вопросов в эволюционной теории уже давно вышла за пределы одной дисциплины. Особенно важными при этом можно считать аспекты темпоральности эволюционных процессов. Например, то, что изменения информационного состояния, характеризующего идентичность той или иной биотической или культурной системы, при выходе за определенные границы скорости этих изменений могут привести к нарушению межпоколенческого трансфера информации, что, наоборот, слишком низкая изменчивость затрудняет приспособление этих систем к своему окружению и в конечном счете делает приспособление невозможным — все это эволюционные данности, которые связывают природу и культуру не только по аналогии, но и структурно идентично. То же самое, по-видимому, справедливо и для тех процессов самоподкрепления («усиления»), которые, если их динамика рано или поздно не тормозится противодействующими факторами, завершаются катастрофами, превращая порядок в хаос. В этих и других случаях так называемые «две культуры» связаны не тонкими нитями семантических ассоциаций, а прочной исследовательско-практической общностью тождественных постановок вопросов, и, уж конечно, давно существуют конференции по вопросам теории времени и публикации соответствующих материалов, которые представляют неконтингентную, а именно порожденную единством той или иной постановки вопроса междисциплинарность¹⁸.

Обсуждение вопросов по теории времени стали между тем оказывать влияние на практику исследований, что делает не лишенным смысла появление букетов речей и статей, объединенных темой времени, которые на первый взгляд выглядят чересчур пестрыми. Настойчивая потребность в подобных букетах доказана недавней историей теории времени. Множество взглядов, выходящих за рамки той или иной дисциплины, способствует нахождению точек зрения, которые позволяют выявить то, что объединяет разнородное. На этом основана уникальная заслуга Фрезера, который своей конференцией по проблемам

¹⁷ *Lübbe H.* Die Einheit von Naturgeschichte und Kulturgeschichte. Bemerkungen zum Geschichtsbegriff. Akademie der Wissenschaften und der Literatur zu Mainz. Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse. Wiesbaden, 1981. Nr. 10.

¹⁸ *Hierholzer K., Wittmann H.-G.* (Hrsg.). Phasensprünge und Stetigkeit in der natürlichen und kulturellen Welt. Wissenschaftskonferenz in Berlin 8.–10. Oktober 1987. Reichstagsgebäude. Stuttgart, 1988.

времени (1966) положил начало бесчисленным последующим конференциям. Между тем в «Международном обществе по изучению времени» (International Society for the Study of Time) этому типу междисциплинарной работы институционально обеспечили существование на длительную перспективу; и тома, в которых собраны материалы проделанной до сих пор работы, оказались необходимыми, чтобы ориентироваться в области исследований времени¹⁹. Единственный в немецком языковом пространстве внушительный том «Время и культура», вышедший из-под пера Рудольфа Вендорфа и обращенный к широкому кругу читателей, обеспечивает нечто похожее в сфере практической ориентации, причем одновременно в плане истории науки, техники и культуры²⁰. Это означает, что и при обращении к теме «время» проблемы ориентирования возникают не из-за недостатка информации, а от ее избытка. Как следствие этого, получается, что сегодня важны не столько новые междисциплинарные сборники материалов, сколько постановки таких вопросов, которые упорядочивают материал, делают его менее сложным и позволяют выявлять индифферентные к конкретной дисциплинарной сфере структуры.

Прекрасным показателем главной трудности, с которой сталкивается современная междисциплинарная философия времени — а именно, необходимость упорядочения дезориентирующего избытка материала — является повторяющаяся в бесчисленных статьях по философии времени, в том числе у Хайдеггера и уже у Гуссерля, неизбежная как общее место отсылка к св. Августину, который в 11-й книге своей «Исповеди»* писал по смыслу следующее: для него нет никакой трудности в понимании того, что есть время, когда он не размышляет о нем, а просто действует и живет в нем. Трудности возникают только тогда, когда вопрос, что представляет собой время, ставится в явном виде, и нужно ответить на него эксплицитно. Здесь, в связи с тем, что это рассуждение носит характер топоса (общего места), нет необходимости цитировать это место буквально по тексту Августина. Смысл упомянутой рефлексии, как кажется, носит самоочевидный характер, и Ганс-Георг Гадамер пришел к выводу, что затруднение, с которым столкнулся Августин, «есть прототип всех подлинных философских трудностей»²¹. Разумеется, это относится и к философской постановке вопросов в контексте феноменологии, которая не в последнюю очередь занимается выявлением тех когнитивных и прагматических жизненных

¹⁹ The Voices of Time. A Cooperative Survey of Man's Views of Time as Expressed by Sciences and by the Humanities. 2nd ed. / ed. with a new Introd. by J.T. Fraser. Amhurst, 1981.

²⁰ Wendorff R. Zeit und Kultur-Geschichte des Zeitbewußseins in Europa. 2. Aufl. Wiesbaden, 1980.

* Здесь и далее исправлено переводчиком, в оригинале указана 10-я книга.

²¹ См. ссылку на 11-ю книгу «Исповеди» Августина в самом начале статьи Х.-Г. Гадамера: Gadamer H.-G. Über leere und erfüllte Zeit // Die Frage Martin Heideggers. Beiträge zu einem Kolloquium mit Heidegger aus Anlaß seines 80. Geburtstages von J. Beaufret, H.-G. Gadamer, K. Löwith, K.-H. Volkman-Schluck. Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Jahrgang 1969. 4. Abhandlung. Vorgelegt von H.-G. Gadamer. Heidelberg, 1969. S. 17–35, S. 17.

реальностей, которые именно потому теоретически далеки от субъекта этих жизненных реальностей, что они слишком близки ему, причем знакомы как не нуждающиеся в рефлексии. Вместе с тем может осуществляться феноменологическое прояснение и описание субъективных отношений к реальности, которые в своей привычности в сфере жизненного мира и в своих неререфлексивно совершающихся действиях не привлекают нашего внимания, а заполняют фон нашего жизненного мира. Феноменология, повторим еще раз, как ни одна другая школа в философии, занялась этим, и работающие в горизонте феноменологической постановки вопроса психологические, психиатрические, а также социологические исследовательские направления получили, кроме того, возможность плодотворной деятельности в опытно-научном плане. Это относится и к теории времени, так что постоянная отсылка к рефлексии Августина относительно особой трудности при концептуализации времени не может приниматься всерьез. Трудность, которую, ссылаясь на св. Августина, так сказать, риторически возвышают до классической проблемы, представляется скорее затруднением, в котором оказываются, приближаясь к какой-либо большой теме с нечеткой постановкой вопроса. Ведь по причинам, не требующим объяснения, непросто дать ясный ответ на неясный вопрос, и без указания конкретного практического исследовательского или жизненного контекста, в рамках которого обращение со временем выполняет прагматически заданную функцию, вопрос Августина о том, что такое время, также является трудным вопросом, причем не из-за его глубины, а, напротив, из-за его неясности.

В противоположность этому настоящая книга, во всех ее частях, отличающихся тематическим разнообразием, руководствуется единственной постановкой вопроса. Речь идет о вопросе об обратном воздействии ускорения эволюционных процессов на системы, которые ему подвергаются. То, что у подобного ускорения должны существовать определенные пределы — тривиально. Нетривиальным является, к примеру, задача выявления проблем, которые вызваны последствиями того, что достигнуты пределы данных способностей переработки инноваций. Тривиально, что способности (Kapazitäten) для переработки эволюционных инноваций, необходимой для сохранения системы, не являются раз и навсегда зафиксированными способностями, что они, в свою очередь, подвержены эволюции. Нетривиально идентифицировать и анализировать, например, эволюционные процессы, которые можно трактовать только как процессы расширения способностей переработки результатов эволюции. И еще раз, тривиально, что и такие продуктивные реакции в конечном счете наталкиваются на пределы. Нетривиально, к примеру, описать эволюционные кризисы (которые можно рассматривать как кризисы безусловно превышенных пределов доступных возможностей), чтобы технически и организационно, с практически-повседневной точки зрения и с точки зрения культуры памяти справляться с процессами эволюционного ускорения. Во введении к этой книге можно найти это описание в виде краткого содержания. Главы книги, посвященные отдельным темам, раскрывают это подробно и представляют материалы для подтверждения.

Уже в моих более ранних работах имеются статьи, посвященные анализу культурных процессов, ускоряющихся в ходе эволюции. Это прежде всего относится к моей старой (ей уже больше 10 лет), книге «Понятие истории и интерес к истории»²². В первой, аналитической части этой книги преследовались научно-теоретические цели. Если сказать поподробнее, в ней разрабатывалась научная теория исторической науки и особое внимание уделялось описанию структуры историй как необратимых, непрогнозируемых, направленных, но не целенаправленных, контингентных процессов, чья структура, в отличие от природы, с одной стороны, и культуры — с другой, ведет себя принципиально индифферентно. Во второй, прагматической части книги речь шла о теории смысла жизни, а также политического смысла исторической культуры модерна и вместе с тем также об ответе на актуальный в свое время вопрос «Для чего нужна история?».

Все же в упомянутой книге по теории истории отсутствовало описание динамики актуальных культурных процессов, а также анализ последствий этой динамики, которые не столь красивы, как прелестные цветы нашей исторической культуры модерна²³. Многообразные формы проявления перегрузки нашего чувства истории, практические последствия вызванного эволюционным темпом сокращения числа лет, в которые можно рассчитывать на сохранение постоянных жизненных отношений («сокращение настоящего») — это проблемы, чей культурный, социальный и политический вес стал для меня отчетливым лишь значительно позднее. Некоторые из этих проблем я затронул в форме эссе в моей небольшой книге «Отношения ко времени»²⁴ — от пределов существующих возможностей «футурологически» компенсировать обусловленную темпом эволюции скоротечность наших допущений относительно реальности, лежащих в основе наших решений и действий, вплоть до политических последствий уменьшения области действия *common sense** в цивилизации, все больше попадающей под влияние естественных наук²⁵. Недостаток этого эссе заключался не в недостаточной полноте материала, а напротив, в нехватке чисто

²² Lübbe H. *Geschichtsbegriff und Geschichtsinteresse. Analytik und Pragmatik der Historie*. Basel; Stuttgart: Verlag Schwabe & Co, 1977.

²³ Детали из истории и современности современной исторической культуры — от музеефикации до форм проявления нового политического историзма в актуальном европейском регионализме — я описал в нескольких главах моей книги «Настойчивость истории»: Lübbe H. *Op. cit.* (См. примеч. 2 на с. 3 наст. изд.)

²⁴ Lübbe H. *Zeit-Verhältnisse. Zur Kulturphilosophie des Fortschritts*. Graz; Wien; Köln, 1983. Главные тезисы этого большого эссе, которые названы в уточняющем подзаголовке «Об изменившейся современности будущего и прошлого», кратко изложены еще раз, в 10 раз короче, в небольшом эссе: Lübbe H. *Zeit-Verhältnisse. Über die veränderte Gegenwart von Zukunft und Vergangenheit // Zeit-Verhältnisse*. München, 1984. S. 27–36, которое с тех пор неоднократно переиздавалось.

* Здравый смысл (англ.).

²⁵ Более подробному освещению этой темы была позднее посвящена моя книга: Lübbe H. *Der Lebenssinn der Industriegesellschaft. Die moralische Verfassung der technisch-industriellen Zivilisation*. Berlin; Heidelberg; New York; London; Paris; Tokyo; Hong Kong, 1990.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

эссеистической презентации этой полноты. Ведь философскую литературную форму эссе выбирают, помимо прочего, по двум противоположным причинам. Либо пытаются предложить публике вне собственного сообщества специалистов квинтэссенцию ученого труда или разработанной теории в краткой форме, либо предпринимают попытку с противоположным намерением, стремясь опробовать некую тему, чтобы в обозримый период предложить настоящую книгу, что поначалу кажется безнадежным делом. Так что эссе предлагает в этом случае не квинтэссенцию прошлой работы, а набросок того, что хотелось бы проработать. Этому желанию я и пытался пойти навстречу. Книга подхватывает опробованную в эссе тему культурных «отношений ко времени», излагает эту тему и подкрепляет ее центральные тезисы, относящиеся к теории культуры времени, подробными описаниями и анализом новых явлений.

1. ТРУДНОСТИ
С ПАМЯТЬЮ.
ОБ ОТНОШЕНИИ
К ПРОШЛОМУ
В ХОДЕ ПРОГРЕССА

1.1. Настоящее мертвых. Историзированное кладбище и анонимные захоронения

Память, которая культивируется на кладбище, явно не порождена духом историзма. Но в характерные для цивилизации модерна тенденции к самоисторизации оказалась втянута и культура памяти, относящаяся к умершим. И по явлениям, вызванным наложением друг на друга культур памяти, принадлежащих к эпохам до и после формирования современного понимания истории, можно четко распознать темпоральную структуру современной культуры.

Мы знаем и почитаем Просвещение как эпоху реформ, в нее включена и реформа кладбищ. В городах, основанных в Средневековье, кладбище или, точнее, церковное кладбище располагалось в центрах застройки, не допускающих расширения. Это не могло не приводить к проблемам переполнения — прежде всего при массовом поступлении трупов во время эпидемий и затем, в растущих масштабах, в связи с давлением избытка населения, обусловленным демографическими процессами или переселениями по экономическим или политическим причинам. Дополнительное обострение проблемы вместимости, возможно, было связано с градостроительным развитием, когда князья или магистраты претендовали на части кладбищенских территорий для расширения площадей и улиц. Так или иначе, проблема размещения тех сограждан и остальных жителей, с которыми можно было общаться только в коммуникативных актах молитвенного обращения и воспоминания, стала в конечном счете неразрешимой.

Ответ на вызов этой проблемы как бы напрашивается сам собой: необходимо оборудовать новые, дополнительные места для погребения, а именно там, где имеются свободные участки земли, т.е. преимущественно перед воротами города. Так было в эпоху Просвещения, а в ряде случаев и раньше, и здесь мы сталкиваемся с одним из процессов, которые революционизировали современное развитие городов.

Мы уже давно свыклись с убедительностью этого ответа. Однако он, тем не менее, носит характер революции в области культуры памяти. Церковное кладбище, как и сама церковь, располагалось в центре города. Так что пространственно мертвецы оставались вблизи живых, причем на привилегированном месте, куда не надо было ходить специально, поскольку и так постоянно мимо него проходили. Перемещение могильной территории в ходе просвещенческой реформы погребения с церковного на обособленное кладбище отделило мертвых от живых, пространственно по крайней мере. Мы склонны сегодня комментировать эту ситуацию в духе культур-критики. Напрашивается популярная категория вытеснения — умирают теперь уже не дома, а сепаратно, в больнице, и даже похороны проходят в выделенных городах мертвых, куда

1. Трудности с памятью. Об отношении к прошлому

попадают только в том случае, если специально решают посетить их. Конечные остановки жизни, если рассматривать их с технической, транспортной точки зрения, оказываются дальними конечными остановками трамвайных или автобусных линий.

Но и в этом случае культур-критика основывается на неверном понимании. В действительности реформа похоронного дела, которая привела к упразднению старых церковных кладбищ как мест погребения и к оборудованию обширных кладбищ на свободном пространстве за городом, не отразилась негативно на культуре воспоминания о мертвых. Наоборот, благодаря реформе она расцвела беспрецедентным в истории образом. Наша проблема состоит не в том, что мы для памяти о том прошлом, представителями которого являются мертвые, уже больше не выделяем места в центре нашего обитания, а напротив, в высоком уровне почти недостижимых притязаний, которым мы подчинили воспоминание о мертвых в культуре модерна. Упразднение церковных кладбищ в пользу кладбищ обособленных не уничтожило в культурном отношении воспоминание о мертвых. Напротив, отношение к смерти, т.е. к уже умершим среди наших сограждан и ближних, все более индивидуализировалось и затем историзировалось.

Прогресс в культуре нашего отношения к умершим, который принесло с собой Просвещение, будет пониматься лучше, если обращать внимание при этом не только на изменение ментальности, а напротив, также на внешнее давление, которое в конечном счете не могло не проявиться, преодолевая все обычаи и ментальные ограничения. Грубо говоря, растущее с увеличением населения количество покойников на тесных, по градостроительным причинам не допускающих расширения церковных кладбищах старой части города неизбежно превратилось в невыносимую проблему санитарии, постоянно заявляющую о себе. Если поперечное сечение проточной системы не допускает расширения, то неизбежно возрастает скорость потока. Это означает, что времена занятости могил, когда мертвецы, так сказать, могут иметь покой, сжимаются в конечном счете до десяти, а то и до пяти лет. Обычные могилы превращаются в штабеля гробов. Возможность для разложения в почве, которой надо вернуть тела, состоящие из праха, оказалась безнадежно недостаточной, и было бы дурным вкусом живописать неприятные эффекты, сопутствующие этому. Любопытствующих, желающих ознакомиться с подробностями, мы отсылаем к соответствующей историко-культурной литературе¹. Требования гигиены, которые в эпоху Просвещения обрели убедительность еще и по другим причинам, стали явно неопровержимыми, реформаторский абсолютизм нашел здесь обширное поле для деятельности, и с тех пор во всех положениях о кладбищах непримен-

¹ Весьма популярной стала прежде всего книга: *Ariès Ph. Geschichte des Todes / Aus dem Französischen von H.-H. Henschen, U. Pfau (1978). 2. Aufl. München, 1980, особенно S. 608 и далее.* Рус. пер.: *Арьес Ф. Человек перед лицом смерти.* М.: Прогресс — Прогресс-Академия, 1992. См., кроме того: *Ettlin R.A. The Architecture of Death. The Transformation of the Cemetery in Eighteenth Century Paris.* London: Cambridge (Mass.), 1984, особенно P. 16.

1.1. НАСТОЯЩЕЕ МЕРТВЫХ. ИСТОРИЗИРОВАННОЕ КЛАДБИЩЕ

но учитываются релевантные в санитарном отношении условия оборудования и использования кладбищенских территорий².

Вполне естественно желание прокомментировать в культур-критическом плане также и подчинение смерти требованиям санитарии и гигиены. Но такую щепетильность в отношении прогресса, подчинившего санитарным и эпидемиологическим предписаниям даже наше отношение к мертвым, можно позволить себе только в культуре, где блага этого прогресса в какой-то мере стали само собой разумеющимися. Литературная ирония по поводу румян на щеках трупа веселит лишь до того момента, пока реализм неприукрашенного отношения к мертвецам, к которому нас призывает «Смерть в Голливуде»³ Ивлины Во, не вываливает на нас отвратительные подробности допросвещенческого быта церковных кладбищ. Истина, однако, заключается в том, что когда смерть наконец-то стали принимать и воспринимать как гигиенический вызов, повсеместно дело стало доходить до перехлестов в усилиях защитить жизнь если не от смерти, то по крайней мере от инфекции при разложении, неотделимом от смерти. К таким перехлестам относится даже не столько просвещенческо-романтический ренессанс идеи предавать труп не разложению, а очистительному пламени, сколько, например, распоряжение некоего князя Пюклера-Мускау, «чтобы его труп после смерти был погружен в ванну с кислотой до полного растворения»⁴. Если подойти к делу не с точки зрения истории культуры или ментальности, а с экологических позиций, то категория перехлеста оказалась бы еще довольно слабой для характеристики этого процесса. Куда, например, девать эту кислоту, если каждый или хотя бы только солидное меньшинство захотели бы устроить для себя такую очистительную баню после смерти, — вот в чем вопрос. Даже сжигание трупов, к использованию которого в плане культуры памяти модерна мы еще вернемся⁵, также не является беспроблемным. Рост процента кремаций⁶ приводит, как обнаружили экологи, к последствиям совершенно новым — к разработке так называемых «уничтожителей запаха», дезодорантов (их использование является обязательным при непрерывной ра-

² «Неподходящими являются территории с высоким уровнем грунтовых вод. Кладбища должны размещаться на особо сухих почвах, способствующих быстрому разложению трупов. Самыми подходящими являются крупнозернистые песчаные почвы, поскольку они хорошо пропускают воздух...» и т.п. См., например: *Schmidt G.* Das Friedhofsrecht in Niedersachsen // *Die Niedersächsische Landgemeinde.* 1953. Jahrgang 5. S. 98–101, S. 100.

³ *Waugh E.* The Loved One. An Anglo-American Tragedy. London, 1969 [1947]. В Германии роман опубликован под названием «Tod in Hollywood» (Übertragung von P. Gen, zuerst Zürich, 1950). Рус. пер.: *Во И.* Незабвенная / пер. Б. Носика. М., 1969.

⁴ *Boehlke H.-K.* Technische Perfektion und Totengedenken // *Der Friedhof als Gemeinschaftsaufgabe.* Tagung in Zusammenarbeit mit der Arbeitsgemeinschaft Friedhof und Denkmal 16.–18. Januar 1979 in der Evangelischen Akademie Hofgeismar, Schlößchen Schönburg. S. 21–23, S. 22.

⁵ Ср. наст. изд., с. 52 и далее.

⁶ «Число кремаций возрастает постоянно по равномерно растущей кривой», — говорится в книге Бёльке: *Boehlke H.-K.* Die Stellung des Friedhofes in den heutigen europäischen Gesellschaften // *Kunst und Kirche.* 1972. Jahrgang 35. S. 70–77, S. 76.

1. Трудности с памятью. Об отношении к прошлому

боте растущего числа крематориев), которые навлекли на себя подозрение как препараты, содержащие диоксин.

В сообщениях на эту тему невозможно заглушать зловещую сторону дела, и специалисты по похоронным услугам, да и историки, занимающиеся кладбищенской культурой, как и врачи, в связи с их профессией склонны к цинизму в целях психологической самозащиты. Тому, кто стремится избежать подобного цинизма, лучше всего придерживаться материальной стороны дела. Тогда становится понятным, что просвещенческий переход от старой культуры церковных кладбищ к современной, упорядоченной (помимо прочего в санитарно-гигиеническом отношении) системе кладбищ не является *eo ipso* процессом, вызванным религиозным упадком отношения живых к мертвым. Напротив, здесь мы имеем дело в первую очередь с процессом решения множества проблем под давлением последствий, неизбежно возникающих для живых при превышении пределов вместимости старых территорий для погребения. Обязанность соблюдения санитарно-гигиенических норм в местах памяти о мертвых никоим образом не наносит ущерб культуре этой памяти. И все же идея Просвещения сочетать смерть с гигиеной имела и фатальные последствия. Но эти последствия не касаются непосредственно похоронного дела, а напротив, имеют касательство к политике. Понятие гигиены, в его метафорическом словоупотреблении в эпоху Просвещения, как никогда в истории политики обладало способностью легитимировать специфически современную практику массовой ликвидации людей. Очищение общества от тех, кто заражает его своим моральным разложением, — вот в чем содержался, начиная с Просвещения, с недвусмысленным использованием медицинской метафоры, глубинный смысл революционных массовых ликвидаций⁷. «Чистка» — так окрестили ту политическую практику, которой суждено было стать специфической практикой тоталитарных партий.

Но заниматься анализом этих взаимосвязей мы не будем. Здесь мы только упомянем тоталитарное обхождение с трупами, в которые превратились те индивиды, от кого партия, народ или общество хотели очиститься. Техническую сторону дела мы также не будем рассматривать. В своем политическо-культурном значении этот образец еще не изгладился из нашей памяти благодаря метониму «массовое захоронение». Его политическая функция после ликвидации масс заключается в ликвидации памяти об этой ликвидации. Вот почему все следы по возможности безвозвратно уничтожаются. Исчезли те, кто не только как живые, но и как мертвые, а именно путем воскрешения их в памяти, могли бы нанести ущерб партии, народу или обществу. В той тщательности, с которой вожди и их приспешники, по воле которых совершались тоталитарные чистки, после физической ликвидации стремились истребить еще и следы памяти о ликвидированных, отражается значение, которое получило воспоминание о мертвых в жизненном контексте современных культур. Не в последнюю очередь это относится и к самим тоталитарным системам. Вместе с великолепием памятников победы растет и величие мавзолеев. В случае Ле-

⁷ Пример соответствующего применения медицинской метафоры см.: *Markov W., Soboul A. (Hrsg.). Die Sansculotten von Paris. Dokumente zur Geschichte der Volksbewegung 1793–1794. Berlin, 1957. S. 251.*

1.1. НАСТОЯЩЕЕ МЕРТВЫХ. ИСТОРИЗИРОВАННОЕ КЛАДБИЩЕ

нина политическая воля к консервации памяти охватила даже тело покойного, и во всей парадоксальности нетленного трупа он выставлен в центре гигантской империи как главный объект политического культа.

Становится понятным, что в специфически тоталитарной практике ликвидации памяти все еще проявляется исключительное значение, которое память (включая память о мертвых) приобрела именно в обществе модерна. Вот этому и положила начало просвещенческая реформа кладбищ. Церковное кладбище старого города, возникшее в эпоху, предшествующую современному пониманию истории, никак не может быть местом, которое каким-то особым образом способствовало бы приобщению к определенной культуре памяти. Это исключается хотя бы в связи с только что упомянутыми обстоятельствами, которые не могли не возникать из-за достигнутых, а также превышенных пределов вместимости территорий для погребения. Более важно здесь то, что в рамках досекуляризованной религиозной культуры забота о продолжении жизни в памяти потомков не могла особо занимать живых, и внешний вид церковных кладбищ, видимо, вполне этому соответствовал. Еще сегодня остатки этого мира церковных погостов туристы обнаруживают в некоторых сельских районах, если только местные жители соответственно настроились на ожидания гостей, которые со специфическим для модерна музейным восторгом ищут встречи с прошлым и на кладбищах. На тесной территории за стенами церковного кладбища сроки занятия могил оставались недолгими, собранные в склепах кости могли быть доступны и собакам, если бы это их интересовало, и даже там, где кости заботливо сложили в штабеля, а черепа снабдили именами, эти имена, очевидно, не являются символическими указаниями на ушедшие в прошлое жизненные истории конкретных людей, память о которых сохраняется. Напротив, их непреходящий смысл заключается в *memoria mori*, контекст которого не есть контекст определенной культуры консервации индивидуализированной памяти о прежде живших людях.

Пространство для индивидуально-ориентированного воспоминания о мертвых, сохраняющего их живыми в памяти, предоставляет лишь пространство реформированного кладбища. И это надо понимать буквально. Лишь на допускающих расширение кладбищенских территориях вне тесных границ старого города стали доступными пространства достаточной вместимости, без которых нельзя обойтись, если не тревожить покой мертвых дополнительными захоронениями в старые могилы до момента окончательного разложения тела умершего. «Период так называемой кладбищенской рекультивации» увеличен, и это позволило, не нарушая типовых норм современных кладбищенских уставов, расширить «кладбищенский период» (*Ruhefrist*) или «щадящий период» «по меньшей мере» до «периода полной минерализации»⁸. «Выбор продолжительности кладбищенского периода осуществляется в контакте с окружающим врачом при учете состояния почвы и уровня грунтовых вод», — это уже известный санитарный аспект дела. На практике учитываются дополнительные

⁸ *Gaedke J. Handbuch des Friedhofs- und Bestattungsrechts. Mit ausführlicher Quellensammlung des geltenden staatlichen und kirchlichen Rechts. Stand: 1. April 1977. 4. überarb. Aufl. Köln; Berlin; Bonn; München, 1977. S. 157.*

1. Трудности с памятью. Об отношении к прошлому

параметры — «для взрослых», «в зависимости от вида почвы», «15–40 лет»; на многих кладбищах в настоящее время покойнику гарантируется неприкосновенность его могилы по крайней мере в течение 30 лет⁹. Три десятилетия — это, как ни говори, период жизни одного поколения, и тем самым открываются временные рамки для культуры, которая с целью индивидуализации стремится сохранять мертвых живыми в памяти. При этом, разумеется, современное пост-просвещенческое кладбище с могилами, рассчитанными на длительный срок, есть только внешняя предпосылка индивидуально-ориентированной культуры воспоминаний о мертвых. Более важным является то изменение в самоощущении индивидов, которое — что касается высокой культуры — отражается в современной истории автобиографии¹⁰. В этой истории происходит детипизация жизненных карьер, знакомых нам по своим истокам у Августина — как истории религиозного обращения, у более поздних авторов — как истории пробуждения и, разумеется, также как разнообразные мирские истории испытаний и успехов¹¹. В плане социальном и культурно-историческом в эпоху Просвещения жизненные истории стали сочиняться как истории формирования личности, результатом которых был не тип, а уникальность, нарративное представление которой не утверждает некий образец, а являет исключительное своеобразие индивидуального. Лишь в отношении подобной жизненной истории можно сказать, что в памяти о ней она может найти свое продолжение, а на кладбище этому соответствует надолго законсервированная могила. Культурный смысловой контекст, в который это вписывается, простирается теперь далеко за пределы смысла, возникающего в сознании в день праздника Всех святых или в Поминальное воскресенье. Приватные даты, а именно даты, имеющие личное значение в жизни покойного, а также семьи, друзей, или фирмы и прочих институтов, с которыми он был связан в жизни, становятся теперь главным поводом разыскать могилу и обновить ее убранство.

Разумеется, на реформированном кладбище имеет место и буржуазная имитация феодального жизненного мира. Пышно расцветает показное великолепие фамильных гробниц, а в пространственном размещении привилегированных или менее ценимых мест на новых кладбищах отражаются новые иерархии и расслоение буржуазного мира по значимости. Но решающим здесь, в подобной диффузии старых привилегий верхнего слоя в буржуазном обществе мертвых, является все же приращение нового. Указания профессии на могильных памятниках явно имеют иной смысл, чем аристократические титулы, а кто высекает в камне, что был владельцем земельных угодий, в своей претензии на социальную значимость конкурирует не со старыми помещиками-землевладельцами. Напротив, речь идет об указаниях на успешную карьеру при жизни, которую

⁹ Gaedke J. Op. cit. (См. примеч. 8.)

¹⁰ Ср. в связи с этим: Henningsen J. "Jeder Mensch erfindet sich eine Geschichte". Max Frisch und die Autobiographie // Literatur in Wissenschaft und Unterricht. 1971. IV/3. S. 167–176.

¹¹ Ср. в качестве примера: Shoemaker W. English Autobiography: Its Emergence, Materials and Form. Berkeley; Los Angeles, 1954. Кроме того: Delany P. British Autobiography in the Seventeenth Century. London, 1969.

1.1. НАСТОЯЩЕЕ МЕРТВЫХ. ИСТОРИЗИРОВАННОЕ КЛАДБИЩЕ

данный индивид сделал, ориентируясь на современные идеалы личности. Могила представляет историю деятельности личности, в исключительных случаях известной за пределами семейства — ее знают представители местной промышленности, академических школ, союзов или партий как свою собственную историю. Память об умерших становится тем самым частью актуализации историй о происхождении с тенденцией к индивидуальной, семейной и общественной самоисторизации. Современные кладбища — это места постепенной консервации могил с целью историзации. При этом могилы знаменитостей, уход за которыми (если срок семейных полномочий истек) сегодня повсеместно осуществляется муниципальными службами, представляют собой только общеобязательные объекты интереса, на который на реформированных кладбищах немедленно стал претендовать и маленький человек среди покойников. Как же иначе прикажете понимать распространяющийся обычай ставить надгробие на каждую могилу? На камне ведь высекается то, что не должно быть предано забвению, пока существует Земля. Как прикажете представлять себе мир, в котором такое предусмотрено для имени каждого человека? Очевидно, что такой поворот мысли никогда не продумывался до конца со всеми его последствиями. Так или иначе, таков мир, от которого требуется невиданная прежде работа по сохранению памяти.

Эстетическая атмосфера реформированных кладбищ соответствует этому. Красивое кладбище — еще сегодня люди думают, что такое можно увидеть, а историки, занимающиеся кладбищенской культурой, подтверждают это¹², — есть прежде всего кладбище для покойников, пребывающих живыми в памяти, в этом смысле — секуляризованное, а не расположенное у храма кладбище, которое было предназначено для погребения тех, кто был уверен в предстоящем воскресении. При этом, разумеется, не исключаются религиозно-христианский аспект дела, с одной стороны, и специфически современный, а именно аспект культуры памяти, — с другой. Просветительские реформаторы кладбищ рекомендовали публике новые, гигиенически чистые, а затем и приукрашенные места погребения, используя не в последнюю очередь религиозные аргументы, и не кто иной, как Вольтер пришел к выводу, что все же для почитания Божественного начала не подходит место, если оно одновременно оказывается местом гниения трупов¹³. Согласно этому аргументу, отделение мертвых от живых устроением новых кладбищ за пределами тесноты старого города учитывало бы не только требования гигиены, но одновременно и требование рационального культа, оказываясь, кроме того, удобным поводом, чтобы превратить кладбище в образец садового дизайна. Это можно было даже воспринимать как эстетическое торжество Сотворения мира, тем более, что это хорошо вписывалось в романтическую философию природы.

Но здесь речь идет не об истории кладбищенской культуры, а об изложении трудностей, отражающихся и в этой истории, с которыми сталкивается мо-

¹² Ср.: *Boehlke H.-K.* Op. cit. (См. примеч. 6.) S. 70–77, особенно S. 72.

¹³ Цит. Р. Этлингом: *Etilin R.A.* The Architecture of Death. The Transformation of the Cemetery in Eighteenth Century Paris. P. 17.

1. Трудности с памятью. Об отношении к прошлому

дерновое сознание из-за избытка требуемой от него работы памяти (*Erinnerungsleistungen*). Метонимически можно обозначить эти трудности как парадоксальность демократизации надгробия. Каменные надгробия, как уже говорилось, предназначались «раньше привилегированному слою». Самое позднее «со времен грюндерства» они относятся «вообще к социальному престижу»¹⁴. Но можно ли вообразить себе такого субъекта культурной памяти, чтобы его способность памяти была сопоставима с долговечностью памятных надписей, высеченных в камне? Очевидно, подобного субъекта культурной памяти не существует — во всяком случае для колоссального количества мертвецов, имена которых — отлитые в бронзе или высеченные в граните — мы видим на наших больших современных кладбищах. Разумеется, по указанным гигиеническим причинам «минимальные кладбищенские периоды» довольно продолжительны; они охватывают, как говорилось, примерно время жизни одного поколения, и это обстоятельство можно использовать в отношении культуры памяти. Но рано или поздно наступает время, когда при ликвидации могил — хотя бы они были семейными могилами на протяжении жизни трех поколений — хорошо сохранившееся надгробие, в свою очередь, становится проблемой для удаления, и в этом случае представляется, что по финансовым и экологическим причинам хорошим решением проблемы была бы переработка. Место, где собраны старые надгробия, производит сильное впечатление, оно впечатляет тем больше, чем моложе покойники, чьи надгробия между тем утратили свою функцию памяти. Создается впечатление, будто богатая традициями практика увековечивать память об именах с помощью надгробия возвысилась на современном кладбище до общей практики, цель которой — подкрепить опыт окончательности смерти дополнительным опытом того, что и жизнь в памяти быстро угасает.

Итак, повторим еще раз: время занятия могилы на современных постпросвещенческих кладбищах существенно увеличилось, и это относится к темпоральным предпосылкам жизни в памяти потомства (*Nachleben in der Erinnerung*), обеспечить которую является важнейшим смыслом этих кладбищ. Но между тем, как кажется, утверждаются скорее противоположные тенденции. У администрации крупного современного кладбища свои рациональные соображения, идущие вразрез с выразительными формами индивидуально-ориентированной культуры воспоминания. На крупных кладбищах, устроенных в XIX в. и давно превратившихся в кладбища центра города, заново встают проблемы вместимости, поэтому в интересах города по возможности снизить «кладбищенский период» до периода, прагматически приемлемого в отношении благочестия, а также допустимого в санитарном отношении. Но самые важные причины снижения интереса к тому, чтобы воспоминание о мертвых превращать в долговременное воспоминание и соответственным образом оборудовать могилы как постоянные, лежат глубже. О каких причинах идет речь? В первую очередь в контексте современного препровождения жизни ослабляется связь памяти, темпорально упорядочивающей реальность, с фиксированными местами в пространстве. Конкретно это означает, что с динамикой и ростом дифференциации

¹⁴ *Boehlke H.-K.* Op. cit. (См. примеч. 6.) S. 72.

1.1. НАСТОЯЩЕЕ МЕРТВЫХ. ИСТОРИЗИРОВАННОЕ КЛАДБИЩЕ

обществ модерна растут возможности мобильности населения, а вероятность сохранения места постоянного обитания уменьшается. Тем самым снижается вероятность того, что покойный будет погребен на кладбище того же поселения, в котором родился, постоянно жил, возможно, даже в том самом доме, в котором еще будут жить его дети и внуки со своими семьями. Это неизбежно отражается на традиции фамильного склепа, расцвет которой, по-видимому, можно отнести к концу XIX столетия. Такая могила перестает быть целью прогулок или экскурсий. Уход за ней доверяется профессиональным работникам предприятия, оказывающего садоводческие услуги. Если она находится в месте, с которым не связаны никакие воспоминания детства, она неотвратимо изглаживается из памяти, как место памяти, а в конечном счете право на уничтожение могилы, полученное администрацией кладбища, без возражений принимается к сведению. «Человек не может жить без кладбища»¹⁵, с этим не поспоришь. Но в предельном случае модерна это означает только, что в упорядоченном обществе погребением мертвецов также стремятся заниматься упорядоченным способом. При этом в связи с ростом мобильности неизбежно снижается значение кладбища как пространства индивидуально-ориентированной культуры воспоминания, а периоды занятия могил снова сокращаются.

Кроме того, поколения в динамической культуре удаляются друг от друга не только в пространственном, но более того — и во временном отношении. Актуализация ранее живших людей в памяти не вызывает особых затруднений, если множество того, что на основе жизненного опыта связывает поколения, велико. Напротив, в динамической культуре культурные стандарты, на которые люди ориентируются, меняются гораздо стремительнее, чем когда-либо прежде.

Между поколениями возникают различия в стиле жизни. Особенности, порожденные доминирующим опытом жизни, уже сегодня разделяют возрастные когорты временными интервалами, которые существенно короче периода жизни одного поколения¹⁶, и представители живущих одновременно поколений становятся по отношению друг к другу в некоторых отношениях историческими. Образ, который имеется у поколений друг о друге, утрачивает специфичность, и особенно это относится к образу памяти давно умершего человека. Только занимаясь семейной историей как хобби, можно в конечном счете научиться не ощущать бросающегося в глаза курьезного позерства, отличающего сегодня семейные фотографии того или иного поколения, которое, скажем, было молодо до Первой мировой войны — по одежде и обстановке жилья, само собой, но и по внутрисемейным социальным иерархиям, зримым по характеру размещению персонажей на групповых фотографиях, а также по исторической отдаленности конкретного детства, читаемой в облике мальчика, одетого в кадетскую форму. Как сказывается на отношении к могилам

¹⁵ *Boehlke H.-K.* Op. cit. (См. примеч. 6.) S. 74.

¹⁶ Ср.: *Jaide W.* Generationen eines Jahrhunderts. Wechsel der Jugendgenerationen im Jahrhunderttrend. Zur Sozialgeschichte der Jugend in Deutschland 1871–1985. Opladen, 1988.

1. Трудности с памятью. Об отношении к прошлому

собственных бабушек и дедушек то обстоятельство, что сам человек уже вступил в поколение бабушек и дедушек? Исторические дистанции, которые должны перекрываться посредством памяти, велики, и они, как уже говорилось, только увеличиваются вместе с динамикой культурного развития. Правда, что тенденции самоисторизации нашей современной цивилизации способствуют распространению любительских занятий семейными историями, так что существует также специфически современный вид ухода за могилами ради семейной истории. Но в социальных средах, где из-за особенностей, связанных с происхождением и другими обстоятельствами, менее сильно сформировался интерес к семейной истории, люди, естественно, заботятся о семейных могилах меньше, чем когда-либо, а потому внедряются рациональные методы современного управления кладбищами с их тенденцией к унифицированным срокам рекультивации.

В процессе воспоминания субъект действует не в рамках собственной памяти. Практика обновления живого воспоминания является ритуальной практикой, и человек тут — от похорон до дня поминовения усопших и от символики надгробий до форм совместных посещений могил, — вынужден (чтобы вообще двигаться, высказываться или делать распоряжения) соотноситься с образцами, которые нельзя с ходу придумать *ad hoc*. Эти образцы отмечены печатью определенных институтов, передаются традицией и в своей социальной обязательности также зависят от институтов. Кто участвует в жизни церкви, не сталкивается тут с какими-либо трудностями. Кто же отошел от этого, живя в секуляризованном обществе, неизбежно попадает в сложную ситуацию. Все начинается уже при составлении некролога. Кто со времен своей конфирмации не научился пользоваться лютеровской Библией, тому легко выбрать из нее (ведь там выделены полужирным шрифтом стихи топического содержания) подходящий стих для некролога. Если препоручить дело пастору, ничего плохого, как правило, не будет. Если человек недостаточно связан с церковью и Библией, то следствием этого будет немота некролога. При этом немотствование еще можно считать удачей, ведь оно в своем роде тоже говорит, да еще как. Неудача возникает — и повторяется все чаще — когда индивиды, которым приходится делать такие объявления, считают себя компетентными и пишут в некрологе о покойном небылицы. Ослабевающий социальный контроль сопровождается также и ослаблением контроля в вопросах вкуса, а наряду со свободами, которые мы обретаем благодаря эмансипации от ритуалов, связанных с религиозными институтами, неизбежно распространяется также и безвкусица. Все это просачивается и в кладбищенскую культуру. На похоронах можно в качестве траурной музыки услышать популярные мелодии типа «S'ist Feierabend» и «Rolling home». Могут пропеть и «Gute Nacht, Mutter». Вместо ангела, столь привычного людям старшего поколения, на детскую могилку указывает Пумукль* или даже олененок Бэмби. После того как группы провожающих по-

* Пумукль — герой популярной книги писательницы из Мюнхена Каут Эллис, это маленький смешной кобальд, с которым происходят всевозможные забавные истории.

1.1. НАСТОЯЩЕЕ МЕРТВЫХ. ИСТОРИЗИРОВАННОЕ КЛАДБИЩЕ

койника в последний путь и так уже растаяли, а это происходит в больших городах почти всегда, так что по дороге к могиле уже никого не остается, чтобы последовать за гробом, становится ясно, что охрану места последнего пристанища человека следует поручить комнатным собачкам: и вот на надгробиях появляются «собачьи портреты», высеченные каменотесами по фотографиям¹⁷. Короче говоря, последствия ритуальной неопределенности распространяются. Там, где их замечают, воцаряется растерянность, а объектом подобной растерянности никто быть не хочет.

Каковы последствия? Выбирают ритуал нулевой ступени — так называемое анонимное захоронение. «Увольнения у каменотесов», «Погребальные фирмы высказывают озабоченность», — таковы заголовки заметок об экономических последствиях этого тренда¹⁸. Уже само название «анонимное захоронение» говорит само за себя. Тот, кто решается заказать его, заранее отвергает желание продолжить жизнь в памяти в качестве покойного. Что толку увековечивать свое имя на камне, если желание время от времени прочитывать его высеченным на камне становится у собственных потомков все слабее, а камень, в свою очередь, сразу по истечении определенного кладбищенским уставом «кладбищенского периода» будет снесен? Выход из ситуации предлагает богатое традицией кремирование. На кладбище Гамбург-Ольсдорф число кремирований за последние восемь лет утроилось. В Южной Германии, в особенности в районах с католическим населением, доля кремаций растет не столь круто. «Церковь, — имеется в виду римско-католическая церковь, — придерживается старого обычая, согласно которому тела умерших верующих должны быть похоронены, т.е. погребены в земле»¹⁹. Однако новая практика кремации, цель которой — анонимное захоронение урны под дерном, уже не имеет ничего общего с идеологически окрашенными ритуалами огненного погребения, практикуемыми вольнодумцами-антиклерикалами, а потому и церковь едва ли ощущает вызов со стороны своих верующих, если они желают кремировать покойников. Но среди маргинальных групп желание как можно скорее стать после смерти анонимным проявляется еще более радикально. Глядя на газоны, под которыми анонимно захоронены урны, случайные посетители могут все же предположить, в каком месте, вероятно, находится прах знакомого человека, о котором они помнят. Те же, кому неприятна даже мысль о таком предположении, могут оставить распоряжение, чтобы их прах был развеян. Если прах развеять над морем, то диффузионный эффект от такого рассеивания возрастет еще более.

Итак, на наших глазах совершается драматическое изменение культуры погребения. Налицо богатые возможности для изучения структуры эволюцион-

¹⁷ *Albrecht H.* Hin und wieder noch ein Engel. Die Sitten auf deutschen Friedhöfen haben sich radikal gewandelt // *Die Zeit.* 1988. 11. November. Nr. 46. S. 86.

¹⁸ Взято из заголовков и подзаголовков статьи «Все больше граждан настаивают на анонимности после смерти»: *Immer mehr Bürger wollen im Tod anonym bleiben* // *Frankfurter Allgemeine Zeitung.* 1988. 24. Februar. Nr. 46. S. 9.

¹⁹ *Eichmann E.* Lehrbuch des Kirchenrechts. 12. Aufl. Bd. 2. Sachenrecht. München, 1967. S. 338.

1. Трудности с памятью. Об отношении к прошлому

ных процессов. На новое, чей смысл, возвещааемый и удостоверяемый, довольно легко распознать, контингентно наслаиваются реликты старых обычаев — так, например, в Швеции, перед тем как гроб опускается для сожжения в печь, провожающие бросают вслед покойнику землю из приготовленного ведерка. «Это ничего не дает даже как символическое действие, только прибавляет хлопот уборщице», — комментирует данную практику журналист, компетентный в истории культуры погребения²⁰. В упомянутом пережитке прошлого, связанном с землей, речь явно идет о составной части ритуала, о которой известно, что ее можно объяснить только исторически²¹. В ходе погребения в земле, что раньше было единственной практикой, имело смысл символически участвовать в работе могильщика, предающего покойного земле.

Но в чем заключается смысл распространяющегося в сфере культуры стремления помешать продолжению жизни покойного в памяти его близких родственников? Зачем в контексте культуры, которая как никогда прежде характеризуется тенденциями самоисторизации, заранее отнимать у близких родственников всякую внешнюю опору, на которую может опираться их память? На первый взгляд может показаться, что эта практика не соответствует цветущему историзму нашей цивилизации модерна. В разнообразных формах проявлений ностальгии, в том числе в страсти к антикварным вещам, в растущей готовности (надо сказать, дорогостоящей) обходиться со своим старым домом как с памятником архитектуры, историзм модерна уже давно вошел в состав нашей повседневной культуры, и именно ему противоречит распространяющееся желание как можно скорее создать после смерти анонимность. Если присмотреться, то можно заметить взаимосвязь: по указанным выше причинам затруднения, возникающие при попытках обеспечить продолжение чьей-либо жизни в памяти его потомков, нарастают быстрее, чем интерес к такому продолжению жизни. А это означает, что исполнение долга памяти становится обременительным, и мы с прецептивным тактом освобождаем наших живых родственников от этого долга, взяв на себя индивидуальное обязательство сохранять анонимность после смерти.

Таким образом, практика анонимного захоронения относится к прагматике прецептивного освобождения от долга памяти, исполнение которого по указанным выше причинам в самом деле становится все затруднительнее. Данная прецепция есть часть культуры историзма, которая, разумеется, уже давно историзировала и само кладбище. Мертвые кладбища, как называл их Теодор Фонтане, т.е. кладбища, на которых уже больше не хоронят, попадают, как правило, в систему охраны памятников, благодаря своему возрасту и тому обстоятельству, что остатки надгробий обладают обаянием исторической древности.

²⁰ *Boehlke H.-K.* Technische Perfektion und Totengedenken // *Der Friedhof als Gemeinschaftsaufgabe. Tagung in Zusammenarbeit mit der Arbeitsgemeinschaft Friedhof und Denkmal*, 16.–18. Januar 1979 in der Evangelischen Akademie Hofgeismar, Schloßchen Schönburg. S. 21–32, S. 29.

²¹ По поводу типа исторического объяснения см. главу «Что означает “Это можно объяснить только исторически”?» в моей книге: *Lübbe H.* *Geschichtsbegriff und Geschichtsinteresse. Analytik und Pragmatik der Historie.* Basel; Stuttgart, 1977. S. 35–47.

1.1. НАСТОЯЩЕЕ МЕРТВЫХ. ИСТОРИЗИРОВАННОЕ КЛАДБИЩЕ

В этом смысле здесь можно говорить о сохранении памятника истории кладбищенской культуры. Но и индивидуальные могилы включаются в систему охраны памятников в своем индивидуальном значении, а именно как могилы знаменитых людей. Если на кладбище похоронено несколько знаменитостей, то о закрытии таких кладбищ нечего и думать, даже в тех случаях, когда речь идет о не очень старых кладбищах. Если на одном из таких кладбищ уже не совершаются погребения, то и незнаменитая личность, которая нашла здесь место своего упокоения, может рассчитывать на постоянную консервацию ее могилы — вместе с могилами знаменитостей — по воле системы государственной охраны памятников. Так, сегодня, наряду с ширящейся анонимностью после смерти, существуют неизвестные до сих пор формы постоянного сохранения своего имени — как побочный эффект взятой государством на себя обязанности сохранять историческую память о великих личностях, в том числе их могилы. Время от времени находят основания для подозрения в спекуляции на побочном эффекте сохранения своего имени при консервации значимых для историзирующего сознания кладбищ, проходящей под лозунгом охраны памятников. Так, открытое сразу после окончания Второй мировой войны кладбище «Вальдфридхоф» в Целендорфе* считалось «социальным кладбищем». «Лишь представители бедных слоев населения хоронили здесь своих покойников, тогда как состоятельные семейства стремились хоронить родственников на городских кладбищах». «И только после похорон Эрнста Ройтера**... кладбище начало завоевывать популярность». Как следствие, вытекающее из закона о кладбищах, позволяющего каждому быть похороненным в могиле по его выбору, на каком бы кладбище она ни находилась, немедленно возникла «чрезвычайная ситуация в отношении загруженности могил». По аналогии с различием в престиже между городскими кварталами формируются и различия между кладбищами. Тот, кого похоронили на правильном кладбище, с большой долей вероятности может рассчитывать на контингентное, а именно осуществляемое в рамках охраны памятников увековечение его имени²². В качестве вторичного эффекта процессов историзации этого в конечном счете также можно достичь в тех редких случаях, когда собственное надгробие благодаря его особым художественно-эстетическим качествам получает статус объекта охраны памятников. Надгробие (Grabmal) — могильный памятный знак — превращается в памятник (Denkmal) в историческом смысле, но несмотря на это превращение он остается в личной собственности.

* Берлинское кладбище, расположенное в бывшем предместье Берлина, селе Целендорф, в 1920 г. вошедшем вместе с несколькими другими селами в черту Берлина в качестве 10-го городского района Целендорф, ныне район Штеглиц-Целендорф.

** Эрнст Ройтер (1889–1953), немецкий политик. Правящий обербургомистр Западного Берлина (1948–1953).

²² О целендорфском кладбище «Вальдфридхоф» см.: *Jenz H. Der Friedhof als stadtgeographisches Problem der Millionstadt Berlin — dargestellt unter Berücksichtigung der Friedhofsgründungen nach dem 2. Weltkrieg // Abhandlungen des Geographischen Instituts. Anthropogeographie. Bd. 26. Berlin, 1977. S. 77 и далее.*

1. Трудности с памятью. Об отношении к прошлому

Объектами «вечного хранения» становятся, наконец, в Германии также «могилы жертв войны и тирании»²³. На эти могилы «не распространяются инструкции по временному ограничению права на “кладбищенский период” (Ruherecht)». Первоначальный смысл вечного сохранения этих могил, разумеется, не связан с историзацией. Определенно можно даже сказать: вечное хранение «могил жертв войны и тирании» должно противодействовать историзации политических обстоятельств их смерти. Если точнее, то смысл указанного сохранения могил состоит в морально-политическом напоминании. Между тем реализация этого смысла предполагает, что данное напоминание является актуальным вечно, т.е. что, будучи предупрежденным о постоянных опасностях или наклонностях, человек будет вести себя иным образом.

Не нужно обладать, однако, особой проницательностью, чтобы понять, что содержащееся в юридических предписаниях по вечному сохранению могил жертв войны и насилия предположение, что присущий этим могилам характер напоминания обладает собственной вечной актуальностью, фиктивно. Это становится понятным при сравнении морально-политического смысла современных немецких мемориальных кладбищ с традиционными военными кладбищами других стран. Памятник неизвестному солдату во Франции, могила Неизвестного солдата у Кремлевской стены в Москве с Вечным огнем, которую любят посещать новобрачные после официального бракосочетания, отдают почести мертвым, показавшим готовность принести в жертву свою жизнь, и напоминают об этой готовности. Немецкие военные кладбища раньше также не носили никакого другого смысла, и никакой сельский памятник павшим в своем изначальном историческом смысле не допускает иного толкования. Будет явным переиначиванием смысла их напоминания, если мы будем видеть его не в долге, повелевающем принести подобную жертву, а в суровом долге, повелевающем теперь препятствовать возникновению любых обстоятельств, при которых подобная готовность пожертвовать собой некогда считалась необходимой. Разумеется, у этого переиначивания имеются веские причины. Но чем непреложнее являются эти причины в их актуальной значимости, тем необозримее становится исторический перечень, определяющий формы политической идеи смерти недавнего или отдаленного прошлого. И такая картина возникает не только с точки зрения проигравшей стороны. Уже отсутствуют условия, и политические, и военные, при которых событие вроде битвы при Вердене можно было бы просто помыслить, а сильное впечатление, которое и сегодня получает посетитель склепа на этом месте, связано не с неподвластным времени постоянством его изначального смысла напоминания, а совсем наоборот — с уникальной историчностью обстоятельств, уже нуждающихся — чтобы быть понятыми сегодня — в научно-исторических разъяснениях²⁴. Не изначальный смысл напоминания, предполагавшийся прежними воинскими

²³ Gaedke J. Op. cit. (См. примеч. 8.) S. 158. Подробнее в главе 7 «Могилы жертв войны и тирании» (S. 213 и далее).

²⁴ Koselleck R. Kriegerdenkmale als Identitätsstiftungen der Überlebenden // Marquard O., Stierle K. (Hrsg.). Identität. München, 1979. S. 255–276.

1.1. НАСТОЯЩЕЕ МЕРТВЫХ. ИСТОРИЗИРОВАННОЕ КЛАДБИЩЕ

мемориалами, а наглядная очевидность его историчности дает возможность сделать упомянутые места местом демонстрации дружбы между бывшими врагами. Там, где историчность обстоятельств, жертвой которых пали погибшие, не вполне очевидна, этого не происходит.

Нечто похожее относится и к могилам жертв тоталитарной тирании. В этом случае законодательно взятое на себя обязательство по сохранению этих могил конституирует отнюдь не смысл напоминания, значимость которого могла бы простираться (в зависимости от превратностей истории) на все времена. Чем решительнее — посредством напоминания, репрезентацией которого служат захоронения жертв тоталитарной тирании после ее краха, — дискредитируется идеологическая основа этого насилия, тем меньше становится политическая актуальность этого напоминания, и то, что произошло, приобретает характер исторической уникальности, растущая непонятность которой свидетельствует о том, что вероятность повторения случившегося снижается, а это и означает, что актуализация этой уникальности превращается в процесс ее историзации.

Итак, нужно примириться с неизбежностью: даже законодательные предписания, обязывающие нас с морально-политической целью сохранять могилы жертв войн и насилия, в конечном счете способствуют их историзации. Культура модерна есть культура прогрессирующей самоисторизации, и даже мертвые сегодня, по-видимому, пребывают в нашей памяти актуальными преимущественно в историзирующих формах воспоминания о них. Кстати, именно это, скорее, и отталкивало от модерновой кладбищенской культуры и церкви, и священников, а также благочестивых верующих, восприимчивых к обсуждаемым культурным взаимосвязям. Ведь усилия, каковы в конечном счете всегда тщетны, прилагаемые в нашей культуре, чтобы мертвые продолжали жить в памяти, являются с религиозной точки зрения на жизнь иррелевантными усилиями. То, к чему эти усилия приковывают внимание, обедняют те жизненные цели, для которых в аспекте нашей смерти безразличен ответ на вопрос, насколько высоко будет цениться наше наследие как источник для исследования сыгранной нами роли в истории семьи, истории сообщества или любой другой, в том числе — для исследования нашей политической роли. «Будущее церкви лежит не на кладбище», — понятно разъясняет один церковный деятель²⁵. Тем не менее это не должно становиться причиной противодействия историзирующим тенденциям кладбищенской культуры модерна. Ведь понимание того, что и память умирает, усиливает опыт смерти в ее абсолютном значении, и при ближайшем рассмотрении актуализация этой двойной смерти оказывается подлинным смыслом историзации кладбищ в эпоху модерна.

²⁵ *Weispfennig W.* Der Friedhof als Gemeinschaftsaufgabe — Rechtliche Fragen // *Der Friedhof als Gemeinschaftsaufgabe.* Tagung vom 27. Februar bis 1. März 1978 in der Evangelischen Akademie Hofgeismar, Schlößchen Schönburg. S. 27–38, S. 28.

1.2. Охрана памятников, или Парадоксы стремления старое вновь сделать старым

Сохранение памяти о том, что отошло в прошлое, в последнее время исторически изменяется и приобретает новые формы. Как мы видели, только реформа кладбищ в эпоху Просвещения придает индивидуально-ориентированное направление культуре воспоминания о мертвых. Широко распространяющаяся в настоящее время тенденция, состоящая в том, чтобы в случае смерти обязать родственников совершить анонимное захоронение умершего, также выражает небезразличие к продолжению жизни в памяти. Появление данной тенденции обусловлено пониманием возрастающих тягот, сопровождающих выполнение долга по сохранению памяти об умерших. К тому же обращение к анонимности играет дополнительную роль предусмотрительного освобождения от обязательств, которые накладывает на живых бремя сохранения воспоминаний об умерших.

В настоящий момент число людей, предпочитающих анонимное захоронение, стремительно растет — их прах предают земле без всякой могилы, гарантируя отсутствие надгробья, либо развеивают над рекой или даже над морем. Но в то же время растет и число покойников, чьи имена вместе с могилами и могильными плитами подвергаются надежной консервации на необозримо длительное время. Это происходит, если какие-либо могилы или даже целые кладбища получают статус охраняемых памятников. Основной интерес состоит здесь не в том, чтобы сохранить воспоминания об умерших как о неповторимых индивидах. Речь идет, скорее, о том, чтобы сохранить в памяти наглядное представление о реликтах переставших существовать и отошедших в прошлое культур памяти.

Какова же природа задействованного здесь интереса, в силу которого воспоминание об умерших уступает место воспоминанию об этом воспоминании? В культуре прогрессирующей самоисторизации ответ на этот вопрос напрашивается сам собой, если только мы обратимся к истории охраны памятников. Она хорошо исследована, и важнейшие свидетельства философии, которой руководствовалась деятельность по охране памятников в различные эпохи, в настоящее время собраны в одном издании¹. В случае такого рода исследований мы имеем дело с воспоминаниями, как бы возведенными в куб: памятники, которые когда-то служили воспоминанием, после угасания этих воспоминаний

¹ Huse N. (Hrsg.). Denkmalfpflege. Deutsche Texte aus drei Jahrhunderten. München, 1984. Кроме того: Dehio G., Riegl A. Konservieren, nicht restaurieren. Streitschriften zur Denkmalfpflege um 1900 / mit einem Kommentar von M. Wohlleben und einem Nachwort von G. Mörsch. Braunschweig; Wiesbaden, 1988.

подвергаются консервации как памятники определенной культуры воспоминания, а современная историография, посвященная охране памятников, напоминает нам об изменяющихся в ходе истории формах этой консервации.

Охрана памятников не только является объектом исторического исследования, но и находится в фокусе общественного интереса, более пристального, чем в любую из предыдущих эпох. Но в чем здесь дело? Что лежит в основе различных гражданских инициатив, демонстраций и протестов против сноса ненужных фабричных цехов, построенных в межвоенный период? Что за образ мысли стоит за бурным распространением термина «воссоздание», неведомого еще дюжину лет назад? Каким изменениям суждено было произойти с понятием прогресса, чтобы во имя его могли выдвигаться требования вернуть старый облик деревням и даже целым городским кварталам?

Ответ на эти вопросы, который, вообще говоря, на примере охраны памятников, представляет собой ответ на вопрос о специфической для эпохи модерна функции исторического сознания, я дал и подробно истолковал в другом месте². В подробностях повторять его не станем. Здесь важно показать, каким образом выходит так, что под воздействием эволюционной динамики, постоянно возрастающей в различных областях нашей цивилизации, историческое сознание больше не в силах сносить выпадающие на его долю достижения в силу чрезмерности предъявляемых при этом требований. Предметом обсуждения служат здесь предположения о будущем актуально наличествующего в историческом сознании прошлого, когда к этому сознанию предъявляются все более чрезмерные требования. Существующие в настоящее время формы охраны памятников могут дать нам наглядный пример этих превосходящих всякую меру требований. Фоном наших рассуждений является при этом положительное и бесспорное чувство, вдохновляющее современное движение в защиту памятников — начиная с упомянутых гражданских инициатив и вплоть до профессиональных успехов наших реставраторов и чиновников, отвечающих за защиту памятников. Существуют границы выполнимости требований к исторической актуализации прошлого, и чем настойчивее наша цивилизационная ситуация требует от нас такого наглядного представления, тем труднее становится эти требования выполнять.

Итак, в чем же состоит положительный смысл исторической актуализации прошлого, угроза которой, тем не менее, заложена в условиях ее реализации? Кратчайший из всех встреченных мною до сих пор ответов на этот вопрос принадлежит градостроителю и архитектору Бенедикту Хуберу, и касается он охраны памятников. Приведем этот ответ и здесь: «В случае, если в год сносится более двух-трех процентов старых построек», расположенных в рабочих и жилых кварталах наших городов и деревень, «и их место занимают постройки новые», по мнению Бенедикта Хубера, «граждане чувствуют себя неуверенно

² Ср. вторую часть («Прагматика») моей книги по теории исторического знания: *Lübbe H. Geschichtsbegriff und Geschichtsinteresse. Analytik und Pragmatik der Historie.* Basel; Stuttgart, 1977.

1. Трудности с памятью. Об отношении к прошлому

и соответственно реагируют»³. Обусловленная темпом происходящих изменений утрата привычности — это правдоподобное побочное следствие происходящих изменений. А причиной этого является исторически беспрецедентная динамика эволюции нашей жизненной среды, создаваемой градостроительством. Столь же правдоподобно и то, что этим обусловлены и усилия защитников памятников архитектуры, равным образом беспрецедентные по масштабу и профессиональной исторической квалификации. Их достижения представляются собой результат работы по восполнению обусловленной темпом происходящих изменений утраты привычности. Консервируя прошлое, защитники памятников архитектуры защищают условия возможности поддерживать опыт непрерывности. Они защищают узнаваемость. Они удерживают в настоящем то, что связывает современность с прошлым в коллективных и индивидуальных воспоминаниях.

Предрасположенность к культур-критике, возрастающая по мере модернизации модерна, побуждает нас к следующему вопросу: какой смысл имеют результаты защиты памятников, если они, будучи предназначенными для компенсации некоего недостатка, все равно отнюдь не способны устранить его как таковой? Так называемая теория компенсации, распространенная в исторических науках о культуре, а также результаты деятельности по охране памятников, музеефикация и другие аналогичные практические формы актуализации прошлого, приобретающие упорядоченный характер с помощью названных наук, становятся благодаря этому вопросу предметом оживленных интеллектуальных дискуссий⁴. Об этом нам еще предстоит говорить подробно, исходя из метакритической позиции⁵. Здесь же достаточно сказать, что тот недостаток, восполняемый в результате действий по защите памятников, т.е. обусловленная темпом изменений утрата привычности, не является результатом какого-то преднамеренного и предосудительного злоумышления. Речь идет, напротив, о недостатке, являющемся неизбежным побочным продуктом прогресса, от которого никто не может отказаться, сохранив при этом культурную и политическую легитимность позиции. Ведь именно общественное благосостояние, социальная защита, политическая и культурная эмансипация позволяют, вне всякого сомнения, называть прогрессом тот процесс цивилизации, который делает возможными все эти блага. Остается неизменным отсутствие готовности масс к отказу от общественного благосостояния, социальной защиты, политической и социальной эмансипации. Разоблачение прогресса как иллюзии до сих пор не выходит за рамки газетного фельетона. Именно поэтому очевидно, что хотя мы в настоящее время и вовлечены в обусловленные прогрессом скверные ситуации, но даже если в каком-то случае их хотят устранить вместе с причинами их возникновения, то это можно сделать только ценой отказа от

³ Huber B. Irrationale Faktoren in der Stadtplanung // Neue Zürcher Zeitung. 1974. 11. August. Nr. 368. S. 29.

⁴ Ср., например: Kursbuch 91: Wozu Geisteswissenschaften? / Hrsg. von K.M. Michel, T. Spengler. Unter Mitarbeit von H.M. Enzensberger. Berlin, 1988.

⁵ Ср. наст. изд., с. 267 и далее.

прогресса. Утверждения о том, что существует якобы массовая готовность заплатить такую цену, носят абсурдный характер. Отсюда следует, что последующие затраты прогресса сами по себе не лишают значения те жизненные преимущества, которые возможны благодаря прогрессу и из-за которых он и получил свое название. Выражаясь языком экономистов, эти последующие затраты носят, скорее, характер издержек. Действительно, во многих жизненных ситуациях издержки, которые нам приходится нести, оплачивая преимущества жизни в условиях цивилизации модерна, растут быстрее самих этих преимуществ. Но и это не означает, что прогресс в действительности таковым не является. Выражаясь опять же экономическим языком, это значит, что уменьшается его предельная полезность. Тот, кто относится к этому рационально, не объявляет иллюзией до сих пор существующую убежденность в осмысленности прогресса. Напротив, он приспосабливается к ставшим доступными в опыте границам этого прогресса.

Обусловленная темпом происходящих изменений утрата привычки к явлениям культуры; разочарование, ощущаемое нами, когда вместо того, что мы ожидаем увидеть на основании наших воспоминаний, мы видим нечто совершенно другое, новое; а также принуждение, которое мы испытываем, будучи вынужденными все чаще отвыкать от визуальных или пешеходных привычек, — все это и есть последующие затраты прогресса. И эти последствия могут быть только компенсированными, коль скоро сам прогресс необратим фактически и морально. Кто будет серьезно настаивать на пересмотре процесса, превратившего деревню, расположенную рядом с большим городом, в цветущее жилище для трудящихся, которые только теперь, благодаря прогрессу, могут позволить себе иметь дом на лоне природы? Однако последующие затраты этого процесса хорошо известны: инфраструктура городского и пригородного транспорта поглощает хорошо знакомые нам улицы, за прежней деревенской околицей простирается необозримая новая застройка, в самой деревне магазины самообслуживания, для которых требуются большие площади, разрастаются за счет домиков, чьи узкие фасады раньше украшали улицы. Вернувшись в такую изменившуюся деревню спустя, скажем, лет пятнадцать после отъезда, прежний житель не сможет ее узнать. В итоге мы, возможно, прочтем еще один фельетон, где его сетования будут выражены в форме критики цивилизации. Эти сетования не просто понятны — они еще и обоснованны. Они справедливы уже в одном только эстетическом аспекте, не говоря о других, не менее важных сторонах этой проблемы. И все же отсюда не следует, что развитие, на результаты которого мы реагируем со столь смешанными чувствами, было неправильным. Спросим жителей этой превратившейся в город-спутник деревни, которые каждое утро и каждый вечер проклинаят свои маятниковые поездки, согласятся ли они всерьез, со всеми вытекающими отсюда последствиями, предпочесть нынешнее положение жителей зеленого городка прежнему образу жизни, связанному с теснотой многоквартирных, казарменных домов? Поставить этот вопрос уже означает дать на него ответ. И согласие, которое мы обнаружим при ответе на этот вопрос, не нарушается тем, что с точки зре-

1. Трудности с памятью. Об отношении к прошлому

ния жителя зеленого городка есть иные, новые формы существования, намного более заманчивые, чем его нынешний образ жизни. Комфортабельное жилье в закрытых для движения транспорта, отреставрированных старых городских кварталах, где дорога до офиса занимает 12 минут и пролегает по пешеходной зоне, — вот уж действительно заманчивая альтернатива! Правда, она появляется только в эпоху санации старых городов, осуществляемой движением по охране памятников. Однако число городских жилищ, подлежащих возможной реставрации, остается весьма незначительным. Они дорогостоящи, и, соответственно, массового отказа от проживания в деревнях, ставших городами-спутниками, не происходит. Таким образом, эти деревни приобретают описанный новый облик, и тот, у кого он перед глазами, понимает, что направленные на сохранение памятников усилия местных властей, равно как и интерес, который к соответствующим объектам давно проявляют частные собственники, очевидным образом имеют компенсаторный характер.

Критики, ставящие под сомнение компенсаторный характер такого рода охраны памятников, внушают нам, будто существует альтернатива реставрации сомкнувшихся фасадов трех домов, которые выходят на деревенский рынок, тогда как на их обратной стороне в настоящее время расположено насквозь просвечивающее здание операционного зала филиала окружной сберкассы. Но поскольку мы не собираемся осуществлять ревизию цивилизационного развития, промежуточный результат которого у нас перед глазами в виде описанного состояния деревень-спутников, эта альтернатива будет означать всего-навсего отказ от реставрации этих фасадов. Единственным результатом такого отказа стало бы сокращение издержек на строительные работы. А вот выгода от реставрации имеет внеэкономический характер. Это весьма изысканная выгода. Она состоит, например, в том, чтобы дать возможность прежним жителям этой деревни распознать ее внешний вид. «Неузнаваема!» — такой может быть их стандартная реакция на посещение родной деревни впервые за последнюю дюжину лет. Отреставрированные в центре деревни фасады домов с фронтонами будут в таком случае убедительно опровергать это высказывание. Старая колокольня и так становится для человека, посетившего родную деревню, частью головоломки, картинки, собираемой из фрагментов, которая заставляет нас разыскивать другие знакомые очертания — даже в том случае, если маковка этой колокольни, ранее сделанная из выкрашенной зеленой краской жести, теперь покрыта настоящей позеленевшей медью, свидетельствуя о росте благосостояния жителей деревни.

Излишне продолжать описывать возможности нашего опыта, которые защищает охрана памятников, — от сохранения видов, достойных изображения на открытках (без которых не существует облика деревни ни для местных жителей, ни, тем более, для приезжих), вплоть до сохранения возможности вообще опознать собственную деревню в ее изображении столетней давности. Особой популярностью теперь пользуются книги с видами деревень и городов, где собраны изображения, подобранные по контрасту: слева — старый вид, а справа — нынешний. Такой контраст используется сегодня преимущественно

для пробуждения чувства ностальгии. Успешные же результаты консервации памятников, которые можно наблюдать на современных фотографиях, смягчают это чувство. Размещенные по контрасту изображения, на одном из которых (слева) мы видим заставленную машинами площадь, а на другом (справа) эта же площадь опять зарезервирована за пешеходами, демонстрируют наглядный пример того развития, которое каждый беспристрастно судящий поприветствует как прогрессивное достижение успешной компенсации результатов прогресса и которое, соответственно, будет предметом особой гордости совета общины. Так или иначе, речь идет о выделяющихся, бросающихся в глаза охраняемых памятниках, которые непрерывным образом связывают новый архитектурный облик со старым и вместе с тем ощутимо сохраняют единство изменяющегося в самом его изменении.

Таким образом, мы вкратце обрисовали положительный смысл современного движения в защиту памятников. Поговорим теперь о трудностях и даже, в конечном счете, о неразрешимых трудностях, с которыми сталкивается эта деятельность в условиях современной цивилизации. Я ограничусь указанием трех таких трудностей. Из-за их наличия защита памятников, в которой также всегда действует культур-критический импульс, сама может стать объектом культур-критики. Первая из упомянутых трудностей является при этом еще и самой безобидной. Речь идет о том, чтобы не допустить превращения архитектурной среды нашей жизни в среду, состоящую из одних памятников. Иначе говоря, как бы нам не переусердствовать в охране памятников! Вторая трудность имеет принципиальный характер. Необходимо определиться с ответом на вопрос: сколько необходимых изменений может вытерпеть архитектурное сооружение, если, будучи памятником, оно должно быть законсервированным в своей исторической идентичности, хорошо поддающейся определению с точки зрения истории архитектуры. Третья трудность вытекает из второй. Всякий акт консервации, целью которого является охрана памятника, оставляет для будущего не законсервированное прошлое как таковое, а скорее, современный уровень достижений практики консервации.

Сложность защиты от чрезмерного усердия в деле охраны памятников проистекает не из особенностей определенного настроения, упивающегося всяческой стариной. Скорее она является результатом объективного возрастания множества культурных благ, способных рассматриваться в качестве памятников в ходе прогрессирующего развития. Это верно как во временном, так и в пространственном отношении. Стремительное развитие техники и экономики превращает в реликты не только здания, но и целые инфраструктурные системы. Причем происходит это за все более короткие промежутки времени и охватывает все большее пространство. Это относится, например, к транспортной инфраструктуре. В одной из своих работ я рассматривал этот процесс в другом контексте на примере каналов, расположенных на болотах и торфяниках в северо-западных немецких, а также голландских поселениях⁶.

⁶ Ср. *Lübbe H. Geschichtsbegriff und Geschichtsinteresse...* (См. примеч. 2.) S. 40 и далее.

1. Трудности с памятью. Об отношении к прошлому

Эти каналы, многие из которых были проложены еще в XVIII в., совершенно невозможно приспособить к тем новым техническим требованиям, которые и сегодня все еще делают экономически оправданной транспортировку грузов по водным путям. Расстояния, на которые осуществляются массовые перевозки, а также размеры судов превышают по масштабу возможности старой системы, по меньшей мере, десятикратно. В результате старая система теряет транспортно-хозяйственное значение и приходит в упадок⁷. Между тем реликты системы каналов начинают претендовать на статус памятников! А это означает, что они подвергаются консервации (если сохраняют первоначальную форму) или же (в противном случае) реставрируются. При этом, правда, действует правило, согласно которому памятник архитектуры (в данном случае — памятник транспортной архитектуры, специфический для особого типа поселений, расположенных на болотах) «будет утрачен... при отсутствии использования»⁸. В случае с рассматриваемым примером также имеет место такое вторичное использование. Оказалось, что система каналов привлекательна для туристов, проводящих досуг в водных путешествиях. Само собой разумеется, что ожидаемая от туризма прибыль не сможет покрыть издержки, связанные с уходом за этими памятниками. Речь здесь идет о финансовых издержках, которые общество, достаточно богатое для того, чтобы позволить себе содержать все большее число памятников, покрывает из общественных бюджетов. Местные общины, осуществляющие инвестиции в свои памятники, делают это в надежде на получение доходов от туризма. Но даже если стоимость издержек не возрастает, такие расходы могут осуществляться лишь с согласия членов общин. В остальном же средства на покрытие этих издержек предоставляются соответствующими бюджетными программами отдельных земель.

Пока все замечательно. Однако возникает вопрос, сколько реликтов этих транспортных систем будет в качестве памятников подвергаться консервации и, более того, реставрации? Ведь только на небольшом ареале, площадь которого даже не превышает тысячи квадратных километров, располагается почти дюжина прежде самостоятельных поселений такого рода. В наше как никогда прежде соотнесенное с прошлым время мы легко согласимся с тем, что одно из этих поселений вместе с окружающими его остатками каналов станет памятником. Предположим, речь идет о системе, наилучшим образом сохранившей прежнее состояние и в то же время благодаря современной скоростной системе водных сообщений предоставляющей наилучшие возможности для приезда и отъезда ностальгирующих туристов, на которых здесь рассчитывают. Такой законсервированный и отреставрированный памятник имел бы смысл образцо-

⁷ Cp. *Bünstorf J.* Die Ostfriesische Fehnsiedlung als regionaler Siedlungsformtypus und Träger sozial-funktionaler Berufstradition. *Göttinger Geographische Abhandlungen.* Heft 37. Göttingen, 1966, особенно S. 132 и далее.

⁸ *Maier H.* Was zu tun ist — zugleich eine Einführung // *Maier H.* (Hrsg.). *Denkmalschutz. Internationale Probleme — Nationale Projekte.* Zürich, 1976. S. 7–19, S. 12.

вого примера, и если бы мы им удовлетворились, то получили бы возможность свободно обходиться с другими реликтами в зависимости от целесообразности. То есть засыпать старые каналы (если они еще сохранились и не были засыпаны ранее), сооружать на их месте широкие скоростные магистрали, или — коль скоро актуальным является так называемое воссоздание — узкие улочки, которые тогда будут окаймлены соответственно увеличенными палисадниками прилегающих к ним домов.

Но что может заставить ограничиться одним-единственным образцовым объектом ту волю к охране памятников, что исходит из способности и даже из обязанности установления согласия по поводу этих вопросов? Допустим, в условиях нашей динамичной цивилизации мы стремимся максимально сохранить в качестве памятников реликты предшествующих цивилизационных эпох, превратив их в часть современной жизненной среды. Но почему эмоционально-духовная выгода от этого достается жителям только одного поселения на болоте, выбранного за образец и превращенного в памятник, и не достается на долю всех прочих граждан, которые продолжают жить среди приходящих в упадок или уже разрушившихся реликтов минувших эпох? В результате связанный с охраной памятников активизм распространяется подобно лихорадке, и атмосфера музея устанавливается над всеми культурными ландшафтами. Компетентные политические и административные инстанции, поначалу поощрявшие этот активизм морально и финансово, вскоре замечают здесь некоторый перебор. И замечают они его не только из-за достижения предела финансируемости. Они замечают это также и по возрастающей неготовности граждан брать связанные с этим ограничения на себя, поскольку жители деревни в высшей степени реально зависят от тех условий жизни, актуальный смысл которых связан с представлением о том, что мы имеем дело с памятником. Разве должно быть так, чтобы улица, на которой живет человек, оставалась плохо приспособленной для движения транспорта, поскольку ее нельзя расширять за счет подвергнувшегося консервации канала? Неужели можно мириться с тем, что собственный старый жилой дом, заменить который новым у вас на протяжении четверти века не доходили руки или не было возможности, неожиданно включается в список памятников? Придется ли вам по душе влачить жизнь обитателя памятника только для того, чтобы создавать настрой другим жителям этой деревни и тем более туристам? Излишне продолжать такого рода вопросы. Они ясно демонстрируют, что охрана памятников, которая в настоящее время компенсирует нам бремя модернизации, влечет за собой и последующие затраты, причем финансовые еще и безобиднее остальных. Неожиданно становятся ощутимыми границы, за пределами которых чрезмерная забота о памятниках становится назойливой, и мы переживаем эпоху такой назойливости.

Не в последнюю очередь это относится и к эстетической стороне вопроса. Нужен пример? Окна старых домов в поселениях рассматриваемого здесь типа, разумеется, имеют переплеты. У таких окон, между тем, намного больше недостатков, чем достоинств. Несмотря на это, если дом возводится в поселении,

1. Трудности с памятью. Об отношении к прошлому

объявленном памятником, то новый застройщик принужден сооружать окна с переплетами, руководствуясь благими целями охраны памятников. Между тем стоимость производства таких окон просто неприемлема, и в качестве выхода предлагается имитировать внешний вид окон с переплетами с помощью пластиковых наклеек. Достаточно однажды оглядеться вокруг себя, чтобы тотчас обнаружить множество такого рода имитаций, — это ошеломляющий опыт. Он связан с эстетикой копий в сфере охраны памятников, которые неизбежно будут плохими в силу экономии издержек. Занимающиеся охраной памятников профессионалы, разумеется, стараются воспрепятствовать этому, действуя на высших уровнях власти. Однако отличающее динамичную цивилизацию превращение ее достижений в памятники далеко опережает способность профессионалов, занятых охраной памятников, контролировать этот процесс и управлять им. И все это происходит на фоне трогательного усердия быстро растущего числа домовладельцев, которые, надеясь на прирост престижа или стоимости, берут в собственные руки процесс превращения своей собственности в памятник, не жалея красок и обильных реквизитов, смысл которых состоит лишь в том, чтобы превратить собственность в носитель привлекательного качества «старинности».

Более всего вызывает визуальное неприятие вид деталей, которые соответствуют старому образцу, но явно не несут ни малейшей функциональной нагрузки и в силу этой нефункциональности являются еще и дисфункциональными. Музей, разумеется, представляет собой место, где хранятся утратившие функциональность реликты цивилизации, что особенно характерно для музеев технической направленности. Но никто не считает компьютер последнего, седьмого поколения нефункциональным, хотя именно в целях демонстрации того, что он таковым когда-нибудь станет, его помещают в музей. Его экспонирование в зале новейших достижений, где размещаются устройства обработки данных, выполняет в музее техники единственную функцию — сохранить возможность для исторического изучения этого компьютера. Однако охрана памятников направлена не на защиту музейного достояния. Она, напротив, берет под защиту ту старину, которая сохраняет полезность и жизненность. Именно это позволяет нам выдвигать эстетическое требование возможности распознавания в законсервированном памятнике — коль скоро он представляет собой нечто большее, чем экспонат музея под открытым небом, — его собственной актуальной полезности. Но именно это требование грубейшим образом дезавуирует замечательную во всех прочих отношениях копию какого-нибудь старого подъемного моста над рекой или каналом, по которым в силу сложившихся обстоятельств больше не ходят ни корабли, ни лодки, и, таким образом, этот мост уже не используется в качестве подъемного. Зачем же строить подъемный мост, которым нельзя пользоваться (хотя бы в качестве функционального элемента памятника транспортной системы)? Сегодня такое происходит и можно говорить о расплывчатости границ между охраной памятников и музеефикацией. Мы с удовольствием посещаем музеи, но не для того, чтобы в них жить. Именно мысль о музее льстит жителям деревни-памятника, которые, отпра-

ляясь в город на работу и возвращаясь с нее, пользуются этим подъемным мостом. Неприятие же этой лестной мысли приобретает в данном случае форму эстетического отторжения⁹.

Пример с поселениями на болотах, иллюстрирующий тенденции к чрезмерности в современной охране памятников, был выбран произвольно. Его можно дополнить аналогичными. Взять хотя бы случай, когда рабочие поселки превращаются в памятники после ликвидации шахт или металлургических заводов, для обслуживания которых они когда-то были созданы. Или возьмем здания старых церквей, принадлежавших различным церковным общинам, численность которых в настоящее время сократилась до десятой части их первоначальной величины по причине миграции или в силу процесса секуляризации. Забота об охране памятников лишает всякой функциональности эти церкви, ценность которых в качестве памятников архитектуры невысока, и превращает их в мастерские, жилища или выставочные залы. Идет процесс повсеместного превращения обширных территорий в архитектурные реликты, причем происходит это в относительно короткое время, что обусловлено динамикой нашей цивилизации. Требования консервации этих реликтов продиктованы заботой об охране памятников. Речь же здесь идет о границах выполнимости этих требований, которые мы ощущаем, сталкиваясь с неприятными последствиями перехода за эти границы.

В качестве второй трудности, с которой сталкивается охрана памятников, была упомянута неразрешимая в конечном счете проблема консервации исторической идентичности архитектурного наследия прошлого, которое, сохраняясь в качестве памятника, используется с новыми целями, а не является музейным, т.е. функционирующим по-новому экспонатом. Эту проблему без напряжения удастся решить только в случае, если целью реставрации памятника является именно превращение его в музей. Именно таким образом существование превращенного в музей Дома Гёте во Франкфурте не преследует, очевидно, никаких целей, которые могли бы идти вразрез с его существованием в качестве копии дома, разрушенного во время войны. Его функция как музея состоит исключительно в репрезентации качества старинности. Правда, в данном случае также не нужно строить никаких иллюзий насчет успешности такой репрезентации. Качества старинности¹⁰ также устаревают, что связано в первую очередь с изменениями в ходе истории самой рецепции, ведущими к угасанию исторического

⁹ «Невежественные поклонники китча разрушают нашу родину» — так гневно отреагировал швейцарский архитектор Рудольф Ольджиати на «смерти подобное восстановление площади Аркад в Куре». Об этом сообщено Серайны Гауденц: *Die Weltwoche*. 1990. 1. März. Nr. 9. S. 77. Аналогичные выражения недовольства в Германии см. здесь: *Hackelsberger Ch. Gefährliche Gemütlichkeit // Süddeutsche Zeitung*. 1987. 1. Februar. Nr. 35. S. III.

¹⁰ Выражение «качество старинности» как общепринятый термин введено Алоизом Риглем. См. *Riegl A. Neue Strömungen in der Denkmalpflege // Dehio G., Riegl A. Konservieren, nicht restaurieren. Streitschriften zur Denkmalpflege um 1900 / mit einem Kommentar von M. Wohlleben und einem Nachwort von G. Mörsch. Braunschweig; Wiesbaden, 1988. S. 104–119, S. 114.*

1. Трудности с памятью. Об отношении к прошлому

интереса и возникновению интересов иного рода. Таких изменений можно не опасаться в случае с домом, где родился классик Гёте. Однако тот, кто требует от превращенного в музей памятника сохранения оригинальности также и в отношении материалов, столкнулся бы с трудностями освоения особого рода опыта. Последний заключается в том, что музейное строение, копирующее в своем облике некий оригинал, есть не что иное, как материализация исторически реконструируемого плана строительства, выполнение которого неизбежно принуждает обходиться по большей части современными строительными материалами, даже если это и специально произведенные материалы, наделенные качеством старинности.

Но если отвлечься от трудностей такого рода, для восприятия которых требуется, по меньшей мере, специальный навык, то можно сказать, что в превращенном в музей памятнике архитектуры качество старинности и функция этого памятника все же совпадают. Зато в случае построек, которые приобрели статус памятника и были взяты под защиту без намерения превратить их в музей, качество старинности и функция с неизбежностью расходятся. Именно это несоответствие придает своеобразный характер впечатлению, которое оставляют у нас уже упомянутые в качестве примера три примыкающих друг к другу дома с фронтонами на деревенской площади, позади хорошо сохранившихся фасадов которых находится занимающее обширную территорию предприятие бытового обслуживания или супермаркет. Мы не утверждаем, что это несоответствие является невыносимым. Ведь консервация или, тем более, реставрация рассматриваемых фасадов отвечает желанию граждан. На достижение этого результата были направлены гражданские инициативы, и организация, использовавшая три старых деревенских дома для своих деловых нужд, пошла на большие расходы, необходимые для поддержания внешнего вида этих фасадов. Тем не менее нельзя избежать бросающегося в глаза несоответствия между качеством старинности и потребительской полезностью этого объекта, взятого под защиту организацией по охране памятников. Только фронтоны и создают впечатление, будто здесь все еще находятся три дома. В действительности же речь идет об историзирующей иллюзии, порождаемой строением из стали и бетона. Эффект иллюзии только усилится, если нам доведется узнать, что при возведении этого нового здания фасады — вопреки первоначальному намерению — сохранить не удалось. Их пришлось вывезти отсюда как строительный мусор, поэтому постройка, предстающая нашему взору, является не чем-то действительно старым, а заново воссозданным старым. Если, кроме того, заметить, что крылечки с остроконечными крышами, примыкающие к фасадам домов с фронтонами, даже не могут использоваться размещенным в этом здании предприятием службы быта; что на противоположной по отношению к главной площади стороне здания находятся пристройки с плоской крышей; что, наконец, весь ансамбль утратил всякую прежнюю связь с землей и теперь располагается на крыше подземного гаража, — то в таком случае мы достигнем границы, за которой наше все еще преобладающее согласие с результатами направленных на защиту памятников стремлений к сохранению

старины резко переходит в неприятие усилий к тому, чтобы за счет любых эстетических издержек поддерживать связь между качеством старинности и функциональностью.

Вспомним наш пример с остатками расположенного на торфяниках канала, получившего статус памятника. Разве не лучше будет отказаться от нефункциональных атрибутов подъемного моста и вместо этого проложить здесь скоростную магистраль, которая в таком случае проходила бы по неброскому мосту, лишенному свойств муляжа? Как раз этот пример гротескно подчеркивает то, о чем здесь в действительности идет речь. Мост шириной в скоростную магистраль, но оформленный при этом как подъемный, выглядел бы подобно современной спортивной машине, готовой участвовать в гонках, но стилизованной под старинное авто. Такого рода вещи существуют, разумеется, уже давно. Но они вызывают у нас определенное раздражение и даже недоумение, которое в конечном счете распространяется и на владельцев подобных творений. Именно такое раздражение вызывает у нас сегодня растущее число случаев, связанных с охраной памятников.

Аналогичные примеры можно продолжать бесконечно. О «мемориальном бешенстве» говорят с тех пор, как после образования Германской империи в последней трети XIX столетия в бесчисленных географически приметных местах начали возводиться памятники кайзеру Вильгельму и Бисмарку¹¹. Между тем можно говорить и о «бешенстве», связанном с охраной памятников. Причем это «бешенство» связано не только с уже описанной обременительностью. Его можно использовать и к собственной выгоде, например для обхода тех планов застройки, которые — не в последнюю очередь из соображений сохранения ландшафта — не допускают возведения новых жилых построек на открытом сельском пространстве. В таком случае вы можете взять на попечение потерявший функциональное значение реликт старой крестьянской архитектуры — старый амбар, крестьянскую хибару, дом косаря или даже ветряную мельницу, — возложив на себя обязанности по поддержанию их фасадной части. В остальном же этот объект может функционировать как наилучшим образом соответствующий ландшафту жилой дом, мастерская или пансионат. Этот процесс в настоящее время принял характер массового движения. Органы власти не только не препятствуют, но даже содействуют ему, так как только так можно изыскать средства для прекрасной цели, состоящей не только в том, чтобы в отдельных случаях законсервировать реликты крестьянской архитектуры в музеях под открытым небом, но и, напротив, сохранить их на местах изначального расположения¹². Благодаря движению за охрану памятников наш сельский ландшафт, по сельскохозяйственным и техническим причинам с конца Второй

¹¹ С этим ср. *Nipperdey Th. Wie das Bürgertum die Moderne erfand*. Berlin, 1988. S. 17 и далее.

¹² «Не растаскивать по музеям» — так звучит соответствующее требование сторонников охраны памятников. См. *Schwinge R.F. Orte des Lebens? — Die Erhaltung des ländlichen Bauerbes // Berichte zur Denkmalpflege in Niedersachsen*. 1989. März. Jahrgang 9. Heft 1/89. S. 53–55, S. 53.

1. Трудности с памятью. Об отношении к прошлому

мировой войны изменявшийся быстрее, чем когда бы то ни было прежде, приобрел сегодня внешний лоск. Но похвалить его может только мимолетный наблюдатель, находящийся здесь проездом. Если всмотреться более пристально, то несовпадение качества памятника и функциональной ценности слишком бросается в глаза. Кто не порадуется хорошо сохранившейся деревне с круговым расположением дворов? Но при этом никак не получается совладать с тем впечатлением, которое вызывают у наблюдателя ворота в крестьянский двор, первоначально предназначенные для въезда телег, а теперь превратившиеся в полностью застекленную, светопроницаемую часть художественной мастерской. Крыши ветряных мельниц, продырявленные окнами жилых домов, воздействуют таким же образом. Превращение стойл старого коровника в самые удобные места претенциозного ресторана также остается весьма щекотливым предприятием.

Можно было бы назвать это эффектом «невиданной зверушки». Нам известны шуточные комбинации видовых атрибутов существ, принадлежащих к различным и исключаящим друг друга эволюционным рядам, — эта забавная продукция является побочным и случайным результатом работы таксидермистов. Такой фенотип включает нежизнеспособный набор функций. Если нас впервые удивили таким изделием, то мы можем развеселиться, но если от нас потребуется то же самое вторично, мы будем возмущены. Охрана памятников вызывает такое же возмущение в случаях, когда напряжение между качеством старинности и функциональностью становится чрезмерным.

Конечно, можно сказать, что произведения архитектуры уже в силу продолжительности их существования лишь в исключительных случаях могут долгое время служить тем же целям, для выполнения которых они первоначально предназначались. Архитектурные сооружения постоянно подвергаются изменениям, в некоторых случаях имеющим эволюционный характер. Это означает, что они, оказавшись под давлением изменений в техническом, хозяйственном, социальном и культурном окружении, бывают вынуждены приспособляться. Если им это не удастся, то они обречены на исчезновение. Поэтому сохранившиеся до настоящего времени старые сооружения никогда не сохраняются в первозданном виде. Они представляют собой, скорее, продукт истории приспособления, т.е. ансамбль, сложившийся в самые разные эпохи в результате перестроек, пристроек, воссозданий и ремонтных работ. Поэтому справедливо, что всякое старое архитектурное сооружение находится в напряженных отношениях со своей нынешней функцией. Но это напряжение, как мы видим, устанавливается между старыми, исчезнувшими функциями, когда-то выполнявшимися определенным зданием, и актуальными функциями, к выполнению которых оно приспособилось в результате процессов архитектурной трансформации. Результат этого процесса приспособления, если он проходит благополучно, обыкновенно приносит и эстетическое удовлетворение. Напротив, охрана памятников требует от архитекторов результатов принципиально иного характера. Речь идет не о сохранении преемственности между старыми и новыми функциональными возможностями архитектурного сооружения, а

о том, чтобы законсервировать совершенно новую функцию, никогда не существовавшую в эпохи, предшествующие модерну, т.е. еще не затронутые историзацией, — функцию носителя качества старинности, совместить ее при этом с современными потребительскими функциями. И это выполнимая задача. Но уже пафос, с которым успешные попытки такого рода обычно превозносятся в фельетонах по архитектуре, свидетельствует об уготованных здесь трудностях. При этом растет число случаев, когда архитектура терпит неудачу, пытаясь решить задачу создания убедительного архитектурно-эволюционного единства, сочетающего качество старинности с современной функциональной ценностью. Для неясного эмоционального впечатления, вызываемого нашим архитектурным ландшафтом, в настоящее время подобрали термин «постмодерн». Точнее говоря, описанный эффект возникает в той постмодернистской атмосфере нашей жизни, которая в культуре модерна складывается из-за автономизации функции актуализации прошлого. Впоследствии мы еще вернемся к этому вопросу¹³.

Третья упомянутая трудность, связанная с охраной памятников, также имеет принципиальный характер. Она состоит в том, что охрана памятников позволяет сохранить для будущего памятники прошлого, лишь наслаивая на них практику реставрации или даже консервации. Следовательно, если выражаться точнее, для будущего сохраняется не памятник прошлого, а феномен, образовавшийся в результате смешения этого памятника с мероприятиями по его охране. Понимание этого уже в начале XX в. совершило «Коперниканский переворот» в охране памятников: мы должны заниматься не реставрацией, а консервацией. Это положение актуально и по сей день¹⁴. Было ли окончание строительства башен кафедральных соборов в Кёльне, Ульме или Берне завершением того проекта, который растянулся на изрядно долгий срок, а именно на несколько столетий? Очевидно, нет. Речь идет, скорее, о процессе, в ходе которого тогдашняя современность зафиксировала себя в дошедших до нее в незавершенном виде произведениях архитектуры, историзировав их. Эти здания рассматривались в то время как памятники национальной культуры¹⁵, и достраивались в качестве таковых. Это был не ответ на вызов, который предлагает недостроенное произведение архитектуры, а, как полагали современники, продиктованное долгом выражение почтения памятнику, который именно в силу этого приобрел облик, документирующий преимущественно тогдашнюю эпоху. Оценка такого процесса — дело довольно щекотливое. Георг Де-хио, подобно другим теоретикам того времени, считал результат этого процесса невыносимым и пришел к следующему выводу: необходимо «отказать-

¹³ Ср. наст. изд., с. 77 и далее.

¹⁴ Ср. *Mörsch G. ... und heute?* Georg Dehio und Alois Riegl, 1987 gelesen // Dehio G., Riegl A. Op. cit. (См. примеч. 1.) S. 120–125.

¹⁵ С этим ср. *Nipperdey Th. Nationalidee und Nationaldenkmal in Deutschland im 19. Jahrhundert* // Nipperdey Th. Gesellschaft, Kultur, Theorie. Gesammelte Aufsätze zur neueren Geschichte. Göttingen, 1976. S. 133–173.

1. Трудности с памятью. Об отношении к прошлому

ся от мысли о восстановлении отсутствующих на сегодняшний день частей» исторического памятника архитектуры, «ограничиваясь только сохранением наличного»¹⁶. По его словам, «обновление памятников» — это не сохранение памятников, а новое строительство, в процессе которого используются дошедшие до нас остатки старых построек. На практике это обновление памятников архитектуры реализуют исторически вышколенные архитекторы, а результатом их деятельности является «самое унылое варварство — варварство ученое»¹⁷.

Но если архитектурные произведения, наделенные качеством старинности, дошли до нас в виде руин или недостроенными, должна ли в таком случае «забота о памятниках», по контрасту противопоставленная «обновлению памятников», побуждать нас к их консервации? К такому выводу действительно можно прийти. Однако делать механические выводы не рекомендуется никогда, и этот случай — не исключение. Это объясняется уже тем, что по очевидным причинам во многих случаях «наилучшая консервация» недостроенного или дошедшего до нас в виде руин сооружения «состоит именно в реставрации»¹⁸.

Так или иначе, но в этих аргументах, детали которых нас здесь не касаются, родилось понятие «ценность руин»¹⁹. В противоположность отреставрированному, точнее говоря, восстановленному или достроенному историческому архитектурному сооружению, руины аутентично репрезентируют качество старинности некоторого здания. Но при ближайшем рассмотрении здесь также обнаруживается иллюзия. Ведь поборник консервативного историзма, предпочитающий сохранившиеся в неизменном виде руины отреставрированному облику дошедшего до нас в развалинах исторического произведения архитектуры, также наслаивает — хотя поначалу и не столь заметно — на оригинальные развалины собственную практику консервации. Можно даже сказать и так: в более долгосрочной перспективе его действия выглядят даже непригляднее, чем действия реставратора. Последний, по крайней мере, восстанавливает превратившиеся в руины исторические здания, и работы по восстановлению этих сооружений по своей прагматике соответствуют усилиям по их поддержанию, какие мы должны прикладывать для дальнейшего сохранения их полезности. Если мы рассматриваем отреставрированное историческое здание, то в долгосрочной перспективе могут исчезнуть даже пугавшие Дехио несоответствия между, с одной стороны, «с иголочки» новыми, т.е. отреставрированными частями здания, а с другой — выброшенными

¹⁶ Dehio G. Was wird aus dem Heidelberger Schloß werden? (1901) // Huse N. (Hrsg.). Denkmalpflege. Deutsche Texte aus drei Jahrhunderten. München, 1984. S. 108–115, S. 109.

¹⁷ Ibid. S. 111.

¹⁸ Цитату приводит Алоиз Ригль со ссылкой на Бодо Эбхардта. См. Riegl A. Neue Strömungen in der Denkmalpflege // Dehio G., Riegl A. Op. cit. (См. примеч. 1.) S. 104–119, S. 114.

¹⁹ Ibid.

ми при реставрации аутентичными старыми частями этого памятника архитектуры²⁰.

Разумеется, в то время, т.е. в начале XX столетия, когда применительно к охране памятников только возник спор по вопросу «реставрировать или консервировать?», еще не сформировалось достаточного представления об ускоряющей процессы старения силе, возникающей в агрессивной атмосфере индустриального общества. И поэтому Дехио мог опасаться того, что после реализации планов начальника баденского строительного совета Шефера, руководившего реставрацией дома курфюрста Отт-Генриха в Гейдельбергском замке, новое старое будет на протяжении неопределенно долгого времени тягостным образом бросаться в глаза на фоне остатков старого старого. Но опыт, который мы к настоящему времени приобрели, имея дело с процессом старения отреставрированных зданий, в значительной степени рассеивает опасения, возникавшие 90 лет назад. По крайней мере, профан, посещающий соборы в Кёльне или Ульме, совершенно не замечает различий между строительными материалами, из которых сооружены старые и отреставрированные части этих зданий. Сюда следует добавить, что материал оригинальных, старых элементов этих архитектурных сооружений все в большей мере заменяется новым. Таким образом, в здании в целом выравниваются возрастные различия строительных материалов.

Всего этого еще нельзя было заметить на рубеже XIX–XX вв. Располагая этим опытом, мы теперь менее, чем тогда, уверены, что консервация руин предпочтительнее их реставрации. Руины — именно в эпоху ускоряющегося разрушения — это не разрушившиеся, а, скорее, разрушающиеся здания, и усилия по консервации руин направлены на сдерживание этого разрушения. И мы вправе ожидать приложения таких усилий к законченному или же к восстановленному в ходе реставрации произведению архитектуры. Прилагать такого рода усилия к развалинам в буквальном смысле — дело еще невиданное, по крайней мере с точки зрения истории архитектуры. Поэтому, чтобы их оценить, необходимо хорошо ориентироваться в идеалах авангарда. В свою очередь, без такой ориентации консервация руин — дело довольно сомнительное, хотя и по другим причинам, нежели реставрация²¹. Осматривая остатки башни церкви памяти кайзера Вильгельма в Берлине, мы видим ошеломляющую, демонстрирующую высочайшее профессиональное мастерство работу жестянщиков и других специалистов, изготовивших детали из меди, водосточные желоба и свинцовые за-

²⁰ Последнее названное здесь обстоятельство служит лишь одним из многочисленных факторов, под влиянием которых непрерывно изменяются теории и концепции охраны памятников. Это, пожалуй, позволяет понять, почему «история охраны памятников» в целом не может быть «историей успеха»: если нам всегда только задним числом известно то, что следовало бы знать наперед, то каким образом результаты деятельности по охране памятников в прошлом могут удовлетворять нас сегодня? См. *Wohlleben M.* Konservieren oder restaurieren? Zur Diskussion über Aufgaben, Ziele und Probleme der Denkmalpflege um die Jahrhundertwende. Zürich, 1989. S. 15.

²¹ О критике эстетики руин см. *Wyss B.* Jenseits des Kunstwollens // *Österreichische Zeitschrift für Kunst und Denkmalpflege.* 1986. Jahrgang XL. S. 1–8.

1. Трудности с памятью. Об отношении к прошлому

ливки, позволяющие защитить кирпичную кладку от разрушительного воздействия всепроникающей воды. Все это в данном случае предназначено именно для защиты руин. С этим можно смириться, так как это строение играет роль политического символа. Но именно политические спекуляции с ценностью руин определенного здания и являются принципиально сомнительными. Если мы возьмем огромные сооружения Третьего рейха, то, как известно, материал для их строительства был выбран так, чтобы даже после разрушения их ценность как руин также была очень высока. Ведь Третьему рейху предстояло просуществовать не менее тысячи лет. Будущим же развалинам возведенных в это время построек, состоящих по большей части из гранита, на протяжении еще пяти тысяч лет предстояло напоминать о Третьем рейхе, которому, как считали в том числе и его идеологи, однажды уготована участь стать достоянием истории. В силу долговечности строительного материала эти руины должны были придавать воспоминаниям наглядную полноту даже в случае, если бы никто не занимался их консервацией. Спустя уже почти полвека после гибели Третьего рейха именно это обстоятельство делает сомнительными планы по сохранению в руинах — без всякой консервации — дошедших до нас развалин его архитектурного наследия в Нюрнберге. В соответствии с планами по сохранению этого наследия в руинах их ничем не сдерживаемое разрушение должно напоминать нам об изначальной одержимости Третьего рейха идеей гибели²². Эти планы исходят из допущения, что процесс разрушения будет достаточно быстрым. Но сначала следовало бы проверить, не состоят ли эти развалины, выбранные для символизации одержимости Третьего рейха идеей гибели, в основном из материалов, уже подобранных с учетом той ценности, какую они будут нести как руины. Ведь в последнем случае именно долговечность и прочность руин, не подвергшихся консервации, будет идти вразрез с предполагаемым напоминанием об этой идее гибели, заключенной в Третьем рейхе.

Можно было бы продолжать приводить примеры, иллюстрирующие парадоксы охраны памятников, нацеленной на актуальное сохранение прошлого для будущего. Речь при этом всегда идет о том, что акт реставрации или консервации накладывает на случайно дошедшее до нас старое именно тот отпечаток озабоченной охраной памятников современности, который делает достоянием будущего актуальную на тот или иной момент практику сохранения. Впредь эта практика сливается со случайно доставшейся нам стариной, наделенной ценностью памятника. Совершенно наивно, а потому и недвусмысленно такая взаимосвязь выражена в меморандуме об охране памятников Шинкеля 1815 г. Обращаясь к представителям «охранной депутации», он пишет: «Достойное чествование наших национальных сокровищ было бы самым прекрасным па-

²² В одном сообщении о планах жителей Нюрнберга относительно «построек фюрера» говорится: «Размышляющие историки и архитекторы полагают, что эти архитектурные сооружения будут единственным памятником жертвам трагических событий, намеренно оставленным для саморазрушения, чтобы символизировать бренность тирании», см. *Schmitt P. Das Erbe des Dritten Reiches. Der "braune Stempel" soll nicht verdrängt werden // Süddeutsche Zeitung. 1989. 6. Februar. Montag. Nr. 30. S. 17.*

мятником, который может воздвигнуть себе современная эпоха»²³. Так в действительности и произошло. Соборы, завершение постройки которых определялось намерением создать из них полноценные памятники, возвышаются сейчас перед нами, не в последнюю очередь и как памятники эпох, движимых этой прекрасной целью заботы о памятниках. И так происходит всегда: деятельность по консервации обеспечивает не только передачу потомкам качества старинности. Одновременно она преобразует эти качества и превращает их в свидетельства соответствующей эпохи, которая затем — из перспективы отдаленного будущего — воспринимается как минувшая эпоха изменчивой истории защиты памятников. Это означает, что возможность полного понимания современного облика исторического произведения архитектуры, дошедшего до нас не просто как историческое здание, но, скорее, как объект предшествовавшей заботы о памятниках, требует не только знания архитектурного и культурно-исторического контекста его возникновения, но и знания истории охраны памятников, придавшей этому историческому сооружению его современный облик. Сюда относится и знание об утратах и ущербах, нанесенным этому архитектурному произведению предшествовавшей охраной памятников²⁴.

Разумеется, опыт и знание, необходимые для исторически адекватного восприятия окружающих нас памятников архитектуры²⁵, предполагают профессиональную подготовку. В той мере, в какой нам недостает таких профессиональных способностей восприятия, а также в зависимости от того, насколько велика обусловленная нашим образованием способность улавливать исторические детали, различия в окружающей нас законсервированной старине исчезают, и она погружается в расплывчатое «качество старинности». Сказано это не из соображений критики культуры. Тому же Шинкелю принадлежит высказывание о том, что важнее всего в деле охраны памятников. Дело в том, что процессы устаревания комплементарны по отношению к процессам модернизации, и если бы мы, подобно людям, не затронутым историзмом, безразлично наблюдали за гибелью и разрушением старины, то «в скором времени мы бы с жутью почувствовали себя нагими и беспомощными, как колонисты, поселившиеся в прежде не обитаемом крае»²⁶.

Теоретическая квинтэссенция этого замечания, как мне представляется, состоит в следующем. Возрастающая динамика процесса модернизации ускоряет диффузию достижений модерна в пространстве. Облик культуры, в которой мы живем, становится все более гомогенным, стирая прежние различия, свя-

²³ *Schinkel C.F.* Memorandum zur Denkmalpflege (1815) // Huse N. (Hrsg.). Op. cit. (См. примеч. 1.) S. 70–73, S. 71 и далее.

²⁴ Об истории ликвидации прошлого в ходе мероприятий по охране памятников см., например: *Mörsch G.* Verluste durch Denkmalpflege im 19. Jahrhundert // *Unsere Kunstdenkmäler. Gesellschaft für Schweizerische Kunstgeschichte.* 1981. XXXII/1. S. 31–42. Об утрате памятников вследствие пуризма их защитников см. *Berger-Keweloh N.* Die mittelalterlichen Dome im 19. Jahrhundert. München, 1986. S. 164 и далее.

²⁵ Ср. с примером образцовых описаний такого рода в книге: *Boockmann H.* Die Gegenwart des Mittelalters. Berlin, 1988. S. 24 и далее.

²⁶ *Schinkel C.F.* Op. cit. (См. также примеч. 1.) S. 70.

1. Трудности с памятью. Об отношении к прошлому

занные с происхождением (*Herkunftsdifferenzen*) этой культуры²⁷. И именно в противодействии этому эффекту, который, вслед за Шинкелем, можно назвать колонизацией нашей культуры ускоряющимся модерном, и состоит, по-видимому, смысл охраны памятников, пронизывающий ее различные эпохи. Результаты ее деятельности по консервации и реставрации наглядно демонстрируют, что процессы ускоряющейся цивилизационной эволюции не в последнюю очередь являются процессами ускоряющегося превращения нового в старое. Спасенное от исчезновения, подвергнутое консервации старое сдерживает ту ограниченность, которая ради будущего — с заботы о котором начинается всякий прогресс — привела бы к забвению того, что на темпоральной изнанке этого процесса исторически беспримерным образом все быстрее производится прошлое.

²⁷ О гомогенизации как следствии цивилизаторской динамики говорит также Филипп Арьес. См. *Ariès Ph. Zeit und Geschichte / aus dem Französischen von P. Duttke. Frankfurt am Main, 1988. S. 258 и далее.*

1.3. Историзированный модерн или постмодерн

Благодаря практикуемой ныне системе охраны памятников мы попадаем в городе и в сельской местности в небывалый и в точном смысле этого понятия — в специфически модернистский архитектурный ансамбль. Перед нами порождения историзирующей реставрационной архитектуры, которая (главным образом в XIX в.) окончательно завершила незавершенное или восставила то, что превратилось в руины. Позднейший, более последовательный историзм отверг подобный метод реставрации и выдвинул на его место более скромную практику консервации, которая сохраняет как таковое то, что дошло до нас в незавершенном виде или в виде руин. И наконец, прогресс в охране памятников, в свою очередь, привел к историзации выдающихся достижений реставрационной архитектуры. С той поры практика консервации руин уже давно включает в свою сферу и те руины, которые дошли до нас не в виде развалин некогда завершенного сооружения, а в виде находящегося под угрозой разрушения архитектурного наследия той эпохи, которой нравилось заполнять парковые ландшафты новодельными руинами. Идеалы чистоты стиля при реставрации издавна и по праву считаются в сфере охраны памятников неисторичными. Но столь же неисторичным было бы превращать результаты старой работы по охране памятников, все еще ориентировавшейся на подобные идеалы чистоты стиля, в объекты воссоздания в ходе памятникоохранных мероприятий, например: в ходе реставрации вновь придавать барочный вид готике, которая в ходе прежней реставрации была лишена барочных элементов. Так что нам остается, сохраняя верность историзму, поддерживать отреставрированную готику, сделанную в чистом стиле, а там, где ей опрометчиво вновь вернули барочный стиль, — также и этот результат памятникоохранного воссоздания, которым стремились исправить иконоборческие последствия прежнего пуризма в деле охраны памятников.

Охрана памятников, по своему замыслу, консервирует архитектурные реликты, которые в динамике цивилизационной эволюции архитектурной жизненной среды создают ощущение непрерывности. Консервирующая и реставрирующая практика спасает старое от исчезновения. Именно этим она усиливает темпоральную неоднородность элементов архитектурного ансамбля, в котором мы живем. Плюрализм одновременно существующих элементов возрастает еще больше в результате того, что стремительно развивающаяся охрана памятников, в свою очередь, историзирует свои достижения вчерашнего и позавчерашнего дня. Вот почему именно охрана памятников не дает возможность ощутить единство нашей культуры. Напротив, она фиксирует свою историческую плюральность. То, что она считает объектами, одновременными в хронологическом плане, предстает как напластование реликтов. Данное об-

1. Трудности с памятью. Об отношении к прошлому

стоятельство и приводит к тому, что в спорных случаях, весьма, надо сказать, частых в практике охраны памятников, теряет силу аргумент, что объект не вписывается в ансамбль. Это должно было быть известно нынешнему владельцу жилого дома в Сент-Моритце, построенного архитектором Тессеновым¹ («Дом Бёлера», «Haus Böhler»)², который хотел снести этот дом, поскольку он не отвечал его планам использования территории, и для этого добивался одобрения жителей, выдвигая аргумент, что дом на этом месте представляет собой чужеродный единичный элемент и, таким образом, вовсе не может претендовать на охранные привилегии, которыми наше историческое чувство наделяет строения автохтонного характера. Понятно, ему возразили, что в Сент-Моритце для подавляющего большинства зданий не может быть и речи о какой-то автохтонной связи с культурным ландшафтом, и именно это обеспечивает архитектурную идентичность места. Однако же это не убедило суверена, т.е. народ, в этом решающем аргументе, мало того, суверен при голосовании отверг ходатайство о том, чтобы придать упомянутому дому статус охраняемого памятника. Но при этом следует предположить, что прагматизм этого решения вовсе не явился итогом взвешивания конкурирующих памятникоохранных точек зрения, а напротив, был обусловлен озабоченностью, что охрана памятников может нарушить — под влиянием модернизма, мешающего инновациям и отдающего предпочтение старому в противовес новому, — давнюю популярную практику: ради пользы и выгоды замещать старое новым.

Разумеется, в ходе ускоряющейся культурной эволюции количество одновременно присутствующих объектов в общем возрастает, даже не считая дополнений со стороны охраны памятников. Этот факт в глазах наших историков с незапамятных времен позволяет использовать города как наиболее подходящие образования для примерной демонстрации того, чем является исторический объект³. Ведь даже турист, неискушенный в истории, замечает, что в городах старше определенного возраста одновременно присутствуют реликты крайне непохожих друг на друга эпох развития города. И очевидно, что не существует никакого плана, да и немислим такой план, который мог бы представляющий перед нами сегодня город объяснить как результат воли к планированию, и тем самым сделать его понятным. Это означает следующее: то, что мы фактически видим перед собой, можно объяснить чисто исторически, т.е. с помощью рассказа об истории городского строительства как истории непрерывной перестройки города, когда первоначальные функциональные элементы уже не подходят для новых потребностей и целей, которые не были, да и не могли быть предусмотрены, а потому либо изменяют свое назначение, либо подвергаются

¹ *Wangerin G., Weiss G. Tessenow Heinrich. Ein Baumeister 1876–1950. Leben, Lehre, Werk / Hrsg. von der H. Tessenow-Gesellschaft, mit einem Vorwort von W. Hofmann und einem Beitrag von S.E. Rasmussen. Essen, 1976.*

² Ср. с этим: *Tessenow H. Hausbau und dergleichen. Mit 137 Zeichnungen und Photographien eigener Arbeiten. 3. Aufl. Berlin, 1928. S. 148.*

³ *Schieder T. Geschichte als Wissenschaft. Eine Einführung. 2. überarb. Aufl. München; Wien, 1968. S. 33.*

1.3. ИСТОРИЗИРОВАННЫЙ МОДЕРН ИЛИ ПОСТМОДЕРН

процессу отбора и в результате превращаются в градостроительные элементы, имеющие характер реликтов. Чем динамичней протекает градостроительная эволюция, тем гуще становится плотность реликтов в той или иной актуальной градостроительной системе, и этот плюрализм темпорально крайне разнородных элементов, в виде ансамбля которых города являются нашему взгляду, умножается и — что свойственно именно модерну — еще более подвергается напластованиям в результате памятникоохранных и прочих мероприятий в духе историзма.

Плюрализация посредством историзации — вот процесс, который характерен для современных, динамических культур, а культурные эффекты, возникающие благодаря рефлексивной эстетизации этого процесса, мы окрестили «постмодернистскими».

Здесь мы не будем останавливаться на этом слове, избранном для обозначения эстетизированного плюрализма историзированной культуры, кроме того, не следует соблазняться и семантикой составных частей слова «пост-модерн», находя в нем любопытный парадокс: то, что в культурной эволюции находится на острие стрелы времени, т.е. актуальный модерн, оказывается постмодерном. Затем последовательность мысли, свободно движущейся в семантическом пространстве, вскоре привела бы нас к вопросу, как тогда обозначать то, что мы должны ожидать после постмодерна. В еще не иссякшем потоке литературы по постмодерну⁴ нет недостатка в диагнозах, которые обнаруживают в постмодернизме признаки старения. Тому, кто не спешит с завершением своей программы по чтению, угрожает опасность обнаружить, что вслед за модерном в прошлое ушла уже и эпоха постмодерна, которую нам теперь предстоит заархивировать, подвергнуть историзации и, кроме того, еще и включить в программу защиты памятников ее архитектурное наследие.

В противовес подобным рефлексиям рекомендуется банализировать смысл слова «постмодерн». Будучи культурным самоназванием и заимствованным обозначением, «модерн» является тем не менее давно используемым словом⁵, кроме того, для искушенного читателя фельетонов со словом «модерн» соединяются представления, достаточно определенные в том, что касается дискуссии об архитектуре. Никто из этих читателей не затруднился бы назвать выдающиеся строения архитектурного модерна, причисление которых к солидному историко-архитектурному понятию модерна не составляло бы проблемы и для специалистов — от небоскреба «Сигрем Билдинг» (Seagram Building) в Нью-Йорке Миса ван дер Роэ до здания фирмы «Тиссен» в Дюссельдорфе — небоскреба из «трех пластин» (Dreischeiben-Hochhaus). В противоположность

⁴ Репрезентативной работой, отмеченной пониманием эпохи, является книга: *Welsch W. Unsere postmoderne Moderne*. Weinheim, 1987. См. также сжатый «отчет о дискуссии» в: *Welsch W. Postmoderne // Information Philosophie*. 1987. 15. Jahrgang. Nr. 5. S. 20–31.

⁵ О первоначальной функции этого обозначения см.: *Jauss H.R. Ursprung und Bedeutung der Fortschrittsidee in der Querelles des Anciens et des Modernes // Die Philosophie und die Frage nach dem Fortschritt / H. Kuhn, F. Widmann (Hrsg.)*. München, 1964. S. 51–72.

1. Трудности с памятью. Об отношении к прошлому

этому мы находились бы в постмодерне, если бы упомянутая архитектура представлялась нам архитектурой какой-то прошлой эпохи. Прошлым является то, что нам является в преломлении исторического сознания, что невзирая на его современный характер явно несет на себе историческую печать и что, наконец, даже в этой историчности представляется нуждающимся в охране. В постмодерне пребывает тот, кто воспринимает наследие модерна как исторические памятники⁶. Для упомянутого в качестве примера небоскреба «из трех пластин» в Дюссельдорфе такое повышение до статуса исторического памятника уже состоялось. Он стал объектом государственно-правовой охраны памятников.

Присвоение произведениям архитектурного модерна статуса исторических памятников — довольно грубый способ объявить модерн ушедшим в прошлое. Более тонким и соответственно более внятными является другой способ архитектурного прощания с модерном. В Олд Весбери (Нью-Йорк) стоит дом в стиле так называемого «белого модерна». На первый взгляд неспециалиста в истории архитектуры эта постройка напоминает стиль «Баухауса». В действительности речь идет о завершенной в 1971 г. постройке архитектора Ричарда Мейера. Благодаря большой временной дистанции между постройками Мейера, с одной стороны, и изначальными строениями «Баухауса» — с другой, можно было бы говорить о «неомодерне»⁷. Но со времен возникновения архитектурного историзма* обновление архитектурного стиля, обозначаемое приставкой «нео-», означает не что иное, как его исторически отрефлектированное повторение. Чем больше Мейер поначалу клялся «в верности модерну», тем больше его работам «уже присуще нечто от возрождаемой дистанции по отношению к первообразу. Этой дистанции не хватает спонтанности. Рефлексия оказывается больше естественного продолжения. Впечатляющая сила, излучаемая этими строениями, которые спроектированы с нестигаемой верой в модерн, есть тем не менее только отражение уже прошедшего»⁸.

Здесь архитектурный модерн в своем классическом облике архитектурного антиисторизма окончательно историзирован. Модерн сам выступает как содержание того, чему некогда противился. Историзированный архитектурный антиисторизм — так можно назвать постройку, в которой модерн ведет себя ностальгически по отношению к самому себе и именно этим со всей очевидностью показывает, что он в настоящее время уже не обязателен. Речь поэтому идет о том, чтобы преодолеть современность культурного багажа актом историзирующего цепляния за него. Поскольку в случае сохраняемого таким образом багажа речь идет об архитектурном модерне, конституируется постмодерн.

⁶ О «логической структуре» постмодерна см.: *Zimmerli W.Ch. Die distanzierte Besichtigung der Moderne // Baukultur. 1987. Nr. 2–3. S. 8–11.*

⁷ Так пишет Х. Клотц: *Klotz H. Moderne und Postmoderne. Architektur der Gegenwart 1960–1980. 3. Aufl. Braunschweig; Wiesbaden, 1987. S. 318.*

* В советской литературе по истории архитектуры был употребителен термин «архитектурная эклектика», а не «архитектурный историзм». Лишь в последние 20 лет постепенно укореняется второй термин.

⁸ *Klotz H. Op. cit. S. 318.*

1.3. ИСТОРИЗИРОВАННЫЙ МОДЕРН ИЛИ ПОСТМОДЕРН

По своей структуре упомянутый процесс не является чем-то новым. Его можно проследить вплоть до истоков исторического сознания. Вспомним, например, картину Каспара Давида Фридриха — вечерний пейзаж с распятым Христом на скале в лучах заходящего солнца⁹. Как известно, речь идет о работе по заказу графини Тун, которая желала поместить картину как алтарный образ в своем замке в северочешском Дечине¹⁰. Можно предположить, что графиня считала картину, изображающую распятого Христа, подходящей в качестве алтарного образа. А между тем Каспар Давид Фридрих не писал сцену Распятия, отнюдь нет, это был увиденный глазами романтика ландшафт, на котором человек, движимый благочестивым чувством, установил распятие. Пейзаж в качестве алтарного образа? С этим абсолютно не мог согласиться арт-критик Рамдор. Это «дерзость, когда пейзажная живопись проникает в церкви и стремится вползти в алтари»¹¹. В качестве алтарного образа годится лишь образ того, к кому относятся почитание и поклонение верующих. На этом Рамдор стоит непреклонно, отвергая тем самым идею того, чтобы на алтаре заменить образ Распятого пейзажем с образом Распятого. Из воспоминания о Боге, приносящем Себя в жертву, на картине получилось бы образное воспоминание о подобном воспоминании. Эта картина, как кажется, адресована не благочестивым верующим, а напротив, почитателям благочестия.

Однако критика Рамдором этого события вносит в пространство выбора то, что может рассматриваться как выбор только рефлектирующим восприятием. Графиня Тун, вероятно, видела благочестивую картину, и вопрос, изображает ли она предмет почитания благочестивых людей или некий пейзаж, несущий отпечаток благочестивого образного воспоминания об этом предмете, не мог быть ее вопросом. Это означает, что ландшафтная картина Каспара Давида Фридриха в качестве алтарного образа допускает оба варианта рассмотрения; то, как в действительности его рассматривают, зависит от уровня рефлексии реципиента. Как только мы это увидели, мы можем считать, в отличие от способного на высокую рефлексия Рамдора, упомянутую картину алтарным образом определенной исторически-рефлектирующей эпохи.

С упомянутым в качестве примера зданием Ричарда Мейера дело обстоит аналогично. Является ли он репрезентантом архитектурного модерна или он благоговейно цитирует его в сознании исторической дистанции, которая от-

⁹ Написана в 1807–1808 гг.

¹⁰ Об истории этой картины см.: Börsch-Supan H., Jähmig K.W. Caspar David Friedrich. Gemälde, Druckgrafik und bildmäßige Zeichnungen. Studien zur Kunst des 19. Jahrhunderts. Sonderband. Forschungsunternehmen der Fritz Thyssen Stiftung. Arbeitskreis Kunstgeschichte. Herausgegeben vom Deutschen Verein für Kunstwissenschaft. München, 1973. S. 24.

¹¹ Ramdohr W.B. von. Über ein zum Altarblatte bestimmtes Landschaftsgemälde von Herrn Friedrich in Dresden, und über Landschaftsmalerei, Allegorie und Mystizismus überhaupt // Hinz S. (Hrsg.). Caspar David Friedrich in Briefen und Bekenntnissen. Berlin, 1968. S. 138–156, S. 154. Остальные документы, связанные с так называемым «спором с Рамдором» и примыкающие к процитированной критике Рамдора, приводятся в книге, изданной Зигрид Хинц.

1. Трудности с памятью. Об отношении к прошлому

деляет нас от модерна? Юмор, присущий зданиям Ричарда Мейера, заключается, по-видимому, в единстве этих допускающих разделение аспектов — перед нами постмодернистский модерн. Жаргонным словом для описания этой ситуации является «двойное кодирование»¹². То, что здесь видят, зависит от уровня рефлексии реципиента. Наивный в историческом отношении человек видит модерн; исторически рефлектирующий — видит историзированный модерн. Кто видит, что вещь можно рассматривать и так и сяк, видит постмодернистски.

Постмодерн — это, таким образом, исторически нарушенное актуальное присутствие модерна. А наивный модерн едва ли еще существует. Архитектура модерна, которая, несмотря на вариации, обладает единством как архитектурный антиисторизм, также давно стала объектом исторической памяти. Историзирующая охрана памятников взялась за антиистористскую архитектуру антипамятников. Даже конструктивистская революционная архитектура произвольно цитируется как элемент западной архитектуры благосостояния — примером может служить колоссально знаменитая передвижная ораторская трибуна Эль-Лисицкого для Ленина в берлинском DLRG-Haus Людвиг Лео¹³.

Архитектура историзма, составляющая контраст архитектуре модерна, была нарративной архитектурой. Она использовала исторические воспоминания, для вызывания которых у публики хватало школьного образования, с целью актуализации смысловых связей, в которые зримо должно быть включено строение. Это всецело удалось историзму — иногда даже с навязчивой сверхъясностью. Неоготические церкви времен культуркампа были заметны повсюду благодаря своей башне-колокольне, возвышавшейся до небес. Неоренессансное здание гимназии демонстрировало гордость за неогуманистическую систему образования. Банки эпохи грюндерства выставляли на показ мощь необарокко. Городской театр возвещал неоклассическое почтение перед классикой. О всеядности здесь и речи быть не могло. Достаточно было иметь за плечами элементарное историческое образование, чтобы при виде подобной архитектуры распознать ее культурный, политический, да и идеологический смысл.

Как известно, Фридрих Ницше одним из первых начал презирать такие нарративные правдоподобия и, будучи декадентом, утверждал то, что казалось столь очевидным для истористского сознания: удостоверенность смысла посредством архитектурной актуализации прошлого. «Культура есть прежде всего единство художественного стиля во всех жизненных проявлениях», — писал Ницше, отвергая тем самым «хаотическое смешение всех стилей». Она, как

¹² Ср. с этим: Jencks C. Post-Modern und Spät-Modern. Einige grundlegende Definitionen // Koslowski P., Spaemann R., Löw R. (Hrsg.). *Moderne oder Postmoderne? Zur Signatur des gegenwärtigen Zeitalters*. Weinheim, 1986. S. 205–235, см. особенно S. 211 и далее, где автор ссылается на Умберто Эко.

¹³ Ср. с этим: Klotz H. *Vision der Moderne* // Klotz H. (Hrsg.). *Vision der Moderne. Das Prinzip Konstruktion*. München, 1986. S. 9–26, особенно S. 12 и далее. [Deutsche Lebensrettungsgesellschaft (DLRG) — Германская служба спасения на водах; здание Центрального офиса службы в Берлине — работа архитектора Людвиг Лео.]

1.3. ИСТОРИЗИРОВАННЫЙ МОДЕРН ИЛИ ПОСТМОДЕРН

казалось ему, выдает слабость в образовании стиля эпохи, которая, стремясь к историзирующей полноте, формировала нео-стиль посредством одновременного присутствия тех стилей, которые некогда, сменяя друг друга, оставляли архитектурный отпечаток на культурном единстве конкретной эпохи¹⁴.

После того как архитектурный историзм, в свою очередь, был давно историзирован, критика, высказанная Ницше, утратила свое правдоподобие. Ницше критиковал стилистический плюрализм архитектурного историзма и не распознал формирующей эпоху силы историзирующего смысла, его суверенности в синхронном использовании исторически крайне разнородных стилиевых средств, служащем делу образования. Вид, который наши города, да и села, представляют в определенный момент, является в культуре динамической эволюции *eo ipso* видом архитектурных реликтов разнородного происхождения. Где тут скрывался декаданс культуры, которая в рефлексивной актуализации объективной историчности своего архитектурного ансамбля эстетизирует именно эту историчность и тем самым синхронно еще раз воспроизводит стилиевое напластование? Ницше в его декадентской слабости к новой культуре единого стиля не понял единства рефлексии, которым и обусловлен стилистический плюрализм архитектурного историзма. Отвержение Ницше историзма в условиях цивилизации, которая благодаря рефлексии бесповоротно осознала свою собственную историчность, могло дать новый импульс исторической наивности — но только в акте рефлексивной культур-критики, которая, как только она превращается в арт-политику, стремится культур-революционно заместить культурный плюрализм модерна новой единой культурой. К анти-модернистской программе единой культуры современных единых партий мы еще вернемся¹⁵.

Однако в контексте своего времени критика Ницше мнимого стилиевого хаоса в архитектурном историзме имела более скромное значение, чем та критика, мимо которой мы не можем пройти, имея за плечами накопленный с той поры опыт попыток снова сделать единые стили обязательными в культурном и политическом отношениях. В архитектурном историзме несомненно также присутствовал произвол, в котором даже высокоэрудированный человек едва ли способен обнаружить какой-то смысл. Историко-политический контекст, который делает понятным истористскую неоготику времен культуркампа, просто невозможно обнаружить в почтамтах, построенных в стиле новой

¹⁴ *Nietzsche F. David Strauß, der Bekenner und Schriftsteller. Unzeitgemäße Betrachtungen. Erstes Stück // Nietzsche Werke. Kritische Gesamtausgabe / G. Colli, M. Montinari (Hrsg.). III/I. Berlin; New York, 1972. S. 153–238, S. 159. Рус. пер.: Ницше Ф. Давид Штраус — исповедник и писатель / пер. с нем. И. Эбаноидзе // Ницше Ф. Полн. собр. соч. в 13 т. Т. 1/2: Несвоевременные размышления. М.: Культурная революция, 2014. С. 7–82, с. 12. Об истории искусства «своеобразного принуждения», стремящегося находить единство эпохи в ее «стилевом единстве», см.: *Schmoll J.A. genannt Eisenwerth. Stilpluralismus statt Einheitszwang. Zur Kritik der Stilepochen-Kunstgeschichte // Hager W., Knopp N. (Hrsg.). Beiträge zum Problem des Stilpluralismus. München, 1977. S. 9–19, S. 10.**

¹⁵ Ср. наст. изд., с. 120.

1. Трудности с памятью. Об отношении к прошлому

кирпичной готики в Пруссии между Гумбинненом* и Ахеном¹⁶. Отмеченный историзмом фасад нидерландских домов периода Высокого Ренессанса не намекает на технику и экономику современной прядильной фабрики, а маскирует их, тогда как произвольные цитаты из истории архитектуры на оштукатуренных фасадах доходных домов рядовой застройки в больших городах явно символизируют исторический смысл, который, очевидно, в архитектурном отношении с легкостью можно было бы заменить альтернативным историческим смыслом. Ясно одно, чем бы ни был архитектурный модерн — он покончил с подобным произволом архитектурной историзации. Чтобы упрощенно напомнить о сложной и долгой истории архитектуры в этот период, представим себе, что функционализм современных строительно-технических конструкций, который давно сформировался за историзирующими фасадами, однажды стал настолько сильным и уверенным в себе, что смог сбросить эти фасады и предстать в эстетическом плане таким, каков он есть сам по себе. Как повествует эта ультракороткая история, таковым было бы рождение архитектурного модерна из духа непреклонной критики архитектурного историзма.

Чем была бы, в противоположность этому, критика архитектурного модерна, чья непреклонность могла бы тогда сделать понятной возможность архитектурного постмодерна? Ответ на этот вопрос дает, также ультракратко, Юлиус Позенер, опираясь на изречение Ханса Пёльцига: «Какой прок в том, что кто-нибудь снимает со своего дома всякий орнамент, если он вместо этого превратит весь дом в орнамент?»¹⁷. Историзирующему украшательству пришел конец. Стала невыносима его произвольность, его несвязанность с функцией здания, которое оно должно было украшать. Функционализм торжествует. Если присмотреться, то можно обнаружить, что функционализм, преимущественно определяющий качество впечатления, которое производит архитектурный модерн, теперь, в свою очередь, обнажает вовсе не социальную, экономическую или культурную функцию здания, а только функционализм его конструкции. Место историзирующей эстетики внешних функций здания занимает технизирующая эстетика внутренних функций его конструктивных элементов. Можно обойтись без примеров, свидетельствующих о том, что эта архитектурная эстетизация конструктивного функционализма может быть привлекательной. Цена, которую культура должна была заплатить за это, — уменьшение эстетического наличия функций, определяемых целевым предназначением постройки (прагматический функционализм).

Различие, о котором здесь речь, становится заметным, если задаться вопросом: как, в сущности, с помощью архитектурных средств можно достичь такого эффекта, что по виду здания можно судить о его прагматической функции. Как

* После 1946 г. город Гусев Калининградской области СССР, а затем и РФ. «Между Гумбинненом и Ахеном» — т.е. в Прибалтике, Польше и Северной Германии.

¹⁶ Ср.: *Schwatlo*. Kaiserliches Generalpostamt in Berlin // *Zeitschrift für Bauwesen*. Berlin, 1875. S. 143 и далее.

¹⁷ *Posener J.* Die moderne Architektur — eine lange Geschichte // *Klotz H.* (Hrsg.). *Vision der Moderne. Das Prinzip Konstruktion*. München, 1986. S. 27–32, S. 28.

1.3. ИСТОРИЗИРОВАННЫЙ МОДЕРН ИЛИ ПОСТМОДЕРН

построить ратушу, чтобы она выглядела как ратуша, или, по аналогии, театр, музей или банк, а также больницу или вокзал? Архитектурный историзм, как следует из вышеприведенных примеров, в некоторых ключевых случаях не испытывал никаких затруднений в ответе на этот вопрос. Архитектура модерна, напротив, в принципе индифферентна по отношению к различиям между административным зданием и гостиницей, между производственным помещением со штабелируемым машинным оборудованием и жилым небоскребом класса «люкс» в большом городе. Во всяком случае турист уже не в состоянии, глядя на силуэты современных городов, идентифицировать на основе архитектурного профиля прагматические функции, так что, обозревая город с какою-нибудь высокого здания, он будет вынужден спрашивать, что это такое и где находится то, что ищут и посещают в больших городах. Что верно, то верно: архитектурный историзм также не избежал соблазна, — за вычетом нескольких случаев, еще сегодня приемлемых, где, как в случае гимназии в стиле неоренессанса, историзирующий декор и прагматическая функция соответствуют друг другу как пересказ, — он, в конце концов, изобретал декорации, которые были совершенно индифферентны, т.е. произвольны по отношению к прагматической функции декорируемого здания. Но архитектурный модерн также отнюдь не покончил именно с этой произвольностью эстетики какой-либо постройки в отношении ее прагматической функции. Вместо того чтобы эстетизировать прагматическую функцию здания, он эстетизирует конструктивные функции, еще более усиливая при этом впечатление произвольности. Именно оно в подавляющем числе случаев вклинивается между качеством эстетической привлекательности постройки и ее прагматической функцией. «Именно это имел в виду Пёльциг, говоря, что “Мис [ван дер Роэ] весь дом превратил в орнамент”», — этой цитатой и подведем итог вместе с Юлиусом Позенером¹⁸.

Архитектурный модерн снял эстетические различия — таков итог всего этого. Архитектурный постмодерн — от Вентури до Дженкса, — напротив, их декорировал и снова дифференцировал. Однако было бы неправильно говорить об архитектурном неисторизме. Ведь тут уже не цитируется изучаемый в архитектурных школах чистый стиль, как это делается в историзме. Наоборот, различные стили эклектически цитируются в их исторической мешанине. Бесспорно, этот прием в производстве и восприятии способен стимулировать нашу фантазию, и там, где сверх того в облике города удается средствами историзирующей цитаты сделать зримыми прагматические функции зданий, там и горожанин обычно ценит постмодерн больше, чем модерн. К сожалению, требующийся здесь высокий полет фантазии не распределен равномерно среди архитекторов, поэтому в контексте архитектурного постмодерна перед нами также открываются пустыни, лишённые всякой фантазии, — в сотый раз те же самые окошки с переплетом и цитатными эркерами! Нет смысла приводить здесь удачные, да и выдающиеся примеры того, как сегодня, даже не подчиняясь особым эстетическим претензиям постмодерна, выходящим за пределы модерна, можно показать архитектурными средствами не только функциона-

¹⁸ Ibid. S. 29.

1. Трудности с памятью. Об отношении к прошлому

лизм конструкции, но и одновременно также прагматические функции здания. Музейным архитекторам, в частности, это блестяще удастся — прежде всего с помощью архитектурного использования освещения, играющего центральную роль в технике экспозиции. Стоит сравнить с подобными красноречиво говорящими за себя постмодернистскими музейными зданиями или проектами, например, со зданием Берлинской национальной галереи. Это, бесспорно, красивое здание. Но надо наперед знать, что перед вами здание музея, иначе вы это не поймете.

Юрген Хабермас считает, что архитектура модерна есть «первый и единственный обязательный стиль, определяющий даже повседневность, со времен классицизма»¹⁹. Справедливо считается, что стиль архитектурного модерна как ни один другой стиль утвердился и распространился на международном уровне. Но то, что здесь речь идет об «обязательном» развитии, — это уже нормативное определение в духе цитированной критики историзма у Ницше, которая с отвращением отвергает специфически современный плюрализм, высвобожденный как раз благодаря историзму, и вместо этого настаивает на идеалах единой рациональной культуры, которая в условиях цивилизации модерна неизбежно будет оказывать тотализирующее воздействие. Повторим еще раз: верно, что архитектурный модерн получил глобальное распространение — как никакой другой архитектурный стиль до этого, и никто не станет возражать, что это произошло в «русле традиции западного рационализма»²⁰. Но что бы тогда означала обязательность этой линии традиции? Глядя более трезво на вещи, Юлиус Позенер дал на этот вопрос такой ответ: «Нужно было двигаться быстро, поэтому это не должно было стоить дорого»²¹. Если мы вспомним то, о чем говорилось ранее, то напрашивающуюся культурную реакцию на воздействие культурной гомогенизации в связи с динамикой распространения современной архитектуры можно резюмировать следующим образом: вместе с динамикой модерна растет интенсивность нашего обращения к прошлому²². Покажем на примере, что это означает. Чем больше силуэт Франкфурта становился похож на силуэт Денвера или Далласа, тем невыносимей для жителей Франкфурта, по-видимому, казалась идея, что надо взорвать истористские руины их оперного театра, выдержанного в стиле крупной буржуазии, а на его месте построить нечто современное. Вот почему они тщательно реконструировали этот памятник архитектурного историзма, затратив на это десятки миллионов марок и тут же еще напротив Старой ратуши (Römer) возвели музеефицированные копии эффектных фахверковых домов. Чем стремительнее модерн объединяет наши цивилизационные жизненные среды семейным родством,

¹⁹ *Habermas J. Moderne und postmoderne Architektur // Habermas J. Die neue Unübersichtlichkeit. Frankfurt am Main, 1985. S. 11–29, S. 15.*

²⁰ *Ibid.*

²¹ *Posener J. Op. cit. (См. примеч. 17.) S. 31.*

²² Принципиальные соображения относительно этой комплементарной связи см. в моей книге: *Lübbe H. Geschichtsbegriff und Geschichtsinteresse. Analytik und Pragmatik der Historie. Basel; Stuttgart, 1977.*

1.3. ИСТОРИЗИРОВАННЫЙ МОДЕРН ИЛИ ПОСТМОДЕРН

тем более мы заинтересованы в том, чтобы в ходе деятельности по охране памятников или аналогичных мероприятий подчеркнуть историческое сознание и постоянно держать на виду то, чем мы в силу контингентных особенностей происхождения являемся и что нас в этом отличает от других. Наша история говорит, кто мы, и настоятельная потребность дать ей возможность говорить это со всей определенностью возрастает вместе с успешным распространением цивилизационной модернизации, в которую мы все включены.

Было бы странно, если бы архитектура, которая, будучи архитектурой модерна, как никакой другой элемент культуры усилила интерес к компенсаторной актуализации прошлого²³ вплоть до сохранения стабильного облика города, в свою очередь, не научилась бы соответствовать в духе неоисторизма указанной растущей потребности в прошлом, специфической для модернизации. Нет нужды в дополнительном объяснении, что этот неоисторизм постмодерна уже не может ориентироваться на истористские идеалы чистоты стиля. Да и в деле охраны памятников подобные идеалы чистоты стиля, еще служившие мерилом в XIX в., давно признаны неисторичными конструктами. В связи с требованием Ницше, настаивавшем на единстве стиля, идеалы чистоты стиля должны были бы действовать в контексте культуры модерна культур-революционно; диктатура стиля в художественной и архитектурной политике тоталитарных властей в нашем столетии доказывает это. Чем динамичней развивается культура, тем больше становится гетерогенность одновременно сосуществующих культурных элементов, различающихся возрастом. Разновременность одновременного отражает не отсутствие у современности способности придти к единству одного представляющего ее стиля, а динамику развития стилей. Напластование — это, повторим, подходящая геологическая метафора для культуры, которая, оставляя за собой свое прошлое быстрее, чем любая культура прежде, в пестрой (*disparat*) полноте своей конкретной современности объяснима только исторически. Именно этот характер напластования, свойственный нашей культуре и обусловленный ее эволюционной динамикой, эстетизируется постмодерном, который повторяет и удваивает этот характер в архитектуре...

²³ В связи с этим компенсаторным аргументом ср. *Marquard O. Über die Unvermeidlichkeit der Geisteswissenschaften // Almanach. Ein Lesebuch. Bd. I. 1987. S. 107–118.*

1.4. Экскурс в область архитектурного воссоздания

Воссоздание* — это искусство старое заново делать старым. А точнее, воссоздание есть искусство заново делать старым то новое, в которое незадолго до этого в результате переделки было превращено то же самое старое.

Воссоздание, восстановление, новое строительство или реконструкция — это не какие-то мелочи. Планы по воссозданию включают проекты, которые по своему числу и масштабу суммарно требуют миллиардных затрат. Уже давно специалисты по воссозданию работают в государственной администрации и в дополнение к этому — также и в строительной отрасли. Появятся ли в отделах распределения работ в районных администрациях подразделения по воссозданию — покажет будущее. Во всяком случае, из уст наших коммунальщиков, да и парламентариев слово «воссоздание» слетает непринужденно и без всяких иронических обертонов.

Примеров давно завершенных работ по воссозданию можно привести множество. Достаточно внимательного взгляда туриста, чтобы заметить их. Колоссальные изменения нашей ландшафтной жизненной среды вносит прежде всего фундаментальное строительство (Tiefbau**) в форме фундаментального воссоздания. Водные потоки, которые еще 25 лет тому назад вились по низинным лугам, а затем были спрямлены и заключены в каналы, теперь заново пущены в извилистые русла, по которым даже неспециалист видит, что они являются не результатом естественной динамики течения реки, а реализацией планов по воссозданию.

Динамика культуры строительства ведет к тому, что в некоторых регионах строительство и комплементарное ему воссоздание можно наблюдать одновременно. В рамках старых, но еще действующих программ мелиорации закисленные почвы лугов раскисляются, тогда как там уже прошло заболачивание. Новый термин «влажный биотоп» («Feucht-biotop») известен сегодня каждому школьнику, но быстро растущее множество ареалов в ландшафтном пространстве, обозначаемых этим словом, состоит уже не из реликтов некультивированного слоя, а из результатов декультивации, осуществленной с помощью техники, появившейся благодаря современной культуре воссоздания. Надежды, которые возлагались на производительность этой техники, простираются порой весьма далеко. Считается возможным создать такие условия, при которых

* «Rückbau» — букв.: «обратное строительство». В русском языке наиболее близким термином является понятие «архитектурная реставрация и реконструкция».

** Перевод «фундаментальное строительство» здесь выбран произвольно, так как в русской инженерно-строительной терминологии нет понятия, соответствующего немецкому «Tiefbau», под которым понимается строительство объектов на земле и под землей, лежащих ниже уровня путей сообщения (за исключением мостов, которые также относятся к области «Tiefbau»).

1.4. ЭКСКУРС В ОБЛАСТЬ АРХИТЕКТУРНОГО ВОССОЗДАНИЯ

вновь начнут расти высокие болота. Если это удастся, то через тысячу лет можно будет рассчитывать на прирост торфяного слоя в один метр. Однако торфяная промышленность в местностях, где из-за сложившейся ситуации реактивирование болот уже невозможно и, соответственно, где предприятиям торфяной промышленности дают возможность продолжать работу, остатки ресурсов старых болот в обязательном порядке будут подчищены в течение пяти лет. Дорожно-строительная техника тем временем также выросла до уровня техники, предназначенной для воссоздания. Там, где для расширения проезжей части еще десять лет назад срезали палисадники перед домами, теперь, напротив, планируют сужение, чтобы получить полосы для тротуаров и велосипедных дорожек. Для этого достаточно вновь преобразовать улицы в аллеи. Водные пути (каналы, если точнее), давно утратившие свою функцию в транспортно-экономическом отношении, были засыпаны в годы хозяйственного строительства; теперь их снова раскапывают и для повышения привлекательности для набирающего популярность водно-спортивного движения снабжают всяческими ностальгическими реквизитами типа подъемных или разводных мостов.

В высотном строительстве также разворачивается воссоздание. Небоскребы, которые еще в начале 60-х годов XX в. представляли собой интерес для средних городов как представители архитектурного модерна, укорачиваются сегодня на два-три этажа, чтобы освободить старый вид на отреставрированную башенку. В работе по охране памятников, уже проанализированной на предмет смысла ее культуры обхождения со временем, дела обстоят аналогичным образом. Все же охрана памятников это не воссоздание зданий — если только речь не идет, как в случае возврата барочных элементов готическим церквям, некогда их лишенным, о реализуемом в рамках деятельности по охране памятников воссоздании того самого пуристского памятникоохранного воссоздания вчерашнего дня, которое сегодня воспринимается как вандализм. Фасады универмагов, которые некогда относились к *Corporate Identity** концерна, задним числом приспособливаются к окружающему архитектурному ансамблю. Некогда закрытые узкие переулки, которые сегодня вместо улиц соединяют пешеходные зоны, пробиваются заново, а площади, которые в свое время превратились в перекрестки со светофором, трансформируются обратно в пешеходные.

Очень интересно было бы проиллюстрировать неудержимое, по всей видимости, наступление воссоздания дополнительными примерами — от заново открытых поил для лошадей через восстановленные трассы давно закрытых железнодорожных линий с целью их использования в качестве туристских пешеходных троп вплоть до восстановления пустошей, которые заросли без пасущихся овец, путем ликвидации березняков. Но важнее не дать ввести себя в заблуждение семантической привлекательностью слова «воссоздание». Ведь нигде в результате «воссоздания» ничего не было восстановлено из того, что некогда существовало. Строения, возведенные в ходе воссоздания, это не строения, которые стояли тут прежде. В качестве природоохранных сооружений они не стирают линию фронта между культурой и природой, а подчиняют природу

* Фирменный стиль (англ.).

1. Трудности с памятью. Об отношении к прошлому

культурной технике сохранения того, что от нее осталось. Копия фасада ряда фахверковых домов в центре восстановленного большого города являет собой, как мы видели, не столько фрагмент реконструированной истории градостроительства, сколько господствующую в настоящий момент градостроительную эстетику, которая спекулирует на привлекательности, всегда сопутствующей контрасту старого и нового, даже в тех случаях, когда контраст на самом деле является контрастом не старого и нового, а нового и вновь сделанного старого. Да и заново проложенный с искусственными излучинами ручей уже не вьется, а спешит между надежно укрепленными берегами с пониженной скоростью течения к водоподъемному сооружению. Его приятная вода радуется свежестью благодаря эффективной работе окрестных очистных сооружений, а обильная молодь ценных рыб — результат деятельности союзов рыболовов. Короче говоря, воссоздание — культурно-эволюционное явление, характерное для модерна. Если смотреть из будущего, для которого наша современность является прошлым, оно окажется одной из исторических характеристик нашей эпохи.

Прагматика движения за воссоздание не нуждается в разъяснении. Оно руководствуется самоочевидными вещами — в охране природы и в охране памятников, в экологии и организации досуга. По своей структуре воссоздание носит компенсаторный характер. Оно не переносит нас в более ранние эпохи цивилизационной эволюции, но компенсирует последующие затраты этой эволюции. Культурно-критический вопрос — а не лучше было бы сохранить все в прежнем состоянии, попытки превзойти которое вынуждают нас прибегнуть к дорогостоящим компенсаторным методам воссоздания, — выдумывает такие альтернативы для наших действий, которых никогда не было. Динамика цивилизационной эволюции связана не с нашим произволом, а с самоочевидностью жизненных преимуществ, которые можно было достичь только в этой цивилизации. Быстро растущие расходы на воссоздание составляют часть расходов, на которые мы вынуждены идти для осуществления этих жизненных преимуществ. Феномены воссоздания демонстрируют нам тем самым не иллюзорный характер надежд, которые мы некогда возлагали на цивилизационный проект. Они демонстрируют, напротив, что во многих жизненных сферах цена прогресса растет быстрее, чем жизненные преимущества, которые давали нам возможность, абсолютно справедливо, признавать прогрессивный характер цивилизационной эволюции. Расходы на воссоздание — это часть расходов, которые дают нам понять, что и для прогресса справедлив закон уменьшения предельной полезности¹.

¹ В дополнение к этой интерпретации изменившегося отношения к нашим цивилизационным жизненным предпосылкам и прогрессивной природе их эволюции см. мою книгу: *Lübbe H. Der Lebenssinn der Industriegesellschaft. Über die moralische Verfassung der wissenschaftlich-technischen Zivilisation.* Berlin; Heidelberg; New York; London; Paris; Tokyo; Hong Kong, 1990.

2. АВАНГАРД,
ИЛИ КАК ПРОТИВ ВОЛИ
ДЕЛАЮТ ПРОШЛОЕ
ВСЕ БОЛЕЕ
ИНТЕРЕСНЫМ

2.1. Парадокс авангарда: прошлое приближается к современности

Постмодерн «на долгое время будет, вероятно, быстро забыт», — так высказался недавно известный архитектор Хельмут Ян¹ и указал на последние строительные проекты, которые можно было бы назвать не «постмодернистскими», а «неомонументалистскими». В газетах множатся ретроспективные статьи о постмодерне. Сама семантика составных частей слова «пост-модерн» провоцирует на объявление архитектурного стиля, в чьем самоназвании другой архитектурный стиль объявляется ушедшим в прошлое, в свою очередь устаревшим. СМИ в своих программах, посвященных данному вопросу, и аналогичные учреждения перманентной рефлексии (Dauerreflexion) не упустили эту возможность. Кто не участвовал в постмодерне как архитектор, литератор или философ, а то и просто проспал его, получает шанс в свою очередь оказаться в первых рядах. С другой стороны, в этом процессе непрерывных обгонов постепенно утрачивается интерес и внимание к тому, чтобы находиться на острие стрелы времени. Результатом этого могла стать культура дальнейшей необязательности прогресса. Призывать именно эту необязательность, т.е. возвещать, что «конец линейного времени»² наступил, — вот главный импульс философии постмодерна. Это означает, что постмодерн уже не сознает себя как авангард. Хотя в этом качестве он, тем не менее, обсуждается в различных направлениях культурной деятельности. А в чем, вообще говоря, состоял авангардизм постмодерна? Он состоял в указании на то, что парадоксальные попытки возвести авангардизм в принцип довели авангард *ad absurdum*.

Действительно абсурдные последствия господства принципа авангарда наглядны и для современников, которые в силу своей профессии и прочих видов проведения жизни были далеки от событий и процессов, о которых сообщалось в газетных фельетонах. Что бы, впрочем, ни означал принцип авангарда, он все же подразумевает обязанность художника к инновационному преодолению предшественников в художественном производстве. Разумеется, это может приобрести значимость только в условиях искусства, ставшего автономным. Только искусство, которое в вопросах выбора сюжета и художественной манеры уже не связано с указаниями заказчика, обретает в конечном счете безграничную свободу. При выборе сюжета оно может обращаться к актуальным вещам или — в безразличии к сюжету — реализовывать новые стилистические возможности, которые стали доступными только благодаря аналогичным до-

¹ См.: Welt am Sonntag. 1989. 16. April.

² Baudrillard J. Die fatalen Strategien / mit einem Anhang von O. Wiener. München, 1985. S. 17.

2. Авангард, или Как против воли делают прошлое интересным

стижениям предшественников. Типичная площадка для выступления искусства модерна с авангардистскими притязаниями — это рынок. Но рынок — это учреждение, в котором среди избытка предложения конкуренция ведется прежде всего ради привлечения внимания, а вниманием можно управлять, не в последнюю очередь, представлением нового, непривычного. Так художественная инновационная динамика дополнительно ускоряется благодаря рынку, без которого ставшее автономным искусство при растущей массе художественной продукции совершенно невозможно донести до любителей искусства. Количество нового, производимого в единицу времени, растет, а эволюционная дистанция между старым и новым постоянно увеличивается. В обратной формулировке звучит это так: в условиях авангарда прогрессивно уменьшается число лет, отделяющих друг от друга крупные стилистические инновации, которые зафиксированы в памяти официальной историографии искусств. В количественном выражении, для примера, это означает, что количество стилистических инноваций, которым арт-критики и историки искусств дали собственные имена стилевых эпох, только за одно десятилетие нашего столетия, а именно между 1960 и 1970 гг., было в 10 раз больше, чем за 50 лет предшествующего столетия, а именно между 1850 и 1900 гг. Все это мы узнаем из календаря названий эпох истории искусств, составленного Хансом Робертом Яуссом³.

Сгущение художественных инноваций — непростой факт истории искусств модерна. В авангардизме этот факт предполагается, и ориентация на идеалы авангарда ускоряет одновременно упомянутый процесс инноваций. Последствия этого процесса, однако, авангардизм поначалу не предвидел. Я останавливался подробнее на этом вопросе в другом месте⁴. Напомним вкратце еще раз квинтэссенцию авангардистского самонепонимания, которое весьма показательно для структуры времени эпохи модерна.

Авангард утверждает первостепенную значимость нового и ориентирует внимание общественности, познакомившейся с ним, на это новое. Триумф нового возрастает со скоростью, с которой он пробивает себе дорогу, делая старое — устарелым. «Зачем оглядываться назад?» — таков риторический вопрос Маринетти в его первом манифесте футуризма 1909 г.⁵ «Мы уже живем в абсолюте, потому что мы создали вечную, вездесущую скорость». «Гоночная машина... прекраснее, чем статуя Ники Самофракийской» — фраза, которая сегодня, видимо, звучит еще более ошеломляюще, чем в те годы, если вспомнить, что Маринетти имел в виду гоночный болид первого десятилетия XX в. «Новая красота» — это «красота скорости», а историзированное в результате его музеефикации искусство, которое перегнал футуризм — искусство тради-

³ *Jauss H.R. Kalendarium zur Verkürzung der Epochenbegriffe. Kunst. Nyposkript. Konstanz, 1983.*

⁴ См. мою работу: *Lübbe H. Historisierung und Ästhetisierung. Über Unverbindlichkeiten im Fortschritt // Lübbe H. Die Aufdringlichkeit der Geschichte. Herausforderungen der Moderne vom Historismus bis zum Nationalsozialismus. Graz; Wien; Köln, 1989. S. 46–63.*

⁵ Постоянно переиздаваемый документ цитируется здесь по книге: *Hess W. Dokumente zum Verständnis der modernen Malerei. Reinbek bei Hamburg, 1986. S. 71–72.*

2.1. ПАРАДОКС АВАНГАРДА: ПРОШЛОЕ ПРИБЛИЖАЕТСЯ К СОВРЕМЕННОСТИ

ции, а значит, до модерна, — в самом деле, не могло предложить такого вида современной красоты. В качестве вывода предлагалось следующее: «Мы намереваемся освободить ее [Италию] от бесчисленных музеев, заполонивших ее словно множество кладбищ». «Мы хотим, чтобы искусство, отрицая прошлое, наконец-то отвечало актуальным потребностям, которые нас волнуют»⁶. Конечно, самое простое — не принимать всерьез содержание этих фраз, видеть в них элемент художественного движения, в контексте которого тексты ничего всерьез не утверждают, ничего не требуют, ничего не возвещают, а только выполняют функцию демонстрации своей позиции, чей эстетический эффект, нравится ли она кому-нибудь или нет, состоит в ее неслыханности и новизне.

С другой стороны, никому не запрещено буквально понимать фразы с громкими претензиями. Тогда легко распознать внутреннее противоречие в авангардистском стремлении с помощью инновационного футуризма наконец-то освободить современность от бремени прошлого. Простой эволюционно-теоретический контекст состоит все же в том (в противоположность авангардистским чаяниям с помощью увеличения скорости инноваций наконец-то сбросить с плеч прошлое), что, в точности комплементарно ко множеству нового, современность авангардистски динамизированной культуры наполняется устаревшим хламом. Культуры, которые характеризуются постоянством потребностей, продуктов, обычаев и стилей, на время сохранения подобного постоянства не знают никаких устаревших продуктов, обычаев и стилей. Устаревшее возникает лишь в ходе прогресса и настойчиво дает о себе знать комплементарно к динамике прогресса. В музее, как это представлялось Маринетти, сберегается старое, которое дискредитировано инновационной практикой авангарда и превращено в окончательно устаревшее. Но это означает, что в условиях авангардизма — пока футуристическая культурная революция музейщиков еще не состоялась — музей как место присутствия устаревшего не исчезает за быстро растущим множеством нового, а, в свою очередь, стремительно расширяется. Тот, кто уже сегодня хочет быть завтрашним, послезавтра сам будет вчерашним — такова неизбежная судьба любого авангарда, и если приоритет значимости авангарда должен относиться и к авангарду вчерашнего дня, именно авангард вместе с инновационным процессом ускоряет также и музейфикацию.

Обрисованный эскизно эффект, когда авангард, вместо того чтобы очистить культуру от присутствия музейного багажа, ускоряет процесс музейфикации нашей культурной среды, можно также изложить следующим образом. Авангардистское увеличение скорости инноваций сокращает темпоральное пространство актуальной значимости нового. Этот эффект я по другому поводу описал как «сокращение настоящего», а в данной книге мы рассмотрим сей темпоральный феномен динамических цивилизаций помимо прочего еще и на примере проблем давления массы печатной продукции в библиотеках⁷. Сокращение настоящего означает, что в темпоральном отношении прошлое все ближе придвигает-

⁶ Ibid.

⁷ См. наст. изд., с. 204 и далее.

2. Авангард, или Как против воли делают прошлое интересным

ся к настоящему. Хронологический возраст устаревшего уменьшается. Иными словами: в динамической культуре уже устаревшее становится все моложе.

Ханс Титце в высшей степени иронично описывал этот феномен уже в середине 1920-х годов следующим образом: «Между весенним и осенним салоном» разверзаются «непреодолимые пропасти». «Периоды формирования юных гениев» «составляют месяцы»⁸. Произведения модернистов устаревают, полагал он, прежде чем высохают краски. Тем самым они попадают «без промежуточной стадии в музей»⁹. Авангард, который возник в недрах футуризма как музейборческое движение¹⁰, ускоряет тем самым трансформацию искусства в музейное искусство. Ханс Титце воспринимал в молодой тогда «традиции авангарда»¹¹ обозначение «музейное искусство» еще как «оксюморон»¹². Но как только вскоре после этого в Нью-Йорке был основан первый «Музей современного искусства» (Museum of Modern Art), окончательно выяснилось, что не понятие музейного искусства является противоречием в самом себе, а авангардистская претензия окончательно освободить современность от прошлого благодаря взятому на себя художниками обязательству действовать как новаторы. Авангард, таким образом, вместо того чтобы лишить власти музей как культурный институт, способствует тому, что теперь благодаря спекуляции художественная продукция как никогда прежде в своей истории устремляется занять место в музее. Только перспектива найти доступ в музей или в аналогичное музейное учреждение, где проводятся художественные выставки, делает понятными характерные особенности авангардистских произведений искусства. Все начинается с самых внешних вещей, с пространственных размеров модернистов произведений. После того как дворцы, стены которых надо было заполнять гигантскими полотнами, уже не строятся, вполне очевидно, что это будет в основном стена музейного зала, к размерам которой художники модерна приспособливают суперформат своих полотен. Совершенно аналогично дела обстоят и с пространственным искусством (*environments*), которое само по себе занимает все пространство, и то же самое для работ, которые по причинам сложности ухода за ними из-за чувствительности и хрупкости материалов остаются зависимыми от профессиональных специалистов по консервации, которые работают как музейные работники или сотрудники фирм, оказывающих услуги по консервации.

С самого начала авангардистская инновационная революция привела к сокращению периода времени, в течение которого какое-либо новшество могло бы рассчитывать на некую неизменную значимость в качестве новации: он

⁸ Tietze H. *Lebendige Kunstwissenschaft. Zur Krise der Kunst und der Kunstgeschichte*. Wien, 1925. S. 39.

⁹ Ibid. S. 60.

¹⁰ См. в связи с этим: Graskamp W. *Museumsgründer und Museumsstürmer. Zur Sozialgeschichte des Kunstmuseums*. München, 1981. S. 47.

¹¹ Этим выражением непринужденно пользуется Ласло Глоцер: *Glozer L. Westkunst. Zeitgenössische Kunst seit 1939*. Köln, 1981. S. 127.

¹² Tietze H. *Op. cit.* (См. примеч. 8.) S. 60.

2.1. ПАРАДОКС АВАНГАРДА: ПРОШЛОЕ ПРИБЛИЖАЕТСЯ К СОВРЕМЕННОСТИ

теперь значительно меньше числа лет жизни, на которое может надеяться художник при сохранении продуктивности. Это означает, что принцип авангарда обязывает художника к многократному самопережению за короткий период его собственной жизни. Бесспорно, что этому надо соответствовать, и остается еще назвать имена тех гениев столетия, чья индивидуальная продукция в их эпохальной последовательности репрезентирует эволюцию в истории искусств. Авангардистская инновационная динамика делает тем самым художников историческими уже в пределах их собственного жизненного срока, а при этом одновременно и сама становится исторической. Соответственно в условиях авангарда постоянно растет и число художников, которые, вместо того чтобы постоянно подчиняться давлению инновационной практики, продолжают сегодня существовать как субъекты глубокой инновации вчерашнего или позавчерашнего дня. В другом месте в качестве примера я наглядно обрисовал это следующим образом: «Идея в рамках художественного замысла упаковать знаменитые здания, да и суровые скалистые берега, была действительно чем-то новым. Но Христо все упаковывает и упаковывает до сих пор»¹³. Налицо процесс авангардистского самоосуждения на роль перманентной памяти о новаторской роли, которую играли вчера или позавчера. То, что публика ценит эту память и требует от состарившегося новатора повторения давно устаревших новаций, в очередной раз демонстрирует парадоксальный (только на первый взгляд) эффект ускоренной самоисторизации искусства из-за авангардистского ускорения прогресса этого искусства.

Если тезис о комплементарном характере авангардизма и историзирующей музеефикации верен, то в тезисе о том, что «музеефикация делает искусство недееспособным», есть нечто ложное. Особенно в том случае, если с данным тезисом сочетается также старое футуристическое мнение, что с помощью авангарда искусство эмансипируется от музея. Сегодня процитированная фраза обладает разве только устаревшей привлекательностью футуристической борьбы с музеями. Но она произнесена не в первой половине XX столетия. Речь идет, напротив, о высказывании известного современного галериста, а с точки зрения истории идеологии — о фразе из контекста культурно-революционных волнений конца 1960-х годов, когда на короткий период еще раз, особенно в университетской среде, возродилась идея, согласно которой культурная и политическая эволюция подчиняется в целом закономерности, из которой следует, что надо ускорять эволюцию и вставать во главе этого движения, т.е. быть авангардом¹⁴.

В процитированной фразе не только проявляется ошибочное понимание комплементарной взаимосвязи инновационной и музеефицирующей практики. В ней ложно понимается также то, что в контексте культуры модерна музей

¹³ О Христо см.: *Alloway L. Christo. Stuttgart, 1969*. Кроме того, см.: *Cullen M.S., Volz W. (Hrsg.). Christo. Der Reichstag, 1984*.

¹⁴ Процитированное предложение взято из названия главы из книги Вернера Хофманна: *Hofmann W. Kunst und Politik. Über die gesellschaftlichen Konsequenzen des schöpferischen Handelns. Köln, 1969. S. 25*.

2. Авангард, или Как против воли делают прошлое интересным

представляет собой одну из важнейших гарантий автономного искусства. Уяснить это поможет, к примеру, ретроспективный взгляд на историю институций новоевропейского искусства. К малоизвестным биографическим страницам жизни и творчества Вильгельма фон Гумбольдта, помимо его деятельности в качестве учредителя первого публичного художественного музея в Пруссии, архитектором которого был Фридрих Шинкель¹⁵, относится его деятельность в качестве председателя союза друзей искусств в Прусском государстве, главная цель которого заключалась в поощрении талантливых художников¹⁶. Отношение обоих видов деятельности, т.е. поощрение музеев, с одной стороны, и поощрение художников — с другой, выглядело тогда, добрых 150 лет назад, следующим образом. Будучи основателем музея, Гумбольдт преследовал цель сделать старинное искусство современным и доступным публике. Закупочная комиссия занималась комплектацией фондов, стремясь закрыть вопиющие пробелы в наличии исторических рядов. Все это уже тогда было поставлено под контроль исторического сознания, а кроме того, музей превращался в учреждение художественного восприятия и образования, дисциплинированного посредством истории искусств. Тем временем художественный союз совершал закупки и современного искусства с целью поощрения художников. При этом поначалу это современное искусство по своим сюжетам и манере было преимущественно заказной работой. Но быстро росло число признанных и купленных работ, плодов свободного творчества. На этом исторически весьма отдаленном от нас фоне яснее видно, что с тех пор изменилось: свободное творчество сегодня доминирует почти абсолютно, а его показы с комментарием СМИ, организованные современным художественным музеем, маркируют тот публицистический статус автономного искусства, который сегодня обеспечил неприкосновенность идеального суверенитета художника по отношению к заказчикам. Это означает, что современный художественный музей как музей актуального музейного искусства, о котором утверждают, что он лишает искусство дееспособности и таким образом делает его безобидным, описан в странной, далекой от реальности манере. В действительности функция современного музея, напротив, есть функция институциональной гарантии автономии художника.

Помимо современного художественного музея существует, конечно, и художественный рынок, к услугам которого музеи, в свою очередь, вынуждены прибегать в качестве покупателей. Рынок — это функционально совершенно необходимая структура, ведь только с его помощью формальная конституционная гарантия свободы искусства может наполниться жизнью. Что не только не исключает критики случаев монополизации, которые встречаются и на ху-

¹⁵ Деятельность Гумбольдта в качестве основателя музея освещается в моей статье: *Lübbe H. Wilhelm von Humboldt und die Berliner Museumsgründung 1830 // Lübbe H. Die Aufdringlichkeit der Geschichte. Herausforderungen der Moderne vom Modernismus bis zum Nationalsozialismus. S. 187–206.*

¹⁶ О здании музея работы Шинкеля см.: *Kauffmann H. Zweckbau und Monument: Zu Friedrich Schinkels Museum am Berliner Lustgarten // Hess G. (Hrsg.). Eine Freundesgabe der Wissenschaft für Ernst-Hellmut Vits zur Vollendung seines 60. Lebensjahres am 19. September 1963. Frankfurt am Main, 1965. S. 135–166.*

2.1. ПАРАДОКС АВАНГАРДА: ПРОШЛОЕ ПРИБЛИЖАЕТСЯ К СОВРЕМЕННОСТИ

дожественных рынках, но и подразумевает ее. Но незаменимость художественного рынка для фактического гарантирования свободы искусства легче всего признать, если подумать, в каких условиях оказалось бы художественное творчество, если бы распределение художественной продукции управлялось бы не рыночными методами, а всецело административными решениями. Альтернативы художественному рынку не существует. Очевидно, что свобода искусства в таких условиях была бы в опасности, даже если бы указанные административные решения легитимировались демократически.

Итак, лишь рынок и музей делают авангард возможным. В качестве следующего условия следует, разумеется, упомянуть и художественную публицистику. В одной Германии, говорят, работают теперь более 800 журналистов, освещающих проблемы культуры, и более 500 из них специализируются на вопросах изобразительного искусства¹⁷. Это, конечно, культурно-политический фактор первостепенной значимости, и у модернового любителя искусства нет реальных шансов сформировать разумное отношение к авангардному искусству без содействия современной арт-публицистики. Осуждать некоторые внешние формы и воздействие фельетонов по искусству можно. Но кто захочет как-то противостоять этому, все равно будет вынужден прибегнуть к газетным публикациям.

Прочитанный выше тезис о том, что музей — это культурно-политический институт, служащий приютом недееспособного искусства, нельзя назвать просто заблуждением, инспирированным с неофутуристических позиций. Он связан помимо этого с ошибочно указанным измерением места, которое в рамках обществ модерна может занимать искусство в контексте общественной жизни. В основе его лежит регрессивная идея единства искусства и жизни, чей отчужденно-критический пафос¹⁸ недооценивает того, что автономия и свобода искусства имеют в качестве предпосылки отношения необратимого отчуждения. В более нейтральной формулировке он выглядит следующим образом: свобода искусства вплоть до ее конституционно-правовой гарантии есть результат процессов культурного обособления искусства по отношению к другим жизненным областям. Эти процессы можно описать также как процессы культурной раздифференциации и специализации. Три из этих специфических для модерна процессов, которые, учитывая специфику модернизации, можно обратить вспять только средствами тоталитарной политики в области искусства, мне хотелось бы обрисовать схематически, отмечая эстетизацию, сциентизацию и, наконец, деполитизацию нашего отношения к искусству в обществах модерна.

Эстетизация нашего отношения к искусству. Искусство, разумеется, и сегодня соотносится с целями в области культуры, находящимися за

¹⁷ Об этом говорил председатель Союза германских арт-критиков, доктор Рихтер, в своем докладе на конференции Германско-Австрийско-Швейцарской ICOM-секций 15 мая 1982 г. в Линдау.

¹⁸ Например, в обвинениях в «беспоследственности искусства в гражданском обществе», — об этом пишет Петер Бюргер: *Bürger P. Theorie der Avantgarde. Frankfurt am Main, 1974. S. 78.*

2. Авангард, или Как против воли делают прошлое интересным

пределами искусства. Существует религиозное искусство. Существует революционное искусство — либо действительно революционное, либо такое, которое хотело бы им стать. Даже за пределами тоталитарных систем искусство не утратило связи с целями политически-институциональной репрезентации, но и вне контекста политической жизни всегда существуют потребности в символической репрезентации, которые можно удовлетворить только средствами искусства, причем в отношении этих репрезентаций искусство не обладает неограниченным суверенитетом. Это простирается от реликтов и случайных обращений к портретному жанру вплоть до искусства в его функции символического медиума специфической групповой идентификации и нарративного (*erzählender*) узнавания — как это имеет место в случае бесчисленных государственных и городских памятников во всем мире, обязательно требующих для своего понимания определенного нарратива, или мемориалов и памятников погибшим всех классов и типов. Специфику автономии искусства составляет не его несоотнесенность с такими приватными и общественными целями — это верно, а независимость его эстетической оценки от наличия или отсутствия у нас жизненной связи с этими целями.

Этот тезис об индифферентности, который становится понятным при более детальном рассмотрении, не имеет никакого отношения к принципу *l'art-pour-l'art*, давно признанному одиозным среди ангажированных людей, какой бы ориентации они ни придерживались. Еще раз повторим: не утверждается, что искусство в процессе обретения культурной и политической автономии теряет сюжет, символическую репрезентативность или также (в соответствии с замыслом автора) всякую соотнесенность с жизненными целями за пределами эстетической сферы. Ни одно произведение искусства, состоящее в подобных целевых отношениях, нельзя было бы полностью сделать понятным без учета этих жизненных целей¹⁹. Тем не менее в условиях культурного и политического плюрализма обществ модерна автономия искусства подразумевает, что и реципиент искусства свободен вступить в некое отношение к произведениям искусства без самоотождествления с внеэстетическими целями, в которые художник в свою очередь может быть вовлечен. Модерновый художественный музей в самом деле, помимо прочего, выполняет культурную функцию, которая заключается в том, чтобы институционально сделать возможным отношение к искусству, избавленное от принуждения к самоотождествлению с его внеэстетическими целями. В эстетизации и историзации искусства совершается его высвобождение. «Мы можем находить... изображение... Марии достойным и совершенным, — это ничего не изменит, мы все же не преклоним колен»²⁰, — так звучит часто цитируемое выражение протестанта Гегеля, ко-

¹⁹ Это вещь довольно банальная, признанная также профессиональными историками искусств герменевтическая очевидность (*Selbstverständlichkeit*). Об этом см., например: *Ettlinger L.D. Kunstgeschichte als Geschichte // Jahrbuch der Hamburger Kunstsammlungen*. 1971. Bd. 16. S. 7–19.

²⁰ *Hegel G.W.F. Vorlesungen über die Ästhetik. Drei Bände. Erster Band // Sämtliche Werke*. Bd. 12 / G. Glockner von (Hrsg.). 3. Aufl. Stuttgart: Frommann, 1953. S. 151. Рус. пер.: *Гегель Г.В.Ф. Эстетика: в 4 т. / пер. с нем. Г.Г. Гото*. Т. 1. М., 1968. С. 111–112.

2.1. ПАРАДОКС АВАНГАРДА: ПРОШЛОЕ ПРИБЛИЖАЕТСЯ К СОВРЕМЕННОСТИ

торое как пример наглядно показывает действие историзации и эстетизации искусства. Меж тем по мере ускорения изменений в области культуры и искусства крайне сократилась временная дистанция между тем, что эволюционно еще представляется как относящееся к современности, и тем, что уже стало историческим; именно поэтому стало размываться различие между историческими музеями, с одной стороны, и музеями современного искусства — с другой. Число музеев — обоих типов — поэтому постоянно растет, это, так сказать, морги истории искусств в ее актуальном динамическом протекании. Как известно, данные музеи пользуются у публики массовой популярностью. Они представляют собой общественные центры, где публика может свободно вступать в отношения с искусством без принуждения к самоотождествлению с его внеэстетическими целями.

Это, а не лишение искусства его дееспособности, и есть в действительности институциональная предпосылка бытования искусства в культуре модерна. И наоборот, это означает, что каждая попытка восстановить так называемую дееспособность искусства путем объединения его эстетического притязания с публичным притязанием на обязательность его внеэстетических целей имела бы своим следствием утрату дееспособности одновременно и публикой, и самим художником. В тоталитарной политике в области искусства, к чему мы еще вернемся²¹, это имело место; и в господствующей системе реально существующего социализма мелочная опека искусства была не историческим несчастьем, а напротив, неизбежным практическим следствием, вытекающим из марксистско-ленинской философии искусства, которая испытывала ужас перед эстетическим отношением к искусству, поскольку оно подразумевает индифферентность к внеэстетическим целям искусства. Не вопреки марксистско-ленинской эстетике, а наоборот, как ее следствие существовал художественно-политический догматизированный социалистический реализм. Эти взаимосвязи ощущаются даже в высказываниях на темы теории искусства у эмансипированных от ортодоксии критически настроенных интеллектуалов на Западе, например у Герберта Маркузе, который критически высказался по поводу работ Уорхола, заметив, что «выставленная консервная жестянка из-под супа», к сожалению, не сообщает «ничего о жизни фабричных рабочих, которые ее изготовили». Это, по его словам, есть «мимесис без перемены»²².

Оставим в стороне вопрос, уместно ли характеризовать поп-арт посредством богатого традициями понятия «мимесис»²³ или неуместно, — но что касается «перемены» (*Verwandlung*), которая, согласно приведенному изречению, требуется от искусства как результат, то она и так осуществляется вне художествен-

²¹ См. наст. изд., с. 119 и далее.

²² Marcuse H. Die Permanenz der Kunst. Wider eine bestimmte marxistische Ästhetik. München; Wien, 1977. S. 57.

²³ См. в связи с этим материалы заседания Гисенского коллоквиума «Имитация и иллюзия» исследовательской группы «Поэтика и герменевтика»: Verhandlungen des Gießener Kolloquiums "Nachahmung und Illusion" der Forschungsgruppe "Poetik und Hermeneutik". Bd. I. München, 1969.

2. Авангард, или Как против воли делают прошлое интересным

ной сцены. Повсюду в обществах модерна существует социальная политика, которая давно превратила государство в социально-ориентированное государство; профсоюзы, партии, церкви предъявляют иски по поводу истечения срока текущего платежа, и, как следствие этого, положение «живущих на зарплату масс» меняется постоянно. В противоположность этому именно представление о трогательной отрешенности от мира позволяет вдохновляемому поздним марксизмом теоретику искусства прийти к выводу, что Уорхолу вместо работы в духе поп-арта лучше было бы применить свои впечатляющие художественные способности на ниве отсталой американской социальной политики. От необозримого и неизбежного давления перемен, которое мы испытываем в динамической цивилизации модерна, никуда не деться и без художественной репрезентации. И поскольку мало сдерживаемый прогресс является в то же время причиной последующих затрат, мы учимся ценить искусство не как ангажированное искусство, а компенсаторно — в большей степени как культурное средство разгрузки и перемещения в жизненные контексты, где мы не подлежим требованиям изменений²⁴. Можно ли назвать противопоставление Шиллером радости искусства серьезности жизни* нечестивым (*ruchlos*)? Тот, кто так считает перед лицом политической и социальной нищеты, свидетелями которой мы были в нашем столетии и еще являемся, не понимает классическую эстетику. Тезис о радости искусства ведь не утверждает, что на сцене представляют исключительно комедии, а на картинах изображают только далекие от жизни прелестные сценки. Напротив, согласно Генриху Вайнриху²⁵, имеется в виду, что произведения искусства позволяют нам противостоять великим трагедиям жизни, обладая свободой публики, а именно, находясь в театре или музее, откуда мы, как правило, отправляемся не на серьезную переделку мира, а в рестораны.

Сциентизация (*Verwissenschaftlichung*) нашего отношения к искусству. Так называемое единство искусства и жизни, в верности которому клянется политически ангажированный авангардизм, в условиях высокодифференцированной культуры является регрессивным идеалом в том числе и потому, что этот идеал отрицает неизбежные и необратимые воздействия сциентизации на наше культурное отношение к искусству. В плане истории культуры этот процесс сциентизации находит свое выражение в продолжающейся академизации и профессионализации транслирования искусства (*Kunstvermittlung*). В неизбежности этого процесса можно не сомневаться. Этим, конечно, не затрагивается то, о чем не раз говорил Генрих Лютцелер: «Когда нужно раскрыть собственные намерения и достижения искусства, искусствознание нуждается

²⁴ См. об этом: *Marquard O. Kunst als Kompensation ihres Endes // Oelmüller W. (Hrsg.). Kolloquium Kunst und Philosophie. Bd. 1. Ästhetische Erfahrung. Paderborn; München; Wien; Zürich, 1981. S. 159–168.*

* Ernst ist das Leben, heiter ist die Kunst. «Серьезна жизнь, но радостно искусство». Пролог к пьесе «Лагерь Валленштейна».

²⁵ *Weinrich H. Drei Thesen von der Heiterkeit der Kunst // Weinrich H. Literatur für Leser. Stuttgart; Berlin; Köln; Mainz, 1971. S. 12–22.*

2.1. ПАРАДОКС АВАНГАРДА: ПРОШЛОЕ ПРИБЛИЖАЕТСЯ К СОВРЕМЕННОСТИ

в фоне вненаучного опыта его восприятия»²⁶. Но этот вненаучный опыт восприятия искусства как никогда прежде зависит в свою очередь от историографических и герменевтических, т.е. от научных дисциплин, в противном случае он рискует стать хаотичным перед лицом исторически беспримерного изобилия возможностей современного опыта восприятия искусства.

Сила нашего интереса к прошлому есть культурное дополнение (Komplement) по отношению к власти перемен, которым мы подвержены в нашей цивилизации. Ностальгические настроения, которые вплоть до художественной деятельности наполняют нашу современную культуру, также относятся к этой взаимосвязи. Вместе с волнами ностальгии ширится также настроение «ложной доверчивости» в отношении к прошлому, как называли это явление Норберт Куниш²⁷ и Адольф Борбайн*. В противоположность этому историческая культура, которая вообще не могла бы развиваться без достижений наук о культуре, в отношении к искусству является культурой дистанционного восприятия. Историческое сознание есть средство актуализации прошлого. Но оно действует в форме интеллектуальной сублимации благодаря интенсификации ощущения чуждости прошлого. Оно обостряет чувство меры исторических и герменевтических усилий, которые применяются там, где хотят дойти до понимания. В условиях ускорившейся благодаря авангарду динамики развития искусства это относится и к такому искусству, которое в хронологическом смысле следовало бы называть еще молодым искусством.

В таких условиях бессмысленно стремиться восстановить свободное единство искусства и жизни без институционального и научного посредничества, а именно эта иллюзия маячила перед взором представителей раннего футуристического авангарда. Кроме того, повторим, что для такого искусства, которое еще не покрылось налетом исторического, справедливо, что отношение к нему, как правило, нельзя охарактеризовать на основе нерелексированной спонтанности и чувственной очевидности. Даже простая феноменология сложного произведения современного искусства требует сегодня описания, на которое способны только специалисты, обладающие эзотерическим знанием, достигаемым на основе опыта истории искусств²⁸.

²⁶ Lützel H. Die außerwissenschaftliche Kunsterfahrung // Lützel H. (Hrsg.). Jahrbuch für Ästhetik und Allgemeine Kunstwissenschaft. Bonn, 1962. Bd. 7. S. 189–249, S. 189.

²⁷ Kunisch N. Antike Kunst (Zur Wiedereröffnung der Kunstsammlungen der Ruhr-Universität Bochum) // Ruhr-Universität Bochum. Jahrbuch 1982. S. 67–92, S. 75.

* Борбайн, Адольф Генрих (р. 1936), немецкий классический (античный) археолог.

²⁸ В память о Максе Имдале я бы хотел в качестве примера блестяще удавшегося достижения указать на его описание «Песчаной мельницы» Гюнтера Юккера, которая сейчас хранится в художественном собрании Бохумского университета. Великолпно натренированная в профессиональном отношении способность различения, которая задействована в этом описании, оказывает тем более сильное влияние, что автор в этом случае совершенно отказался в языковом отношении от выработанного кода (см.: *Imdahl M. Moderne Kunst // Ruhr-Universität Bochum. Jahrbuch 1982. S. 93–107*).

2. Авангард, или Как против воли делают прошлое интересным

Подводя итоги, можно сказать: движимое авангардом искусство не является искусством, эмансипированным от зависимости от музея; напротив, оно, как никогда доселе, является искусством, зависящим от музея. Авангард поощряет процесс культурной музеефикации. Кроме того, авангардистское искусство совершенно не способно преодолеть отношения отчуждения, господствующие в культурной и политической взаимосвязи жизни обществ модерна. Через него не возрождается единство искусства и жизни, более того, оно вызывает и поощряет потребность в эзотерических знатоках. Профессионализация и институционализация посреднической деятельности в области искусства, как и их предпосылка, — искусствоведческие, в особенности ориентированные на историю искусств исследования, — оказываются неизбежными.

С этой точки зрения необходимо судить смысл и бессмыслицу культурно-политических программ так называемой демократизации искусства. В основе этих программ нередко лежит фундаментальное заблуждение, согласно которому образование эзотерических и элитарных уровней культурных притязаний, которые фактически повсюду сопровождали авангардное искусство, находится в противоречии к долгу демократического культурного государства гарантировать гражданам равенство в доступе к культурным ценностям. Как легко видеть, налицо противоположная ситуация. Для культурного жизненного контекста обществ модерна считается, что с равенством шансов на участие (*Partizipationschancen*) неравенство в уровне участия (*Partizipationsniveaus*) не уменьшается, а возрастает²⁹. По отношению к области, известной и признанной всеми, это звучит так: чем успешней мы в стремлении сделать спорт массовым, тем сильнее происходит одновременное расслоение лидеров и тем выше поднимается планка достижений. Если оглядеться и посмотреть, каково современное положение искусства в обществе модерна, то структурно получится такая же картина. Возможностей продуктивно или рецептивно принимать участие в контексте художественной жизни больше, чем когда-либо. Использование подобных возможностей и их масштаб являются такими же, и соответственно высокой является степень достигнутой дифференциации в продуктивной и рецептивной художественной деятельности.

Следовало бы ожидать тяжелых последствий, если бы кто-либо захотел бороться с последствиями дифференциации авангардистски раскрепощенного искусства во имя понятия искусства с популистски размытыми границами. Вследствие этого в культурной политике возникла бы тенденция к антиэлитарному иконоборчеству. Известен в последнее время ряд примеров, например, осознанный акт агрессии, который был направлен против стальной скульптуры Антонио Каро перед художественной галереей в Билефельде. Ульрих Вайснер описал этот эпизод³⁰. Речь идет о той же самой диалектике, которая

²⁹ См. в связи с этим мою статью: *Lübbe H. Wiederentdeckung der Eliten // Lübbe H. Fortschrittsreaktionen. Über Konservative und destructive Modernität. Graz; Wien; Köln, 1987. S. 176–197.*

³⁰ *Weisner U. Kommunikationsprobleme mit gegenstandslosen Skulpturen der Moderne. Bielefeld o. J.*

2.1. ПАРАДОКС АВАНГАРДА: ПРОШЛОЕ ПРИБЛИЖАЕТСЯ К СОВРЕМЕННОСТИ

когда-нибудь обязательно ударит и по тем художникам, которые, сами будучи всемирно известными, на основе нечеткого понятия искусства хотели бы превратить любого человека в компетентного художника — к несчастью, с тем непредвиденным последствием, что теперь эти носители титула «любой-человек-художник» обращаются с известной грудой базальтовых блоков³¹ как с кучей базальтовых блоков, вместо того чтобы отнестись к ней как к части произведения искусства.

Деполитизация нашего отношения к искусству. В условиях обрисованных процессов культурной дифференциации, вызванных авангардистскими движениями, уже не может существовать искусство, наделенное политически обязательной культурной репрезентативностью. Пока авангард утверждает свою политическую независимость, не существует искусства, репрезентирующего государство, искусства, чья политически-административная привилегированность могла бы иметь всеобщее признание. Разумеется, искусство, как религия и наука, относится к предпосылкам культурной жизни государства модерна. Но либеральное государство модерна и в случае искусства выдвинуло свои собственные жизненные предпосылки. Этому не противоречит то обстоятельство, что современное государство в сфере культурной политики повсеместно выступает как субъект поощрения искусства. Сегодня встречаются сверхчувствительные в области культурной критики интеллектуалы, которые не выносят даже такого слова, как «поощрение», и полагают, что государство, которое набивается «великодушно» поощрять искусства, все еще не поняло, чем по сути является искусство³². Если бы из этой критики государственной поддержки искусства следовало, что искусство в материальном отношении лучше предоставить самому себе, а тем самым публике и рынку или частному меценатству, то она частично была бы в чем-то права. Но данная критика имела в виду другое, и в этом смысле она непоследовательна. Что в действительности происходит в политике государства по отношению к искусству и, конечно, также в соответствующей политике наших муниципальных властей, надо описывать вместе с юристами, специалистами по конституционному праву, как практическое следствие параллелизма социального государства, с одной стороны, и культурного государства — с другой³³. В качестве примера достаточно указать на городскую практику закупок, награждения

³¹ Documenta 7. Bd. 2. Kassel, 1982. S. 47. [В электронной энциклопедии «Кругосвет» об этой акции скульптора Йозефа Бойса говорится: «Наиболее масштабной была его акция 7000 дубов во время международной арт-выставки “Документа” в Касселе (1982); огромная куча базальтовых блоков здесь постепенно разбиралась по мере того, как высаживались деревца».]

³² Так считает Петер Вапневски: *Wapnewski P. Überlegungen zum Ort der Kunst in unserer Gesellschaft // Kunstreport. Sonderausgabe “Projekt Bundeskunsthalle” / Herausgeber: Deutscher Künstlerbund e.V. Berlin, 1978. S. 12–18, S. 17.*

³³ Именно это можно извлечь в конечном счете из критических замечаний Вапневски об отношении государства и искусства. О юридическом анализе понятия культурного государства как параллели к понятию социального государства см.: *Häberle P. Kulturverfassungsrecht im Bundesstaat. Wien, 1980.*

2. Авангард, или Как против воли делают прошлое интересным

государственными премиями, что также не исключает презентацию искусства как деятельности государственных учреждений. Но репрезентативность, которую при этом обретает искусство для государства в его качестве культурного государства, реализуется, очевидно, не благодаря государственному возвышению суждения вкуса до административного акта, а как демонстрация освобождения государством этого суждения даже в своих собственных залах. Эти залы являются сегодня в подавляющем большинстве и одновременно в самых важных случаях не дворцами и не правительственными зданиями, а музеями с бюджетным финансированием, причем государственная репрезентативность этих музеев — не результат приспособляемости публично выставляемого в них искусства к правилам идеолого-политически канонизированной эстетики, а напротив, следствие демонстрации политически признанной свободы искусства, которое для своего авангардистского самораскрытия зависит от институционализированных свободных пространств современных музеев. Конечно, музеи модерна также не могут избежать процессов старения и содержат в сегодняшней современности то, что было современным вчера. Но без продолжающейся музеефикации авангардного искусства именно оно было бы осуждено только на эфемерное существование. Чтобы новое вообще смотрелось как новое, необходимо присутствие (Gegenwart) прошлого, в которое авангард постепенно превращается, и музей — это организация, которая обеспечивает присутствие этого прошлого, произведенного авангардом.

2.2. Взаимодополняющие компоненты авангарда: эклектика и классика

«Гостиничная живопись и модерн: в самом деле, по-другому не получается. *Tertium non datur*» — так высказался Т.В. Адорно в ходе баден-баденского диалога об искусстве (1959)¹. Фраза звучит солидно и в отношении художественной политики вполне доброжелательно. Но лежащая в его основе феноменология довольно убога. Чем свободней и динамичней авангард раскрывает себя в либеральной культуре, тем меньше удается ему утвердить и свои без того сомнительные притязания на общеобязательность, и не может быть и речи о том, чтобы произведения, не согласующиеся с авангардистскими требованиями, унижительно рассматривались на уровне украшений интерьера в третьеразрядных отелях. Любители с большим стажем всегда самые лучшие, и какая причина должна быть для того, чтобы отказываться от испытанных любителей произведений устаревшего авангарда в пользу всякий раз новейших? Чем быстрее продвигается авангардный фронт, тем меньше вероятность того, что команда интеллектуалов «Все на фронт!» смогла бы воспламенить всю публику любителей искусства. То, что авангард оставляет позади в виде устаревшего авангарда, увеличивается в количестве и темпоральной плотности с ростом своей маршевой скорости, и соответственно возрастает количество легитимных возможностей интересоваться преимущественно тем, что авангард оставил позади. Даже в военной области, откуда пришла метафора авангарда, ситуация такова, что передовой отряд представляет собой только горстку бойцов, которая нередко обрекается на гибель. Напротив, готовое к выдвиганию большинство выжидает на исходных позициях, и зачастую сведения, поступившие от передового отряда, требуют, что вместо того, чтобы следовать за ним, нужно занять круговую оборону и укрепиться на достигнутой позиции.

Но оставим эти военные импликации метафоры авангарда², которые не случайно в тоталитарных политических движениях нашего столетия в сфере политики по отношению к искусству, к сожалению, воспринимались буквально. К этому мы еще вернемся³. В демилитаризованной версии господство принципа авангарда можно отождествить с перманентным ростом шансов стать отсталым (не *up-to-date*) в оценке искусства. И это относится не только к реципиентам. В либеральных обществах модерна художественное творчество,

¹ Wird die moderne kunst "gemanaget"? / ein Bericht mit Beiträgen von Th.W. Adorno, J. Beckelmann, M. Bense, K. Farner, D.-H. Kahnweiler, E. Vietta u.a. Baden-Baden; Krefeld, 1959. S. 41.

² По поводу метафоры авангарда см.: *Böhringer H. Avantgarde — Geschichte einer Metapher // Archiv für Begriffsgeschichte. 1978. Bd. XXII. S. 90–114.*

³ См. наст. изд., с. 119 и далее.

2. Авангард, или Как против воли делают прошлое интересным

невзирая на доступные наблюдению и наблюдаемые маневры авангарда, ни в культурном, ни в политическом отношении не подчиняется законам фронта, наступающего в сомкнутом строю, а то, что получается там, где не подчиняются авангардистским приказам на наступление, в свою очередь, не обязательно *eo ipso* представляет собой гостиничную живопись. Уже одна только структура темпоральности культурного распределения авангардистских новаций может привести к тому, что с ростом динамики авангардистской инновации актуальная художественная сцена будет нести отпечаток не просто авангарда, а, по крайней мере в количественном отношении, успевшего за это время состариться авангарда. А поскольку еще существуют отдаленные культурные пространства («провинция»), следует учитывать временное запаздывание, но при этом мы опять-таки погрешили бы против действительности, полагая, что уровень художественных притязаний так называемой провинции, — поскольку авангард присутствует здесь лишь только на страницах газет, но еще не в ателье и галереях, — находится на уровне притязаний гостиничной живописи, если воспользоваться метафорой Теодора Адорно.

Короче говоря, приговор, вынесенный во имя авангарда Теодором Адорно искусству модерна, не являющемуся авангардным, не учитывает последствий авангарда. Как раз там, где существует авангард, встречается не только он, но и недавний авангард вчерашнего дня, да еще и позавчерашний авангард, а кроме того, провинциальный авангард, который есть нечто большее, чем вчерашний или позавчерашний авангард, а именно, он представляет собой авангард в рамках отколовшейся, обособившейся региональной культурной революции. Чем мощнее движутся вперед главные потоки художественной эволюции, тем больше становится число малых побочных потоков. Образуются завихрения, возникают заторы, остаются мертвые рукава, но и по ширине главного потока скорости течения весьма различны. Относились ли наши нео-наивные художники, весьма популярные 20 лет назад, к авангарду? Куда движутся гиперреалисты, назад или вперед? Как назвать наших специалистов по визуальным иллюзиям — техническими перфекционистами или стилевыми авангардистами⁴? На эти вопросы нет ответов — не потому, что на них трудно ответить, а потому, что уже стало абсурдным выделять в рамках крайне неоднородных эволюций искусства модерна какую-либо позицию как передовую в темпоральном смысле и в этой характеристике отличать ее как авангард. Точнее будет сказать, что в рамках последовательной авангардистской ориентации, которая нормативно отличает инновацию, совершенно невозможно в массе высвобожденной именно благодаря этому плюральности авангардистских опций выделить какую-либо позицию как эволюционно передовую.

Вот и здесь мы натываемся на проблему множества. Ситуация напоминает соревнования по народному бегу. Когда масса бегунов рвется вперед, растет вероятность того, что для нашего взгляда, воспринимающего разницу во времени только в ограниченных пределах, очень многие пересекают финишную линию

⁴ См.: *Draeger W. Trompe-l'oeil — Anmerkungen zu seiner Entwicklung // Die Kunstzeitschrift. 1980. Vol. 6. S. 22–62.*

2.2. ВЗАИМОДОПОЛНЯЮЩИЕ КОМПОНЕНТЫ АВАНГАРДА

одновременно. Технически реализуемые методы оптической или электронной фиксации победителя имеют значение только для церемонии вручения призов. Однако популярность имени определенного таким образом победителя может иметь чрезвычайную ценность: с популярностью связаны шансы на рыночный успех и прочие возможности социального использования. Но, как известно, в конкурентном забеге ради занятия высшей позиции вместе с минимизацией промежутка между представителями авангарда одновременно возрастает случайность условий ее достижимости. Однозначная корреляция популярности и авангардистского качества исчезает. Это позволяет искать авангардные достижения в тени внимания общественности. Существует, так сказать, официальный раздел в газетах со своими судьями в области искусства. Но поскольку нагрузка и у этих судей будет явно чрезмерной, неизбежно усилится значение приговора неспециалистов в области искусства. Тогда в результате общей ориентации на него принцип авангарда утратит свою доступную проверке нормативную обязательность. Ситуация в авангардной сцене совершенно не похожа на то, что происходило бы, если бы лидер кричал «За мной!», и благодаря очевидной обязательности подобного призыва все шли за ним. Подобная очевидность могла бы иметь две предпосылки: однозначность и временную продолжительность авангардистского лидерства того, который призывает следовать за ним. Но именно эти две предпосылки будут в либеральной культуре тем менее вероятны, чем свободней она развивается в авангардистском ключе. На передовую позицию рвутся многие, и чем больше людей успешно пробиваются туда, тем вероятнее, что призыв «За мной!» будет звучать из многих глоток. Именно это лишает его обязательности, причем оказывается, что принцип авангарда в либеральных условиях, т.е. в условиях его политического бессилия, вместо того чтобы отчетливо прочерчивать линию прогрессивного фронта, высвобождает индивидуализм и плюрализм и как результат — всевозможные пристрастия и произвол.

Чем больше становится произведений, претендующих на инновативность, тем свободней можем мы обращать наш главный интерес к этому, а не к тому, и сегодня еще продолжать любить то, что считалось сегодняшним вчера, считать непревзойденно оригинальным так называемое провинциальное и признавать оригинальность за побочными ветвями, которые обычно тем чаще откалываются от мейнстрима, чем динамичней он продвигается вперед. Верно, что при избытке одинаково легитимных возможностей, которые представляются как раз при господстве на художественной сцене идеалов авангарда, в остатке сохраняется также гостиничная живопись. Все же жесткий приговор Адорно, согласно которому между гостиничной живописью и авангардом не существует третьего, представляет собой конструкт, идущий вразрез с реальностью. Ведь каждый человек, чей образ жизни влечет за собой необходимость время от времени останавливаться в отеле, может подтвердить, что гостиничная живопись все больше меняется под влиянием идеалов авангарда. Даже старый добрый китч уже давно вытеснен авангардным китчем, и профессиональные менеджеры гостиничного бизнеса давно знают, что требовательным постояльцам, некоторые из которых, возможно, даже сживали на семинарах по эстетическим

2. Авангард, или Как против воли делают прошлое интересным

взглядам Адорно, не может понравиться китч — ни первого, ни второго типа. Кроме того, задним числом можно пожалеть, что Теодору Адорно явно не суждено было останавливаться в тех уже существовавших при его жизни отелях или ресторанах, которые известны знатокам во всем мире как места, где собраны и выставляются произведения искусства модерна высшей пробы.

Итак, авангардизм не носит в либеральной культуре характер линии фронта. Напротив, он упраздняет темпоральную однородность художественной сцены и высвобождает всеядность. Эkleктизм неизбежен, а с ним реабилитируется главная интеллектуальная добродетель века Просвещения. Так называемая постмодернистская теория архитектуры, как известно, снова нашла применение понятию эkleктизма⁵. Новую востребованность эkleктической манеры лучше всего объяснить на примере выставочного дела искусства модерна. Тому, кто сегодня хочет показать развитие современного искусства в пределах хотя бы полстолетия — между началом 1930-х годов и нашими с вами годами современности — с помощью действительно репрезентативных материалов, потребуются объекты в количестве, которое абсолютно нельзя разместить в обычных музейных и выставочных помещениях. Так, для представительной выставки западного искусства в Кёльне (1981)⁶ устроители для создания в выставочных залах зримой картины от развития искусства всего нескольких десятилетий нашего столетия были вынуждены использовать залы ярмарки. Ясно, что в массе крайне различных объектов, обязанных своим появлением на свет авангардизму, в хаосе массы реликтов только глаз специалиста мог подробно проследить в деталях последовательность самого возникновения. Этому соответствует сциентизация нашего отношения к искусству модерна, уже описанная выше в другом месте как неизбежная⁷.

С другой стороны, сформированное под влиянием искусствоведения отношение к искусству модерна не единственное, что нам сегодня доступно. С самого начала желанием европейских авангардных движений было желание (совсем даже не тайное) стать одновременно и народным искусством. И в каком-то смысле оно исполнилось, что, кстати, раздражает эзотериков. Это означает, что массы реликтов развития авангардистского искусства, для экспозиции которых действительно необходимы огромные ярмарочные залы, сегодня вызывают интерес массовой публики, при том что использование ярмарочных залов в экономическом плане вовсе не представляет собой невыполнимой задачи. Так и шествуют эти массы по залам, и мы (если только не являемся экспертами) с ними: вот это спешим миновать с отвращением, около того застываем как зачарованные, а множество того, что оставляет нас равнодушными, своей скукой создает необходимую порой разрядку. Так, под давлением массы экспонатов люди относятся к выставленным работам уже без претензий всезнающих зна-

⁵ См.: *Jencks Ch.* Die Sprache der postmodernen Architektur. Die Entstehung einer alternativen Tradition. 2. Aufl. Stuttgart, 1980. S. 132 и далее: "Postskriptum für einen radikalen Eklektizismus".

⁶ См. об этом: *Glozer L.* Westkunst. Zeitgenössische Kunst seit 1939. Köln, 1981.

⁷ См. наст. изд., с. 102.

2.2. ВЗАИМОДОПОЛНЯЮЩИЕ КОМПОНЕНТЫ АВАНГАРДА

токов. Ведь искусствоведческим экспертным вердиктом может воспользоваться разве что крохотное меньшинство. Любители, в интересах культуры своего любительства, всегда должны были себя ограничивать, а уж перед лицом исторически беспримерного богатства сегодняшнего предложения и подавно. Как никогда прежде актуальная сцена налагает на нас самоограничение в форме отказа и отбора. Короче говоря, хочешь не хочешь, а становишься эклектиком. Эклектизм — сегодня это форма защиты интеллектуального суверенитета по отношению к разверзнувшемуся хаосу уже необозримого избытка реликтов, образующихся в процессе нашей ускорившейся благодаря авангардизму историко-художественной эволюции.

Немецкое Просвещение, как и британское, в противоположность французскому в основном, благожелательно относилось к религии, и потому, рекомендуя интеллектуальную добродетель эклектицизма, охотно ссылались на апостола Павла. «Все испытывайте, хорошего держитесь», как говорится в Первом послании к Фессалоникийцам. Если же приглядеться повнимательнее к смыслу ссылки просвещенческих эклектиков на это библейское изречение, то станет ясно, что нынешний ренессанс эклектизма обладает изменившейся культурной значимостью. На заре исторического сознания, которая совпадает с вершиной Просвещения, т.е. во второй половине XVIII столетия, историзм выполнял не в последнюю очередь функцию внесения некоторого порядка нарративно последовательных, т.е. поддающихся рассказу историй в хаотически разрастающуюся массу исторических материалов. Это, как показал Вольф Лепенис⁸, справедливо в особенности для истории природы, характерной для эпохи модерна, которая как дисциплина исторического естествознания развивалась одновременно с историческими науками о культуре. Вместо хаоса реликтов, оставшихся от эволюционных процессов, рассказывать различные истории в современном, научно дисциплинированном, проговариваемом смысле — вот что было и остается вплоть до сегодняшнего дня упорядочивающим достижением исторического сознания. Но для современных историй включая их историко-искусствоведческие аспекты считается, что доработать и нарративно упорядочить их в их исторически уникальной эволюционной динамике можно только профессионально, усилиями экспертов. При этом прогрессирующая сциентизация новой и новейшей истории искусств дополняется ростом несоответствия исторического образования непрофессионалов и предмета этого образования. Эклектизм, который в результате остается для нас единственно доступным за пределами эзотерического круга профессиональных экспертов в том, что касается обхождения с массой реликтов искусствоведческих каталогов модерна, является также, в отличие от эклектизма просвещенной интеллигенции, основанного на претензии на всеобъемлющую компетентность экспертизы, эклектизмом, вызванным затруднительным положением, в котором оказалось перегруженное историческое сознание.

Суверенитет суждения, который постоянно используется эклектизмом в своих интересах, тем самым, в свою очередь, изменяется. Суверенитет уже не пола-

⁸ *Lepenies W. Das Ende der Naturgeschichte. Wandel kultureller Selbstverständlichkeiten in den Wissenschaften des 18. und 19. Jahrhunderts* (1976). Frankfurt am Main, 1978.

2. Авангард, или Как против воли делают прошлое интересным

гается больше на знатоков, достаточно широко образованных для того, чтобы эволюционно или в соответствии с классами их значимости классифицировать объективируемые и тем самым универсально доступные для передачи другим колоссальные предложения (совпадение обоих взглядов на классификацию породило бы авангардистскую систему классификации). Более того, он позволяет использовать право субъективного пристрастия и удостоверяется в хорошем смысле этого права с помощью демонстрации произвольности в наивных вердиктах новых авангардистов.

Темпоральная природа вещей такова, что вместе с динамикой смены авангардистских инноваций эклектический суверенитет суждения становится настолько значимым, что отвергает требование всегда находиться на высоте актуальных достижений. Это трансформируется в интерес к культурным фундаментам, значимость которых рядом с беспокойными современными авангардистскими тусовками кажется более неизменной. К модерну относится и классика, причем инновационная динамика модерна способствует тому, что классика обретает культурную современность. «Чем катастрофичней состояние мира, тем герметичней искусство», констатировал Карл Дальхаус⁹. Это справедливо только для искусства авангарда, в том числе и для музыки, разумеется. Пространства публичности, из которых оно уходит и где оно уже не нашло бы публики, компетентной для его восприятия, не остаются, надо сказать, свободными от искусства, и они не оказываются также, как позволяет предположить процитированное изречение Адорно об альтернативе авангарда и гостиничной живописи, завоеванными тривиальным искусством. Более того, их захватывает классика, и Карл Дальхаус четко прояснил специфическую современность этого процесса, указав, что эпоха истории музыки, породившая музыку, которая сегодня, подобно, например, венской классике, звучит во всех концертных залах, в свою очередь не знала никакой классической музыки.

Понятие классики с историко-понятийной точки зрения является чрезвычайно многогранным¹⁰, и разнообразные, не всегда последовательные и целесообразные современные способы употребления слова «классический» соответствуют этому¹¹. Тут остается повторить и развить уже сказанное. Важнейший результат истории понятия «классический» вошел в современное основное сло-

⁹ *Dahlhaus C. Abkehr vom Materialdenken? // Algorithmus, Klang, Natur: Abkehr vom Materialdenken? Die 31. Internationalen Ferienkurse für Neue Musik in Darmstadt. Beiträge von: C. Barlough, C. Dahlhaus, B. Ferneyhough, G. Grisey, H. Halbreich, H. Lachenmann, M. Lévinas, M. Marschall, T. Murail, N. Post. Mainz; London; New York; Tokyo, 1984. S. 45–55, S. 53.*

¹⁰ См. в связи с этим очерк основных исторических превращений понятия классического у Г.-Г. Гадамера: *Gadamer H.-G. Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik. 3. erweiterte Aufl. Tübingen, 1972. S. 269–275: “Das Beispiel des Klassischen”*. Рус. пер.: *Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. (Глава «Пример классического».* С. 174–177.)

¹¹ *Gethmann C.F. Zur Grammatik von “Klassisch” // Knobloch H. (Hrsg.). Freiheit und Verbindlichkeit. Festschrift zum sechzigsten Geburtstag von Matthias Kohn. Aachen, 1988. S. 315–323.*

воупотребление слова «классический», т.е. в наш общий язык образованного общества. Сегодня слово «классический» употребляется в общепонятном смысле преимущественно не как номинатор для обозначения принадлежности объектов к эпохе, называемой «классикой». Кроме того, в историографии искусств слово «классика» как обозначение эпохи совершенно неупотребительно¹². Слово «классический» употребляется в основном как предикатор, с помощью которого объектам истории искусств, истории литературы или истории музыки совершенно независимо от привычной историографической классификации эпох приписываются определенные свойства. Разумеется, в слове «классика» мы еще слышим название эпохи, когда мы противопоставляем ему «романтизм». С другой стороны, мы без всяких затруднений называем Шуберта «классиком немецкой песни» (пусть в других случаях он аттестуется как «романтик»)¹³, и это есть господствующее предикативное употребление означенного слова.

Какими свойствами должно обладать произведение, чтобы мы могли назвать его «классическим»? В нашем контексте все дело исключительно в темпоральном аспекте. В художественной сфере, несущей отпечаток авангардизма, «классический» — это понятие, контрастирующее понятию модернового¹⁴, которое, как эфемерно новое, находится на острие стрелы времени. При этом классическое не есть просто старое, противостоящее актуально модерновому в соответствии с определенными содержательными критериями. Напротив, это такое старое, которое отличается от эфемерно нового и новейшего фактически доказанной большей сопротивляемостью устареванию. Этот момент убедительно выделил в качестве решающего критерия Мартин Вальзер, выступая по поводу открытия новой издательской серии «Klassiker-Gala-Edition» в одном специально для этого основанном издательстве классической литературы (Klassiker-Verlag). Относительно долгий престиж — это и есть, таким образом, то, что по контрасту с актуальным литературным авангардом составляет сущность классики. Отсюда следует и ширящийся интерес к классическому, которому, в свою очередь, соответствует расширяющаяся, специализирующая-

¹² См. об этом: *Knopp N.* Das Problem der Klassik als Norm // Bockholdt R. (Hrsg.). Über das Klassische. Frankfurt am Main, 1987. S. 204–209, S. 204.

¹³ *Bockholdt R.* Über das Klassische der Wiener klassischen Musik // Ibid. S. 225–259, S. 225.

¹⁴ Ханс Роберт Яусс объяснил, что из опыта контраста нормативно отличающегося старинного искусства и искусства «модернистов», который уже наполнял знаменитые «споры о древних и новых» («Querelles des Anciens et des Modernes»), выросло в конце концов специфически модерновое сознание исторической природы различия между обоими. См. об этом: *Jauss H.R.* Ursprung und Bedeutung der Fortschrittsidee in den “Querelles des Anciens et des Modernes” // Kuhn H., Widmann F. (Hrsg.). Die Philosophie und die Frage nach dem Fortschritt. München, 1964. S. 51–72. Результат этого исследования я попытался выразить следующим образом: «Историзация искусства есть конечный культурный результат попыток дать каноническую оценку (validieren) старого и нового в искусстве». См. по этому поводу мою статью: *Lübbe H.* Historisierung und Ästhetisierung. Über Unverbindlichkeiten im Fortschritt // Lübbe H. Die Aufdringlichkeit der Geschichte. Herausforderungen der Moderne vom Historismus bis zum Nationalsozialismus. S. 46–63, S. 46. (См. примеч. 2 на с. 3.)

2. Авангард, или Как против воли делают прошлое интересным

яся на классическом деятельности издательства. «Книги, в которых большинство людей нуждаются дольше всего, ...это классические». Вот так, просто и точно резюмируется суть дела¹⁵. «Классические произведения, — считал Готфрид Бём, — обладают собственной парадоксальной формой времени. В них все прошедшее — они сами ведут свое происхождение из прошлого, — вливается обратно в настоящее»¹⁶.

В ускорившейся эволюции искусства дополняющий ее (комплементарный ей) процесс старения охватывает произведения искусства в хронологическом отношении неоднородно. Чем быстрее протекает художественная эволюция в условиях автономии искусства, а также, кроме того, благодаря нормативному воздействию идеалов авангарда, тем быстрее дифференцируются запасы произведений с различной склонностью к старению. Проявившаяся устойчивость к старению становится при этом интереснейшим свойством. Классическим является то, что выдерживает воздействие прогресса¹⁷, и чем уверенней прокладывает себе путь прогресс, тем убедительней заставляет считаться с собой классика в ее проверенном времени превосходстве над всяким прогрессом.

Безусловно, нельзя не согласиться с Хансом Робертом Яуссом, что классика всегда со своей стороны является репрезентацией авангарда, а именно авангарда вчерашнего или позавчерашнего дня¹⁸. «Перспектива гипостазированной традиции» мешает видеть, «что классическое искусство во время его возникновения представлялось еще не “классическим”, более того, само открывало новые способы видения и переформировало новые опыты». Конечно, воля к открытию новых типов видения и новых возможностей опыта также налагает отпечаток на всю художественную продукцию в целом, поскольку авангард эксплицитно стал нормой. Но реализованное инновационное притязание никак не связано *eo ipso* с обетованием достичь значимости классического — как великой инновации вчерашнего или позавчерашнего дня. Никогда множество опытов, приобщиться к которым приглашается публика, не было больше, чем сегодня. Но никогда прежде не было также большей доли новых открытых возможностей опыта, которыми уже никто больше не будет интересоваться завтра, а тем более послезавтра. Тем интереснее, что из этого процесса увеличения скорости устаревания, инициированного авангардом, станет запасом,

¹⁵ *Walser M.* Was ist ein Klassiker? // *Klassiker Magazin*. Frankfurt am Main, 1986. Nr. 1. S. 5, 22.

¹⁶ *Boehm G.* Das imaginäre Museum und die Sprache der Bilder // *Knobeloch H.* (Hrsg.). *Op. cit.* (См. примеч. 11.) S. 210–217, S. 216.

¹⁷ ...и тем самым выдерживает также его историзацию. Об этой причине обращения к классическому и его парадоксах в истории науки классической филологии см.: *Reinhardt K.* Die klassische Philologie und das Klassische // *Reinhardt K.* *Vermächtnis der Antike. Gesammelte Essays zur Philosophie und Geschichtsschreibung* / *Becker C.* (Hrsg.). 2. Aufl. Göttingen, 1966. S. 334–360, S. 336.

¹⁸ *Jauss H.R.* Literaturgeschichte als Provokation der Literaturwissenschaft // *Warning R.* (Hrsg.). *Rezeptionsästhetik. Theorie und Praxis* (1975). 3. unveränd. Aufl. München, 1988. S. 126–162, S. 140.

резистентным по отношению к старению, и тут все зависит от темпоральной характеристики классического.

Разумеется, классика в этом процессе утрачивает свою каноничность. Это не значит, что в условиях авангарда невозможно образование канонов. Но они изменяют свой состав, причем комплементарно к динамике актуальной культурной эволюции. Иначе говоря, то, что мы воспринимаем на опыте как классическое, т.е. как запасы, относительно устойчивые к старению в культурном прогрессе, участвует в историчности процесса, который комплементарно к его динамике позволяет нам искать на опыте возможность определить относительную степень неизменной значимости произведений. Классика свидетельствует о проявившейся сопротивляемости селекции в процессах организации и реструктуризации нашей памяти, которые возлагает на нас динамика культурного процесса. Вот и в данном случае становится очевидным, что альтернатива Адорно — авангард и гостиничная живопись — просто нонсенс. Именно тот, кто ценит авангард, ценит еще больше то, контрастом к чему он является, и именно этот контраст к актуальному авангарду образует классика как испытанный временем устойчивый к старению авангард вчерашнего или позавчерашнего дня.

Эту структурную взаимосвязь, заключающуюся в том, что комплементарно к динамике культурной эволюции культурные запасы, устойчивые к старению, привлекают к себе все больший интерес, можно продемонстрировать на любых феноменах повседневности. С этой целью я часто рассказываю небольшую историю, которая связана с печатью Рурского университета в Бохуме¹⁹. Согласно авангардистской логике, при выборе университетской эмблемы лучше не возвращаться к реквизитам классического буржуазного образования, а использовать символы, которые являются репрезентацией модернизации, научно-технической или социальной открытости. Поэтому не случайно, что при обсуждении предлагались такие символы, как, например, копёр башенного типа, а также рисунок модели атома. Решающим возражением всегда был аргумент, что для свидетельства модернизации на эмблеме плохо подходят предметы, заметно подверженные старению уже сейчас. Закрытие шахт скоро приведет к тому, говорилось в возражении, что через какое-то время в районе Бохума копёр башенного типа можно будет увидеть только в музее горного дела, а атомная физика благодаря своим чрезвычайным достижениям и так уже пользуется атомными моделями, актуальными только лишь на очень короткое время. После этого, как и полагается, возвратились к стародавним привычным темам классического образования. Эпиметей и Прометей украшают с тех пор печать Бохумского университета, и ясно, почему они смогли восторжествовать над конкурирующими предложениями романтиков авангардистской модернизации — в их пользу говорила бóльшая устойчивость против процессов старения. Структурная формула, к которой можно свести эту ситуацию, такова: в динамических культурах старое обладает темпоральным преимуществом, заключающимся в том, что оно значительно менее быстро стареет, чем менее старое.

¹⁹ См. *Lübbe H.* Op. cit. (См. примеч. 14.) S. 58.

2. Авангард, или Как против воли делают прошлое интересным

Музееборческий жест устаревшего между тем авангарда исходил, как теперь становится понятно, из ложного самопонимания. Чем современнее времена и чем больше во времена модерна мы ценим современное, тем большую значимость приобретает не то, что мы ценим из-за его актуальной современности, а напротив, то, что дорого нам в течение долгого периода. Однако верно и то, что в условиях авангарда классика также становится все моложе. Уже давно существует «классический модерн», и не может быть и речи о том, что это выражение «как словообразование ...так же невозможно», как словообразование «постмодерн»²⁰. Парадоксальная только на первый взгляд формулировка «классический модерн» наглядно демонстрирует, что повышенная инновационная динамика одновременно ускоряет также и процессы отбора, из которых снова успешно выдвигается классика как подтвердивший свою устойчивость к старению ресурс. Между тем понятие классического модерна, в свою очередь, существует уже несколько десятилетий, и по аналогии с образованием этого понятия мы должны иметь теперь дело всюду с реликтами новейших культурных эволюций, которые считаются «инкунабулами», идентифицируются как «главные ископаемые» или как «первофеномен», распознаются во всем том, что после этого последовало.

²⁰ Но так считает Н. Кноп: *Кноп N. Op. cit.* (См. примеч. 12.) S. 209.

3. АВАНГАРД
И УПРАВЛЕНИЕ
ПОЛИТИЧЕСКИМ
СМЫСЛОМ ИСТОРИИ

3.1. Авангардистское искусство и тоталитарное господство

«Культура — это, прежде всего, единство художественного стиля во всех жизненных проявлениях народа», — претенциозно постановил Ницше в 1873 г. в своем первом «несвоевременном размышлении», содержащем полемику с «Давидом Штраусом, исповедником и писателем»¹. Эта уже процитированная выше фраза сама по себе почти что непонятная. Нельзя сказать, что это значит, что «художественный стиль» накладывает отпечаток на «все жизненные проявления народа». И то, что только «единство» этого стиля делает народ культивированным народом, звучит для сегодняшних ушей как культурно-политический приказ интеллектуалам, полный произвола и высокомерия. Ницше, не колеблясь, называет «варварством» то, что противоречит его распоряжению, а именно «хаотическое смешение всех стилей». В этом варварстве, «в таком хаотическом смешении всевозможных стилей и живет современный немец».

Если поинтересоваться культурно-исторической наличностью, которая побудила Ницше к таким раздраженным гиперболам, то в памяти всплывает архитектурный историзм. Неоготическая церковь времен культуркампа, гимназия в стиле гордящегося образованием неоренессанса, необарочная мощь банков или страховых компаний — диагноз о «смешении всех стилей» подойдет ко всем случаям. При этом в приведенных случаях архитектурный историзм все еще имеет нарративный смысл, истолковать который не составляло труда, поскольку для этого достаточно наличия элементарного школьного образования в области истории. Но именно такого смысла уже не было в кирпичном готическом почтамте, как не было его и в водонапорной башне, построенной в форме рыцарской башни. Это делает понятным, как кажется, почему заходит разговор о «хаотическом смешении», о «причудливом смешении», о «путанице всех стилей»². Тем не менее диагноз хаоса у Ницше отличается полемической поверхностностью. Он не замечает единого характера историзирующего стилового плюрализма и неверно понимает его в отношении дополнительности, где он играет главенствующую роль, между единством и множественностью. Точнее будет сказать, что Ницше презирает и неправильно понимает в своем презрении культуру, чья модерновость именно в том и состоит, чтобы в силу своего единства высвободить плюральность и признать ее.

¹ Nietzsche F. David Strauß, der Bekenner und der Schriftsteller // Nietzsche F. Unzeitgemäße Betrachtungen. Aus dem Nachlaß 1873–1875. Nietzsches Werke. Leipzig: Taschen-Ausgabe, 1906. Bd. II. S. 1–99, S. 7. Рус. пер.: Ницше Ф. Давид Штраус — исповедник и писатель / пер. с нем. И. Эбаноидзе // Ницше Ф. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 1/2: Несвоевременные размышления. М.: Культурная революция, 2014. С. 7–82, с. 12.

² Ibid. S. 8.

3. АВАНГАРД И УПРАВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИМ СМЫСЛОМ ИСТОРИИ

Между тем спустя более чем столетие после экзальтированного выступления Ницше по поводу мнимого варварства его эпохи мы давно, в свою очередь, историзировали архитектурный историзм. Об этом говорилось выше³. На взгляд Ницше, наша современность, которая умножает «хаос» одновременно культивируемых стилей, поддерживая в настоящее время еще и реликты «смещения всех стилей» в архитектурном историзме и прилагая значительные усилия по охране памятников, предстает, видимо, как варварство в квадрате. В действительности наша современная культура проявляет в этом уважение к собственной историчности, которую Ницше хотя и замечал, но поносил как декультивирующую и тем самым отдавал ее на произвол последствиям презрения к себе. Ницше — самый первый и самый влиятельный среди аналитиков культуры модерна, которые заметили последствия плюрализации и тенденции дополнительной самоисторизации динамизированной цивилизации модерна, но с отвращением отвергли ее как декадентскую и соответственно призывали к ее новой культурно-революционной унификации в отношении стиля.

Стоит разобраться в этих взаимосвязях. При этом главное состоит не в том, чтобы принизить значение Ницше как фактора позднейших идеолого-политических процессов. В принципе, это было бы возможно, если предпринять соответствующее детальное исследование в русле истории идеологии, но оно не является темой данной книги. Достаточно осознать протест Ницше против тенденций плюрализации и самоисторизации динамизированной культуры и распознать их в некоторых культурно-политических манифестациях нашей собственной эпохи.

Повторим еще раз: основополагающей взаимосвязью является следующая: культурная динамика инноваций симультанно умножает историческую плюральность существующей культуры. «Единство стиля» является в таких условиях регрессивным по своему воздействию идеалом. Тот, кто в некоей цивилизации, которая из-за своей динамики *eo ipso* является исторически разорванной цивилизацией, хочет восстановить сплошную единую культуру, должен решиться прежде всего на жесткую практику демонтажа. Выдающийся пример этого известен из истории градостроительства⁴. Да и в основе манифестов футуризма явно заложена та же самая фигура речи⁵. Тот, кто стремится сделать культурное господство нового действительно универсальным, не имеет права колебаться перед немедленным сносом в духе культурной революции реликтов старого, устаревшего. То, что культур-революционное, т.е. направленное беспощадно против старого самоутверждение нового может принести впечатляющие результаты, отрицать, по правде, нельзя. Кого сегодня пугает беспощадность воли, которая участвует в этих ликвидациих прошлого, пусть припомнит такой же процесс на примере тех городов, которые своим законченным видом обязаны

³ См. наст. изд., с. 77 и далее.

⁴ Характерным примером является Париж XIX столетия. См. об этом: *Pinkney D.H. Napoleon III and the Rebuilding of Paris*. Princeton (N.Y.), 1958. Кроме того, см.: *Mémoires du Baron Haussmann. Grands Travaux de Paris*. T. I, Paris, 1979.

⁵ См. наст. изд., с. 94.

3.1. Авангардистское искусство и тоталитарное господство

не имперской, готовой на ликвидацию воле к внедрению нового, а необходимости восстановления после катастроф, после пожаров, например, которая сразу же давала возможность жертвам этих катастроф осознать и использовать представившиеся им исключительные шансы на общее восстановление⁶. Между тем расходы на снос, необходимые для создания новой *tabula rasa*, отличающейся единством стиля, ощутимо растут с исторически дифференцированным избытком того, что препятствует этому, а именно этот избыток растет, в свою очередь, комплементарно к инновационной динамике современной культуры. Именно это позволяет назвать варварским недавно еще осуществленную позднесталинистскую метаморфозу столицы Румынии, да и вообще планы архитектурной «систематизации»* на селе в Румынии⁷, и всецело это относится к планам Гитлера превратить Берлин в столицу мировой державы *Germania*⁸, оставшимся нереализованными вследствие гибели Третьего рейха, не предусмотренной в первоначальных намерениях.

Очевидно одно: архитектурная среда, в которой мы в настоящее время живем, несет на себе отпечаток не излюбленного Фридрихом Ницше стиливого единства, а напротив, исторического и историзированного многообразия. Конечно, и в этом отношении имеются локальные и региональные различия. Густота исторических различий в работах архитекторов также по-разному распределена в пространстве. Даже национальные различия, бросающиеся в глаза путешественнику по Европе, кажется, готовы поддержать немецкую самокритику Ницше в адрес страсти немцев к хаосу. По сравнению с жилой архитектурой в нидерландских, британских или датских предместьях немецкие поселки с индивидуальной жилой застройкой с их претенциозными архитектурными особенностями производят впечатление демонстрации анархического индивидуализма, враждебного порядку. В целом же повсюду укоренилось многообразие, а не господство идеала единого стиля, в пользу которого ратовал Ницше. Плотность этого многообразия возрастает *eo ipso* с ускорением инновационной динамики, связанной с культурной революцией, и признание этого многообразия — а не распоряжения Ницше о единстве стиля — утвердилось в нашей культуре. Не многообразие, которое ведь, повторимся еще раз, является просто

⁶ Так случилось, к примеру, в Гамбурге. См. об этом: *Faulwasser J. Der große Brand und die Wiederaufbau von Hamburg. Ein Denkmal zu den fünfzigjährigen Erinnerungstagen des 5. bis 8. Mai 1842. Im Auftrage des Architekten- und Ingenieur-Vereins unter Benutzung amtlicher Quellen bearbeitet. Hamburg, 1892.* Кроме того, см. самую первую соответствующую реакцию на эту колоссальную катастрофу: *Sass F. Geschichte des Hamburger Brandes mit Wünschen für das neue Hamburg. Leipzig, 1842.*

* На закате правления Чаушеску была принята программа сельской «систематизации», предусматривавшая переселение жителей малых деревень в агропромышленные центры, где предполагалось предоставлять им городские удобства. На деле осуществление программы обернулось уничтожением сотен румынских деревень.

⁷ См. об этом статью: *Rumäniens Pläne zur Dorfvernichtung // Neue Zürcher Zeitung. 1988. 20. Dezember. Nr. 297. S. 5.*

⁸ См. об этом: *Durth N. Deutsche Architekten. Biographische Verflechtungen 1900–1970. 3., durchges. Aufl. Braunschweig; Wiesbaden, 1988. Особенно S. 126 и далее.*

3. АВАНГАРД И УПРАВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИМ СМЫСЛОМ ИСТОРИИ

неизбежным результатом роста числа нововведений, считается сегодня «варварским», а размах в уничтожении реликтов, который был бы неизбежен, если бы сегодня еще где-нибудь захотели бы создать *tabula rasa* для демонстрации единства в архитектурной или даже помимо этого в общекультурной сфере.

Одновременность исторически разновременного в культуре модерна, как обнаружил Ницше, возрастает. Присутствие растущего избытка разнородных реалий, а не единство принудительно накладывает отпечаток на динамически развивающуюся культуру и уж подавно — на культуру, движимую авангардом. Модерновая культура с ее тенденциями к самоисторизации тем самым восстанавливает гармонию с самой собой, тогда как в условиях господства воли к единству стиля она повела бы себя репрессивно по отношению к своему самому заметному историческому свойству, а именно к актуальному наличию исторической полноты. Было бы странно, если бы культура, рефлексивно осознавшая свою историчность, вела бы себя не эстетично по отношению к этой самой историчности.

Эстетизированный историзм⁹ — о нем, разумеется, идет речь уже в архитектурном историзме, который Ницше с отвращением отрицал. Но эстетизация историчности культуры модерна простирается дальше суверенной, но произвольной игры с копиями исторических стилей, благодаря которой архитектурный историзм уже на рубеже веков оказался в состоянии влиять на облик в основном завершенной эпохи архитектурной истории модерна. Специфически модерновые, неизвестные никакой из прежних эпох нашей культурной истории достижения охраны памятников — старые реставрационные и новые консервационные¹⁰, которые составляют эмоциональное очарование (*Anmutungsqualität*) центра наших старинных городов и сел, ведь также относятся к эстетике историзма. Даже антиистористский архитектурный модерн, как мы видели¹¹, в свою очередь историзированный и находящийся под охраной памятников, в результате историзирующей любви к цитатности так называемого постмодерна оказывается опровергнутым. Постмодерн же, в свою очередь, демонстрирует признаки старения, объективно умножающие избыток реликтов культурной революции, которые идеологи постмодерна, по контрасту с антиистористским модерном, предлагают нам ценить.

Все возможно, но не все удается; так, меж тем, невыполнимой оказалась программа, следуя Ницше, вновь подчинить воле к единству стиля навязчивое многообразие, которое представляется результатом инновационной силы модерновой культуры. Ницше в его полит-эстетическом распоряжении о единстве стиля не осознал неизбежности взаимодополнительных отношений единства и многообразия, характерных для модерновой культуры, причем в ущерб много-

⁹ См. об этом мою статью: *Lübbe H. Historisierung und Ästhetisierung. Über Unverbindlichkeiten im Fortschritt // Lübbe H. Die Aufdringlichkeit der Geschichte. Herausforderungen der Moderne vom Historismus bis zum Nationalsozialismus. Graz; Wien; Köln, 1989. S. 46–63.*

¹⁰ См. наст. изд., с. 70 и далее.

¹¹ См. наст. изд., с. 80.

3.1. Авангардистское искусство и тоталитарное господство

образию. Но теоретики постмодерна, которые в этом отношении на удивление охотно любят ссылаться на Ницше, будучи апологетами многообразия, также не поняли эту неизбежность, причем в ущерб единству. Знаменитый «доклад» Лиотара о «постмодернистском знании»¹², конечно, подтверждает фактом своего существования и своего успеха центральный тезис о плюралистическом характере культуры модерна, а лунатические качества указанного большого эссе доказывают, кроме того, что, невзирая на прогрессирующую сциентизацию нашей цивилизации, возможно — вплоть до философии — демонстративное пренебрежение традиционными научными нормами формулирования теорий и их изложения. Верно также, что мы в настоящее время являемся свидетелями драматически протекающего идеолого-политического упадка престижа тех «больших нарративов»¹³, которые историцистски¹⁴, будь то в облике теории классов или расологии, легитимировали тоталитарные политические движения нашего столетия. Но неизбежность возникновения многообразия, растущего в единстве культуры модерна, понял лишь тот, кто понял его комплементарность к его единству, а тем самым взаимообусловленность единства и многообразия. Чтобы подвести все это под общий знаменатель: множество того, что в современной, т.е. сложной и динамичной культуре имеют общего все индивидуальные и коллективные представители этой культуры, уменьшается по отношению к растущему многообразию культурных возможностей, но одновременно выигрывает в обязательности как необходимой предпосылке сохранения и приумножения этого многообразия. Вот пример: плюрализм культуры модерна в его далеко выходящем за пределы художественной сцены значении плюрализма жизненных стилей модерна — вплоть до многообразия наших мнений, политических убеждений и даже религиозных ориентаций — предполагает строгую значимость тех порождающих единство норм современных прав гражданина и человека, смысл которых заключается в общеобязательном отграничении тех сфер жизни, в отношении которых мы не хотели бы, чтобы решения о них были в содержательном плане обязательны для всех. Короче говоря, условия единства современной, плюралистической культуры сводятся все больше к условиям чисто формального характера; но значимость именно этих условий строгая и не знает исключений.

Ницше относится к самым ранним представителям тех, кто отказывался признавать обрисованные взаимосвязи дополнительности между единством и многообразием в ущерб многообразию. Практические последствия этого отказа велики. Для утверждения «единства стиля» — внесения как можно большего

¹² Lyotard J.-F. Das postmoderne Wissen. Ein Bericht / Engelmann P. (Hrsg.). Graz; Wien, 1986. Рус. пер.: *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. Доклад о Знании / пер. с фр. Н.А. Шматко. М., 1998. (Ориг. назв.: *Lyotard J.-F.* La condition postmoderne: Rapport sur le savoir. Paris, 1979.)

¹³ Ibid. S. 112 и далее.

¹⁴ См. об этом: *Popper K.R.* Das Elend des Historizismus. 2., unveränderte Aufl. Tübingen, 1969. Рус. пер.: *Поппер К.Р.* Нищета историцизма / пер. С.Л. Кудриной, ред. О.Ю. Бойцова. М.: Прогресс — ВИА, 1993. (Ориг. назв.: *Popper K.R.* The Poverty of Historicism.)

3. АВАНГАРД И УПРАВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИМ СМЫСЛОМ ИСТОРИИ

единства стиля во все жизненные проявления — в контексте общества модерна необходимы тоталитарные средства. Тоталитарную эстетику можно определить как эстетику политически господствующей воли к единству стиля¹⁵. Архитектурной манифестацией тоталитарной воли к единству стиля нужно, естественно, считать тот богатый на вариации неоклассицизм, которым пользовались фашисты, национал-социалисты и большевики в Европе межвоенного периода с поразительным эстетическим сходством поверх острых идеолого-политических разногласий. «Монументальный порядок» — так назвал Франко Борси¹⁶ то, что стремились сделать зримым в этой архитектуре. В качестве выдающегося примера политически-демонстративного архитектурного монументализма можно привести германский павильон работы Альберта Шпеера на всемирной выставке в Париже (1937)¹⁷, ведь именно в этом случае обнаружилась международная значимость этого тоталитарного архитектурного интернационала благодаря своему дополнению — зданию советского павильона на противоположной стороне главной оси выставочной территории. Эстетическое соответствие зданий, воздвигнутых с идеолого-политической целью фронтально друг перед другом, настолько очевидно, что невозможно избежать ощущения структурного тождества соперничающих идеологий, и при этом в качестве незаменимого понятия для этого структурного тождества напрашивается понятие тоталитаризма.

Тем не менее было бы историческим самообманом полагать, что неоклассический монументализм межвоенного периода в силу своей эстетики *eo ipso* демонстрирует тоталитарную политическую возможность. Не в последнюю очередь в Германии, по историческим причинам, не требующим разъяснения, распространена тенденция восприятия неоклассических архитектурных реликтов межвоенного периода в целом как индикаторов фашистского архитектурного умонастроения. Если бы это соответствовало действительности, то посетитель Лондонского университета оказывался бы в архитектурной среде, отмеченной фашистской идеологией¹⁸. Было бы затруднительно в смысле политической эстетики убедительно согласовать женевские здания Лиги наций, которую Гитлер презирал и из которой вышел со своим Третьим рейхом, с собственным благонамеренным антифашизмом; да и с французами уже было бы трудно поладить при виде городского музея в Париже (*Musée de la Ville de*

¹⁵ Это, разумеется, предполагает постоянную необходимость понятия тоталитаризма для описания политических реальностей XX столетия. Попытки изобразить ненаучность понятия тоталитаризма слишком прозрачны в их идеолого-политической целенаправленности (это можно объяснить с помощью следующих работ: *Kühnl R. Faschismustheorien. Texte zur Faschismuskussion. 2. Ein Leitfaden. Reinbek bei Hamburg, 1979.* В качестве примера феноменологически насыщенного употребления понятия тоталитаризма см.: *Bracher K.D. Geschichte und Gewalt. Zur Politik im 20. Jahrhundert. Berlin, 1981.* Особенно S. 113 и далее.

¹⁶ *Borsi F. Die monumentale Ordnung. Architektur in Europa 1929–1939. Stuttgart, 1987.*

¹⁷ *Ibid.* S. 33.

¹⁸ См. проект зданий Лондонского университета работы Чарлза Холдена (1933) в: *Ibid.* S. 102.

3.1. Авангардистское искусство и тоталитарное господство

Paris). Раздражение, повторим еще раз, исторически понятно, в особенности по отношению к немцам, но тем не менее исторически оно вводит в заблуждение. Архитектурный монументализм межвоенного периода был общеевропейским явлением, причем таким явлением, которое совершенно индифферентно ведет себя по отношению к господствующим в разные времена идеологическим и политическим опциям. Либералы, национал-социалисты, интернационал-социалисты — все они в различных модификациях использовали указанный стиль. Поэтому не эстетика этого стиля является фашистской или какой-то еще тоталитарной, а политическая воля к единому стилю, которая предоставляла ему привилегии в области градостроительной политики и обязывала крупных стройподрядчиков и архитекторов использовать его. Действительно, архитектурный монументализм межвоенного периода контрастирует с тем архитектурным модерном, который выступил в своем «классическом» выражении одновременно с монументализмом (что образцово выразилось в архитектуре Баухауса), но, однако, получил триумфальное распространение только в контексте возрождения рыночного капитализма после Второй мировой войны. Однако антифашистское рвение, с которым в каждой неоклассической колоннаде видят отражение шеренг готовых к маршу коричневых или других батальонов, искажает взгляд на исторические реальности, как это случается в большинстве случаев там, где рвение имеет место. Витторио Маньяго Лампуньяни подытожил историческую реальность неоклассического монументализма следующим образом: «Он абсолютно не был ограничен двумя странами — Италией и Германией. И географическое определение тут не помогает. Неоклассицизм в конце двадцатых, в тридцатых и сороковых годах переживал почти повсеместно значительный подъем. В странах с буржуазно-демократическим правлением — в Швеции, Норвегии и Финляндии, но также и во Франции и в Соединенных Штатах Америки — в большом количестве возводились монументальные здания, в архитектуре которых использовался неоклассический язык форм для *mise en scène* нетоталитарной и неавторитарной государственной власти. Тем самым стиль не был ограничен ни географически, ни национально и обладал собственной культурной автономией»¹⁹.

Если вспомнить эти исторические взаимосвязи, то с точки зрения охраны памятников тот факт, что в Берлине статус охраняемого памятника получило здание итальянского посольства работы архитектора Фридриха Хетцельта, которое в конце войны представляло собой груды развалин, вполне корректен и ни в коем случае не является *eo ipso* выражением недостатка чувствительности к фашистскому началу или даже недостатка способности выносить политические суждения по подобающему обращению с его реликтами²⁰. По этой при-

¹⁹ *Lampugnani V.M.* Die entnazifizierte Baugeschichte. Architektur im nationalsozialistischen Deutschland und im faschistischen Italien // *Lampugnani V.M.* Architektur als Kultur. Die Ideen und die Formen. Aufsätze 1970–1985. Köln, 1986. S. 229–257, S. 240.

²⁰ Об этом сооружении см.: *Schäche W.* Architektur und Architekturgeschichte der ehemaligen italienischen Botschaft. Zur Geschichte des künftigen Gebäudes der Akademie der Wissenschaften zu Berlin // *Akademie der Wissenschaften zu Berlin.* Berlin; New York, 1988. Jahrgang 1987. S. 251–269.

3. АВАНГАРД И УПРАВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИМ СМЫСЛОМ ИСТОРИИ

чине корить воссозданную Академию наук в Берлине за ее готовность въехать в отреставрированное здание бывшего посольства с его ценным фашистами монументальным стилем было просто попыткой использования фашистского и национал-социалистического прошлого как орудия с целью морализующей диффамации. Эта техника риторической диффамации, как легко видеть, возможна, разумеется, только в Германии. Эта техника эристически пользуется давно известным ложным умозаключением, когда из совпадения определенных свойств двух субъектов делается вывод о родовой идентичности этих субъектов: фашисты и национал-социалисты построили указанное здание и использовали его, некая академия реставрирует его с целью использования, и соответственно навлекает на себя подозрение, что реагирует на фашистскую тематику слишком бесчувственно, что можно объяснить родством. Бессмысленный характер этого псевдологического умозаключения учатся распознавать студенты философии на вводном семинаре. Тугодумы пусть объясняют себе недопустимость указанного вывода с точки зрения моральной рациональности, напоминая о его практических последствиях. Практическое же следствие этого могло бы заключаться в том, что не только новая Академия была бы поставлена перед необходимостью оправдываться в связи с политически-моральным подозрением (этого и добивались)²¹, но аналогично в том же самом могли бы обвиняться бесчисленные, совершенно невинные институты повсюду в Европе. Разве не должна оправдываться Республика Италия, которая заключила договор с участвующими в этом компетентными германскими инстанциями о реставрации и использовании указанного здания посольства? Как терпят финны здание своего парламента²², как жители Женевы смирились с их главным вокзалом и как римляне в постфашистский период, забыв про все, мирятся со своим университетским городом?²³ Честно говоря — повторим еще раз — действительно ценный фашистами, национал-социалистами, как и интернационал-социалистами, т.е. большевиками, стиль монументализирующего неоклассицизма ценился и другими людьми, которых не заподозришь в тоталитарном умонастроении; надо признать, что в упомянутой полемике речь идет о политически целенаправленных, «весьма немецких, преувеличенно идеологизированных архитектурных дебатах»²⁴.

Разумеется, в либерально-демократическом обществе никакая организация не смогла бы работать в здании, которое было реставрировано в особых политико-педагогических целях, чтобы действовать как антитоталитарный памятник для устрашения. Подобный памятник для устрашения должен был бы нести на себе даже реставрированные эмблемы тоталитарного господства, и ни от

²¹ О риторической фигуре использования национал-социалистического прошлого как орудия для достижения актуальных целей политического очернения см. мою небольшую книгу: *Lübbe H. Politischer Moralismus. Der Triumph der Gesinnung über die Urteilskraft*. 2. Aufl. Berlin, 1989.

²² См.: *Borsi F.* Op. cit. (См. примеч. 16.) S. 138.

²³ См. об этом: *Lampugnani V.M.* Op. cit. (См. примеч. 19.) S. 231.

²⁴ *Schreiber M.* Brutale Bauten? Die Nürnberger NS-Last und die Angst vor dem Großen // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 1988. 15. Juli. Freitag. Nr. 162. S. 21.

3.1. Авангардистское искусство и тоталитарное господство

кого нельзя было бы потребовать трудиться в здании, порталы которого, пусть и в целях музеефикации, украшены подобными ужасными эмблемами²⁵. Все же намерение отреставрировать итальянское посольство в Берлине не было продиктовано желанием с помощью системы охраны памятников призвать сюда фашизм для устрашения. Намерение было совершенно обратное и заключалось в том, чтобы сделать зримым тот факт, что свободная культура для преодоления тоталитарного прошлого не зависит от специфически тоталитарных средств и не собирается в ходе культурной революции пустить по ветру то, что некогда служило сгинувшим властителям. Неверно, что из этого якобы следует невозможность поставить все это достояние на службу также и легитимным целям.

Разумеется, не случайно, что тоталитарные режимы нашего столетия с помощью архитектурной политики покровительствовали монументализирующему неоклассицизму. Точно так же не случайно, что тоталитарная репрезентативная архитектура не работала со стилистическими средствами авангардистского модерна, мало того, этот модерн сделался объектом репрессий в ходе культурных революций. «Не случайно, — резюмирует соответственно Франко Борси свою историю архитектуры европейского десятилетия между 1929 и 1939 гг., — что “монументальный порядок” восторжествовал повсюду там, где свобода была под угрозой»²⁶. Вот только инверсии этого резюме не получается — не везде, где удавалось сохранить свободу, дух авангардистского модерна в то же время торжествовал над эстетикой монументализма. Согласно популярному стереотипу, эстетический авангардизм коррелирует с прогрессом, и даже с политическим прогрессом, с демократией и свободой, причем является комплементарным к корреляции контрреволюционного подавления свободы, с одной стороны, и эстетического антиавангардизма на манер фашистского монументализма — с другой. Но исторические факты не вписываются в это клише. В отношении итальянского футуризма это хорошо известно. «Данные

²⁵ Это, в свою очередь, не означает, что использование богатых традициями эмблем тоталитарными партиями и властями сделали эти эмблемы раз и навсегда непригодными для использования другими. Должен ли кантон Санкт-Галлен убрать из обихода свой герб с фасциями, выбранный еще в 1803 г., поскольку сгинувшие итальянские фашисты пользовались фасциями для своих эмблем? Между тем жители Санкт-Галлена вместо этого в их недавней горячей дискуссии о новом оформлении упомянутого герба даже не упомянули должным образом фашистскую эмблематику фасций и как посторонние простодушно не постеснялись еще раз поднять «обсуждаемый в геральдической литературе спорный вопрос», имеется ли в виду в гербе Санкт-Галлена, изображающем окруженный фасциями топорик, «топор палача» или «боевой топор» (Das St. Gallen Staatswappen. Bericht zur Frage der Neugestaltung // Nr. 53 der Schriftenreihe “Der Kanton St. Gallen heute und morgen” / Herausgegeben von der Staatskanzlei St. Gallen, 1983. S. 11). И должны ли австрийцы отречься от того, что их геральдический орел на гербе держит в когтях богатую традициями эмблему серпа и молота, если в соседних социалистических странах этими эмблемами придавали законную силу террористическим приговорам? Ответ должен гласить: опустошения, причиненные тоталитарными режимами, слишком велики, чтобы после их гибели можно было бы бросить им вслед еще и все то, чем они незаконным образом пользовались, хотя это и не принадлежало им одним.

²⁶ Borsi F. Op. cit. (См. примеч. 16.) S. 197.

3. Авангард и управление политическим смыслом истории

по коллаборационизму между футуризмом и фашизмом неоспоримы»²⁷, — констатирует Манфред Хинц, и он также разъясняет «конвергенцию именно авангардистского и революционного пыла футуризма и фашизма»²⁸. Футуризм понимает себя как эстетическую манифестацию обнаженной цивилизационной динамики, и он заимствует из этой динамики обязанность доносить на тех, кто тормозит эту динамику, и аплодировать тем, кто ее ускоряет. «Прошлое всегда проигрывает будущему», — к этому изречению можно свести целую философию истории, которая интерпретирует направление цивилизационного процесса как морально и политически обязательный прогресс и тем самым поощряет его эстетически²⁹. Почему бы интеллектуальным субъектам, чей политический и моральный *common sense* был совершенно ослеплен чарующим зрелищем современного увлечения историей, не сделать ставку на такое политическое движение, которое вплоть до своей самохарактеристики понимает себя именно как «движение»? Террор как следствие этого процесса проистекает из известной моральной логики каждой революции модерна: со множеством жертв, принесенных прогрессу, растет обязательный характер этого прогресса. «Маринетти с воодушевлением цитирует изречение Блерио о том, что прогресс только в том случае является подлинным, если он требует жертв, и его следует оценивать по количеству этих жертв: “Прогресс нуждается еще во многих, многих трупах”»³⁰. Итак, это «есть футуристический авангардизм. Сам прогресс становится здесь объектом культа жертв, от которого он, согласно своей концепции, должен был, на первый взгляд, избавиться»³¹. Для последовательных марксистов такая трансформация является следствием «реакционного понятия о революции»³². Это интересное по своей темпоральной структуре понятие реакционной революции контрастирует, естественно, с понятием, так сказать, прогрессивной революции, непревзойденным образцом которой для марксистов, причем не только ортодоксальных, считается или считалась до недавних пор Октябрьская революция. Дополнительно к этому различию реакционной и прогрессивной революции напрашивается различие между двумя эстетически корреспондирующими футуризмами: итальянским футуризмом и раннесоветским, а последний вплоть до настоящего времени остается главным культовым объектом интеллектуальной ностальгии по авангардизму, особенно

²⁷ *Hinz M. Die Zukunft der Katastrophe. Mythische und rationalistische Geschichtstheorie im italienischen Futurismus. Berlin; New York, 1985. S. 3.*

²⁸ *Ibid. S. 2.*

²⁹ *Marinetti F.T. Teoria e invenzione futurista. Prefazione di Aldo Palazzeschi / Introduzione, testo e note di L. De Maria. Verona, 1968. S. 260: “Il passato è necessariamente inferiore al future”.*

³⁰ *Hinz M. Op. cit. (См. примеч. 27.) S. 47. Цитата из Маринетти приведена в: Marinetti F.T. Op. cit. (См. примеч. 29.) S. 265.*

³¹ *Hinz M. Op. cit. S. 47.*

³² Это мнение Сабины Кебир (Sabine Kebir), высказанное в рецензии на упомянутую книгу Манфреда Хинца, в: *Referatendienst zur Literaturwissenschaft. DDR-Berlin. 1/87. S. 119–122, S. 119.*

3.1. Авангардистское искусство и тоталитарное господство

распространенной на Западе. В самом деле, раннесоветский авангардизм представляет собой значительную эпоху в рамках истории искусств нашего столетия, которая давно признана также художественной историографией там, где господствует реально существующий социализм, который долгое время с отвращением отвергал эту эпоху³³. Протестовать поэтому можно разве что против постоянно пересказываемой легенды, будто бы до Сталина, а именно при Ленине, авангардизм был ангажирован правильно, т.е. прогрессивной революцией, и в течение короткого периода всемирной истории был и тем и другим: свободным и одновременно политическим, а именно поощряющим цели свободы и ускоряющим историю свободы искусством.

По двум причинам давно стоило бы разоблачить эту легенду, сделать ее прозрачной. Во-первых, она делает из Ленина, по контрасту со Сталиным, революционный светлый образ, который одновременно добился двух вещей: в политической сфере — правовой и социальной эмансипации масс и в культурно-политической — эмансипации ангажированного этим прогрессом авангардистского искусства. Но в действительности Сталин не был первым, кто превратил революционный режим в режим террора. Власть, захваченная Лениным и осуществляемая им, была в соответствии с идеологическим самопониманием и в реальности террористической властью с самого начала³⁴, и одного этого должно было хватить, чтобы признать, что мнение о чудесном совпадении в раннесоветском искусстве политических целей человечества, с одной стороны, и эстетического авангардизма — с другой, является заблуждением. Сюда относятся и принудительная жесткая политическая эксплуатация искусства идеологией, которая сама рассматривала себя как эталон политики окончательного освобождения человечества. Очевидно, наивной ошибкой будет полагать, что, принуждая искусство к выполнению таких задач, можно говорить о свободе искусства. «Потребностям революционного народа, — писал еще несколько лет назад упомянутый здесь Хан-Магомедов, пребывающий в подобной наивности, — отвечал также ленинский план монументальной пропаганды 1918 г. План предусматривал использовать искусство как средство для агитации и воздвигнуть памятники выдающимся революционерам и работникам культуры. Ленин предложил привлекать художников, способных наполнить искусство агитации новым содержанием»³⁵, — и Хан-Магомедов трогательно описывает, как в результате этого авангардисты становятся агитаторами: «Улицы — наши кисти, площади — наши палитры»*, — провозгласил тогда Владимир Маяковский.

³³ См. об этом: *Chan-Magomedow S.O. Pioniere der sowjetischen Architektur. Der Weg zur neuen sowjetischen Architektur in den zwanziger und zu Beginn der dreißiger Jahre.* Dresden, 1983.

³⁴ См. об этом: *Scheibert P. Lenin an der Macht. Das russische Volk in der Revolution 1918–1922.* Weinheim, 1984.

³⁵ *Chan-Magomedow S.O. Op. cit. (См. примеч. 33.)* S. 13 и далее.

* Стихотворение В.В. Маяковского «Приказ по армии искусства» (1918) заканчивается так: «Довольно грошовых истин. / Из сердца старое вытри. / Улицы — наши кисти. / Площади — наши палитры. / Книгой времен / тысячелетней / революции дни не воспеты. / На улицы, футуристы, / барабанщики и поэты!».

3. АВАНГАРД И УПРАВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИМ СМЫСЛОМ ИСТОРИИ

Многие художники — архитекторы, скульпторы и поэты — с энтузиазмом отдались этому делу, занимаясь художественным оформлением праздников, публичных театральных постановок, агитационных поездов, улиц и площадей. Глубокое впечатление оставили праздничное оформление Красной площади в Москве (проекты А. и В. Весниных), Дворцовой площади в Петрограде (Н. Альтман) и улиц и площадей Витебска (М. Шагал и К. Малевич)³⁶.

Неисторично задним числом моралистически порицать упомянутых художников, которые, возможно, на какой-то момент действительно увидели себя в состоянии гармонического слияния политического и художественного авангарда, корить их из-за иллюзий, перед которыми они не устояли. Но столь же неисторично не понимать, что «футуристы у власти»³⁷ в силу политико-моральной логики их притязаний на роль эстетического представительства прогресса человечества, стремились к культурно-политическим привилегиям для себя и тем самым к ликвидации свободы искусства. В «многочисленных программных статьях» журнала московских художников-авангардистов они выдвигали это «притязание авангарда на единственно революционное и соответствующее пролетариату искусство»³⁸. В «Программной декларации» об этом говорится следующим образом: «Коммунистический строй требует коммунистического сознания. Все формы быта, морали, философии и искусства должны быть пересозданы на коммунистических началах. Без этого невозможно дальнейшее развитие коммунистической революции. ...Необходимо во всех культурных областях, и в искусстве также, решительно отбросить все демократические иллюзии, обильно покрывающие буржуазные пережитки и предрассудки»³⁹. Так что свою волю высказывает тут не Сталин, а «коллектив коммунистов-футуристов» (Комфут) в своем манифесте (1919). А. Луначарский и Ю. Славинский в «Тезисах удожественного сектора Наркомпроса и ЦК профсоюза работников искусства об основах политики в области искусства» (ноябрь 1920), признавали «за пролетариатом полное право внимательно пересмотреть все элементы мирового искусства, доставшегося ему в наследство». «При этом наследство прошлого должно быть беспощадно очищено от всех примесей буржуазного распада и разврата: бульварная порнография, мещанская пошлость, интеллигентская скука, черносотенные и религиозные предрассудки, поскольку таковые примеси имеются в наследии прошлого, должны быть изъяты»⁴⁰.

³⁶ Chan-Magomedow S.O. Op. cit. (См. примеч. 33.) S. 14.

³⁷ См. об этом: Gassner H., Gillen E. Zwischen Revolutionskunst und Sozialistischem Realismus. Dokumente und Kommentare. Kunstdebatten in der Sowjetunion von 1917–1934. Köln, 1979. S. 34 и далее: «Die Futuristen an der Macht».

³⁸ Ibid. S. 36.

³⁹ Ibid. S. 51. [Искусство коммуны. 1919. 26 января. № 8. Рус. текст: <http://window.edu.ru/window/library/pdf2txt?p_id=29635&p_page=4.]

⁴⁰ Ibid. S. 62. [Рус. текст документа «Тезисы художественного сектора НКП и ЦК РАБИС об основах политики в области искусства»: <<http://lunacharsky.newgod.su/lib/russkoe-sovetskoe-iskusstvo/prilozenie-2-k-state-iskusstvo>.]

3.1. Авангардистское искусство и тоталитарное господство

Здесь, как мы видим, также реализуется подход Ницше, согласно которому революции суть акты самосоздания (*Selbstverschaffung*) нового прошлого, и в тоталитарных системах нашего столетия, а также уже в раннем большевизме, эта реорганизация прошлого осуществляется не в последнюю очередь средствами диктатуры в области искусства.

Это означает, что между раннесоветским авангардным искусством и социалистическим реализмом по меркам Сталина происходит не переход от свободного искусства к политически управляемому искусству, но только переход от диктаторского надления себя авангардистами культурно-политическими привилегиями к ликвидации авангардизма с помощью средств художественной политики, одобряемой самими авангардистами. «Это нежелательный тип художника, — пришлось услышать умеренно авангардистскому художнику — товарищу С. Никритину 10 апреля 1935 г. от представителя его коллектива, после того как его картина «Старое и новое» была беспощадно раскритикована. Беспощадно, поскольку на вопрос «Мог бы партиец и коммунист нарисовать такую картину, и стал бы он ее рисовать?», видимо, можно было ответить только однозначным «нет». Дело в том, что упомянутая картина была пронизана сомнительными, но не сразу различимыми эротическими мотивами. Речь шла тем самым об «ужасной картине», после чего уже не могло оставаться «ни малейшего сомнения», «что эротический элемент в социализме будет грандиозен, с его здоровым и неподдельным началом»⁴¹. «Никогда еще человечество по внешнему виду и по своим ощущениям не было ближе Античности, чем сегодня. Спортивные игры, соревнования, военно-спортивные состязания закаляют миллионы молодых тел, демонстрируя их нам в растущей мере — во внешней форме и в состоянии духа — то, что, возможно, никто не видел, да и не предчувствовал, уже тысячу лет. Возник светлый красивый человеческий тип...» Эти строки лишь на два года моложе процитированного обетования, «что эротический элемент в социализме будет грандиозен»; но их автор — Адольф Гитлер⁴². Несмотря на фундаментальные различия в содержаниях конкурирующей национал-социалистической идеологии, с одной стороны, и интернационал-социалистической идеологии — с другой, конвергенция художественно-политических антиавангардизмов полная. Авангардизм чужд народу. Это делает его в рамках законченного тоталитаризма «неприемлемым», как тогда говорили, причем вне зависимости от колоссального в остальном различия в том, определяется ли единство народа на базе расовой или классовой теорий. «...Художник творит не для художника, но он творит точно так же, как все остальные — для народа! И мы позаботимся о том, чтобы

⁴¹ Так говорилось на жутком «обсуждении картины “Старое и новое” С. Никритина художественной комиссией кооператива “Художник”. 10 апреля 1935 г.» // *Op. cit.* S. 508–512.

⁴² Речь Гитлера на открытии Большой германской художественной выставки. См.: *Hitlers Rede zur Eröffnung der “Großen Deutschen Kunstausstellung” (1937)* // Schuster P.-K. (Hrsg.). *Die “Kunststadt” München, 1937. Nationalsozialismus und «Entartete Kunst»*. München, 1937. S. 242–252, S. 250.

3. АВАНГАРД И УПРАВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИМ СМЫСЛОМ ИСТОРИИ

именно народ, начиная с сегодняшнего дня, снова был призван на роль судьи своего искусства»⁴³.

Верно, что антиавангардистские выводы в тоталитарной политике в области искусства были сделаны в национал-социалистической Германии несравненно быстрее, чем в социалистическом Советском Союзе. Тем не менее отсюда нельзя заключать, что теперь вот эстетический авангардизм и социализм в силу их исторической позициональности, по сути, связаны друг с другом, тогда как национал-социализм и авангардизм в силу их противоположной позициональности должны были отталкиваться друг от друга. Достаточно известно, что в ранний период национал-социалистической диктатуры еще делались многообразные попытки интегрировать в рамках культурной политики искусство модерна. Бенн и Маринетти в марте 1934 г. произнесли вступительные речи по случаю Берлинской выставки «Итальянская футуристическая аэроживопись», а Геббельс был членом почетного комитета⁴⁴. Еще «летом и осенью 1933 г.» был осуществлен «ряд попыток» заполучить немецкий экспрессионизм «для немецкой публики, и, возможно, даже сделать его принятым ко двору»⁴⁵. Однако эти попытки скоро потерпели крах. Образец связанного с фашизмом итальянского футуризма, на который многие ссылались, чтоб изложить согласие художественного авангардизма с авангардизмом нового политического молодежного движения, да и с авангардизмом «молодых народов», не произвел в Германии в области художественной политики никакого впечатления. Ведь «Несовместимость авангарда с политическими массовыми движениями не нуждается» в «объяснении»⁴⁶, и Гитлер тогда гораздо быстрее и последовательнее, чем Муссолини, сделал отсюда выводы в области художественной политики. Будучи популистом в области художественной политики, Гитлер был также последовательнее Ленина. Но Сталин понимал ситуацию, как Гитлер: для того чтобы организовывать массовые движения и руководить ими политически-авангардистски, вместо авангардного искусства в качестве средства агитации требуется не нуждающееся в комментариях искусство массового вкуса.

Но мы, однако, слишком упростили бы дело, если бы, согласно альтернативе Адорно — авангард и гостиничная живопись, — под искусством массового вкуса понимали бы исключительно произведения станковой живописи эпохи развитого социалистического реализма или национал-социалистического идеал-реализма с его сияющими героями труда или войны. Классика и неоклассика относятся именно сюда. Будучи комплементарной к эзотерике авангарда, классика всегда успешнее авангарда в отношении современности. Этому не мешает и тот факт, что и она некогда была авангардом. Темпоральная структура классического вполне объясняет его преобладающую роль в контексте тотали-

⁴³ Hitlers Rede... (См. примеч. 42.) S. 251.

⁴⁴ Merker R. Die bildenden Künste im Nationalsozialismus. Kulturideologie, Kulturpolitik, Kulturproduktion. Köln, 1983. S. 135.

⁴⁵ Ibid. S. 134.

⁴⁶ Mosse G.L. Faschismus und Avantgarde // Grimm R., Hermand J. (Hrsg.). Faschismus und Avantgarde. Königstein im Taunus, 1980. S. 133–149, S. 143.

3.1. Авангардистское искусство и тоталитарное господство

тарной политики в области культуры. Объясненная выше сопротивляемость классики устареванию⁴⁷ создает ему в сфере СМИ, да и в школьных учебниках преимущество относительно постоянного длительного присутствия в противовес всевозможным изменениям. Сверх этого образуются основательные знания, да и привычки, без которых немислимы ритуальные торжественные мероприятия и прочие представления, ведь фасад тоталитарных массовых движений носит характер ритуалов. Это и есть то, что в особенности в архитектуре и музыке объясняет привилегированное положение классического в тоталитарной политике в области искусства, причем, естественно, как это имеет место в музыке, привилегированная классика в историческом плане может быть классикой романтизма. Тоталитарные варианты неоклассицизма есть при этом не что иное, как канонизация в рамках политики в области искусства историко-рецептивного значения классического (возрастающего совершенно независимо от тоталитарных условий) в контексте модерна, находящегося под влиянием движения авангардизма. Фасадный характер неоклассицизма подтверждается не в последнюю очередь тем, что за этим фасадом архитектурный модерн сумел удержаться даже при национал-социализме. Об этом прежде всего свидетельствуют заводские корпуса, например, сборочные цеха Герберта Римпля на заводе Heinkel-Werke в Ораниенбурге⁴⁸. «Нужно было действовать быстро, и нельзя было допустить больших расходов», — это слова Юлиуса Позенера, в которых он объяснял исторически уникальный успех распространения архитектурного модерна в годы восстановления и развития после Второй мировой войны⁴⁹. Этого достаточно, чтобы понять, почему и Гитлер, невзирая на свою политику репрезентативной архитектуры, в рамках которой он отдавал предпочтение неоклассицизму, не стеснялся стиля архитектурного модерна и допускал его использование в зданиях военного назначения. Не противоречит это и тому факту, что архитекторы модерна, в том числе и именитые, которых мы не будем здесь называть, вовсе не ощущали себя гонимыми, если только их уже к тому времени не причислили к расовым врагам⁵⁰. Сходство в области архитектурной политики между тоталитарными системами национал-социализма, с одной стороны, и интернационал-социализма — с другой, отражается в том числе и в истории жизни видных архитекторов, послуживших обеим системам⁵¹. Верно, что архитектура модерна «родилась из духа авангарда»⁵². Но аб-

⁴⁷ См. наст. изд., с. 113.

⁴⁸ См. об этом: *Lampugnani V.M.* Op. cit. (См. примеч. 19.) S. 237, затем S. 243 и далее.

⁴⁹ *Posener J.* Die moderne Architektur — eine lange Geschichte // Klotz H. (Hrsg.). Vision der Moderne. Das Prinzip Konstruktion. München, 1986. S. 27–32, S. 31.

⁵⁰ Об этой стороне истории архитектуры модерна см. в: *Lampugnani V.M.* Op. cit. (См. примеч. 19.) S. 245 и далее.

⁵¹ См. об этом: *Durth W.* Deutsche Architekten. Biographische Verflechtungen 1900–1970. 3., durchgesehene Aufl. Braunschweig; Wiesbaden, 1988. Особенно S. 71 и далее.

⁵² *Habermas J.* Moderne und postmoderne Architektur // Habermas J. Die neue Unübersichtlichkeit. Kleine politische Schriften V. Frankfurt am Main, 1985. S. 11–29, S. 15.

3. АВАНГАРД И УПРАВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИМ СМЫСЛОМ ИСТОРИИ

солютной альтернативы, когда, с одной стороны, мы имеем художественный и политический авангардизм, а с другой — художественный и политический регресс, вообще не существует. Допущение подобной альтернативы проистекает из того же историцистского суеверия, которым политически ангажированный художественный авангард — от итальянского до советского футуризма — узаконил свое обязательство служить тоталитарному режиму в области политики в отношении искусства, того суеверия, будто направлению цивилизационного процесса присуща нормативная обязательность, заметная особенно в революционные эпохи, и она обязывает способствовать ускорению прогресса, в том числе и средствами искусства, и ликвидировать тех, кто его сдерживает. Очерченные судьбы политически ангажированного художественного авангардизма суть самоуготованные судьбы, ставшие следствием историцистской интерпретации истории. Из хода истории заимствуется нормативный проект, вмещающий обязанность быть ангажированным в пользу авангардистов и требующий для своей реализации силы мобилизованных масс; однако их потребности в области вкуса невозможно согласовать с эстетическим авангардизмом, так что в конечном счете он оказывается перед лицом неизбежного в культурной политике требования совершить поворот к народности.

3.2. Политический авангардизм, или Прогресс и террор

Если еще в следующем тысячелетии, которое, между прочим, вот-вот наступит, будет существовать культура исторической актуализации прошлого, то в ней наше столетие, по крайней мере, среди других, предстанет столетием исторически уникальных политических массовых истреблений людей. Немцы должны будут вспомнить о почти удавшейся попытке в последние годы диктатуры Немецкой национал-социалистической рабочей партии сделать Европу «свободной от евреев», а конкретно — очистить ее путем «уничтожения еврейской расы», о котором Гитлер перед лицом всего мира в своей речи в рейхстаге, еще в мирное время, заявил на случай, если разразится война. Доказано, что динамике цивилизации модерна соответствует также динамичная политическая практика истребления людей. Экзекуции и ликвидации никогда прежде не проводились в такие сжатые сроки. Для этого в прежние исторические эпохи просто не хватило бы имеющихся в распоряжении технических средств¹. Масса убитых, которую Сталин уже до этого считал необходимым принести в жертву великой послереволюционной цели построения социализма в одной стране, существенно превосходит количественные масштабы национал-социалистического террора². Однако организационно-техническое фабричное совершенство германского террора в Советском Союзе достигнуто не было. То, что эпоха массового террора закончилась бы с крахом Третьего рейха — об этом, к сожалению, речи быть не может. Если отвлечься от террора последних лет сталинского правления в насильственно социализированных странах Восточной Европы, воздействие которого на политическую память в затронутых им странах в настоящее время усиливается, если, кроме того, молчать о Китае, пока там, возможно, не откроют места массовых захоронений, то даже люди более молодых поколений среди нас еще помнят, что разыгрывалось в 1970-х годах на полях смерти (Killing-Fields) в Камбодже. Здесь была подвергнута очищению та самая часть населения (оценки колебались между одной седьмой и одной пятой народонаселения), в отношении которой опасались — по причине ее привязанности к прошлому — морального инфицирования запланированного общества будущего, причем ради экономии патронов

¹ Достаточно хорошо известно, что национал-социалистические ликвидационные подразделения на первых порах должны были еще изобретать и разрабатывать требуемые технические мощности. С помощью использовавшихся вначале, так сказать, традиционных средств (см. об этом: Krausnick H., Wilhelm H.-H. Die Truppe des Weltanschauungskrieges. Die Einsatzgruppen der Sicherheitspolizei und des SD 1938–1942. Stuttgart, 1981) поставленную задачу решить было бы невозможно.

² См. об этом: Antonow-Owssejenko A. Stalin. Portrait einer Tyrannei. München; Zürich, 1983 (первое рус. изд.: Нью Йорк, 1980). Рус. изд.: Антонов-Овсенко А. Сталин без маски. М., 1990.

3. АВАНГАРД И УПРАВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИМ СМЫСЛОМ ИСТОРИИ

эта чистка осуществлялась с помощью кирок и лопат и других аналогичных орудий труда, превращенных в орудия убийства. Нельзя исключать возможность того, что политические группировки, которые полны решимости осуществить аналогичную чистку человечества будущего от той ее части, которая еще привязана к прошлому, еще переживут остаток нашего столетия. Видимо, это относится к организации по освобождению человечества «Сияющий путь», которая несколько лет назад привлекала симпатии интеллектуалов в том числе и в Германии³.

Правила морали, нарушаемые, когда люди творили или творят подобное в отношении друг к другу, не нуждаются в том, чтобы их изобретали заново. Соответственно из тех беспримерных исторических злодеяний, характерных для нашего столетия, нельзя выводить требование наконец-то сформировать моральное сознание, которое позволило бы нам распознавать противоправное содержание массовых убийств, современниками-свидетелями которых мы были. В чем бы ни состояла «проблема (всемирно-)исторического перехода к постконвенциональной морали»⁴, — было бы очевидным нонсенсом пытаться объяснить политические массовые преступления нашего столетия мнимой морально-эволюционной отсталостью преступников, застрывших на какой-нибудь позиции до того самого «(всемирно-)исторического перехода». Недостаток морального развития, может быть, и подходит для объяснения поведения и действий несовершеннолетних преступников и для оценки их с точки зрения уголовного права. Попытка использовать эту схему для объяснения и практической оценки тоталитарного террора отличалась бы нелепой отстраненностью от действительности. Заказчики и исполнители классовых и расовых акций уничтожения были прекрасно осведомлены о моральных нормах, которые они попирали этими акциями. Ничто не доказывает это ярче, чем повод для оправдания, которым они пользуются, чтобы показать неизбежность нарушения ими норм традиционной морали для назревшего во всемирном масштабе осуществления своих более высоких, вполне постконвенциональных целей. Правил традиционной морали и обычного права вполне было бы достаточно в любом мыслимом отношении, чтобы уведомить субъектов тоталитарного террора о моральной и правовой природе их действий. Почему же, тем не

³ См. в связи с этим последнее сообщение — статью «Кровью будет залита эта страна»: “Blut wird dieses Land überschwemmen”. Ein Pakt zwischen den Guerlleros vom “Leuchtenden Pfad” und Drogenbanditen bedroht Peru // Der Spiegel. 1989. 7. August. Jahrgang 43. Nr. 32. S. 117–122. [Имеется в виду перуанская маоистская организация «Коммунистическая партия Перу — Сияющий путь» (исп. Partido Comunista del Perú — Sendero Luminoso), основанная в 1960 г. Абимаэлем Гусманом. С мая 1980 г. ведет вооруженную партизанскую борьбу.]

⁴ Так полагает К.-О. Апель: *Apel K.-O. Zurück zur Normalität? Oder könnten wir aus der nationalen Katastrophe etwas Besonderes gelernt haben? Das Problem des (welt-)geschichtlichen Übergangs zur postkonventionellen Moral in spezifisch deutscher Sicht // Zerstörung des moralischen Selbstbewußtseins: Chance oder Gefährdung? Praktische Philosophie in Deutschland nach dem Nationalsozialismus / Forum für Philosophie Bad Homburg (Hrsg.). Frankfurt am Main, 1988. S. 91–142.*

3.2. ПОЛИТИЧЕСКИЙ АВАНГАРДИЗМ, или ПРОГРЕСС И ТЕРРОР

менее, они считали себя вправе оправдывать совершение этих действий — это, вообще говоря, вопрос, нуждающийся в ответе, и попытка сделать небольшой вклад в осмысление этого вопроса также входит в план данной книги. Дело в том, что к предпосылкам самооправдания тоталитарного террора относится не в последнюю очередь философия, а точнее — философия истории и тем самым нормативная интерпретация мнимых закономерностей природной и социальной эволюции. Попирая уникальным образом правила традиционной морали и обычного права, тоталитарный террор нуждался в уникальном потенциале для оправдания этого террора. Этот потенциал предоставляло в его распоряжение ядро философско-исторического содержания тоталитарных идеологий.

Что же, таким образом, оправдывает в самосознании распорядительных и исполнительных инстанций массовые политические убийства? Пытаясь ответить на этот вопрос, стоит опереться на Просвещение, причем особо на террор Французской революции. Хороший повод присоединиться ко всеобщему восхвалению века Просвещения давала, как уже было изложено выше⁵, реформа нашего обхождения с мертвыми. Один из импульсов Просвещения заключался в том, чтобы сделать еще гуманнее наше отношение к смерти — в гигиеническом и эстетическом, моральном отношении и в плане культуры памяти. Какое отношение это имело к террору? Мне бы не хотелось внушать читателям, что просвещенческое отношение к смерти, чьей особо прекрасной стороной была кладбищенская реформа, содержит предрасположение к террору. Это был бы нонсенс. Террор и гуманизация культурного отношения к смерти равным образом принадлежат к веку Просвещения. Но поначалу непонятно, каким образом в их исторической одновременности заложена некая объективная связь. Переход от той реформы, которая также подчинила наше отношение к смерти целям поощрения гуманности, к террористической практике, которая во имя более высоких всемирно-исторических целей ощущает себя призванной готовить смерть в массовых масштабах, имеет, таким образом, контингентный характер. Однако же и эта смерть, отправлять на которую террористическое Просвещение по причинам, на которых мы еще подробнее остановимся, считало неизбежным, подчинялась целям гуманности.

Осознать это позволяет даже техника террористических ликвидаций. Ведь гильотина задумывалась как инструмент поощрения гуманности. Казнь должна была протекать быстро и безболезненно, и эта цель была достигнута. Вот и тут оказалось, что машина, рожденная духом техники модерна, способна работать точнее и надежнее, чем индивид-ремесленник⁶. В этом состоит точка зрения, которая также вполне понятна независимо от террора, а именно в рамках конвенциональной юрисдикции уголовных судов эпохи Просвещения. Как известно, в эпоху Просвещения были реформированы и правовой аспект, и практика смертной казни. Критика практики, в рамках которой даже мелкие

⁵ См. наст. изд., с. 43 и далее.

⁶ См. об этом: *Rossa K. Todesstrafen. Ihre Wirklichkeit in drei Jahrtausenden // Gleichheit im Tode: Die Guillotine.* Oldenburg; Hamburg, 1966. S. 49.

3. АВАНГАРД И УПРАВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИМ СМЫСЛОМ ИСТОРИИ

бытовые преступления могли караться смертной казнью, восходит уже к эпохе Ренессанса. Томас Мор, например, выдвинул аргумент, согласно которому смертная казнь не столько действует устрашающе, сколько способствует преступности, поскольку мелкий воришка, которого должны были бы повесить на месте преступления, не несет дополнительного риска, если он после кражи совершит еще более тяжкое уголовное преступление⁷. Подобные аргументы делают понятными реформы уголовного права, которые в эпоху Просвещения проводились в области правовой политики. Все же идея, что в конечном счете смертную казнь можно и отменить, оставалась в то время маргинальной, и не кто иной, как Кант, принимая во внимание слегка устаревшее качество эмоционального воздействия, полагал, что гражданское общество, если захочет самоликвидироваться, перед официальным совершением этой ликвидации по справедливости должно будет еще казнить последнего осужденного на смертную казнь⁸. Гуманные реформы могли поэтому касаться только вида казни, и гильотина как ее орудие очевидно служила этому. Она вошла в историю уголовного права и используется кое-где вплоть до сегодняшнего дня. Разумеется, в гигиеническом отношении процедура все еще оставалась связанной с некоторыми неприятными вещами, изображать которые не позволила бы деликатность, и понятно, что, к примеру, в изобретенном методе экзекуции посредством введения осужденному вещества, обладающего приятным снотворным действием, следует видеть определенный прогресс.

Таким образом, гильотина по своему первоначальному замыслу является не инструментом террора, а напротив, инструментом для обеспечения гуманных целей при умерщвлении (*von Todes wegen*). Но террор, как известно, впоследствии использовал этот инструмент, причем вполне с благими намерениями, — чтобы при совершении, к сожалению, неизбежной процедуры избрать наиболее гуманную форму исполнения. Но что делает террор в сознании своих исполнителей неизбежным? Уже хотя бы тот объясненный выше факт, что он, где бы то ни было, использовал в качестве своего орудия машину, сконструированную в гуманных целях, наводит на мысль, что и террор как таковой должен был служить гуманным целям. В качестве первичной метафорической характеристики этих целей подходит слово, встретившееся нам при обсуждении просвещенческой реформы кладбищ, — «гигиена». Гильотина метонимически замещает совокупность организационных и технических средств, к которым должен был бы прибегать террор для достижения массовых результатов. Напротив, гигиена подходит в качестве главной метафоры для характеристики чрезвычайной легитимации, которой всегда необходимо располагать тем, кто хочет прибегнуть к террору. В терроре вместо очищения общества от смерти, знакомого нам уже по просвещенческой реформе погребения, получается очи-

⁷ См. об этом: *More Th. Utopia. Book I // The Complete Works of St. Thomas More. Vol. 4 / E. Surtz, S.J., J.H. Nexter (eds). 4th ed. New Haven; London, 1979. P. 61.*

⁸ *Kant I. Metaphysik der Sitten // Kant I. Werke. Bd. VII / E. Cassirer (Hrsg.). S. 141. Рус. пер.: Кант И. Метафизика нравов в двух частях / пер. с нем. С.Я. Шейнман-Топштейн // Кант И. Собр. соч.: в 6 т. Т. 4 (2). М., 1965. С. 258.*

3.2. ПОЛИТИЧЕСКИЙ АВАНГАРДИЗМ, или ПРОГРЕСС И ТЕРРОР

щение общества с помощью смерти, и механизация умерщвления делает террористическое очищение общества технически возможным. Принцип очищения или чистки является специфически современным, рожденным духом Просвещения принципом, легитимирующим массовые истребления людей в обществе модерна. Аналогию метафоры гигиены, предлагает, разумеется, также рожденная медицинским контекстом метафора хирургии. «Из сострадания, из любви к человечеству будьте бесчеловечными; так умелый и готовый помочь хирург своим ужасным и благодетельным ножом отсекает разложившийся член, чтобы спасти тело больного», — говорится в одной «Петиции к Национальному собранию в год II единой и неделимой Французской Республики» с целью обосновать, почему нельзя помиловать разбитых контрреволюционеров мятежного Лиона⁹.

Тот, кто сегодня в Германии называет террор особым сортом практики политического просвещения, должен опасаться обвинения в неадекватном отношении к Просвещению, и даже в контрпросвещенческом умонастроении. Поэтому будет полезно сделать дополнение, отсылающее к достойному одобрению и бесспорному содержанию политического Просвещения — включая его революции. Просвещением порождены концепты как либеральной, так и тоталитарной демократии, и к аспекту свободы Просвещения следует отнести известное восхваление Французской революции разными мыслителями от Канта до Гегеля. «Революция духовно богатого народа, происходящая в эти дни на наших глазах, победит ли она или потерпит поражение, будет ли она полна горем и зверствами до такой степени, что благоразумный человек, даже если бы он мог надеяться на ее счастливый исход во второй раз, все же никогда бы не решился на повторение подобного эксперимента такой ценой, — эта революция, говоря я, находит в сердцах всех зрителей (не вовлеченных в эту игру) равный их сокровенному желанию *отклик*, граничащий с энтузиазмом»¹⁰, — писал Кант. А через несколько десятилетий, вполне аналогично, в бидермайеровском Берлине Гегель вспоминал исторические события и связанный с ними революционный энтузиазм. «Таким образом, это был великолепный восход солнца. Все мыслящие существа праздновали эту эпоху. В то время господствовало возвышенное, трогательное чувство, мир был охвачен энтузиазмом, как будто лишь теперь наступило действительное примирение божественного с миром»¹¹. Еще в конце 1850-х годов, когда остаток либеральной немецкой интеллигенции вынужден был осмыслять болезненный опыт потерпевшей крах революции 1848 г., Генрих Бернхард Оппенгейм, родившийся в 1819 г., воспитанный на

⁹ *Markov W., Soboul A. (Hrsg.). Die Sansculotten von Paris. Dokumente zur Geschichte der Volksbewegung 1793–1794. Berlin, 1957. S. 251.*

¹⁰ *Kant I. Der Streit der Fakultäten (1798) // Kant I. Werke. Bd. VII / E. Cassirer (Hrsg.). S. 398. Рус. пер.: Кант И. Спор факультетов // Кант И. Сочинения: в 8 т. Т. 7 / под общ. ред. проф. А.В. Гулыги. М.: Чоро, 1994. С. 102.*

¹¹ *Hegel G.W.F. Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte // Sämtliche Werke. Bd. 11 / G. Glockner von (Hrsg.). 3. Aufl. Stuttgart: Fromman, 1953. S. 557. Рус. пер.: Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории / пер. А.М. Водена. СПб., 1993. С. 447.*

3. АВАНГАРД И УПРАВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИМ СМЫСЛОМ ИСТОРИИ

философии Гегеля, писал: «Мы все росли в обстановке идейного культа первой Французской революции»¹². Классическая немецкая философия предоставила тексты, легшие в основу этого культа. Имена тех, «кто устанавливает во Франции новый порядок», причем такой порядок, «который является единственно достойным, чтобы сохраняться вечно», «сохраняются для храма посмертной славы, чтобы некогда быть выставленными в нем»¹³. Это не строки из дневника какого-нибудь студента-философа, это слова старика Канта.

Тем не менее, как известно, Кант был решительным противником революции, то же можно сказать о Гегеле и подавляющем большинстве их учеников. В этом нет никакого противоречия. И речь здесь не идет — в противоположность Марксовой трактовке событий — о верноподданническом (*getreuen*) идеологическом отражении немецких обстоятельств, которые были очень далеки от того, что позднее будет названо «революционной ситуацией». Напротив, немецкое философское прославление Французской революции было связано с провозглашением ее принципов в сочетании с критикой самой революции как политической практики, уничтожающей свободу и право. Практическим результатом этого двойственного — одобрительного и осуждающего — отношения к Французской революции явилась политика реформ.

В самом деле, политическую философию немецкой классической философии можно читать как философию подобной политики реформ. Так, например, поздняя работа Канта о споре факультетов представляет собой предложение по институализации процессов Просвещения¹⁴. Подобная институционализация требует свободы исследования в низшем, в философском факультете, и неограниченного права на публикацию результатов этих исследований в высших, а именно богословском, юридическом и медицинском факультетах — в уверенности, что таким образом истина, не в последнюю очередь в неопровержимой очевидности своей полезности, вынудит проведение политической реформы тех законов, церковных учений или медицинских предписаний, которым обязаны обучать на занятиях в высших факультетах. Эти идеи продолжали действовать в прусской университетской реформе, осуществленной Гумбольдтом, для которой трудились в качестве авторов меморандумов знаменитые философы от Фихте через Штеффенса до Шлейермахера¹⁵. Да и знаменитейшая работа по политической философии времен эпохи немецкого идеализма, философия права Гегеля, была в своем тогда актуальном значении просто профессорским докладом по поводу, в сущности,

¹² *Oppenheim H.B.* Tocqueville: Über die Französische Revolution (1856) // *Vermischte Schriften aus bewegter Zeit*. Stuttgart; Leipzig, 1866. S. 300–314, S. 300.

¹³ *Kants Handschriftlicher Nachlaß*. Bd. VI: *Moralphilosophie, Rechtsphilosophie und Religionsphilosophie* / Preuß. Akademit der Wissenschaften XIX (Hrsg.). S. 605.

¹⁴ *Bien G.* Kants Theorie der Universität und ihr geschichtlicher Ort // *Historische Zeitschrift*. 1974. Heft 219/3. S. 551–577.

¹⁵ См. об этом мою статью: *Lübbe H.* Deutscher Idealismus als kulturpolitische Philosophie // *Lübbe H.* Die Aufdringlichkeit der Geschichte. Herausforderung der Moderne vom Historismus bis zum Nationalsozialismus. Graz; Wien; Köln, 1989. S. 163–186.

3.2. ПОЛИТИЧЕСКИЙ АВАНГАРДИЗМ, или ПРОГРЕСС И ТЕРРОР

провалившейся прусской попытки обзавестись конституцией на рубеже второго и третьего десятилетия XIX в.¹⁶

Реформа — вот имя практики политического прогресса, сочетающей требование гражданских прав и прав человека с критикой той революционной практики, которая осуществлялась в форме террора. Еще Шиллер пытался объяснить ужасы революции как форму проявления господства черни. «В низших и более многочисленных классах, — писал Шиллер, — мы встречаемся с грубыми и незаконными инстинктами, которые, будучи разнузданы ослаблением оков гражданского порядка, спешат с неукротимой яростью к животному удовлетворению». «Разнузданное общество, — считал Шиллер, — вместо того чтобы стремиться вверх к органической жизни, катится обратно в царство стихийных сил». «Недостает *моральной* возможности, и благоприятный миг встречает невосприимчивое поколение», — таков вывод Шиллера¹⁷. И политико-педагогическая эстетика Шиллера соотносится с этим компенсирующим образом в подготовке лучшего будущего.

В восприятии Шиллера ужасы революции тем самым являются выражением недостатка морали, и этот дефицит морали соотносится с морально-политическим смыслом революции контингентно. В противоположность этому Гегель учил видеть в терроре форму проявления политического морализма. Анализ террора у Гегеля может считаться его самым значительным и непреходящим вкладом в теорию революционной практики модерна. Не через возврат в варварство, а напротив, в акте осуществляемого вне любых институций морального самоуполномочивания на насилие утверждается террор. «Теперь господствуют, — характеризует Гегель политическую обстановку во Франции перед 9 термидора Второго года по новому исчислению, — абстрактные принципы: *свободы* и ее выражения в субъективной воле — *добродетели*. Теперь эта добродетель должна управлять против многих, которые — в силу своей испорченности и своих прежних интересов, или предаваясь излишествам свободы и страстей, — неверны добродетели. Здесь добродетель оказывается простым принципом, и она различает лишь таких лиц, которые разделяют известные убеждения или не разделяют их. Но эти убеждения могут быть выяснены и оценены только убеждением. Итак, господствует подозрение; но когда добродетель становится подозрительною, она уже осуждена. Подозрение приобрело ужасную силу и привело на эшафот монарха, субъективная воля которого была именно католически-религиозной совестью. Робеспьер утверждал, что принцип добродетели выше всего, и можно сказать, что этот человек серьезно относился к добродетели. Теперь господствуют *добродетель* и *террор*, так как субъективная добродетель, управляющая только на основании убеждения, влечет

¹⁶ См. кроме того: *Lübbe-Wolff G. Hegels Staatsrecht als Stellungnahme im ersten preußischen Verfassungskampf // Zeitschrift für Philosophische Forschung. 1981. Bd. 35. Heft 3/4. S. 476–501.*

¹⁷ *Schillers philosophische Schriften und Gedichte / mit ausführlicher Einleitung herausgegeben von E. Kühnemann. 3. Aufl. Leipzig, 1922. S. 169. Рус. пер.: Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека // Собр. соч.: в 7 т. Т. 6 / пер. с нем. Э. Радлова. М., 1957. Цитаты из Пятого письма на с. 261–262 наст. изд.*

3. АВАНГАРД И УПРАВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИМ СМЫСЛОМ ИСТОРИИ

за собою ужаснейшую тиранию. Она осуществляет свою власть без судебных форм и наказывает так же просто — только смертью»¹⁸.

Зрелище террора, это обнаружил уже Кант, погружает нас в траур в моральном смысле. Предмет этого траура — не просто зло, которое люди, ищущие своей выгоды за счет других людей, готовы причинить друг другу, а те злодеяния, на совершение которых преступники умеют и даже обязаны получать легитимацию в форме «преследования» своих «считающихся важными и великими» целей¹⁹. Ужасы революции, так Гегель охарактеризовал это в одной из самых впечатляющих глав «Феноменологии духа», порождают представление об «абсолютной свободе» в ее «негативной сущности», «которая уничтожает в себе всякое различие и всякое существование различия»²⁰.

Что это означает? Ответ на этот вопрос следует получить от молодого Карла Маркса, и это будет не анахронизм, а свидетельство историко-теоретической последовательности. Французская революция применила на практике гражданские свободы, а немцы, полагает Маркс, к сожалению, только обдумывали это, пусть и на высшем спекулятивном уровне. И все же, что бы там ни запоздали немцы на деле реализовать в ходе революционных преобразований (в чем они виновны и по сей день) — это было содержание не последней, а, согласно Марксу, исторически предпоследней политической эмансипации. Пролетарская революция должна будет превзойти буржуазную, и уничтожение «всяких различий», о котором Гегель говорил, анализируя якобинское господство, будет тогда выглядеть следующим образом. На место «свободы собственности» придет освобождение «от собственности», на место «свободы предпринимательства» — освобождение от «эгоизма предпринимательства», «религиозная свобода» будет превзойдена освобождением «от религии» и, наконец, «эмансипация евреев» — «эмансипацией человечества от *еврейства*»²¹.

Очевидно, что речь в этом только что процитированном политическом прочтении еврея Карла Маркса идет не о расистском антисемитизме, который теоретически и практически сформировался в Германии лишь гораздо позже. Напротив, речь здесь идет о программе, которая заключалась в том, чтобы то, что Маркс называл «политической эмансипацией» буржуазно-либеральной чеканки, превзойти посредством «человеческой эмансипации». Это есть кон-

¹⁸ Hegel G.F.W. Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte. (См. примеч. 11.) S. 561. Рус. пер.: Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. С. 450.

¹⁹ Kant I. Kritik der Urteilskraft // Kant I. Werke. Bd. V / E. Kassirer (Hrsg.). S. 348. Рус. пер.: Кант И. Критика способности суждения. М., 1994. С. 147 («цели, которые мы считаем важными и великими и в стремлении достичь которых люди причиняют друг другу всевозможное зло»).

²⁰ Hegel G.F.W. Phänomenologie des Geistes. Nach dem Text der Originalausgabe herausgegeben von J. Hoffmeister. 6. Aufl. Hamburg, 1952. S. 414–422: «Die absolute Freiheit und der Schrecken». Рус. пер.: Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / пер. с нем. Г. Шпета. СПб., 1992. С. 318.

²¹ Marx K. Zur Judenfrage // Marx K., Engels F. Werke. Bd. I. Berlin, 1977. S. 347–377, S. 369, 373. Рус. пер.: Маркс К. К еврейскому вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 1. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955. С. 382–413, с. 408.

3.2. ПОЛИТИЧЕСКИЙ АВАНГАРДИЗМ, ИЛИ ПРОГРЕСС И ТЕРРОР

цепция революции, носителем которой, как считал Маркс, будут именно немцы, которые в своей прежней истории не осуществили революции, но имеют пророчество для своего политического будущего. Немцы как субъект еще более превосходящей буржуазную революцию в эмансипационном плане, окончательной революции — вот в чем заключается предвидение (Vision). «*Основательная Германия не может совершить революцию, не начав революции с самого основания. Эмансипация немца есть эмансипация человека. Голова этой эмансипации — философия, ее сердце — пролетариат*»²². Французская революция, по мнению Гегеля, была лишь предпоследней ступенью в истории человеческой свободы. «Во Франции свобода во всей её полноте должна быть порождена действительным процессом постепенного освобождения, в Германии — невозможностью такого постепенного процесса». Для этого необходима философия, в которой Германия не только стоит «*al pari*»²³ с «официальной современной действительностью», но в которой она предвосхищает реальное завершение истории.

Именно эта философия, продолжающая революционную философию немецкого идеализма, есть Марксова теория истории. «Подобно тому, как философия находит в пролетариате своё *материальное* оружие, так и пролетариат находит в философии своё *духовное* оружие, и как только молния мысли основательно ударит в эту нетронутую народную почву, свершится эмансипация немца в человека»²⁴.

Сегодня с ходу подобные заявления едва ли еще понятны. Все же чувствуете, что они значительно превосходят философский революционный энтузиазм чеканки немецкого идеализма, для которого имеются впечатляющие подтверждения в текстах от Канта до Гегеля. Только «при социализме» для людей становится «объективно возможным» понятие «законы их собственного общественного действия, которые им» прежде «представлялись чуждыми, угнетающими их» и в революционной практике следовать им — так звучит это столько же сухо и непревзойденно претенциозно в ортодоксально-марксистском «Философском словаре», пропитанном духом некогда правящей Социалистической единой партии²⁵. В ее самопонимании тем самым в какой-то мере реализовалась уверенность Маркса, что последние, т.е. немцы, с точки зрения истории революции в конечном счете станут первыми, — правда, опять-таки на уровне теории, ставшей ортодоксальной. Ведь во всемирных масштабах у всех, кто верит в исторический концепт, согласно которому пролетарская революция превосходит буржуазную (великим образцом которой является Французская революция), Маркс вплоть до сегодняшнего дня остался первым в ряду тех

²² Marx K. Zur Kritik der Hegelschen Rechtsphilosophie. Einleitung // Ibid. S. 378–391, S. 391. Рус. пер.: Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // Там же. С. 414–429, с. 429.

²³ Ibid. S. 383. Рус. пер.: Там же. С. 420.

²⁴ Ibid. S. 391. Рус. пер.: Там же. С. 428.

²⁵ Philosophisches Wörterbuch / G. Klaus, M. Buhr (Hrsg.). 10. Aufl. Bd. 2. Leipzig, 1974. S. 753.

3. АВАНГАРД И УПРАВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИМ СМЫСЛОМ ИСТОРИИ

классиков, которые как пророки этой веры в сфере господства реально существовавшего социализма приобрели канонический авторитет.

Резюмируя, можно сказать, что у Маркса происходит превращение революционной теории в политическую идеологию тоталитарного типа. «Она — не анатомический нож, она — оружие. Её объект есть её *vrag*, которого она хочет не опровергнуть, а *уничтожить*»²⁶.

Генрих Гейне еще до того, как Маркс записал процитированные строки, опасался этого как следствия немецкой мыслительной основательности. Соответственно он ни в грош не ставил и тот немецкий автостереотип, согласно которому немцы всегда только думают, а французы действуют, и потому главной целью его «Истории религии и философии в Германии» было просветить французов, которые в романтической германофилии были склонны считать немецкую философию вещью далекого от мира спекулятивного глубокомыслия, относительно политических потенциалов этого глубокомыслия. «На арену выступают вооруженные фихтеанцы, — пишет Гейне, — которых, в их волевым фанатизме, не обуздать ни страхом, ни корыстью, ибо они живут в духе, они борются с материей». Недостигаемым являются «трансцендентальные идеалисты» «за укреплениями собственной мысли». И однажды «революционные силы смогут прорваться и наполнить мир ужасом и изумлением»²⁷.

Этот знаменитый пассаж из книги Гейне для просвещения французов о мнимом далеком от политики характере немецкой философии приводится здесь не с целью инсинуации, чтобы найти предугаданными в этом прогнозируемом Гейне «прорыве» немецких идеалистов из укреплений собственной мысли позднейшие события немецкой истории. Смысл цитаты заключается в том, чтобы обратить внимание на точность описания, с какой Гейне, как теоретик революции и террора, охарактеризовал революционную субъективность. «Не обуздать ни страхом, ни корыстью» — это непревзойденно точная характеристика того, что на языке позднего немецкого молодежного движения называлось «идеализмом» и что на политической арене проявилось как фанатизм, когда цели, от которых нельзя было отвлечь «ни страхом, ни корыстью», уже не являются целями, которые выдержали бы проверку моральным *common sense*, а оказываются скорее целями, которые известны как цели человечества; при этом верят в то, что знают причины, по которым за пределами круга собственного философского озарения эти цели все еще не познаны людьми как их собственные. Это контекст, в рамках которого процитированная идея («эмансипация немцев» станет «эмансипацией человека») вообще только возникла. Смелости этой идеи, как немецкого философского ответа высшей инстанции на вызовы Французской революции, можно изумляться, но не без того дополнительного ужаса, о котором говорил Гейне в отношении абсолютного идеализма.

²⁶ Marx K. Op. cit. (См. примеч. 22.) S. 380. Рус. пер.: Маркс К. Указ. соч. С. 416.

²⁷ Heine H. Zur Geschichte der Religion und Philosophie in Deutschland (1834) // Heine H. Sämtliche Werke in zwölf Teilen / mit Einleitungen und Anmerkungen herausgegeben von P. Beyer, K. Quenzel, K.H. Wegener. Achter Teil. Leipzig o. J. S. 253. Рус. пер.: Гейне Г. К истории религии и философии в Германии. М.: Прогресс, 1994.

3.2. ПОЛИТИЧЕСКИЙ АВАНГАРДИЗМ, или ПРОГРЕСС И ТЕРРОР

Именно этот «абсолютный идеализм», если быть точнее, приобрел облик философии истории. К его предпосылке относится вызванное реальным культурным, социальным и политическим развитием ощущение отделения пространства опыта от горизонта ожидания, как назвал это Райнхарт Козеллек²⁸. Как дофилософско-историческую реакцию на этот процесс можно рассматривать названную так Райнхартом Козеллеком темпорализацию утопии²⁹. Восприятие и критика мира, в котором мы фактически живем, в свете представлений о лучшем мире — отнюдь не новость, а скорее общий факт культуры, принадлежащий к содержанию классической традиции*. Вплоть до Нового времени, и особенно в эпоху Ренессанса, когда утопия и получила свое название, она имела пространственный статус, т.е. рисовала образ лучшего мира, как будто бы уже реализованного в другом, отдаленном пространстве. Вместе с освоением пространства, не оставившим в конце концов неизученных притягательных местечек, утрачивается возможность представлять где-то там, в пространстве, лучший мир, нежели наш.

Темпорализация утопии, осуществляемая посредством перемещения литературно-воплощенного совершенства из отдаленного пространства в отдаленное время, означает также, что общественное состояние, в котором люди пребывают в настоящее время, воспринимается как состояние, претерпевающее целенаправленное изменение. Это делает возможным, более того, заставляет признать морально-политическую ценность будущего, с которым приходится считаться в силу допущения, что мы на опыте испытываем направленное изменение вещей. «Утопия спасения» как раз и есть литературное выражение положительной оценки того, что ожидается в будущем. Отсюда вытекают важные культурные и в конечном счете политико-идеологические следствия. Во-первых, попытка преобразовать историю происхождения в историю будущего и тем самым увидеть в будущем нечто лучшее, чем настоящее, становится отныне принудительной. Во-вторых, в целях конкретного определения места современных событий нужно расчлнить путь истории от происхождения к будущему на эпохи и в их последовательности фиксировать эфемерную эпоху настоящего. В-третьих, из этой высокой моральной и политической оценки будущего вытекает обязанность ускорить движение к нему.

Вышеизложенное представляет собой чрезвычайно краткое описание того, как классическая философия истории трансформируется в политическую идео-

²⁸ Koselleck R. "Erfahrungsraum" und "Erwartungshorizont" — zwei historische Kategorien // Patzig G., Scheibe E., Wieland W. (Hrsg.). Logik, Ethik, Theorie der Geisteswissenschaften. XI. Deutscher Kongress für Philosophie Göttingen 1975. Hamburg, 1977. S. 191–208.

²⁹ Koselleck R. Die Verzeitlichung der Utopie // Utopie-Forschung. Bd. 3. Frankfurt am Main, 1982. S. 1–14.

* Начиная с этого предложения и включая три полных нижеследующих абзаца фрагмент текста дан — с корректурами, приводящими его в соответствие с текстом книги, — в переводе Николая Плотникова, см.: Люббе Г. В ногу со временем. О сокращении нашего пребывания в настоящем / пер. с нем. Н. Плотникова // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 94–113.

3. АВАНГАРД И УПРАВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИМ СМЫСЛОМ ИСТОРИИ

логию. В связи с этим дело здесь в способности историцистской идеологии, инспирированной историей философии, служить политическому самопривилегированию ее субъектов. Ведь философия истории, превращенная в политическую идеологию, обладает той особенностью, что — в силу характерного для нее рассмотрения истории как последовательности эпох — она позволяет разъяснить историческим субъектам этого рассмотрения, почему они благодаря их положению в историческом процессе впервые и исключительно способны постичь этот самый исторический процесс. На этом основано их право приписать себе роль партии, которая уже сегодня представляет авангард человечества будущего, а также право, даже обязанность, делать грядущие события политически обязательными. Возникающая на этой основе политическая программа есть программа эмансипации, которую реализует воспитатель среди своих подопечных. Воспитателям уже известно то, что подопечные пока еще не знают, и эта-то асимметрия, определяющая в ходе смены поколений отношение отцов и детей, переносится в концепции политического воспитания человечества на уникальное развитие всего человеческого рода³⁰.

Такое историко-метафизическое и идеологическое направление политики в соответствии с ходом истории, который будто бы постигнут в своих основах, имеет весьма серьезные последствия. Ибо впервые политика в специфическом для модерна смысле теперь становится предрасположенной к террору — в результате политической дискриминации, основанной на производимом историко-метафизическом отождествлении старого и нового соответственно с плохим и хорошим. Ирония в этом вопросе заключается в том, что такая ориентированная на метафизику истории политика там, где она становится господствующей, неизбежно превращается в ультраконсерватизм и догматизм. Ничто так не нуждается в консервации, как доктрина, укрепляющая убежденность людей в том, будто они занимают всемирно-исторически привилегированную темпоральную позицию.

В качестве примера можно показать, как очерченные историко-метафизические предпосылки тоталитарной демократии отражаются в характерной фразе, которую можно было прочесть в «Красном мече», органе ЧК, от 18 августа 1919 г. Фраза такая: «Нам все позволено». Вопрос: при каких ориентационных предпосылках люди считают себя вправе делать такие заявления? Ответ можно прочесть в том же номере органа Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией. Читаем: «Наша гуманность абсолютна...» «Впервые в мире мы поднимаем меч ...во имя всеобщей свободы и освобождения от всякого рабства»³¹. Формула самоуполномочивания «Нам все позволено» является, таким образом, после указания легитимирующих ее историко-метафизических причин не цинической, а скорее моральной формулой, и насилие, которое оно

³⁰ См. об этом: *Marquard O. Die Erziehung des Menschengeschlechts — Eine Bilanz // Der Traum der Vernunft — Vom Elend der Aufklärung. Darmstadt; Neuwied, 1985. S. 125–133.*

³¹ Цитата приводится по книге П. Шайберта: *Scheibert P. Lenin an der Macht. Das russische Volk in der Revolution 1918–1922. Weinheim, 1984. S. 85.*

3.2. ПОЛИТИЧЕСКИЙ АВАНГАРДИЗМ, ИЛИ ПРОГРЕСС И ТЕРРОР

развязывает, проистекает не в связи с моральным разложением. Оно проистекает из акта историко-философски преформированного идеологического схватывания смысла истории.

Карл Поппер назвал ошибочное убеждение в закономерности исторического процесса «историцистским» и посвятил свою книгу «Нищета историцизма» жертвам ложной веры в существование законов истории³². Если выразиться от обратного, т.е. научно-теоретическим образом, это историцистское заблуждение состоит в том, что несомненная направленность цивилизационной эволюции как раз не является направленностью на цель и что ускоряющие, разрушающие или созидающие порядок действия в рамках этого процесса никоим образом не связываются по аналогии с планом, но скорее со временем начинают напластовываться друг на друга, вследствие эффекта интерференции, в отношении же друг друга они имеют случайный характер, а значит, эволюция как таковая, несмотря на ее направленность, не прогнозируема. Проще говоря, будущее культурной эволюции является открытым, та же политика, которая ориентируется на идеологию, втискивающую будущее в закономерную смену эпох, принудительно делает закрытым и общество.

Карл Поппер, кстати, в своей критике историцизма сверх идеологии истории марксистско-ленинского интернационал-социализма, разумеется, включил еще и натурализованную философию истории национал-социалистической расовой идеологии. Банально говорить, что эта расовая идеология по своему интеллектуальному уровню не выдерживает никакого сравнения с классовой идеологией марксизма-ленинизма. Тем не менее попытка представить себе ход истории не как последовательность классовых битв, а как череду схваток между расами, выполняет проанализированную Поппером историцистскую мыслительную фигуру очень четко. Дело в том, что для того чтобы вообще понять утверждаемую этой расовой идеологией истину, необходимо принадлежать к избранной расе, о которой учит нас упомянутая расовая идеология. И натурализованная философия истории также определяет тем самым ту позицию в ходе истории, конкретно находиться в которой является реальным условием возможности понимания хода истории, — и здесь с таким практическим политическим следствием — себя самих понимать и схватывать как привилегированного субъекта истории, а всех противящихся распознавать в силу их противления и рассматривать как врагов, которых надо не опровергать, а уничтожать³³.

В приведенном выше кратком очерке мыслительной фигуры, лежащей в основе историцистского политического самопривилегирования и тоталитарного самозваного уполномочивания к насилию, содержится однозначное и сознательное сопоставление национал-социалистического массового террора, обоснованного расовой идеологией, с ленинско-сталинским массовым террором, обоснованным классовой идеологией. В противоположность этому в так

³² *Popper K.R. Das Elend des Historizismus. 2. Aufl. Tübingen, 1969. S. XI.*

³³ Для подробного историко-идеологического анализа очерченных взаимосвязей см.: *Topitsch E. Gottwerdung und Revolution. Pullach bei München, 1973.*

3. АВАНГАРД И УПРАВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИМ СМЫСЛОМ ИСТОРИИ

называемом «споре историков»³⁴ подчеркивалась моральная недопустимость подобного сравнения. Какой смысл в этом странном моральном запрете на исследования общих черт величайших политических массовых убийств, совершенных в нашем столетии? Разве что единственный смысл, как мне представляется, заключался в стремлении воспрепятствовать «релятивированию», как говорится, террора массовых убийств, совершенных в собственной стране указанием на аналогичный террор в других странах, причем с целью собственного морального обеления. Конечно, это верно, что ссылки на аналогичные преступления других не годятся для того, чтобы забрать у собственных преступлений хотя бы только ничтожную долю их гнетущего морального и правового свойства. Но эта истина носит характер морального общего места. Именно поэтому будет дерзостью приписывать стратегии морального релятивирования историкам, философам или социологам, а также политикам, которые с целью выявления подоплек тоталитарных массовых убийств в нашем столетии сравнивают террор в различных системах. В этом проявляется тот «дефицит приличия в споре историков», который отметил Гордон Крейг³⁵. В остальном, с методической точки зрения, «уникальность национал-социалистического истребления евреев», на которой совершенно напрасно настаивают главные представители спора историков, есть просто банальность. Каждое единичное историческое событие, каждый единичный исторический процесс уникален. Если кто-нибудь, тем не менее, сравнит такие исторические уникальности с другими уникальностями, т.е. обнаружит и проанализирует общие свойства данных уникальных событий и процессов, то он не будет из тождества подобных общих свойств делать вывод о родовой идентичности событий и процессов, имеющих такие общие свойства. Нет нужды доказывать недопустимость такого вывода. Вот почему банально, что массовые убийства, осуществленные национал-социалистическим террористическим режимом, невзирая на определенные общие особенности, роднящие их с массовыми убийствами, осуществленными большевистским террористическим режимом, имеют уникальный характер, и достаточно элементарного знания истории, чтобы выделить эти уникальные особенности. В случае национал-социалистического режима их прежде всего две: специфически идеологические, а конкретно — расовые историко-теоретические предпосылки геноцида, проводившегося национал-социалистами, с одной стороны, и технически высокоорганизованное, «промышленное» осуществление этого геноцида — с другой. Но уникальным является не миллионное число жертв национал-социалистического террора, да и историцистская фигура идеологического самоуполномочивания на этот террор также не уникальна. В остальном можно настаивать на том, что если не для выживших, то все же для мертвых сохраняет свое значение академическое

³⁴ "Historiker-Streit". Die Dokumentation der Kontroverse um die Einzigartigkeit der nationalsozialistischen Judenvernichtung. München; Zürich, 1987.

³⁵ Craig G.H. Craig über Craig. "Geschichte Europas im 19. und 20. Jahrhundert" // Frankfurter Allgemeine Zeitung. Geisteswissenschaften. Werkbesichtigung (XVII). 1989. 9. August. Nr. 182. S. N 3.

3.2. ПОЛИТИЧЕСКИЙ АВАНГАРДИЗМ, ИЛИ ПРОГРЕСС И ТЕРРОР

различие, были ли они растоптаны левыми или правыми сапогами. Однако именно это оспаривал Ханс-Ульрих Велер. «Индустриальный характер массовых убийств, проводившихся национал-социалистической системой, которая утвердилась в высокоразвитой стране-члене западного культурного круга», нуждается в «других критериях оценки — в том числе и морального характера, — чем эксцессы российской гражданской войны»³⁶. Означает ли это, что те правила традиционной морали и общего права, которые, следуя моральному и правовому *common sense*, позволяют установить несправедливость тоталитарного массового террора, имели, якобы, в добольшевистской России только ограниченную силу? Должно ли отнесение сталинского террора к «эксцессам российской гражданской войны» означать, что их безусловно следует осуждать как эксцессы, но именно только как эксцессы политического процесса («русской гражданской войны»), который как таковой представляет заслуживающий одобрения политический авангардизм? Ведь верно, что: «Впервые в мире мы поднимаем меч ...во имя всеобщей свободы и освобождения от всякого рабства», — так легитимировали себя революционеры ленинской чеканки³⁷, и так в самом деле не могли назвать революционеры национал-социалисты свою «борьбу». Между тем приведенная фраза в ленинском духе служила все же для оправдания формулы самоуполномочивания «нам все дозволено» — и жертвой этого самоуполномочивания (а не какого-то «эксцесса») стали миллионы и миллионы мертвых, определившие цену советского эксперимента.

Повторим в завершение: очищение общества от тех, кто — по словам Гегеля, — инфицируют его своим «моральным разложением», — это, если продолжать использовать медицинские метафоры, со времен Просвещения всегда было главным смыслом революционных массовых ликвидаций. «Чистка» вплоть до сегодняшнего дня осталась той политической практикой, с помощью которой тоталитарные партии стремились сохранить чистоту своего изначального духа. Этому соответствует также практика похорон, которая в точности ведет себя комплементарно по отношению к вышеописанной просвещенческой реформе кладбищ³⁸. Массовое захоронение — это метоним для тоталитарной стороны в рамках этого отношения комплементарности. Ее функцией после ликвидации тех масс, от которых надо было очистить общество, всегда была ликвидация еще и памяти о них. Уже одно это является причиной, обрекающей их на бесследное исчезновение. Таким образом, на исчезновение обрекаются те, кто не только как живые, но и как мертвые могли бы — в силу пробуждения памяти о них — повлиять на партию, народ или общество. В тщательности, с которой тоталитарная воля к чисткам после физической ликвидации стремится истребить следы памяти о ликвидированных, отражается то значение, ко-

³⁶ Это слова Ханса-Ульриха Велера из критического эссе по поводу моей небольшой книги: *Lübbe H. Politischer Moralismus. Der Triumph der Gesinnung über die Urteilskraft* (Berlin 1987) // Wehler H.-U. *Entsorgung der deutschen Vergangenheit? Ein polemischer Essay zum "Historiker-Streit"*. München, 1988. S. 249.

³⁷ См. примеч. 31.

³⁸ См. наст. изд., с. 43 и далее.

3. Авангард и управление политическим смыслом истории

торое обычно приобретало воспоминание о мертвых в жизненных контекстах просвещенных культур. В случае Ленина политическая воля к консервации памяти, как известно, охватила даже тело покойника, и как парадокс — нетленный труп — он выставлен в центре гигантской империи как главный объект политического культа. Теперь же в области действия этого культа, метафорически или даже буквально, открываются массовые захоронения жертв, и — в соответствии с прагматикой объективной взаимосвязи — главный идеологический репрезентант тех принципов, во имя которых некогда были заполнены эти массовые захоронения, видимо, уже не может больше пребывать в своей привилегированной мавзолеей экспозиции. Сталин, как известно, ранее уже прошел этим неизбежным путем.

4. ИНФОРМАЦИОННАЯ
ДИНАМИКА
И ФОРМИРОВАНИЕ
АРХИВНОЙ ТРАДИЦИИ

4.1. Бюрократия и рост количества реликтов

Критиковать бюрократию любят все. Уже несколько десятилетий назад название «Управляемый мир» приобрело статус ключевого слова в сфере критики цивилизации¹. Этот управляемый мир выглядит на типичных рисунках как груда документов, заполняющих весь фон, — документы на документах.

К счастью, иллюзия того, что ситуация могла бы сложиться иначе, едва ли еще распространена. Это, разумеется, не исключает в отдельных случаях свидетельств об эксцессах в сфере управления. Бывает, что официальная переписка напоминает скетчи кабареистов. Но даже если бы мероприятия по рационализации делопроизводства и административные реформы избавили производство документов от избыточного материала, в принципе ничего бы не изменилось в экспоненциальном характере кривой роста документов как в государственном, так и в частном администрировании. Почему же? Не надо быть экспертом по административной работе, чтобы осознать: быстрее, чем число отделов или подразделов в каком-либо департаменте, должно расти количество документов, пересылаемых туда-сюда и обеспечивающих коммуникацию и сотрудничество между ними. Все это можно обобщить и выявить тривиальную закономерность, что количество связей, которые можно установить между элементами некоей системы, всегда растет быстрее, чем число этих элементов. В социальной, а также и в институциональной реальности то, что было только что названо «связью», носит характер обмена сообщениями. Неопытные в управленческом деле романтики устного слова как наиболее благородного средства коммуникации постоянно жалуются на то, что в «управляемом мире» исписанная бумага, а именно официальные документы, все больше вытесняют непосредственность устного слова, материально объективируют его и технически овеществляют. Но истина состоит в том, что с ростом размеров офиса выросли не только производство документов и документооборот, но одновременно и вербальные коммуникации — как по количеству и социальной значимости, так и по длительности и интенсивности. Обсуждения, переговоры, заседания разного рода доминируют в ежедневнике по крайней мере больших начальников в функциональной иерархии того или иного учреждения — не говоря уже о телефонных переговорах, которые, однако, упомянутые романтики свободной от техники разговорной непосредственности не относят к коммуникативным актам в эмфатическом смысле. Конечно, эти разговоры также будут переложены в свою очередь на бумагу — как протокол, как запись в деле, как письменные директивные выводы совещания, а упомянутым телефонным переговорам как

¹ Подробно об этом в контексте критического анализа языка, относящегося к этому миру, см. в: Korn K. Sprache in der verwalteten Welt. 2. Aufl. Olten; Freiburg im Breisgau, 1959.

4. ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИНАМИКА И АРХИВНАЯ ТРАДИЦИЯ

документальное подтверждение соответствуют телефонограммы. Тем не менее с ростом вербальной коммуникации, скрытой за кипами документов, накапливающихся в ходе административной деятельности, о которой непрофессионалы едва ли имеют какое-то представление, число растраченных слов растет несравненно быстрее, чем число слов, сохраненных в документах. Для нашей культуры памяти это имеет последствия, к которым мы еще вернемся.

Но как бы там ни было, растущее количество документов свидетельствует прежде всего о том, что процессы функциональной дифференциации способствуют реализации коммуникативной функции. Это звучит несколько абстрактно. Но любой из нас может это себе представить, обратившись к повседневному опыту. В свое время после выздоровления больного врачу за его услуги платили непосредственно, минуя служебную переписку. Ныне же счет приходит не от врача, а по не нуждающимся в разъяснениях причинам из инкассаторского пункта, не доверяя которому, разумеется, нет никаких оснований, но это доверие носит все же не личный, а бюрократический характер. Это означает, что платежные поручения нужно хранить в течение установленного срока, чтобы на всякий случай, например, при получении напоминания о платеже, составленного по ошибке компьютерным оператором, располагать доказательством, позволяющим сократить время устранения проблемы. Для заявок на денежную компенсацию при частном страховании по болезни необходимо сохранять документ, содержащий отчет о событии, а кроме того копии отчета, гарантирующие соблюдение прав на получение пособия. И таким же образом отчет приобретает характер документа для дальнейшей инстанции, а именно, когда прибегают к услугам налоговых консультантов в отношениях с налоговой инспекцией для доказательства избыточного налогового бремени. Так архаический процесс, а именно, врачебная помощь в случае болезни, превращается в процесс обработки документа и почтовой переписки по меньшей мере с четырьмя административными инстанциями, в чьих регистратурах при необходимости человек сам присутствует — в разных аспектах — как документ.

И так во всем: быстрее, чем общественное благосостояние, растет необходимый для его обеспечения бюрократический аппарат; быстрее, чем производительность нашего труда, растут затраты — плановые и организационно-технические, обеспечивающие кооперацию тех специалистов, которые изначально и обеспечивают этот рост производительности благодаря специализации, основанной на разделении труда. Быстрее, чем прогресс научного познания, растут расходы на чтение или затраты на прочую коммуникацию, необходимую для того, чтобы знакомиться с современным состоянием исследований, с которым должны соотноситься наши собственные познавательные усилия.

Повторим еще раз: с описаниями прогресса в бюрократизации наших социальных жизненных связей, т.е. прогресса в организации, технике и институционализации коммуникативной деятельности, которая в современных обществах растет несравненно быстрее, чем количество их прочих функций, вовсе не следует связывать культурно-критические интенции. Документ как мето-

ним устройства обществ модерна провоцирует ироническую улыбку — это правда. Но речь при этом идет о дешевой иронии, которую можно позволить себе, только полностью доверяя работоспособности современных обществ. Везде — начиная с равенства шансов на получение образования, общественного благосостояния и социальных гарантий, вплоть до независимого развития личности — реализация и исполнение наших специфически современных прав и притязаний предполагает наличие именно такой бюрократии и управляющих нами учреждений, предоставляющих всевозможные услуги, которые как никогда прежде представляют и обеспечивают нашу деятельность и наше существование в форме документов.

«Самостоятельный и обслуживаемый (*betreute*) человек» — к такой альтернативе свел различие между свободным и подконтрольным образом жизни Гельмут Шельски². Но альтернатива здесь мнимая: самоопределяемый образ жизни вплоть до его следствий в виде прогрессирующей плюрализации жизненных стилей, о чем мы еще будем говорить³, предполагает именно обеспечение наших притязаний на общественное благосостояние и социальные гарантии, а они становятся доступными с помощью бюрократии⁴. В избранных Гельмутом Шельски словах это звучит так: ту самостоятельность, на которую мы действительно претендуем как никогда прежде, мы можем обрести только благодаря многообразным видам государственного обслуживания, которое обращено сегодня на нас, — это и бесплатное обучение в вузах, и лечебно-профилактическое посещение государственных бассейнов, и чувство безопасности при использовании технических приборов или инфраструктур, которое, как правило, оправдывается благодаря техническим стандартам безопасности, гарантируемым и контролируемым государством. Сегодня одновременно важна как свобода, так и гарантирующие ее предпосылки, и если верно, что мы не особенно охотно имеем дело с бюрократией — кому из нас нравится заполнять свою налоговую декларацию и кто радуется, предвкушая очередной техосмотр своего автомобиля, — все же каждый сознает и признает их необходимость. Мы воспринимаем бюрократию не как нависший над нами рок, а как плату за жизненные удобства, которые невозможно было бы получить без бюрократии.

Называя платой те тяготы и хлопоты, которые действительно наваливаются на нас бюрократами-управленцами во все растущем объеме, мы совершаем важный шаг. Это позволяет нам осознать недопустимость метафоры «раковой опухоли», которая пользуется популярностью в качестве характеристики безмерно разрастающейся бюрократии в фельетонах, написанных в духе критики цивилизации, — иногда с дополнительной ссылкой на «закон» неудар-

² *Schelsky H. Der selbständige und der betreute Mensch. Politische Schriften und Kommentare. Stuttgart, 1976.*

³ См. наст. изд., с. 328 и далее.

⁴ Это центральный тезис книги В. Цапфа и др.: *Zapf W., Breuer S., Hampel J., Krause P., Mohr H.-M., Wiegand E. Individualisierung und Sicherheit. Untersuchungen zur Lebensqualität in der Bundesrepublik Deutschland. München, 1987. S. 3.*

4. ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИНАМИКА И АРХИВНАЯ ТРАДИЦИЯ

жимости этого разрастания, который, относясь к жанру забавной социологии, связан с именем Паркинсона⁵. Метафорика рака внушает, что речь идет о недуге, который, если можно было бы мысленно удалить его, позволил бы человеку ощутить себя в безмятежной гармонии с самим собой. Напротив, разрастание бюрократии представляет собой неизбежное побочное последствие политического, социального и культурного прогресса. Его нельзя развенчать как иллюзию, показав, что плата за этот прогресс, включая административные расходы, в отдельных областях нашей современной взаимосвязи жизни растет быстрее, чем указанные жизненные удобства. Иными словами, предельная полезность прогресса снижается постольку, поскольку дополнительная плата растет быстрее, чем выигрыш в общественном благосостоянии и прочих преимуществах, которые позволяют нам охарактеризовать процесс цивилизации как прогресс. Но это утверждение принципиально отличается от мнимого открытия, которое состоит в том, что никакого прогресса в действительности не было.

«Так не может дальше продолжаться», — вот реакция *common sense* на обрисованную ситуацию в развитии административной службы⁶. Документы являются наглядным метонимом этой службы, и цифры, которые представляют собой результаты измерения прироста делопроизводства, не могут не ошеломить своей непостижимостью неспециалистов, т.е. ту часть трудящихся, которые не занимаются административной деятельностью. Вот пример: «массив документов, созданных в американской администрации с 1862 по 1914 г., оценивается в целом в 500 000 погонных метров, тогда как только в 1962 г. было произведено более 1000 км новых письменных документов»⁷. Указание таких цифр в данном контексте имеет в первую очередь риторический смысл. Это, разумеется, не означает, как старается внушить нам богатое традициями ложное понимание риторики, что указанные цифры заведомо неверные или приводятся с какой-то недопустимой стратегической целью. Цифры взяты из надежного источника. Но прагматически оценить их значение неспециалисту в области архивоведения или административной практики на первых порах абсолютно невозможно. Вначале возникает смутное впечатление — которое и должна передать данная риторика чисел, — что здесь перед нами та специфически цивилизационная проблема роста, реакцией на которую со стороны *common sense* в самом деле будет восклицание «Так не может дальше продолжаться!».

Возникающее при этом ощущение динамики актуальных цивилизационных процессов и быстро приближающихся пределов усвоения подобной динами-

⁵ *Parkinson C.N.* Parkinson's Law or the Pursuit of Progress. London, 1957. В связи с исключительным успехом книги Паркинсон открыл второй «закон», описанный в книге: *Parkinson C.N.* Parkinsons neues Gesetz. Aus dem Amerikanischen von Dr. Klaus Machold. Reinbek bei Hamburg: Tausend, 1990. S. 31–34. Рус. пер.: *Паркинсон С.Н.* Законы Паркинсона / пер. с нем. Н. Трауберг. М., 1989. (Первое американское издание под названием «Parkinson: The Law» вышло в 1980 г. в Бостоне.)

⁶ О традиции критики бюрократии см.: *Jacoby H.* Die Bürokratisierung der Welt. Ein Beitrag zur Problemgeschichte. Neuwied; Berlin, 1969. Особенно S. 78 и далее.

⁷ *Franz E.G.* Einführung in die Archivkunde. 2. Aufl. Darmstadt, 1977. S. 73.

ки может приобрести еще большую остроту, если попытаться экстраполировать, сколько тысяч километров документов американской администрации ежегодно должно было бы производиться, если сохраняются те же стократные темпы ускорения производства документов, что и в течение столетия до 1962 г. Или же это ускорение даже возросло? Эксперты по административным делам и архивоведы узнают это. Более наглядным были бы эти 1000 км документов, если представить объем новых строительных работ, который ежегодно нужно производить, чтобы этими документами можно было пользоваться и одновременно хранить, обеспечивая им соответствующую защиту информации. Нет смысла заниматься этим здесь. Для подкрепления сказанного приведем лишь несколько цифр, которые доказывают, что и по эту сторону океана, например, в Гессене, ситуация развивалась, понятно, аналогичным образом. Для этой федеральной земли в 1972 г. «было рассчитано ежегодное поступление документов, занимающих 16 000 погонных метров полок». И это вполне вероятно, ведь если послушать историков-архивистов, получается, что «объем документации, возникающей ежегодно в городе более чем средней величины», составлял в 1800 г. еще скромную величину в 0,15 м, а 80 лет спустя разросся в десятикратном раз- мере, а с тех пор — восьмидесятикратно.

Каким образом можно справиться с этой «лавиной документации»?⁸ Отвечая на этот вопрос, неспециалист прежде всего подумает о корзине для бумаг. Ведь всякое дело когда-либо закрывается. Правопритязания прекращаются за давностью лет, приговоры вступают в силу, а субъекты возможных заявлений о пересмотре дела в конечном счете умирают. Короче говоря, любой объем документов обязательно когда-нибудь да устареваеет. Бывает, что массивы документов больше не растут, и никто к ним больше не обращается. Они больше не представляют собой объективированную коммуникацию, которая связывает воедино действующие корпорации, разные институции, да и целые общества в полноте и разнообразии их элементов. Они являются только реликтом процессов давно завершившейся коммуникации, о которой можно вспоминать, к которой можно возвращаться, но ее результаты уже невозможно изменить, так что именно в этом смысле они не могут быть предметом прагматического интереса, например, интереса поиска средств доказательства. Устаревшие или постепенно устаревающие в этом смысле документы утрачивают завершённые коммуникативные взаимодействия юридического, административного или другого характера и наконец, по крайней мере для неспециалистов по истории науки, утрачивают свою понятность, да и читабельность.

Все это частично известно в нашем управляемом мире — в том числе в частной сфере — по возне с многочисленными скопившимися дома кипами бумаг, переписке с властями, документам по строительству дома, квитанциям об оплате счетов, документации юридически завершённого безуспешного гражданского процесса, на котором человек выступал истцом, или по такому биографическому факту, как приватная переписка с друзьями, которые скончались уже много лет назад, и т.д. Нет таких домашних дел, которые — по при-

⁸ Franz E.G. Op. cit. (См. примеч. 7.)

4. ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИНАМИКА И АРХИВНАЯ ТРАДИЦИЯ

чине постоянно растущего потока бумаг — соответствовали бы вместимости хранения в наших частных архивах. Хорошо известен тип человека, который периодически встречается и обращает на себя внимание, так как он ничего не в состоянии выбросить из-за беспорядка, распространяющегося с его домашнего письменного стола на всю квартиру, так что в конечном счете он начинает пользоваться славой человека со странностями. Условием порядка в шкафу для документов является частое использование корзины для бумаг. При этом корзина для бумаг должна наполняться даже быстрее, чем возрастает поток письменной переписки. Если мы воспользуемся теперь еще и категорией хаоса, то с ее помощью ситуацию можно будет охарактеризовать так: сохранение порядка в рамках системы предполагает увеличение хаоса вне этой системы — например в форме продуцирования макулатуры.

Бюрократия, как известно из ее истории, и прежде действовала таким же образом. Она постоянно избавлялась от груды устаревших документов. Так, мои земляки из Восточного Фрисланда еще в начале XIX в., когда в других сферах специфический исторический интерес к устаревшему давно угас, закапывали обширные запасы документов, поскольку они, как известно, плохо горят и огнем их не уничтожить. Тем временем бумага истлела, так что сегодняшним архивистам, которые охотно заполучили бы указанные документы в качестве исторического источника, помочь никак нельзя⁹. Жители Восточного Фрисланда могут утешаться тем, что и в других областях земного шара доистористские общественные корпорации, в том числе очень высокого ранга, не продемонстрировали особой заинтересованности в заблаговременном сохранении источников для их позднейших исторических исследований. Так, например, британский парламент обладает печатными отчетами о своей работе лишь с 70-х годов XVIII в.¹⁰, причем, разумеется, и в этом случае письменная форма служила в первую очередь для предъявления общественности, а не для сохранения исторических источников. В истории германского парламента печатание и опубликование протоколов заседаний началось еще позднее¹¹, в результате чего документы, привлекая в последующие времена исторический интерес, сохранялись, хотя бы уже посредством их распространения, а именно в книгохранилищах множества библиотек. Короче говоря, превентивная самоисторизация с помощью фиксации на бумаге собственных коммуникативных жизненных связей есть относительно молодая форма отношения к культурному будущему. При этом нельзя путать специфически современное, истористское стремление к сохранению следов, цель которого — фиксация и сохранение всех коммуникативных актов в форме документов, с прагматическим стремлением заранее обеспечить доказательный материал, так сказать, на всякий случай, —

⁹ За сведения о доистористском вандализме в отношении документации в Восточном Фрисланде я признателен господину архив-директору доктору Вальтеру Деетерсу из Ауриха (Восточный Фрисланд).

¹⁰ Haase C. Studien zum Kassationsproblem // Der Archivar. 1976. Jahrgang 29. Heft 2. S. 183–196, S. 185.

¹¹ Ibid.

для практических вопросов, которые могут неожиданно возникнуть в будущем, или предусмотреть другие возможности использования устаревшей, на первый взгляд, письменной документации. Разумеется, подобные вопросы время от времени возникают. В «Споре о морской границе между Любеком и Мекленбургом в Любекской бухте, который несколько десятилетий тому назад привел к длительному судебному процессу», действительно «обращались к материалу», «который восходит к XIII столетию»¹². «Кто бы мог подумать?» — хочется воскликнуть по этому поводу, но даже государственный архивариус, разумеется, не станет трактовать подобные вещи как доказательство практической релевантности его корпорации, несмотря на то что в данном случае чисто исторический материал, состоящий из оригинальных документов, внезапно превратился здесь в весомое доказательство в правовом споре. Архивное дело в обществе модерна представляет собой предмет, возникший из духа историзма, чему соответствует тот факт, что сегодня «архивист ...как правило, историк»¹³.

Речь здесь идет не об историко-архивных сообщениях из вторых рук. Тема касается истоков специфической для модерна практики опережающей самоисторизации на основе опыта трудностей, возникающих при самотрадировании современности в будущее. Бремя этих трудностей растет с увеличением скорости устаревания бумажного и прочего материального осадка коммуникативных общественных жизненных связей, с одной стороны, и с драматически растущим количеством этого осадка — с другой. Пусть терпение философов испытывает то, что они, размышляя об отношении к будущему, которое проявляется в форме интереса к такому прошлому, для которого наше настоящее станет будущим, вынуждены интересоваться археографическими фактами. Между тем культурный факт — настоящее все больше воспринимает себя как прошлое, которым оно станет для будущего исторического сознания (и это самовосприятие прогрессивно усиливается), — существует ведь не a priori; так что он мог бы быть обнаружен в актах рефлексивного самопознания разума. Чтобы вообще заметить феномен относящейся к будущему самоисторизации нашей современности, нужны знания культурной, а также институциональной реальности модерна. Архивное дело при этом, разумеется, имеет значение только в качестве примера. Другие примеры специфического для модерна отношения к самому себе как предмету исторической памяти потомков, разумеется, имеются также — от интересных новаций в области похоронного дела вплоть до библиотечной реформы¹⁴. Обращаясь к тем философам, которые не являются историками, стоит лишь добавить, что для цивилизации, которая себя саму полностью включила в сферу компетенции исторического сознания, архивы не являются маргинальными институтами, а поистине, это самые важные учреждения для сохранения источников нашего исторического знания о себе самих и о других. При этом относительное значение архивов даже постоянно возрас-

¹² Haase C. Studien zum Kassationsproblem // Der Archivar. 1975. Jahrgang 28. Heft 4. S. 405–418, S. 408.

¹³ Franz E.G. Op. cit. (См. примеч. 7.) S. 75.

¹⁴ См. наст. изд., с. 43 и далее, а также с. 204 и далее.

4. ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИНАМИКА И АРХИВНАЯ ТРАДИЦИЯ

тает, причем в той же мере, в какой вместе с ростом сложности современных общественных систем бумажные или прочие материализованные остатки коммуникаций заваливают цивилизацию модерна.

Современность, которая стремится традировать себя самой будущему историческому сознанию в качестве его объекта, естественно, должна прежде всего стараться оставить свой письменный и прочий коммуникативный материал будущему без сокращений и предусмотреть организационно-техническую возможность доступа к нему. Чем быстрее растёт количество документов, тем быстрее они устаревают, и именно по этой причине их сохранность для грядущих исторических целей у «производителей письменных документов»¹⁵ нельзя считать надёжной. Это означает, что функция сохранения устаревших письменных материалов, представляющих интерес только с исторической точки зрения как раз в силу своего устаревшего характера, институционально обособляется от институтов их производства, контролируемых прагматическими целями. Интересы действий и историзирующие интересы расходятся институционально, или, точнее, именно это расхождение конституирует историзирующий интерес как таковой. «В свое время историческое значение какого-нибудь документа вытеснит его правовое или административное значение, и останется лишь оно одно»¹⁶. Это не означает, что, превратившись из «арсеналов права» в «арсеналы истории»¹⁷, архивы когда-нибудь смогут взять на сохранение всю массу устаревших коммуникативных реликтов административной, юридической или другой области. Это не было ни возможным, ни осмысленным даже до схожего с инфляционным обвалом бурного роста потока письменных документов, свидетелями которого мы в нашем столетии являемся. Вот почему разделение хранящих и производящих документацию институций, возникшее вместе с учреждением архивного дела в период модерна, означало на первых порах только передачу задачи неизбежного уничтожения реликтов коммуникации в руки, имеющие опыт работы с этими реликтами, а именно в руки архивистов, выступающих в роли профессиональных историков.

Разумеется, главный интерес при этом всегда заключался в сохранении — в соответствии с принципом, который можно выразить так: «консервации реликтов побольше — сколько можно, уничтожения реликтов поменьше — сколько необходимо». И действительно, как в прошлом, так и сейчас многое делается для того, чтобы минимизировать объём неизбежных акций по уничтожению реликтов — как в организационно-техническом плане, так и с помощью техники миниатюризации реликтов. Так, благодаря возведению собственных архивных хранилищ — в комплексе с главными и филиальными органами государственной администрации — появились помещения для размещения ар-

¹⁵ Это общее понятие для всех порождающих документы субъектов использует Карл Хаазе. См.: *Haase C. Op. cit. (См. примеч. 12.) S. 406.*

¹⁶ *Ibid. S. 411.*

¹⁷ Так, ссылаясь на А. Вагнера (A. Wagner), рассуждает Гранир: *Granier G. Benutzungsgrenzzahre in öffentlichen Archiven // Der Archivar. 1976. Jahrgang 29. Heft 2. S. 195–202, S. 196.*

живных фондов в объемах, о которых не приходилось и мечтать в ту эпоху, когда исторический интерес только пробуждался. Специализированные архивные здания уже давно вписались в архитектурные ансамбли наших административных столиц — благодаря своим узким оконным проемам они воспринимаются даже неспециалистами как хранилища. В Пруссии, кроме того, архитектурные атрибуты истористского неоренессанса указывают на гуманистическое целевое назначение указанных строений — на прекрасную цель сохранения объективированного смысла уже после исчезновения контекстов действий, смыслом которых некогда был этот смысл. Дополнительные объемы хранения создаются посредством компактного размещения реликтов в пространстве. Подвижные полки на рельсах позволяют уменьшить площадь, необходимую для доступа к ним, до единственного узкого прохода, оставив все остальное пространство для нужд хранения. Естественно, эффективности использования несравненно способствуют методы миниатюризации, в особенности замена письменных документов на их микрофильмы и т.д.

Здесь излишне подробно излагать и рассматривать организационные и технические, да и финансовые проблемы, с которыми приходится сталкиваться нашим архивистам. Упомянем в качестве примеров лишь несколько специфических затруднений, которые можно отнести к сложностям особых темпоральных условий, в каких оказывается практика сохранения реликтов нашей исторической культуры, определяемой темпоральной структурой (*Temporalverfassung*) цивилизации модерна. Сохранять реликты письменной документации означает не просто не выбрасывать их на помойку. Это означает, что нужно также поддерживать материальные носители историзированного смысла в состоянии, максимально резистентном старению, или делать их такими. Способность к уничтожению у современного оружия развивалась ведь еще быстрее, чем росла гора документов, и только это, пожалуй, объясняет в конечном счете необходимость осуществления дорогостоящей программы по изготовлению ксерокопий-дублетов важнейших реликтов документов нашей государственной и административной истории и размещению их в гранитных штольнях Шварцвальда для защиты от возможной атомной бомбардировки. Даже в Швейцарии настаивают на том, чтобы «для наиболее ценных собраний документов соорудились бы бомбоубежища», «которые по меньшей мере [sic!] отвечали бы тем же требованиям, что и укрытия для людей»¹⁸. И это понятно, ибо документы даже в эпоху устной истории (*oral history*), конечно, имеют для будущей исторической реконструкции того прошлого, которым позднее станет наша современность, несравненно большее значение, чем содержание памяти любого индивида. Кроме того, что касается старения бумаги, то в этом отношении давно накоплен богатый опыт. Менее проверены на устойчивость к старению микрофильмы, которые тем временем стали изготавливать для всех документов, на-

¹⁸ *Lendi W. Rechtliche Aspekte des Archivierens und Sicherung des Archivgutes // Archivführung in Gemeinden und Korporationen. Veröffentlichungen des Schweizerischen Instituts für Verwaltungskurse an der Hochschule St. Gallen. Neue Reihe Bd. 11. St. Gallen, 1977. S. 21–36, S. 33.*

4. ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИНАМИКА И АРХИВНАЯ ТРАДИЦИЯ

печатанных на чрезвычайно быстро стареющей газетной бумаге или на бумаге низкого качества, производимой в тяжелые времена. Результаты процессов старения, окончания которых *in natura* еще не представился случай дожидаться, пытаются предвидеть, прибегая к химическим методам искусственного старения. Но вряд ли есть шанс выявить всю совокупность факторов, влияющих на это, равно как экспериментально проверить их реальное сочетание, так что недоверие к результатам указанных экспериментов остается в силе. Из опыта других, более простых ситуаций прекрасно известно, насколько мало результаты процессов искусственного старения соответствуют результатам естественного старения — в области кулинарии, например. Но даже если предположить, что теперь можно жить беззаботно и верить, что микрофильмы документов не утратят своей читаемости даже тогда, когда оригиналы документов давно обратятся в прах, то могут возникнуть новые проблемы, связанные с техническим прогрессом, изменяющим аппараты для чтения микрофильмов, — дело в том, что старый пленочный материал не вполне подходит к современной считывающей аппаратуре. В практике архивирования магнитных лент, как сообщают из США, подобные сложности уже возникали. Поскольку маловероятно, чтобы остановилась техническая эволюция носителей информации, с одной стороны, и комплементарно к этому — аппаратов для считывания информации — с другой, для обеспечения технической читаемости исторически интересных массивов старой информации будут разработаны технологии исторической реконструкции устаревших технологий прочтения¹⁹.

Можно было бы еще долго излагать трудности подобного рода. Структурно речь идет, повторим еще раз, о сложностях, обусловленных скоростью эволюционных изменений и определяющих, в свою очередь, темпоральную структуру наших архивных и прочих усилий, цель которых заключается в сохранении все быстрее растущего массива реликтов для их будущей исторической рецепции. Невзирая на подобные трудности, в современном архивном деле емкость хранения, как уже было сказано, драматически возросла с того момента, как функция хранения была институционально обособлена. Но гораздо драматичнее в то же время возросла масса реликтов, о которых бы с удовольствием позаботилась воля к их сохранению. Для наглядности некоторые относящиеся к делу цифры по этому вопросу были приведены выше²⁰. Они позволяют понять, что цивилизационный приток коммуникативных реликтов опережает наши емкости консервации реликтов с постоянно увеличивающимся разрывом. Соответственно и в эпоху расцветшего исторического сознания также возникает необходимость акций по уничтожению реликтов, причем объем неизбежного уничтожения реликтов постоянно растет. Корзина для бумаг — всего

¹⁹ Цитируемый доклад о проблемах, возникающих в связи с устареванием технической инфраструктуры технически сжатых архивированных массивов старой информации, опубликован в: *Meles B. Datenbanken in den Geisteswissenschaften // Neue Zürcher Zeitung. Technologie und Gesellschaft. 1987. 28. Oktober. Mittwoch. Nr. 250. S. 66.*

²⁰ См. наст. изд., с. 156.

4.1. БЮРОКРАТИЯ И РОСТ КОЛИЧЕСТВА РЕЛИКТОВ

лишь трогательный символ этого. Архивисты вынуждены сегодня иметь дело с емкостями контейнеров, соответственно ускоряется и технический прогресс в повышении производительности уничтожителей бумаг, которые сегодня необходимо применять хотя бы в целях защиты данных. Между тем акт отбора, когда происходит отделение достойного сохранения осадка коммуникативных взаимодействий от осадка, с которым нужно обращаться уже не как с информацией, а просто как с ее материальной субстанцией носителя, в лучшем случае годной для переработки, осуществляется сегодня уже не спорадически, т.е. руками некомпетентных в области истории чиновников-управленцев, а вполне исторически профессионально — архивистами, и этот акт отбора на языке немецких, точнее говоря, западно-немецких архивистов строго называется «Kassation» — «отбор документов для уничтожения»*.

* В отечественном архивном деле нет соответствующего термина и используется более широкое понятие «экспертиза ценности документов», результатом которой может быть как передача документов на хранение, так и решение об их уничтожении. В то же время за понятием «кассация» в русском языке закреплен устойчивый юридический смысл. Поэтому для передачи этого термина выбрано описательное словосочетание «отбор документов для уничтожения».

4.2. *Архивный отбор документов для уничтожения*

На первый взгляд, будущим историкам-исследователям гарантированы золотые времена, когда продуцирующие документацию учреждения и ведомства уже не смогут по своей воле уничтожать устаревшие в административном или юридически-процессуальном отношении документы, утратившие свою функцию, когда они будут полностью передавать бумажные реликты своих решений и деятельности вчерашнего и позавчерашнего дня институтам, а именно архивам, функцией которых является сохранение указанных реликтов в силу историзирующих мотивов. Также и разъясненная выше необходимость отбора документов для уничтожения, т.е. для их частичной безвозвратной утраты, обусловленная массовостью поступления реликтов, по-видимому, ничего принципиально не изменяет в исторически уникальном по своей благоприятности стечении обстоятельств, при которых смогут работать будущие историки, чьим предметом станет то прошлое, которое в наше время еще является нашей современностью. Уничтожение документов — это, если смотреть из перспективы пробудившегося исторического сознания, варварская практика в отношении культуры памяти, которая осталась в прошлом. Чистый случай управлял решением о консервации реликтов, с одной стороны, и уничтожении реликтов — с другой. Вопрос о трансфере реликтов в будущее и до сих пор оставался бы делом случая, если бы производители документации, даже если речь идет о производителях, сочувственно относящихся к сохранению, сами должны были бы решать вопрос о селекции того, что под давлением массы подлежит уничтожению. Их решение с точки зрения исторической науки было бы, как правило, неквалифицированным, случайным решением, а именно из перспективы исторических исследовательских desideratov будущего. С передачей функции отбора документов для уничтожения в ведомство профессиональных историков, по-видимому, будет положен конец случайности при комплектации и сохранении того материала, который послужит будущим исследователям-историкам в качестве источника. Историки знают, что нужно историкам, и историки используют все средства своего ремесла, чтобы из информационных реликтов коммуникации нашей современной цивилизации выбрать в качестве источника то, чего нашим потомкам в будущем должно с избытком хватить для составления о нас исторического знания. У будущего историка при описании прошлого, как мне кажется, не будет нужды заполнять пробелы в доказательстве умозаключениями по аналогии и прочими предположениями. Скорее он столкнется с трудностями, вызванными избытком предварительно и квалифицированно подобранной старой информации. Если бы так продолжалось и дальше — а прогресс в профессионализации исторической науки в сфере сохранения и научной обработки базы старой информации, предназначенной

4.2. АРХИВНЫЙ ОТБОР ДОКУМЕНТОВ ДЛЯ УНИЧТОЖЕНИЯ

для будущего исторического исследования, в самом деле производит впечатление и является беспримерным в истории, — у историка будущего должны были бы, однако, возникнуть также особые потребности, которые и сегодня связаны с его профессией, если его исследования относятся к эпохам, которые еще не знали консервации исторических данных, взятых под контроль исторического сознания. В силу случайного характера массива источников, возникших в до-историческую эпоху, на который вынужден опираться историк-исследователь, он с некоторой вероятностью может быть улучшен благодаря случайным находкам. Опыт и сноровка еще более повышают эту вероятность в индивидуальных случаях, а тот, кого в ходе исследований не смущает чердачная пыль или подвальная плесень, действительно натывается иногда на пачку пожелтевших бумаг, а то и на целые корзины для белья, полные документами из наследия политиков или ученых. Однако в большинстве таких случаев речь идет при этом о третьестепенных политиках или ученых. Но как бы то ни было: подобные находки — звездный час в жизни регионального историка или издателя. находка и ее первичная оценка связаны в дальнейшем с именем первооткрывателя, как раньше впервые описанное редкое растение связывалось с именем того, кто первым распознал его уникальность.

Таким образом, архивы являются институтами для снижения роли случайностей при формировании массива источников для позднейшего исторического исследования. Редукция контингентности в исследовательской практике открытия нового, по-видимому, уже издавна осуществлялась во многих науках, как бы следуя некоему закону научно-исторической эволюции. Практика разыскания и нахождения осуществляется в рамках сложной организации и систематизации, а также с применением технического инструментария. Нет нужды приводить здесь примеры — от подсчета звезд до социологии возрастных когорт, которая, к примеру, в рамках демокопического исследования способна обнаруживать содержательную корреляцию долговременных процессов изменения мнений с возрастными различиями. Исследовательские методы, организация и техника исследований суть формы исключения случая в процессе разысканий, и именно в этом, как кажется, состоит прагматическая цель научно-исторической профессионализации сохранения и обработки растущего множества поступающей исторической информации для целей будущих исторических исследований, в том виде, как она реализовалась и еще реализуется в относительно молодой истории архивного дела общества модерна. Таким образом, то, что будущий историк потеряет в силу утраты стимулирующих сюрпризов случайных находок, он восполнит неопровержимой надежностью информационного материала, предоставленного ему благодаря компетентной научно-исторической деятельности предыдущих историков.

«На первый взгляд» — именно эту оговорку мы постоянно делали в предшествующем описании процесса создания тех исторически беспримерных и надежных предпосылок для будущих научно-исторических исследований, над формированием которых уже сегодня заблаговременно трудятся со знанием дела. Случай, который благодаря применению научно-исторической компетентной методики и систематики был исключен в процессе сохранения и об-

4. ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИНАМИКА И АРХИВНАЯ ТРАДИЦИЯ

работки накапливающихся исторических материалов о нашей цивилизации, тем не менее, вновь дает о себе знать — уже в силу других факторов. Можно показать, что попытка передавать будущему реликты нашей цивилизационной эволюции в упорядоченном виде, т.е. в очищенной от случая репрезентативной полноте, никогда не удастся полностью. Существует ряд причин, по которым архивная практика модерна по заблаговременному сохранению источников для будущих исторических исследований может быть успешной лишь в ограниченных пределах. Назовем некоторые из этих причин, которые связаны с коммуникативной структурой современных обществ. Во-первых, во взаимодействии властей и служб растет доля вербальной коммуникации, которая лишь частично сохраняется в протоколах совещаний, телефонограммах и т.п., а в остальном немедленно улетучивается. Справедливо, что письменный осадок политической, административной и прочей социальной коммуникации приобрел тем временем невиданные масштабы, и все еще¹ растет по объясненным выше причинам². Тем не менее доля устной коммуникации и растраченных при этом слов во властных структурах и прочих государственных учреждениях растет еще быстрее, чем письменная. Романтики встречи «Я» и «Ты» в беседе постоянно порицали в духе критики цивилизации упадок роли устных разговоров в нашей жизни. В действительности эта доля разговоров расширяется, после того как техника сделала возможным преодолевать в разговоре расстояния, через которые прежде можно было общаться только письменным образом. Если уж речь заходит о критике цивилизации, достойно сожаления скорее то, что наши почти безграничные возможности вести разговоры через любые расстояния пошли во вред нашей эпистолярной культуре, которая в прежние эпохи, особенно в конце XVIII в., связывала в коммуникации литераторов и ученых, а также пишущих частных лиц³.

Если кто-нибудь, будучи романтиком устных бесед, решит, что передаваемый техническими средствами разговор, в частности так называемый междугородный разговор, в действительности вовсе и не разговор, то он скверный наблюдатель. Достаточно понаблюдать за самим собой, чтобы заметить, что технически обеспечиваемая доступность устной коммуникации позволяет нам сегодня создавать и активно поддерживать такие социальные связи, о которых прежде и речи быть не могло. Родственные отношения, которые в дотехнологические эпохи цивилизации рудиментарно существовали лишь в памяти некоторых, особо интересующихся этим членов семьи, сегодня поддерживаются с помощью междугородних разговоров, более того, возникают даже новые связи. Что касается наших стариков, то считается, что при использовании телефона степень их коммуникативной вовлеченности в семейные события теперь не меньше, а больше, чем прежде.

¹ См. наст. изд., с. 154.

² См. наст. изд., с. 155.

³ Поэтому относительная ценность корреспонденции как исторического источника в эпоху модерна, как правило, ниже, чем ценность переписки во времена более низкой пространственной мобильности и отсутствия междугородней коммуникации.

4.2. АРХИВНЫЙ ОТБОР ДОКУМЕНТОВ ДЛЯ УНИЧТОЖЕНИЯ

Но нельзя проходить и мимо того обстоятельства, что технически распространившаяся и одновременно ставшая более интенсивной вербальная коммуникация изменилась в своих формах и содержаниях. В нашем контексте речь, таким образом, идет исключительно об экспансии бесписьменной доли коммуникации. Это не только плохо отражается на эпистолярной культуре среди грамотной и умеющей писать части населения. Это вредит также содержательности служебных и прочих официальных письменных материалов, которые должны будут служить будущим историкам в качестве важнейших источников их знаний о нашей современности. Разумеется, существуют уже упомянутые инструкции для служебного пользования, которые требуют, чтобы о телефонных разговорах известной степени важности составлялись соответствующие документальные записки. Но усердие в соблюдении подобных предписаний есть добродетель в основном только нижних чинов. Кто, напротив, в службах и учреждениях действительно обладает компетенцией принятия решений — пользуется известной по опыту свободой, чтобы больше не заботиться о полноте документального отражения процесса принятия решения. Он, таким образом, отказывается от записей телефонных разговоров или прилагает их только тогда, когда в спорных делах речь идет о том, чтобы содержание разговора — за пределами надежности уверений типа «честное слово!» — можно было восстановить.

Итак, технически обусловленная экспансия устной коммуникации приводит к постепенному уменьшению содержательности растущего множества документов. Никакой интерес к сохранению источников для будущих исторических исследований, каким бы интенсивным он ни был, не может что-либо изменить в этом плане. Если мы рассмотрим идею полного документирования телефонной коммуникации, то тут же обнаружится ее впечатляющая абсурдность. Массив старых документов, поступающих в письменной форме, растет экспоненциально. Если бы мы — при наличии такой технической возможности — стали документировать в электронной или даже печатной форме еще и устную коммуникацию, доля которой постоянно растет в процессах актуального администрирования, то управление безнадежно утонуло бы в документальных результатах собственной деятельности.

Если говорить о пользе от производимых в настоящее время документов как источников будущих исторических исследований, это означает, что количество материалов, которые необходимо учитывать, растет, а их относительная содержательность одновременно снижается. Случай утверждает свою роль в процессе формирования источников (невзирая на профессиональное управление этим процессом нашими архивистами) как случайность ментальных установок офисного контингента, в зависимости от которых чиновники оставляют пространные или скудные записи разговоров, действуя в пределах широкой области существующих предписаний. Если на первый взгляд огромный прирост письменного материала, в котором оседает конденсат публичной коммуникативной деятельности общества модерна, как кажется, сулит нам, что наше будущее как никогда прежде будет исторически осведомлено о том прошлом, которым наша современность станет в будущем, то при более пристальном взгляде,

4. ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИНАМИКА И АРХИВНАЯ ТРАДИЦИЯ

если обратить внимание на относительный рост доли устной коммуникации, становится ясно, что полезное для будущей историографической реконструкции прошлого содержание письменных документов модерна становится скорее более скудным и зависящим от случая.

Ситуация усугубляется еще и тем, что под влиянием нашей беспримерной с исторической точки зрения мобильности изменяется коммуникативная структура нашего общества. Каждый рабочий день, утром и вечером, самолеты и поезда заполняются дипломатами, военными, членами правлений и высокопоставленными чиновниками, которые мчатся с конференции на конференцию, которые служат подготовке управленческих решений с помощью древнейшего средства коммуникации — беседы с глазу на глаз или сорок глаз на сорок глаз. Этот факт служит дополнительным опровержением упомянутых романтиков устных бесед, склонных к критике цивилизации. Им можно даже подарить технофобный аргумент, согласно которому междугородные переговоры не являются «настоящими» разговорами из-за того, что они осуществляются с помощью технических средств. Тогда останется еще тот факт, что мы благодаря мобильности имеем возможность вести разговоры лицом к лицу в масштабах, просто невысказанных в культурной истории прежде — правда, с часто меняющимися партнерами. Напрасно думать, что в ходе указанных конференций каждое произнесенное слово фиксируется на магнитофонные ленты или стенографируется в протоколах. Множество запротоколированных переговоров растет действительно драматически. Но еще быстрее растет количество тех переговоров высокопоставленных лиц, принимающих решения, которые, избегая огласки, не позволяют ничему выходить за пределы конференц-залов, снабженных звукопоглощающими стенами. Но и тут справедлив вывод: масса накапливающихся письменных документов общественной коммуникации, которая методологически профессионально передается будущему как источник для исторических исследований, растет, но при этом относительно снижается содержательность конкретных материалов. Если кто-нибудь стремится разыскать более содержательные и менее подверженные случайности источники и заставить их заговорить, он должен воспользоваться в компенсаторных целях методами *oral history*. *Oral history* — это не просто метод для использования в качестве исторических источников субъектов, которые как правило, не занимаются производством письменных документов, иными словами — так называемых маленьких людей⁴. Важнейшие неформальные процессы принятия решений в политике, управлении и хозяйстве, несмотря на их сознательную незапротоколированность, можно реконструировать сегодня лишь в разговорах с постаревшими участниками тех переговоров. Лица, знакомые со сферой финансирования исследований, слышаны о растущем числе заявок историков на обеспечение поездок для бесед с постаревшими свидетелями прошлой эпохи, причем важнейшим обоснованием необходимости поддержки конкретных

⁴ Так считают Лутц Нитхаммер и Вернер Трапп: *Lebenserfahrung und kollektives Gedächtnis. Die Praxis der "Oral History"* / L. Niethammer (Hrsg.) unter Mitarbeit von W. Trapp. Frankfurt am Main, 1980.

4.2. АРХИВНЫЙ ОТБОР ДОКУМЕНТОВ ДЛЯ УНИЧТОЖЕНИЯ

заявок является, как правило, указание на то, что с неизбежным уходом указанных свидетелей той эпохи окончательно иссякнет исторический источник невосполнимой ценности. Таким образом, оказывается, с одной стороны, что перенос исторических данных в будущее сегодня как никогда прежде осуществляется вне зависимости от случая, исключительно профессионально. Но с другой стороны, оказывается также, что сохранение исторического источника, являющегося свидетельством эпохи, которое невозможно описать как процесс сохранения документов, сегодня как никогда прежде удается или не удается в зависимости от случая — чтобы разговорить свидетеля эпохи, надо еще преодолеть старческое слабоумие или даже опередить саму смерть.

При этом относительно все более распространяющаяся устная практика принятия решений в эпоху модерна является лишь одним из факторов, которые затрудняют или делают зависимым от случая самотрадирование нашей современности в будущее с целью сохранения возможности ее исторического исследования, выступая как комплементарное дополнение к процессу научно-исторической профессионализации этого самотрадирования. Кроме этого, скорее попутно действующим, но существенным фактором можно считать распространенную в культуре модерна привычку в дополнение к официальным процессам документооборота составлять так называемые рабочие досье (Handakte)*. Вместе с политической известностью и масштабом влияния начальника учреждения расширяется область неформальной коммуникации, результат которой накапливается не среди совокупности документов официального процесса, а в недоступных для рядового чиновника шкафах и ящиках письменных столов, и выбрасывается при увольнении со службы или уходе с должности перед сдачей дел преемнику. Важные документы, которые могли бы гораздо лучше официальных актов разъяснить политическую подоплеку ключевых решений, частные корреспонденции, в которых отражаются неформальные влияния, черновики речей, произносимых в закрытых, но политически значимых малых собраниях, — все такого рода бумаги собираются в досье, которые остаются не в архивах института, учреждения или административного отдела, а в индивидуальной собственности деятелей современной истории и сопровождают их до выхода на пенсию. В счастливых случаях для будущих исследований современной истории конкретные материалы перерабатываются в автобиографии. Если они носят явно апологетический характер или каким-то образом препятствуют историческому просвещению, то для историков, стремящихся установить, как все обстояло в действительности, было бы еще важнее иметь доступ к указанным рабочим досье. Поэтому понятно, почему наши архивисты в своей практике превентивного сохранения источников будущего исторического знания особенно интересуются подобными рабочими досье. Ясно, что усилия по официальному помещению в архивы для хранения неофициального коммуникативного осадка, важного с точки зрения современной истории политических, социальных и экономических процессов, никогда

* Копии важных документов дела, которые остаются у прокурора или адвоката. Ср. в английском языке «reference file» — «ссылочный файл».

4. ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИНАМИКА И АРХИВНАЯ ТРАДИЦИЯ

полностью не венчаются успехом, и в который раз оказывается, что принцип исключения случайности при формировании архивной традиции может быть осуществлен лишь в ограниченной степени.

Можно долго продолжать перечень подобных иллюстраций принципа случайности, которую нельзя исключить, в современной научно-исторической практике сохранения документов о современности, способных выступать в качестве надежного источника для будущего ее исследования в исторических науках. Особую роль при этом должен был бы играть тот факт, что по мере эволюции обществ модерна постоянно растет множество институтов, которые как производители письменной документации не связаны друг с другом в некую систему иерархических компетенций, а напротив, свободно действуют и коммуницируют в политическом, социальном и культурном пространстве и, соответственно, полностью по своему усмотрению производят коммуникативный осадок в виде документов или отказываются от этого. Централизация доступа к источникам будущего знания о нашей современности в современных обществах не повышается, а снижается. «Области государственной жизни..., которые находятся под контролем и управляются рукой государства, весьма различны в разных странах. Различение государств с централизованной экономикой (“восточный блок”) от государств со свободной экономикой (“свободный мир”) предлагает лишь очень грубую схему, но показывает, в чем здесь суть»⁵. Однако было бы ошибкой допускать, что полноценный контроль доступа к источникам исторического знания и тем самым формирования архивной традиции даже в принципе возможен в эпоху высокоразвитых технологий коммуникации. В действительности вместе с множеством произведенной и распространенной информации, которая коммуникативно связывает общества модерна, в тоталитарных системах возрастает также вероятность информационного загрязнения, т.е. роста количества информации, которая, будучи выданной, уже не может быть отозвана по принципиальным основаниям, даже в тех случаях, когда впоследствии выясняется, что вместо этой лучше было бы дать совершенно другую информацию. Иными словами, идея Оруэлла о централизованном тотальном контроле над прошлым, а точнее — над источниками желаемого знания о нем, есть впечатляющая концепция совершенствования тоталитарного господства; но в ходе цивилизационной эволюции шансы на реализацию этой идеи становятся все более ничтожными по принципиальным причинам⁶. Вот наглядный пример: чем больше и успешнее в раннюю, ленинскую эпоху большой революции распространялась по всей державе знаменитая фотография Ленина в его несравненной позе учителя и оратора вместе с его верным последователем Троцким у подножия трибуны, тем безуспешнее оказались позднейшие усилия Сталина полностью вытеснить старое фото новым, на котором

⁵ Haase C. Studien zum Kassationsproblem // Der Archivar. 1975. Jahrgang 28. Heft 4. S. 405–418, S. 412.

⁶ Подробности см. в моей статье: *Lübbe H. Rückblick auf das Orwell-Jahr: die Schrecken-utopien // Utopien — Die Möglichkeit des Unmöglichen / in Zusammenarbeit mit J. Baumann und R. Zimmermann herausgegeben von H.-J. Braun. Zürich, 1987. S. 87–100.*

4.2. АРХИВНЫЙ ОТБОР ДОКУМЕНТОВ ДЛЯ УНИЧТОЖЕНИЯ

была ликвидирована, т.е. с помощью ретуши стерта фигура Троцкого. Ведь на чердаках каких-нибудь сибирских избышек обязательно оставалась зарытой в гряде бумаг старая фотография как потенциальный объект случайных разоблачительных находок. Это и есть то, что можно обозначить как «информационное загрязнение», которое, если определить его нейтрально, представляет собой процесс неконтролируемого, случайного формирования исторических источников, все более интенсивно протекающий во всех современных обществах.

Короче говоря, мечта о свободном от случая формировании исторических источников невыполнима. Централизация процесса формирования исторических источников уменьшается, но возрастает плюрализм некоординируемо текущих потоков коммуникативных осадков с крайне различным распределением и плотностью. При этом впечатляющие, зачастую весьма успешные усилия профессиональных специалистов по формированию архивной традиции, направленные на то, чтобы систематизировать хранение и обработку материалов для будущих исторических исследований в соответствии с едиными принципами, носят чисто компенсаторный характер. Они связаны, как большинство компенсаторных реакций, с дефицитом, который растет быстрее, чем возможность его удовлетворить.

Но случай закрадывается в процесс формирования архивной традиции, сопряженной с будущими историографическими целями, не только из-за недостаточного контроля. Генератором случая по причинам, которые в нашем контексте представляют особый интерес, является нормальный в архивной практике процесс контролируемой обработки самого документального материала, достаточно ценного, чтобы его хранить. Упомянутый в конце предыдущей главы отбор документов для уничтожения является сам по себе неизбежным процессом, чреватый случайностями. Отбор документов для уничтожения — т.е. вызванное избытком хранимых документов решение, какую часть исторических документов надо архивировать, а с какой обращаться, как с макулатурой, — связан банальным образом с некоторыми критериями. У непрофессионала вертится на языке предложение, что хранить надо то, что важно, а неважное следует навечно придать заслуженному забвению посредством уничтожения.

Между тем представление о том, что в ходе формирования архивной традиции для будущих исторических целей возможно бесспорно различать важное и неважное — раз и навсегда к всеобщему удовлетворению, — в наш век расцвета исторического сознания вызовет снисходительную улыбку знатока у всех, кто хотя бы издали соприкасается с исторической работой. Тем временем мы видим: то, что в исторических целях хотелось бы знать, сохраняя при этом источники этого знания в доступном виде, в свою очередь постоянно меняется вместе с историей, с которой сопрягается данное историческое знание. Вот почему мало толку от утверждений о сохранении того, что важно в качестве исторического источника для будущего исторического знания. Любой студент-историк, который хоть раз поучаствовал в занятиях по истории модерна, без труда сформулирует на экзамене тезис об исторической изменчивости нашего конкретного интереса к историческому прошлому. Причем настолько без тру-

4. ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИНАМИКА И АРХИВНАЯ ТРАДИЦИЯ

да, что снова необходимо напомнить о том, что исторический процесс, который заставляет стареть и, наконец, устаревать также и историческое знание, отнюдь не протекает во всех своих частях с равной, так сказать, синхронизированной скоростью. Верно и важно для самопонимания структуры нашего отношения к прошлому, что историческое знание само исторично. Но исторический процесс не носит ламинарного, плавного характера (употребим здесь еще раз метафору из теории потоков). Цивилизационная эволюция, протекающая с динамикой, которая в течение короткого периода жизни одного поколения делает ее навязчивой и необозримой, не увлекает за собой в гомогенном потоке все элементы цивилизации. Существует сопротивляемость устареванию. Есть возвраты, т.е. возвратные движения окольными путями к исходному пункту, при том, что этот пункт, в отличие от спирали, не находится всякий раз на более высоком уровне. Кое-что вертится на месте, другое вообще неподвижно как скала, а если и движется, то только в масштабах геологических измерений.

Подобные различия в подвижности элементов эволюционирующей системы проявляются, естественно, также в процессе формирования архивной традиции, предназначенной для будущей исторической актуализации того прошлого, которое пока еще является настоящим. Неизбежное различие того, с чем надо обращаться как с историческим источником, а с чем — как с макулатурой, вызванное давлением массы поступающей исторической информации, не во всех своих частях обусловлено временем равным образом. Оно всегда обусловлено временем — это так, но это различие применяется к исторической информации, обладающей хорошо различимой темпоральностью, что позволяет в рамках подвижных границ более или менее надежным образом утверждать, какие элементы традиции будут иметь большую сопротивляемость устареванию. Совокупность синхронно поступающего материала традиции никогда одновременно не попадает в поле зрения изменчивого исторического интереса. Постоянным объектом исторического интереса остаются такие события и процессы прошлого, которые создали те относительно долговременные структуры, в каковых различные эпохи узнают себя даже несмотря на большую хронологическую дистанцию. Каждый отбор документов для уничтожения, который должен отличать важное от менее важного или неважного в аспекте историографических интересов будущего, сам несет, разумеется, некую историческую метку (Index). Тем не менее в рамках неопределенного объема и неопределенных границ такой отбор документов для уничтожения может быть приемлемым с точки зрения историко-научного интереса, рассчитанного на относительно длительный срок, а именно в той мере, в какой здесь будет приниматься решение в пользу сохранения документальных следов о событиях и процессах, в ходе которых в социальной, политической и культурной действительности сформировались относительно долговременные структуры.

Таким образом, различие важного от менее важного, ориентирующееся на исторический интерес будущего и осуществляемое при любом отборе документов для уничтожения, предположительно представляет собой различие остатков сведений о прошлом согласно тому значению, которое будут иметь для будущего те события и процессы, к которым они относятся. Консерви-

4.2. АРХИВНЫЙ ОТБОР ДОКУМЕНТОВ ДЛЯ УНИЧТОЖЕНИЯ

ровать следует документальные следы того, что дольше сохраняется. Чтобы предупредить опасение, будто это описание принципов отбора документов для уничтожения культивирует консервативные идеалы, следует также добавить, что в случае событий и происшествий, документы о которых необходимо сохранять в первую очередь, речь, разумеется, может идти о событиях и происшествиях, которые стали причиной заслуженных и впоследствии все еще одобряемых исторических сломов. Это относится, безусловно, к некоторым революциям: они осуществляют необратимые разрушения и окончательно сдают в архив старые системы отношений, одновременно учреждая новые отношения, которые — по крайней мере в соответствии с волей революционеров — должны быть раз и навсегда установлены актом революции. Если они добиваются успеха в этом, то согласно истолкованным выше правилам отбора документов для уничтожения нет ничего более важного, чем сохранение документальных следов такой революции.

Понятно, что при отборе документов для уничтожения критерий преимущества материалов, рассчитанных на относительно долгий срок, нейтрален с точки зрения политической идеологии. Этот критерий ведет себя совершенно индифферентно и в отношении существовавшего в прошлом и — в реликтовой форме — все еще продолжающего существовать расхождения между консервативной историографией, с одной стороны, и прогрессивной историографией — с другой. Какой бы выбор в отношении политической идеологии ни сделали историки будущего — все они одинаковым образом будут зависеть от работы по формированию традиции, осуществленной архивистами прошлого. Преимущественно именно они, невзирая на историчность своего труда по отбору документов, достигли успеха в сохранении тех фондов, на основании которых историографически можно реконструировать генезис того, что и определит — в зависимости от выигрыша или проигрыша — отбор именно тех фондов, которые имеют значение на протяжении длительного срока.

Возможно ли заранее идентифицировать наибольшую долговечность подобных массивов данных? Мы преувеличим роль случайности в процессах формирования архивной традиции для будущих исторических исследований, если на поставленный вопрос ответим решительным «нет». Институты — например, региональные корпорации — должны, как правило, демонстрировать бóльшую долговечность, чем действия, которые согласно их общей компетенции или целевому назначению необходимо совершать в соответствии с меняющейся ситуацией в каждом конкретном случае. Действие путей сообщения, упорядочивающих пространство, несравненно долговечнее транспортной техники на этих путях. Вот примеры: немало скоростных автострад проложены по трассам позднего Средневековья⁷; там, где регионы топографически подходят для этого, трасса железной дороги для высокоскоростных поездов в значительной мере совпадает с железнодорожной линией, проложенной еще на заре строительства железных дорог; если мы посмотрим на положение и размер торговых центров, превратившихся в эпоху модерна в пешеходные зоны, то увидим, что

⁷ См. по этому поводу: *Boockmann H. Die Gegenwart des Mittelalters. Berlin, 1988. S. 16.*

4. ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИНАМИКА И АРХИВНАЯ ТРАДИЦИЯ

они располагаются на месте своих исторических градостроительных предшественников более чем 500-летней давности, а излюбленные маршруты водного туризма, как выясняется при ближайшем рассмотрении, пролегают по остаткам каналов времен эпохи барокко. Трудно понять, почему сравнительную долговечность подобных решений в отношении пространственного развития нельзя предвидеть также и для будущего нашей с вами современности — от прокладки железнодорожных путей, которые сегодня ради высокоскоростного движения изменяют извилистые участки, следовавшие за поворотами русла рек, вплоть до необратимой культивации верховых болот, которые еще три десятилетия тому назад превратили пустыню в сельскохозяйственные территории и которые нельзя вернуть никакими ухищрениями искусства реконструкции и реставрации, чего добиваются энтузиасты природо-музейных биотопов. Какие трудности ожидают архивистов при учете подобных очевидных вещей в ходе отбора документов для уничтожения?

Если распознать темпоральную структуру этих взаимосвязей, в которых конфликтуют решения и процессы с большей и меньшей продолжительностью воздействия, то без труда приходят в голову аналогично структурированные массивы данных. Государственная геральдика более долговечна, чем форма государства. Нормы правотворчества проявляют больше постоянства, чем право, установленное в соответствии с нормами правотворчества. Орфографические правила долговечнее речевых форм. Вероисповедания более стабильны, чем формы благочестия, а то, чего добиваются те, кто выходят победителями из революций и войн, как правило, оказывает более продолжительное влияние на будущее развитие, чем чаяния побежденных.

То, что победители, кроме того, что они на длительный срок определяют будущее развитие, преобразовывают еще и работу историков, равно как и работу тех, кто старается заранее обеспечить источниками будущую историографию, — это беззастенчиво выявил Вальтер Беньямин. «Этим достаточно сказано историческому материалисту», — говорит он, указывая на силу фактов, созданных победителями и управляющих интересами историка⁸. Этот комментарий Беньямина, задуманный как разоблачение, поразителен. Во-первых, он свидетельствует о незнании историографии в той области, где господствовала политическая идеология исторического материализма. Ведь никогда прежде история не рассматривалась и не излагалась более последовательно как история, изложенная из перспективы победителей, причем якобы последних и окончательных победителей, чем в идеологическом контексте исторического материализма. Во-вторых, совершенно независимо от специальных идеологических предпосылок так называемой материалистической историографии тот тип историографии, о которой ведет речь Беньямин, оказался бы по понятным причинам совершенно особым: вместо того чтобы рассказывать, что действительно произошло и с какими долгосрочными последствиями, там сообщалось

⁸ Benjamin W. *Geschichtsphilosophische Thesen // Illuminationen. Ausgewählte Schriften*. Frankfurt am Main, 1961. S. 268–279, S. 271. Рус. пер.: Беньямин В. О понимании истории // Озарения. М.: Мартис, 2000. С. 228–236, с. 231.

4.2. АРХИВНЫЙ ОТБОР ДОКУМЕНТОВ ДЛЯ УНИЧТОЖЕНИЯ

бы, что могло бы реализоваться, если бы вместо фактически доминирующего соотношения сил, определяющего ход истории, фиктивно имела бы место противоположная ситуация. Трогательно-наивное порицание историзма у Бенямина не является, таким образом, историко-материалистическим, да и вообще оно не учитывает практику научно-исторического рационального отношения к прошлому. В рамках более-менее неопределенных границ вполне возможно знать, чем в отношении нас будут интересоваться наши потомки, и хотя такое знание является исторически изменчивым, у решений, принимаемых на его основании в практике формирования архивной традиции, есть все шансы иметь надежный и долгосрочный характер.

Но в какой-то мере избежать случайности в пределах более-менее нечетких границ можно не только в случае решения о том, что считать важным с точки зрения практики сохранения сведений для исторических исследований в будущем, — так, чтобы это решение будущие историки могли одобрять на протяжении сравнительно длительного срока. Верно и другое: мы можем в определенных рамках распознавать, отбирать для уничтожения и передавать на макулатуру то, что считаем неважным, не опасаясь, что придется потом сожалеть о вчерашнем решении отобрать документы для уничтожения.

Выше мы уже говорили об общем правиле, согласно которому вместе с ростом документальной фиксации коммуникации в жизненных контекстах общества модерна одновременно снижается потенциальная возможность отдельных документов служить в будущем в качестве исторического источника⁹. Мы видели, что в современных обществах неписьменная, т.е. устная, а точнее, удаленная устная коммуникация растет еще стремительнее, чем коммуникация, оставляющая после себя документальное свидетельство, а это означает, что возрастает относительная доля коммуникативных процессов, которые должны были бы заинтересовать будущих историков, но не могут быть зафиксированы в архивной традиции из-за отсутствия их следов. Есть еще и другие причины того, что ценность производимого в обществах модерна документального материала как исторического источника относительно снижается, и эти причины являются весьма характерными для формы коммуникации сложных обществ. Процессы модернизации, помимо прочего, являются процессами раскрепощения индивидов, позволяющими использовать беспримерную полноту возможностей для культивирования своей индивидуальности. Вот почему «самореализация» как яркая звезда взошла на ценностном небосводе модерна¹⁰. Общество модерна предстает не в качестве так называемого массового общества, а в качестве общества индивидов, как никогда прежде отличающихся друг от друга по своим индивидуальным профилям. Не будем тут подробнее оста-

⁹ См. наст. изд., с. 167.

¹⁰ См. по этому поводу мою статью: *Lübbe H. Der Wertewandel und die Arbeitsmoral.* Köln, 1984. Особенно S. 37 и далее. Кроме того, к теме индивидуализации стилей жизни, которая становится естественным следствием жизненной практики, ориентированной на самореализацию, см. исследование: *Zapf W., Breuer S., Hampel J., Krause P., Mohr H.-M., Wiegand E. Individualisierung und Sicherheit.* München, 1987.

4. ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИНАМИКА И АРХИВНАЯ ТРАДИЦИЯ

навливаться на причинах этого. Здесь важно подчеркнуть коммуникативную сторону этого процесса индивидуализации. Никогда прежде индивид, гражданин, не находился в столь многообразных коммуникативных связях, вступая в отношения — если мы выходим за пределы частной сферы — со все более возрастающим количеством служб, администраций, корпораций и договаривающихся сторон, без деятельности и услуг которых просто не существовали бы социальные и культурные предпосылки, позволяющие реализовать амбиции самореализации. Во всех этих частно-правовых или публично-правовых институтах, с которыми коммуницируют индивиды общества модерна, индивидуальность этих индивидов присутствует в форме документов. Такова ситуация повсюду — она простирается от ведомств по автомобильному транспорту, которые документируют историю нашей практики управления легковыми автомобилями, через налоговые управления и бюро записей актов гражданского состояния, через школы и вузы, где хранятся оригиналы наших аттестатов и дипломов, вплоть до бюро по трудоустройству, которые, если мы когда-либо были безработными, дают документальную возможность заглянуть в наш профессиональный жизненный путь. Отделы кадров наших работодателей и без того располагают этими данными; в компании по медицинскому страхованию зафиксирована история нашей жизни в аспекте болезней и здоровья; существуют картотеки судимостей и судебные документы, касающиеся нашего индивидуального случая; наши долгосрочные деловые отношения с банками, поставщиками и предпринимателями находят документальное отражение в форме личных счетов. Кроме того, квитанции и корешки подобных личных документов индивиды сохраняют еще и дома, и поэтому можно сказать: никогда еще неповторимая индивидуальность истории нашей деятельности и наших страданий, наша жизненная история, так сказать, не была столь хорошо зафиксирована в документах официального характера, как сегодня.

Кроме того, число индивидов, которыми интересуется общественность и которые таким образом наслаждаются популярностью, никогда не было столь велико, как сегодня, причем оно постоянно растет. Об этом свидетельствуют огромные количества статей о персоналиях в энциклопедических словарях, в справочниках о научных работниках или во все более разбухающих национальных и международных словарях Who-is-Who. Этому соответствует растущее число индивидов, которые еще при жизни получают исторический статус личностей современной эпохи и имена которых с большой долей вероятности будут блистать в будущих научно-исторических работах.

Процессы индивидуализации отражаются таким образом и в драматическом росте количества личных дел (Personalakt). Но несмотря на растущее число индивидов, чьи имена становятся популярными, массив личных дел почти полностью превращается в информационный мусор, как только завершаются юридические и административные процессы, истекают сроки давности, умирают индивиды и решаются проблемы наследства, включая налоговую сторону. И даже тогда, когда речь идет об индивидах, чье наследие по причинам предполагаемого будущего исторического интереса к ним необходимо сохранить, то, как правило, это относится все же не к налоговым декларациям, не к бланкам

4.2. АРХИВНЫЙ ОТБОР ДОКУМЕНТОВ ДЛЯ УНИЧТОЖЕНИЯ

счетов и не к анкетам страховых компаний, чем мог бы в первую очередь заинтересоваться какой-либо биограф. Это означает, что в данном осадке личных дел наша индивидуальность, кроме исключительных случаев, проявляется меньше в своей уникальности, чем в тех свойствах, которые она разделяет с меняющимся числом других индивидов, так что возникают группы, чья характеристика носит статистическую природу. Для формирования архивной традиции, которая стремится учесть потребность в источниках у будущих историков, речь должна будет идти о том, чтобы «из массы единообразных отдельных документов современной администрации с помощью сознательного или формального отбора (определенные города или села, годы или первые буквы) сформировать репрезентативные выборки документации»¹¹.

Именно это и так уже вызывает озабоченность официальной статистики с ее особыми методами и технологиями. Ее задачи в основном, разумеется, совершенно не связаны с формированием архивной традиции. Официальная статистика в ее первичной функции должна поставлять информацию о фактах и тенденциях, от которых зависят условия восприятия действительности, обеспечивающие надежность рационального планирования и принятия решений в административных и политических контекстах действия. Однако к своим побочным целям официальная статистика давно относит и сохранение источников для будущих исторических исследований: «Если не стремиться к безысторическому состоянию, то для будущих эпох ...необходимо сохранять описания ситуаций, содержащие сведения о фактах и структурах в обществе»¹². Если вспомнить, что статистические отчеты и оценка их результатов, которые согласно замыслу должны служить в первую очередь улучшению основ принятия управленческих решений, уже утратили «вообще говоря, актуальность», поскольку за это время их давно «обогнала действительность»¹³, то уже по этой темпоральной причине в качестве долговременной ценности учтенной и статистически обработанной информации остается лишь ценность будущего исторического интереса к ним.

Итак, если то, что в качестве информации содержится в информационном мусоре устаревших персональных документов, которые могут стать объектом исторического интереса в будущем, и без того передается в статистически обработанном виде, то данные документы сохраняют ценность разве что макулатуры, и мала вероятность того, что когда-то некий архивист задним числом будет сожалеть о прежнем решении в рамках отбора документов для уничтожения, принятом его учреждением. Не только важный материал, таким образом, а именно документация о событиях и решениях, которые несмотря на динамику цивилизационной эволюции привели к возникновению долговечных фактов, но и неважный материал вполне может быть идентифицирован в процессе

¹¹ Franz E.G. Einführung in die Archivkunde. 2. Aufl. Darmstadt, 1977. S. 75.

¹² Wingen M., Deininger R. Kontinuität und Wandel. Die amtliche Statistik in der ersten Hälfte der 80er Jahre. Statistisches Landesamt Baden-Württemberg. Stuttgart, 1987. S. 8.

¹³ Schmidl J. Informationspolitik in der amtlichen Statistik. Statistisches Landesamt Baden-Württemberg. Stuttgart, 1988. S. 18.

4. ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИНАМИКА И АРХИВНАЯ ТРАДИЦИЯ

отбора документов для уничтожения в рамках более-менее неопределенных границ, исключив в известной мере влияние случая. Случайность в смене интересов рецепции не является тотальной, вот почему можно прикидывать на долгий срок вперед, что с большой вероятностью ни у кого не встретит исторического интереса в будущем.

Наконец, есть еще одна специфичная для модерна причина, которая, наряду с избытком документального или иного коммуникативного осадка, снижает ценность этого осадка как источника для будущего исторического знания. Эту причину мы можем обозначить как принцип информационной избыточности, растущей в зависимости от количества информации. С ростом числа инстанций, которые в управленческой практике модерна коммуницируют друг с другом, растет одновременно множество копий этого документа, которые в целях сокращения времени, необходимого для циркуляции оригинала документа, делаются и рассылаются либо целиком, либо в виде подборки самых важных его частей. Иными словами, с числом дифференцированных в административной практике модерна ведомственных компетенций растет доля идентичных текстов в их документации. В качестве примера можно указать, что одни и те же документы, относящиеся к планированию строительства нового порта или угольной электростанции, к проведению мелиорации заболоченных земель, встречаются в учреждениях, выдающих законные разрешения на поданные заявки, и в государственных органах, выдающих субсидии, у строительного подрядчика само собой, у пострадавшего лица, имеющего право на опротестование, в бюро технадзора, наконец, в соответствующих разделах тендерных документов, которые размножаются и используются при выплате сбора по защите животных, взимаемого с предприятий наземного или фундаментального строительства и все чаще — с защитников природы, представителей гражданских инициатив и партийных бюро. Такая избыточность в документальной презентации одного и того же процесса вызывает у лиц, постоянно с этим сталкивающихся, пожелание, чтобы налоговая инспекция сгорела, — совершенно неуместное желание с точки зрения последствий его исполнения. Во-первых, то, что налоговые декларации содержат в плане юридически релевантных данных, и без того уже хранится в электронном виде в компьютере удаленного вычислительного центра; во-вторых, что касается остальных данных, то их реконструкция возможна в любое время с помощью запроса документов из отделов кадров, банков, деловых партнеров в судебном процессе; в-третьих, существуют полные дубликаты документов у консультантов по налоговым вопросам; и наконец, имеются, видимо, также инсайдерские документы, для бесследного уничтожения которых необходимо было бы провести тщательно спланированную акцию параллельного уничтожения.

В общем, как кажется, тексты и в информационном обществе имеют склонность размножаться. Это означает, если слегка преувеличить, что катастрофы с гибелью документов, ведущие к необратимой потере информации, происходят сегодня гораздо реже, чем когда-либо прежде. Это относится также и к аналоговым хранилищам информации, к библиотекам например, чья гибель сегодня ни в каком случае не могла бы привести к необратимому уничтожению инфор-

4.2. АРХИВНЫЙ ОТБОР ДОКУМЕНТОВ ДЛЯ УНИЧТОЖЕНИЯ

мации, как в свое время это случилось при пожаре Александрийской библиотеки. Во всяком случае это относится к той хранящейся в библиотеках информации, которая возникла уже в эпоху всеобщего ее копирования.

Обрисованный принцип информационной избыточности в эпоху модерна, разумеется, оказывает очень сильное давление на процесс сохранения документов без потери информации. Соответственно постоянно растет множество того, что может быть выброшено без ущерба для потребности в источниках у будущих историков. Связанный с этим процесс отбора документов для уничтожения по принципиальным соображениям сохраняется без изменений даже на протяжении длительного времени, а все сопряженные с ним трудности тем самым оказываются связаны с технологией селекции, а точнее, с нехваткой времени — кто будет оплачивать рабочие часы для вычленения идентичных частей текста из продуктов делопроизводителей различных организаций?

Таким образом, вполне можно считать отбор документов для уничтожения, т.е. селекцию в ходе формирования архивной традиции, обусловленную обилием печатной продукции, рациональным процессом, в какой-то мере независимым от случайностей, связанных с изменением интересов рецепции. Однако то, что может считаться несомненно важным в течение длительного времени, с одной стороны, и, аналогично, явно неважным — с другой, нельзя отнести ко всей массе информационного осадка, который накапливается в обществах модерна. Нарастает число событий, о которых заранее никто не может знать, сделаются ли они объектом будущего исторического интереса или определенно отойдут в тень, никого не заинтересовав. Естественно, что в эпоху культуры прогрессивной самоисторизации, особенно в сфере политики, обозначилась склонность выдавать принятые решения за «исторические» — с целью повышения их ценности на рынке внимания (*Aufmerksamkeitswerts*). Эпитет «исторический» в подобных случаях представляет собой притязание на то, что принятое решение обладает важностью, гарантирующей обязанность сообщать о нем даже в историографических трудах будущего.

Однако подобная заблаговременная самооценка будущего значения собственной деятельности носит в основном характер заклинания и не имеет прогностической ценности. В промежутке между явно важным, с одной стороны, и явно неважным — с другой, на определенных уровнях в иерархии политических, административных и экономических организаций обычно приходится заниматься делами, которым в настоящее время не представляется возможным дать оценку с точки зрения исторических интересов, которые они в будущем когда-нибудь смогут или не смогут привлечь.

Эту трудность — предвидеть будущую современность того прошлого, которым некогда станет теперешняя современность, — можно обнаружить даже на примере обращения с бумагами из домашнего архива, накапливающимися в процессе собственной жизни. Даже частные или внеслужебные корреспонденции сопровождаются сегодня копированием на всякий случай. Вот почему у наших современников, увлеченных коммуникативной деятельностью, за относительно короткий срок скапливаются корреспонденции такого объема, который в конечном счете уже не помещается для хранения ни на чердаках, ни

4. ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИНАМИКА И АРХИВНАЯ ТРАДИЦИЯ

в подвалах, так что без отбора документов для уничтожения тут не обойтись. Хотелось бы, конечно, сохранить важное, т.е. обладающее непреходящей ценностью. Но едва ли можно предвидеть, что станет непреходящим в будущем, как, например, чрезвычайную известность старого партнера по переписке, в результате чего прежние рукописные послания можно было бы сбить на рынке автографов, если только они давно не пали жертвой домашних акций по очистке помещений от хлама. Особенно у научных работников, и прежде всего у гуманитариев, в личных архивах скапливается — даже помимо корреспонденций — бесчисленное количество бумаг — черновики статей, скрипты лекций, доклады, речи и т.п. Согласимся, что рекомендуемая скромность в самооценке (которая, будучи скромной, может быть одновременно и реалистической самооценкой) требует не смешивать подобные личные архивы с источниками будущей историографии науки. С другой стороны, необходимо также иметь в виду, что научно-историческое исследование давно уже не ограничивается исследованием жизни и трудов классиков, а напротив, занимается, кроме того, изучением институциональных, школьных (связанных с научными школами) и коллегиальных контекстов уникальных достижений этих классиков. Гора состоит не только из вершин, но также из долин, обрывов, да и равнин с пустынями, которые расстилаются между ними, и лишь благодаря описанию подобных промежуточных пространств упомянутые вершины становятся зримыми во всей своей огромности. При таком подходе, возможно, и маленький человек в науке с его подобающей скромной самооценкой также сочтет своим долгом законсервировать в максимально приближенном к архиву виде письменную документацию своих научно-культурных опытов в области трансфера и инноваций, уважая потребность в источниках, которую будут испытывать будущие историки науки.

И снова при попытке решить, какая доля личного архивного материала предположительно никогда ни у кого не вызовет исторического интереса и соответственно подлежит (невзирая на долг консервации) уничтожению, возникает необходимость учитывать неизбежную зависимость от случайности в такой попытке. Как бы там ни было, библиотеки и прочие учреждения, хранящие историческое наследие и гордящиеся своими научными фондами XVIII, а то и XIX в. даже в случае третьесортных наследий, с ужасом встречают прибывающий к ним поток наследий членов какой-либо группы ученых (надо заметить, что этот поток многократно увеличился во второй половине XX столетия)¹⁴. Здесь также обостряется проблема отбора документов для уничтожения, и тем самым увеличивается случайность фактически принятых решений об уничтожении — в силу непредсказуемых наперед историографических интересов будущего.

При этом проблема отбора документов для уничтожения в академическом мире возникает уже не только для ученых крупного или даже малого калибра. Даже студенты, которые за столетия истории наших университетов еще никог-

¹⁴ Эти и аналогичные численные данные приводятся в: *Solla Price D.J. de. Little Science, Big Science. Von der Studierstube bis zur Großforschung* (1963). Frankfurt am Main, 1974.

4.2. АРХИВНЫЙ ОТБОР ДОКУМЕНТОВ ДЛЯ УНИЧТОЖЕНИЯ

да не были озадачены вопросом о том, надо ли и в какой форме сохранять для будущего документальный результат их учебной деятельности, должны сегодня принимать решения об отборе документов для уничтожения на основе хорошо развитого исторического сознания. Эти слова могут показаться ироническим комментарием к научному предприятию модерна, который мог бы прозвучать в неофициальной части какой-либо праздничной пирушки, и тем не менее это так. В качестве важных источников для понимания трудов философских и других классиков сегодня рассматриваются даже студенческие конспекты их лекций. Нередко их обнаруживают совершенно случайно, и нельзя корить первооткрывателей за то, что они понятным образом склонны приписывать подобным открытиям максимально сенсационный характер. Конечно, когда речь идет об интерпретации трудов ученых, мы не будем зависеть от конспектов прочитанных студентам лекций, если данный профессор — при правильной самооценке своего будущего ранга как классика — не пожелает отдать на откуп пониманию и стенографической компетенции своих студентов увековечение своих лекций, а напротив, сам предоставит потомкам полный канон всех прочитанных лекций. Правда, в результате этого размер собрания сочинений такого неоклассика может стать таким, что случай, изгнанный из окончательной редакции какой-либо работы, затем вернется многократно умноженный в форме случайности отрывочного знания этого гигантского сочинения, ставшего нечитательным в силу темпоральной дистанции. Но такой случай относится к исключительным. Обычно же, действительно, записи лекций вплоть до сегодняшнего дня остаются важным источником знаний о лекционной деятельности крупных ученых, и по крайней мере тогда, когда это значение уже сегодня известно студентам, стоило бы теперь действительно предложить студентам на выбор, хотят ли они, чтобы весомые слова, которые следовало бы сохранить для будущей научно-исторической реконструкции, бесследно пропали, или же их стоит передать университетскому архиву в форме собственного, лучше всего тотчас же записанного конспекта лекций. Зависимость от контингентности подобных решений не нуждается в разъяснениях, и она возрастает вместе с необузданностью устремленного в будущее информационного потока, порожденного сохранившимся осадком коммуникативных процессов. То, что верно в отношении решений частных лиц по отбору документов для уничтожения, и подавно относится к решениям, принимаемым публичными институтами, деятельность которых связана с производством документов. Должна ли сохраниться в архивной традиции масса документов, в которых отразились усилия коммунальных служб по развитию вот этой промышленной зоны? Тут вступает в игру фактор непредсказуемости: приведут ли эти усилия по развитию к чаемому превращению муниципального образования в промышленную коммуну или же они окажутся ошибочной инвестицией? А с другой стороны, может быть, — в случае успеха — они станут причиной постоянных сожалений будущих поколений, которые хотели бы, чтобы их бывший городок развивался не как промышленный центр, а как населенный пункт, привлекающий интерес ностальгирующих туристов. Неизвестен контекст, исходя из которого будущие поколения сочтут интересным какие-то из вещей, которые преимущественно

4. ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИНАМИКА И АРХИВНАЯ ТРАДИЦИЯ

волнуют или не волнуют самих наших современников. Конечно, все привыкли к тому, что и публичные, и приватные постройки все быстрее приобретают статус исторических памятников архитектуры. Обычно это приводит к консервации фасадов. И лишь в редких случаях в зданиях, имеющих особый историко-архитектурный статус, в качестве памятника архитектуры реконструируется также его интерьер. Но как можно предусмотреть и, руководствуясь этой предусмотрительностью, превентивно защитить от отбора для уничтожения строительную документацию дома, который в момент его сооружения, равно как и много лет после этого, считался вполне обыкновенным домом? В школах для старшеклассников и в вузах число учащихся которых постоянно растет, в невиданных прежде количествах скапливаются сочинения на аттестат зрелости и экзаменационные работы. Понятно, что они должны храниться до истечения сроков, в которые по юридическим нормам возможно обращение к этим документам. Но после этого неизбежно возникает ситуация, когда по причинам ограниченной вместимости для хранения их уже расценивают не по содержанию, а как макулатуру. Работы гениев, если их можно было распознать в качестве таковых уже в школьном или студенческом возрасте, будут, возможно, предусмотрительно отобраны для сохранения в качестве источников их позднейшей биографии. Но те гении, которые развивались с запозданием, — а такие тоже встречаются, — заранее не распознаются как объекты будущего интереса к описанию их развития, тем самым не возникает и потребность в хранении ранних свидетельств этого развития.

Таким образом, можно было бы продолжать до бесконечности, наглядно демонстрируя зависимость предвидения будущих исторических интересов от случая — от смены локально-исторического интереса к личностям, имена которых в ходе непредсказуемого изменения политических предпочтений внезапно оказываются на табличках с названиями улиц, вплоть до непредсказуемости будущего исторического значения учреждения какого-либо союза, ставившего задачи, которые поначалу рассматривались как маргинальные, если вообще не подвергались осмеянию, но десятилетия спустя стали очевидны каждому как эпохальные цивилизационные цели. Поэтому сегодня много бы дали за то, чтобы исторические союзы, основание которых относится к ранней эпохе исторической культуры модерна, получше хранили документы своего союза для будущих историографов, и то же самое уже сейчас относится к ранней интеллектуальной и кружковой истории организации экологического движения, на несколько десятилетий предшествовавшей фазе основания движений и партий, использующих зеленый цвет в качестве своего символа.

В общем виде это означает следующее: как никогда прежде нам необходимо знать, какую историю наши потомки захотят узнать о нашей современности. «С тех пор... в основном с XVIII столетия, как сформировалась история как наука с ее все более совершенными методами, историк завтрашнего дня ожидает..., что архивист подготовит ему материал для ответа на вопросы», относящиеся к тому прошлому, которое ко времени, когда надо будет подготовить этот материал, было еще настоящим или же прошлым иной современности,

4.2. АРХИВНЫЙ ОТБОР ДОКУМЕНТОВ ДЛЯ УНИЧТОЖЕНИЯ

чем современность того «историка завтрашнего дня»¹⁵. «Ценно то, что важно для исследователей из будущих поколений!» — таков фундаментальный принцип формирования архивной традиции в контексте историзирующей сама себя современной культуры¹⁶. Но откуда мы можем знать, что в будущем будет важно для целей исторического исследования? Тем самым возникает необходимость в «футурологии научных вопрошаний», а точнее, научно-исторических вопрошаний¹⁷, чьи шансы на правильные прогнозы, как в случае всякой футурологии, снижаются вместе с динамикой подлежащего прогнозированию цивилизационного процесса¹⁸. И все же потребность в футурологическом знании о будущих исторических интересах исследователей растет с ростом массы материала, который следовало бы учесть в ходе формирования архивной традиции. Нужда в этом знании как критерии тем больше, чем меньше доля документальных или прочих реликтов коммуникации, которую вообще возможно традировать в будущее при имеющейся емкости хранения.

И здесь также стоит на конкретном примере наглядно представить количественные масштабы этой проблемы. «Квота архивирования», считает эксперт, должна составлять «максимум 10% всей производимой письменной документации»¹⁹. Здесь мы не собираемся реферативно излагать специальную аргументацию, которая объясняет именно такую величину квоты хранения. Другие архивисты, ссылаясь на акты юридического и административного характера, в своих оценках фактических квот хранения указывают намного меньшую норму, а именно — менее 5% предложенного документального материала²⁰. В других странах, по-видимому, полагают, что долю редко используемого (*inaktiviert*) письменного материала, которую следует передавать для обслуживания исторических интересов потомков, надо снизить еще радикальнее: «Английские, американские или даже советские архивисты» считают уже «необходимой редукцию до 1 или 2% от общего поступления»²¹. Как бы там ни было, настоятельная необходимость знания о будущих интересах исторических исследований возрастает, при том что доля реликтов коммуникации, передать которые потомкам считается технически возможным, падает. Настоятельная необходимость данного знания о будущем возрастает одновременно с динамикой той цивилизационной эволюции, с которой связана не только проблема

¹⁵ Haase C. Op. cit. (См. примеч. 5.) S. 405–418, S. 411.

¹⁶ Booms H. Gesellschaftsordnung und Überlieferungsbildung. Probleme archivarischer Quellenbewertung // Der Archivar. 1972. Jahrgang 25. Heft 1. S. 23–28, S. 26.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ По поводу принципиальных трудностей прогнозирования комплексных цивилизационных эволюций см. мою старую работу: Lübbe H. Ernst und Unernst der Zukunftsforschung (1969) // Lübbe H. Theorie und Entscheidung. Studien zum Primat der praktischen Vernunft. Freiburg im Breisgau, 1971. S. 85–92.

¹⁹ Haase C. Studien zum Kassationsproblem // Der Archivar. 1976. Jahrgang 29. Heft 1. S. 65–76, S. 65.

²⁰ Об этом заявил директор архива доктор Вальтер Деетерс (Аурих, Восточная Фризия).

²¹ Franz E.G. Einführung in die Archivkunde. 2. Aufl. Darmstadt, 1977. S. 73.

4. ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИНАМИКА И АРХИВНАЯ ТРАДИЦИЯ

множества поступающих реликтов коммуникации, но и динамическое изменение исторических интересов рецепции. Чем быстрее изменяются культурные ситуации современности, тем быстрее изменяются вместе с ними доминирующие в культуре вопросы, которыми руководствуются научно-исторические исследования и которые делают необходимым обращение к специальным источникам при попытке ответа на них.

Выясняется, что цивилизация, которая сама себя историзирует как ни одна прежняя, по той же самой причине вынуждена сформировать весьма специфическое, не известное дотоле отношение к будущему, а именно современное предвосхищение будущих исторических интересов к тому прошлому, которое некогда было нашей современностью. Иными словами, самовосприятие современности как будущего прошлого — вот что сегодня требуется от профессионального формирования архивной традиции. Значение, которое это имеет в контексте саму себя историзирующей культуры, указывает на то, что для данного историзирующего самовосприятия современности как будущего прошлого следует образовать особое понятие. Вот я и предлагаю для этого понятие прецепции.

4.3. Прецепция, или Современное предвосхищение будущей рецепции прошлого

Понятийное выражение «прецепция» образовано по аналогии со словом «рецепция», знакомым нам из герменевтики. Рецепция — это актуализация прошлого в историческом аспекте, которая, как любая новая актуализация того же самого прошлого, сама подвержена историческим изменениям и постепенно осознает свою собственную историчность. Эта структура позволяет объяснить, каким образом истории рецепции, в свою очередь, могут стать объектом интереса в рамках историзирующей актуализации. Историографии такого типа, в которых исторический интерес историзирует себя самого, сегодня уже являются темой первостепенной важности для культурно-исторических дисциплин — от литературоведения и искусствознания до всеобщей исторической науки¹. Соответственно широким является разброс характеристик объектов, о которых идет речь в связи с тем прошлым, чье исторически заинтересованное усвоение всегда само отмечено знаком истории. Сюда относятся процессы и события типа эпохальных революций, шедевры или отдельные работы так называемых классиков, выдающихся личностей для истории политики или культуры. Понимание того, что представление, которое мы составляем о подобных личностях, подвержено изменениям, не является, конечно, каким-то новым. А вот относительно новым, т.е. выработанным в научно-теоретических дискуссиях предшествующих двух десятилетий, является теоретическое научно-историческое понимание историчности процессов рецепции и тем самым включение самого понятия рецепции в ряд понятий герменевтической теории. Кем же был тогда, например, по отношению к изменяющимся образам Лютера сам Лютер? Не было бы подлинной задачей объективирующей исторической науки, на месте меняющихся субъективных образов Лютера, принадлежавших меняющимся современникам, представить наконец подлинного Лютера? Эти вопросы здесь так сформулированы, что их абсурдность бросается в глаза. Труднее, чем признать это, будет ответить на вопрос, почему же бессмысленно пытаться наконец поставить на место изменяющихся форм рецепции некоего прошлого само это прошлое, даже если речь идет только о таком прошлом, к которому мы приближаемся постепенно и в тенденции. Личности, их произведения, эпохальные события, сами эпохи суть уникальности, индивиды, которые никогда не могут быть описаны полностью — или даже приблизительно полностью — в своей индивидуальности, но всегда — только с определенной точки зрения, задающей наше селективное отношение к ним. Individuum est

¹ См. в связи с этим в качестве примера из литературоведения: Warning R. (Hrsg.). Rezeptionsästhetik. Theorie und Praxis. München, 1975.

4. ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИНАМИКА И АРХИВНАЯ ТРАДИЦИЯ

ineffabile*, — так гласит расхожий книжный топос. Этот топос обладает схоластическим очарованием, однако его автор — Гёте². Справедливость этого топоса известна нам по нашему автобиографическому отношению к себе. При этом имеющееся здесь в виду автобиографическое отношение к себе не является особенностью личностей с литературными амбициями, но отношением к себе каждого человека, живущего в культуре, в которой у нас время от времени требуют наши биографии. Посредством нашего жизнеописания мы высказываем, кем мы являемся. Оно является репрезентантом нашей идентичности, как это сегодня обычно принято говорить, используя в языке теории слово, знакомое нам из области паспортных дел и удостоверений личности. «История ручается (steht für) за человека» — так сформулировал это в своей феноменологии историй Вильгельм Шапп³. Определенная легкость, с которой мы — после некоторых школьных упражнений — наловчились писать наши автобиографии, вытекает, понятно, не из завершеного знания самого себя, которое позволяет нам раз и навсегда давать объективный ответ на вопрос, кто мы есть. Она связана с известным постоянством того, что другие, отделы кадров, например, хотели бы знать о нас — возраст, наши полученные в ходе циклов обучения квалификации, наш профессиональный послужной список на настоящий момент. Если в зависимости от научно-технического прогресса, от изменяющихся способов производства или рыночных условий, в зависимости, наконец, от так называемой переоценки ценностей, изменятся требуемые профили, то мы, в свою очередь, изменим автобиографические сведения, которые позволяют третьим лицам оценить, подходим ли мы к указанному рабочему месту или, скорее всего, не подходим. Смена в автобиографическом самоописании приобретает, естественно, другие измерения, она приобретает чуть ли не характер разрыва, когда мы, неважно по какой причине, хотели бы прервать нашу текущую карьеру, начать новую жизнь, уехать за границу или даже изменить идентичность, легальным или нелегальным образом. И еще раз составленные нами жизнеописания варьируются одновременно со сменой адресатов этих автобиографий — идет ли речь о партийных штабах или церквях, о литературном или научном справочнике «Who-is-Who», о саморекламе в агентствах по поиску партнеров или даже об автобиографии, написанной с литературной или апологетической целью. По контрасту с такой вариативностью ответов на вопрос, кто мы есть, не просто очень трудно, но и явно бессмысленно пытаться окончательно сформулировать, кто мы есть на самом деле. Вопрос, кто мы есть, ставится не без зависимости от контекста, и потому вне контекста на может быть и ответа. Существуют такие интеракционные контексты, в которых обретает смысл и значение то, что мы являемся именно этим, а не другим, так что по смыслу можно

* Индивид непостижим (*лат.*).

² См.: *Oeing-Hanhoff L.* Individuum, Individualität II Hoch- und Spätscholastik // Ritter J., Gründer K. (Hrsg.). *Historisches Wörterbuch der Philosophie*. Bd. 4: J–K. Basel; Stuttgart, 1976. S. 304–310, S. 309.

³ *Schapp W.* In Geschichten verstrickt. Zum Sein von Mensch und Ding (1953) / mit einem Vorwort zur Neuauflage von H. Lübke. Wiesbaden, 1976. S. 103.

также сказать, что мы этим и являемся. В качестве примера банального случая это значит: подавая документы о приеме на работу или в учебное заведение, в прилагаемой автобиографии следует разъяснять, что — как видно из этой автобиографии — человек в состоянии осмысленно продолжить ее в новых обстоятельствах, т.е. там, куда он хотел бы поступить.

Не существует истории жизни, которую мы могли бы рассказать о себе самих вне зависимости от таких социальных, политических, культурных и, в конце концов, религиозных интеракционных контекстов. То, что справедливо в отношении к собственной истории, справедливо и для чужих историй. Вполне очевидно, что католический образ Лютера времен культуркампа⁴ отличается от его образа более поздней эпохи, для которой было характерно основанное на опыте секуляризации сожаление о последствиях церковного раскола, сказавшихся на всем христианстве^{5, 6}. И было бы явно бессмысленно считать объективность исторических описаний чем-то таким, чего не удалось достичь в прежних историях рецепции, но что постепенно может быть выполнено как требование благодаря упорной научно-исторической исследовательской работе, так что мы наконец узнаем, «как это было на самом деле».

Объективность как действительно безусловный постулат для исторических актуализаций прошлого, стремящихся соблюдать научно-дисциплинарные нормы, имеет смысл только в рамках исследовательской методике. Постулат объективности в рамках такой характеристики выполняется, поскольку формулируемые в ходе рецепции утверждения о том, что произошло (*was der Fall war*), являются хорошо обоснованными утверждениями с точки зрения правил обоснования исторических утверждений, действующих в данном сообществе ученых-специалистов («объективность обоснования»). Охарактеризованная таким образом объективность обоснования есть постулат простой методологической прагматики, что, разумеется, не исключает того, что в отдельных случаях его фактически очень трудно выполнить. И все же расхождения в рецепции возможны, даже если он выполнен. Для примера: образ молодого Маркса или позднего Гегеля, рассматриваемый глазами историков философии от реформистски настроенных коммунистов, отличается от изображения молодого Маркса или позднего Гегеля, рассматриваемых глазами историков идеологии, которые исследуют историю тоталитарного мышления. В серьезных случаях, которые только и представляют здесь интерес, это различие вызвано отнюдь не большей или меньшей солидарностью в отношении достигнутой обоснованности исторических высказываний о названных классиках. Оно возникает, скорее, из-за выпячивания тех характеристик, восприятие которых обусловлено постановкой вопроса, которая не просто раз и навсегда дана как некая научно-историческая

⁴ *Denifle O.P.H.* Luther und Luthertum in der ersten Entwicklung. Zwei Bände. Bd. I. 2. Aufl. Mainz, 1905; Bd. II. Mainz, 1909.

⁵ *Lortz J.* Die Reformation in Deutschland. Zwei Bände. 2. Aufl. Freiburg im Breisgau, 1941.

⁶ *Lutz H.* Zum Wandel der katholischen Lutherinterpretation // *Koselleck R., Mommsen W.J., Rösen J.* (Hrsg.). Objektivität und Parteilichkeit in der Geschichtswissenschaft. München, 1977. S. 173–198.

4. ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИНАМИКА И АРХИВНАЯ ТРАДИЦИЯ

практика, но, напротив, обусловлена исторически-изменчивыми научно-историческими, а также культурными и политическими ситуациями.

Постулат объективности обоснования, разъясненный согласно своему простому методологическому смыслу, можно, в принципе, связать даже с идеолого-политическим требованием партийности. Именно благодаря этому мы — во всяком случае те из нас, кто является опытным читателем, — вполне можем изучать историю даже по историческим изложениям партийных историков, принадлежавших другим партиям. Такое было бы невозможно, если бы одна форма рецепции (*Rezeptionsgestalt*) прошлого *eo ipso* имела бы характер опровержения другой формы рецепции того же прошлого. С другой стороны, отсюда опять же не следует, что можно было бы приблизиться к самой сути дела (назовем это так — в противоположность указанным формам рецепции) посредством актов постепенного синтезирования различных форм рецепции. Подлинный образ Лютера получается не в попытке совместить различающиеся образы реформатора, созданные партиями, принимавшими участие в культуркампе. При этом синтезировался бы не объективный образ, а, напротив, карикатура (*Unbild*) — аналогично тому, как из абсурдной идеи, будто партиям культуркампа вместо того, чтобы бодаться друг с другом, надо бы уютно обустроиться в точках равновесия или заключать компромиссы, была бы сконструирована некая карикатура партии (*Un-Partei*). Раз дела обстоят так, то и о более поздних образах Лютера нельзя сказать, что своей способностью вызывать согласие по ту или другую сторону еще сохранившихся пограничных линий между, с одной стороны, католическими ориентациями и, с другой стороны, либеральными, секулярно-государственными или протестантскими ориентациями, они обязаны возрастанию объективности, связанной с методически дисциплинированной научно-исторической исследовательской практикой. Напротив, изменились объективные позиции, которые заставляли одного человека с культурной, конфессиональной и политической точек зрения спорить о Лютере тогда, а сегодня — уже нет, так что процессы рецепции, которые раньше были направлены друг против друга, конвергируют и в конце концов могут прийти к взаимному консенсусу.

От образа, который в прошлом сложился у французов о себе самих, и от образа, который в то же время бытовал у них о немцах, от комплементарного этому образу немцев о себе и от немецкого образа французов существенно отличаются имеющиеся сегодня стереотипные взгляды на себя и на других у жителей обеих стран. Это относится не только к тому восприятию себя и чужих, которое можно зафиксировать средствами демоскопии, т.е. опросов населения, но также к уровню акций и интеракций научно-исторического исследования, содержания школьных учебников, а также усилиям, направленным на то, чтобы содержательные вопросы могли быть взаимно приведены к консенсусу. Странным было бы такое представление о возможностях и методах научно-исторического исследования, в рамках которого подобные процессы конвергенции в рецепции собственной и чужой истории считались следствием долга, которому подчиняются историки, заключающегося в том, чтобы придерживаться методологических правил своей дисциплины и обладать эксклюзивной возможностью

определять, что именно может считаться обоснованным исходя из этих правил. Конвергенции различных рецептов следуют за изменениями в интеракции субъектов, которые распространяются далеко за пределы научной практики — вплоть до событий политической жизни — и, наконец, при счастливым исходе этих изменений возникает ощущение консенсуса в отношении того, что прежде вызывало споры, в том числе споры в сфере академического рецензирования. Ничего не препятствует тому, чтобы в отношении и этого состояния говорить об «объективности». Но тогда ее в качестве «консенсусной объективности» следовало бы отличать от ранее разъясненной объективности обоснования⁷.

Если согласиться с тем, что дивергенция в рецепции прошлого (синхронная — между разными реципиентами, диахроническая — даже в истории отношения к прошлому одного и того же реципиента) попросту неверно понималась, когда ее принимали за индикатор недостатка объективности в исследовательской практике, тогда следует согласиться и с тем, что невзирая на продолжающиеся сохраняться или заново возникающие дивергенции в рецепции прошлого его исследования могут прогрессировать в методологическом смысле, включая развитие требований объективности обоснования. Исторические высказывания для своего обоснования нуждаются прежде всего в источниках, по возможности в дополнительных источниках, в более надежных источниках и т.п. Но источники не являются чем-то всегда уже данным. Их открывают. Их ищут и находят, или же не находят, а еще на них то и дело случайно наталкиваются. Но кто ищет, нуждается в образе того, что ищут, иначе ищущий ничего не найдет, а этот образ того, что ищут, есть не что иное, как господствующий в данный момент руководящий интерес рецепции.

Что означает все это в отношении того процесса традирования, роль которого заключается в том, чтобы поставлять исторические источники в распоряжение будущих исторических исследований для удовлетворения их руководящих исследовательских интересов рецепции? Это означает, что надо быть в состоянии предвидеть эти будущие интересы рецепции уже сейчас, и понятие прецепции есть понятие, отражающее совокупность усилий и попыток это сделать. Прецепция руководит формированием архивной традиции, призванной обеспечить источниками будущей историографической интерес рецепции. Если об историчности рецепции существует основанное на богатом опыте представление, если в ходе изучения историй рецептов, в которых сегодня нет недостатка, был создан определенный образ историчности рецепции, то, в свою очередь, теперь уже нельзя считать независимой от исторических изменений и прецепцию, без которой не может обойтись селективное формирование архивной традиции. Кто поразмыслит о том, что комплементарно к истории рецепции свою историю имеет также и прецепция, тот быстро придет к выводу о бессмысленности представления о том, что в ходе перцептивного формирования архивной

⁷ Подробнее о понятиях объективности я высказался в научно-историческом теоретическом ключе в главе «Презентация идентичности, объективность и партийность» моей книги: *Lübbe H. Geschichtsbegriff und Geschichtsinteresse. Analytik und Pragmatik der Historie*. Basel; Stuttgart, 1977. S. 168–185.

4. ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИНАМИКА И АРХИВНАЯ ТРАДИЦИЯ

традиции, неизбежно связанного с селекцией, можно надежно и долговечно предвидеть будущие интересы рецепции. Прежние результаты формирования архивной традиции, связанного с отбором документов для уничтожения, всякий раз являются, как полагает профессионал, «различными» и «должны быть различными, поскольку любой архивист на основе собственного опыта, но в основном без четких направляющих линий и масштабов оценки, должен решать сам, что уничтожить. Даже там, где архивист за пределами своих личных исследовательских склонностей пытается положить в основу общий интерес исторического исследования» — а именно это и есть прецепция, — то «изменяющиеся направления и интересы именно этого исследования должны были бы привести к изменению критериев отбора». Соответственно неизбежно, что позднейшие историки должны будут прийти к выводу, что прежние формирователи архивной традиции со своими отборами документов для уничтожения и селекциями должны были бы все же решать по-другому: «Архивист XIX в. почти с неизбежностью отбирал для уничтожения многое из того, что необходимо для современных подходов социально-исторического исследования, возникших в более поздний период»⁸. «Необходимость учитывать аспект будущего и будущие вопросы к архивам при отборе документов для уничтожения», вообще говоря, существует, но представляет собой задачу, аналогичную «квадратуре круга», — полагает Карл Хазе. Он соответственно требует, чтобы права на прецептивный отбор документов для уничтожения были «предоставлены только научно широко образованным “специалистам”» высших должностей⁹. Мнение, которое связывается с этим квалификационным предписанием в отношении формирователей архивной традиции, прецептивно действующих по долгу службы, разумеется, не подразумевает, что учеба в университете и сдача главного госэкзамена являются гарантиями для компетенций, позволяющих все же разрешать неразрешимые проблемы. Мнение это, напротив, подразумевает, что практический научно-исторический опыт развеивает иллюзии относительно шансов сделать проблему прецепции разрешимой. «Проблема... согласно природе дела неразрешима», — так гласит соответствующее резюме¹⁰.

Однако следует воздержаться от преувеличений. Все же, как полагает специалист, существуют возможности «отколоть» «небольшие и поддающиеся решению части» от принципиально неразрешимой проблемы прецепции¹¹. Что это означает, было изложено в предыдущей главе¹². Существуют мало-значительные вещи, которые — в рамках более-менее неопределенных границ — могут быть спокойно отправлены на уничтожение на основании все же возможной оценки того, чем вообще интересуются люди, и комплементарно к этому есть также документация о процессах и решениях, где просто невоз-

⁸ Franz E.G. Einführung in die Archivkunde. 2. Aufl. Darmstadt, 1977. S. 72.

⁹ Haase C. Studien zum Kassationsproblem // Der Archivar. 1976. Jahrgang 29. Heft 1. S. 65–76, S. 70.

¹⁰ Ibid. S. 73.

¹¹ Ibid.

¹² См. наст. изд., с. 172.

можно сомневаться в их важности, надолго приковывающей исторический интерес. В эпоху прогрессивно развивающегося всеобщего копирования имеется избыточность несущественных для исследования и даже мешающих ему материалов. Наконец, в особенности в низовых учреждениях, имеется масса документов, информационное содержание которых, если не говорить об особых случаях, интересно только после статистической обработки, так что, как только данные статистики о деятельности, прежде всего, соответствующих специальных служб доступны, их состоящая из массы актов база может быть уничтожена без существенной угрозы для информационного содержания, представляющего ценность для архивной традиции. Но для документальных осадков коммуникации, представляющих среднюю ценность для архивной традиции, как раз и не существует подобных очевидных доказательств длительной важности, с одной стороны, и неизменной неважности — с другой. Поэтому остается только повторить процитированное мнение о принципиальной неразрешимости проблемы прецепции.

Однако к истории специфически современного понимания историчности природы и культуры¹³, а вместе с тем и к истории исторического сознания и его научных и культурных, идеологических и, наконец, политических проявлений относится также история разнообразных интеллектуальных форм сопротивления этой историчности. Самым знаменитым — с большим отрывом — случаем подобного сопротивления является теория истории, по своему происхождению и чекану восходящая к марксизму. Существует, конечно, знаменитое изречение Маркса — Энгельса: «Мы знаем только одну-единственную науку, науку истории»¹⁴. На первый взгляд кажется, что это изречение не отрицает признания историчности природы и культуры. Напротив, можно подумать, что оно скорее преувеличивает возрастающую потребность в современных исторических науках. И все же, как раз в процитированном изречении выдает себя указанное интеллектуальное сопротивление против историзма модерна, включая его культурные и идеолого-политические следствия. И хотя в XIX столетии комплементарно к современным историческим наукам как никогда прежде развились и достигли больших успехов также теоретические, а именно науки, специализирующиеся на познании закономерностей природных и социальных процессов, Маркс и Энгельс только потому могли назвать «науку истории» «единственной наукой», что они в свою очередь считали «науку истории» наукой закономерностей, причем охватывающей все закономерности. Была высказана претензия напасть «на след» «естественного закона» «развития» общества, — так говорится в не менее знаменитой фразе

¹³ По поводу одновременности открытия историчности природы, с одной стороны, и культуры — с другой, а также о структурном единстве этой историчности, которая индифферентно относится к различию природы и культуры, см. мою работу: *Lübbe H. Die Einheit von Naturgeschichte und Kulturgeschichte // Lübbe H. Die Aufdringlichkeit der Geschichte. Graz; Wien; Köln, 1989. S. 64–80.*

¹⁴ *Marx K., Engels F. Werke. Bd. 3. Berlin, 1962. S. 18. Рус. пер.: Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 3. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955. С. 7–544, с. 16.*

4. ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИНАМИКА И АРХИВНАЯ ТРАДИЦИЯ

Карла Маркса¹⁵. Эта претензия затем через идеолого-политическую историю марксизма-ленинизма в период его господства обрела каноническую значимость и вплоть до последнего времени является стереотипным проявлением ортодоксии в теоретических научно-исторических текстах. Непременно констатируют «закономерный характер совокупного исторического процесса»¹⁶, что, естественно, не исключает, что после подобных изъявлений уважения перед канонизированными учениями архиклассиков в остальном затем занимаются историческим исследованием в соответствии с цеховыми правилами, особенно не смущаясь тем, что при этом у кого-нибудь по причине природы самого рассматриваемого предмета в конце концов выпадет из поля зрения этот самый «закономерный характер совокупного исторического процесса».

Вполне можно представить, что то тут, то там все еще встречаются мыслители-историки, которые, в том числе и за пределами области господства марксистско-ленинской идеологии хотели бы подкрепить с точки зрения позднего марксизма тезис о существовании и познаваемости всеобщих общественных исторических законов. В полемику с ними по научно-теоретическим деталям я вступать здесь не собираюсь¹⁷. Достаточно будет сформулировать в виде тезиса, что исторические процессы, причем безотносительно к различию природы и культуры, весьма часто носят характер фактически направленных, но не целенаправленных, а кроме того, необратимых и одновременно непрогнозируемых процессов. Для культурных процессов это означает, что несмотря на то что они протекают благодаря действиям вовлеченных индивидов или институтов, их нельзя рассматривать по аналогии с действиями. С точки зрения жизненной практики это означает, что никто не может понять, кем он является, т.е. понять себя в своей индивидуальной или даже групповой специфической идентичности, как результат действия своей собственной воли быть им. Кто мы есть, т.е. наши индивидуальные или коллективные идентичности (которые, обобщая, можно определить как состояния общества) могут быть объяснены только исторически — как достигнутые на данный момент пункты трансформации открытых систем, которые в силу воздействия внешних факторов, выступающих как случайность по отношению к этим развивающимся системам, принципиально не прогнозируются в своем будущем развитии, но, напротив, их всегда можно объяснить только задним числом, а точнее — дать им историческое объяснение.

¹⁵ Marx K. Das Kapital. Kritik der Politischen Ökonomie. Erster Band. Vorwort zur Ersten Auflage (1867). Berlin, 1959. S. 5–9, S. 7. Рус. пер.: Маркс К. Капитал. Критика политической экономики. Том первый // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1960. С. 10.

¹⁶ Так полагают В. Кюттлер и Г. Лоцек: *Küttler W., Lozek G. Marxistisch-leninistischer Historismus und Gesellschaftsanalyse. Die historische Gesetzmäßigkeit der Gesellschaftsformationen als Dialektik von Ereignis, Struktur und Entwicklung // Engelberg E. (Hrsg.). Probleme der marxistischen Geschichtswissenschaft. Beiträge zu ihrer Theorie und Methode. Köln, 1972. S. 33–77, S. 34.*

¹⁷ В списке важнейшей теоретической научно-исторической и историко-идеологической литературы по данному вопросу я поместил эту полемику в мою книгу, указанную в примеч. 7.

Нужно еще добавить, чтобы избежать распространенного заблуждения, что обоснованный указанным образом тезис о непрогнозируемости, а вместе с тем и тезис о том, что знание структуры исторического процесса не укладывается в форму закона, вовсе не является аргументом в пользу непредсказуемости решений и действий лиц, решающих и действующих свободно. Вот почему, напротив, следовало бы сказать, что в жизненных обстоятельствах, в которых действующие личности обладают неограниченной свободой действий, а значит, им ничто не препятствует делать все, что заблагорассудится, и при этом существуют в рамках институционально обеспеченных, гарантирующих свободу действий общественных порядков (например, в рамках рыночного порядка), свободная деятельность индивидов вполне предсказуема. Экономические науки, а также другие социальные дисциплины, которые — от социологии до политической науки — должны выдвигать эмпирически содержательные теории, позволяют нам постичь такого рода закономерности. В так называемой структурной истории это, как известно, реализуется в форме сжатого описания массовых движений в социальных системах, получаемого посредством обращения к теоретически познаваемым регулярностям, которым эти движения, по всей видимости, подчиняются на протяжении определенных периодов времени. Но подобные периоды времени всегда заканчиваются такими результирующими массовыми движениями, что рассматривать их как подчиняющиеся более высокой, определяющей социальной или политической закономерности — означает, по большей части, заниматься теоретическим мошенничеством. Или же они заканчиваются под воздействием таких внешних факторов, теоретическое вычисление вмешательства которых в течение событий потребовало бы теоретических возможностей такого масштаба, которые оказались бы по плечу разве что знаменитому демону Лапласа.

Это означает следующее. Так называемую структурную историю, с одной стороны, и так называемую событийную историю — с другой, вполне можно различать как в отношении содержания, так и в отношении методологии. Но то, что речь при этом вовсе не идет о различии несовместимого, а напротив, о различии между прагматикой исследования и прагматикой изложения, вытекает не в последнюю очередь из в высшей степени прагматической природы разной потребности в источниках, которые требуются для целей событийной историографии, с одной стороны, и для целей структурной историографии — с другой.

Наши архивисты, во всяком случае, в своей практике формирования архивной традиции уже настроились на указанное различие и находят вероятным, «что «событийная история» отражается преимущественно в архивных собраниях центрального уровня, а «структурная история», напротив, в архивных собраниях регионального и локального уровней. Чем выше уровень, тем сильнее структуры концентрируются в абстрактные формулы, в полупредложения в пространственных отчетах, в цифры и статистические данные. ...Структурное в структурах встречается, как это ни парадоксально звучит, прежде всего на нижних этажах властных зданий»¹⁸. Все же данное различие событийной

¹⁸ Haase C. Op. cit. (См. примеч. 9.) S. 65–76, S. 74.

4. ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИНАМИКА И АРХИВНАЯ ТРАДИЦИЯ

истории и структурной истории, которое обладает добротным прагматическим смыслом в том числе в практике формирования традиции наших архивистов, понимается неверно, когда это различие рассматривают как различие двух исторических состояний развития исторической науки, из которых второе — состояние структурной истории — представляет собой конечный пункт превращения исторической науки в теоретическую. Такое представление неверно, потому что так называемые структуры, к которым, вместо действующих индивидов — будь то личности, будь то институты, — хотели бы в таком случае обратиться в исторической науке, в свою очередь, ничуть не иначе, чем личности или институты, обладают своей историей, причем историей, структура которой была обрисована выше. Это означает, что они обладают характером процессов, которые время от времени имеют направление, но не целенаправленны, и притом необратимы, но главное — непрогнозируемы, поскольку определяются также воздействием контингентных факторов и именно поэтому в целом не подходят для теоретического рассмотрения.

Далее, однако, нет необходимости в теоретической научно-исторической критике притязания «напасть на след» закона «движения» общества по аналогии с «естественным законом», которое в крайней форме было сформулировано Карлом Марксом. Здесь достаточно критически указать на абсурдность этого притязания, в котором отрицается опыт контингентного характера эволюций, сославшись на дурные последствия политики, ориентирующейся на это притязание. О каких последствиях идет речь? О последствиях политико-идеологического самопривилегирования путем возведения самого себя в авангардную позицию вершителя смысла истории, оказавшегося в фарватере течения истории, познанного в его закономерности. Как это функционирует? Это работает так: тот, кто в силу своего теоретического понимания закономерной последовательности крупных общественных формаций знает, что только он в силу своей принадлежности к прогрессивной общественной формации способен в целом понять закономерность хода истории, также *eo ipso* знает — те, кто продолжает пребывать в общественном и интеллектуальном состоянии, обреченном на гибель и созревшем для отмирания, именно поэтому не в состоянии понять закономерность хода истории. Их возражение той теории истории, которая формулирует основополагающую закономерность хода истории и тем самым раскрывает ее смысл, в таком случае, соответственно, также не имеет чисто теоретического значения. Данное возражение указывает, напротив, что он имеет дело не с оппонирующим партнером по дискуссии, а с помехой прогресса, точнее — с классовым врагом. Тем самым это возражение против любого возражения приобретает, в свою очередь, политическое качество. Историческая теория становится критикой, выходящей при этом за пределы теоретической критики, — критикой практической. «Её объект есть её *враг*, которого она хочет не опровергнуть, а *уничтожить*»¹⁹. Это слова молодого Карла Маркса.

¹⁹ Marx K. Zur Kritik der Hegelschen Rechtsphilosophie. Einleitung // Marx K. Die Frühschriften / Landshut S. (Hrsg.). Stuttgart, 1953. S. 207–224, S. 210. Рус. пер.: Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 1. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955. С. 416.

Сформулировано ясно, и одновременно, как и было доказано, потенциально убийственно, когда подобное учение в определенных исторических условиях возводится в ранг идеологии, легитимирующей господство, а именно господство одной единой партии. Именно это побудило Карла Поппера посвятить свою книгу «Нищета историцизма»²⁰ миллионам жертв, которые в тоталитарных системах нашего столетия пали жертвой ложной веры в существование законов истории. Это звучит наивно, поскольку здесь философия, с которой мы обычно соприкасаемся как с вполне безобидным культурным явлением, оказывается возведена в ранг материальной силы. Но уже у молодого Маркса можно засвидетельствовать наличие притязания на то, чтобы сделать из философии средство интеллектуального формирования политически организованных масс, а затем у зрелого Маркса были теоретически идентифицированы и спрогнозированы реальные условия, при которых совершится подобное превращение теории в политическую практику.

Notabene. То, что критическая теория обрисованного типа хочет не опровергнуть своего противника, а уничтожить его, структурно в точности соответствует той историцистской теории истории, которая надеется объяснить и предсказать историю уже не как историю классовую, а как историю расовой борьбы. Для расовой теории также характерно, что тот, кто усвоил ее воззрения, тем самым уже знает, что он обязан этим исключительно своей принадлежности к той избранной расе, об избранном характере которой как раз и учит данная теория. Единство теории и практики здесь также достигает своего полного совершенства. Возражение против такой теории уже не имеет никакого дискурсивного значения; оно имеет характер объявления вражды. Факт возражения против того, что считают правильным, всегда одновременно действует и как средство укрепления собственной убежденности. Эту систему ориентации уже не достать с помощью аргументов. Ее крах был бы тождествен политическому краху ее субъекта, так что, в этом случае, даже неотвратимо надвигающаяся гибель может служить в качестве доказательства истинности собственных идеологических убеждений.

В другом контексте мы уже говорили о той ослепляющей интеллектуальной привлекательности, которая основана на обетовании превращения политики в практику, руководствующуюся постижением основного закона истории²¹. Здесь же речь идет только о том, чтобы сделать наглядным тот момент, что обрисованный в своей основной структуре историцизм, описанный Карлом Поппером, последовательно отражается также в архивном деле. Архивное дело, разумеется, относится к самым безобидным и дружественным учреждениям в тоталитарных общественных системах. Поскольку, однако, как уже говорилось, тоталитарные системы господства легитимировали себя прежде всего исторически-идеологически, архивы, как институты организованного форми-

²⁰ Первое издание вышло в 1960 г. Второе, стереотипное — в 1969 г.: *Popper K. Das Elend des Historizismus*. Tübingen, 1969. Рус. пер.: *Поппер К. Нищета историцизма* / пер. С.Л. Кудриной. М., 1993.

²¹ См. наст. изд., с. 135 и далее.

4. ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИНАМИКА И АРХИВНАЯ ТРАДИЦИЯ

рования традиции, выполняли необходимую вспомогательную функцию легитимации. Соответственно историко-теоретическая специфика историцизма накладывает существенный отпечаток и на теорию историцистского формирования архивной традиции. Понимание, что рецепция будущих интересов рецепции сама подвержена тому историческому изменению, которое мы стремимся учесть при формировании архивной традиции, т.е. то понимание, исходя из которого мы стремимся по мере сил представить себе современность как будущее прошлое, демонстрирует, как тут говорится, «безвыходность буржуазного архивного дела»²².

Какой выход все же есть или мог бы быть у социалистического архивиста ввиду этой безвыходности буржуазного архивного дела? Это, естественно, претензия на знание закономерности общественного развития в целом. Ведь если знать, в направлении какой конечной общественной формации должна развиваться любая история, и тем самым быть в состоянии определять место для собственного общества в рамках закономерной последовательности крупных общественных формаций *en gros* и *en détail**, то можно в принципе знать, что будет преимущественно исторически интересовать историка будущего, скажем, историка реально существующего в будущем коммунизма, относительно современной эпохи реально существующего социализма. Важным будет то, что в рамках закономерной последовательности общественных формаций составляет специфику современной формации. То, о чем сегодня думают, за что борются и над чем работают, является в его документационном осадке именно тем, к чему обратится историк будущего как к своему прошлому. Что же будет важным? Актуальные решения Единой партии как организованного авангарда рабочего класса, который, в свою очередь, представляет человечество будущего в современном облике, — в первую очередь это. Не стоит и говорить о том, важность каких других аспектов отсюда следует: это и перевыполнение индивидуальных обязательств в ходе социалистического соревнования, основанного на коллективной самоотверженности, когда зачину дела предшествуют золотые слова и дается обещание выполнить еще больше, чем обещают, это и практика планирования на всех уровнях, равно как и перевыполнение плана, это и трудности, которых, разумеется, также хватает, — будь то в результате происков классового врага, будь то в силу тех случайных непредвиденных обстоятельств, наличие которых как поверхностного исторического явления никогда, естественно, не отрицала и историцистская теория истории. То же, что, напротив, в длительной перспективе должно считаться менее важным, а то и вовсе неважным, оказывается комплементарным к этому — остаточные вещи, остатки того, что в прошлом являлось прогрессом, но в настоящее время оказывается

²² Этой цитатой Ханс Бумс характеризует сознание теоретического превосходства, которое иногда считает своим долгом проявить марксистско-ленинский архивист: *Booms H. Gesellschaftsordnung und Überlieferungsbildung. Probleme archivarischer Quellenbewertung. Vortrag des 47. Deutschen Archivtages // Der Archivar. 1972. Jahrgang 25. Heft 1. S. 23–28, S. 26.*

* В целом и в частности (*фр.*).

бессильной и потому политически пренебрегаемой формой уклонения от прогресса. Примером этого могла бы послужить религиозность, которая в результате закономерного объективного хода развития идеологии давно маргинализировалась. Другим примером могут служить остатки преступности, которые уже не будут присущи социалистической личности, полностью развившейся в меру всех своих творческих сил. Для чего же передавать будущему подобные сведения в их исторически незначительном осадке секретной документации? Отдельные материалы могли бы представлять интерес лишь для изучения того, что, на первый взгляд, не вписывается в закономерности развития и именно поэтому подходит для того, чтобы из ретроспективного взгляда будущего сделать еще более отчетливым неудержимый характер прогресса и тем самым постоянно убеждать в непреходящей истине учения классиков.

Тем самым с точки зрения теории истории марксизма-ленинизма решение об отборе документов для уничтожения, т.е. решение о селекции, в силу которого из утративших актуальность документальных материалов, с одной стороны, получают источники для будущего исторического исследования и, с другой — груда макулатуры, утрачивает тот контингентный характер, который такое решение неизбежно имеет в буржуазном истористском контексте. Прецепция будущих интересов рецепции ставится на надежный историко-теоретический прогностический базис. «Ценность документов», которые нуждаются в хранении, вытекает «из их значения для познания исторических фактов», для изучения которых они в будущем понадобятся. Непреходящее значение исторического факта теперь можно установить объективно: он позволяет познать «исторический процесс и его закономерности» и тем самым обещает еще раз подтвердить теорию этих «закономерностей», уже сформулированную в ее основных чертах классиками²³. В таком случае, соответственно, в историцистском архивном деле становятся ненужными разнообразные индивидуалистические рефлексии по поводу философии отбора документов для уничтожения. Более того, имеются единые и обязательные «принципы передачи ценностей для сохранения и уничтожения письменных материалов социалистической эпохи в ГДР»²⁴. Данные принципы оценки можно развивать указанным способом с «позиций марксизма-ленинизма», при условии их «правильного применения» в основном после «овладения диалектическим и историческим материализмом»²⁵.

Один западногерманский архивист в 1972 г. в противовес этому «рискнул утверждать», что проблема отбора документов для уничтожения, заключающаяся в необходимости прецептивно распознавать уже сейчас, в ситуации

²³ Статья «Bewertung» в Словаре по архивному делу ГДР: *Lexikon Archivwesen der DDR / Herausgegeben von der Staatlichen Archivverwaltung des Ministeriums des Innern der DDR. Berlin, 1977. S. 93–95, S. 94.*

²⁴ Potsdam 1965 AVO [Ausführungsverordnung — исполнительное постановление], § 13–16 // *Ibid.* S. 95–96, S. 95.

²⁵ См. ключевое слово «Bewertungsgrundsätze — Regeln für die Bestimmung des Wertes von Registraturgut zum Zwecke der Aufbewahrung oder Kassation» // *Ibid.* S. 97–98, S. 97.

4. ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИНАМИКА И АРХИВНАЯ ТРАДИЦИЯ

динамично протекающей цивилизационной эволюции будущие интересы рецепции, является неразрешимым парадоксом²⁶. Между тем можно сказать, что это утверждение не слишком рискованное. Марксизм-ленинизм, который, все-таки, и для западногерманских интеллектуалов в конце 60-х и начале 70-х годов XX в. еще раз предстал во всем блеске обетования быть надежным расписанием, по которому человечество может ориентироваться в своем путешествии в будущее, с тех пор сам превратился в реликт, что поразило в том числе и немарксистов. Тем не менее труд архивистов ГДР — насколько это вообще возможно прецептивно предвидеть на период нескольких десятилетий — оказался не напрасным. Исторический интерес к культурному наследию марксизма-ленинизма периода его несокрушимого идеолого-политического господства будет расти. В будущем людям будет интересно знать, что это, собственно, за вера такая существовала, которая, руководствуясь уверенностью в том, что напала на след «естественного закона» общества, считала себя вправе потребовать для свершения своего исторического смысла миллионов жертв, пока она не начала распадаться, превращаясь в смесь цинизма и горечи, возвращаясь вместе с тем к более близким к *common sense*, известным из повседневного опыта формам понимания хода вещей в мире. Крах масштабной всемирно-исторической попытки привести историю в согласие с ее мнимой закономерностью, оказался аргументом также и в пользу историзма (каковой сам должен был стать жертвой этой попытки), подтвердившим следующее: даже свою собственную эволюцию историзм предсказать не сумел. Причем само существование историзма, который действительно в какой-то момент превратился в систему убеждений, имевшую всемирно-историческое значение, вполне можно объяснить еще и исторически, совершенно не выходя при этом за пределы истористских конвенций²⁷.

Для проблемы формирования традиции, которой мы здесь занимались, это, однако, означает, что те самые люди, которые заигрывали с истористским решением проблемы отбора документов для уничтожения, также обнаруживают себя снова отброшенными к опыту того, что в динамически протекающей культурной эволюции прецепция будущих интересов рецепции в принципе невозможна. Мы не можем знать, что захотят узнать о нашей современности, когда она станет прошлым. Не порожденные теорией принципы оценки, а напротив, способность суждения, которая соотносит общее знание о важных и неважных вещах в смене жизненных обстоятельств человека с документальным отражением этих обстоятельств в целях формирования традиции, имеет какой-то более или менее неопределенный шанс принять решение о традиции, которое и в будущем может быть встречено с одобрением.

Знание *common sense* — вот к чему мы должны возвращаться в случаях, когда мы знаем, что ничего не можем знать, из того, что следовало бы знать, чтобы придать статус теоретической достоверности действительным основаниям

²⁶ *Booms H.* Op. cit. (См. примеч. 22.) S. 26.

²⁷ О научной теории исторических объяснений см. главу «Что означает “Это можно объяснить только исторически”?» в моей книге, упомянутой в примеч. 7 (S. 35–47).

принимаемых решений. Если мы ориентируемся на знание *common sense*, то что нам остается, если мы знаем, что прецептивно теоретическая достоверность о будущих интересах рецепции недостижима? Ответ, подтвержденный повседневным опытом, гласит: надо оттягивать момент, когда принимается решение о том, что хотят сохранить в качестве источников для будущего исторического исследования, а что из существующих сегодня документов определенно надо отобрать для уничтожения, так как оно не представляет никакого исторического интереса для будущего в той мере, в какой мы вообще можем его себе представить. Это известно даже по опыту домашнего обхождения с материалами, которые могут иметь значение для приватного, семейного формирования традиции и культуры памяти. Во всех обществах модерна фотоаппараты общедоступны. Они в основном используются для документирования семейной истории. Жизненный путь каждого человека сегодня полностью проиллюстрирован во всех его фазах. Ни один семейный праздник не обходится без группового снимка; в каждой вылазке на экскурсию создаются фотографии, конкурирующие с индустрией видовых открыток; на фотоснимках запечатлевается все: от кулька со сладостями в руках первоклассника и семейного автомобиля до строительства дома или дачного домика. В плане культурной истории это совершенно новое явление, и, соответственно, обхождение с постоянно растущим множеством данных документов семейной истории имеет разнообразные варианты. О сохранении всех этих документов не может быть и речи — прежде всего по причинам переполнения мест для хранения, но также из-за очевидной утраты интереса, которая неизбежна при быстро растущем количестве документов такого рода уже через одно поколение. Проблема отбора документов для уничтожения возникает под растущим давлением массы следов коммуникации, возникающих в ходе жизни в обществе модерна, также и в приватной области. И из практики формирования приватной традиции мы знаем, что делать, когда мы при разборе личных архивов застываем в нерешительности, не зная, что могло бы вызвать рецептивный интерес у будущих поколений, а что нет: мы отодвигаем решение об отборе документов для уничтожения по-дальше — в реалистическом предвидении, что когда наши собственные дети или даже внуки вступят в возраст, в котором начнет формироваться интерес к себе самому как интерес к тому, кем ты был прежде, то выяснится, что приковывает взгляд в собственном прошлом и что не приковывает, так что последнее отправляется в корзину для бумажного мусора. Разумеется, в подобных актах, с которыми связано формирование традиции в пределах семьи, рецепиенты и прецепиенты могут непосредственно общаться друг с другом еще через три, а то и четыре поколения. Так, конечно, не получается в случае актов, связанных с формированием коллективной архивной традиции, когда речь идет о расчете на более длительные сроки ее передачи, при этом соответственно снижается вероятность достичь в процессе отбора документов для уничтожения достоверного совпадения прецепции и рецепции.

Как бы там ни было, чем позднее отбираются документы для уничтожения, тем выше вероятность подобного совпадения. С точки зрения архивационной практики это означает, что письменная документация принимается на времен-

4. ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИНАМИКА И АРХИВНАЯ ТРАДИЦИЯ

ное хранение, чтобы она вылежалась; тем самым выигрывается время для более объективной оценки — «архивировать или уничтожить?»²⁸. Дать отлежаться, выиграть время — вот такие вполне рациональные, причем опробованные с точки зрения здравого смысла вспомогательные принципы остаются в нашем распоряжении, невзирая на понимание принципиальной теоретической неразрешимости проблемы прецепции. Потенциальному материалу традиции следует дать максимально состариться, чтобы выяснить, что, несмотря на его возраст и в конечном счете из-за его возраста, он мог бы стать объектом устаревающего интереса будущих поколений к их прошлому. С увеличением темпоральной дистанции от некоей ситуации последняя приобретает историческую обозримость. Чем более мы отдаляемся от нее, тем лучше обнаруживается то, что именно благодаря этому отдалению становится видимым как господствующий в ней элемент. Так примерно звучат привычные насыщенные метафорами описания опыта, говорящего о том, что нужно дать времени пройти, чтобы прошлое, которое могло бы стать объектом долговременного интереса к его актуализации, можно было познать.

Здесь не место обсуждать технические предпосылки практики временного хранения, нацеленной на придание сопротивляемости устареванию материалам, рассчитанным на будущий исторический интерес. Ключевым словосочетанием, подходящим для этого, является «временные архивы»²⁹. Можно ли — и в каких масштабах — создать подобные временные архивы, это не вопрос принципа, а напротив, вопрос имеющихся средств и, кроме того, вопрос интенсивности господствующих исторических интересов, о которых, в свою очередь, зависит, в каком объеме должны иметься в распоряжении средства для обслуживания этих интересов. В общем, кажется, с этим все в порядке. С ростом динамики цивилизационного прогресса, чья мера ведь одновременно является мерой для скорости устаревания нашей цивилизации, усиливается интерес к тому, чтобы устаревший с точки зрения жизненной практики цивилизационный материал содержать в настоящем времени как объект будущего исторического интереса. Но сколько ни расширяй прежние пределы имеющихся емкостей для хранения — все равно наткнешься на пределы, причем тем скорее, чем быстрее растет информационный осадок, который накапливается в современных, т.е. в динамических обществах растущей сложности. Затем придется отбирать для уничтожения то, что поначалу еще сохраняли для верности, и чем дольше можно было выжидать из-за ограниченной вместимости временных архивов для «отстаивания», тем увереннее можно констатировать: «Сегодня я бы это добро», которое прежде когда-то приняли от производителей письменной документации, «ни в коем случае не принял». И тогда его отбирают для уничтожения задним числом. «Вторичный отбор документов для уничтожения» — так называется эта процедура на языке тех, кто профессионально формирует архивную традицию. Некогда это было «табу для архивистов», се-

²⁸ Haase C. Studien zum Kassationsproblem // Der Archivar. 1976. Jahrgang 29. Heft 2. S. 183–196, S. 103.

²⁹ Ibid.

годня это — необходимость, обусловленная давлением массы документации, чье оправдание заключается в опыте, что в динамической и именно поэтому самоисторизирующей цивилизации способность к идентификации материалов, представляющих исторический интерес для будущего, непрерывно увеличивается с возрастом этих материалов. Процесс формирования архивной традиции должен восприниматься как исторический процесс. Это позволяет динамизировать его, т.е. эмансипироваться от мнимой обязательности формирующих традицию решений вчерашнего или позавчерашнего дня. Прецепции суть не что иное, как попытки предвидеть будущие интересы рецепции, а они, как и те, отмечены печатью истории. Для практики современного формирования архивной традиции это означает свободу пересмотра решений о хранении, принятых вчера или позавчера. Решения об отборе документов для уничтожения, которые прежде считалось возможным принять в отношении имеющегося в настоящий момент массива документов, лучше все же принять после того, как та прежняя современность уже давно стала прошлым, и непонятно, почему ошибка, обнаружившаяся в суждении о необходимости хранения поступивших коммуникативных реликтов, теперь сама навсегда должна сохраняться только потому, что речь шла об ошибке в отношении мнимой будущей исторической ценности реликтов письменной документации. Прецепции будущего исторического интереса к наследию того прошлого, которое еще остается современностью, не канонизируемы, поскольку они сами историчны. И единственной обязанностью, которая прибавляется у того, кто пересматривает руководствовавшиеся прецепцией решения об отборе для уничтожения документов вчерашнего или позавчерашнего дня, есть обязанность документированной фиксации этой ревизии в интересах сохранности источников для будущей прецептивной историографии³⁰. В контексте культуры, осознающей свою историчность, рождается не только интерес к актуализации истории изменяющегося присутствия прошлого («история рецепции»). Мало того, в конечном счете развивается еще и интерес к истории изменяющегося присутствия будущих исторических интересов к прошедшим эпохам, которые еще являются современностью («история прецепции»).

Речь идет в практике формирования архивной традиции, как мы видели, не просто о «la mémoire», а, скорее, о «la mémoire du futur»*. Нельзя будет узнать, кто мы были, «si l'on ne conserve pas des elements jugé aujourd'hui sans intérêt..., mais qui seront indispensables demain à comprehension de notre société»**. Так сформулировал Жан Фавье, «Directeur des Archives Nationales»***, в своем выступлении на XI Международном конгрессе архивов в Париже (август 1988),

³⁰ См. в отношении вышеупомянутого материала раздел X («Вторичное уничтожение документов — нарушение архивного табу?» — «Die Nachkassation — Verletzung eines archivischen Tabus?») в: Naase C. Op. cit. (См. примеч. 28.) S. 193–196.

* «La mémoire» — память (фр.), «la mémoire du futur» — память будущего (фр.).

** «Если не сохранять элементы, не вызывающие интереса сегодня..., но которые завтра будут незаменимы для понимания нашего общества» (фр.).

*** Директор Национальных архивов [Франции] (фр.).

4. ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИНАМИКА И АРХИВНАЯ ТРАДИЦИЯ

посвященном теории и технике «*mémorization de l'information*»*. Поскольку то будущее, память которого архивисты должны уже сейчас прецептивно организовывать, в свою очередь, когда-нибудь станет прошлым, тогда надо будет историографически обновить и саму историю этой организации предпосылок будущей памяти. Практика, посредством которой наша культура осуществляет свою самоисторизацию, включая соотнесенность этой практики с будущим³¹, сама подвержена универсально действующей тенденции к самоисторизации.

Для институционального сохранения этих тенденций к самоисторизации нашей культуры составляется «*Projet de Très Grande Bibliothèque*», а президенту республики предоставляется слово на проходящем в столице международном конгрессе формирователей традиции, — все это в духе французских традиций. Лишь культура модерна является культурой организованной самоисторизации, и это делает понятным, почему «*Проект очень большой библиотеки*» мог быть назван комментаторами «*le plus onéreux de tous les grands travaux entrepris ou poursuivis par le président de la République*»**. В обстановке всеобщего общественного одобрения крупного проекта, призванного организованно самоисторизовать наше общество, весьма реалистичной является идея, приписанная президенту репортером, писавшим отчет с конгресса, «*de laisser son nom à une Très Grande Bibliothèque*»*** в надежде тем самым надолго запечатлеть память о самом себе³².

В федеральных системах указанная идея *Très Grande Bibliothèque*, призванная играть роль центрального института формирования архивной традиции, организованного национальным государством, едва ли имела бы шансы на успех хотя бы уже по конституционно-правовым причинам. Было бы неправильно считать это исключительно недостатком. С учетом разъясненных трудностей, которые вызывает у тех, кто формирует архивную традицию, проблема прецепции, региональный и функциональный плюрализм в институциональном формировании архивной традиции даже имеет преимущество. Это преимущество вытекает из правила Гёте: «Кто много предложил, тот многим угождает»³³. Если в одной из федеральных земель преимущественно принимаемые во внимание прецептивные точки зрения, сложившиеся под воздействием случайно возобладовавшего в регионе духа времени, позднее оказываются

* Запоминание информации (*фр.*).

³¹ Эта соотнесенность с будущим архивной практики позволяет также назвать модернизацию этой практики «*révolution des conservateurs*» [«революцией хранителей (или консерваторов)»]: «*Pour le premier d'entre eux, Jean Favier, l'avenir importe encore plus que le passé?*» [«Для первого из вас, для Жана Фавье, будущее значит еще больше, чем прошлое»] как полагает Бернард Ульман: *Ullmann B. Archives: La course contre l'oubli // L'Express*. 1989. 1. Septembre. P. 42–48, p. 47.

** «Самым дорогостоящим из всех великих дел, предпринятых и осуществляемых президентом Республики» (*фр.*).

*** «Назвать своим именем Очень большую библиотеку» (*фр.*).

³² См. по поводу сказанного выше: *de Roux E. Le Onzième Congrès International des Archives. La mémoire du future // Le Monde*. 1988. 26. August. P. 1, p. 17.

³³ *Гёте И.-В.* Фауст. Пролог на театре. Слова директора (рус. пер. Н. Холодковского).

нецелесообразными, то данный недостаток можно, видимо, компенсировать материалами традиции, которые были сформированы в других федеральных землях в результате решений об отборе документов для уничтожения, руководствовавшихся другими прецептивными точками зрения. Преимущество дает также то обстоятельство, что в информационных обществах модерна коммуникативные осадки накапливаются не только у государства, но, кроме того, во все большем объеме у постоянно растущего числа институтов, которые за пределами государственной организационной власти функционируют в экономической, социальной и культурной сферах. Не существует такой центральной инстанции, каковая могла бы посредством распоряжений осмысленно сделать обязательными к исполнению точки зрения, перцептивно определяющие коллективное формирование традиции, которые бы охватывали все плюралистически освоенное поле организованных интересов. Соответственно в свободных жизненных условиях повышается вероятность того, что те труды, посредством которых наша культура осуществляет свою самоисторизацию, не только находятся не на стремнине, где их подгоняет ветер духа времени, но движутся вопреки ей. В силу этого здесь имеет шанс на сохранение то, что в других случаях считается напрочь лишены исторического интереса, тогда как в этом случае сохраняется как предмет особой прецептивной оценки, которая позднее может оказаться разделяемой всеми рецептивной оценкой. В динамической культуре тенденции к плюрализации являются не в последнюю очередь тенденциями различных исторических предпочтений. Индивиды обретают свободу выносить свое собственное суждение о том, что является *up-to-date*. Свобода вообще не стремиться быть *up-to-date* также предоставлена каждому, и там, где господствуют идеалы авангарда, вместе с ригоризмом ориентации на них растет разнообразие путей, которые позволяют опередить современность. Иными словами: модернизация, т.е. динамика и комплексность наших общественных жизненных отношений, ведет к росту исторической разновременности хронологически одновременно существующих индивидов. Институты — в том числе институты формирования архивной традиции — также участвуют в процессе этой плюрализации, и вместе с возрастающей неоднородностью наших прецепций растет вероятность того, что крайне гетерогенные интересы рецепции будущих поколений могут оказаться удовлетворенными нашей практикой формирования традиции.

4.4. Библиотеки-книгохранилища, или Необходимость разделения актуальной и устаревшей информации

Историческое сознание не является традиционным сознанием. Оно не обещает неизменно значимые традиции. Оно, напротив, вырастает из опыта своего устаревания. Традиции — это ориентационно-практические культурные самоочевидности, значимость которых распространяется за пределы одного поколения¹. Пока такие традиции остаются значимыми, эпохи различаются не исторически, а хронологически. Поколения сменяют друг друга. Но накопленный и передаваемый от поколения к поколению опыт остается как таковой постоянным. Современность распространяется на всю сферу опыта, который в смене поколений не отвергается, а наоборот, подтверждается. Год следует за годом, но через их смену сохраняется то, что передает традиция, — непреходящая современность.

По контрасту с этим историческое сознание не является, следовательно, сознанием традиции. Оно включает опыт устаревания традиций, да и вообще возникает лишь благодаря такому опыту. Исторический опыт есть опыт направленного изменения наших жизненных условий в результате новшеств, обратной стороной которых оказываются процессы старения. Не непреходящая современность того, что постоянно сохраняет свою значимость, а сжимающаяся современность культуры, в темпоральной ориентации которой расходятся разные стороны пространство опыта и горизонт будущего, есть современность исторического опыта².

О содержании специфического для модерна опыта растущей скорости инноваций, с одной стороны, и — комплементарно к этому — растущей скорости устаревания элементов культуры — с другой, нет нужды спекулировать. Если судить по истории индустрии публикаций, а точнее — истории институтов, созданных для хранения опубликованных материалов, т.е. по истории наших библиотек, то становится очевидно, что опыт современной истории спровоцирован быстро растущим множеством новшеств, с одной стороны, и комплементарно к этому столь же быстро растущим множеством реликтов прогресса — с другой. Хорошо известен и исторически оценен драматический всплеск потока книг уже в конце XVII в. и затем, главным образом, в XVIII сто-

¹ Все существенные аспекты понятия традиции разбираются в книге: *Shils E. Tradition*. London; Boston, 1981.

² О темпоральной характеристике первоначальной ситуации исторического сознания в результате расхождения в стороны пространства опыта и горизонта будущего см.: *Koselleck R. "Erfahrungsraum" und "Erwartungshorizont" — zwei historische Kategorien // Koselleck R. Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. Frankfurt am Main, 1979. S. 349–375.

лети³. Естественно предположить, что опыт, благодаря которому сформировалось историческое сознание, в своих истоках не в последнюю очередь был опытом чтения. Но мы не будем заниматься исторической верификацией этих взаимосвязей. Для современности очевидно: со множеством нового растет навязчивость устаревшего. Это влияет в том числе и на техническую сторону обхождения с устаревшим, так что стоит учитывать и эту сторону дела. Работа исторического сознания по актуализации прошлого в динамической цивилизации протекает не только ментально. У нее имеются также материальные и организационные аспекты. В конечном счете нашей памяти оказывается недостаточно, чтобы справиться с давлением старого, объем которого возрастает вместе с прогрессом. Да и для практики формирования архивной традиции существуют пределы роста. Это стало уже ясным на примере архивной практики. В библиотечном деле, *mutatis mutandis*, дело обстоит аналогично.

Хотите, чтобы я продемонстрировал это на цифрах библиотечной статистики? Для библиотекарей это, разумеется, совершенно излишне. Но для неспециалистов в библиотечной науке, к которым в подавляющем большинстве случаев относятся и прилежные посетители библиотек, полезно с помощью нескольких взятых для примера цифр составить себе представление о соотношениях величин в рамках того процесса развития, о котором здесь идет речь. Ведь уже давно в регулярных публикациях ежедневных и еженедельных газет, а также в экономическом их разделе, из года в год освещаются новые рекорды книжных ярмарок. По сведениям «Немецкой национальной библиографии» это выглядит следующим образом: в Федеративной Республике Германия, включая Западный Берлин, было произведено в 1951 г. около 14 000 книжных изданий; 20 лет спустя число изданий выросло уже до 43 000 экземпляров; через 15 лет оно увеличилось еще на 20 000. Эти цифры, конечно, не скажут ничего, если — как это, к сожалению, все еще водится за многими нашими учеными-гуманитариями — нет привычки давать оценки качественному значению количественных показателей. Досада от неслыханного требования — еще и в культурной сфере уважать статистические данные, нередко выливается в культур-критические, а точнее, в культур-пессимистические комментарии. Возможно, причины для подобного пессимизма существуют. Но для демонстрации этого необходим детальный анализ. Поскольку он еще не проведен, остается уверенно выступать против склонности считать количественный рост в сфере культуры не имеющим качественного значения. Больше изданий, больше книг — это означает все-таки, что люди читают больше, иначе пришлось бы поверить в абсурд, что хотя число проданных книг растет (что невозможно отрицать), в то же время число прочитанных книг, напротив, остается прежним или даже сокращается — как нас уверяет популярная критика культурного влияния телевидения⁴.

³ В отношении научной журнальной продукции, к примеру, см.: *Kronick D.A. A History of Scientific and Technical Periodicals. The Origins and Development of the Scientific and Technical Press 1665–1790. 2nd ed. Metuchen; New Jersey, 1976.*

⁴ По поводу приведенных цифровых данных см. «*Buch und Buchhandel in Zahlen*», изд. 1987 г., S. 11.

4. ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИНАМИКА И АРХИВНАЯ ТРАДИЦИЯ

Так или иначе, быстро понимаешь, что приведенный в качестве примера количественный рост должен иметь весьма существенные качественные последствия, особенно для сегодняшней так называемой читательской культуры⁵. К этому надо будет еще вернуться. Здесь же поначалу речь пойдет о последствиях данного процесса для практики формирования архивной традиции в исторических целях. Растущее производство книг отражается, естественно, также на аналогичном росте библиотечных фондов — для университетских библиотек в бывшей ГДР из 2,5 млн томов незадолго до начала Первой мировой войны до почти 10 млн томов через 20 лет после основания ГДР — с поразительным ростом еще на 50% в последующие четыре года⁶. Эти цифры существенно превосходят средние показатели темпов прироста, полученные Адельхайд Касбом из статистической организации ООН, согласно которым «каждые 20 лет» происходит «удвоение фондов университетских библиотек»⁷. Это оправдывает название нашего времени как «эпохи бурного развития библиотек»⁸. И это несмотря на то что благоразумные комментаторы существующих планов развития библиотек считают «слишком завышенным» ожидание «удвоения ежегодно приобретаемых томов на протяжении 10 лет»⁹ — во всяком случае для библиотек высших учебных заведений в целом.

Фантазии непрофессионала достаточно и в этом случае, чтобы немедленно прийти к выводу, что дальше так продолжаться не может. Если экстраполировать динамику новейших процессов развития библиотек, можно быстро осознать всю абсурдность ситуации, в которой мы окажемся, если только мысленно предположим, что действительность будет развиваться в соответствии с этой экстраполяцией. Тогда в начале следующего тысячелетия Баварская государственная библиотека должна будет разместить гораздо более 7 млн томов, а еще через полстолетия — почти удвоенное количество¹⁰. Еще более драматично будет выглядеть ситуация со скоростью роста, если взять случай, когда

⁵ См. по этому поводу: *Engelsing R.* Die Perioden der Lesergeschichte in der Neuzeit. Das statistische Ausmaß und die soziokulturelle Bedeutung der Lektüre // *Börsenblatt für den Deutschen Buchhandel.* Frankfurter Ausgabe. 1969. 27. Juni. Nr. 51. S. 1541–1569.

⁶ *Schwarz G.* Die Speicherung wenig benutzter Literatur in der DDR // *Zentralblatt für Bibliothekswesen.* 1975. Jahrgang 89. S. 397–401, S. 397.

⁷ *Kasbohm A.* Kriterien für die Aussonderung wenig benutzter Literatur // *Zentralblatt für Bibliothekswesen.* 1972. Jahrgang 86. S. 263–278, S. 263.

⁸ *Pflug G.* Bildungsplanung und Bibliotheksentwicklung // *Wege zur Neuen Bibliothek.* 74. Deutscher Bibliothekartag in Bielefeld vom 12.–16. Juni 1984 / R. Frankenberger, J. Hering, E. Zwink (Hrsg.). Frankfurt am Main, 1985. S. 15–27, S. 15.

⁹ *Wimmer H.* Modelle für die Berechnung des Literaturbedarfs an Universitätsbibliotheken // *Literaturversorgung in den Geisteswissenschaften.* 75. Deutscher Bibliothekartag in Trier 1985 / R. Frankenberger, A. Habermann (Hrsg.). Frankfurt am Main, 1986. S. 31–51, S. 39.

¹⁰ Сведения об этих данных, а также об аналогичных показателях других библиотек см.: *Totok W., Oberschelp R.* Wie lange können unsere Bibliotheken noch weiterwachsen? // *Buch und Bibliothek.* 1982. Jahrgang 34. S. 820–824, S. 821.

прирост книг за 20 лет учетверился¹¹. Подобные тенденции делает очевидным следующий вывод: «В пределах относительно короткого времени... построенных за последние десятилетия зданий едва ли будет достаточно!» «Можно ли представить себе, что методы XX столетия позволят повсеместно обеспечить площади для такого роста?»¹². Нет, этого представить себе нельзя. Цифры являются весьма полезными наглядными средствами, и кто хотел бы сделать их еще более наглядными, пусть пересчитает названное в качестве примера количество томов в погонные метры полка, а их — в потребные площади, и еще определит потребность в финансах, следуя профессиональным расчетам числа необходимых дополнительных штатных единиц персонала для сохранения работоспособности будущих супербиблиотек. Самое позднее на этапе калькуляции финансовой стороны подобной перспективы развития станет явно, что уже сейчас необходимо начинать проводить политику рационального ограничения роста, чтоб предупредить его неизбежное samozавершение в результате перехода в хаос.

Что же делать? В отличие от практики архивного формирования традиции, для практики библиотечного формирования традиции действует принцип: «Целью и впредь остается полное собрание духовного богатства современности»¹³. Архивисты, как мы видели, уничтожают документы, т.е. они уничтожают старые дела в весьма значительном объеме, а доля письменных документов, которую они считают необходимой для передачи, падает со скоростью, с которой растет поступающее множество письменной документации. Отсюда вытекает разъясненная проблема прецепции, т.е. проблема того, каким образом предвидеть интересы будущей рецепции. Мы уже говорили о границах разрешимости этой проблемы. В библиотечной практике передачи «духовного богатства современности» отпадает проблема прецепции. Передача собрания этого богатства будущим поколениям в виде «полного собрания», как уже цитировалось, считается у библиотекарей само собой разумеющимся делом. Возможно, при более детальном анализе современной практики публикации, включая и публикации в области некоторых научных дисциплин, прийти к выводу, что культурный долг по полному собранию печатных материалов, годных для хранения в библиотеках, не является таким уж само собой разумеющимся. С ростом количества печатной продукции растет также (что может подтвердить любой читатель) количество поводов для получения опыта избыточности прочитанного. Но отсюда вовсе не следует — по крайней мере в обозримом будущем, — что и библиотеки, по аналогии с архивами, должны были бы принимать решения об отборе для уничтожения и сдавать в макулатуру библиотечный печатный материал, который оказался недостойным для традирования.

¹¹ *Jammers A.* Abgabe von Bibliotheksgut der Hochschulen // Verband der Bibliotheken des Landes Nordrhein-Westfalen. Mitteilungsblatt. N.F. 1982. Jahrgang 32. S. 370–378, S. 370: «Таким образом, прирост книжных поступлений центральной библиотеки Технического высшего училища Ахена за последние 20 лет примерно учетверился».

¹² *Totok W., Oberschelp R.* Op. cit. (См. примеч. 10.) S. 821.

¹³ *Ibid.*

4. ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИНАМИКА И АРХИВНАЯ ТРАДИЦИЯ

Легко понять, что в библиотечной области совершенно невозможно найти критерии по идентификации книг, которые с гарантией не вызовут в будущем никакого интереса. Всегда имеется *intentio obliqua**, которая тематизирует то, что никому уже больше действительно не интересно в качестве предмета *intentio recta*** . Можно вспомнить, что даже грошовые тетрадки становились привилегированным объектом исследования для социологов массовой литературы, и эстетика китча, чтобы продолжать развиваться, точно так же нуждается в подобных материалах. Похоже, ни одна книга никогда полностью не может избежать *intentio obliqua* исторического интереса. Так или иначе, это отпечатки нашей культуры, а она все же основана на книге, которая заставляет нас почувствовать смущение перед уничтожением других книг. Да и в нашем частном, домашнем обхождении с книгами, когда места для хранения больше нет, нелегко соблюдать прагматический принцип, согласно которому каждое новое приобретение должно сопровождаться ликвидацией другой книги. Можно быть уверенным, что имеешь дело с решительным, рационально расчетливым характером, когда видишь, что человек готов отправить книгу в мусорную корзину — даже если это книги, после прочтения которых известно, что их не надо было читать и соответственно их никогда не будут перечитывать.

Короче говоря, библиотечное формирование традиции остается до сих пор формированием традиции, обходящимся без отбора документов для уничтожения. Но какое решение существует тогда для проблемы — как справиться с давлением массы ускоряющегося производства информации, оседающей в виде книг? Популярное на данный момент решение представляет собой принципиальный интерес для темпоральной структуры актуальной цивилизационной динамики. Оно основывается на различии актуальной и устаревшей информации. При этом речь идет явно о различии, практическая релевантность которого возрастает в ходе инновационной динамики. Архивы, будучи институтами формирования традиции в самоисторизирующейся культуре, как раз и не имеют дела с указанным различием. Архивы принимают письменные следы процессов общественной коммуникации, которые завершены, просрочены, вне архивов давно забыты, определенно не имеют значения для актуальных контекстов принятия решений и совершения каких-либо действий, и только в этом смысле еще представляют исторический интерес. Для библиотек, напротив, считается банальным, но основополагающим, совершенно обратное: они, в особенности научные библиотеки, должны собирать актуальную информацию и содержать ее наготове для исследовательских и образовательных целей. Все это относится и к историческим наукам, и к историческому образованию. Ведь исторические науки, невзирая на то что предметом их является прошлое, в свою очередь участвуют в прогрессе, а прогресс стремится быть доступным в своем новейшем состоянии. Но именно в силу своей обязанности, диктуемой динамикой научного прогресса, делать доступным новое и новейшее, библиотеки, как, впрочем, и другие культурные институты, обязанные держаться на

* Косвенная интенция (в логике — «косвенное определение») (лат.).

** Прямая интенция (в логике — «прямое определение») (лат.).

актуальном уровне, испытывают давление массы устаревшего материала, которая прирастает комплементарно к скорости инноваций. На рынках, где торгуют новейшей информацией, считается обязательным, что нужно как можно быстрее избавляться от быстро растущей массы устаревшей и потому не пользующейся спросом информации. Каждый газетный киоск действует таким же образом, и рынки, предлагающие продукты модного дизайна, который согласно широкому понятию информации, используемому нашими семасиологами, также можно было бы отнести к образцовым продуктам культурной информации, ведут себя аналогично и организуют распродажи.

Напрашивается возражение: как же можно сравнивать библиотеки с газетными киосками? Семантика немецкого слова «Vergleichen» (сравнение), к сожалению, позволяет тому, кто сравнивает, полагать, что он утверждает специфическую идентичность того, что он сравнивает¹⁴. И тем не менее: тот, кто утверждает, что нечто специфически отличается от чего-то другого, должен был точно так же сравнивать, даже в тех случаях, когда результат сравнения выражается эмоциональным возгласом «несравненно!». Именно в этом банальном смысле несравнимы библиотеки и газетные киоски. Менее банально сравнивать их в отношении подхода к устаревшим информационным материалам. Газеты устаревают изо дня в день, ну, может быть, с недели на неделю. С книгами и журналами все происходит несколько дольше. Может быть, впрочем, различие заключается в том, что книги и журналы, как только они в своем информационном содержании уже не являются новыми, превращаются в источники исторического знания, а из газет после смены дат получается макулатура? Это явно не тот случай. Правда в том, что вчерашнюю газету, не говоря уже о позавчерашней, в киоске уже купить нельзя. Почему нельзя? Причины очевидны: во-первых, спрос на старые газеты, который вполне может иметь место, настолько ничтожен, что для его обслуживания было бы нерентабельно устраивать рынки на углах улиц и, тем более, на вокзалах. Во-вторых, из-за высокой скорости устаревания данного информационного ресурса возникает масса проблем, которые в конкретных условиях уличных углов или вокзалов невозможно решить ни в техническом, ни в организационном плане. Только поэтому устаревший информационный материал в том же ритме, в котором поступает новый, т.е. ежедневно, выбрасывается — а не потому, что он не превращается в предмет исторического интереса по мере устаревания, как то имеет место в библиотечных фондах. Газеты ведь издавна считаются важными историческими источниками, и это их значение растет по мере модернизации современного общества. Модернизация, о которой здесь идет речь, есть модернизация информационного общества, в котором медийная информация о нашем мире, поступившая из вторых рук, выходит за

¹⁴ Именно это, например, было семантическим условием возможности так называемого «спора историков». См.: «Historikerstreit». Die Dokumentation der Kontroverse um die Einzigartigkeit der nationalsozialistischen Judenvernichtung. München; Zürich, 1987. О метафизике логически сомнительной критики сравнения см. мою брошюру: *Lübbe H. Politischer Moralismus. Der Triumph der Gesinnung über die Urteilskraft*. 2. Aufl. Berlin, 1989.

4. ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИНАМИКА И АРХИВНАЯ ТРАДИЦИЯ

пределы круга того знания о мире, которое проистекает из нашего первичного опыта жизненного мира¹⁵. В охарактеризованном таким образом информационном обществе реальное значение событий и процессов, с одной стороны, и их медийное освещение и тем самым их значение как элемента общественного мнения — с другой, потенциально все больше расходятся друг с другом. Это делает само господствующее мнение о реальном событии самостоятельным реальным событием. В так называемом информационном обществе история общественного мнения является интегрирующим моментом истории самих событий и структур, с которыми соотносится общественное мнение, и газеты, понятно, оказываются особенно важным источником для исследования истории общественного мнения. Соответственно давно существуют газетные архивы, даже специализированные. Разумеется, и газетные издательства также полностью историзированы, и они обслуживают читателей своей продукцией, дополнительно к актуальному информационному предложению, фрагментами из репортажей их ежедневной газеты того же дня за 100 лет до этого. Встречаются даже приватные коллекционеры газет, в особенности еженедельных иллюстрированных журналов, и издатели этих журналов предлагают их указатели содержания и переплет для подшивки. Конечно, независимо от специализированных газетных архивов, наши библиотеки также располагают богатыми газетными фондами, чье хранение, однако, сопряжено с особыми трудностями из-за низкой сопротивляемости газетной бумаги к устареванию. Информация, которая быстро устаревает, не высекается в камне, а наоборот, доверяется по возможности самому дешевому из носителей информации материалу. Эта низкая сопротивляемость старению противоречит исторической ценности сохраняемых на них информационных материалов. Ведь историческая ценность не снижается с возрастом этого информационного материала, а возрастает. Но к этому мы еще вернемся.

Подводя итоги, можно сказать: чем быстрее информационный материал утрачивает свою актуальность и тем самым превращается в объект исторического интереса, тем неизбежнее становится необходимость и в наших усилиях по сохранению информации с возможностью доступа к ней, и в функциональном отделении обслуживания интереса к актуальной информации от обслуживания исторического интереса к устаревшей информации. Именно это разделение издавна является само собой разумеющимся в газетном деле.

Но между тем наши библиотеки также испытывают давление проблем, связанных с повышенной скоростью устаревания библиотечных информационных ресурсов, и современные соображения библиотечных политиков о функциональном, а также пространственном разделении актуального информационного материала от чисто исторически интересного, являются напрашивающимся ответом на это. Это соображение, в частности, лежит в основе рекомендаций немецкого совета по науке относительно потребностей научных библиотек в кни-

¹⁵ На эту тему см. мою статью: *Lübbe H. Erfahrungsverluste und Kompensationen // Lübbe H. Die Aufdringlichkeit der Geschichte. Herausforderungen der Moderne vom Historismus bis zum Nationalsozialismus. Graz; Wien; Köln, 1989. S. 105–119.*

гохранилищах¹⁶. Это проблема массы материалов, проиллюстрированная выше¹⁷ некоторыми цифрами, которая «заставляет распрощаться» «с идеальным представлением, что пользователю в городе необходимо непосредственно предоставлять в распоряжение крупные книжные фонды»¹⁸. Вместимость хранилищ книг и журналов невозможно повысить одновременно во всех библиотеках параллельно росту книжно-журнальной продукции. Последствия очевидны: «В будущем будет невозможно избежать передачи малоиспользуемых книжных фондов в центральные библиотеки-книгохранилища»¹⁹. «Малоиспользуемые книжные фонды» были бы тогда доступны не всюду и не во всех библиотеках, но были бы сосредоточены только в некоторых библиотечных центрах. Высвободившиеся таким образом хранилища могли бы быть предоставлены для размещения быстро растущей массы актуальных библиотечных материалов. На слух это звучит убедительно — по крайней мере для дилетантов в библиотечном деле, которые не знакомы с разнообразными техническими, а также кадровыми и тем самым в конечном счете финансовыми проблемами, уже давно обсуждаемыми специалистами²⁰.

Наибольший интерес в данном контексте вызывает, естественно, ответ на вопрос, какие книжные фонды следует на продолжительное время оценивать как «малоиспользуемые книжные фонды». Для современности (к какой бы эпохе она ни относилась) на вопрос о частоте использования книги ответить легко. Так обстоит дело по крайней мере в принципе, хотя практически, особенно в условиях устаревшей библиотечной организации, могут возникать значительные трудности. При задействовании всех возможностей современной компьютерной техники эти практические трудности преодолеваются, во всяком случае в принципе, хотя практически, даже в современных библиотеках, по причинам едва ли преодолимой нехватки персонала, перевод бумажных каталогов старых книжных фондов на электронные носители информации в обозримый период совершенно невозможно осуществить. Как бы то ни было: даже если бы в принципе в современной ситуации можно было знать, какие книжные фонды будут затребованы в большей степени, а какие в меньшей или вообще не будут использоваться, то для разделения этих книжных фондов и тем самым для размещения редко используемых фондов в центральных архивных библиотеках необходимо было бы уметь идентифицировать с той или иной степенью надежности те из них, которые будут пользоваться малым спросом также и в будущем. Ответ на вопрос, о каком роде книжных

¹⁶ См. в связи с этим: *Havekost H.* Überlegungen zur Kosten-Nutzen-Rechnung in den Empfehlungen des Wissenschaftsrates zum Magazinbedarf Wissenschaftlicher Bibliotheken // *Zeitschrift für Bibliothekswesen und Bibliographie*. 1988. Jahrgang 35. S. 1–29.

¹⁷ См. наст. изд., с. 204.

¹⁸ *Totok W., Oberschelp R.* Op. cit. (См. примеч. 12.) S. 822.

¹⁹ *Ibid.* S. 823.

²⁰ См. об этом в качестве примера: *Hauser H.-J.* Ausweichmagazin oder Speicherbibliothek. Zur Auslagerung von Literaturbeständen aus wissenschaftlichen Bibliotheken // *Zeitschrift für Bibliothekswesen und Bibliographie*. 1983. Jahrgang 30. S. 371–389.

4. ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИНАМИКА И АРХИВНАЯ ТРАДИЦИЯ

фондов идет при этом речь, к сожалению, напрашивается такой: речь идет о библиотечных информационных материалах, устаревших прежде всего в результате научного прогресса. Изъявление сожаления в этом ответе предвидит стандартную реакцию культурно-исторически образованной публики на предложение разделять с помощью библиотечной технологии актуальную и мало востребованную, интересную разве что в историческом плане литературу. Действительно, процитированное предложение Немецкого научного совета по разгрузке научных библиотек, состоящее в том, чтобы создать так называемые архивные библиотеки²¹, вызвало в газетных фельетонах бурю возмущения. В культуре, которая все более сама себя историзирует, нетрудно посочувствовать тому импульсу, который нашел выход в таких протестах. Тем не менее он исходит из двойного заблуждения. Одно заблуждение состоит в том, что библиотеки рассматриваются по аналогии с архивами. Действительно, в самоисторизирующейся культуре библиотеки, как и архивы, являются институтами формирования традиции. Но столь же банальное, сколь и основополагающее различие между обоими учреждениями заключается все же в том, что архивы в своей практике формирования традиции имеют дело исключительно с документальным информационным отражением административных, политических и юридических процессов, в которые, как правило, никто больше не вовлечен и которые в точном смысле определенно устарели и сделались объектом исторического интереса; тогда как библиотеки в соответствии с их первоочередной целью, которую как таковую нельзя признать оторванной от жизни, с точностью до наоборот должны презентовать и предоставлять для доступа самое новое. Прежде всего, библиотеки обязаны избавляться от того, что способно препятствовать достижению этой первоочередной цели. Устаревшие и почти уже не используемые библиотечные фонды, масса которых быстро растет благодаря прогрессу, становятся таким препятствием при условии исчерпания емкостей хранения.

Другое заблуждение, на основе которого возникают протесты против библиотечного разделения актуальных и устаревших, продолжающих представлять интерес только в историческом отношении книжных фондов, основано на в свою очередь устаревшем понимании того способа, благодаря которому в динамической цивилизации ее прошлое только и способно пребывать современным. Представим, что вместе с учебным освоением поставленной на научную основу жизненной сферы можно также усваивать историю этой жизненной сферы в ее основных чертах. Это представление в прежние эпохи истории нашей исторической культуры действительно некогда бытовало как учебно-практическая реальность — например, в виде обязательных историко-правовых компонентов учебного курса, входивших вплоть до нашего столетия в академическую учебную программу юристов. Если присмотреться, то можно заметить, что тут речь шла об учебных реликтах изучения материалов, которые некогда обладали каноническим статусом, однако в результате процессов кодификаций законов в обществах модерна, с одной стороны, и идущей ком-

²¹ См.: *Havekost H.* Op. cit. (См. примеч. 16.)

плементарно историзации древнего права — с другой, были, наконец, полностью упразднены с этой своей каноничностью. Опыт историчности прошлого углубляется благодаря зависимости от прогресса, а прошлое, которое действительно воспринимается как историческое, должно тогда также быть отделено в учебных планах как предмет специального научно-исторического исследования от изучения теоретических, эмпирических или связанных с актуальными действиями дисциплин. Это, очевидно, вовсе не означает, что в модерновой системе научных исследований и учебной практики исторические знания пришли в упадок. Все происходит в точности наоборот. Исторические исследования, а точнее, научно-исторические исследования, специализируются и дифференцируются как в персональном, так и в институциональном отношениях. История науки дисциплинарно обособляется в исследовательской и учебной части от наук, об истории которых при этом идет речь. Но это означает, что было бы бессмысленно в изучении какой-либо науки делать обязательным изучение другой науки, а именно изучение истории названной первой науки. Общее академическое и прочее культурное присутствие дисциплинарно обособившегося научно-исторического знания становится в результате этого процесса содержанием своего рода *Studium generale**. Это знание расцветает повсюду — также и в форме научно-исторического *Studium generale* — и, будучи реальной предпосылкой последнего в ходе развития истории науки, тем самым проясняет обусловленный прогрессом темп преобразования прежних исследовательских достижений в устаревшие достижения.

Если иметь перед глазами количественные измерения этого процесса, то быстро становится ясной абсурдность ожидания, что книжные фонды, которые еще вчера пользовались спросом как актуальные материалы, могли бы пользоваться спросом с аналогичной частотой из исторического интереса. В действительности превращение актуальных книжных фондов в такие, которые интересны только в историческом плане, представляет собой процесс драматического снижения спроса на них. Предметом специфически современного исторического интереса является не то, что в рамках традиционной самоочевидности обладает равной значимостью как в прошлом, так и в современном культурном контексте, иначе говоря, не то, что не устаревает, несмотря на свой хронологический возраст, а потому сохранится и в будущем. Устаревшее особо нуждается в консервации (поскольку иначе оно быстро исчезло бы без следа) и эксплицитных усилиях, направленных на то, чтобы сделать его понятным с помощью обращения к условиям использования и функциям, выполняемым им прежде. И когда такое понимание достигнуто, устаревшее может войти и сохраняться в нашей современности. Превращение отчужденного в результате эволюции прошлого в доступное для усвоения и овладения — таков результат деятельности исторического сознания. Только таким образом можно рассказывать свои собственные истории и истории других и тем самым являть в речи, кто мы, кто другие и кто мы такие в наших взаимоотношениях. Актуализация идентич-

* Лекции по общеобразовательным предметам, читаемые для студентов разных факультетов в университетах ФРГ.

4. ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИНАМИКА И АРХИВНАЯ ТРАДИЦИЯ

ности — это культурная необходимость в условиях ускорившейся трансформации идентичности. Самоисторизация является вынужденным следствием опыта обусловленного эволюцией отчуждения от настоящего и прошлого. Ничто так быстро не становится для нас чуждым, как устаревшее. Историческое сознание, которое озабочено им, не снимает это качество устаревшего, но располагает его в современности как понятое устаревшее.

Каждое посещение музея позволяет нам созерцать эти темпоральные взаимосвязи²². В случае архивов, которые, правда, как правило, посещаются профессиональными историками, вполне очевидно, что культурный материал исторически приобретает актуальное значение только за счет его выпадения из коммуникативных связей. Закрытые, а пока вновь не открытые документы становятся элементом традиции, и происходит это исключительно в силу намерений, продиктованных историческими мотивами.

Если бы учреждения и ведомства, производящие письменные документы, расстались с их ставшими ненужными правовыми и процедурно-деловыми бумагами и передали бы их на хранение в специальные, отведенные для формирования традиции институты, т.е. в архивы, пострадал бы от этого исторический смысл? Явно ситуация здесь обратная. Исторический смысл — это смысл, который состоит в потребности традировать и содержать в доступном виде устаревшее именно как устаревшее, чтобы оно могло быть актуализировано; и исторический смысл выражается в институциональном обособлении функций сохранения и формирования традиции.

Почему же в случае библиотек все должно быть иначе? Протест против создания архивных библиотек, вызванный заботой о будущем исторической культуры, ничем не обоснован. Вернемся еще раз к киоску, — разве в той или иной культуре, в которой газеты известны и признаны в качестве исторических источников исключительного значения, было бы выражением исторического невежества, если бы в киоске выставлялись исключительно газеты текущего дня? Ведь комплементарно к этому давно существуют газетные архивы, и только они, вообще говоря, в состоянии передавать и содержать газетные фонды вчерашнего и позавчерашнего дня в доступном виде, соответствующем современным интересам по актуализации прошлого. И здесь также различие между актуальной и устаревшей информацией проявляется, не в последнюю очередь, в крайне различной частоте спроса. Как часто мы покупаем газеты, и как часто, по контрасту с этим, ходим мы в газетный архив? Даже среди профессиональных историков по газетам наблюдается поразительный разброс ответов на этот вопрос. И так во всем: в динамической культуре распространяется спрос на устаревшее, но он никогда не растет по своей природе настолько интенсивно, как спрос на то новое, в результате появления которого устаревшее и становится устаревшим. Как же в случае библиотек могло бы быть иначе? Когда-нибудь различия в частоте использования актуального, с одной стороны, и компле-

²² См. также мою статью: *Lübbe H. Der Fortschritt und das Museum // Lübbe H. Die Aufdringlichkeit der Geschichte. Herausforderungen der Moderne vom Historismus bis zum Nationalsozialismus. S. 13–29.*

ментарно к этому уже устаревшего — с другой, станут просто вопиющими, и простое давление массы приведет в конечном счете к разделению фондов на пользующиеся высоким спросом актуальные материалы и менее интенсивно используемые фонды старых книг. Подобное разделение совершенно не противоречит прогрессивно самоисторизирующейся культуре. Здесь ситуация противоположная: именно та эволюционная динамика, которая принуждает нашу культуру к самоисторизации, вынуждает в условиях зависящего от инноваций растущего давления массы прибегать к формам сепаратного хранения старых материалов.

В динамической цивилизации, таким образом, становится все труднее с точки зрения жизненной практики содержать в неразделенном виде актуальное и то, что продолжает вызывать только исторический интерес. То, что библиотеки, в противоположность прежде всего архивам, до сих пор представляют преимущественно подобные смешанные формы хранения, связано главным образом с двумя причинами. Во-первых, рост книжных фондов, невзирая на его динамику, подтверждаемую некоторыми цифрами²³, существенно медленнее, чем расширение фондов в наших производящих письменную документацию администрациях, учреждениях и ведомствах. Очевидность того, что проблема массы не будет разрешена с помощью прежних организационных и технических средств, стала ясна в отношении библиотек лишь позднее. Во-вторых, книжные фонды, по-видимому, стареют все же медленнее, чем связанные сроком давности налоговые декларации или документация, относящаяся к выдаче разрешения на строительство. На техническом языке это будет звучать так: до недавнего времени с точки зрения библиотечной практики категория периода обесценивающего полураспада практически не находила применения.

Между тем повсюду ведутся разговоры о сокращающемся периоде обесценивающего полураспада книжных фондов, а особенно газетных фондов. При этом нет нужды детально разъяснять, как трудно, взяв какой-нибудь учебник или же журнальную статью, было бы сопоставить спорные количественные соотношения между устаревшими результатами исследований и результатами исследований, еще сохраняющими свою значимость, и таким образом на основе изменения этого соотношения во времени определить период обесценивающего полураспада указанного учебника или журнальной статьи. Напротив, можно надежно установить, как спрос на научную литературу падает в зависимости от ее возраста, и на основе именно этого знания принимать решения в отношении библиотечной практики. «Из обширных аналитических работ различных экспертов однозначно следует, что использование публикаций с увеличением их возраста падает»²⁴. Для естественно-научной литературы это справедливо в особенности, и соответствующие цифры могут поразить историков культуры, которые привыкли к несколько более долгим срокам сохранения значимости

²³ См. наст. изд., с. 205.

²⁴ Таково мнение Адельхайд Касбом: *Kasbohm A. Kriterien für die Aussonderung wenig benutzter Literatur // Zentralblatt für Bibliothekswesen. 1972. Jahrgang 86. S. 263–278, S. 269.*

4. ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИНАМИКА И АРХИВНАЯ ТРАДИЦИЯ

их литературы: 75% всех цитат в публикациях из области физики были взяты из работ по физике, которые имеют возраст менее десяти лет, как установил Дедиер уже для 1963 г.²⁵ Подобные цифры, упоминание которых здесь, разумеется, имеет не технический, а только риторический смысл для придания наглядности, соответствуют корреляциям между частотой заказа книги по абонементу и ее возрастом²⁶, и не в последнюю очередь это объясняет поражающий дилетантов размер доли библиотечных книжных фондов, никогда или крайне редко используемых. Об одной британской библиотеке сообщается, например: «Indeed, the figures suggest that perhaps three-quarters of the current serials in the Science Museum Library are so little used that one loan copy of these serials somewhere in the United Kingdom should be sufficient to meet the needs of all uses in the United Kingdom»²⁷.

Разумеется, устаревание — это не единственная причина низкого спроса. «10 самых ценных журналов», которыми библиотекари могут удовлетворить «80% требований читателей»²⁸, не являются *eo ipso* самоновейшими журналами. Чем больше журналов существует в целом, тем в большей мере они дифференцируются не только с дисциплинарных точек зрения, но и с точки зрения профессиональной эзотерики, с одной стороны, и научно-популярного просвещения — с другой, и отсюда также естественно возникают серьезные различия в частоте востребования. Наконец, не все специализированные издания в быстро растущей массе научных журналов представляют новые дисциплины, появившиеся в ходе специализации. Журналы основывают сегодня также со вторичными целями — с намерением создать конкуренцию на рынке публикаций, с намерением выделиться в качестве издателя журнала и таким образом обогатить свою академическую биографию, добавив к ней выгодную для имиджа и карьеры деталь, и т.д. и т.п. Поэтому успех журнала зависит не только от его качества, но и, равным образом, от случайных побочных условий, и меньшая или большая востребованность в подобных случаях не зависит прежде всего от даты выхода журнала. Все же устаревание книг и еще в большей степени — журнальных фондов является важнейшей причиной снижения спроса на них. Этот процесс ускоряется при убыстряющемся производстве нового знания в ходе научных исследований, так что нельзя назвать чистым произволом идею измерять период обесценивающего полураспада научной литературы по периоду сокращения их востребованности²⁹.

²⁵ Цит. по: *Kasbohm A. Op. cit.* (См. примеч. 24.)

²⁶ *Urquhart D.J. Use of Scientific Periodicals // Proceeding of International Conference on Scientific Information. Washington (D.C.), 1959. S. 287–300.*

²⁷ *Ibid. S. 293.* [«В самом деле, цифры говорят о том, что, возможно, три четверти периодических изданий в Библиотеке музея естествознания настолько редко используются, что одного экземпляра этих изданий, выдаваемого читателям где-либо в Соединенном Королевстве, было бы достаточно для удовлетворения всего читательского спроса на это издание в Великобритании» (*англ.*).]

²⁸ *Kasbohm A. Op. cit.*

²⁹ *Burton R.E., Kebler R.W. The “Half-Life” of Some Scientific and Technical Literatures // American Documentation. 1960. Vol. XI. P. 18–22.*

Культура прогрессирующей самоисторизации есть культура прогрессирующего расслоения актуально полезных и уже устаревших культурных элементов. Этот процесс добрался теперь также и до библиотек, причем не в противоречии к требованиям исторической культуры, а вследствие реальных условий, которые, в свою очередь, делают необходимой историческую культуру. Основание собственных архивных библиотек с их функцией особого хранения в том числе устаревших книжных фондов не должно было бы стать поводом к протестам из опасений о будущем исторической культуры. Совсем наоборот, оно означало бы прогресс этой культуры, а именно прогресс в обособлении специально посвященных ей институтов. Привычку к этому процессу можно облегчить, вспоминая о том, что линии раздела между старым и новым уже давно стали составной частью истории наших библиотек. Культурная эволюция порождает подобные линии даже без содействия библиотечных работников. Не меньшую роль — разумеется, на протяжении более длительных промежутков времени — здесь сыграли изменения в области знания и использования древних языков; процессы старения в рамках собственного языка, смена типов шрифта с последствиями для читаемости древних текстов — эти и многие другие процессы ограничивают востребованность некогда активно читаемой литературы теперешним кругом профессиональных экспертов. Технический прогресс также порождает линии раздела — например между той литературой, которая среди новых поступлений уже попала в электронный каталог и сохранена в компьютерах или доступна в виде копий на микрофильмах, и той более старой литературой, которая из-за существующего дефицита персонала на обозримый период остается доступной только через карточные каталоги, что понятным образом воздвигает перед более старой литературой барьер вида доступа, который стал теперь восприниматься как необычный. Наконец, издавна существует — как следствие специфически современного истористского респекта перед ценностью редкости старинных экземпляров — практика исключения редкостных и редчайших книг из сферы, в которой действуют всеобщие библиотечные правила пользования. Они остаются, например, исключенными из обмена книгами по межбиблиотечному абонементу, могут использоваться только в читальном зале и, наконец, вообще могут не выдаваться. Таким образом редчайшие книги субстанционально превращаются в объекты деятельности реставраторов и хранителей, в лучшем случае остаются выставленными в витринах фойе как музейные объекты, а что касается их семасиологического содержания, то они становятся доступны только в виде копий³⁰. Создание специальных архивных библиотек следует рассматривать как продолжение развития этого процесса. Новая, однако, в техническом отношении глубокая линия раздела, которая — вследствие создания архивных библиотек — по-новому пронизывает наши институализированные книжные фонды, была бы наиболее актуальным выражением осуществления исторического смысла, а вовсе не выражением его упадка.

³⁰ См.: Empfehlungen zur Verwaltung alter und wertvoller Buchbestände und zur Organisation von Rara-Sammlungen // Zeitschrift für Bibliothekswesen und Bibliographie. 1983. Jahrgang 30. S. 351–355.

4. ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИНАМИКА И АРХИВНАЯ ТРАДИЦИЯ

Уже давно доказано, что устаревший культурный материал, который для формирования традиции в исторических целях был выделен и обработан как специфический исторический материал, позволяет именно в результате этого расширить обращенный к нему исторический интерес³¹.

Итак, повторим еще раз: вместе с ускоряющимися в зависимости от прогресса процессами старения драматически падает спрос на более старые книжные фонды. Под давлением неразрешимых проблем массы это приводит к идее раздельного архивирования устаревшего как особого предмета специализированных исторических интересов, и там, где это делается — будь это собрание раритетов, будь это, наконец, архивная библиотека, — именно благодаря этому возрастает частота спроса, связанная с историческим интересом, вплоть до угрозы материальной субстанции очень старых книжных фондов в результате возросшей частоты их использования. Также и по этой причине наши книжные реставраторы загружены работой как никогда прежде³². Тем самым оказывается истинным следующее соображение: пока очень старое не было отделено и редко обнаруживало свое присутствие, находясь среди фондов разного возраста, оно было лучше защищено, чем выделенный сенсационный объект современного исторического любопытства. Вот почему перед библиотечными работниками встают проблемы, аналогичные тем, с которыми сталкиваются и наши археологи: древности, которые в благоприятных химических условиях под землей сохранялись тысячелетиями целыми и невредимыми, при попадании их на свет оказываются под угрозой распада — в результате изменения климатических условий, из-за проблем транспортировки в ходе выставочной деятельности, из-за краж и вандализма.

Угроза древностям как следствие различных форм проявления обращенного к ним исторического интереса — это тема была бы достойна специального рассмотрения. Здесь для нас важно на примере библиотек понять, что те же самые условия, которые провоцируют исторический интерес, делают неизбежным прогрессирующее отделение его предметов от остального культурного жизненного контекста. Если резюмировать сказанное, то с учетом динамики культуры модерна будет все труднее в рамках этой культуры совершать работу памяти, которые не были бы работой профессиональных экспертов в специализированных институтах формирования традиции.

³¹ *Dittrich W. Erfahrungen und Probleme bei der Benutzung besonders schützenswerter Bestände // Wege zur neuen Bibliothek. 74. Deutscher Bibliothekartag in Bielefeld vom 12. bis 16. Juni 1984 / R. Frankenberger, J. Hering, E. Zwink (Hrsg.). Frankfurt am Main, 1985. S. 155–169, особенно S. 157.*

³² См. об этом: *Bansa H. Schriftgutrestaurierung heute // Dauerhaftigkeit von Papier. Zeitschrift für Bibliothekswesen und Bibliographie. Sonderheft 31. Frankfurt am Main, 1980. S. 233–239.*

5. ИНФОРМАЦИОННАЯ
ДИНАМИКА
И НАУЧНО-
ТЕХНИЧЕСКАЯ
ЭВОЛЮЦИЯ

5.1. Научно-культурные последствия динамизированной познавательной практики

Представление о том, что знание есть некая наличность, которая растет, существует уже давно. Уже форма, в которой Аристотель¹ излагает историю исследования первоначал, предвещающих его собственные усилия в этой области, руководствуется этим представлением². Количество первоначал ограничено, одно за другим они открываются, пока, наконец, а именно у самого Аристотеля, их история открытия не завершается. Схема, которая лежит в основе этого представления о прогрессе истории знания, проста до крайности. Но именно поэтому она обладает понятностью, из-под обаяния которой едва ли можно выйти. Если вспомнить школьные годы, учебники по математике средних классов гимназии, где к теоремам по геометрии и арифметике, которые изучали, участь их доказывать, в примечаниях мелким шрифтом сообщались имена и даты жизни ученых, — от Фалеса до Ферма, которые указанные теоремы впервые сформулировали и доказали. Образ истории знания, который вырастает из подобных исторических примечаний, есть образ прогресса в знании, в котором новое знание добавляется к уже имеющемуся — по аналогии к последовательности глав в учебнике, которые теперь ученик одну за другой в ходе школьного обучения должен проработать, чтобы таким образом подняться на высоту суммарного знания данной эпохи. В онтогенезе знания повторяется филогенез, и оба генезиса всегда не закончены: индивид никогда не выучится до конца, и человечество также.

Между тем давно уже стало банальным утверждение, что история знания ни индивидуально, ни коллективно не соответствует схеме аддитивной аккумуляции знания. Стало модным прилагать и к истории науки метафорику революции, особенно после анализа структуры научных революций, проведенного Томасом Куном³. Под революциями понимаются здесь скачкообразные изменения в социальных и когнитивных условиях производства знания, которые скачкообразно изменяют возможности вопрошания индивидуальных и коллективных субъектов науки, — в результате чего знание, произведенное в изменившихся условиях производства знания, уже больше не прилагается к

¹ Метафизика, 983а и далее.

² См. об этом: *Gigon O.* Die Geschichtlichkeit der Philosophie bei Aristoteles // *Archivio di filosofia.* 1954. S. 129–150.

³ *Kuhn Th.S.* Die Struktur wissenschaftlicher Revolutionen (1962). Frankfurt am Main, 1967, особенно S. 128 и далее: глава «Сущность и необходимость научных революций». Рус. пер.: *Кун Т.С.* Структура научных революций / пер. с англ. И.З. Налетова. М., 1975.

5. ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИНАМИКА И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

полученному прежде знанию кумулятивно, а напротив, превращает последнее в результате интеграции в новые, подчиненные теоретические контексты и тем самым накладывает исторический отпечаток на его оригинальную форму. Это означает, что новое знание не есть просто дополнительное знание, которое оставляет прежнее знание неизменным в его значимости. Напротив, новое знание превосходит прежнее знание, изменяет его теоретический ранг и тем самым ограничивает его значимость в контексте новых, более широких теорий. Лишь при таких предпосылках можно идентифицировать прежнее знание как устаревшее, однако — в рамках теории производства знания — все же как знание, которое уже полностью исчерпало свою продуктивность. В сознании таким образом структурированной историчности истории науки можно тогда исторически обнаружить также и предвестников научных революций, которые лишь позднее успешно реализуются, т.е. утверждаются в научной общественности. В качестве примера: после успеха указанной книги Куна представление о том, что история науки делает свои большие скачки в процессах революционной смены парадигм, которые руководят производством знания, широко распространилось за пределы круга профессиональных историков науки, а это теперь позволило ретроспективно увидеть, что и раньше революционная метафорика время от времени использовалась для целей описания протекания историко-научных процессов, — например, Кантом. Он считал необходимым объяснять, почему историю метафизики, а в своих истоках также историю физики, вовсе нельзя излагать как «уверенную поступь», как «постоянное возделывание почвы», но, наоборот, следует видеть в ней процесс разрушения первоначальных ложных постановок вопросов, который в конечном счете позволяет, так сказать, поумнеть и обрести способность к науке благодаря пониманию причин неизбежности этого краха⁴.

Для понимания развития индивидуальных систем знания понятие образования, отчеканенное в классической немецкой литературе и философии, выполняет аналогичные функции⁵. При этом и связанное с процессом образования обучение нельзя описать — это в педагогике общее место — как накопление знаний, его следует понимать только как процесс, заключающийся в том, что субъект овладевает самим собой, реализуя свои способности, и в ходе которого он, обучаясь, учится учиться. Если отнести это к знанию, то это будет означать следующее: в ходе обучения знание не прирастает ради дальнейшего знания, а знание, которое приобрели вместе с искусством его приобретения, используется как фактор совершенствования искусства такового приобретения. При этом по мере развития одновременно изменяется и по-

⁴ См. об этом мою статью: *Lübbe H. Philosophiegeschichte als Philosophie. Zu Kants Philosophiegeschichtsphilosophie // Einsichten. Gerhard Krüger zum 60. Geburtstag. Frankfurt am Main, 1962. S. 204–209.*

⁵ См. об этом: *Gadamer H.-G. Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik. 3., erweiterte Aufl. Tübingen, 1972. S. 7 и далее.* Рус. пер.: *Гадмер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988.*

рядок знания, т.е. позднее знание приобретает значение измененного знания и статус прежде приобретенного знания. Для описания этой структуры со времен Гегеля и даже Канта в его современной интерпретации имеется в распоряжении также традиционное понятие диалектики. Оно означает процесс роста когнитивных и практических компетенций субъекта в ходе продуктивного возвратного усвоения своих достижений в применении своих компетенций на предшествующем уровне. Разговаривая — учиться говорить, с помощью инструментов — делать более производительные инструменты, используя результаты исследования — открывать новые поля исследования, — вот структура, которая в особой немецкой философской традиции была названа «диалектической», причем с пользой для общепонятности для слуха наших современников слово «диалектический» можно было бы заменить словами «с обратной связью»⁶.

В рамках понятия развития, которое между тем сделало для нас само собой разумеющимся рассматривать в том числе и историю науки не как процесс накопления, а как процесс трансформации теории, возникают, естественно, трудности для количественного противопоставления друг другу ранних и поздних историко-научных этапов — как состояний меньшего или большего знания. Аристотелю поэтому было еще просто: история метафизики от Фалеса до него самого представлялась ему, как уже упоминалось⁷, историей прогресса в нахождении первоначал, когда за одним нахождением первоначала следует другое, пока в ходе исследования не удастся наконец полностью раскрыть давно сокрытое. Мы, напротив, чувствуем, что в области теории истории нам даже трудно охарактеризовать как «прогресс» путь «От мифа к Логосу»⁸, путь от донаучного ориентирования в мире к научному ориентированию в реальности посредством понятий и теорий, и поэтому мы надеемся выявить ориентационно-практическую эквивалентность мифического отношения к действительности, с одной стороны, и научного отношения к реальности — с другой⁹.

Без указания других точек зрения, таким образом, нельзя сказать, что мы, собственно говоря, имеем в виду, когда называем знание нашей научной цивилизации прогрессивным знанием, противопоставляя его знанию более ранних

⁶ См. в связи с этим мою маленькую статью: *Lübbe H. Dialektik, Gesellschaftssystem und die Zukunft der wissenschaftlich-technischen Zivilisation. Kommentar zum Beitrag von H. Hörz // Hoyningen-Huene P., Hirsch G. (Hrsg.). Wozu Wissenschaftsphilosophie? Positionen und Fragen zur gegenwärtigen Wissenschaftsphilosophie. Berlin; New York, 1988. S. 252–264.* В качестве свидетельства прежнего американского восприятия эквивалентности названия понятия «диалектика» и «feed-back» см.: *Ballard E.G. On the Nature and Use of Dialectic // Philosophy of Science. 1955. No. 22. P. 205–213.*

⁷ См. примеч. 1 и 2.

⁸ *Nestle W. Vom Mythos zum Logos. Die Selbstentfaltung des griechischen Denkens von Homer bis auf die Sophistik und Sokrates. Stuttgart, 1940.*

⁹ См. об этом: *Hübner K. Aufstieg vom Mythos zum Logos? Eine wissenschafts-theoretische Frage // Kemper P. (Hrsg.). Macht des Mythos — Ohnmacht der Vernunft? Frankfurt am Main, 1989. S. 33–52.*

5. ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИНАМИКА И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

цивилизаций. Тем не менее в популярной метафорике принято говорить, что научное знание в настоящее время умножается прямо-таки взрывоподобно. Выражаясь языком актуального науковедения, это означает, «что при любом рациональном способе измерения нормальный рост любого достаточно большого сегмента науки происходит экспоненциально». «Наука растет как капитал с процентами, она умножается в равные промежутки времени с одним и тем же коэффициентом»¹⁰. Это звучит с приятной точностью. Факты, переведенные в количественные показатели, позволяют сравнивать прежние и новые состояния науки с прагматически целесообразных точек зрения. Между тем, не случайно в квантифицирующей практике исторического сравнения, принятой в науковедении, старое знание сравнивается с новым вовсе не непосредственно. Сравняются, напротив, научно-культурные и научно-социологические базы, чья количественная переработка в самом деле не составляет проблемы. Например, можно сказать, «что 80–90% всех научных работников, которые когда-либо жили, живы и сегодня»¹¹. Число занятых в науке — это действительно наглядная величина для создания представления о постоянно растущем «объеме науки» («Wissenschaftsvolumen»). Если подсчитать, что запрашивается, также публикации, в которых в конечном счете отражаются результаты исследований ученых, то оказывается вот что: «Сегодня объем науки, измеренный количеством научного персонала или числом публикаций, удваивается каждые 10–15 лет»¹². Нет смысла перечислять, отдельно по каждой сфере науки, какие абсолютные числа публикаций соответствуют таким темпам роста. О таких цифрах мы уже говорили выше¹³ при анализе библиотечно-технических последствий, вытекающих из повышения скорости устаревания научной литературы, которая растет комплементарно к умножению знания.

Несравненно труднее, чем получение цифр, в которых «рост науки» отражается в «кадрах, ресурсах, публикациях, патентах», будет, естественно, попытка оценить, что означают подобные цифры для системы научного знания, имеющегося в распоряжении культуры, и кроме того, в культурном, социальном и политическом отношении для нашей научной цивилизации в ее многообразных аспектах. Для таких оценок необходимо занять какую-то целесообразную позицию. Без такой позиции форма экспоненциальной кривой актуального роста науки привела бы разве что к неясному чувству беспомощности, а возможно, даже и к испугу, выражением которого была бы банальная, но подходящая фраза: «Так дальше не может продолжаться!». Предполагаемые, а также наблюдаемые последствия экспоненциального роста науки будут описаны и проанализированы ниже с использованием некоторых особенно важных ключевых слов.

¹⁰ Solla Price D.J. de. Little Science, Big Science. Von der Studierstube bis zur Großforschung (1963). Frankfurt am Main, 1974. S. 16.

¹¹ Ibid. S. 13.

¹² Ibid. S. 17.

¹³ См. наст. изд., с. 205.

«Информационный взрыв»¹⁴. Даже неспециалисту кажется понятным, что с ростом числа занятых в исследовательских работах ученых одновременно растет множество производимого и имеющегося в распоряжении научного знания. Однако быстро приходит осознание того, что прирост знания несравненно менее легко удастся перевести в количественную форму, чем материальные или кадровые исследовательские ресурсы или чем библиотечные или прочие пространства для накопления текстового осадка научного знания. Не существует такой измеряемой величины, при использовании которой можно было бы осмысленно сказать, в каком объеме мы знаем о мире, в котором живем, например сказать, что после Эйнштейна мы знаем о нем больше, чем после Ньютона. Более осмысленно будет сказать, что теоретическая форма данного знания изменилась. Но она не является репрезентацией количества знания, невзирая на возможность количественной оценки ресурсов науки, которые обеспечили или даже принудили к парадигматической смене данных больших теорий в ходе истории науки. И все же существует, естественно, доступная для понимания дилетанта взаимосвязь, что с кадровым, финансовым и аппаратным расширением объема исследований одновременно возрастает количество знания — в виде множества сведений (которые можно пересчитать и вычислить) о том, что имеет место. Новости из научного мира в газетных заметках о науке не в последнюю очередь и даже преимущественно сообщаются неспециалистам в форме подобных новых сведений. Ведь каждый знает, что такое Луна, и наблюдал ее — то в виде полной Луны, то в виде узенького серпа. Со школьной скамьи нам известна пространственная удаленность Луны от Земли, возможно, даже диаметр Луны, а явление затмения Луны мы в состоянии объяснить прохождением полной Луны через плоскость орбиты Земли. На знание такого издавна знакомого типа легко накладывается наше новое знание о характере поверхности оборотной стороны Луны — знание, надо сказать, ничего не говорящее неспециалисту, хотя на получение этого знания потребовались миллиардные затраты на те космические зонды, которые впервые облетели вокруг Луны. Между тем мы обнаруживаем, что наше знание о Луне расширилось благодаря газетным фотоснимкам лун далекого Нептуна — не говоря уже о лунах Юпитера и Сатурна. Наше прежнее лексикографическое знание о числе этих лун подверглось коррекции, а в СМИ сообщается о событиях, которые комментируются преимущественно как «сенсационные»: вулканы выбрасывают снопы огня в лунную ночь на Юпитере, из трещин в коре Тритона сочится метан в замерзшем состоянии, а на поверхности Нептуна бушуют ураганы, центры которых перемещаются со скоростью в 600 км/ч. Газеты, которые обычно занимаются критикой научной культуры, воспевают новое знание, причем

¹⁴ Излагается по Г. Шпиннеру: *Spinner H.F. Der Wandel der Wissensordnung und die neue Aufgabe der Philosophie im Informationszeitalter. Themen und Thesen zur philosophischen Bewältigung der neuen Wissenslage des kognitiv-technischen Komplexes superindustrieller Informationsgesellschaften // Oelmüller W. (Hrsg.). Philosophie und Wissenschaft. Kolloquien zur Gegenwartsphilosophie. Bd. 11. Paderborn; München; Wien; Zürich, 1988. S. 61–78, S. 63.*

5. ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИНАМИКА И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

в популярных разделах: «Величественным блеском сияет узкий серп планеты Нептун, который, находясь на удалении почти четырех с половиной миллиардов километров от Солнца, спокойно продолжает свой бег вокруг нашего главного светила. Тритон и минимум семь других лун являются его постоянными спутниками во мраке космического пространства»¹⁵.

Аналогично сообщается об исследовательских приборах, которые, будучи запущены в космос, облегчают нам трудности звездочетства и при этом одновременно резко повышают количество сочтенных объектов. Природные процессы также подвергаются измерениям, и результаты измерений сообщаются публике, информируемой об исчезновении видов или о глобальных климатических колебаниях температуры, о демографических изменениях, о сокращении площади тропических лесов и расширении пустынь. Но накапливаются не только тревожные сведения. Попадают и отрадные результаты исследований — это и снижения частоты смертей от сердечных заболеваний, и расширение лесных площадей в высокоиндустриализированных обществах, и увеличение глубины наших рек и озер.

Итак, имеются свидетельства, что с расширением числа исследователей и находящихся у них в распоряжении финансовых и аппаратных средств одновременно возрастает также доступная информация, подаваемая в измеримой количественной форме. Всюду, где что-либо происходит, все это описывается, и описанное исчисляют и измеряют, что приводит к накоплению множества данных. История статистики демонстрирует нам это впечатляющим образом, причем за пределами истории математической теории статистики, в форме материальной статистической обработки и раскрытия наших экономических, демографических, социальных и культурных жизненных условий. Источники нового, постоянно пополняющегося знания были открыты с помощью социальных наук, работающих с количественными данными. Когда философствующие теоретики из числа специалистов по общественным наукам высокомерно и презрительно называли квантифицирующее дескриптивное измерение общественных фактов «возней с подсчетом мушиных ножек», то на поверку это оказалось недостатком способности суждения и неспособностью оценить практическую релевантность результатов подобных измерений в науке, управлении и политике.

Как бы там ни было, понятный предрассудок дилетантов, который состоит в том, что количественное расширение объема исследований превратится в количественно измеримый рост науки, хорошо объясним. Каждому пользователю энциклопедического словаря это нехитрая взаимосвязь становится очевидной по растущему от издания к изданию количеству томов общей и специальной справочной литературы. Расширение доли жизненного времени, которое мы посвящаем среднему и высшему образованию, явно зависит также от растущего количества знания, которое необходимо усвоить. Кроме того, увеличение пространства жизненного времени, которое сегодня отводится на продолжение образования, определяется быстротой устаревания

¹⁵ Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1989. 1. September. Freitag. Nr. 202. Feuilleton. S. 33.

имеющегося и необходимого знания, увеличивающейся вместе с ростом скорости инноваций. Между тем количество полученных в ходе исследовательской практики данных достигло во многих исследовательских отраслях таких размеров, с которыми давно уже не справиться при помощи традиционных технологий сохранения информации. Массивы информации, которые, например, должны собирать и хранить наши статистические службы, уже не годились бы для обработки и использования в форме бумажной документации. Для информации, которая сегодня накапливается в ходе исследований в электронных базах данных, ситуация аналогичная, и кто занимался планированием в сфере экономики или управления, уже не смог бы без обращения к таким базам данных получать сведения о том, что имеет место, а без таких сведений он не мог бы принять и необходимые для планирования предпосылки, формулируемые как гипотезы о действительном положении вещей. С учетом фактов уместно говорить о «слиянии науки и техники в когнитивно-технологический комплекс»¹⁶.

«Информационная имплозия». Комплементарно к информационному взрыву протекают процессы сжатия информации. Нельзя сказать, конечно, что речь идет здесь о чем-то принципиально новом. Студенты всегда должны были учиться сокращать тексты. Это может означать — выбрасывать лишнее. Но чаще это означает — сказать то же самое, но по-другому, а именно короче. Метафорически это означает следующее: «Отжимать воду из масла». «Меньше было бы больше», — так зачастую отзываются об избытке информации, которую можно было бы сжать. Подобное сжатие информации подстегивается сегодня прежде всего дефицитом времени. Разумеется, продолжительное время, которое отводится на получение образования, относится к предпосылкам того повышения производительности нашего труда, без которого длительные периоды профессиональной подготовки не были бы возможны даже чисто экономически. Но одновременно считается, что множество имеющегося в нашем распоряжении необходимого знания растет несравнимо быстрее, чем наша средняя ожидаемая продолжительность жизни, откуда банально следует, что доля жизни, которую мы посвящаем образованию, не может расширяться безгранично, комплементарно к экспансии профессионально-практического специализированного знания. К тому же, как уже говорилось, с повышением зависящей от инноваций скорости устаревания некогда приобретенного знания доля жизненного времени, которую мы уделяем продолжению образования, должна расти. Это также вынуждает к разработке сжатых вводных образовательных курсов — не говоря уже о тех разрушительных последствиях для развития личности, которые будет иметь для человека, возраст которого перевалил за середину третьего десятка, пребывание в оторванных от опыта университетских аудиториях без всякой опоры на профессионально-практическую ответственность.

Подводя итоги, можно сказать: темпоральная структура течения нашей жизни такова, что если речь идет о времени, необходимом для усвоения детального

¹⁶ Так полагает Г. Шпиннер: *Spinner H.F.* Op. cit. (См. примеч. 14.) S. 65.

5. ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИНАМИКА И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

знания о каких-то предметах, то по мере расширения этого знания сокращается и период времени, который мы уделяем этим усилиям. Естественно, что здесь речь идет о поиске некоторого компромисса в отношении предметной и внутрипредметной специализации. Научные разделы, за которые институционально в исследовательской практике и учебном процессе дисциплинарно отвечает определенная наука, приобретают более узкие рамки, в результате чего снова возрастают масштабы, в которых можно, занимаясь исследованиями или обучаясь, воспользоваться профессиональной компетенцией или приобрести ее. Но процесс специализации всегда протекает медленнее, чем прирост знания. Соответственно любой составитель учебного плана как никогда прежде вынужден решать проблемы концентрации знания, та же беда у любого автора учебников. В процессах концентрации имеющегося в распоряжении знания протекают когнитивные, а также дидактические и риторические процессы весьма интересного и во всяком случае сложного типа. Они до сих пор мало изучены.

В некоторых, в том числе важных случаях кажется очевидным, что связано с проблемой концентрации, например, в случае составления аннотации, когда результаты исследований сообщаются в форме небольшого числа предложений, но без описания методических, экспериментальных и прочих операций, в результате использования которых они были получены. Нам давно известно — в том числе из историко-нарративных дисциплин, включающих как истории природы, так и истории культуры, — что каждую историю можно изложить как в более пространной, так и в более краткой версии. А то, какой длины в конечном счете оказывается историческое повествование, зависит от прагматических обстоятельств, от, скажем, социального контекста данного нарратива или от его медийно обусловленных временных рамок. Но и в этом известном случае трудно аналитически точно объяснить, в чем, собственно, состоит отличие, кроме размера, пространной версии от краткой одной и той же истории и какая версия необходима для достижения данных практических исследовательских или прочих целей.

Наконец, неизменно важную роль еще и сегодня играет традиционный вид концентрации полученных в ходе исследовательской практики массивов информации, а именно формирование теории, которая при обнаружении неслучайного характера данной информации выявляет правило, которому она подчиняется как следствие или в связи со структурой своего контекста, так что мы, зная это правило, также можем генерировать соответствующие результаты вне опыта, так, например, при данных граничных условиях мы в состоянии прогнозировать их обнаружение. «Экономией мышления» почти что 100 лет назад назвал Эрнст Мах прагматический смысл формирования теорий¹⁷ — редукцию кажущейся комплексности массива данных посредством указания прави-

¹⁷ См. об этом: *Mach E. Die Leitgedanken meiner naturwissenschaftlichen Erkenntnislehre und ihre Aufnahme durch die Zeitgenossen. Leipzig, 1919.* Кроме того: *Mach E. Die ökonomische Natur der physikalischen Forschung // Populärwissenschaftliche Vorlesungen. Leipzig, 1896. S. 203–230, S. 209.*

ла, которому они подчиняются в отношении порядка или последовательности. Действительно, науки в их обращении к практически крайне релевантным, но одновременно высокосложным предметным областям, при попытках их количественного описания порождают массы данных, редуцировать которые к одному порядку в конечном счете уже не получается, так что они в их размещении и последовательности предстают теоретически не поддающимися охвату и случайными. Погода является самой известной широкой публике предметной областью такого рода, теоретический охват которой представлял бы чрезвычайный практический интерес. Поэтому ее наблюдение и постоянное измерение требуют всевозрастающих кадровых и аппаратных затрат, их глобальное описание соответственно осуществляется с неизвестной дотоле плотностью записи данных, что, однако, не позволяет, а вероятно, по принципиальным причинам и не позволит, нашим знаниям соответствующих правил, а значит, и нашим возможностям прогнозирования роста хотя бы приблизительно столь же быстро, как растет массив поступающих данных. Аналогичную сложность представляет собой прогнозирование долгосрочных климатических изменений и их предполагаемых последствий для глобальных смещений земледельческих регионов, для изменений, имеющих масштаб оледенения или даже биологической эволюции.

Мировую общественность охватил страх, когда были широко опубликованы измерения пределов роста¹⁸. Здесь с поразительной точностью кривые расчетной экстраполяции измеренных трендов, включающих истощение ресурсов, скопление экологически разрушительных отходов и демографическое развитие, заканчивались в пунктах, которые равносильны цивилизационным катастрофам. Между тем данные кривые показывают только, что произошло бы или могло бы произойти с известной вероятностью, если бы не предпринималось никаких попыток это предотвратить. Но как только результаты подобных усилий по противодействию, которые точно так же можно наблюдать, включаются в расчеты, те быстро приобретают такой уровень сложности, которую уже невозможно превратить в теоретическую достоверность. Как бы там ни было, трудности формирования теории в отношении процессов высокой степени сложности при обращении исследователей к подобным процессам, без сомнения, имеют следствием «сдвиг ...научной ситуации в сторону накопления знания о данных», однако, пожалуй, будет преувеличением сказать, что формирующийся в настоящее время новый «порядок знания» можно назвать порядком, «сосредоточенным не на теории, а на данных»¹⁹. Более адекватным было бы, скорее, следующее описание: вместе с комплексностью предметов, которые наука сегодня включает в свою практику накопления данных и построения теории, растут одновременно усилия по их теоретической редукции²⁰.

¹⁸ Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J., Behrens W.W. III. *The Limits to Growth*. New York, 1972.

¹⁹ Но так полагает Г. Шпиннер: *Spinner H.F.* Op. cit. (См. примеч. 14.) S. 66.

²⁰ См. об этом: *Hotz G.* Komplexität als Kriterium in der Theorienbildung. Mainz, 1988. (Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Abhandlungen der Mathematisch-Naturwissenschaftlichen Klasse. Jahrgang 1988. Nr. 1.)

5. ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИНАМИКА И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

Но еще быстрее, чем наше теоретическое знание, растет массив данных, собранных во время наблюдения и описания предельно сложных состояний и их изменений, которые не поддаются теоретическому освоению отчасти из-за ограниченных возможностей переработки информации, отчасти по принципиальным причинам²¹. Для освоения поступающих массивов данных повсеместно используется создание «банков данных, систем документации, экспертных систем», к которым возрастает «доступ внутри телекоммуникационных сетей»²². Описанная доступность имеющихся в распоряжении и требуемых данных затрагивает, однако, только технологическую сторону дела. Но прагматически осмысленное использование этих данных предполагает прежде всего наличие соответствующих способностей отбора у пользователей, и эти способности, по-видимому, развиваются не так быстро, как технические возможности сохранения данных.

Селекция и дистрибуция. Процессы специализации, в ходе которых в системе наук дифференцируются и институционально обособляются дисциплины и субдисциплины, приводят к тому, что возникают сектора информационного предложения, которые в рамках данной специализации следует учитывать с точки зрения исследовательской практики. Но массив информации растет быстрее, чем количество дисциплин, и доля соответствующих для данной дисциплины публикаций растет в подавляющем большинстве дисциплин несравнимо быстрее, чем индивидуальные или также институциональные возможности их рецепции. «В одной только физике можно насчитать ежегодно 110 000–120 000 публикаций»²³. Как тут производить отбор, причем контролируемым осмысленным способом, если разрыв между информационным предложением и возможностью рецепции постоянно растет? Несколько напрашивающихся технологий для разрешения этой проблемы известны каждому, кто участвует в повседневной научной практике. Тривиальна, но вполне полезна, например, старая и уже упомянутая технология составления аннотаций, когда в нескольких фразах дается квинтэссенция, изложение содержания большой работы, позволяющая читателю перед чтением решить, стоит ли в данном рабочем контексте вообще читать ее или скорее нет. В дисциплинах, где, в отличие от многих естественных наук, пишутся еще научные книги, не учебники, т.е. в гуманитарных и общественных науках в особенности, авторы в интересах своих потенциальных читателей и тем самым в собственных интересах обычно

²¹ См. об этом междисциплинарный сборник: *Hierholzer K., Wittmann H.-G.* (Hrsg.). Phasensprünge und Stetigkeit in der natürlichen und kulturellen Welt. Wissenschaftskonferenz in Berlin 8.–10. Oktober 1987. Stuttgart, 1988.

²² *Ropohl G.* Information gibt keinen Sinn, oder: Relevanzdefizit in der Informationstechnik und seine gesellschaftlichen Gefahren // *Huning A., Mitcham C.* (Hrsg.). Technikphilosophie im Zeitalter der Informationstechnik. Beiträge zum deutsch-amerikanischen Symposium in Tarrytown (N.Y.) und New York September, 1983. Braunschweig; Wiesbaden, 1986. S. 97–110, S. 107.

²³ *Hoyningen-Huene P.* Kommunikation in der Wissenschaft: Fakten und Probleme // *Silbermann A., Neubert H.* (eds). Communications. The European Journal of Communication. 1988. Jahrgang 14. Heft 2. S. 133–144, S. 134.

предпосылают своим книгам предисловие и дают послесловие, выполняющие функции, аналогичные аннотации. Существуют реферативные обзоры, однако их всегда меньше, чем нужно. Научно-коммуникационный смысл этих обзоров заключается в том, что один человек читает для всех и тем, которые еще не читали, дает возможность принять рациональное решение, читать ли им или нет. Если подобные пособия для принятия решения отсутствуют, можно внутри учреждения поручить опытному научному сотруднику читать литературу, чтобы он со знанием дела освещал для остальных порой практически необъятное богатство материалов, прилагаемых в виде списка использованной литературы ко многим работам.

Тот, кто с помощью современных эффективных электронных библиографий обзаводится списками работ в данной области — безразлично, по какой дисциплине и по какой тематике, — все чаще будет убеждаться в том, что даже с помощью указанных традиционных технологий осмысленный отбор уже невозможно сделать. В таких случаях «банки данных, системы документаций, экспертные системы» не разрешают проблемы информации, которая доставляет людям множество хлопот, но становится причиной этой проблемы. Тогда человек перестает рыться в этих системах и прибегает к древнему коммуникативному способу — непосредственному разговору с коллегой, о котором известно, что тот уже приобрел большую компетенцию, чем сам вопрошающий, в вопросе, который вызвал затруднение. В благоприятном случае он, может, назовет те семь работ, чтение которых действительно необходимо, — вместо семи сотен названий, которые распечатал компьютер. Эффективность отбора в такой экспресс-коммуникации возрастает еще благодаря дальности действия телефонной сети, соединяющей всех нас: не только коллега рядом с нами, но и коллега за границами страны, даже на другом берегу океана, всякий раз может быть запрошен с указанной целью.

Когда человек осознает, каким образом и по каким причинам комплементарно к техническому хранению информации сохраняется также личная экспресс-коммуникация, мало того, она еще дополнительно развивается и увеличивает дальность действия с использованием технических средств коммуникации, тогда ему открывается также смысл постоянно расширяющейся научно-академической системы конгрессов, симпозиумов и *ad hoc* или периодически заседающих рабочих групп. Если отвлечься от избытка бессмыслицы, которая присуща этой системе, заслуживающей иронического отношения²⁴, то в качестве главного смысла этой системы остается необходимость противостоять растущему информационному давлению с помощью комплементарно растущей селекционной компетенции, и как показывает опыт, непосредственный обмен, особенно в небольших группах с квалифицированным составом, это — с отрывом — лучший метод повышения компетенции подобной селекции. Однако не каждый специалист находит доступ к таким малым элитарным группам. Нужно располагать известной мерой знакомств и признания, без которой немисли-

²⁴ В качестве литературного примера подобной иронии см.: *Köstler A. Die Herren Call-Girls. Ein satirischer Roman. Bern; München, 1971.*

5. ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИНАМИКА И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

мо получить приглашение для участия в работе этих групп. Чтобы выступить в качестве инициатора такой работы, необходимо иметь хорошие связи со спонсорами, поощряющими исследования. Кто по каким-либо причинам остается исключенным из подобных поощрений, тому угрожает изоляция; он не принимает участия в тех коммуникациях (а если и принимает, то в ограниченном объеме), в которых формируются лежащие за пределами институциональных, национальных и культурных границ научно-практические стандарты, благодаря которым в той или иной дисциплине обретает социальную реальность тот уровень научных исследований, который уже давно невозможно выявить посредством индивидуальных запросов в базах данных, библиотечных или других хранилищах информации.

Известно, что представление о коммуникативном сообществе ученых как существующем в социальной реальности сообществе индивидов с симметрично распределенными шансами на участие в коммуникации есть фикция. Такое сообщество есть не что иное, как вымышленный субъект значимости коммуникативных норм, которые значимы для каждого участника коммуникации. Но равномерное распределение шансов на участие может существовать только в виде равенства в праве добиваться его, а не как социальная реальность. Вот почему в научном сообществе принято то, что принято в любом сообществе, в котором открытое для каждого богатство возможностей можно реализовать только через процессы успешного отбора. В зависимости от принципиально (а именно необратимо случайно) неравномерно распределенных условий для индивидуальной селекционной компетенции, в социальной реальности дифференцируются крайне различные уровни индивидуального коммуникативного участия. При этом речь идет не о досадном отставании социальной реальности от некоего идеала, который должен был бы служить нормой для этой реальности. Напротив, речь идет о процессе, протекающем по правилу «Формальное равенство высвобождает реальное неравенство», — правилу, которое составляет либеральную сердцевину либеральных сообществ и поэтому также требует признания в свободных научных сообществах.

Обрисованный эффект усиливается еще и в результате определенного направления внимания в крупных медийно-интегрированных публичных сферах (Öffentlichkeiten). В научном мире также считается, что с ростом различия между массивом производимой информации, с одной стороны, и мобилизуемыми возможностями для ее рецепции — с другой, внимание становится особенно дефицитной, дорогостоящей ценностью. На что же мы должны его направить? Рационально обратить его на то, на что другие уже обратили свое внимание. Однажды достигнутая популярность быстро увеличивается за счет эффекта направления внимания. Ценность популярности есть ценность, порождающая еще большую популярность, и указанный процесс протекает тем веселее, чем большим оказывается медийно-интегрированное коммуникационное сообщество, в котором индивиды конкурируют, стремясь привлечь публичное внимание. С учетом значения этого процесса было бы удивительно, если бы ученые давно не занялись его анализом. Популярность принято из-

мерять отношением числа коллег, которых ты знаешь, к числу коллег, которые тебя знают. Чем меньше это отношение, тем больше популярность. Ученые-гуманитарии, настроенные культурно-критически, обычно с неприязнью относятся к подобным количественным подходам, и чем меньше популярности у человека, тем больше он ее презирает. Вместо этого он настаивает на критерии веса личности, а в науке — на критерии весомости того, что человек скажет. Но и эту весомость уже стали измерять наши исследователи науки, а именно «как логарифм числа статей», которые ученый написал «за свою жизнь»²⁵.

Ничто не мешает счесть это псевдоточностью. И все же за подобными определениями скрывается опыт, который не удастся обойти ни одному члену научного сообщества. Из опыта работы в комиссиях по замещению должности известно, какой вес придается чистому количеству публикаций и в соответствии с этим — самому автору данных работ. Даже в тотчас высказываемом расхожем опасении, что нельзя, мол, оценивать ученого лишь по объему его творчества, все же проявляется почтение перед этим объемом, и в сущности бесспорная истина, что не каждый плодovitый автор может сказать столько, сколько пишет, учитывается в цитированной дефиниции Соллы Прайса: не «количество статей» характеризует «вес автора», но «логарифм» этого числа. Любопытна близость этой характеристики к реальности. Кто однажды привлек внимание тем, что написал, едва ли не напишет по этой причине дополнение, которое без этой причины никогда бы не написал. Ничто так не поощряет внимание, которое привлекают журналы, издательские серии и т.п., больше, чем появление имени пользующегося большой популярностью лица в кругу авторов. И вот расположения того, кто однажды достиг определенной популярности, домогаются, причем, наконец, в таком объеме, что он вынужден отвечать отказом на большинство просьб. Тем не менее растет вероятность того, что в конце концов его все-таки удастся уговорить еще раз высказаться на этой площадке, считавшейся до сих пор периферийной. Ему охотно будет предоставлена возможность этого, мало того, от него даже ожидают, что он с определенными вариациями здесь еще раз проговорит то, с чем прежде всего связывают его имя в публичной сфере. Короче говоря, знаменитость — это тот, кто не может не повторяться. Чем больше кто-нибудь пишет, находясь под охарактеризованным только что принуждением к повторению, тем меньше хочется познакомиться с его трудами, читать все им некогда написанное. И все же экстраординарный объем списка публикаций не превращается в довод против весомости автора. Напротив, он становится показателем его популярности, который, в свою очередь, как критерий весомости автора никто не оставляет без внимания. Если кто-нибудь так поступал бы, то это означало бы, что он считает отношение исследователя к истине социально непосредственным отношением, тогда как ему следовало бы удовлетвориться тем, чтобы, несмотря на опосредованный социальный характер нашего исследовательски-практического отношения к истине, не считать консенсус об истине критерием истины.

²⁵ *Solla Price D.J. de. Op. cit. (См. примеч. 10.) S. 61.*

5. ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИНАМИКА И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

Экспоненциальный рост научной информации в темпоральном отношении означает, что все большее значение приобретают проблемы сохранения актуальности, а также обеспечения приоритета. Сроки, необходимые для издания и распространения той или иной информации, нередко превышают сроки, в рамках которых информация сохраняет актуальность. Соответственно ученые уже давно не рассылают только оттиски статей, а напротив, препринты, для доставки которых по важным адресам в важных случаях уже не пользуются даже добрыми старыми услугами почтальонов. Подобные формы коммуникаций, с помощью которых сроки распространения информации стремятся приспособить к скоротечным срокам актуальности новой информации, одновременно являются средством поощрения упомянутых особых групп в научном сообществе. Одиночка оценивает себя в конечном счете по частоте появления его имени в списке рассылки препринтов. Разумеется, с целью обеспечения приоритета сегодня и на отдельных оттисках, и на препринтах присутствует дата, когда данный текст был закончен. В предельном случае от обеспечения приоритета зависит, получит ли текст сулящую известность премию или не получит. Чем меньше проходит времени между двумя аналогичными инновациями, тем больше они в этом отношении зависят от случая. Так и в современных спортивных соревнованиях выигрыш во времени утрачивает в существующей тенденции к его уменьшению всякую информативность. Это относится и к общеизвестным премиям, которые учитывают приоритет во времени. Утрачивается очевидный смысл ускорения такого рода прогресса, который долгое время господствовал при более умеренном темпе научного прогресса. В развитии науки также, по-видимому, максимальный инновационный темп не идентичен с оптимальным. В техническом, социальном и психологическом отношениях существуют, видимо, границы продуктивной переработки инноваций, и когда они нарушаются, текущее состояние научного прогресса в конечном счете утратит ту определенность, которая необходима для реализации исследовательской практики.

Курьезная и релевантная информация. Строго говоря, культурный интерес к сведениям наук о мире, в котором мы живем, утрачивается с их быстро растущим количеством. Я подробнее изложил это в работе по другому поводу²⁶. К этому нужно еще добавить темпоральную сторону дела. Чем больше и чем быстрее науки в ходе исследовательской практики погружаются в измерения очень большого, очень малого и очень сложного, тем дальше от жизненного мира становится научная информация, тем меньше ее можно еще приложить к первичному опыту и тем меньше она позволяет переработать себя в наглядную картину мира, в котором мы живем. Научно-культурные последствия этого процесса велики. Прежде всего отпадают конфликты между религиозной, в особенности догматически фиксированной ориентацией на реальность,

²⁶ См. мою работу: *Lübbe H. Die Wissenschaften und ihre kulturellen Folgen. Über die Zukunft des Common sense. Rheinisch-Westfälische Akademie der Wissenschaften. G 285. Opladen, 1987.*

с одной стороны, и научными картинами мира — с другой, которые заполняли эпоху Просвещения в Европе, причем отзвуки их были слышны вплоть до второй половины XIX в. Можно вспомнить о чрезвычайной провокации, которую вызвала у теологов и благочестивых верующих эволюционная теория в ее многообещающей дарвиновской редакции. Церковь боролась тогда в публицистике и религиозных объединениях, в школе и в церковных проповедях с представлением об эволюции видов, объявив его ересью. Парламентские дебаты вспыхивали по вопросу о праве профессоров, находящихся на государственной службе, разделять эту ересь и о границах этого права²⁷. Комплементарно этому уверенные в победе, свободомыслящие мировоззренческие борцы среди ученых — прежде всего среди химиков, биологов и медиков — организовывались в аналогичные церквам объединения, из которых в Германии самым активным был союз монистов²⁸. Совершались паломничества к останкам динозавров в Швабских Альпах, Вильгельм Оствальд читал «монистические воскресные проповеди»²⁹, а Эрнст Геккель сформулировал квинтэссенцию доступного ему естественно-научного знания того времени в виде «Исповедания веры естествоиспытателя»³⁰.

Трудно без иронии относиться к этим научно-историческим и научно-культурным процессам и событиям, которые все же отстоят от нас менее чем на 100 лет. Но в этом проявляется только та трудность, которую мы имеем сегодня, — преодолеть чрезвычайную историческую удаленность, отделяющую нас от тех хронологически еще довольно близких процессов и событий, с помощью усилий понимания. Когнитивные диссонансы между научной ориентацией в окружающей действительности, с одной стороны, и религиозной ориентацией в окружающей действительности — с другой, которые верующим и свободномыслящим тогда резали слух, с тех пор полностью отзвучали — почти полностью, уточним, после того как в ходе так называемого спора о креационизме в США традиционный просвещенческий конфликт между наукой и религией продолжается как некий реликт, хотя и довольно заметно. Особые историко-культурные, а точнее, историко-правовые и историко-конституционные предпосылки этого спора не относятся к теме данной

²⁷ См. об этом в качестве примера мое историко-научное и историко-культурное исследование: *Lübbe H. Wissenschaft und Weltanschauung. Ideenpolitische Fronten im Streit um Emil Du Bois-Reymond // Lübbe H. Die Aufdringlichkeit der Geschichte. Herausforderungen der Moderne vom Historismus bis zum Nationalsozialismus. Graz; Wien; Köln, 1989. S. 257–274.*

²⁸ См. об этом главу «Улучшение мира с помощью “научного мировоззрения”» в моей книге: *Lübbe H. Politische Philosophie in Deutschland. Studien zu ihrer Geschichte. Basel; Stuttgart, 1963. S. 127–172.*

²⁹ *Ostwald W. Monistische Sonntagspredigten. Leipzig, 1911.*

³⁰ Это название относилось к его знаменитой альтенбургской речи «Монизм как связь между религией и наукой» («*Monismus als Band zwischen Religion und Wissenschaft*» (1892)), в: *Haeckel E. Gemeinverständliche Werke // Schmidt H. (Hrsg.). Fünfter Band. Vorträge und Abhandlungen. Leipzig; Berlin, 1924. S. 407–444.*

5. ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИНАМИКА И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

книги³¹. В Европе все еще существуют реликтовые формы защиты религиозной веры против мнимых несправедливых требований и вызовов со стороны научных гипотез о действительности, но только вдали от общественности в культурно изолированных сообществах самодостаточных сект. Официально, в том числе в рамках официальной церковной позиции, обрисованный просвещенческий конфликт между научными гипотезами об окружающей действительности, с одной стороны, и нашими религиозными, руководимыми верой ориентациями в окружающей действительности — с другой, был объявлен завершённым. Выдающимся в историко-культурном отношении документом этого процесса стало обращение, направленное папой Иоанном Павлом II во время его первой визитации в Германию 15 ноября 1980 г. собравшимся в Кёльнском соборе ученым³². Для особого случая спора о дарвинизме кардинал Ратцингер* еще в 1969 г., еще во время своей деятельности как профессора, подтвердил религиозно-практическую иррелевантность гипотезы эволюционной теории³³. Кроме того, встречавшийся в научных учреждениях антиклерикально заостренный интеллектуальный жест свободомыслия, культивировавшийся еще в начале XX в. в союзе монахов, исчез совершенно.

Научно-культурные последствия этого процесса весьма серьезны. Науки, с их прогрессирующей удаленностью от жизненного мира в своих сведениях о мире, в котором мы живем, утратили способность к провоцированию мировоззренческих конфликтов. Даже при консервативной склонности к недовольству результатами когнитивного прогресса уже абсолютно нечего сказать о том, какая жизненная важность собственно зависит от того, схлопнется ли наш космос в себя под действием силы тяжести в конце своего расширения или его наблюдаемое расширение будет долгосрочным³⁴. Можно даже так выразиться: с его прогрессирующей удаленностью от жизненного мира научный прогресс становится культурно индифферентным.

Темпоральная сторона дела выявляется из динамики ставшей перманентной революции научных картин мира. Ведь не может быть и речи о том, что эффект

³¹ См. об этом: *La Follette M.C. (ed.). Creationism, and the Law. The Arkansas Case.* Cambridge (Mass.); London, 1983. О религиозно-культурной и историко-государственной и историко-церковноправовой подоплеках см.: *Smith E.A. Religious Liberty in the United States. Development of Church State Thought since the Revolutionary Era.* Philadelphia, 1972.

³² *Papst Johannes Paul II. Ansprache an Wissenschaftler und Studenten im Kölner Dom am 15. November 1980 // Predigten und Ansprachen von Papst Johannes Paul II. bei seinem Pastoralbesuch in Deutschland sowie Begrüßungsworte und Reden, die an den Heiligen Vater gerichtet wurden. 15.–19. November 1980. Offizielle Ausgabe.* Bonn, 1980. S. 26–34.

* Бенедикт XVI — папа Римский с 19 апреля 2005 г. по 28 февраля 2013 г.

³³ *Ratzinger J. Schöpfungsglaube und Evolutionstheorie // Schultz H.-J. (Hrsg.). Wer ist das eigentlich: Gott? München, 1969. S. 232–245.*

³⁴ Как, например, склонен допускать Вольфганг Пристер: *Priester W. Vom Ursprung des Universums // Maier-Leibnitz H. (Hrsg.). Zeugen des Wissens.* Mainz, 1966. S. 127–156, особенно S. 141 и далее.

провокации дарвиновской революции картины мира был следствием якобы уникальной глубины вторжения в традиционную картину мира, тогда как — комплементарно к этому — наступившее с тех пор успокоение мировоззренческих дискуссий, восходящих к просвещенческой традиции, следовало бы приписать уменьшающейся глубине вмешательства актуальных научных инноваций в нашу господствующую ориентацию в окружающей действительности. Неверно, что сегодняшний научный прогресс познания требует от нас меньше усилий по мировоззренческой переориентации, чем прежде. Революции, которые на когнитивном уровне совершаются в настоящее время благодаря научным исследованиям, согласно Карлу Попперу, являются в своих ниспровергающих картины мира последствиях не меньшими, но скорее большими, чем в прежние эпохи новоевропейской истории науки³⁵. Различие нашей актуальной реакции на инициированные в ходе практики исследований революции картины мира от реакций культурного потрясения, которые еще 100 лет назад были способны вызвать подобные революции, покоится, напротив, на их ставшей за это время очевидной удаленности от жизненного мира. Повторим еще раз: чем глубже науки проникают сегодня в измерения очень большого, очень малого и очень сложного, тем меньше можно говорить, какое различие, собственно, влечет за собой в отношении практики жизненной ориентации то обстоятельство, что сегодня мы считаем более обоснованным одно положение дел (*der Fall ist*), тогда как вчера считали другое. Динамика, с которой наши когнитивные гипотезы об окружающей действительности сегодня революционизируются в ходе научной практики, укрепляет культурное равнодушие к значимым на данный момент когнитивным содержаниям научных картин мира. Ведь очевидно, что для того способа, каким мы как представители одной культуры (*Kulturgenosse*) должны себя когнитивно реализовать в жизненно-практическом отношении, прогресс познания, на высоте которого непросто удерживаться даже экспертам, должен быть иррелевантен. Скорость, с какой научные исследования представляют нам всевозможные новации, прогрессивно снижает культурное значение этих новаций. Прошу заметить: это относится к когнитивному процессу, тогда как для последствий технического и прочего использования этого процесса, само собой разумеется, имеет силу совсем другое.

Успех бестселлера, которого и сегодня время от времени достигают научно-популярные труды, этому не противоречит. Разумеется, «Краткая история времени» Стивена Хокинга месяцами не выходила из списков бестселлеров³⁶. Тем не менее успех этой книги нельзя объяснить по аналогии со значительно большим успехом, в свое время выпавшим на долю книги Геккеля «Мировые

³⁵ *Popper K. The Rationality of Scientific Revolutions // Harré R. (ed.). Problems of Scientific Revolution. Progress and Obstacles to Progress in the Science. Oxford, 1975, особенно S. 88 и далее.*

³⁶ *Hawking S. W. Eine kurze Geschichte der Zeit. Die Suche nach der Urkraft des Universums / mit einer Einleitung von C. Sagan. Deutsch von H. Kober unter fachlicher Beratung von Dr. B. Schmidt. Reinbek bei Hamburg, 1988. Рус. пер.: Хокинг С. Краткая история времени. От большого взрыва до черных дыр / пер. с англ. Н.Я. Смородиной. СПб., 2000.*

5. ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИНАМИКА И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

загадки»³⁷. Геккель предложил тогда секулярный эквивалент якобы устаревшей религиозной ориентации в окружающей действительности. На этом покоилось действие его книги — у учителей народных школ, например, которые ценили ее как духовное оружие в борьбе против духовного надзора над школами. Бестселлер Хокинга ни на что подобное не претендует. Некоторые указания на трудности церковных деятелей в усвоении достижений современной космологии относятся к трудностям, конфликтность которых минимальна или давным-давно улетучилась. Кроме того, речь в основном идет о трудностях, которые встают перед самим читателем данного бестселлера: современная космология лишь с большим трудом интегрируется в мировоззренческий горизонт неспециалиста. Искусство популяризации, которое требуется ученым, а также публицистам от науки при попытке подобной интеграции, оказывается на поверку крайне непростым искусством, и даже Хокинг явно дорос до него лишь в ограниченной мере. То, что он сообщает об уникальности Большого взрыва или о черных дырах, у которых нет волос, вообще не поддается осмысленному вписыванию в горизонты нашего жизненного опыта или нашего непрофессионального знания. Почему же это все же очаровывает? Мне кажется, ответ будет такой: популярная наука потребляется сегодня как средство для получения опыта контингентности. Никто не в состоянии сказать, какая разница для нашей жизненной ситуации будет, если ответы на вопросы «Откуда произошла Вселенная? Как и почему это началось? Как все закончится? И если это закончится, то как этот конец будет выглядеть?» окажутся такими или иными. И именно поэтому то, как в конечном счете разрешатся эти вопросы, есть дело впечатляющей, чистой, а именно абсолютно лишенной смысла фактичности. Уверение Хокинга: «Это вопросы, которые касаются нас всех»³⁸ — представляет собой научно-культурный реликт. В действительности вообще нельзя сказать, в чем они нас касаются, — ведь в других случаях для всего, что нас действительно касается, ответ на вопрос, обстоят ли дела скорее так, а не иначе, обладает релевантной значимостью. Быть медиумом получения опыта лишенной смысла фактичности мира, в котором мы живем, — до этой функции съезживается культурная значимость современного естественно-научного знания. Случай Хокинга выделяется еще и тем, что возможности получения человеком опыта самого себя опосредованы и сообщаются выдающимся автором: крайняя хрупкость телесной оболочки субъекта сочетается здесь с исключительной компетентностью этого субъекта, которая позволяет ему давать отчет о конце времен. Знание как невиданный доселе медиум получения опыта невозможности приписывать этому знанию какую бы то ни было значительность (*Bedeutsamkeit*) — вот, по-видимому, конечная форма культурного значения нашего знания. Безудержный восторг репортера, вызванный сообщениями об успехах разведки с помощью зонда, запущен-

³⁷ *Haeckel E. Die Welträtsel. Gemeinverständliche Studien über Monistische Philosophie.* 341.–360. Tausend. Leipzig, 1918. Рус. пер.: Геккель Э. Мировые загадки. Монизм и закон природы / пер. с нем. С.Г. Займовского. М.: ОГИЗ, 1937.

³⁸ См.: *Hawking S.W. Op. cit.* (См. примеч. 36.) S. 7.

5.1. Научно-культурные последствия

ного в Солнечную систему к Юпитеру, Сатурну и Нептуну, подтверждает это. Различие, которое состоит в том, что, как демонстрируют нам фотографии, сделанные упомянутым зондом, вулканы на спутнике Юпитера извергают огонь, а на самом крупном из спутников Нептуна вместо лавы выделяется замороженный метан, — это, конечно, различие, которое весьма релевантно для специалистов с точки зрения практики построения теорий. Напротив, для неспециалистов это остается различием, имеющим характер окончательно лишенной смысла фактичности, и, как мы понимаем, культурное значение опыта этого различия заключается, тем самым, в возможности сенсационным образом познать контингентность.

Вот и все, что хотелось сказать о когнитивной стороне научного прогресса, которую мы затронули, побуждаемые нашим теоретическим любопытством. С точки зрения релевантности для научного прогресса открываются совершенно иные перспективы.

5.2. Сгущение инноваций в ходе эволюции техники

Райнер Лепсиус в статье о развитии социологии после Второй мировой войны¹ обратил внимание своих немецких коллег по профессии на то, что вклад естественных наук и медицины в то «знание для принятия решений», на которое опирались законодательные акты законодательных корпораций и аналогично также распоряжения государственной власти, несравнимо больше, чем доля, которую вложили в это знание для принятия решений общественные науки и особенно социология. Это утверждение производит отрезвляющее воздействие. Оно выглядит резким контрастом на фоне той эйфории, с которой к концу 1960-х и еще в начале 1970-х годов в Германии, особенно в академических кругах, повсюду расширялись социально-научные исследовательские и учебные отделения, чтобы тем самым обеспечить особенно эффективный вклад в рационализацию публичного действия в политике и управлении, в педагогике и праве. Особенные надежды возлагались тогда на «критическую функцию» социальных наук, тогда как именно эта функция естественных и технических дисциплин отвергалась, причем категорически². Планировалось превращение университета в учреждение публичной критической власти, которая должна была действовать «согласно законам политической контрвласти и социо-экономического сопротивления, противостоящего унифицирующим тенденциям массового общества, руководимого бюрократически и в расчете на прибыль»³, причем используемый для этого критический потенциал приписы-

¹ *Lepsius M.R. Die Entwicklung der Soziologie nach dem Zweiten Weltkrieg 1945–1967 // Lüschen G. (Hrsg.). Deutsche Soziologie seit 1945. Entwicklungsrichtungen und Praxisbezug. Opladen, 1979. S. 25–70.*

² Относительно состоятельности критики в адрес якобы лишенной общественно-критического измерения академической науки см., в качестве случайного примера среди многочисленных примеров такого же типа: *Leibfried S. Die angepaßte Universität. Zur Situation der Hochschulen in der Bundesrepublik und in den USA. Frankfurt am Main, 1968.* Относительно аналогичной критики в адрес якобы некритических приспособленческих инженерных наук см. в качестве примера: *Hortleder G. Das Gesellschaftsbild des Ingenieurs. Zum politischen Verhalten der technischen Intelligenz in Deutschland. 2. Aufl. Frankfurt am Main, 1970.* Утверждение об ограниченной или «половинчатой» рациональности так называемых «позитивистских» наук инициировало тогда спор задетых «позитивистов» с представителями «критической теории», уверенными в своем превосходстве над «традиционной» теорией: *Adorno T.W. u. a. Der Positivismusstreit in der deutschen Soziologie (1969). 3. Aufl. Neuwied; Berlin, 1971.*

³ Так полагает Хорст Байер: *Baier H. Die Revolution der Wissenschaft zwischen Hochschulreform und politischer Revolte // Baier H. (Hrsg.). Studenten in Opposition. Beiträge zur Soziologie der deutschen Hochschule. Bielefeld, 1968. S. 7–24, S. 21.*

5.2. СГУЩЕНИЕ ИННОВАЦИЙ В ХОДЕ ЭВОЛЮЦИИ ТЕХНИКИ

вался не «техническому профессиональному знанию», а напротив, «критическому деятельному знанию»⁴ социально-научного извода.

Был меж тем период, когда, преимущественно в Германии, стало возможным задуматься о распределении задач между социальными науками, с одной стороны, и естественными и техническими науками — с другой. Это было более чем два десятилетия тому назад, и историческая дистанция, отделяющая нас от этого периода, гораздо больше, чем можно было бы предположить, глядя на ничтожную хронологическую дистанцию, отделяющую нас от него. В ходе реформы высшей школы вместо целей установления четвертой власти в государстве, т.е. власти критики, вполне разумно были достигнуты цели массового научного образования, весьма амбициозные в финансовом, организационном и доктринальном отношении⁵, и прагматика этих целей определяет действия политики высшей школы в сфере управления и самоуправления⁶. Однако с точки зрения политики научных исследований полезность наук в достижении бесспорных целей определяет публичная деятельность, это же верно и применительно к отношению сферы публичности к социальным наукам. С точки зрения научной политики это не означает утраты понимания потребностей тех наук, которые вообще не могут похвастаться пользой от их применения (это касается, в первую очередь, так называемых наук о духе) и являются прежде всего культурными средствами исторического самопонимания и понимания других. Вот и исторические науки о культуре также находятся в расцвете и наслаждаются публичной благосклонностью и поощрением. Однако сегодня уже развеялась восходящая к Платону мечта о том, что могла бы существовать такая наука, которая именно как наука была бы в состоянии авторитетно публично заявить, по каким критериям следует оценивать наше общество в политическом и моральном отношении. Претензия, что здравый смысл (*Gemeinsinn*) можно заменить мерилом высокой науки, искажает и то и другое — и здравый смысл, и науку. Опыт нашего столетия, столкнувшегося с тоталитарными идеологиями, чья тотальность не в последнюю очередь состояла в их притязании на то, чтобы быть наукой, подтверждает это; и безнадежные попытки поставить в морально и политически привилегированное положение некую амбициозную социальную науку, назвав ее «критической теорией» и противопоставив всем прочим наукам традиционно-теоретического типа, относятся к этому опыту как сатирическая драма, т.е. как пародия на трагедию.

Для социальных наук в той мере, в какой они по большей части смогли устоять перед сомнительной претензией на статус руководящей науки, это означа-

⁴ Universität und Politik, Arbeitsblätter I des Wissenschaftspolitischen Clubs Münster. Berlin, 1967. Частично перепечатано в: *Baier H.* Op. cit. (См. примеч. 3.) S. 23.

⁵ См. мою статью «Политика в отношении высшей школы в ФРГ и Швейцарии. Сравнительный анализ»: *Lübbe H.* Hochschulpolitik in der BRD und in der Schweiz. Ein Vergleich // Annan L., Devezze M., Lübbe H. Universität gestern und heute. Salzburg; München, 1973. S. 45–66.

⁶ См. об этом представительный сборник под редакцией Хорста Альберта Глазера: *Glaser H.A.* (Hrsg.). Hochschulreform — und was nun? Berichte — Glossen — Perspektiven. Frankfurt am Main; Berlin; Wien, 1982.

5. ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИНАМИКА И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

ет, что польза от них, по аналогии с пользой от естественных наук и медицины, есть польза от их применения. Они приносят ее посредством своего вклада в дескриптивные и теоретические гипотезы относительно окружающей нас действительности, которые всегда лежат в основе публичного действия в экономике, управлении и политике как «знание для принятия решений» научного происхождения в научной цивилизации. И вот именно об этом знании для принятия решений Лепсиус тут говорит⁷, что вклад в него, которые сделали и продолжают делать естественные науки, несравнимо больше, чем соответствующий вклад социальных наук. Если смотреть по правде, иначе и быть не может, и это понимаешь в ходе актуализации того способа, каким в процессах генерирования норм пересекается экспертное знание и практическое знание, причем последнее включает также практическое знание, почерпнутое из общей морали, поскольку политики являются отнюдь не экспертами, а субъектами, представляющими именно эту общность. Для обоснования норм необходимо, как это явствует из любого добротного законодательного обоснования, в первую очередь такое описание социальной или природной ситуации, селективный характер которого определен господствующими практическими интересами и из которого с очевидностью следует, что необходимо изменение ситуации или, наоборот, надели мероприятия по ее консервации. Во-вторых, в когнитивном отношении оно включает, как правило, тривиальную экспликацию этих назревших мероприятий, причем субъектом суждения здесь выступает именно здравый смысл, почерпнувший из жизненного опыта надежное знание о полезности и вредности, о благах и добродетелях, т.е. о том, что мы сегодня обычно называем «ценностями», расплывчато комбинируя два последних понятия. В-третьих, в случае любого обоснования норм требуется эмпирически содержательная теория, которая объясняет, к каким вредным последствиям ведет данная ситуация. И наконец, нужна теория реальных социальных или также природных последствий тех действий, которые необходимы для достижения поставленных целей и которые путем закрепления в соответствующих обобщающих инструкциях по действиям («нормах») делаются обязательными в законодательном или административно-практическом порядке.

В обоих названных последними элементами любого рационального обоснования норм кроется рассматриваемое экспертное знание, и потребность в нем растет вместе со степенью нашей зависимости от жизненных условий, которые, в свою очередь, уже являются результатом производства и действия, зависящего от экспертного знания. Система современного индустриального общества, исторически беспримерные жизненные преимущества которого все еще вызывают массовое одобрение, давно разрушилась бы, если бы в стандартном случае законодательного или административно-практического нормирования нашей производственной и кооперативной социальной жизни в нашем распоряжении не было бы надежного экспертного знания, выполняющего обрисованные функции. Журналистское освещение событий в СМИ преподносит искаженную картину, ежегодно, даже ежедневно обращая наше внимание на спорные случаи

⁷ *Lepsius M.R. Op. cit. (См. примеч. 1.) S. 54.*

5.2. СГУЩЕНИЕ ИННОВАЦИЙ В ХОДЕ ЭВОЛЮЦИИ ТЕХНИКИ

в законодательной и государственной практике. Напротив, от общественного внимания (если только мы не вовлечены в это как эксперты или каким-то иным особым образом) ускользает преобладающее множество нормативных актов в политике и управлении, использующих экспертное знание, — происходит это в силу их очевидной необходимости и пользы, а также потому, что их функционирование не вызывает ни вопросов, ни нареканий. Если установлено — а только профессионалы способны на это, — что снижение улова проходного сига в Боденском озере связано не с вредностью загрязнения вод Боденского озера для сига, как мог бы предположить любой смысленный телеребенок, а совсем напротив — со ставшей от загрязнения изобильной кормовой базой сигов, которые из-за этого изобилия теперь уже подобно первозданным рыбам застревают в ячейках сетей традиционного размера, то из этого с неопровержимой необходимостью будет вытекать административное предписание по увеличению размера данных ячеек, как это и произошло в этом невыдуманном случае. То, что ресурсы сига необходимо поддерживать в объеме, гарантирующем сохранение вида, — это явно не приказание, обусловленное компетенцией экспертов. Кулинарных привычек достаточно, равно как и уважения к условиям сохранения профессии рыбака или, наконец, уважения перед Творением — уважения, усвоенного не в биологической лаборатории, а, например, на религиозных уроках в школе. Но даже если мы чего-то единодушно хотим, то на вопрос, что делать или не делать, чтобы суметь этого достичь, как в простом, так и в бесчисленных других, более сложных случаях в состоянии ответить только эксперт, опытный рыбак или же — и таким был случай, выбранный в качестве примера, — зоолог, официально привлеченный в качестве эксперта.

Сегодня аналогично функционирующая кооперация практического общего знания (*Gemeinwissen*), с одной стороны, и экспертного знания — с другой, является повседневностью. И это уже сенсация, когда эксперт информирует нас о дотоле неизвестной причинно-следственной связи, вызывавшей тревожно учатившиеся травмы у новорожденных (как в громком случае использования беременными препарата «талидомид»). Причем как в данном конкретном случае, так и вообще в будущем, здравому смыслу нетрудно обнаружить соответствующую потребность в регулировании, что справедливо даже тогда, когда из-за различной степени вовлеченности в последствия этого регулирования немедленно возникает политический спор о конкретных формах очевидных нормативных требований.

Повторяю: процитированная ремарка Лепсиуса становится понятной при актуализации проблематичных ситуаций, в которых, если только в распоряжении имеется надежное, в особенности каузально-аналитически надежное, экспертное знание — от техники до медицины, нормативные последствия обнаруживаются с незаметной очевидностью. Доля «твердых» наук в общенаучном вкладе в действующую законодательную и прочую нормативную базу, как легко понять, настолько велика потому, что прочие науки, включая социальные науки, способные генерировать теории, — не говоря уже о гуманитарных науках, в несравненно меньшей степени способны распространять ситуационно обусловленное экспертное знание, обладающее очевидным нормативным значением.

5. ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИНАМИКА И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

Обрисованные взаимосвязи проясняют, что теоретический прогресс как количественный прирост имеющихся в распоряжении, эффективно объясняющих и прогностически валидных теорий означает на практике прирост возможностей действия. Кстати, именно в связи с этим ясно, что об эквивалентности научного отношения к окружающей действительности, с одной стороны, и донаучных или вненаучных, т.е., например, мифологических отношений к действительности — с другой, не может быть и речи. Если оценивать различные истолкования действительности с точки зрения антропологической возможности, позволяющей стабилизировать душевные состояния в явно контингентной ситуации или сохранять уверенность по отношению к тем жизненным обстоятельствам, надежности которых мы должны иметь возможность доверять, то логос действительно ничем не превосходит миф⁸, а скорее миф в чем-то превосходит логос, например, своей эстетической полезностью. Технически полезной, напротив, является только научная теория. Если мы знаем, что имеет место, если мы, кроме того, знаем, по какому правилу то, что имеет место, изменяется, если мы, наконец, знаем, как то, что имеет место, изменяется под воздействием нашего действия, то мы, если мы знаем, чего мы хотим, также в состоянии сказать, что мы должны сделать, чтобы мы смогли сделать то, что мы хотим. Описания и теории трансформируются таким образом в правила действий. Научный прогресс означает расширение возможностей наших действий. Из этого, разумеется, не следует, что расширение возможностей наших действий в историко-научном и историко-культурном отношении всегда было решающим мотивом для усилий по формированию теорий. Это, как известно, не имело места, и сегодня также нельзя сказать, что общим фундаментом нашей исследовательской практики, ставшей исторически беспримерно дорогой, является мотив пользы — ни в намерениях спонсора, и уж подавно ни в субъективности ученых, участвующих в исследовательском процессе. Трансформируемость эффективных для объяснения и прогностически валидных теорий в возможности действий, что предполагает теоретический прогресс, конечно, не подразумевает, что прирост возможностей действия *eo ipso* также подталкивает к реализации этих возможностей действий. Банально утверждение, что техническая польза от теоретического прогресса зависит от множества дополнительных условий — культурных и институциональных, экономических и опять же технических. Тем не менее считается, что теоретический прогресс, давно обеспеченный исследовательской техникой, является решающим условием технического прогресса, и благодаря некоторым социальным, экономическим и техническим опосредующим связям также всегда обуславливает динамику в развитии нашей теоретической осведомленности о том, что имеет место, динамику использования этого знания, изменяющего действительность в сфере природы и общества.

Зависимость динамической технической эволюции от роста знания, ускользнувшего в Новое время и имеющего характер исследовательской практики, разумеется, не означает, что технический прогресс возможен только на когни-

⁸ См. об этом: *Hübner K. Die Wahrheit des Mythos. München, 1985. Рус. пер.: Хюбнер К. Истина мифа. М.: Республика, 1996. Кроме того: Kemper P. (Hrsg.). Macht des Mythos — Ohnmacht der Vernunft. Frankfurt am Main, 1989.*

5.2. СГУЩЕНИЕ ИННОВАЦИЙ В ХОДЕ ЭВОЛЮЦИИ ТЕХНИКИ

тивном базисе знания, полученного благодаря специализированной в социальном и институциональном отношениях исследовательской практике. История техники первоначально не зависела от истории наук, и это справедливо даже для позднейших эпох в истории прогресса техники. Ведь в основе самых элементарных и культурно-революционных, сохраняющих свою эффективность технических изобретений всегда лежат необходимые надежные знания о том, что имеет место; не научное знание, а напротив, — когнитивное содержание общего и постепенно профессионализирующегося повседневного опыта. Лишь темпоральность донаучной технической эволюции иная: насколько мы можем это измерить, она протекает несравнимо медленнее, чем техническая эволюция, которая стала зависимой от социально и институционально обособившегося производства знания. Первобытная и ранняя история, как известно, также была уже историей технических прогрессов, причем те периоды времени, которые здесь отделяют друг от друга значительные технические инновации, во много раз продолжительнее того отрезка времени, в течение которого вплоть до сегодняшнего дня совершалась динамичная история нашей высокой культуры. Тут речь идет о каменных орудиях из Восточной Африки, самое древнее из которых «датируется возрастом около 2,6 миллионов лет». Способ изготовления этих «древних каменных орудий возрастом около двух с половиной миллионов лет», говорится дальше, «остается в последующие времена еще очень долго по сути неизменным». «Лишь через сотни тысяч лет, согласно новейшим датировкам, 1,4 миллиона лет назад, появляется та форма каменных орудий...» и т.п. «В ходе ближайших тысячелетий можно обнаружить различные усовершенствования». «Четко проявившееся доминирование узких тонких лезвий начинается около 35 000 лет назад с начала раннего палеолита, а примерно 10 000 лет назад, с начала эпохи мезолита, в определенных областях накапливаются “микролиты”, т.е. крошечные каменные артефакты. В неолите, наконец, всеобщее распространение получила до тех пор не встречавшаяся технология обработки камня шлифованием. Это усовершенствование технологий обработки камня и изменение в формах артефактов отчетливо показывает происходящее сокращение временного промежутка до появления следующего вида»⁹.

Если пересчитать эти изобретения по их числу на единицу времени, то и для первобытной истории и ранней истории получится «экспоненциальная функция», и даже те же самые специалисты по наукам о духе, которые склонны считать подобные расчеты забавой, возможно, начнут об этом думать по-другому, если уяснят себе, что означает подобная экспоненциальная функция технического прогресса для понимания его масштабов в различные исторические эпохи. А он означает, что ускорение, с которым увеличивается темп технической эволюции, сегодня, в сущности, то же самое, что и ускорение скорости технической эволюции в каменный век: «Далеко отстоящие от нас изменения представляются ничтожными только в сравнении с поздними изменениями, но для своего времени они столь же грандиозны как — с нашей точки зрения — более

⁹ Narr K.J. Zeitmaße in der Urgeschichte. Rheinisch-Westfälische Akademie der Wissenschaften. G 224. Opladen, 1978. S. 16, 18.

5. ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИНАМИКА И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

крупные изменения позднейших эпох»¹⁰. Таким образом, насколько простираются наши историко-технические знания, все культурные эпохи были равны по части их прогрессивного характера — от каменного века до «кремниевого века»¹¹, и у нас нет ни малейшего права, руководствуясь мотивами критики цивилизации, негативно противопоставлять нашу цивилизационную современность архаике миров, из которых мы произошли, руководствуясь признаком ее динамики: человечество и в те времена двигалось окольными путями прогресса, — если это было бы не так, то прогресс был бы ошибкой. Тот, кто в общении с историей интересуется преимущественно тем, что как раз не меняется и проявляет свое постоянство, также может быть удовлетворен: ускорение цивилизационной эволюции, по-видимому, как таковое и есть культурная константа.

Разумеется, форма экспоненциальной кривой технической эволюции выглядит эстетически удовлетворительно лишь при макроисторическом рассмотрении. Если же иметь перед глазами более короткие временные отрезки, то вместо континуальности и в этой эволюции будут видны разрывы и сдвиги, так что вместо «эволюции» хочется говорить о «революции», причем, как становится понятным, различие революции и эволюции здесь есть не что иное, как различие в том, как процесс представляется из микроисторической перспективы, с одной стороны, и из макроисторической перспективы — с другой. Из перспективы той эпохи, опыт которой впервые — будь то с энтузиазмом, будь то с изъятием отвращения — был определен как революционный, т.е. из перспективы конца XVIII в.¹² Средневековье, конечно, не воспринималось как революционная эпоха истории¹³. А между тем считается: «The Middle Ages are not what they used to be». «They continue to change with such rapidity that even professionals in the field scarcely realize the velocity of the current that sweeps them along»¹⁴. Это относится не в последнюю очередь к картине Средневековья, которая вырисовывается из исследования истории техники этой эпохи. Когда стареющий интеллигент носит на носу очки, он не обязан сознавать культурно-революционное воздействие их изобретения. Даже если он упустил этот момент, он может догадываться о его контексте и превозносить прогресс, которым мы тем самым обязаны итальянскому Высокому Средневековью. «People were able to read more and to read in their maturer years»*. Линн Уайт считает это предпосылкой «*feverish tempo of thought characteristic of the fourteenth and*

¹⁰ Narr K.J. Op. cit. (См. примеч. 9.) S. 41.

¹¹ Так назвал наше время Ханс-Иоахим Кейссер: *Queisser H.-J. Die Siliziumzeit // Maier-Leibnitz H. (Hrsg.). Zeugen des Wissens. Mainz, 1986. S. 203–236.*

¹² См. об этом большое исследование Ханны Арендт о самопонимании американских и французских революционеров: *Arendt H. Über die Revolution. München, 1963.*

¹³ См. *Boockmann H. Die Gegenwart des Mittelalters. Berlin, 1988. S. 23.*

¹⁴ *White L. Medieval Religion and Technology. Collected Essays. Berkeley; Los Angeles; London, 1978. P. XI.* [«Средние века уже не те, чем были». «Они продолжают изменяться так быстро, что даже профессиональные исследователи-эмпирики едва осознают скорость потока, который их смывает» (англ.)]

* «Люди были способны читать больше и читать в свои зрелые годы» (англ.).

5.2. СГУЩЕНИЕ ИННОВАЦИЙ В ХОДЕ ЭВОЛЮЦИИ ТЕХНИКИ

fifteenth centuries»¹⁵. Без возрастания рецепции информации процесс возрастания производства информации работал бы вхолостую, и уже в Средние века возрастание рецепции информации протекало благодаря технической инновации, которая должна восприниматься как классическая (в разъясненном смысле¹⁶), т.е. как отныне постоянно необходимая, в принципиальных моментах непревзойденная, а потому не подвластная старению инновация. К особенностям этой инновации относится, кстати, уже то, что она зависит от когнитивных предпосылок, которые исходят не из общего жизненного опыта, а из ремесла, ставшего способным к совершенствованию благодаря теории.

В отношении других технических инноваций, оказавших революционное воздействие, которые исторически следует приписать Средневековью, считается, однако, что они относятся к контексту деятельности без обособившейся теоретической традиции — изобретение тачки, например, «which cut in half the number of labourers needed to haul small loads by substituting a wheel for the front man of the hand-barrow»¹⁷, что также существенно повысило скорость транспортирования мелких грузов. Лучшим метонимическим символом для технической революции, из которой выросло индустриальное общество модерна, является паровая машина, а не какой-либо другой аппарат. То, что она сделала в качестве паровоза для интенсификации перевозки грузов и повышения ее скорости, вполне сопоставимо, если принять во внимание предшествующие условия, с революционным ростом в раннем Средневековье, когда «almost simultaneously, three major inventions appear: the modern horse-collar, the tandem harness, and the horses-hoe»¹⁸. Те, кто уже не молод, может вспомнить каникулы, проведенные в детстве этак полсотни лет назад в крестьянской усадьбе, где лошадь еще была, несомненно, самым важным источником используемой механической энергии, и даже, возможно, припомнить случаи, когда негодная сбруя делала очевидной зависимость потенциала данного домашнего животного от упомянутых изобретений.

Названные в качестве примера раннесредневековые технические инновации для совершенствования механического использования энергии животного, представляют собой, кроме того, случай технического прогресса, который позволяет понять, как технический прогресс в одной области служил предпосылкой прогресса в другой области, и наоборот. Лошади, труд которых благодаря техническим изобретениям сделался более производительным, в свою очередь, зависели от возросшего поступления энергии, получаемой с помощью

¹⁵ Ibid. S. 3 и далее. Здесь можно найти подробные ссылки на литературу, посвященную истории изобретения очков. [«лихорадочного темпа мысли, характерного для четырнадцатого и пятнадцатого столетий» (англ.).]

¹⁶ См. наст. изд., с. 112 и далее.

¹⁷ White L. Op. cit. (См. примеч. 14.) S. 10. [«которая урезала вдвое число рабочих, необходимых для перетаскивания небольших грузов на носилках, заменив колесом рабочего, шедшего впереди» (англ.).]

¹⁸ Ibid. S. 19. [«появились, практически одновременно, три главных изобретения: современный хомут, упряжка цугом и подкова» (англ.).]

5. ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИНАМИКА И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

процессов сгорания. Иначе говоря, им — индивидуально и как растущей популяции — был необходим корм в невиданных до тех пор количествах, и только с помощью технического изобретения можно было раскрыть новые источники кормовой энергии: «Under the two-field system the peasant's margin of production was insufficient to support a work-horse; under the three-field system the horse gradually displaced the ox as the normal plough and draft animal of the northern plains»¹⁹.

Можно долго продолжать приводить подобные примеры, включая инновации в области техники вспашки, прогресс в кораблестроении и мельничную технику. Результаты исследования, которые только сегодня позволили использовать подобные примеры, революционизировали не только наше представление о Средневековье. Они одновременно пробуждают ощущение единства технической эволюции и развеивают настроения, идущие от технофобской романтики, которые реагируют на современную технику как на технику, выросшую из нездорового духа покорения природы, и, напротив, поэтически приписывают домодерновой технике дух благоговения перед природой. «На Рейне поставлена гидроэлектростанция. Она использует реку для создания гидравлического напора, заставляющего вращаться турбины, чье вращение приводит в действие машины, производящие электрический ток, для передачи которого установлены энергосистемы с их электросетью. В системе взаимосвязанных результатов поставки электрической энергии сам рейнский поток воспринимается специально подведенным сюда как раз для этого. Гидроэлектростанция не встроена в реку так, как встроены старые деревянные мосты, веками связывающий один берег с другим. Скорее река встроена в гидроэлектростанцию»²⁰. Это охотно цитируемый пассаж о мнимой противоположности духовной организации современной техники, с одной стороны, и домодерновой техники — с другой, своей феноменологической очевидностью, которой он, как кажется, обладает, обязан нечестному приему. Нечестно, скажем так, сравнивать современную большую гидроэлектростанцию со старым деревянным мостом. Мы лучше будем видеть то, что изменилось, равно как и то, что осталось неизменным, если вместо того чтобы сравнивать современную электростанцию со старым мостом, будем сравнивать новый мост со старым и современную электростанцию со старой. Действительно, можно сказать, что «река встроена в гидроэлектростанцию» современного технического образца. О старом деревянном мосте этого не скажешь. Но о современном железобетонном мосте этого также не скажешь. Если сравнить современную гидроэлектростанцию со старой, а такие действительно еще кое-где сохранились или превращены в музеи, то быстро понимаешь, что уже в старой гидроэлектростанции река в нее полностью встроена (то же самое

¹⁹ White L. Op. cit. (См. примеч. 14.) [«При двухпольной системе объем крестьянского производства не был достаточен для содержания рабочей лошади; при трехпольной системе лошадь постепенно вытеснила вола как нормальное пахотное и тягловое животное на северных равнинах» (англ.).]

²⁰ Heidegger M. Die Frage nach der Technik // Heidegger M. Vorträge und Aufsätze. Pfullingen, 1954. S. 13–44, S. 23. Рус. пер.: Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие / пер. с нем. В.В. Бибихина. М., 1993. С. 226–227.

5.2. СГУЩЕНИЕ ИННОВАЦИЙ В ХОДЕ ЭВОЛЮЦИИ ТЕХНИКИ

можно сказать о мельнице, лесопилке или кузнице). Плотины, установленные поперек речного русла, запруживали воду, чтобы можно было отвести ее для привода мельничной механики, а в засушливые годы вода только туда и направлялась. В современной гидроэлектростанции, полагает Хайдеггер, поток реки денатурирован, лишен природных свойств, будучи превращен в «поставщика водного напора», и сущность электростанции превратила его в сущее. Это, возможно, в самом деле чудовищный процесс, и мы пока еще не в состоянии «хоть отдаленно оценить чудовищность этого обстоятельства»²¹. Между тем, если присмотреться внимательнее, «чудовищный» характер был бы присущ в первую очередь не современной, а, скорее, средневековой технике, которая, как правило, вообще не включала когнитивные предпосылки, возникшие из социально и институционально обособленной научной практики. Только скудная диета примеров, определенная уже Витгенштейном в качестве причины многих философских болезней, создает здесь видимость противоположности «сущности» современной и домодерновой техники, тогда как в контексте описания у Хайдеггера того, что нам позволяет видеть выбранный пример, из исторического сравнения гидроэлектростанций явствует только то, что водный поток, который в обоих случаях «встроен в электростанцию», раньше всегда был только ручьем или речушкой, тогда как сегодня в предельных случаях это в самом деле «поток». Это действительно различие, существенное в своих предпосылках и последствиях. Но этот существенный момент затрагивает не «сущность» техники, а имеет дело с уменьшающейся предельной полезностью ее прогресса²², со временем обнаружившейся в опыте, и необходима наука, чтобы этот процесс уменьшения предельной полезности можно было бы измерить, и, кроме того, современная техника для решения проблем управления, которые в ходе прогрессивного развития возникают в связи с надежностью организации.

Возможно, Мартин Хайдеггер даже не спорил бы с этим, но затем он объявляет в целом европейскую технику, современную или домодерновую, событием той истории бытия, которая с момента ее классически-греческого поворота одарила нас метафизическим «нападением на вещь» (*Überfall auf das Dingsein des Dinges*) вместе с его позднейшими ниспровергающими последствиями²³. Это «нападение» метафизики на то, что есть, и овладение вещами в ходе этого нападения заключается, согласно Хайдеггеру, в упорядочивании того, что есть, по мерке категориальных элементов правдоподобных высказываний о том, что есть. Современная наука есть потомок метафизики, а вовсе не

²¹ Ibid. Рус. пер.: Там же. С. 227.

²² См. об этом мою книгу: *Lübbe H. Der Lebenssinn der Industriegesellschaft. Über die moralische Verfassung der wissenschaftlich-technischen Zivilisation.* Berlin; Heidelberg; New York; London; Paris; Tokyo; Hong Kong, 1990.

²³ Так выразился Мартин Хайдеггер в разделе «Вещь и творение» своей большой статьи «Исток художественного творения»: *Heidegger M. Der Ursprung des Kunstwerkes // Heidegger M. Gesamtausgabe. I. Abteilung: Veröffentlichte Schriften 1914–1970.* Bd. V. Holzwege. S. 1–74, S. 15. Рус. пер.: *Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет / пер. с нем. А.В. Михайлова. М., 1993. С. 63.* [В указ. соч.: «застигает вещь врасплох».]

5. ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИНАМИКА И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

ее опровержение. То, что предложил Хайдеггер для объяснения этого значительного исторического тезиса, едва ли можно оспорить. Понимаешь историческую контингентность («Seinsgeschick», «судьбу бытия») той зависящей от метафизики культуры, которая как единственная среди всех мировых культур породила науку и технику, причем технику, которая по крайней мере, будучи современной техникой, опирается на применение и использование теоретического знания, имеющего в ходе исторической эволюции знания своей предпосылкой метафизику.

Там, где использование знания, полученного благодаря социально и институционально обособившейся исследовательской практике, осуществляется не только случайно, но даже намеренно и целенаправленно, где исследовательская практика в ее организованных формах (Eingrichtungen), в свою очередь, существенно определяется также целью ее использования, где внутрипромышленные организованные формы исследования и развития ближайшим образом подчинены организованным формам производства, где тем самым постоянно растет в абсолютном и относительном исчислении та доля общих затрат на исследование и разработки в народном хозяйстве, которая выделяется и в основном осваивается предприятиями, — там соответственно ускоряется и техническая эволюция. Это совершенно не означает, что свободное, т.е. институционально прямо не связанное с промышленными целями исследование утратило свое значение. Расходы на него также растут, только не так быстро, как затраченные внутри предприятия средства на исследования и разработки. Эти отклонения, разумеется, ничего не меняют в том, что фундаментальные исследования, которые по природе вещей никогда непосредственно не могут ассоциироваться с утилитарными целями, в долгосрочной перспективе всегда остаются решающей предпосылкой для будущей возможности утилитарного использования исследований²⁴. Нет ничего полезнее, чем наука, которая освобождена от непосредственной обязанности быть полезной. Такое понимание уже было положено в основу прусской университетской реформы Вильгельма фон Гумбольдта²⁵, а сегодня оно выражается в том, что, разумеется, в лабораториях и прочих исследовательских центрах также проводятся те фундаментальные исследования, без результатов которых не было бы возможно поддерживать полезность прикладных исследований. Это не значит, что любой прирост полезного знания, достигавшийся в исследовательской практике, всегда немедленно претворялся в технические инновации. Происходит ли такое претворение и, прежде всего, как быстро оно происходит, зависит от множества особых историко-культурных условий, а также в любом случае от экономических, социальных и законодательных предпосылок — от таможенных предписаний до

²⁴ См. в связи с этим мою статью: *Lübbe H. Universitäten im kulturellen Wandel — forschungspolitische Aspekte* // Busek E., Mantl W., Peterlich M. (Hrsg.). *Wissenschaft und Freiheit*. Wien; München, 1989. S. 164–173.

²⁵ См. об этом мою статью: *Lübbe H. Deutscher Idealismus als kulturpolitische Philosophie* // *Lübbe H. Die Aufdringlichkeit der Geschichte. Herausforderungen der Moderne vom Historismus bis zum Nationalsozialismus*. Graz; Wien; Köln, 1989. S. 163–186, особенно S. 172 и далее.

5.2. СГУЩЕНИЕ ИННОВАЦИЙ В ХОДЕ ЭВОЛЮЦИИ ТЕХНИКИ

патентного права. Если такие предпосылки выполняются в благоприятствующей форме, то это ведет к дальнейшему росту знания, действительно ускоренному благодаря исследовательской практике, и ео ipso к ускорению технической эволюции. Самореферентной эта эволюция была всегда. Уже в отношении каменного века считалось: «Тесное взаимодействие инструмента и материала ускорило процесс развития, а существовавшая техника совершенствовалась в растущем темпе»²⁶. То же по аналогии верно для использования знания в качестве предпосылки для получения нового или более совершенного знания, равно как и в отношении использования знания с целью создания техники, которая, в свою очередь, может быть применена как исследовательское средство для целей генерирования знания. Образцовым примером этого является интеракционное взаимодействие техники переработки информации и исследования с целью умножения и совершенствования той информации, от которой зависит повышение производительности информационной технологии.

В целом оказывается, что в условиях социально и институционально обособившейся исследовательской практики, организация и обеспеченность ресурсами которой, в свою очередь, определяется результативностью, «темп технологического обновления» должен быть «быстрее, чем прежде»²⁷. Всякий непрофессиональный любитель истории техники знает это из хронологической таблицы изобретений, прилагаемой к общим и специальным историям техники. В комментариях к таким хронологиям звучит, как правило, одна и та же мысль: в этих хронологиях отражается «бурное развитие» в науке и технике «со времен “первой индустриальной революции”»²⁸. Вот один из примеров: на 1878 г. зарегистрировано семь имевших большое будущее научно-технических инноваций, включая электроплавильную печь фирмы «Сименс», синтез красителя индиго Байера и Гофмана и постройку первого европейского крематория в Готе. Через 100 лет число инноваций, которые оцениваются как обязательные для упоминания в отчетах, увеличились более чем в 5 раз — от успешной стыковки трех независимо друг от друга запущенных космических аппаратов до луча полупроводникового лазера, который служит вместо иглы в проигрывателях для лазерных дисков²⁹. Если включить во всеобщую историю техники первобытную и раннюю историю, то аналогично получается, что для перечисления крупных, революционирующих технических инноваций от самых ранних дошедших до нас каменных орудий до самых первых методов изготовления оконного стекла в Риме вскоре после начала нашего летоисчисления, т.е. на период времени, который охватывает многие десятки тысяч лет, будет достаточно одной книжной страницы, тогда как для нашей современности одной страни-

²⁶ *Queisser H.-J.* Op. cit. (См. примеч. 11.) S. 203.

²⁷ *Landes D.S.* Der entfesselte Prometheus. Technologischer Wandel und industrielle Entwicklung in Europa von 1750 bis zur Gegenwart (1969). Köln, 1973. S. 479.

²⁸ *Zeittabellen von 1800–1978 / Neubearbeitung von W. Keller.* Herausgegeben vom Schweizerischen Gewerkschaftsbund zum 100jährigen Bestehen 1880–1980. Bern, 1980. S. VII.

²⁹ *Ibid.* S. 26, S. 130–132.

5. ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИНАМИКА И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

цы книжного формата хватит только на перечисление важнейших технических инноваций за столетия — от вертолета Игоря Сикорского до первого телефонного разговора через оптоволоконный кабель в Берлине³⁰.

Такое же темпоральное сгущение инноваций демонстрируют нам хронологии специализированных историографий техники³¹. Само собой разумеется, можно возразить, что подобные хронологии не могут не содержать искажения. Для весьма отдаленных историко-технических эпох считается, как и для других областей исторических исследований, что поток источников становится тонким и ненадежным. В дополнение к этому для близких к современности эпох считается, что оценка экономического, социального и культурного значения научно-технических инноваций становится источником самообмана. Однако даже с поправкой на такого рода неопределенности вырисовывается картина развития, очевидной особенностью которого является темпоральное сгущение инноваций, что заставляет нас озадаченно спросить: каким таким образом воспринимают историю нашей цивилизации люди, которые считают необходимым усомниться в ускоряющемся характере ее эволюции?³²

Конечно, можно задать вопрос философам культуры, налагает ли динамика, которая явно характеризует техническую эволюцию, свой отпечаток помимо техники также и на историю культуры. Не ведет ли себя очевидным образом прогресс в технике звуковоспроизведения, о котором свидетельствует упомянутый луч полупроводникового лазера, всецело индифферентно к непреходящему рангу классического произведения искусства, которое он передает нашему слуху при слегка улучшенном качестве звучания по сравнению с тем, который достигался с помощью граммофонной иглы? Не является ли результат, который принесла первая фотография обратной стороны Луны, сделанная космическим зондом, совершенно нерелевантным для нашей культурно-определенной картины мира? Не производит ли жалкое впечатление по сравнению с высокоразвитой техникой упомянутого космического зонда культурный результат, извлеченный из знания, что сзади Луна, в сущности, выглядит так же, как и спереди? Что же тогда такое «прогресс», и какой смысл говорить здесь о динамике прогресса?

Конечно, если ставить вопросы таким образом, то ответ будет соответствующим. И все же выбор материалов в качестве примеров для обеспечения большей наглядности и понятности культурно-аналитической теоремы есть дело способности суждения, или — если воспользоваться аристотелевскими терминами — здравого смысла. Разве революция наборной и печатной техники в эпоху Гутенберга не имела культурно-революционных последствий? Разве всемир-

³⁰ *Klemm F. Geschichte der Technik. Der Mensch und seine Erfindungen im Bereich des Abendlandes. Reinbek bei Hamburg, 1983. S. 7–14 («Zeittafel» — «Хронологические таблицы»).*

³¹ См. в качестве примера: *Mommertz K.-H. Bohren, drehen und fräsen. Geschichte der Werkzeugmaschinen, mit einem Anhang “Werkzeugmaschinen im Deutschen Museum” von K. Allwang. Reinbek bei Hamburg, 1981. S. 9–19 («Zeittafel» — «Хронологические таблицы»).*

³² См. наст. изд., с. 257 и далее.

5.2. СГУЩЕНИЕ ИННОВАЦИЙ В ХОДЕ ЭВОЛЮЦИИ ТЕХНИКИ

ное и массовое распространение знаменитой технико-критической философии с ее элитарным самоустраниением от «предприятия» («Betrieb»), которое, может, и в самом деле нуждается в критике, не предполагает также наличия производства и сбыта, осуществляемого тем самым предприятием, от которого она устраняется? Не должен ли тот, кто пишет историю рецепции и, изменяя формы этой рецепции, тем самым делает зримой континуальность, т.е. продолжающееся присутствие рецепируемого, признать в качестве условия возможности этой специфически современной, предельно эзотерической формы обращения к прошлому именно то историческое динамическое изменение образовательных, читательских, а вместе с тем и технических контекстов традирования, по отношению к которому феномены культурной непрерывности как таковые вообще только делаются заметными? Тот, кто, напротив, менее эзотерично интересуется социокультурными последствиями технической эволюции и склоняется к сомнению, ведет ли вообще технический прогресс в его несомненной динамике к улучшению жизни людей, если учитывать его вредные последствия, пусть изучает историю бедности³³, или, взяв в качестве примера один исторический эпизод, актуально представит себе, что даже после изобретения паровой машины и ее использования для откачки воды в горных разработках горняки в аварийных случаях должны были с помощью лестниц спускаться в забой на глубину 400 метров и таким же образом подниматься оттуда, причем до и после начала соразмерно заработной плате рассчитываемого рабочего времени, пока с помощью техники и эта беда не была устранена³⁴.

Вот таким является то, что мы называем «прогрессом», — социальное изменение, вызывающее на практике одобрение, нередко безусловное, причем в этом случае речь идет о социальном изменении, обусловленном прежде всего технически. Сомнения в том, имеет ли в настоящее время и сохранит ли в обозримом будущем техническая эволюция — включая ее социальные и прочие последствия — свой прогрессивный характер, едва ли можно преодолеть напоминанием о событиях, имевших бесспорно прогрессивное значение. Так какой же смысл разрабатывать угольные месторождения на все большей глубине, доставляя туда все большее число людей, если для облегчения их транспортировки туда применяется, в конце концов, все та же паровая машина, поначалу использовавшаяся только для решения проблемы откачки воды, которую без нее нельзя было бы решить? Частичный ответ на этот вопрос, к сожалению, такой: уголь в тех количествах, которые доступны только на таких глубинах, требуется не в последнюю очередь как носитель энергии для работы тех паровых машин, которые в свою очередь создали техническую возможность добычи этого угля. В приемлемых пределах обобщение звучит так: в отдельных областях цивилизации модерна расходы на исследовательскую практику, на решение технических проблем и на ресурсопотребляющие системы, которые

³³ См.: Fischer W. Armut in der Geschichte. Erscheinungsformen und Lösungsversuche der "Sozialen Frage" in Europa seit dem Mittelalter. Göttingen, 1982.

³⁴ Varchmin J., Radkau J. Kraft, Energie und Arbeit. Energie und Gesellschaft. Reinbek bei Hamburg, 1984. S. 113.

5. ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИНАМИКА И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

необходимы для повышения нашего общественного благосостояния («прогресса»), растут быстрее, чем это общественное благосостояние. Если скобинировать последствия этого разлада с обостряющимися последствиями глобального роста населения, обусловленного, в частности, научно-технической эволюцией, то действительно обнаружатся те количественно измеримые и графически наглядно представимые результаты, которые известны сегодня каждому любознательному гимназисту из чтения доклада «Global 2000»³⁵. Вполне возможно, что для нас, невзирая на бесспорные и всеми нами — в качестве цивилизационных современников — используемые технические, социальные и прочие результаты прогресса, цивилизационный процесс в целом становится обременительным, поскольку предельная полезность прогресса стремительно уменьшается, да к тому же он еще и чреват катастрофами. Но здесь мы не будем заниматься объяснением причин, по которым нас может тревожить эволюция индустриального общества модерна³⁶. Вопрос, напротив, заключался в том, допустимо ли динамический характер цивилизационной эволюции, который, зная элементарные историко-технические факты, едва ли можно оспорить, приписывать также культурной действительности за пределами техники. Повторим еще раз: это вопрос теоретико-практической способности суждения, который заключается в том, чтобы в ходе напряженного поиска ответа на него создать образцово подходящее воззрение на реальность. От развития культуры чтения до прогрессирующего роста социального обеспечения, зависящего от техники, и от достигнутого к настоящему времени уровня социального пространства знаний классических текстов до роста доли жизненного времени, которую мы вольны посвятить чтению или другим целям, — эволюционной динамикой явно охвачено гораздо больше культурной реальности, чем просто презренная техника. При описании этой эволюционной динамики можно даже полностью отказаться от употребления понятия прогресса. «Прогресс» — это, скажем еще раз, цивилизационная эволюция, поскольку мы рассматриваем ее как достойную одобрения — даже как обязанную быть одобренной — с точки зрения практических целей. От вопроса, осуществляется ли сегодня прогресс и в каких масштабах и в каких сферах жизни или уже нет, совершенно не зависит вопрос о эволюционном характере нашей цивилизации. Об этом втором вопросе и идет здесь речь. Цель состоит в том, чтобы наглядно продемонстрировать, что динамика изменений наших жизненных условий затрагивает не только их технико-индустриальные условия, а вообще все эти жизненные условия в целом. Но это следует, опять же, рассматривать детально, а для начала мы обратимся к последствиям культурного обращения со временем в ходе технической эволюции.

³⁵ Global 2000. Der Bericht an den Präsidenten. Herausgabe der deutschen Übersetzung R. Kaiser. 27. Aufl. Frankfurt am Main, 1981 (Amerikanische Originalausgabe. Washington, 1980).

³⁶ См. об этом цитируемую в примеч. 22 книгу.

6. ЭКСКУРСЫ

6.1. Экскурс I.

Культурно-революционное ускорение. Казаться или быть?

Так называемая быстротечность нашего времени постоянно занимает современников в течение многих десятилетий. Для обработки свидетельств этого потребовалась бы помощь электронных вычислительных машин. Даже если ограничиться цитированием знаменитостей, демонстрация внимания наших современников к подвижности нашей цивилизации — от Гёте через Якоба Буркхардта до Мартина Хайдеггера — потребовала бы обстоятельного изложения. Давнее повсеместное наличие изъявлений ощущения нарастающей динамики развития, которой мы подвержены, заставляет предположить, что здесь мы сталкиваемся с культурной, а точнее, антропологической константой. Жизнь коротка — эта мудрость была известна нашим праотцам, и ведь чем больше та часть срока жизни, которая остается за плечами, тем короче — банальным образом — становится жизненный срок, на который можно еще рассчитывать, и тем быстрее он одновременно пролетает, а вот это, даже если речь идет при этом о всеобщем опыте, уже не так банально. Так, можно было бы обнаружить, что в непрекращающихся комментариях по поводу быстротечности эпохи модерна отражается хорошо знакомый жизненный опыт, который претворяется в актуальную культур-критику. Между тем множество высказываний о быстротечности нашего времени не является постоянным во времени. Напротив, оно, в свою очередь, растет, и тот, кто предположит, что с этим ростом коррелирует также рост сочинений, посвященных времени, назовет тем самым один из культурных элементов, благодаря которым объективируется впечатление ускорения цивилизационной эволюции.

Ханно Хельблинг остается скептиком: имеется «достаточно поводов не доверять собственному восприятию времени». «От таких нечетких понятий, как “медленно” и “быстро”» «логике надо держаться подальше», равно как и историкам. Конечно, тот, «кто обращает внимание на то, что мир за последние полстолетия» изменялся столь быстро, «как никогда прежде», мог бы «многое привести, что говорило бы в пользу этого утверждения». «Противозачаточная таблетка», например, безусловно «революционизировала общественный строй, — с этим не поспоришь». «Но сделала ли она больше или меньше, чем Французская революция», — попросту «решить невозможно»¹.

Скепсис Хельблинга полезен. Интеллектуальное, даже эмоциональное сопротивление необходимо как реакция на экспрессивные выпады дромологической литературы. Футуризм, который опьянялся скоростью и обогатил по-

¹ Helbling H. (Hrsg.). Zeitsprünge? // Neue Zürcher Zeitung. 1989. 28. Juli. Freitag. Fernausgabe Nr. 172. S. 33.

6. ЭКСКУРСЫ

литическую эстетику манерой пребывать в постоянной подвижности и перманентной настроенности на новое начало, из-за своих известных идеолого-политических осложнений и без того оставил после себя недобрую память. Комплементарным к этому является постмодернистская жалоба на то, что «все проходит слишком быстро»². Однако феноменологический и аналитический статус постмодерной дромологии безнадежен. В литературно-фельетонистской борьбе за крохи внимания она делает ставку прежде всего на преувеличения («сила скорости сделалась одновременно местом, законом, целью и назначением мира»³, etc.), а длительное употребление этого средства навевает скуку. Но как бы там ни было: интеллектуальная реакция на растущие скорости цивилизационных процессов всегда имела в нашем столетии — вплоть до настоящего времени — скандальный характер. Поэтому, в самом деле, тем более напрашивается скептическое отношение в отношении популярной темпо-диагностики темпорально-кратической направленности — неважно, настроена ли она эйфорически или апокалиптически.

Требование Хельблинга — под впечатлением от скорости «не доверять своему собственному ощущению времени», можно было бы даже поддержать и другими сильными аргументами. Ведь на опыте не всегда сталкиваешься только с возрастанием скорости. Как комплементарное дополнение к этому встречаются и процессы замедления. Средняя скорость движения владельцев легковых автомобилей в городском трафике уже давно падает. Скорость реализации традиционных сервисных услуг, типа доставки писем, по крайней мере стагнирует. С ростом плотности регламентаций удлиняются сроки, которые необходимо учитывать при подаче заявок в органы администрации; каждый застройщик знает это. Резко возросло также число лет для обучения, которые необходимо провести в учебных заведениях для получения достаточной профессиональной подготовки. Количество невыполненных дел растет, равно как и число технических, административных и экономических замыслов, которые нужно рассматривать, учитывая неизвестные сроки исполнения в будущем, как незавершенные, незаконченные проекты. Не стали ли наши сегодняшние историко-критические издания классиков, хотя никто не подвергает сомнению их национальное, даже международное значение, в самых значительных случаях проектами, завершение которых трудно предвидеть? Не является ли удлинение сроков, которое постоянно раздражает прежде всего тех, кто их финансирует, главным признаком их темпоральной структуры?

Йоахим Кайзер обнаружил, что время на сочинение у наших музыкантов замедлилось, и результат сравнения длины списка произведений современных композиторов, с одной стороны, и, скажем, венских классиков — с другой, мог бы понятным образом подкрепить наблюдение Кайзера. Что касается политики, то любой пользователь СМИ мог бы указать на процессы, которые нас удру-

² Так полагает Филипп Гави (Philippe Gavi), его высказывание приведено на задней обложке книги: *Virilio P. Geschwindigkeit und Politik. Ein Essay zur Dromologie / aus dem Französischen übersetzt von R. Voullié. Berlin, 1980.*

³ Ibid. S. 199.

чают и даже угнетают не из-за их динамики, а из-за медлительности их протекания. В отношении переговоров о разоружении, например, считалось еще до недавних пор, и знатоку проблемы это известно, что наметившееся между тем большее движение, которое современники радостно приветствуют, к сожалению, все еще является поверхностным явлением. Вот и экологические реформы в важных областях сильно отстают по своей динамике от объективных требований времени. Так можно долго продолжать — от желательного снижения скорости роста населения до темпорального разрыва между распространением СПИДа, с одной стороны, и исследованиями СПИДа, сулящими открытие средств для лечения, — с другой, и будет справедливо противопоставлять топос «быстрее, чем когда-либо прежде» комплементарному топосу «медленнее, чем когда-либо прежде».

И все же, ведь тягучесть и замедленность, о которых мы только что говорили, познаются как таковые по контрасту с нашими идеальными представлениями. Медленно — это то, что движется не так быстро, как нам бы хотелось. При таком подходе в самом деле невозможно осмысленно сравнивать различные темпы эволюции в разные цивилизационные эпохи, и тот, кто в таком случае выражает свой опыт или свои ощущения о ситуациях, которые стагнируют, галопируют или изменяются, хотя они все же меняются недостаточно быстро, ничего не сообщает нам о различной темпоральности цивилизационных эпох, но предоставляет только сведения о себе самом, а именно об индивидуальном или прочем субъективном состоянии, по отношению к потребностям которого можно дать определение оптимальной темпоральности данных ситуаций. По отношению к этим потребностям не может быть и речи о произвольном выборе. Оптимальные темпы происходящих эволюционных изменений могут быть связаны с объективными необходимостями, от исполнения или неисполнения которых зависит дальнейшее существование системы или прекращение ее существования. Но и в этом случае объективируемых необходимостей эти изменения соотносят как «медленные» или «быстрые» или также как «слишком медленные» процессы развития по отношению к условиям, необходимым для самосохранения, и о сравнении темпоральности различных эпох эволюции речи вообще не идет.

Верно, что и при методологически осмысленном сравнении темпов эволюции различных эпох нашей цивилизации для нашей современности обнаруживается не только возрастание темпа, но комплементарно этому также и его замедление. Но понятие цивилизационной динамики, которое мы постоянно используем в данной книге, как таковое индифферентно по отношению к различию, которое оно проводит, идет ли речь при сравнении эпох в случае зафиксированных изменений скорости протекания эволюционных изменений о процессах ускорения или замедления. Процессы ускорения и замедления взаимно обуславливают друг друга многообразными способами, и уже по этой причине попытка — по образцу наших постмодернистских дромологов — подвести теорию цивилизации модерна под квинтэссенцию «все протекает все быстрее» обречена на провал. Подобные попытки терпят крах по причине своей односторонности. Ведь не надо быть инженером, да и общий опыт водителя легко-

6. ЭКСКУРСЫ

вого автомобиля достаточен для того, чтобы знать, что, например, за пределами определенных оптимальных параметров в отношении потребления энергии и скорости при движении с постоянно возрастающим потреблением энергии прирост скорости становится все меньше. Процессы замедления этой характеристики также специфичны для цивилизации. Но из этого снова не следует, что аналитикам динамики нашей цивилизационной эволюции могут в качестве возражения заявлять, что существуют не только процессы ускорения, но также процессы замедления, так что в итоге все сводится к тому, что в сумме времен жизнь протекает сегодня так же, как всегда.

Дело заключается в том, что цивилизационная динамика есть понятие для масштаба эволюционных изменений нашей цивилизации во времени, и это понятие охватывает оба элемента: процессы ускорения и процессы замедления. При желании зафиксировать это необходимо сравнить разные эпохи цивилизационной эволюции в подходящем аспекте. Иначе ничего заметить нельзя и все выльется в примитивную газетную полемику по поводу мнимой или фактической уникальной динамики цивилизации модерна с демонстрацией противоположных примеров для процессов ускорения, с одной стороны, и процессов замедления — с другой. Тогда кто-нибудь скажет: «Противозачаточная таблетка произвела революцию в общественном строе». «А кто собирается спорить с этим», — соглашается другой, но возражает, что все же это никак не помогает доказать быстротечность нашей жизни. Ибо сделала ли таблетка «больше или меньше, чем Французская революция», — все же «решить невозможно»⁴. Это действительно верно. Но было бы бессмысленно полагать, что в очевидной невозможности ответа на вопрос о том, что вызвало бóльшие изменения — Французская революция или противозачаточная таблетка, отражается неразрешимость проблемы, «быстротечнее» ли наше время, чем время шесть или семь поколений тому назад. Невозможность ответа на этот вопрос вытекает все же из его бессмысленности, которая, в свою очередь, следует из полного отсутствия четкости угла зрения, под которым следует здесь сравнивать один исторический процесс с другим. Темпоральность процессов разных исторических эпох можно сравнивать только в том случае, если имеется понимание того, что данные процессы в общем плане делает идентифицируемыми как такие процессы. Что породило больше изменений — таблетка или Французская революция? На этот вопрос, еще раз повторим, невозможно дать ответ, поскольку никто не знает, на что нужно обращать внимание, чтобы констатировать различия в темпах развития данных процессов.

Именно поэтому — в процессах, до сих пор актуализированных и анализируемых в качестве примеров, все происходит иначе — и этот момент мы будем здесь использовать. Понятие управления, на расширяющуюся применимость которого мы ссылались прежде, есть понятие, применять которое к четверти тысячелетия новоевропейской истории управления мы можем, не испытывая никаких концептуальных, теоретических или исторических затруднений. Единство понятия управления ведь не говорит о том, что само управление за эту

⁴ *Helbling H.* Op. cit. (См. примеч. 1.)

четверть тысячелетия всегда оставалось одним и тем же. Понятие управления, напротив, есть не что иное, как понятие для единства референтного субъекта истории, которую мы исследуем и описываем как новоевропейскую историю управления. То, что само подобное понятие всегда является носителем исторического признака (Index), ничем при этом не помогает. Историчность наших дескриптивных понятий ничего не меняет в методической необходимости понятия для характеристики единства того, историю чего мы хотим исследовать и написать. С точки зрения жизненного мира эта зависимость исторических описаний от понятийной идентифицируемости референтного субъекта таких дескрипций знакома даже любому скотоводу. С точки зрения животноводства подавляющее большинство типов животных, которые еще полстолетия тому назад заполняли наши коровники, уже давно ликвидированы; история животноводства описывает этот эволюционный процесс, но именно в рамках единства понятия того, о какой истории животноводства здесь идет речь. И так повсеместно — от истории города до истории морских войн и от истории математики до истории культуры погребения: никто не может писать историю, не располагая понятиями для классификации референтных субъектов его историй, причем историчность необходимых здесь понятий всегда принадлежит к другим историям и эволюциям как историям и эволюциям, которые идентифицируются через эти понятия.

Итак, повторим еще раз: история управления последних пятидесяти, даже ста лет есть история, которой свойственны драматические изменения. Но при рассмотрении ее как истории тех учреждений, для описания которых мы располагаем понятием управления, мы не испытываем ни малейшей трудности, и поскольку мы ее не испытываем, мы вправе тогда встать на точку зрения, позволяющую нам в историческом сравнении сказать, чем нечто отличается сегодня от того, что, будучи тем же самым по происхождению (*generisch*), было вчера. Так что мы сравнивали не просто управление, а его коммуникационный осадок в виде документов вчера и сегодня. А точнее, мы, обращаясь к исследованиям и документациям ученых-архивистов, ссылались на развитие архивно-практического дела в части отбора документов для уничтожения, т.е. на изменение в отношении к той части старых документов, которые прецептивно расцениваются как нерелевантные для будущих исторических исследований, а потому отправляются в уничтожители бумаг, и комплементарно — в отношении к той части, которую необходимо хранить в течение необозримых пока времен. Такие сравнительные цифры становятся тогда красноречивыми. Ибо они при сравнении этапов развития, сравнение которых не является неразрешимой категориальной проблемой, и только при такой предпосылке оказываются, в качестве примера, действительно способными ответить на вопрос, движется ли наше время быстрее, чем прежние времена, или нет, и в каких аспектах это имеет место или не имеет. А что касается проблемы растущей документации, то в ходе подобного сравнения выяснилось, что комплементарно к взрывоподобному росту массы старых документов относительная доля тех документов, которая сохраняется в наших архивах для будущих исследований прошлого, прогрессивно уменьшается. Эта комплементарная взаимозависимость, однако,

6. ЭКСКУРСЫ

при некотором знакомстве с количественным размахом процесса представляется тривиальной, т.е. никто не в состоянии указать близкие к действительности условия, при которых это могло бы быть иначе. Менее тривиально — и прежде всего по этой причине нас занимают актуальные проблемы наших архивов, — что при более детальном рассмотрении оказывается невозможным уже сегодня прецептивно сказать, какого рода будет тот исторический интерес, которым в будущем будет руководствоваться историческая рецепция того прошлого, каковым наша современность к тому времени станет⁵.

Обусловленные прогрессом изменения в современности будущего и прошлого стали тогда также темой при обсуждении проблем, с которыми столкнулись наши библиотеки из-за избытка печатной продукции⁶. Заняться проблемой массы печатной продукции в книжном деле меня побудил вначале Райнхарт Козеллек. Об этом я уже говорил в предисловии к данной книге. Тогда мы — в рабочей группе «Теория истории», которую несколько лет поддерживал Фонд Вернера Раймерса в Бад Гомбурге фор дер Хёэ, — стремились разъяснить рождение исторического сознания из специфического для модерна опыта культурно-революционного ускорения. Теоретически убедительно утверждение, что открытие историчности нашей цивилизации имело в качестве предпосылки ставшую настойчивой динамику ее эволюции. Но трудность заключается в том, как полагал Райнхарт Козеллек, чтобы конкретно идентифицировать цивилизационные процессы, чей ускоряющийся характер в самом деле уже не могли не заметить современники XVIII в. Тогда мы сошлись на том, что взрывоподобный рост числа научных печатных органов в эпоху раннего европейского Просвещения, несколько лет назад обнаруженный американцем Кроником⁷, можно рассматривать как доказательство ускоряющегося характера новоевропейской культурной истории. Читающей публике, в особенности интеллектуалам, уже в XVIII в., бесспорно, бросался в глаза растущий поток литературы, что стало темой, важной как для жизненной практики, так и для теории. Изменения, которые, будучи направленными, необратимыми изменениями, называются эволюцией, и, вместе с тем, если эта эволюция вызывает практическое одобрение, также и прогрессом, — эти изменения разыгрывались на глазах, и они действительно провоцирующе влияли на теорию — вплоть до философии, а точнее, на теорию истории⁸, и поток комментариев современников эпохи Французской революции, которые так или иначе ссылались на переживаемую ими динамику истории, быстро перестает поддаваться обзору, как только начинают их искать, руководствуясь научным интересом к истории культуры.

⁵ См. наст. изд., с. 189 и далее.

⁶ См. наст. изд., с. 204 и далее.

⁷ *Kronick D.A. A History of Scientific and Technical Periodicals. The Origin and Development of the Scientific and Technological Press 1665–1790. New York, 1962.*

⁸ См. об этом мою давнюю статью «История философии как философия. О философии истории философии Канта»: *Lübbe H. Philosophiegeschichte als Philosophie. Zu Kants Philosophiegeschichtsphilosophie // Einsichten. Gerhard Krüger zum 60. Geburtstag. Frankfurt am Main. S. 204–229.* В этой статье анализируется заметная уже в работах Канта тенденция к самоисторизации философии.

Но историческое рассмотрение взаимосвязи процессов эволюционного ускорения, с одной стороны, и культурной самоисторизации нашей цивилизации — с другой, остается слабым, если сравнить его с глубоким проникновением тех наличествующих обстоятельств, которые актуально, т.е. в нашей собственной современности, делают ясной эту взаимосвязь. Наибольшей настойчивостью при этом отличаются чрезмерные требования к нашим возможностям по переработке возрастающей культурной информации. Если однажды обнаружить это, то всегда найдется возможность увидеть их в избытке. В этой книге мы показываем это — от чрезмерных требований к нашему долгу сохранения культурной памяти, которая проявляется в современном развитии погребального дела, вплоть до мнимого парадокса, что вместе с установлением господства авангардизма благодаря комплементарному ему повышению скорости старения нового стимулируется именно та музеефикация искусства, с которой авангардизм в своей музееборческой фазе как раз и стремился покончить⁹.

Вот и Хельблинг в своем скепсисе по отношению к философии истории, которая видит цивилизационную эволюцию в целом ускоряющейся, также не хотел бы оспаривать, «что бесчисленные отдельные наблюдения» этой философии «дают верную картину»¹⁰. Но Хельблинг хочет предостеречь от поспешных обобщений. Подобное предостережение всегда правомерно. Ведь ничто не мешало бы рассматривать представленную в этой книге феноменологию эволюционной динамики нашей современной культуры, невзирая на осмысленные в ней неопровержимые факты, как феноменологию маргинальных культурных явлений. Какую культурную релевантность имели бы тогда актуальные проблемы нашего архивного дела? Как часто в среднестатистическом течении нашей сегодняшней жизни мы задумываемся, если только мы не историки, об услугах, предоставляемых государственным архивом? Почтенный профессиональный статус архивиста, в сравнении с иерархией рангов в других профессиональных группах, исчезающе ничтожен. В чем бы тогда заключалась репрезентативность анализируемых проблем архивов для динамики нашей цивилизационной эволюции? Такой вопрос мог бы задать скептик. С другой стороны, в актуальных проблемах архивов отражается все же проблема бюрократизма, которая входит в жизненный опыт каждого — от случайных неудобств, связанных с налоговой декларацией, до центральной проблемы постоянно растущей доли доходов, которую надо выплачивать в виде налогов для финансирования расходов, идущих на оплату управления. Понятно, что совсем не легко оценить во всей полноте релевантность и репрезентативность для нашего цивилизационного душевного состояния проанализированных в качестве примера проблем, связанных с архивами. Для проблем наших библиотек, которые так или иначе обеспечивают доступ к знаниям нашего времени, это относится и подавно, а после того как социальный престиж художников со времен романтизма постоянно возрастал, то и последствиям господства принципов авангарда в искусстве будет придаваться далеко не маргинальное значение для нашей современной культуры.

⁹ См. наст. изд., с. 93 и далее.

¹⁰ *Helbling H.* Op. cit. (См. примеч. 1.)

6. ЭКСКУРСЫ

И все же для философии и теории цивилизационной эволюции, а точнее, для доказательства тезиса о растущей динамике этой эволюции требуется больше, чем представление примеров, чья реальная взаимосвязь не прослеживается, которые будут производить впечатление случайных и поощрять скептиков заняться поисками контрпримеров. Однако не следует ожидать, что в качестве доказательства тезиса о нарастающей скорости цивилизационной эволюции можно было бы отыскать пример того, что в реальном цивилизационном процессе играло бы роль главного инициатора всех процессов ускорения. В культуре, как и в природе, все зависит, так сказать, от всего. «Диалектикой» называют это новые представители старой философской школы¹¹. Таким образом, вопрос о том, какова же самая что ни на есть последняя причина предполагаемого цивилизационного ускорения, не имеет ответа, как ложно поставленный вопрос. Тезис, согласно которому процесс цивилизации ускоряется, нельзя сделать убедительным посредством наглядного указания причины, которая действует во всех возможных цивилизационных секторах, ускоряя этот процесс, причем так, что это можно доказать посредством каузального анализа. Но это не исключает того, что можно идентифицировать условие, без которого нигде эта динамика не могла бы развиваться и которому тем самым отводится ключевая роль для понимания цивилизационной эволюции. Данная ключевая величина есть та же самая, которой мы пользуемся для понимания эволюционных процессов в природе и в которой поэтому природные и культурные эволюции вообще не различаются. Имеется в виду то, что мы называем «информацией». Слово «информация» известно как из обыденного языка, так и из языка образованного, и осмысленному употреблению, которое мы даем этому слову, не противоречит также разработанное понятие информации из области ее теории, на экспликации которого мы будем здесь останавливаться¹². Информация, если гладко выразиться образованным языком, равно как и языком теории информации, есть понятие, обозначающее содержание традиции, благодаря которой между поколениями транслируется порядок. Порядок есть при этом, со своей стороны, не что иное, как мера неслучайности некоей системы — неважно, идет ли речь, как в биологии, об организме, или, как в культуре, об институте или о другой системе правил.

Немало специалистов по наукам о духе, однако, будут возражать, не желая использовать рассматриваемое здесь понятие традиции индифферентно по отношению к различию природы и культуры, и будут настаивать на том, что

¹¹ См. об этом мою статью «Диалектика, общественная система и будущее научно-технической цивилизации. Комментарий к докладу Герберта Хёрца»: *Lübbe H. Dialektik, Gesellschaftssystem und die Zukunft der wissenschaftlich-technischen Zivilisation. Kommentar zum Beitrag von Herbert Hörz // Hoyningen-Huene P., Hirsch G. (Hrsg.). Wozu Wissenschaftsphilosophie? Positionen und Fragen zur gegenwärtigen Wissenschaftsphilosophie. Berlin; New York, 1988. S. 252–264.*

¹² См. об этом короткую заметку о понятии информации из области теории информации у Бернда-Олафа Кюпперса: *Küppers B.-O. Der Ursprung biologischer Information. Zur Naturphilosophie der Lebensentstehung. Vorwort von Carl Friedrich von Weizsäcker. München; Zürich, 1986. S. 59 и далее.*

традиция есть элемент культуры. Спорить об этом не имеет смысла; это будет спор о словах. Традиции суть процессы межпоколенческой передачи информации — с этим, поскольку имеются в виду процессы передачи в культуре, согласится и специалист по наукам о духе. Но поскольку формула, с которой он соглашается, без проблем применима также и к процессам, через которые биологическим путем связаны друг с другом разные поколения одного вида, непонятно, почему привычное понятие традиции нельзя перенести из области культуры в область природы. Так или иначе, эволюции можно рассматривать в контексте этого описания как процессы направленных изменений содержания традиции, которые непрогнозируемы из-за их зависимости от случая и необратимы из-за крайне низкой вероятности их поворота вспять. «Эволюцию организмов можно трактовать как порождение наследственной информации», — вот так это лапидарно выражено в формулировке одного микробиолога¹³, а в теории культуры ей соответствовала бы знакомая также и специалистам-гуманитариям формулировка относительно развития традиции. Намерение нивелировать различия между природой и культурой никоим образом не связано с такими описаниями, которые индифферентно относятся к этому различию, и специалисты-гуманитарии могут припомнить из истории, что и богатое традициями понятие истории, включая его современную истористскую редакцию, было и есть понятие, индифферентное по отношению к различию природы и культуры. С точки зрения истории научной культуры это означает следующее: историчность культуры и историчность природы были открыты одновременно, а создание историко-культурных музеев из духа историзма, с одной стороны, и создание естественно-исторических музеев — с другой, осуществлялось в истории культуры параллельно. Как только это становится понятным, то обнаруживается также, что исторические науки, с одной стороны, и естественные науки — с другой, различаются не тем, что исторические науки о культуре имеют дело с предметом, отмеченным признаком историчности, тогда как естественные науки имеют дело с предметом неисторическим. Истории природы — это, напротив, так же истории, как и истории культуры¹⁴. Вот почему особенность истории культуры заключается не в чем ином, как в языковой и символической форме межпоколенческого трансфера информации в культуре — в отличие от генетической формы межпоколенческого трансфера информации в биологической эволюции. Языковой и символический модус трансфера информации, характерный для истории культуры, есть только решающее условие для экстремально возросшей — по сравнению с биологической эволюцией — скорости культурных эволюционных процессов.

Как в культурной, так и в природной эволюции верно то, что их скорость не унифицирована во всех сферах развития. Комплексы типа «культура» или «общество» вовсе не трансформируются *in toto*, как считал еще Карл Маркс,

¹³ Gierer A. Die Physik, das Leben und die Seele. München; Zürich, 1985. S. 89.

¹⁴ См. об этом мою статью: Lübke H. Die Einheit von Naturgeschichte und Kulturgeschichte // Lübke H. Die Aufdringlichkeit der Geschichte: Herausforderungen der Moderne vom Historismus bis zum Nationalsozialismus. Graz, Wien, Köln, 1989. S. 64–80.

6. ЭКСКУРСЫ

следуя традиции классической философии истории, — всегда во всех своих частях с параллельно включенной скоростью, начиная с материальных производительных сил и вплоть до так называемой идеологии. Цивилизационный процесс протекает не ламинарно, если еще раз прибегнуть здесь к метафоре потока. Имеются уже упомянутые завихрения, которые как таковые не движутся вперед. В омуты царит почти полное затишье и неподвижность, и именно здесь образуются, как знают все рыболовы, особенно обильные биотопы. Если выразиться кратко и забыть про метафоры: культурные и социальные процессы развития суть интерактивные процессы с самой различной динамикой. Именно благодаря этому в культурном, а в конце концов также и в политическом отношении — под давлением опыта навязчиво разросшегося культурно-революционного движения — обостряется чувствительность к таким элементам и состояниям, которые пребывают в относительной неизменности, демонстрируют преимущество сопротивляемости устареванию, которые, следовательно, являются старыми, но, тем не менее, не устаревшими. Модерновое понятие классического, как мы видели¹⁵, есть понятие именно для этих элементов, которые комплементарно к опыту динамики цивилизационной эволюции позволяют получать опыт континуальности. Вот почему я вовсе не хотел бы также противоречить Карлфриду Грюндеру, который постоянно — вполне в духе Хельблинга — перечит результатам моего анализа процессов цивилизационного ускорения, утверждая, что нашу цивилизационную эпоху, мол, можно характеризовать не ее динамикой, а, равным образом, также и всевозможными вязкотекучими процессами. Культурное значение классических, т.е. в указанном смысле устойчивых к старению ресурсов возрастает, а не снижается вместе с динамикой цивилизационных эволюций; и не заблуждается тот, кто, поправляя зацикленный на скорости, экзальтированный односторонний взгляд так называемых дромологов, указывает на постоянства. А потому самообман заключался бы, в конце концов, в непонимании комплементарной взаимосвязи современных дромологических рефлексий, с одной стороны, и рефлексий о континуальности¹⁶ — с другой. Именно эта комплементарная взаимосвязь цивилизационной динамики и культурных, социальных и политических интересов континуальности относится к центральным темам настоящей книги.

¹⁵ См. наст. изд., с. 113 и далее.

¹⁶ *Gründer K. Reflexion der Kontinuitäten. Zur Geschichtsdanken der letzten Jahrzehnte. Göttingen, 1982.*

6.2. Экскурс II. Спор о компенсаторной функции наук о духе

Йоахим Риттер опубликовал в 1961 г. доклад под названием «Задачи наук о духе в обществе модерна»¹. Риттер говорит здесь, употребляя понятие компенсации скорее попутно, о том, что «принадлежность наук о духе» к обществу модерна обоснована во «внутренне присущих и неустраняемых» для этого общества «абстрактности и неисторичности», и науки о духе развивались как ответ на вызов этой неисторичности, поскольку общество обязательно нуждается в органе, «который компенсирует его неисторичность и поддерживает для него исторический и духовный мир людей открытым и современным»². Я подхватил эту мысль в своей вышедшей в 1977 г. книге по теории истории «Понятие истории и исторический интерес»³, и обнаружил, что «компенсация» есть «решающее ключевое слово» в процитированном ответе Риттера на вопрос: «Для чего нужны науки о духе?». С помощью понятия компенсации можно вскрыть «колоссальное множество явлений» из недавней истории специфически исторической культуры модерна⁴. Всеобщее внимание к данной теореме о компенсации привлек Одо Марквард — вначале в кругу академической ответственности за пределами профессиональных границ философии, а точнее, за пределами теории исторической науки, а затем и среди публики, читающей газетные фельетоны. Воздействие общественного резонанса, вызванного обсуждением данной темы, простирается вплоть до политики в области науки, а в целом — до политики в области культуры. Ключевая фраза Маркварда: «Чем более современным становится мир модерна, тем более необходимыми становятся науки о духе», — сегодня цитируется даже в парламентских дебатах. Восхищенное одобрение его варианта компенсаторной теории вызвала речь Одо Маркварда на ежегодном собрании Западногерманской конференции ректоров 5 мая 1985 г. в Бамберге. Эта речь выдержала множество переизданий⁵. Между тем, можно сказать, что имя числу критиков, выразивших несогласие с данной

¹ Ritter J. Die Aufgaben der Geisteswissenschaften in der modernen Gesellschaft // Jahresschrift 1961 der Gesellschaft zur Förderung der Westfälischen Wilhelms-Universität zu Münster. S. 11–39. (Пепечарано в: Ritter J. Subjektivität. Sechs Aufsätze. Frankfurt am Main, 1974. S. 105–140.)

² Ibid. S. 33.

³ Lübbe H. Geschichtsbegriff und Geschichtsinteresse. Analytik und Pragmatik der Historie. Basel; Stuttgart, 1977.

⁴ Ibid. S. 304.

⁵ Например, в такой редакции: Marquard O. Über die Unvermeidlichkeit der Geisteswissenschaften // Almanach. Ein Lesebuch. Bd. I. Bonn, 1987. S. 107–118. Процитированную ключевую фразу см.: Ibid. S. 109.

6. ЭКСКУРСЫ

компенсаторной теорией, — легион. В качестве примера укажу на речь Гюнтера Патцига на торжественном акте в Гёттингенской академии наук по поводу 250-летия Гёттингенского университета⁶, а кроме того на журнал «Kursbuch 91», посвященный теме «Для чего нужны науки о духе?», с критическими статьями Карла Маркуса Михеля и Герберта Шнедельбаха, Кристиана Майера и Оскара Негта, содержащими критику в адрес некоторых заново перепечатанных в этом номере журнала «материалов» по компенсаторной теории Одо Маркварда, моих и Хеннинга Риттера⁷.

Предлагаемому очерку основных моментов компенсаторной теории наук о духе следует предпослать замечание о понятии наук о духе. Это понятие в его современном употреблении охватывает также такие дисциплины, к которым данная компенсаторная теория совершенно не подходит. Сейчас еще сохранились философские факультеты, которые после выделения из них факультетов естественных наук⁸ остались неразделенными и тем самым помимо исторических и филологических специальностей охватывают также дисциплины, чьи исследовательские задачи преимущественно не затрагивают историческое знание, а связаны с разработкой эмпирически содержательных теорий, которые, в отличие от исторического знания, могут быть практически использованы в разрешении совершенно не маргинальных проблем. Это, к примеру, относится к психологии, а также социологии. Относится это, причем в предметной области иногда еще существующих нераздельно факультетов права и общественно-политических наук, также к учению о народном хозяйстве и экономике и организации производства. Однако все названные в качестве примера неисторические дисциплины должны в господствующем сегодня словоупотреблении смириться с причислением их к так называемым наукам о духе, и если спросить, что же под понятием наук о духе, скажем, связывает классическую археологию, с одной стороны, и учение об экономике и организации производства — с другой, то убедительный ответ на этот вопрос могли бы дать университетские архитекторы. Ведь в их словоупотреблении «науки о духе», в отличие от большинства естественно-научных дисциплин, предметов теоретической медицины и инженерных наук, — это те науки, которые благодаря незначительной потребности в оборудовании и их скромных притязаний на допустимую нагрузку на этажные перекрытия могут размещаться в надстроенных, т.е. верхних этажах.

⁶ Die Göttinger Akademie: Gegenwärtige Lage und Zukunftsaufgaben. Vortrag, gehalten im Rahmen der Veranstaltungen zur Feier des 250jährigen Bestehens der Georg-August-Universität am 22. Mai 1987 // Jahrbuch der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Göttingen, 1987. S. 56–66.

⁷ Kursbuch 91. Wozu Geisteswissenschaften? März, 1988.

⁸ В университете Мюнстера ин Вестфалиен произошло обособление математико-естественно-научного факультета лишь в 1948 г., в Марбургском университете еще позднее, и напротив, раньше, уже в 1863 г. в Тюбингенском, а еще в 1858 г. — в Цюрихском университетах. В Австрии старый, охватывающий естественно-научные дисциплины и науки о духе философский факультет был законодательно расформирован лишь в 1970-х годах.

6.2. ЭКСКУРС II. СПОР О КОМПЕНСАТОРНОЙ ФУНКЦИИ НАУК О ДУХЕ

С понятием наук о духе в таком безбрежном объеме компенсаторная теория, разумеется, никак не связана. Не будет лишним подчеркнуть это. Уже, например, юристы протестовали, утверждая, что только невежественным людям могло прийти в голову приписать юриспруденции компенсаторные функции. Протест справедлив. Однако данная компенсаторная теория вовсе не касается юриспруденции — за исключением, правда, истории права, которая в учебной практике современного юридического факультета находится на обочине. Также не имеются в виду и те науки, которые было бы целесообразнее назвать не науками о духе, а науками о действии⁹, а именно, педагогика и психология, социология и политология. К каким же наукам относится так называемая компенсаторная теория наук о духе? Она относится исключительно к историческим наукам о культуре. Дать представление о них предварительно, т.е. до обещанного очерка основных моментов компенсаторной теории, было бы неуместно. Ведь данная теория может рассматриваться как вклад в формирование понятия исторических наук о культуре: исторические науки о культуре — это науки, к которым только и применима компенсаторная теория так называемых наук о духе. С точки зрения истории терминологии словосочетание «наука о культуре» («Kulturwissenschaft»), даже если оно не смогло утвердиться, давно нам знакомо¹⁰. Делались и попытки возродить употребление термина «Kulturwissenschaft» («наука о культуре»), отказавшись от слова «Geisteswissenschaft» («наука о духе»)¹¹. К ним я хотел бы здесь присоединиться — правда, с использованием в противовес термину «науки о культуре» специфического термина «исторические науки о культуре». Их функция будет объяснена с помощью компенсаторной теории.

Итак, Йоахим Риттер охарактеризовал исторические науки о культуре функционально — как средство, с помощью которого культура «компенсирует свою неисторичность»¹². Для понимания этой характеристики необходимо иметь представление о том, что здесь подразумевается под словосочетанием «неисторичность культуры модерна». «Неисторичными» Риттер называет те элементы культуры модерна, которые в своем эволюционном распространении независимо от своего происхождения накладываются на те различные культуры, из которых происходим мы (Herkunftskulturen).

Так описываются специфические для эпохи модерна культурные данности на высоком уровне абстракции. Соответственно необходимо дать наглядное

⁹ О понятии наук о действии см. главу «О классификации наук» в книге: *Schelsky H. Einsamkeit und Freiheit. Idee und Gestalt der deutschen Universität und ihre Reformen. 2., um einen "Nachtrag 1970" erweiterte Aufl. Düsseldorf, 1971. S. 210 и далее: "Von der Einteilung der Wissenschaften".*

¹⁰ Особенно благодаря книге Генриха Риккерта «Науки о природе и науки о культуре»: *Rickert H. Kulturwissenschaft und Naturwissenschaft. 2. Aufl. Tübingen, 1910. Рус. пер.: Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре / пер. и ред. С.И. Гессена. М., 1998. С. 44–128.*

¹¹ См. главу «Теория исторического знания» в кн.: *Lorenzen P., Schwemmer O. Konstruktive Logik, Ethik und Wissenschaftstheorie. Mannheim; Wien; Zürich, 1973. S. 179 и далее.*

¹² См. примеч. 2.

6. ЭКСКУРСЫ

представление о сказанном. Для этого подходит пример из архитектуры. Наблюдая глобальный успех распространения архитектурного модерна, повсюду на земном шаре мы встречаем воздвигнутые в этом стиле постройки, в основном высотные дома. Они формируют силуэты наших столиц во всех частях планеты, причем безразлично к зависящим от страны происхождения деталям региональных, национальных и прочих архитектурных традиций. Присутствие эволюционно успешных элементов культуры, которые индифферентно относятся к различным особенностям культур, из которых мы исходим, — вот что Риттер называет неисторичностью культуры модерна.

Каким путем эта неисторичность компенсируется средствами исторической культуры, можно понять по мнимым парадоксам уже проанализированной практики охраны памятников. Путем реставрации или консервации домодернового строительного фонда¹³, для чего требуется помощь авторитетных профессиональных историков искусства и архитектуры, мы компенсируем городские пейзажи, поскольку они в результате неисторичности, а именно нейтральности по отношению к своему происхождению, несут отпечаток распространяющегося под давлением функциональных требований архитектурного модерна. Сегодня можно без труда мобилизовать гражданские инициативы с целью охраны памятников, причем, как правило, достаточно, чтобы постройка, которую люди стремятся сохранить, обладала привлекательным качеством старинного здания — вне зависимости от его архитектурного ранга. Если сослаться на этот факт, воздействие которого распространяется даже на политический контекст жизни, то для описания того, что в этом отношении разыгрывается перед нашими глазами, понятие компенсации обладает целесообразностью, едва ли нуждающейся в каком-либо объяснении.

Потребность в компенсации, на которую модерн отвечает формированием исторической культуры, вовсе не является элитарной потребностью мелких групп интеллектуалов-эзотериков. Более того, она возникает из общих специфических для модерна образов жизни. Кто спешит с одного делового заседания на другое, или, в научной практике, мчится с конференции на конференцию, облетает планету в самолетах одних и тех же типов, кто при этом не тратит время, которого у него нет, на изучение региональных культур, кто, соответственно, проводит несколько дней и ночей в одинаковой до неразличимости обстановке отелей, принадлежащих международным гостиничным сетям, — на опыте осваивает пребывание в среде модерна с его техническими, а также организационно-техническими инфраструктурами, которые Риттер, по контрасту с историчностью наших миров происхождения (*Herkunftswelten*), выделил как индифферентные к происхождению, т.е. как неисторичные. Тем решительнее люди намереваются в следующий раз все же запланировать по-

¹³ О различии реставрации и консервации см. классическую дискуссию, развернувшуюся в истории теории охраны памятников, в книге: *Dehio G., Riegl A. Konservieren, nicht restaurieren. Streitschriften zur Denkmalpflege um 1900 / mit einem Kommentar von M. Wohlleben und einem Nachwort von G. Mörsch. Braunschweig; Wiesbaden, 1988.*

6.2. ЭКСКУРС II. СПОР О КОМПЕНСАТОРНОЙ ФУНКЦИИ НАУК О ДУХЕ

ход в музей, а руководство конгрессами предлагает в качестве минимальной соответствующей услуги информационный материал о городе или регионе, в котором конгресс проводится, и в этом информационном материале обязательно найдется место для краткой истории данного региона или города. При этом абсолютно неуместны снисходительные улыбки по поводу этих кратких историй. Они, как правило, вышли из-под компетентного пера и всегда являются собой маленькие шедевры литературного умения концентрировать материал, собранный из всевозможных источников.

Нет смысла продолжать эти мимолетные воспоминания о вещах, хорошо всем знакомых — от неразборчивой потребности в комфорте, присущей туризму, через расширяющееся аналогичное использование аграрных технологий вплоть до техники сферы услуг, которая повсюду в мире в соответствии с господствующей тенденцией аналогичным образом революционизирует менеджмент и медицину, развлечение и коммуникацию. И тогда понимаешь, что комплементарно к этому одновременно растет наш интерес к культурам происхождения, поверх которых все это простирается, и если мы последуем за этим интересом, то мы компенсируем опыт неисторичности культуры модерна актуализацией той или иной конкретной культуры происхождения.

Еще предстоит ответить на вопрос, каким образом мы это делаем. Это становится понятным при отходе от неизбежного дифференцирования в описании того свойства культуры модерна, которое Риттер назвал ее «неисторичностью». Без сомнения, характеристика, данная Риттером модерну, как «неисторичности», с одной стороны, обладает значительной продуктивностью в области диагностики культур. Это я и пытался продемонстрировать. Но с другой стороны, эта характеристика нецелесообразна. Это видно, если актуализировать темпоральные условия глобального успеха в распространении цивилизационного модерна. Этот успех в распространении есть ведь не что иное, как пространственный аспект исторически уникальной динамики цивилизации модерна. И дело тут не в том, что научно-техническая цивилизация модерна является безысторической цивилизацией, — так надо было бы сказать в противовес тезису Риттера, — но, совсем наоборот, именно в том, что благодаря исторически беспрецедентной динамике развития цивилизационный модерн превосходит все несравнимо медленнее развивающиеся культуры происхождения. Однородность научно-технической цивилизации — в том, что касается в ее глобальной экспансии, — есть не что иное, как пространственный эффект ее динамики развития, измеряемой по темпоральным масштабам. Бросающийся в глаза контраст научно-технической модернизации, с одной стороны, и регионально дифференцированных культур происхождения — с другой, который вызывает прогрессивно усиливающуюся потребность обращения к прошлому, присущую модерну, — это не контраст исторических и неисторических миров, а контраст исторических формаций с различной динамикой развития.

Это дальнейшее развитие теории культуры, сформулированной Риттером, привело к существенным последствиям для понимания ярко выраженного историзма нашей современной культуры. Если бы описание, данное Ритте-

6. ЭКСКУРСЫ

ром, было адекватным, т.е. что цивилизационный модерн, с одной стороны, и наши культуры происхождения — с другой, контрастно противопоставлены как неисторические и исторические культуры, то обнаруженный Риттером специфически современный интерес к актуализации наших исторических миров происхождения относился бы в первую очередь или исключительно к домодерновым культурным элементам. Но об этом не может быть и речи, если посмотреть на культурные достижения исторического сознания. Техническая цивилизация, в свою очередь, давно полностью и неограниченно включена в культуру исторического сознания. Совершенно неверно полагать, что интерес бесчисленных искателей прошлого, о котором говорит поток посетителей наших музеев, относится исключительно или пусть только выборочно к домодерновому культурному периоду. Напротив, наши процветающие музеи техники относятся, как известно, к притягательным центрам первого ранга. Исключительная популярность Немецкого музея в Мюнхене — наглядное этому подтверждение. Но аналогичная ситуация создалась сегодня и в бесчисленных музеях, принадлежащих разным фирмам, где крупные и мелкие предприятия, в дополнение к своим экспонатам предлагаемой на рынке продукции на больших национальных и международных ярмарках, обычно предлагают любопытствующим посетителям зрелище реликтов выпускавшейся ранее продукции. Литература по истории техники издается теперь в формате книг в мягком переплете, а копры, радиомачты, судоподъемники, да и фабричные здания начала второй трети XX столетия вошли в число объектов государственно-правовой охраны памятников.

Подводя итоги, можно сказать, что не неисторичность, а исторически уникальная, вполне измеряемая скоростью появления инноваций или сокращения периода обесценивающего полураспада ее продуктов историчность научно-технической цивилизации, т.е. беспримерная мощь этой цивилизации в деле изменения условий нашей жизни ставит нас в зависимость от компенсаторных достижений наук о духе, т.е. исторических наук о культуре.

Пожалуй, этого достаточно для разъяснения смысла компенсаторной теории исторических наук о культуре. Повторим еще раз, чтобы избежать неверного понимания, что в этой теории не предполагается называть функцию компенсации единственной функцией, которая в контексте культуры модерна выполняется историческими науками о культуре. С данной теорией не связывается также намерение отвергнуть другие функции, которые также могут выполняться историческими науками о культуре, и потому теоретикам компенсации не следует также, пользуясь излюбленной, но совершенно непродуктивной эристической диалектикой, приписывать намерение оспаривать то, о чем они просто не говорили. На это надо обращать внимание в той полемике, из которой я далее хотел бы процитировать и разъяснить некоторые основные аргументы.

Я хотел бы подробнее остановиться на четырех аргументах, выдвигавшихся против компенсаторной теории. Вначале я перечислю их, а потом перейду к их объяснению. Во-первых, речь идет об аргументе, будто компенсаторная теория исторических наук о культуре ослабляет их с точки зрения предпосылок существования, определяемых научной политикой. Второй аргумент утверждает,

что компенсаторная теория исторических наук о культуре, функционализируя их, недооценивает своеобразное достоинство их объектов, которые претендуют на наш интерес, так сказать, ради себя самих, а не ради исполнения каких-либо функций. Третий аргумент критикует компенсаторную теорию из-за ее якобы традиционалистского культурно-консервативного содержания, причем как в научно-теоретическом, так и в идеологическом аспектах. Четвертый аргумент уличает компенсаторную теорию в изоляции исторических наук о культуре от общественной, а точнее — политической практики.

Гюнтер Патциг возразил в духе первого из названных аргументов против компенсаторной теории, что она подвергает опасности готовность культурной общественности поощрять науки о духе, т.е. исторические науки о культуре при изменении отношения к ним в будущем. Это возражение, даже если оно продиктовано политикой в отношении науки, имеет вес. Оно предполагает, что описание культурной функции некоей научной группы является не внутренним делом семинара, а вопросом, который потенциально имеет существенные последствия в области научной политики. Исходя из этого, Патциг так формулирует свой аргумент: «...те, кто сейчас указывают на необходимость знания для исторической ориентации в обществе, подверженном быстрым техническим изменениям, разве были бы довольны тем, что науки о духе больше не станут сопоставимым образом поощряться, если процесс технического развития когда-нибудь замедлился?»¹⁴.

Гюнтер Патциг известен как один из немногих в новейшей немецкой академической традиции философов, которые свои тексты и выступления полностью очистили от семинаристского или псевдобеллетризирующего жаргона и не стараются привлечь к себе внимание с помощью многозначительных фраз, возникающих, когда к своим текстам авторы подмешивают глубокомысленную темноту или ослепительный блеск экстремально высокого уровня рефлексии. Короче говоря, Патциг пишет ясно. Это похвальная констатация, поскольку для таких констатаций повод находится крайне редко. Но одновременно Патциг — мастер дружелюбной иронии, и он не пренебрегает риторическими преимуществами, которые получают ораторы, с помощью остроумия привлекая на свою сторону смеющихся слушателей. Это, видимо, тот эффект, на котором Патциг спекулировал, когда озаботился перспективой, вырисовывающейся в том случае, если теорема о компенсации обретет значимость в сфере научной политики: поощрение наук о духе в один прекрасный день прекратится, «если процесс технического развития когда-нибудь замедлится».

Мне бы хотелось без иронии сухо ответить на эту ироническую озабоченность: такое допущение, связывающее компенсаторные достижения исторических наук о культуре исключительно с «процессом технического развития», было бы грубой, поощряющей ложное понимание односторонностью. Тезис же состоит в том, что эти науки являются частью культуры, которая открыла свою собственную историчность, и что, кроме того, это открытие для объективного состояния динамизированной цивилизационной эволюции, охватывавшей не

¹⁴ Patzig G. Op. cit. (См. примеч. 6.) S. 64.

6. ЭКСКУРСЫ

только технику, имело предпосылку, которая в ее последствиях, связанных с практикой ориентации, в конце концов становится непреложно настоящей. Разумеется, специфический для модерна опыт времени, который претворяется в историческое сознание, можно объяснить также и на примере технической эволюции. О комплементарном характере технического прогресса, с одной стороны, и прогресса в музеефикации техники — с другой, уже шла речь. Но в остальном дело заключается не в технике как таковой, а в технике как частичной системе, включенной, среди прочего, во взаимосвязь процессов развития, которые от наук до экономики и от искусства до бытовых жизненных форм формируют нашу цивилизацию.

Вот и в этой книге с целью анализа специфических для модерна способов восприятия времени мы обращаемся не только к технике. Более того, речь идет, например, о практике рецептивно осуществляемого отбора документов для уничтожения в отягощенном массой печатных материалов архивном деле, о назревшей реорганизации библиотек как следствии снижающегося периода обесценивающего полураспада научной литературы, о тяге к музеефикации, вызванной авангардизмом, который поначалу увлекался музееборчеством, или от революции в области культуры памяти, которую можно наблюдать на наших кладбищах. Во всяком случае, для охраны памятников считается, что ей следовало бы непосредственно учитывать результаты технического, а точнее, строительно-технического развития. Но даже в этом случае техника является только одной компонентой среди прочих, и постмодерн демонстрирует нам, что и архитектурный модерн скорее надо причислять к историко-художественной, чем к историко-технической части строительной истории.

Резюмируя, можно сказать, что только тогда, когда будет создано — вплоть до количественных параметров — насыщенное наглядностью представление об исторически уникальной динамике нашей цивилизационной эволюции, разовьется и чувствительность к восприятию способности цивилизации модерна порождать прошлое, т.е. давать возможность стареть и наполнять наш горизонт прошлого, который все быстрее приближается к настоящему, культурным наследием, для понимания которого — в силу его возрастающей чуждости — делает необходимыми комплементарные усилия исторического сознания. Эти усилия носят компенсаторный характер, поскольку мы исходим из той предпосылки, что перспектива будущего как у индивидов, так и у культур не в последнюю очередь зависит от отношения к себе, которое, в свою очередь, включает самопонимание, почерпнутое из присвоенной и тем самым понятой истории своего происхождения. Тенденции прогрессивной самоисторизации нашей цивилизации оказываются, таким образом, непонятными без обращения к динамике этой цивилизации. При анализе динамизирующих нашу цивилизационную эволюцию факторов, безусловно, центральную роль играет техника. Вместе с тем, если мы, подобно Патцигу, будем приписывать теоретикам компенсации, будто они хотели бы средствами наук о духе компенсировать техническое развитие, то у непредвзятых читателей это не может не создать представления, будто теоретики компенсации — это что-то вроде цивилизационного союза благодушных мечтателей, члены которого недолюбливают технику

6.2. ЭКСКУРС II. СПОР О КОМПЕНСАТОРНОЙ ФУНКЦИИ НАУК О ДУХЕ

и рекомендуют для поддержания безобидного компромисса придерживаться сокровищ нашего исторического образования. Но как раз таким образом невозможно объяснить существование музеев, которые посвящены технике как таковой.

Итак, Патциг опасается, что если люди поверят теоретикам компенсации, то готовность к поощрению наук о духе можно угаснуть, если техническая эволюция когда-либо замедлится. Против этого остается, кроме того, возразить, что праздно и бессмысленно заботиться о последствиях исполнения какой-либо гипотезы, которая как таковая сомнительна. Как можно представить будущее, в котором мы имели бы дело с выбившейся из сил технической эволюцией? Не может быть и речи о будущем, в котором техническая эволюция замедлилась. Это, кстати, совершенно ничего не меняло бы в принципиальных условиях необходимости ее компенсации. Итак, речь должна была бы идти уже о замедлении развития в таком масштабе, который для сознания публики был бы равнозначен чуть ли не застою. Разумеется, никто не может, в принципе, исключить возможность подобного будущего, где техническая эволюция остановилась. Можно представить, что некая экологическая партия, добившаяся господства в качестве единой партии, диктаторскими средствами решает остановить техническую эволюцию. Предложения в этом направлении делались уже давно¹⁵. Рассуждая спекулятивно, вместо этого можно было бы также представить, что техническая эволюция останавливается в результате всевозможных катастроф, в которые она сама себя погружает. Что ж, неоапокалиптика — важное, различным образом выражаемое расположение духа в наши дни¹⁶. В принципе, конечно, нельзя исключать обе возможности, что и делается постоянно при рассуждениях такого рода. Однако и в том и в другом случае, если они реализуются, мы окажемся в ситуации, где снижающаяся готовность к поощрению наук о духе будет самой ничтожной из наших практических забот.

Возможно, вместо этого Патцигу рисовалась мягкое снижение динамики технического развития, новое состояние равновесия, в котором — при колебаниях около точки оптимальной стабильности — все общественные процессы, включая технические, в сущности, все еще служат сохранению системы, но уже не значительному и, тем более, стремительному развитию. Подобные представления также весьма актуальны, и очарование изучения этнологии связано у некоторых людей не в последнюю очередь со встречей с архаическими культурами, которые обладали преимуществом длящейся тысячелетиями долговеч-

¹⁵ Вольфганг Харих, как известно, рекомендовал единые партии марксистско-ленинского направления, после того как они потерпели очевидный крах в качестве адептов коммунизма, на роль спасителей мира от грозящей экологической катастрофы в силу их значительного диктаторского потенциала. См.: *Harich W. Kommunismus ohne Wachstum? Babeuf und der 'Club of Rome'. Sechs Interviews mit Freimut Duve und Briefe an ihn.* Reinbek bei Hamburg, 1975. S. 134 и далее: «Kommunismus als Lösung».

¹⁶ См. об этом мою статью «Новая апокалиптика и старые конstellации»: *Lübbe H. Neue Apokalyptik und alte Konstellationen // Lübbe H. Fortschrittsreaktionen. Über konservative und destructive Modernität.* Graz; Wien; Köln, 1987. S. 93–98.

6. ЭКСКУРСЫ

ности, — до того момента, как они, в конечном счете, в нашем столетии не пали жертвой деструктивной динамики нашей собственной культуры. В ранние эпохи истории своей эволюции такого рода цивилизация действительно демонстрировала подобную стабильность, о чем нам сообщают специалисты по первобытной и ранней истории, измерившие темпоральную структуру в эпоху палеолита¹⁷. Если же теперь допустить, что и будущее будет находиться в состоянии подобной стабильности, то нет никакой нужды заботиться о науках о духе, интерпретируемых с помощью компенсаторной теории. Компенсаторная теория действительно устанавливает связь между заметно ускорившейся цивилизационной динамикой, с одной стороны, и тенденциями к самоисторизации цивилизации — с другой, в числе которых науки о духе, а точнее, исторические науки о культуре, составляют лишь часть. Из установления этой связи следует, что в те цивилизационные эпохи, когда еще не замечали собственную историчность, отсутствовали условия необходимости в исторических науках о культуре, и тем самым последние просто не существовали. И в самом деле, в эпоху палеолита их не было. Это тривиальное утверждение; ибо тогда наук вообще не существовало. Не так тривиально то, что в контексте европейской истории науки, которую все-таки можно проследить вплоть до Античности и в исследования которой не в последнюю очередь именно Патциг внес существенный вклад¹⁸, исторические науки о культуре, а точнее, науки об истории, начали развиваться довольно поздно — лишь в XVIII в. Тот, кого при виде богатого традициями слова «*Historia*» спонтанно не озаряет мысль, что историческая наука, знакомая нам как часть так названных наук о духе, сформировалась лишь во второй половине XVIII в., пусть в порядке получения краткой информации ознакомится с историей понятия, которое мы именуем «история» («*Geschichte*»), или же обратится к его соответствующим эквивалентам в иностранных и древних языках. Сверхкраткую историю этого процесса предлагает также историография топоса «*Historia magistra vitae*»¹⁹ Райнхарта Козеллека, а безусловную новизну исторического сознания, получившего историзирующее смысловое измерение, можно пояснить на примере современного музея искусств, подобного впервые созданному в Пруссии Вильгельмом Гумбольдтом²⁰, — по контрасту к каноническому смыслу домодерновых собраний античных экспонатов или кунсткамер. Если в силу этого можно предположить, что исторические науки о культуре в самом деле, если использовать выражение Райнхарта Козеллека, имеют своей предпосылкой опыт «бурной новоевропейской истории», то они все же

¹⁷ См. об этом: *Narr K.J. Zeitmaße in der Urgeschichte*. Opladen, 1978.

¹⁸ См. об этом: *Patzig G. Die Aristotelische Syllogistik. Logisch-philosophische Untersuchungen über das Buch A der "ersten Analytiken"*. 3. Aufl. Göttingen, 1969.

¹⁹ *Kosellek R. Historia magistra vitae. Über die Auflösung des Topos im Horizont neuzeitlich bewegter Geschichte // Natur und Geschichte*. Karl Löwith zum 70. Geburtstag. Stuttgart; Berlin; Köln; Mainz, 1967. S. 196–219.

²⁰ См. об этом мою статью «Вильгельм Гумбольдт и основание Берлинского музея в 1830 г.»: *Lübbe H. Wilhelm von Humboldt und die Berliner Museumsgründung 1830 // Lübbe H. Die Aufdringlichkeit der Geschichte. Herausforderungen der Moderne vom Historismus bis zum Nationalsozialismus*. Graz; Wien; Köln, 1989. S. 187–206.

не утратили бы свои условия необходимости и не исчезли бы с академической и других культурных сцен при отсутствии готовности общества их поддерживать, когда со временем эволюционная тяга, которая в настоящее время подпи- тывает нашу цивилизацию, утратила свою силу, и наше общество настроилось бы на относительно стабильное состояние равновесия. Тогда речь шла бы о со- стоянии, которое должно было бы понять себя само как результат прошлого, исполненного исторически беспримерной динамикой, и только исторические науки о культуре могли бы в ходе исследовательской практики и герменевти- ческого анализа проделать труд, необходимый для подобного понимания. Ре- зюмируя, можно сказать: поскольку наша цивилизация имеет будущее, науки о духе также имеют будущее, а если бы у нее не было будущего, было бы странно заботиться о будущем наук о духе.

Второй аргумент, критикующий компенсаторную теорию, который надо бу- дет здесь разобрать, — это аргумент о функционализации исторических наук о культуре, к которой прибегают сторонники компенсаторной теории. И сно- ва Гюнтер Патциг недоволен тем, что благодаря компенсаторной теории смысл наук о духе низводится до смысла «простой сервисной услуги для технического прогресса». В противовес этому, как он полагает, надо «настаивать» «на соб- ственном достоинстве объектов наук о духе»²¹. Этот аргумент обладает убой- ной силой. Тем не менее это аргумент, основанный на недостаточных различе- ниях. Конечно, это верно, что «объекты наук о духе» обладают «достоинством», совершенно не зависящим от той или иной функции, которые некоторые фило- софы хотели бы приписать наукам о духе в качестве специфически современных функций. К этому можно прибавить лишь то, что науки о духе, конечно, должны иметь дело не только с объектами, обладающими собственным достоинством, но и с объектами с предельным собственным недостатком. Как и поэзия, науки о духе не чужды ничему человеческому. Вот только достоинство или не- достоинство их объектов не идентично с достоинством или недостатком самих наук о духе, и кто тем самым в ряду культурных достижений человека, к которым в контексте наук эпохи модерна относятся, в частности, также на- уки о духе, отдает им должное с точки зрения их особой культурной функции, никоим образом не упускает или не опровергает самостоятельное достоинство или же недостаток «объектов наук о духе». Заметим в качестве примера: даже у пользователя технической цивилизации есть право иметь достаточно отчетливо сознание особой ценности практических продуктовых, а вместе с тем и аграрных условий для своего существования. Соответственно ему совсем не трудно распознать, например, плуг как предмет, обладающий своеобразным достоинством. Это позволяет плугу и сегодня — метонимически, метафори- чески или символически — быть предметом, обладающим смыслом (*sinnträchtig*), и отсюда — эмблематически, риторически или ритуально — извлекается польза — вплоть до контекста политической жизни. Пробужденный таким об- разом смысл вовсе не нуждается для его актуализации в особых старательных усилиях в сфере наук о духе, и это невзирая на тот факт, что речь здесь идет

²¹ Patzig G. Op. cit. (См. примеч. 6.) S. 64.

6. ЭКСКУРСЫ

о смысле, который связывает новые и старые времена. Но что заставляет нас в контексте специфически современной самоисторизации нашей цивилизации историзировать этот предмет, обладающий несомненным и бесспорным достоинством, анализировать его культурно-революционные воздействия в неолите, подробно исследовать его техническую эволюцию, консервировать случайные находки архаических плугов при существенных финансовых и технологических затратах и выставлять как перворазрядный аттракцион в аграрно-техническом музее? Именно на этот вопрос никак нельзя ответить банальным указанием на изначальное «достоинство предметов наук о духе». Ведь в доисторические времена ту самую случайную находку могли выбросить в металллом или в печь. Почему же мы сегодня вместо этого заваливаем вопросами специалистов в области наук о духе, а точнее, историков аграрной техники и историков сельского хозяйства? Нельзя сказать, что это имеет отношение к «достоинству» данного объекта. Но поскольку речь идет только о заверении в этом достоинстве, без наук о духе вполне можно было бы обойтись. Для этого достаточно быть участником международного конкурса пахарей, открытие которого ярко демонстрирует, насколько лучше вместе пахать, чем сражаться друг с другом, да и пророки учили нас чему-то похожему. Очевидно, что к предпосылкам занятия в рамках наук о духе с крайне достойным предметом — плугом — за пределами признания его достоинства относятся специфические формы опыта модерна, а именно: опыт драматически протекающей технической эволюции, которому как раз и был подвержен и подвергается также и этот предмет, опыт, кроме того, трансформирующих последствий этой эволюции и, наконец, опыт того, что это означает — быть подверженным подобной эволюции. Именно это, а не без того памятное всем, кто принадлежит к одной культуре, «достоинство» данного предмета, провоцирует специфически современное обращение к нему наук о духе, и понятие компенсации есть не что иное, как понятие для описания крайне специфического смысла этого занятия. Повторим еще раз: науки о духе отвечают в рамках культуры на опыт, который вообще можно получить только в контексте динамизированной цивилизационной эволюции, а именно на опыт обусловленной прогрессом растущей отчужденности от происхождения, и они компенсируют данный опыт посредством профессионализированной деятельности по актуализации истории происхождения средствами наук о духе и герменевтики. Это, очевидно, совсем не «сервисные услуги для технического прогресса». При ближайшем рассмотрении поражает, как можно было обнаружить или попытаться обнаружить, что смысл наук о духе есть те самые «сервисные услуги». Древний, восходящий к Античности риторический принцип гласит, что твоя позиция становится более слабой, если в полемике приписывать своему противнику нонсенс, опровергающий сам себя. Именно этому соблазну и поддался Патциг — вероятно, в результате риторического эффекта, который достигается, если вместо «простой сервисной услуги для технического прогресса» от членов почтенной старинной академии потребовать признания самостоятельного «достоинства предметов наук о духе».

Третий аргумент, который мы рассмотрим, критикует компенсаторную теорию из-за ее якобы традиционалистского культурно-консервативного содержания

ния. Этот аргумент особенно энергично выразил Герберт Шнедельбах²². Сначала я хотел бы высказаться в пользу того, что, разумеется, никто не претендует на то, чтобы его читали. Поэтому и те, кто действительно в своих попытках описания культурной функции наук о духе работают с понятием компенсации, не должны обвинять Шнедельбаха, что он недостаточно ознакомился с их работами. С другой стороны, есть правило, что публично можно критиковать лишь то, что было усвоено с достаточной основательностью. Именно этого не достаёт Шнедельбаху, когда он приписал мне, что я в своей теории науки исторических наук о культуре обновляю «старое противопоставление объяснения и понимания (Дильтей)», когда, заменяя слова, предлагаю противопоставление «объяснение vs рассказывание». Верно, что данное «старое противопоставление» «еще никогда не могло адекватно описать сложную научную действительность»²³. Но именно это я стремился показать в своей теории исторических наук не только имплицитно, но и эксплицитно — в главе, посвященной критике Дильтея²⁴. Уже из одного этого следует, что Шнедельбах вовсе не понял моего анализа неизбежно нарративного характера историографических текстов. Подобное непонимание в дискурсе между коллегами самая обычная вещь, и это, разумеется, вещь всегда принципиально взаимная. В данном случае, однако, речь идет о непонимании вещи, которая имеет основополагающее значение для понимания функции исторических наук о культуре. Было бы полным нонсенсом подходить к объяснению и рассказыванию как к взаимоисключающим, характеризующим разнородные науки операциям в научной практике. Соответственно не меньший нонсенс состоит в том, чтобы приписывать коллеге подобную трактовку. Ведь Шнедельбаху известно: «Нарративы... встречаются более или менее почти во всех частях наук». Осталось только добавить, что к объяснению это относится точно так же. Без обращения к объяснительным потенциалам теорий, будь это тривиальные, будь это детально разработанные в плане научной практики, невозможна никакая историография, и наоборот, вполне структурно аналогично к историческим наукам о культуре, в исторических естественных науках — от палеонтологии через геологию вплоть до всеобъемлющей космологии — эпохальные события также связаны между собой посредством нарратива. Именно этому доказательству посвящена моя статья «Единство истории природы и истории культуры»²⁵, тогда как Шнедельбах приписывает сторонникам компенсаторной теории варьирование тезиса о «двух культурах», причем с якобы традиционным, характерным для немецкой культуры отвержением всего цивилизационного — от естественных наук до техники. Так, Шнедельбах определил это в качестве квинтэссенции «компенса-

²² Schnädelbach H. Kritik der Kompensation // Kursbuch 91. Wozu Geisteswissenschaften? Berlin, 1988. S. 35–45.

²³ Ibid. S. 39.

²⁴ См. главу «Объяснить, чтобы понять» («Erklären, um zu verstehen») в моей книге «Понятие истории и интерес к истории»: Lübke H. Geschichtsbegriff und Geschichtsinteresse. Analytik und Pragmatik der Historie. Basel; Stuttgart, 1977. S. 48 и далее.

²⁵ Lübke H. Die Einheit von Naturgeschichte und Kulturgeschichte // Lübke H. Op. cit. (См. примеч. 20.) S. 64–80.

6. ЭКСКУРСЫ

торной модели Риттера», тогда как в вопиющем противоречии к этому определению он обвиняет учеников Риттера — Маркварда и Люббе — в том, что они хотели своей компенсаторной теорией наук о духе «вывести из-под огня критики научно-технический прогресс и настойчиво рекомендовать его полностью принять». А поскольку и это сказано столь необдуманно, можно заключить, что подоплекой этой критики компенсаторной теории наук о духе является не аналитический, а идеолого-политический смысл. Намерение состоит в том, чтобы и для философии, да и для всех наук о духе спасти значимость историко-философского средства интерпретации (Interpretaments), состоящего в противопоставлении консервативной, так сказать, традиционной теории, с одной стороны, и критической — с другой. В противоположность этому компенсаторная теория исторических наук о культуре как раз выявляет реликтовый характер этого средства интерпретации. Являются ли движения по охране памятников, а также природы консервативными или критически-прогрессивными? Ответа нет, потому что вопрос бессмыслен. А бессмыслен он потому, что на вызовы динамики цивилизации модерна нельзя ответить испытанными, но давно устаревшими возможностями консервативно-охранительной практики, с одной стороны, и критико-негативной практики — с другой. Образуют ли наши музейные специалисты общество традиционалистов? Одобряет ли защитник памятников, действия которого обусловлены гражданскими инициативами, те градостроительные процессы модернизации, которые вызвали небывалый интерес к охране памятников, выполняющей компенсаторную функцию? Может быть, ему кто-либо навязывает это одобрение? Что мешало бы выступить против требований профсоюза работников муниципальных организаций о дальнейшем сокращении рабочего времени, предпосылкой которых является, однако, увеличение производительности труда, которое как фактор дальнейшей модернизации воздействует на многие сферы, включая градостроительство? И как тогда нужно оценивать эти требования с точки зрения их ускоряющего модернизацию воздействия: являются ли они — согласно философской валидации актуального хода истории — прогрессивными или только лишь ограниченно прогрессивными, а тем самым нуждающимися в критике? Компенсаторная теория исторических наук о культуре не дает на эти вопросы вообще никакого ответа. Прежде всего она только анализирует уже достаточно разъясненную функциональную взаимосвязь, приводящую к тому, что все, что в контексте цивилизации модерна вызывает дополнительные импульсы к модернизации, стимулирует комплементарно к этому также тенденции к самоисторизации этой цивилизации, и даже компенсаторно вынуждает к этому. Оказывают ли в таком случае сами исторические науки о культуре прогрессивное или консервативное воздействие? Этот вопрос также не имеет смысла, поскольку в нем используются понятия, историко-идеологический реликтовый характер которых можно доказать. По этой причине можно согласиться со Шнедельбахом, когда он свою критику компенсаторной теории наук о духе завершает требованием, чтобы науки о духе не попадали «под контроль кого бы то ни было — ни культур-революционеров, ни культур-консерваторов». Между тем это требование не годится для опровержения компенсаторной теории наук о духе. Ибо она

6.2. ЭКСКУРС II. СПОР О КОМПЕНСАТОРНОЙ ФУНКЦИИ НАУК О ДУХЕ

занимается исключительно теми условиями необходимости исторических наук о культуре, которые эти науки, принадлежа к цивилизации модерна, оставляют совершенно индифферентными по отношению к недавним попыткам извлечь из них идеолого-политическую выгоду. То, что исторические науки о культуре существуют во всех обществах модерна — как в право-тоталитарных, так и в лево-тоталитарных, как в либеральных, так и в авторитарных, — это не требующий одобрения, а нуждающийся в признании факт. Именно на объяснение этого факта нацелена теорема компенсации. Отсюда не следует ложное обвинение в том, что науки о духе безразличны к условиям политического контекста. Они всегда остаются пронизываемыми для политических условий, которым они обязаны своими возможностями развития и которые их ограничивают или даже ими руководят. В таком случае возникает необходимость в критике. Но критерии подобной критики нельзя, в свою очередь, извлечь из той теории, в которой предполагается, что можно познать условия необходимости исторических наук о культуре, вытекающих из потребности в актуализации тех моментов прошлого, которые для нас — комплементарно к динамике цивилизационного прогресса — все быстрее становятся чужими. Инстанцией критики политического употребления или злоупотребления науками о духе вообще является не теория более высокого уровня, а подкрепленная здравым смыслом (*commonsense*) способность суждения. Супертеории — благодаря которой мы смогли бы извлекать из самой цивилизационной эволюции критерии, на которые мы могли бы указать, когда хотели бы судить о ее пользе или недостатках, — не существует, она невозможна, да и не нужна²⁶.

Четвертый аргумент, который необходимо здесь рассмотреть как один из аргументов, выдвинутых против компенсаторной теории исторических наук о

²⁶ Кристиан Майер вступил в ряд критиков компенсаторной теории и выдвинул в качестве возражения, что «в науках о духе вообще и особо в истории» речь идет не о компенсации, а «о познании, о просвещении» (*Meier C. Klio als Klatschbase // Kursbuch 91. Wozu Geisteswissenschaften? Berlin, 1988. S. 47–56, S. 55*). Либо компенсация, либо просвещение — это противопоставление рассматривает как альтернативу то, что друг друга дополняет. Разве исключена возможность того, что историческая наука, которая делает понятным для нас наше прошлое и, таким образом, компенсирует его обусловленную эволюцией чуждость, тем самым и просвещает? Компенсаторная функция относится к необходимой потребности актуализации прошлого в цивилизации, которая благодаря своей динамике отдаляет нас все быстрее от элементов нашего прошлого. Функция просвещения, напротив, относится к назревшему устранению препятствий, которым мы то и дело противопоставляем понимание того, что наше прошлое было не таким, каким мы его сегодня хотели бы видеть. На бессмысленный характер альтернативы компенсации, с одной стороны, или просвещения — с другой, мог бы обратить внимание Майер, если бы ознакомился с тем, что теоретики компенсации, в свою очередь, также, причем неоднократно, говорили о просветительской функции научного исторического знания. Я отсылаю в связи с этим к своей статье «Кто может позволить себе заниматься историческим просвещением? Спор о политической функции исторических наук»: *Lübbe H. Wer kann sich historische Aufklärung leisten? Der Streit um die politische Funktion der Geschichtswissenschaften // Oelmlüller W. (Hrsg.). Wozu noch Geschichte? München, 1977. S. 310–329.*

6. ЭКСКУРСЫ

культуре, носит полемический характер. Этот аргумент приписывает представителям данной теории намерение оторвать исторические науки о культуре от общественной и политической практики. Тут важна не только его полемичность. Дело в том, что он одновременно упускает из виду научно-теоретическую природу исторического знания, которое по принципиальным причинам не может быть трансформирована в правила ни моральных, ни политических действий. Карл Маркус Михель сводит описание Маркварда роли наук о духе в контексте цивилизации модерна к намерению избавить «нас... от нечистой совести», «если мы, например, отравим Рейн, а фольклористы поведают нам потом, каким Рейн некогда был»²⁷. Ну что можно возразить на это? Наибольшую пользу из этой полемики можно было бы извлечь, дополнив ею сборник эристических фигур. Кроме того, интересно поискать конкурирующую теорию наук о духе, скрытую за этой полемикой. Можно предположить: речь идет о такой теории наук о духе, которая нагло требует от них вместо выполнения компенсаторных функций играть роль практическую и критическую. Конечно, состояние Рейна заслуживает критики. Но это настолько банально, что с удивлением узнаешь, будто теоретики компенсации хотели бы, восстав против этой банальности, успокоить нас относительно состояния Рейна, считая историографию романтических описаний Рейна подходящим для этого транквилизатором.

Разумеется, отсюда вытекает вопрос, чьим интересам могут служить эти мнимые, использующие в своих целях науки о духе успокоительные намерения. Ответ на этот напрашивающийся вопрос, само собой, понятен каждому, кто освоил азбуку критической теории: это, естественно, интересы прибыльного приложения капитала промышленников, чьи заводы загрязняют Рейн. Если оставить в стороне эту фарсовую подоплеку всей аргументации, т.е. если упираться в противовес приведенной полемике на банальность того обстоятельства, что состояние Рейна достигло критического, а потому нуждающегося в критике уровня, то перед нами встанет вопрос: каким образом для этого можно использовать науки о духе, в противовес их употреблению как одурманивающего средства, в котором голословно обвиняют сторонников компенсаторной теории. Например, критически? Подобное применение наук о духе было бы совершенно излишним, даже если бы оно и без того уже не противоречило здравому смыслу. Пока состояние Рейна вопиет к небесам, для критики этого состояния вообще нет нужды в какой-либо науке, ни науки о духе, ни какой-либо другой, необходимы лишь здоровые органы чувств. Однако верно, что наших органов чувств явно недостаточно, чтобы воспринять все свойства воды, текущей сегодня по руслу Рейна, которые оказывают вредное — неважно, техническое или физиологическое — воздействие на окружающую среду. Но и здесь науки о духе будут последней инстанцией, к которой мы могли бы обратиться за помощью в компенсаторном обострении наших чувств, давно ставших недостаточными в своих естественных возможностях. Напротив, нам нужны контрольно-измерительные станции, лаборатории и проверочная аппаратура,

²⁷ *Michel K.M. Der Ruf nach dem Geist // Kursbuch 91. Wozu Geisteswissenschaften?* Berlin, 1988. S. 27–33, S. 29.

а также естественно-научные и технические знания, связанные с ними. Что же касается назревшего изменения существующего состояния (если отвлечься от вопросов подобного контроля за ним), то здесь мы также не можем рассчитывать на содействие наук о духе. На вопрос «что делать?» они не дают ответа. Непосредственным образом, однако, такой ответ не дают и естественные, технические и прочие теоретические науки, равно как и экономические и социальные науки, которые также способны формулировать теории. Но к ним и только к ним, а не к наукам о духе, прибегают, когда их технологически используют исключительно в сфере *common sense*, т.е. для решения ни в коей мере не нуждающейся в научно-критическом рассмотрении практической цели, — вернуть воду Рейна если не в доиндустриальное состояние, то все же лучшее в отношении прозрачности, сделать ее снова пригодной для употребления, значительно сократив расходы на ее очистку, а также пригодной служить биотопом для лососевых рыб, которые могут быть съедобны. Итак, что нам делать, чтобы мы могли достичь того, к чему стремимся, следуя тому доступному здравому смыслу, который был разъяснен на этом примере? Повторим еще раз: науки о духе, а точнее, исторические науки о культуре вовсе не образуют когнитивных предпосылок ответа на вопросы, имеющие подобную структуру. К таковым предпосылкам относятся исключительно естественные, технические, экономические и социальные науки — в том случае, если они располагают конкретными релевантными, эмпирически содержательными теориями, подходящими для целей каузального объяснения неисторического типа, которые соответственно позволяют делать прогнозы развития событий, и именно благодаря этой способности, которая совершенно отсутствует у исторических наук о культуре, могут быть претворены в технологические решения назревших проблем.

Между тем становится ясно, что подлинным предметом возмущения, который водит пером обоих упомянутых традиционалистов от критической теории в их критике компенсаторной теории наук о духе, является такая наука о духе, которая как историческая наука о культуре может сделать понятным только прошлое; которая, таким образом, объясняет то, что есть, как результат нашей истории происхождения, раскрывая вместе с тем ее глубину; которая пробуждает ощущение контингентности породившей нас эволюции; которая в конечном счете компенсаторно устраняет возрастающую по мере прогресса чуждость недавнего или даже самого недалекого прошлого. Тем самым эта наука о духе позволяет нам или другим упорядочить и присвоить эти моменты прошлого таким образом, что в контексте именно цивилизации модерна в нашем индивидуальном и коллективном отношении к себе заключено самопонимание, основанное на понимании нашего происхождения. Недовольство вызывается наукой о духе, которая все это старается осуществить, но отвергает как культурно и политически деструктивный нонсенс ожидание, будто науки о духе в состоянии вывести теорию исторического процесса, пригодную в качестве критерия различения политической реакции и политико-морального авангарда и тем самым на основе изучения истории получающую практические сведения о том, как в актуальных моральных и политических ситуациях пролегают линии фронта между другом и врагом, т.е. между теми, кто обращен к бу-

6. ЭКСКУРСЫ

дущему, и теми, кто привязан к своему происхождению (*Zukunftsverpflichteten und Herkunftsverhafteten*). Это подоплека, которую необходимо помнить, чтобы в который раз не удивляться, когда упомянутый критик компенсаторной теории в том духе, о котором идет речь в этой теории наук о духе, напоследок обнаруживает «немецкий вредный дух», «продолжающий существовать, как будто бы не было тому тысячи лет»²⁸. Вся эта пьеса, по мнению критика, уже однажды разыгрывалась, «а именно в поворотном году “33”, когда Хайдеггер встал на защиту немецкого духа освобожденной техники; вот только тогда ему нужен был для примирения обоих третья, высшая воля, фюрер. Сегодня у нас его нет, слава Колю*».

На эту причудливую аргументацию можно было бы не обращать внимания, если бы она была просто еще одним примером современной немецкой привычки, — все, что кому-нибудь не подходит, неважно, по какой причине, коротко и ясно приканчивать помещением в коричневый угол. Таким образом, мы имеем дело с привычным инструментальным использованием национал-социалистического прошлого в целях достижения политического преимущества с помощью морального самопривилегирования посредством политико-моральной делегитимации противника²⁹.

Но подоплека приведенных примеров бестактности серьезней. Речь идет о современной форме продолжения того, что Поппер назвал «историцистской» философией истории³⁰, которая считает возможным извлечь из самого хода истории обязательную норму, на которую следует ориентировать в моральном и политическом отношениях наше современное действие и которая, тем самым, гарантирует способность к различению политического авангарда и реакции. Что получается, когда человек с такой ориентацией приходит, например, в художественный музей, показал нам ошеломляющий комментарий Герберта Маркузе, который в банке супа Уорхола распознал «мимесис без перемены» и вместе с тем аффирмативный, жизнеутверждающий мимесис³¹. Если же отвлечься от идеолого-политических импликаций этого комментария, то речь идет явно о нонсенсе. И аналогичный нонсенс вылезает всегда, когда предпринимается попытка свести исторические исследования или посещения музея, акции по охране памятников или же расширение палеонтологического собрания к квинт-эссенции некоего эмансипаторного предписания. Известно возражение, которое теперь станут выдвигать те, кто упорно отказывает в смысле исторической

²⁸ Michel K.M. Op. cit. (См. примеч. 27.) S. 32.

* Kohlseidank (нем., иронич.), перифразированное выражение Gott sei Dank, слава Богу. Гельмут Коль (р. 1930) — канцлер Германии в 1982–1998 гг.

²⁹ См. в связи с этим мою книгу «Политический морализм. Триумф умонастроения над рассудком»: Lübbe H. Politischer Moralismus. Triumph der Gesinnung über die Urteilkraft. 2. Aufl. Berlin, 1989.

³⁰ Popper K.R. Das Elend des Historizismus. 2. unv. Aufl. Tübingen, 1969. Рус. пер.: Поппер К.Р. Нищета историцизма / пер. С.Л. Кудриной. М.: Прогресс — ВИА, 1993.

³¹ Marcuse H. Die Permanenz der Kunst. Wider eine bestimmte marxistische Ästhetik. München; Wien, 1977. S. 57.

культуре модерна, поскольку он релятивизирует и упраздняет для них мнимый эталонный смысл истории. Если ничего им не помогает, они, в конце концов, будут указывать на Освенцим и спрашивать, не является ли смысл исторических исследований этого события единственным способным наконец перевести общество в такое состояние, которое исключало бы возможность его повторения. Я бы не рекомендовал поспешно уступать суггестивной притягательности этого вопроса. Проблема опять же состоит в том, что нам, чтобы занять положение для подобающего морального суждения об исторически беспримечных массовых политических убийствах, современниками которых мы оказались в XX столетии, совершенно не нужно обращаться к профессиональному историческому знанию в том виде, в каком его предоставляют наши историки. Ориентации на принципы конвенциональной морали достаточно, чтобы иметь возможность судить о том, что подобное никогда не имело права случаться и никогда не должно повториться. Тогда остается вопрос, как же все-таки это событие произошло, и как раз на этот вопрос возможен только исторический ответ, и было бы наивно мнить, что — ввиду значительности и сложности этого вопроса — для ответа на него достаточно было бы знаний неспециалиста по истории. Лишь результаты профессионального исторического исследования могут приблизить нас к ответу на него. На это, видимо, потребуется какое-то время, чтобы люди могли в какой-то степени исторически разобраться в этом. Хотя бы только по этой причине ясно, что работа историков, на результаты которой мы могли бы опереться, не сводится к извлечению соответствующих практических следствий из опыта политических массовых преступлений. Они уже извлечены, и, разумеется, никому не возбраняется считать, что предстоит еще многое сделать. Однако полагать, что данные выводы в принципе еще не сделаны, — эта позиция далека от реальности и столь же странна, как и приведенная инсинуация, что именно благодаря тому, что Колю занимает пост канцлера, у нас сегодня, слава Колю, нет фюрера, подобного тому, который сам себя так некогда именовал. Верно, что интеллектуальные школы (*Denkschulen*) сегодня быстро устаревают. Тот, кому не удастся выбраться из реликтовой позиции, на которую он обречен как интеллектуал, уже больше не понимает мир, так что ему, для того чтобы сделать современность отвечающей его свежей критико-теоретической ориентации, не остается ничего другого, как в каждом не предусмотренном в его собственной концепции новшестве предполагать ренессанс старого зла.

На этом можно считать законченным рассмотрение некоторых аргументов, которые с критической, а частично и полемической целью выдвигались против компенсаторной теории исторических наук о культуре. Уже при рассмотрении четвертого аргумента мы сослались на функцию исторического знания, которую, действительно, невозможно осмысленно описать, привлекая понятие компенсации. Я имею в виду значение исторических наук как средства постижения контингентности нашей культурной и нашей природной идентичности. Истории ведь являются уникальными процессами изменения структуры систем, определяющихся — в силу своей открытости — также событиями и процессами в их окружении, которые ведут себя по отношению к функционализму

6. ЭКСКУРСЫ

изменяющейся системы контингентно. Соответственно истории суть процессы, которые в целом не подчиняются никакой заданной закономерности, которые вместе с тем невозможно прогнозировать, невзирая на их направленность, которые, кроме того, с предельно высокой вероятностью носят необратимый характер и тем самым одновременно также с предельно высокой вероятностью никогда не повторяются и точно в этом смысле единичны. Для нашей моральной, политической и технической жизненной практики из такого знания контингентности исторических процессов ничего не следует. Исторические науки как раз и позволяют актуализировать то, что означает быть, а именно быть результатом контингентно определяемой уникальной исторической эволюции, формирующей соответствующую индивидуальную или коллективную, а также институциональную идентичность. Впрочем, с точки зрения значительности (*Bedeutsamkeit*) этой роли исторических наук нет различия между историческими науками о культуре, с одной стороны, и историческими науками о природе — с другой, как неслучайно и то, что одновременно с открытием историчности культуры к концу XVIII столетия произошло также открытие историчности природы. Вот почему и в буржуазном образовательном сознании с самого начала утвердился равный статус у историографии культуры и историографии природы. С полным правом поэтому перед порталом старого здания Университета имени Фридриха-Вильгельма на Унтер ден Линден в Берлине установлен подобающий памятник братьям Гумбольдтам — историку культуры Вильгельму и историку природы Александру. Венская улица Рингштрассе также представляет историко-архитектурное свидетельство одинакового происхождения нашего культурного интереса к истории культуры и истории природы, — посредством двух монументальных бросающихся в глаза купольных зданий — во-первых, музея истории культуры, а во-вторых, музея естественной истории. В обоих случаях — в случае истории природы так же, как и в случае истории культуры — историческое сознание порождает аналогичную классификацию, связанную с опытом осмысления контингентности. Это результат выстраивания генетической связи природных и культурных реликтов эволюции, какие, не будь они связаны между собой, породили бы хаос и только благодаря выстраиванию взаимосвязи, истолковывающей их взаимную зависимость друг от друга в ходе развития, смыкаются в порядок истории, которая может быть рассказана³².

³² Как таким образом конституируется специфически современное понятие естественной истории, можно прочесть у Вольфа Лепеняса: *Lepenies W. Das Ende der Naturgeschichte. Wandel kultureller Selbstverständlichkeit in den Wissenschaften des 18. und 19. Jahrhunderts.* Frankfurt am Main, 1978.

7. ИМПЕРАТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВРЕМЕНИ

7.1. Обусловленные техникой императивы использования времени

Темпоральное сгущение инноваций — характерный признак технической эволюции, эпохальной в производимых сдвигах, непрерывной на протяжении длительных периодов времени. В свою очередь, технические инновации не всегда, но довольно часто, имеют элементарную темпоральную характеристику: они улучшают использование времени. Изобретение очков в Средневековье, революционизировавшее интеллектуальную жизнь, привело к росту доли жизненного времени, которую человек мог проводить за чтением, а лучшая или более дешевая лампа — к росту соответствующей доли дневного и годового времени. Но гораздо более важным, чем подобное увеличение полезных отрезков времени, вызванное техническими усовершенствованиями, явился, естественно, обусловленный прогрессом рост количества продукции на единицу времени или рост производительности труда. Экономическая сторона дела связана с технически обеспеченным снижением издержек производства. Обобщая, можно сказать: «Технический прогресс означает ...создание новых, т.е. до определенного времени неизвестных продуктов и услуг или продуктов и услуг нового, более высокого качества», а также «переход к новым методам производства, позволяющим производить данное количество продукции с меньшими затратами или большее количество продукции с теми же затратами»¹.

Эта характеристика, безусловно, тривиальна, но одновременно она и фундаментальна. Она подходит к каменному веку, когда инструменты использовались для изготовления лучших инструментов, которые не только обеспечивали изящество продуктов, но и позволяли повысить производительность. Она подходит к средневековому изобретению усовершенствованной конской упряжи, которая резко повысила эффективность использования энергии животных, а также к революционному изобретению трехпольного земледелия, которое улучшило отдачу почвы или замедлило ухудшение плодородных свойств используемых полей. И подавно она подходит к современной технике, которая в важных отраслях производства товаров заменила ручной инструмент станками² и тем самым привела к появлению того массового производства, которое

¹ Ott A.E. Einige Überlegungen zur Technik-Kritik und Technik-Feindlichkeit // Bombach G., Gahlen B., Ott A.E. (Hrsg.). Technologischer Wandel — Analyse und Fakten. Tübingen, 1986. S. 297–308.

² «Werkzeugmaschine» («станок», букв. «инструментальная машина») — так в немецком языке, как ни странно, называется то, что согласно семантике композитов из двух слов, должно было бы называться «Maschinenwerkzeug» (буквально «машинный инструмент»).

7. ИМПЕРАТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВРЕМЕНИ

в переходный период разорило непосредственно затронутых владельцев мануфактур, но в целом сделало возможным преодоление массовой нищеты³.

В традиционной и, несмотря на противоречащие факты, все еще живучей критике цивилизации массовому производству, ставшему возможным благодаря развитию техники, приписываются эффекты омассовления. Предполагается, что многообразие и вариабельность ремесленных изделий была нивелирована массовым машинным производством, и однообразная масса распространилась там, где до этого индивидуальность ремесленников налагала на их изделия отпечаток эстетического качества эмоционального воздействия. Так оно, пожалуй, и было, и нечто подобное существует и по сей день в развивающихся странах. «Синий муравей»^{*} метафорически выражает или выражал этот эффект, причем, по справедливости, из критики последствий массового машинного производства следовало бы вычесть тот вклад, который внесли в появление этого эффекта идеологически мотивированные производственные предписания. Между тем, однако, в самых современных станках, благодаря электронному управлению их работой, предусмотрена возможность смены производственных программ нажатием кнопки. Это означает, что при изменении программ фактор времени почти уже не играет никакой роли ввиду скорости этой перемены, следствием чего является многообразие вариантов аналогичных продуктов, которого никогда нельзя было достичь в условиях ремесленного труда. В качестве примера приведем такой факт: никогда прежде в предложении потребительских товаров — включая ковровые изделия, текстиль и наши автомобили — не было такого разнообразия аналогичных продуктов, как сегодня, в том что касается их цвета, дизайна и прочих эстетических элементов, тогда как эстетическое обеднение, которое в наши дни действительно можно наблюдать в нашей культуре повседневности, — это не результат воздействия омассовления промышленной продукции, а результат перегруженности нашей эстетической способности суждения перед лицом исторически беспримерного изобилия того, из чего мы должны выбирать.

Возрастание производства в единицу времени, т.е. возрастание производительности труда, возрастание скорости смены производственных программ и тем самым возрастание разнообразия аналогичных продуктов — эти содержания технической эволюции порождают, если выразиться с помощью темпоральной терминологии, неведомую доселе концентрацию современности не только по количеству, но и по многообразию товаров вплоть до их эстетики. Динамика, с которой протекает этот процесс, в настоящее время возросла вплоть до высших достижений в эволюции полупроводниковой техники. Экономически это отражается в доселе невиданном падении цен на данную продукцию, связанном с повышением производительности. «С 1970 по 1985 г. в тысячу раз упала цена на один сохранный бит информации. Можно обнаружить удивительно

³ См. об этом: Fischer W. Armut in der Geschichte. Erscheinungsformen und Lösungsversuche der "Sozialen Frage" in Europa seit dem Mittelalter. Göttingen, 1982.

^{*} Название, использовавшееся для обозначения китайских рабочих, одетых в одноцветные синие пиджаки. Ношение такой униформы было предписано в период китайской культурной революции, а ее прототипом является френч Мао Цзэдуна.

четкую закономерность, и специалисты рассчитывают, что эта закономерность продержится минимум в ближайшие 5–10 лет»⁴. «Впервые за многие десятилетия, — узнаем мы, — в истории техники и экономики наступил экспоненциальный отрезок кривой удешевления»⁵. Техничко-экономический процесс этого ускорения приводит в итоге к различию в состояниях развития, которое — при выходе за пределы определенных параметров этих различий в развитии — уже, насколько мы можем предположить, невозможно наверстать⁶.

В обобщенном виде это выглядит так: с ускорением эволюционных процессов возрастает разрыв между уровнями развития, которых в зависимости от контингентных факторов в состоянии достичь индивидуальные, коллективные и институциональные субъекты, участвующие в данных процессах развития. Разумеется, из характеристики технической эволюции как процесса прогрессирующего роста производительности нельзя делать вывод, будто производительность человеческого труда повышается в зависимости от роста мощности современных технических орудий труда в целом. «Увеличение производительности в промышленно развитых странах снижается», — безжалостно констатируют наши экономисты⁷. Объяснение этой поразительной после всего сказанного ситуации следует препоручить экономистам. Но и неспециалистам ведь понятно, что с увеличением производительности, вызванным техническим прогрессом, относительная доля работающих людей, занятых в сфере промышленного производства, должна стагнировать или даже снижаться в пользу доли тех людей, которые заняты в сфере услуг, — особенно в тех областях, где, как в сфере воспитания или также ухода за больными, обусловленный прогрессом техники рост производительности абсолютно немислим или возможен лишь в весьма узких пределах⁸.

Обусловленный развитием техники рост производительности всегда был *eo ipso* процессом освобождения времени. Он соответственно привел к изменениям в культурном обхождении со временем. Это вовсе не означает, что эти изменения всегда находились также под культурным господством императивов использования времени. Но в эмансипированной экономике свободных рынков подобные императивы использования времени, как известно, выработались под давлением конкурентных отношений. Персональное и институциональное обособление производства когнитивных предпосылок техники как ничто другое ускорило техническую эволюцию, и сокращение временных периодов, которые отделяют когнитивную инновацию от ее технической реали-

⁴ *Queisser H.-J.* Die Siliziumzeit // *Maier-Leibnitz H.* (Hrsg.). *Zeugen des Wissens.* Mainz, 1986. S. 203–236, S. 216.

⁵ *Ibid.* S. 222.

⁶ Разъяснение соответствующих прогнозов см. в: *Queisser H.-J.* Der Sprung vom Kompartierten zum Integrierten // *Hierholzer K., Wittmann H.-G.* (Hrsg.). *Phasensprünge und Stetigkeit in der natürlichen und kulturellen Welt.* Stuttgart, 1988. S. 225–236, особенно S. 232 и далее: «Затянувшийся фазовый переход в Европе».

⁷ *Siebert H.* Technologischer Wandel, Beschäftigung und Wachstum // *Bombach G., Gahlen B., Ott A.E.* (Hrsg.). *Op. cit.* (См. примеч. 1.) S. 311–323, S. 311.

⁸ См. об этом: *Ibid.* S. 317.

7. ИМПЕРАТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВРЕМЕНИ

зации, играет при этом дополнительно ускоряющую роль. Под давлением экономической конкуренции сокращение этих временных периодов становится очевидной целью действия. Если использовать грубую историческую аналогию, то это означает: «Паровой машине... потребовалось более ста лет, чтобы от чертежей на бумаге времен XVII века прийти к машине Уатта низкого давления и более компактным машинам высокого давления Тревитхика и Эванса. В противоположность этому ядерная энергия проделала путь от теоретических уравнений до атомных электростанций менее чем за время одного поколения»⁹. Явные преимущества экономического использования ускоряют здесь сокращение промежутка времени между когнитивной инновацией и ее технической реализацией. Для примера можно упомянуть «20 крупнейших американских инноваций», возникших в период с 1880 по 1955 г.: «с 1885 по 1919 г. промежуток времени от первых набросков проекта до коммерческой реализации» составлял «в среднем 37 лет», а «с конца последней войны» всего 14 лет¹⁰. «Гонка становится все стремительнее»¹¹, а оборотной стороной этого процесса также и в экономической сфере является увеличение быстроты устаревания.

Комплементарная взаимосвязь динамики прогресса и скорости устаревания относится к предпосылкам прогрессирующей музеефикации нашего культурного окружения¹². В сфере фабричного производства это означает, что технические средства производства, станки, например, все чаще устаревают быстрее, чем изнашиваются от использования. Данный процесс был зафиксирован уже в начале XIX столетия. Для прядильного дела, к примеру, действовал тогда в начале еще понятный «девиз, что прибыль надо достигать на полностью амортизированных станках», «даже если они уже не отвечают последнему слову техники». «Скачок в техническом развитии и применении новых технологий в 1930-е годы» привел к неизбежности замены старых станков на новые, обеспечивающие рост производительности, даже если старые машины «еще не годились для металлолома»¹³.

Мы видим происходящие здесь изменения в понятии устаревания. До того как техническая эволюция как таковая стала заметна, а также до того как стало ощущаться обрисованное выше экономическое давление, вынуждающее приспособиться к факту технической эволюции, состоящему в том, чтобы выигрывать время и затем использовать этот выигрыш во времени, — до всего этого «старое» всегда было свойством, которое предмет приобретал со временем по мере своего использования. Напротив, в условиях технического и экономиче-

⁹ Landes D.S. Der entfesselte Prometheus. Technologischer Wandel und industrielle Entwicklung in Europa von 1750 bis zur Gegenwart (1969). Köln, 1973. S. 478.

¹⁰ Ibid. S. 479.

¹¹ Ibid. S. 495.

¹² См. об этом мою статью «Прогресс и музей»: Lübke H. Der Fortschritt und das Museum // Lübke H. Die Aufdringlichkeit der Geschichte. Herausforderungen der Moderne vom Historismus bis zum Nationalsozialismus. Graz; Wien; Köln, 1989. S. 13–29.

¹³ Dudzik P. Innovation und Investition. Technische Entwicklung und Unternehmerentscheidung in der schweizerischen Baumwollspinnerei 1800–1916. Zürich, 1987. S. 295.

ского прогресса «старое» — это то, что вне зависимости от воздействия его продолжительного использования устарело в инновационном отношении, причем, прежде всего, благодаря повышающим производительность инновациям, позволяющим лучше соответствовать императивам использования времени.

Можно предположить, что распространение, а вместе с тем и популярность научно-технических инноваций росли бы не так быстро, если бы использование инновации в экономических целях было доступно всем в любой момент и безвозмездно. Историческим ответом на вызов этой специфически современной проблемы явилась, как известно, охрана патентных прав¹⁴. Однако существует также либеральная ортодоксия, у которой патентная защита всегда вызывала сомнения. «Неолиберальная школа, например, рассматривает воздействия охраны патентных прав, тормозящие инновации и распространение, как настолько обременительные», что выступает «за упразднение патентной системы или, по меньшей мере, за значительное снижение патентной защиты введением всеобщего обязательного лицензирования»¹⁵. Уже в XIX в. либералы считали, что «идея монополии, присущая патенту, не вписывается в существующую либеральную экономическую политику того времени, и лишь продолжающим сохраняться меркантилистским компонентам патентное дело обязано тем, что оно вообще оставалось в силе в чрезвычайно узкой сфере применения»¹⁶. Но то, что охрана патентных прав в международном масштабе утвердилась как полезная и целесообразная, опирается, в сущности, на два темпоральных аспекта дела. Во-первых, патенты увеличивают скорость распространения технических инноваций. Парадоксальным это выглядит только на первый взгляд. Не будь патентов, инноваторы были бы заинтересованы в том, чтобы как можно более тщательно скрывать свое новое полезное знание, и в попытке такого сокрытия они преуспевали бы тем лучше, чем выше была бы степень теоретической сложности этого знания, лежащего в основе новых продуктов или методов. Тем с большими трудностями и временными затратами были бы сопряжены соответствующие попытки присвоения этого знания путем копирования по готовому образцу. Гораздо быстрее может раскрыть экономические преимущества современной техники тот, кто приобретает права на использование запатентованных и тем самым преданных огласке инноваций, на которых она основана. «Таким образом патенты стимулируют ...распространение знания»¹⁷.

¹⁴ См. об этом: *Oppenländer K.H.* (Hrsg.). *Patentwesen, technischer Fortschritt und Wettbewerb*. Berlin; München, 1984.

¹⁵ См.: *Oppenländer K.H.* *Patentschutz und Wettbewerb im Innovationsprozeß // Ibid.* S. 62.

¹⁶ Так полагает В. Тройе: *Treue W.* *Die Entwicklung des Patentwesens im 19. Jahrhundert in Preußen und im Deutschen Reich // Coing H., Wilhelm W.* *Wissenschaft und Kodifikation des Privatrechts im 19. Jahrhundert IV. Eigentum und industrielle Entwicklung, Wettbewerbsordnung und Wettbewerbsrecht*. Frankfurt am Main, 1979. S. 163–182, S. 166.

¹⁷ *Kaufherr E.* *Patente, Wettbewerb und technischer Fortschritt. Wirtschaftsrecht und Wirtschaftspolitik / in Verbindung mit K. Biedenkopf, E. Hoppmann, hrsg. von E.-J. Mestmäcker*. Bd. 14. Bad Homburg vor der Höhe, 1970. S. 11.

7. ИМПЕРАТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВРЕМЕНИ

Во-вторых, охрана патентных прав стимулирует и сохраняет, экономически и психологически, инновационную мотивацию путем допущения ограниченного по времени, но гарантированного периода исключительного правообладания на использование инновации — в особенности в тех случаях, где копии могли бы быть изготовлены в короткое время. Вместе с тем научно-техническая инновационная динамика, увеличению которой способствуют меры по охране патентных прав, фактически все быстрее делает охрану патентных прав беспредметной — причем вне зависимости от формально действующих сроков защиты, — а именно благодаря инновациям, которые, будучи разработаны на основе инноваций вчерашнего дня, превосходят последние как в техническом, так и в экономическом отношении. В истории патентного дела это проявляется в высокой доле тех патентов, владельцы которых очевидно не интересовались сохранением их на протяжении всего срока законной защиты и, соответственно, позволили их погасить путем прекращения выплат залоговых сборов. Вот пример: в Германском рейхе за последние два десятилетия XIX в. «сохранились невостребованными только 0,07% всех изобретений ...за весь период охраны патентных прав в 15 лет»¹⁸. Полное использование сроков законной охраны патентов имело бы смысл только в отношении тех редких изобретений, которые помимо свойства новизны могли продемонстрировать также еще свойство известной устойчивости перед возможными конкурентами. Применяя объясненное выше понятие классического¹⁹ как понятия, относящегося к устойчивым к устареванию элементам, сохраняющим длительную историческую продуктивность, весьма редкие инновации данного типа можно было бы назвать «классическими изобретениями». К их числу относятся «лишь медленно устаревающие изобретения, весьма рентабельные и одновременно задающие направление для технического развития»²⁰. Вызванное прогрессом угасание интереса к патентным правам, использование которых стимулирует прогресс²¹, отражается, кроме того, в растущей доле тех заявителей патентов, которые теряют к ним интерес, в течение неизбежно увеличившихся сроков ожидая окончательной выдачи патента²².

Обусловленные техникой императивы использования времени связаны не в последнюю очередь с прогрессирующим расширением тех периодов будущего, на которые необходимо обращать актуальное внимание с точки зрения практики планирования. Уже в доиндустриальные цивилизационные эпохи челове-

¹⁸ *Treue W.* Op. cit. (См. примеч. 16.) S. 180.

¹⁹ См. наст. изд., с. 113 и далее.

²⁰ *Treue W.* Op. cit. (См. примеч. 16.) S. 181.

²¹ Так, если судить по оптимистическому названию статьи Байера: *Beier F.-K.* Patentschutz — weltweit Grundlage technischen Fortschritts und industrieller Entwicklung // *Oppenländer K.H.* (Hrsg.). Op. cit. (См. примеч. 14.) S. 29–45.

²² См. об этом, а также статистические подробности в учебнике по патентному делу: *Recht der Bundesrepublik Deutschland, Europäisches und Internationales Patentrecht / Begründet von W. Bernhardt*, 4., völlig neu bearbeitete Aufl. von R. Krasser. München, 1986. S. 59.

ческая деятельность нередко осуществлялась в горизонтах будущего, которые хронологически простирались весьма далеко. История лесного хозяйства дает этому самый наглядный пример: лесовозобновление, если отвлечься от исключительных случаев, связано с обращением с такими периодами времени, которые выходят далеко за пределы срока жизни того поколения, которое этим занимается. Сегодняшняя деятельность должна была обеспечить жизненные условия для правнуков. Тем не менее речь шла не о планировании, благодаря которому разделенные поколениями действия отцов, с одной стороны, и правнуков — с другой, были бы связаны друг с другом. Постоянство условий, которые позволяют наполнить смысл современной деятельности в ходе деятельности других людей, отстоящих по времени весьма далеко, не требовало тогда приложения деятельных усилий, но было надежной природной или социальной данностью, образующей практическую, основанную на жизненном опыте предпосылку этого процесса. Модерновая техника, напротив, требует планирования — т.е. институционально обеспеченной темпоральной организации последовательности действий, в результате которых в быстрой смене жизненных обстоятельств модерна искусственно обеспечиваются или создаются условия, от которых зависит наступление будущих желаемых результатов действий. Тяжелая техника увеличивает глубину вмешательства в природные и социальные жизненные условия. В темпоральном отношении это означает, что увеличиваются отрезки времени, в течение которых данные действия будут иметь значение для будущего.

В организационном отношении это требует институциональных гарантий для реализации планово установленных этапов необходимых действий. Никогда еще какое-либо цивилизационное настоящее не актуализировало в планово-техническом и организационном отношениях хронологически более широкие периоды будущего, чем наше собственное настоящее. Сегодня мы предпринимаем контрмеры, чтобы во всеоружии встретить ситуации дефицита, наступление которых едва ли стоит ожидать до середины следующего столетия — дефицита, связанного с истощением нефтяных, газовых и урановых месторождений, например. В дополнение к этому термоядерные исследования живут надеждой, что по мере реализации их текущих программ, которые займут еще примерно столько же времени в будущем, они смогут достичь определенных практических результатов в использовании термоядерного синтеза. Если бы удалось добиться успеха, то тем самым при имеющихся в мировом океане запасах дейтерия было бы гарантировано «снабжение энергией человечества на период в десять миллиардов лет»²³. Разумеется, трудно удержаться от иронии по поводу высказанного тем самым удовлетворения, что благодаря современной технической деятельности удастся обеспечить условия жизни не

²³ Об этом говорится в статье «Прогресс в исследовании термоядерных реакций. Рекордные температуры и времена удержания плазмы в реактивном самолете в Кулхэме [центр термоядерных исследований в Великобритании]»: Fortschritte der Fusionsforschung. Rekordtemperaturen und-einschlusszeiten am Jet in Culham // Neue Zürcher Zeitung. Forschung und Technik. 1987. 14. Januar. Nr. 10. S. 65.

7. ИМПЕРАТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВРЕМЕНИ

только для правнуков, но и для человечества в будущем, которое удалено от настоящего примерно настолько, насколько от него в прошлом отстоит Большой взрыв, — например, задав вопрос, что же делать, если после истечения срока в 10 млрд лет запасы дейтерия истощатся. Да и житейская мудрость «утро вечера мудренее» на таких временных просторах уже больше не утешает. Но как бы то ни было, суть дела состоит в том, что мы являемся очевидцами действий, которые следуют институционально обеспеченным планам, рассчитанным на сроки, намного превышающие полстолетия, и включены, тем самым, в нашу современность.

Нечто похожее, к сожалению, относится в дополнение к этому также к тем планам действий, посредством реализации которых мы стремимся в техническом и темпоральном отношении надежно избавиться от ядовитых отходов нашего производства промышленных товаров. Если учитывать природный аспект проблемы, то для этого подходят прежде всего месторождения полезных ископаемых, которые по контрасту к динамике, в остальном характеризующей также и историю нашей планеты, демонстрируют преимущество крайнего темпорального постоянства, например, соляные купола, состоящие из вещества, слабо или вовсе не реагирующего с токсическим материалом, который предполагается загрузить туда на длительный период. «Надежно и постоянно» — здесь это два желательных свойства, причем темпоральное свойство ведет себя по отношению к постоянству явно комплементарно к динамике той цивилизационной эволюции, которая заставляет нас искать такие места, где, как в старой могиле, ничего больше не происходит²⁴. То, что на длительные сроки подвергается безопасному захоронению в подземных шахтах бывших месторождений, разумеется, изменяется по своей научно-технической характеристике в зависимости от прогресса нашей цивилизации. Создавая захоронения материалов и приборов, мы получаем, таким образом, арсенал реликтов прошедшей цивилизационной эволюции в зеркале ее токсических отходов — «своего рода технический музей»²⁵. Это не выдуманное, а доказанное восприятие даже опасных промышленных отходов как музейных экспонатов наглядно подчеркивает мощь тенденций к самоисторизации, которое комплементарно относится к динамике цивилизации модерна.

Темпоральные условия стабильности могильников для радиоактивных материалов, темпоральные аспекты потребления ресурсов и комплементарные периоды времени, которые были рассчитаны для получения доступа к альтернативным техническим источникам энергии, — это, разумеется, крайние примеры для порожденного цивилизацией расширения плано-технического использования времени будущего. В качестве культурно-теоретически значимой маргиналии надо еще добавить, что проблема, каким образом могильники столь длительное время будут распознаваемы как таковые с помощью языко-

²⁴ См. об этом доклад: Umweltgerechte Endlagerung toxischer Abfälle in der Bundesrepublik Deutschland. Die Untertage-Deponie Herfa-Neurode // Neue Zürcher Zeitung. Forschung und Technik. 1987. 9. Dezember. Nr. 286. S. 65.

²⁵ Ibid.

вых средств, а также каким образом можно будет продолжать сообщать о требованиях обращения с ними, пока еще не решена. Некоторые радиоактивные материалы следует хранить в захоронениях более 10 тысяч лет. Но есть ли такой язык, который был бы понятен каждому — в семантическом и синтаксическом, орфографическом и начертательном отношениях — хотя бы только в течение нескольких столетий? Очевидно, что последовательность действий, которую согласно природному аспекту конкретной проблемы следует обеспечивать в области технического планирования на периоды, приближающиеся к астрономическим, делает необходимым дополнительные институциональные гарантии обеспечения постоянной практики перевода, который будет приспосабливать к будущей языковой эволюции нашего цивилизационного сообщества те послания, которые некогда записывались как предупреждение или инструкция по использованию. Уже давно существуют группы лингвистов и технологов, которые сообща занимаются этой проблемой. Работа наших филологов, занятых переводом, до сих пор была связана исключительно с древними текстами на мертвых языках, которые возникли в прошлом. Теперь же эта работа будет иметь дело также с сегодняшними текстами, которые в будущем станут текстами с продолжающей быть актуальной прагматикой, но написанными на устаревшем языке...²⁶

²⁶ По поводу предыдущего материала см.: *Posner R. Mitteilungen an die ferne Zukunft. Hintergrund, Anlaß, Problemstellung und Resultate einer Umfrage // Zeitschrift für Semiotik. 1984. Bd. 6. Heft 3. S. 195–228.*

7.2. Время как средство координации действий. Социально обусловленные императивы использования времени

Расширение периодов будущего, на которые мы уже теперь должны настраиваться в отношении практики планирования, ведет к расширению использования календаря. Культурная история календаря существует в бесчисленном количестве фрагментов¹. Но то, что сегодня разыгрывается в этой истории, совершается с такой динамикой, которая позволяет реконструировать важные события и процессы истории календаря на основе индивидуальной памяти. Портативный календарь, карманный календарь — это, конечно, не изобретение нашего века. Но только в нашем столетии, преимущественно в его второй половине, он стал массовым товаром². Это с большим отрывом самый излюбленный подарок от фирмы на Новый год. Процесс протекает параллельно сокращению доли тех работников, которые без всякой возможности индивидуального планирования выполняют заранее жестко организованную фабричную работу. Чем дальше комплементарно этому расширяется сектор услуг, тем больше возрастает доля тех работников, которые свою профессиональную активность должны темпорально координировать с планами по использованию времени третьих лиц, и важнейшим инструментом для темпоральной координации многих участников, которые в жизненных отношениях не находятся постоянно в непосредственной коммуникации друг с другом, является как раз календарь-ежедневник. С собой его носят не только менеджеры, но даже гимназисты. В особенности мобильность делает необходимой темпоральную координацию действий. Чем больше расширяется пространство, на котором сегодня общаются субъекты, тем меньше становится вероятность случайной встречи, и кто хочет достичь места встречи одновременно с другими ее участ-

¹ См. лексикографический обзор в: *Schenda R. Der Kalender // Baumgärtner A.C. (Hrsg.). Lesen — Ein Handbuch. Hamburg, 1973. S. 32–37.* Кроме того: *Schenda R. Volk ohne Buch. Studien zur Sozialgeschichte der populären Lesestoffe 1770–1910. 3. Aufl. Frankfurt am Main, 1988. S. 281 и далее.* О теории и истории хронологических предпосылок создания календаря см.: *Zemanek H. Kalender und Chronologie. Bekanntes und Unbekanntes aus der Kalenderwissenschaft. 2. Aufl. München, Wien, 1981.* Кроме того: *Krütt J.W.E. Der Kalender im Wandel der Zeiten. 5000 Jahre Zeitberechnung. Stuttgart, 1972.*

² Согласно оценкам специалистов отрасли, за что приношу благодарность господам доктору Ф. Бауэру (Calendaria AG Immensee), в одной только Швейцарии ежегодно производится около 2,5 миллионов карманных ежедневников, 3,5 миллиона календарей-ежедневников для планирования дел, а также 800 тысяч настольных ежедневников. Причем на экспорт уходит лишь 20% из этого объема.

7.2. ВРЕМЯ КАК СРЕДСТВО КООРДИНАЦИИ ДЕЙСТВИЙ

никами, должен зафиксировать даты встречи и время в пути. Там, где память была бы перегружена, календарь как временной планировщик сохраняет все необходимое.

Привычный настенный календарь стал реликтом по причине своей крайне ограниченной роли в процессе обхождения со временем. Чем больше частота, с которой человек бросает взгляд на свой карманный календарик, тем меньше нужды вспоминать о сегодняшней дате с помощью массивных цифр настенного календаря. В связи с этим процветающее производство художественных календарей представляет собой не что иное, как вторичное люксовое использование реликта. Дело ведь в эстетической красоте календарного листа, а отрывная часть с датами не служит никаким целям временного планирования. Она напоминает только еще о необходимости сменить листок календаря, и вот это, по-видимому, и объясняет живучесть данного реликта: актуализация бега времени путем смены календарного листка.

В десекуляризованных эпохах истории нашей культуры это сделало настенный календарь подходящим реквизитом повседневной практики благочестия. У каждого дня была своя дата, но у него было еще и библейское изречение, а на обратной стороне календарного листка — благочестивое истолкование данного изречения. Отрывание листка с целью прочтения этого текста было благочестивым ритуалом, в случаях календарных листков брэнность становилась очевидной на бытовом уровне, и одновременно для небольшого числа случаев, от которых человек в практическом обхождении со временем действительно зависел, календарь указывал человеку правильную дату. Напротив, с технической точки зрения планирования времени данные настенные календари едва ли выполняли свои функции — столь же мало, как и всевозможные переплетенные домашние и региональные календари, которые сделали популярными прежде всего со второй половины XVIII в. В них можно было прочитать полезные и назидательные истории на любой вкус, но в них не было свободного места для записи планов использования личного времени, т.е. их нельзя было использовать как карманные планировщики. Зато указывались даты работы ярмарок и скотных рынков. Информационно-практическую ценность этих указаний можно сравнить с ценностью сведений о новолуниях и полнолуниях. Фазы луны были наглядны. Но функцию практического планирования эти календарные прогнозы совершенно не выполняли, что же касается рынков, то для того чтобы узнать, когда они состоятся, необязательно было обращаться к календарю. Поскольку эти даты, благодаря периодичности ярмарок, были и так хорошо известны, участие в непосредственной коммуникации малых групп обеспечивало необходимые знания, и то же самое относилось к знаниям дат подвижных праздников. Тем самым календарь был в те годы — и остается им в реликтовой форме сегодня — культурным средством актуализации времени, а точнее, протекания времени. Но он, собственно, не был календариком для записи деловых и прочих встреч, и уж давно не был календариком для записи индивидуальных планов проведения времени. Именно это делает, по контрасту с современными органайзерами, упомянутые как пример старинные формы календарей — от пиетистских настенных календарей до переплетен-

7. ИМПЕРАТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВРЕМЕНИ

ных календарей в их функции домашнего помощника — релевантными в ностальгическом отношении. Выпускаемые в историзирующей форме старинные домашние календари пользуются большим спросом. Их ценят как документы культуры обращения со временем, которая в форме, выражающей протекание целого года, наглядно напоминает о течении времени и тем самым о бренности, причем без всяких дедлайнов³.

В настоящее время происходит своего рода календарная революция, способная существенно усилить ностальгию, которую сегодня в состоянии возбудить у нас старинные календари, сохраняющиеся в историзирующих целях. Данная революция касается прежде всего расширения полностью распланированных с помощью календарей периодов будущего. Добрые старые календари были календарями на год, и в реликтовой форме мы видим порой даже сегодня карманные ежегодники. Но сегодня обычным стал календарь на полтора года. Он наглядно опровергает смысл конца года как релевантной цезуры в течении запланированного периода времени. Характер цезуры в конце года очевидно связан с его значением как окончания последовательности движений повторяющегося характера — высоты Солнца и времен года, месяцев, дней и праздников, циклически повторяющихся сроков подачи налоговых деклараций и т.д. В условиях динамизированной цивилизации на временные циклы накладываются с помощью техники планирования зафиксированные последовательности действий, которые, в свою очередь, организованы в темпоральном отношении не циклически, а напротив, представляют собой череду отдельных назначенных сроков и встреч. Для подобной череды отдельных установленных сроков и встреч, особенно если она охватывает хронологически продолжительный период, годовой цикл является расчетной величиной, но уже не темпорально очерченными рамками для хода действий, и именно это придает календарю-ежегоднику в ограничении его временных рамок произвольный характер.

Таким образом, инструментом для планирования времени календарного периода становится календарь на полтора года, а вот насколько его осмысленно использовать — это уже зависит от специфики временных горизонтов осуществляемой деятельности. Для растущей доли работников эти временные горизонты все еще расширяются, и — в соответствии с этим — календарь на полтора года давно уступил место календарю на три года. Уже существуют календари, формат и размер которых позволяет носить их с собой, а период планирования с их помощью простирается далеко в следующее тысячелетие. Так, известная фирма в сфере услуг «prognos» («Solving problems — Shaping the future»*) предлагает своим деловым и коммуникационным партнерам календарь «for

³ Соответственно выполнен «Каталог 88» — еженедельник серии Time/System Bibliothek zu Neerach, который, с одной стороны, носит название «Verein Internationales Forschungsinstitut für Angewandtes Zeit-Management (Hrsg.): Das 1x1 des Zeitmanagement», а с другой — украшен картинкой, на которой изображена крестьянская девушка, читающая календарные истории.

* «Решаем проблемы — формируем будущее» (англ.).

your personal long-range planning up to the year 2010 — all the luck und best wishes!»*⁴. На подобные добрые пожелания в самом деле приходится полагаться тем, кому преподнесли в подарок такой календарь, особенно если они находятся в том возрасте, в котором, согласно сведениям действующей в их регионе статистики ожидаемой продолжительности жизни, лишь в крайне благоприятных жизненных обстоятельствах вообще мыслимо дожить до намеченного в предлагаемом в календаре пространства планирования.

Тем не менее данные календарные средства долгосрочного планирования (long-range-planning) служат ведь не темпоральной организации собственного, статистически вероятного протекания жизни. Напротив, они служат темпоральной координации действий разных людей, которые институционально или согласно какому-либо проекту сотрудничают друг с другом и во взаимосвязях, перекрывающих время жизни, уже сейчас должны учитывать будущие ситуации, которые индифферентно относятся к обусловленной возрастом ожидаемой продолжительности жизни сотрудничающих индивидов. То, что временной горизонт собственной деятельности распространяется далеко за пределы собственного жизненного срока — в этом, разумеется, нет ничего нового, и я упоминал выше лесовозобновление в качестве примера доиндустриальной деятельности предельно далеко распространившегося, охватывавшего многие поколения временного горизонта⁵. А что является новым? Что это за обстоятельства, которые для деятельности во временных горизонтах, охватывающих целые поколения, сегодня делают необходимым календарь как инструмент для планирования времени? Во-первых, с увеличением числа индивидов, занятых в реализации какого-либо проекта, а также с увеличением степени дифференцирования функций, которые они выполняют, и наконец, с увеличением пространственной, институциональной и социальной дистанции, отделяющей их друг от друга, возрастает необходимость эксплицитно координировать во временном отношении их деятельность. Во-вторых, с ростом социального масштаба нашей кооперации растет число требований, которые индивиды предъявляют непредвиденным образом друг другу, и лишь с помощью обеспеченной посредством календаря темпоральной совместимости подобных требований

* «Для вашего личного долговременного планирования вплоть до 2010 года — с наилучшими пожеланиями! Будьте счастливы!» (англ.).

⁴ Появившиеся в последнее время на рынке электронные календари простираются еще далее. Их рекламируют как «вечные записные книжки» (так, например, фирма Digital Diary): «Выбирайте любой месяц XX и XXI веков, и ваши личные планы найдут в нем свое место». Поскольку в цивилизации, которая делает календари технически необходимыми, сфера ответственности и тем самым влияние личности не в последнюю очередь можно измерить темпорально, а именно по хронологическому распространению плановых периодов, в рамках которых она действует, роскошно изданные органайзеры могут побочным образом использоваться как объекты престижа. См. об этом: Schori M. Die neue Bibel des Managers. Die Super Agenden: Prestigeobjekte für die einen, unentbehrliches Planungssystem für die anderen // Züri Woche. 1989. 7. Dezember. S. 17.

⁵ См. наст. изд., с. 295.

7. ИМПЕРАТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВРЕМЕНИ

индивиды способны сохранять свою способность к сотрудничеству. В-третьих, в эволюции индустриального общества растет число проектов, охватывающих большие временные интервалы, которые необходимо начинать в настоящее время, чтобы обеспечить в отдаленном будущем создание и возможность использования необходимых тогда условий жизни и деятельности. Это приводит к необходимости дополнительной темпоральной координации действий в масштабах больших временных интервалов и тем самым к планированию сроков и дат встреч в календарях, представляющих обширные временные периоды.

Каждому пользователю СМИ знаком тот факт, что техническая эволюция расширяет горизонты планирования времени. Планирование и строение современных систем массовой коммуникации охватывают временные горизонты протяженностью куда больше одного десятилетия. Для сознания детей, живущих рядом с крупными строительными площадками, они носят характер того, что длится вечно. Сценарии энергоснабжения по любому варианту охватывают десятилетия технического составления графиков, и то же самое можно сказать о работах по техническому обслуживанию и утилизации отходов производства на предприятиях. Поведенческие последствия благосостояния, зависящего от развития промышленности, отражающиеся в демографической эволюции, вынуждают теперь принимать социально-политические решения, которые шаг за шагом должны обеспечить решение проблем, возникающих из предсказуемой возрастной структуры населения через 40 лет. Кроме того, в особых технических отраслях резко возрастают также требования к временной точности в разработке планов, например, посекундной точности, с которой во временном горизонте проекта, значительно превышающем десятилетие, электронные команды должны передаваться на космические аппараты. Нет смысла подробно описывать эту прогрессирующую и все более точную фиксацию сроков в будущем, характерную для современного планирования. Достаточно добавить, что календарные планы в нашей динамической цивилизационной эволюции, разумеется, имеют значение только при граничных условиях, которые, в свою очередь, могут контролироваться в рамках технического планирования лишь в очень узких границах. Это означает, что в зависимости от комплексности наших цивилизационных жизненных условий, с одной стороны, и в зависимости от их эволюционной динамики — с другой, наши планы, смысл которых состоит в фиксации темпоральных последовательностей действий, также подвержены старению. Быстрее, чем множество планов, которые прекрасно были написаны и оказались реализуемыми, растет множество неудавшихся планов. Инвестиции в хозяйственном или ином использовании инновационных, технических или иных идей через все более короткие сроки оказываются бесполезными инвестициями на фоне более совершенных инноваций. Число остатков неудавшихся инвестиций возрастает. «Спутник TV-SAT устарел еще до старта», — вот характерная шапка на газетной полосе⁶, и только из-за его впечатляющих финансовых и технических масштабов этот случай обязательно попадает на ленты новостей.

⁶ Ostfriesische Nachrichten. 1987. 19. November. Nr. 269. S. 10.

7.2. ВРЕМЯ КАК СРЕДСТВО КООРДИНАЦИИ ДЕЙСТВИЙ

Менее сенсационные случаи подобной же структуры сделали тем временем составной частью нашей повседневности. В структурном отношении речь здесь идет не о привычном процессе, что прогресс превращает прогресс вчерашнего дня в устаревший, нуждающийся в музеефикации прогресс. Напротив, речь здесь идет о том, что прогресс уже обгоняет прогресс, еще до того как он сделался полезным. В дополнение к техническому музею, делающему устаревшую технику доступной для современности, можно соответственно придумать воображаемый технический музей, который представляет нам проекты, чей период устаревания был короче, чем период, который был бы необходим для их реализации. Комплементарно к истории градостроительства существует также история залежавшихся планов градостроительного развития⁷. Существует история инноваций, так и оставшихся планами, и солидные истории техники или архитектуры позволяют нам ознакомиться с этим процессом. Подобные сведения умеряют эйфорию планирования. Тем не менее отсюда не следует, что тогда лучше сразу отказаться от планирования действий на обширные периоды времени в будущем. Дело тут в обратном: принуждение к планированию растет комплементарно к обусловленному цивилизацией уменьшающемуся темпоральному постоянству наших обстоятельств, и кроме того оно растет вместе с темпоральным масштабом последствий нашей вооруженной техникой деятельности.

Крупная техническая система, которая в большей мере, чем любая другая, сделала настойчивой необходимостью рациональной организации времени и рационального использования времени для раннеиндустриального сообщества, — это, как известно, железная дорога. Ее деятельность предполагает планы, которые носят характер последовательности действий с четко зафиксированными сроками выполнения. А именно речь идет о расписаниях, которые каждому релевантному для пользователей процессу темпорально устанавливают подходящий для индустриального общества календарь сроков на каждый день и каждую неделю года. Это привело, как известно, к введению стандартного времени, обязательного в пределах включенных в железнодорожную систему территорий. Кроме того, данное введение вынудило пользователей новой коммуникационной и транспортной системы рассчитывать свои действия в соответствии с этим временем и тем самым приучило к пунктуальности, и это относится даже к сразу же после этого начавшемуся использованию железнодорожного сообщения для рекреационных целей⁸. Без чрезвычайно возросшей скорости транспортирования грузопассажирских перевозок, с одной стороны, и транспортной мощности — с другой, которые сопутствовали появлению новой транспортной системы, не были бы возможны банальным образом перемещения массы грузов, быстро растущей вместе с развитием промышленности. То, что паровая машина позволяла производить по-новому, нуждалось в поставленной на рельсы паровой машине, чтобы эти товары можно было пере-

⁷ См. об этом: Durth W., Gutschow N. Träume in Trümmern. Planungen zum Wiederaufbau zerstörter Städte im Westen Deutschlands 1940–1950 // Konzepte. Bd. 1. Braunschweig; Wiesbaden, 1988.

⁸ Bagwell P.S. The Transport Revolution from 1770. London, 1974.

7. ИМПЕРАТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВРЕМЕНИ

мещать на большие расстояния в отдаленные места, причем с возросшей адекватно расстоянию скоростью.

Благодаря очевидности ее преимуществ железнодорожная система получила распространение несмотря на все препятствия, которые создавались в борьбе против нее. Видимо, с этой очевидностью предоставляемых ею жизненных преимуществ связано то, что железнодорожная техника уже давно проявила себя как порождающая ностальгию. Перед вокзалами на современных высокоскоростных участках устанавливаются как ностальгические реквизиты старые паровозы. Музеефицированные узкоколейки в сезон перевозят туристов по четкому расписанию в отдаленные горные долины. Процветает деятельность клубов, где собираются люди, увлекающиеся железнодорожными моделями. Можно предположить, что ностальгический эффект, порождаемый историзированной железной дорогой, связан с контрастом старых, так сказать, более мягких императивов использования времени и несравненно более жестких императивов, которым мы подчиняемся, попав в зависимость от техники. Железная дорога, повторим еще раз, как никакая другая крупная техническая система сначала в нескольких странах, а потом и шагнув на другие континенты, стандартизировала время, ввела повсюду планы использования времени в форме расписаний и приучила массовую публику к пунктуальности вплоть до минут⁹. Но тот, кто не опоздал на поезд и занял свое место, внезапно получал в свое распоряжение время, которое теперь оставалось только переждать, дожидаясь, например, прибытия в пункт назначения, а от скуки, которая угрожает нам там, где мы ничего не делаем, кроме ожидания протекания времени, пассажира спасала, если он не был слаб зрением, постоянная смена городских видов и сельских пейзажей, открывающихся из окна поезда. В противоположность этому современные скоростные поезда больше половины пути движутся в тоннелях. Их пассажиры выбрали маршрут, по которому каждый час идут поезда и который позволяет вовремя осуществлять их дневные планы. Соответственно, для того чтобы при нужной пересадке успеть на нужный поезд, необходимо, чтобы пунктуальность соблюдали и поезда, и сам пассажир. В случае задержек, вызванных техническими причинами, пассажир начинает нервно считать минуты, чтобы рассчитать, на какой поезд он успеет при пересадке, и обнаруживает, что из-за этих причин не успевает выполнить объем работы, намеченный в расчете на то, что поезда ходят точно по расписанию. Очередность движения поездов сжалась по времени подобно конвейерному процессу, и пассажирский поезд малой скорости, который в плане истории техники и вызвал, однако, этот процесс сжатия, становится при ностальгическом взгляде в прошлое метонимом для форм менее интенсивного в темпоральном отношении времяпрепровождения.

Конвейер с еще более грубой наглядностью, чем железнодорожная система, демонстрирует порожденную техническим развитием организацию времени

⁹ См. об этом: *Böhme H. Soziale Auswirkungen des technischen Fortschritts in historischer Perspektive // Lübke H. (Hrsg.). Fortschritt der Technik — gesellschaftliche und ökonomische Auswirkungen. Heidelberg, 1987. S. 1–27, S. 13 и далее.*

7.2. ВРЕМЯ КАК СРЕДСТВО КООРДИНАЦИИ ДЕЙСТВИЙ

и соответствующие этой организации императивы использования времени¹⁰. Образованные люди, настроенные критически к цивилизации, вспоминают при этом о гонке Чарли Чаплина наперегонки со временем, когда он стремится не стать помехой в производстве при возрастании скорости движения конвейера. Техника использования времени достигает у Чаплина совершенства, когда «изобретается кормящая машина.., которая автоматически насыщает рабочего, чтобы он не терял ни секунды времени»¹¹. Здесь, конечно, ничто не может вызывать ностальгии, причем в первую очередь потому, что императивы использования времени, вызванные техническими процессами и действительно не совместимые с темпоральной спецификой органических процессов, выполняются автоматами, способными, не выказывая нервозности, работать с точностью до микросекунд. Кошмаром для человека становится мысль о том, что его могут заставить делать то, что он не способен, и комплементарно к этому в воображении формируется картина такого времяпрепровождения, каким человек хотел бы его видеть. Мы еще вернемся к этой теме¹².

Сначала мы должны еще раз заняться расширением периодов планирования, которое навязывается в результате технически индуцированного удлинения цепочек действия. «How far do governments look ahead?»*¹³ — таков был вопрос, и ответ на него, который, несмотря на некоторые методологические трудности, может получиться вполне содержательным и эмпирическим, является существенным для выживания ответом в рамках цивилизационного развития, которое в быстро растущем числе случаев уже сейчас требует принятия решений, обеспечивающих реализацию отдаленных по времени событий или же, наоборот, противодействующих им. С озабоченностью констатируется не в последнюю очередь растущее расхождение между краткостью обычных для демократически устроенных политических систем легислатурных периодов, с одной стороны, и ширитой временных горизонтов — с другой, которые благодаря эволюции техники и промышленности открыты нам в отношении планирования и деятельности. В самом деле: то, что человек должен сделать, чтобы быть переизбранным, нужно сделать в несравненно более короткие сроки, чем то, что человек должен сделать, чтобы обеспечить в индустриальном обществе темпорально удаленные будущие условия жизни, и вопрос заключается в том, можно ли те немногие короткие шаги, которые нужно сделать в единственном легислатурном периоде для целей далекого будущего, представить перед избирателями как необходимые и, соответственно, одобряемые шаги. Напра-

¹⁰ Об истории конвейера см.: *Gidion S. Die Herrschaft der Mechanisierung. Ein Beitrag zur anonymen Geschichte / mit einem Nachwort von S. Von Moos. Frankfurt am Main, 1982. S. 101 и далее: «Fließband und wissenschaftliche Betriebsführung» (глава «Конвейер и научное руководство производством»).*

¹¹ *Ibid. S. 151.*

¹² См. ниже с. 317 и далее.

* «Насколько правительства дальновидны?» (англ.).

¹³ *Schneider G. How far do governments look ahead? A comparative analysis of the factors contributing to the variance in the time horizons of 40 states. Frankfurt am Main, 1989.*

7. ИМПЕРАТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВРЕМЕНИ

шивается рекомендация удлинить легислатурные периоды. Так и поступают в некоторых случаях, а в других случаях растянули период, во время которого в течение легислатурного периода кандидат не должен ориентироваться непосредственно на требования избирательных схваток, скоординировав сроки выборов с местными и региональными вышестоящими избирательными корпорациями. Рекомендация, которой в данном случае руководствовались, гласит: «Preventing the permanent election campaign». «The power struggle becomes less salient and the tendency to introduce policies based on inadequate temporal orientations is reduced»¹⁴. Между тем, однако, постоянно возрастает число законов, правовым образом открывающих для планирования государственной и иной общественной деятельности временные горизонты, которые значительно перекрывают временные горизонты легислатурных периодов. Планы регионального развития, например, простираются больше чем на два легислатурных периода, а именно больше чем на десять лет. Большинство предписываемых законом планов, однако, менее продолжительны. Что критикуют даже политики и порицают эти «скромные временные горизонты»¹⁵.

Но насколько реалистично долгосрочное планирование? Мы неверно понимали бы смысл планирования, если бы видели в нем практику организации последовательности операций, которые до того момента протекали хаотично. Наоборот, планирование относится компенсаторно к объективно снижающейся надежности гипотез о реальности, которые мы должны брать за основу наших решений, относящихся к будущему. Планирование предполагает наличие институтов, создающих такое пространство для последовательности действий, которое с помощью организационных средств поддерживается в состоянии, в некоторой степени свободном от вмешательства случая и тем самым в какой-то мере контролируемое с точки зрения возможности прогнозирования. В тривиальном, но практически совершенно релевантном примере речь идет о следующем: только потому, что рельсовый транспорт пользуется по закону преимуществом перед автомобильным, фикция планирования железнодорожного справочника, расписанного по минутам, является в известных пределах реалистической фикцией. Планирование не превращает до сих пор не упорядоченный процесс в надежно предсказуемую последовательность действий, создающую основу, на которую могут быть ориентированы процессы третьего и четвертого порядка с их собственными планами. Напротив, оно компенсирует объективно снижающуюся — вместе с возрастающей динамикой цивилизационной эволюции, а также вместе с комплексностью наших цивилизационных условий жизни — калькулируемость этих основ искусственными средствами современного прогнозирования, а также нормативно-институционального и

¹⁴ *Schneider G.* Op. cit. (См. примеч. 13.) S. 141. [«Не допускать бесконечной избирательной кампании». «Борьба за власть становится менее шумной, а тенденция к введению политики, основанной на неадекватных темпоральных ориентациях, снижается» (англ.).]

¹⁵ *Zöpel Ch.* Wie weit kann und muß der Staat in die Zukunft sehen? // Hesse J.J., Rolf H.-G., Zöpel C. (Hrsg.). Zukunftswissen und Bildungsperspektiven. Baden-Baden, 1988. S. 13–33, S. 23.

организационного обеспечения условий для последовательностей действий, на которые могли бы в какой-то мере полагаться процессы третьего и четвертого порядка с их собственными планами, в том числе в пределах значительных пространственных и временных дистанций. Границы этой надежности очерчивают границы, внутри которых можно интерпретировать цивилизационную эволюцию по аналогии с деятельностью (*handlungsanalog*). За пределами этих границ, естественно, действия, планы и реализации планов оставались важнейшими факторами эволюции. Но цивилизационный процесс, тем не менее, нельзя понять по аналогии с процессом реализации плана. Более того, его протекание носит характер эволюции, т.е. неизбежные эффекты пересечения планов и действий, которые наслаиваются друг на друга, мешают друг другу или даже поразительным, т.е. незапланированным образом, дополняют, случайно влияют на планы и на последовательности действий и делают совокупный процесс непредсказуемым. Тем настоятельней воспринимается принуждение к планированию, и ничто не является более подходящим для того, чтобы содействовать целям собственной деятельности — в той мере, в какой она зависит от деятельности других, — чем планирование времени, благодаря которому мы, пользуясь календарем и часами, темпорально координируем деятельность различных людей.

Это форсирует второстепенную добродетель пунктуальности, представляющую собой субъективную предрасположенность к действию. Речь идет здесь, как легко заметить, о специфической добродетели эпохи модерна. Ее зависимость от цивилизации, которая, как наша, без использования инструментов планирования времени («календарь») и измерения времени («часы») совершенно не смогла бы социально координировать действия, была описана неоднократно. «*Knowledge of the time must be combined with obedience — what social scientists like to call time discipline*», — а как же иначе это «знание» должно использоваться в сфере практического обхождения со временем¹⁶. Обозначение пунктуальности как второстепенной добродетели при этом можно даже считать вводящим в заблуждение. Это обозначение порождает видимость, что речь идет о добродетели, которой институты культуры, в первую очередь отвечающие за наставление в добродетели и за воспитание таковой, т.е. церковь и школа, должны будто бы интересоваться лишь между прочим. В действительности же, комплементарно к растущей объективной необходимости пунктуальности, у истоков новоевропейской цивилизации отсутствие пунктуальности немедленно расценивалось даже как грех — «*lateness sin*»¹⁷, что обеспечивало появление в религиозной культуре новых, специфических для цивилизации способностей обхождения со временем. Норберт Элиас описывал процесс цивилизации как процесс прогрессирующей смены непосредственно реализующихся в социальной сфере принуждений к действию, возникающих в ходе интеракций

¹⁶ *Landes D.A. Revolution in Time. Clocks and the Making of the Modern World. Cambridge (Mass.); London, 1983. P. 3.* [«Знание времени должно сочетаться с повиновением — тем, что социологи любят называть дисциплиной времени» (англ.).]

¹⁷ *Ibid.* [«Грех опоздания» (англ.).]

7. ИМПЕРАТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВРЕМЕНИ

небольших групп, самоопределяющихся к действию, на деятельность в институциональных рамках больших организованных групп. С ростом количества и комплексности социальных отношений, в которые действующему человеку нужно интегрироваться, растет принуждение к использованию календаря и часов как инструментов темпоральной координации действий, и одновременно растет давление ожидания, что люди будут ориентироваться на них¹⁸. Особое внимание к пунктуальности, которое у истоков цивилизации модерна возвело ее в ранг добродетели, сделалось для нас чуждым. Но это не потому, что пунктуальность и аналогичные добродетели использования времени стали сейчас не так нужны. Напротив, именно потому, что исполнение нормы достаточно защищено неприятными последствиями ее нарушения, эта норма поведения не нуждается в выразительном напоминании. Технические учреждения вроде социальных коопераций, если они успешны, непреложным образом зависят от компетенций использования времени действующих в них людей, а, в свою очередь, социальная способность к сотрудничеству действующих людей зависит от самостоятельного соблюдения сроков и времени.

Давление, порожаемое зависимостью нашей деятельности от планирования времени, является излюбленным объектом критики цивилизации. Мы еще вернемся к этому вопросу¹⁹ — к справедливому, равно как и бессмысленному содержанию этой критики. Пока достаточно будет еще раз повторить, что нормативная оценка периода начала Нового времени относит пунктуальность к добродетелям. За этим стоит не столько реализация обязательности, присущей добродетелям, сколько средство дисциплинирования, основанное на подтвержденном на опыте знании, что мы, действуя пунктуально, принимаем во внимание других людей и, таким образом, действуем морально во вполне обычном смысле. Кроме того, так же и здесь мораль как практика исполнения того, что мы должны другим, обычно является и весьма полезным, мало того, полезным для нас самих делом. Ибо это наши собственные интересы и потребности осуществляются в жизненной ситуации модерна с помощью сотрудничества, которое может быть успешным только как темпорально скоординированное сотрудничество. В нормальных ситуациях упорядоченной совместной жизни, если говорить о долгосрочной перспективе, то, что нам надлежит сделать, совпадает в целом с тем, что мы сами желаем и хотели бы, и при подтверждаемой жизненной практикой очевидности этого совпадения, которое в жизненной ситуации модерна является данностью, осуществляемой с пунктуальным соблюдением намеченных сроков, эксплицитная морализация пунктуальности стала излишней.

Часы в еще большей мере, чем календарь, стали символом цивилизации темпорально организованных взаимодействий. В отличие от календарей люди открыто носят часы, которые как инструмент измерения времени позволяют идентифицировать зафиксированные в календаре сроки, и это делает их по-

¹⁸ Elias N. Über die Zeit. Arbeiten zur Wissenssoziologie II / M. Schröter (Hrsg.). Frankfurt am Main, 1984.

¹⁹ См. наст. изд., с. 316 и далее.

7.2. ВРЕМЯ КАК СРЕДСТВО КООРДИНАЦИИ ДЕЙСТВИЙ

лезными для второстепенных символических целей. Прежде в качестве подарка к окончанию школы или к конфирмации они символизировали вступление в серьезный мир взрослой жизни как жизни, обязывающей к независимому, самостоятельному соблюдению темпоральных порядков. В качестве инструмента со специфическими функциями измерения времени они символизируют профессионализм, в качестве эксклюзивного товара, что подтверждается их ценой, — профессиональный или иной социальный вес, в качестве предмета роскоши — социальную привилегию неограниченного суверенитета в обращении со временем, наконец, в качестве модного товара они символизируют свободу досуга.

В остальном потребность в часах распространена в обществе даже больше, чем потребность в календаре. Календари как инструменты планирования сроков становятся поистине необходимыми только в случае относительно высоко индивидуализированной последовательности условленных сроков и, вместе с тем, темпоральной координации действий. А от часов зависит каждый человек, который должен знать, который час, чтобы иметь возможность встроиться со своими решениями и действиями в принятые в обществе и всеобщие признанные последовательности действий, отраженные, например, в общедоступных расписаниях движения транспорта. Но в этом почти все и дело, когда речь идет о жизненных контекстах модерна. Соответственно часы в обществах модерна вездесущи, и это отражается в развитии «world production of watches»*. За 30 послевоенных лет оно возросло, если брать в целом основные страны-производители, более чем в 10 раз, от примерно 21 млн в 1945 г. до примерно 224 млн в 1975 г.²⁰

Уже только в силу своего несравненно более широкого распространения в обществе часы лучше, чем календарь, подходят для символизации тех императивов использования времени, которым мы подчинены в цивилизации модерна. Кроме того, зафиксированные в календаре периоды в их динамическом аспекте всегда можно вспомнить, перелистывая его, тогда как часы — это течение времени, представленное в образе нормированного кругового движения, многократным повторением которого мы измеряем темпоральную протяженность фактических движений. И наконец, с начала эпохи Просвещения точную часовую механику стало возможно интерпретировать как осязаемый символ принудительного характера жизненных условий модерна. Скорости можно увеличивать, но не ход времени. Ходу времени свойственно беспощадное однообразие, подобное качанию маятника, и безальтернативный функционализм часового механизма, видимо, есть напрашивающаяся метафора для формы сотрудничества индивидов в обществе, которое живет по часам²¹.

* «Мирового производства часов» (англ.).

²⁰ См. со ссылкой на приводимые там производственно-статистические источники: *Landes D.S. Op. cit.* (См. примеч. 16.) P. 386.

²¹ О метафоричности часов в контексте истории часов см.: *Mayr O. Uhrwerk und Waage. Autorität, Freiheit und technische Systeme in der frühen Neuzeit / aus dem Amerikanischen von F. Griese. München, 1987.*

7. ИМПЕРАТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВРЕМЕНИ

На деле же социальные отношения, которые адекватно трактовались бы метафорическим эталоном часового механизма, имели бы характер авторитарной системы. Соответственно появилась даже история «отрицания метафоры часов во имя свободы»²², и в качестве технической метафоры для либеральных систем предлагаются вместо этого «метафоры весов и равновесия»²³. Политическая метафорика Великобритании действительно подтверждает такое предпочтение весов по сравнению с часами, что, по-видимому, уже в начале XVIII в. впечатляющим образом предвосхищает тенденцию принудительного характера цивилизации, которой свойственно техническое планирование времени при сплошной заорганизованности. Тем не менее то, что делает часы подходящими в качестве метафоры систем принуждения, это только их механика, а не их функция как инструмента измерения времени с целью координации технических или социальных действий. Измерение времени позволяет нам им распоряжаться, а вместе с доступностью времени как измеряемой величины также расширяются — в технических и социальных сферах — наши возможности для действия. Но расширяющиеся возможности для действий — это не что иное, как прагматическое содержание расширения нашей свободы. Вот почему именно в тех высокоразвитых технических цивилизациях, где часы стали вездесущими, свобода также приобрела свою высшую культурную и политическую ценность. Ниже будет показано, что здесь нет никакого противоречия.

²² См.: *Mayr O. Op. cit.* (См. примеч. 21.) S. 149 и далее.

²³ *Ibid.* S. 169 и далее.

8. ВЫИГРЫШИ
ВО ВРЕМЕНИ
И КУЛЬТУРНЫЕ
ПОСЛЕДСТВИЯ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ВРЕМЕНИ

8.1. Время как свобода

Приводимые до сих пор описания эволюционной динамики нашей научно-технической цивилизации можно подытожить следующим образом. Во-первых, в науке и технике растет количество инноваций в единицу времени, причем экспоненциально. Это тривиальным образом означает, что величина темпов роста скорости инноваций как таковая имеет характер исторической константы. Действительно, были измерены эволюционные сдвиги также и для ранних цивилизационных эпох, которые по своей динамике вполне аналогичны динамике нашей теперешней цивилизации. Это относится к Средневековью¹, и даже к первобытной истории и ранним историческим периодам². Но лишь значительно позднее цивилизационная динамика достигла таких масштабов, которые сделали ее в пределах жизненного цикла тех трех поколений, которые были в состоянии непосредственно обмениваться своим жизненным опытом, необозримой и агрессивной в отношении выгод и недостатков. Такая ситуация возникла с начала так называемой промышленной революции. С той поры индустриальное общество живет культурно в сознании своей собственной историчности и исполнено надеждой на прогресс и, комплементарно к этому, критикой прогресса. Во-вторых, в ходе истории промышленности постоянно сокращались сроки между научно-технической инновацией, с одной стороны, и ее хозяйственным использованием — с другой. Сокращение этих сроков совершается при этом не только фактически. Оно становится программой, в результате чего мы эксплицитно следуем императивам использования времени, тем более, что находимся под давлением конкуренции. В-третьих, научно-технические инновации в контексте индустриального общества имеют в немалой своей доле прагматический смысл повышения продуктивности, т.е. повышения скорости производства или также увеличения количества производимых товаров в единицу времени. В-четвертых, экономические преимущества достигаемого при этом снижения производственных издержек обычно вынуждают — опять-таки преимущественно под давлением конкуренции — принимать участие в соответствующих процессах модернизации, и императив, согласно которому необходимо держаться на высоте эпохи, приобретает неизбежный характер. В-пятых, с ростом количества продукции, а также ее спецификации, которая, будучи зависима от современных производственных процессов, также драматически возрастает, повышается пространственная и социальная значимость рынков. В-шестых, тем самым расширяется транспортная сеть, точнее говоря, растет объем массовых грузовых и пассажирских перевозок, предпосылки для чего создала революция в транспортных технологиях.

¹ См. об этом: *White L. Medieval Religion and Technology. Collected Essays.* Berkeley; Los Angeles; London, 1978.

² См. об этом: *Narr K.J. Zeitmaße in der Urgeschichte.* Rheinisch-Westfälische Akademie der Wissenschaften. G 224. Opladen, 1978.

8. ВЫИГРЫШИ ВО ВРЕМЕНИ И КУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Рост количества товаров, нуждающихся в распространении, а также увеличение пространственных расстояний, на которые необходимо транспортировать товары, настоятельно требует увеличения транспортной скорости, чего технически поначалу удалось добиться в системе железнодорожного транспорта. В-седьмых, рост скорости транспорта в сочетании с расширением пространства, доступного для транспортной техники, требует стандартизации времени как средства координации действий и вместе с тем введения и использования временных распорядков последовательности действий — в первую очередь в виде транспортных расписаний. В-восьмых, институционально нормированное время, которое в интересах успешного сотрудничества в пределах все более расширяющегося пространства стремятся учитывать вплоть до все более мелких единиц, требует изменения культуры поведения, касающегося обращения со временем. Добродетель пунктуальности становится все более востребованной. Непунктуальность приводит к исключению из социальных шансов на коммуникацию и сотрудничество, и инструментарий для синхронизации хода действий и планирования охватывает современную общую культуру — от часов, которые каждый человек носит при себе, до карманных ежедневников. Темпоральная дисциплина становится, согласно описанию Норберта Элиаса, одним из тончайших следствий цивилизационного процесса³.

Удивительно, но факт, что второстепенная добродетель пунктуальности в последнее время сделалась объектом жесткой критики цивилизации. Это озадачивает, ибо все же в цивилизации, в которой как никогда прежде время как средство координации действий стало настойчиво необходимым, пунктуальность представляет собой социальную добродетель первостепенной важности. Быть непунктуальным означает, что человек заставляет ждать других, и нелегко понять, что же может оправдать человека, протестующего против добродетели, пренебрежение которой заставляет других ждать. Возможно, при этом полагают, что ожидание — как особенно неприятное времяпрепровождение, когда человек, главным образом, зациклен на течении времени, — является, в свою очередь, одним из состояний, нуждающихся в критике цивилизации. Почему же мы ждем, когда время пройдет, вместо того чтобы спокойно пребывать в нем? В самом деле, ждать в раздраженном состоянии, в которое нас приводит непунктуальность других, есть неудобство специфически современного образа жизни, и места, где мы находимся, когда вынуждены кого-нибудь ждать, как правило, мало подходят для того, чтобы ощущать время не как время ожидания, а как время полнокровной жизни. Однако поскольку цивилизационную ситуацию, в которой мы пребываем, нельзя изменить посредством революции в сознании или с помощью иной операции во внутреннем мире наших цивилизационных современников, все остается по-прежнему: непунктуальность остается преступлением, состоящим в растрате времени наших партнеров по сотрудничеству, — во всяком случае, до тех пор пока мы со своей стороны не хотим в целом отказываться от жизненных преимуществ цивилизации мо-

³ *Elias N. Über die Zeit // Schröter M. (Hrsg.). Arbeiten zur Wissenssoziologie II. Frankfurt am Main, 1984.*

дерна. Осознав цивилизационно-специфическую необходимость добродетели пунктуальности, можно, конечно, проклинать нашу цивилизацию, но едва ли можно всерьез оспаривать эту необходимость, принимая во внимание условия этой цивилизации. Кто, тем не менее, пренебрегает этой добродетелью, то ли по неспособности, то ли из упрямства, в кратчайший срок убедится в том, что его будут воспринимать как человека, неспособного к сотрудничеству. Культура непунктуальности с целью критики цивилизации означает в этом отношении исключение себя из шансов на социальную коммуникацию и сотрудничество, а кто, например, будучи учителем, рекомендует юным гражданам пренебрежение пунктуальностью в качестве высшей морали сопротивления цивилизации, лишает их тем самым условия, обеспечивающего преимущества цивилизации модерна, и обрекает их на то, что вместо выгод нашей цивилизации они на опыте познают ее недостатки.

Без ущерба для жизненно-практической очевидности этих взаимосвязей критика цивилизации как критика темпоральной структуры цивилизации модерна становится в настоящее время все более энергичной. Сегодня даже церковные съезды избирают в качестве темы критику той жизненной формы культуры, которую отличает всеприсутствие часов и календарей. Евангелический съезд в Берлине (1989) проходил под названием «Наше время в руках Божиих», а изданная по этому поводу книга для чтения перифразирует это название с критической по отношению ко времени рефлексией, которую здесь считают давно назревшей⁴. Цивилизация под контролем часов предстает как цивилизация ставшего универсальным императива использования времени. «Время сделалось товаром. Время как товар на рынке в дефиците. Поэтому экономия времени — все равно что экономия наличных денег»⁵. Это можно рассматривать как описание известного принципа взаимозаменяемости времени и денег, который в условиях действия экономических императивов использования времени, порожденных техникой, становится непреложным и нормирующим для нашего поведения. История техники и социальная история, с которыми связан общеизвестный уже в начале Нового времени топос «Time is money», исследованы вдоль и поперек. Значимость данного топоса сохраняется, и доля наших цивилизационных современников, которые ему подчиняются, все еще увеличивается. Однако по крайней мере в исторической перспективе непонятно, почему тем самым «время должно полностью лишиться своего спасительного характера»⁶. Все же опыт нехватки времени, с культурно-исторической точки зрения, не в последнюю очередь есть опыт, берущий начало в эсхатологическом ожидании. Разумеется, это дьявол знает, что «немного ему остается времени»⁷.

⁴ Alles hat Seine Zeit. Zeit-Zeugnisse. Ein Lesebuch zum Kirchentag 1989. Zum Einlesen, Meditieren, Vorbereiten. Herausgeber: RAST (Arbeitsstelle der Evangelischen Kirche von Westfalen für den Kirchentag Ruhrgebiet 1991), durch S. Berendsen und A. Buss. Bielefeld, 1989.

⁵ Jäger A. Zeitgemäßer Umgang mit der Zeit // Op. cit. (См. примеч. 4.) S. 8–9, S. 8.

⁶ Peddinghaus C. Was ist los mit der Zeit? // Ibid.

⁷ Откр. 12, 12.

8. ВЫИГРЫШИ ВО ВРЕМЕНИ И КУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Но это все же не означает, в библейской перспективе, что мы, противостоя дьяволу, комплементарно к дьявольской спешке должны во всем проявлять неспешность. Напротив, это означает, что мы, с нашей стороны, чтобы предупредить его козни в ожидании Спасения, должны поспешать. Если резюмировать эту тему с точки зрения истории воздействия, то получится следующее: из представления об «ускорении течения событий священной истории последних времен, которому верующие подвергаются по воле Бога, проистекали колоссальные исторические последствия, которые коренным образом изменили всю историю человечества. Лишь вследствие этой идеи ускорения историческое сознание людей расширилось до универсального, объемлющего все человечество исторического сознания»⁸. Специфически современный опыт нехватки и давления времени, включая императивы использования времени, порожденные технико-экономическими причинами, есть безусловно восходящий к христианству опыт, так что необходимы более детальные объяснения, когда собравшимся на церковный съезд участникам заявляют, что воспринимаемое как дефицит время — «каждая минута на вес золота» — есть время, «полностью лишенное своего спасительного характера».

Разъяснения в цитируемой книге для чтения к церковному съезду действительно даются, но они не вполне убедительны. «Каждая минута на вес золота» — такая формулировка еще в начале XIX столетия была бы воспринята как явный эсхатологический призыв⁹. Но теперь именно этот императив использования времени отвергается в рамках критики цивилизации, причем на основании того аргумента, будто на ценности минут зациклены сегодня преимущественно те, кому одновременно наплевать на то, «что в результате произойдет»¹⁰. К кому или к чему должно подходить это описание? Догадываешься: речь идет здесь о реликте той восходящей к марксизму критики овеществления, квинтэссенцией которого является трансформация потребительских товаров в Товары, для которых действительно справедливо, что они по своей ценности, выраженной в цене, каковой они добиваются на рынке, «полностью ценностно нейтральны по отношению к ... содержанию» — в отличие от потребительской полезности этих товаров. Однако понятность этой критики, прозвучавшей на церковном съезде в адрес богатого традициями учения о ценности ограниченного времени, не в последнюю очередь дошедшего до нас из религиозных преданий, добыта обманным путем. Товары — и это верно — нейтральны в их рыночной цене по отношению к их потребительской полезности. Но это просто банальное суждение о том, что только по цене невозможно понять, чем хорош продукт, который попал на рынок как товар. Однако это ничего не меняет в отношении другой банальности, что цену могут получить только такие товары, которые

⁸ Benz E. Akzeleration der Zeit als geschichtliches und heilsgeschichtliches Problem. Akademie der Wissenschaften und der Literatur zu Mainz. Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse. Mainz, 1977. Nr. 2. S. 11.

⁹ О пророчествах, связанных с ускорением времени, к началу индустриальной эпохи см.: Benz E. Op. cit. S. 38 и далее.

¹⁰ Jäger A. Op. cit. (См. примеч. 5.) S. 8.

на рынке находят покупателей, и последние обычно знают, для чего годится то, что они покупают. Здесь нет ничего «полностью ценностно нейтрального», а высказывание, что ценностно-нейтральное «время товаров» сделалось даже «мировым временем», есть литературная поза в духе критики цивилизации, но плохая феноменология. Когда же, более того, заявляется, что время товаров, ставшее мировым временем, шагает «как империалистическая сеть порядка по всей планете Земля» и разрывает «все жизненные и культурные сферы», подчиняя их «сочтенным и рассчитанным часам, минутам и секундам»¹¹, то мы имеем дело с эссеистикой в дурном значении этого слова, которая, тем не менее, уместна на церковном съезде, если его темой является опыт времени.

Какие идеалы темпорального образа жизни кроются за процитированными выражениями, можно выяснить, основываясь на вынесенном затем предложении дать возможность детям в ходе богослужения пережить время как «благодатный дар Бога». Вначале здесь призывают «спонтанно высказаться», поставив вопрос о свободе распоряжения временем: «что было бы, если бы я мог сам распоряжаться своим временем...». По контрасту с этим в «беседах за круглым столом» рекомендуется обсуждать «необходимые» действия, которые «скучны» (школа, домашние задания, уборка комнаты и т.п.)¹². Все это читается как инструкция из иронического руководства «Как стать несчастным», хотя все подразумевается всерьез. Это и нужно воспринимать всерьез. Свидетельства относительно принудительного характера распоряжения временем в эпоху модерна являются совершенно своевременными, и критика цивилизации сегодня представляет собой не в последнюю очередь протест против такого времени, которое воспринимается не как свобода, а как порабощение свободы с помощью школьных и транспортных расписаний, календарей и часов.

Не только в книгах для чтения, издаваемых для подготовки к церковным съездам, но также и в профессиональной социологической литературе мы встречаемся сегодня с критикой цивилизации модерна как цивилизации экспроприации времени (*Zeitenteignung*). Хельга Новотны придумала ставшее популярным симпатичное словечко «*Eigenzeit*» — «личное время» — для времени, которое комплементарно к этому люди хотели бы отвоевать для себя¹³. «Сегодня люди в который раз ощущают своеобразное и до сих пор неслыханное желание: они хотят больше времени для себя самих»¹⁴. Если смысл процитированной фразы действительно таков, каким он представляется простодушному читателю, то нужно допустить, что и прежде люди позволяли себе желать располагать временем для себя самих, и этому желанию суждено было тогда исполниться. Однако наша современная цивилизация поставила нас в такие жизненные условия, в которых мы не имеем времени для себя самих, так что мы

¹¹ Ibid. S. 9.

¹² Witte F., Buss C. Zeit sparen — Elemente für Kinder und Familiengottesdienst // Op. cit. (См. примеч. 4.) S. 12–18, S. 13.

¹³ Nowotny H. Eigenzeit. Entstehung und Strukturierung eines Zeitgefühls. Frankfurt am Main, 1989.

¹⁴ Ibid. S. 19.

8. ВЫИГРЫШИ ВО ВРЕМЕНИ И КУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

именно поэтому находимся в поисках потерянного личного времени, и современники, глубоко прочувствовавшие давление времени нашей цивилизации, находят это «неслыханным». Ностальгически цитируется в качестве приговора, прозвучавшего из уст представителей домодернового аграрного общества, что часы есть «мельница черта»¹⁵. В отличие от «мелких крестьянских общин или сообществ рыбаков» наша повседневность «конституируется посредством показываемого часами времени, лишенного качественных характеристик»¹⁶. Нетрудно догадаться, кто украл у нас качественное время. Ведь «дефицитным» «время становится только в тот момент, когда оно соприкасается с деньгами», т.е. все дело в «капитализме», который из безусловно напряженного, но все же свободного от давления времени «рабочего дня» («Werktag»), отличающего доиндустриальный образ жизни, создал лишенную качественных характеристик и отрегулированную по часам «повседневность» («Alltag») общества, в котором главенствуют интересы увеличения капитала¹⁷. Приведенные фразы из эссе известного автора характерны для актуальной критики цивилизации, когда она выступает как интеллектуальный бунт против давления времени, характерного для жизни в обществе модерна. Однако при этом забывают упомянуть один момент, дополняющий эту критику капитализма. Императивы использования времени, против которых здесь выступают социология и социологизирующая литература, присущи, очевидно, не только капитализму. Не будь это так, оказались бы верными те инсинуации, которые утверждают, что альтернатива капитализма и его предполагаемая некоторыми теоретиками истории общественно-организационная формация — наследник, т.е. социализм освободит нас вместе с освобождением от капитала так же, как и от капиталистического гнета использования времени. Но правда заключается в том, что улучшение темпоральной организации нашего труда, производства и хозяйствования, ориентированного на использование времени, является в целом специфичным для индустриального общества, а тем самым и нейтральным по отношению к тому, идет ли здесь теперь речь о «капиталистической» или «социалистической» форме индустриального общества. Во всяком случае можно сказать, что та косность, которая широко затронула — вопреки замыслу — реально существующий социализм, лишила его той толики привлекательности, которая исходит от капитализма. И даже «личное время», которое получили люди в результате дезорганизации, обусловленной центральным планированием, все равно не смогло, как известно, сделать привлекательным реально существующий социализм.

Однако приписывается ли утрата «личного времени», на что жалуется актуальная критика цивилизации, именно «капитализму» или же императивам использования времени в индустриальных обществах модерна в целом — в лю-

¹⁵ Так у Клауса Лерманна с отсылкой к репортажам Пьера Бурдьё об отношении ко времени жителей алжирской сельской местности: *Laehrman K. Alltags-Zeit. Bemerkungen über die unauffälligste Form sozialen Zwangs // Kursbuch. 1975. Nr. 41. S. 87–105, S. 90.*

¹⁶ *Ibid.* S. 91.

¹⁷ *Ibid.* S. 94, 93.

бом случае на экспроприацию личного времени во весь голос жалуются повсеместно. Разрабатываются программы его возврата. Даже реклама пользуется этим, и на упаковке кускового сахара для кофе рекомендуют употреблять его, обещая нам момент, когда «Et soudain le temps s'arrête»¹⁸. Подобная реклама не была бы рекламой, если бы не опиралась на знакомый каждому опыт, и такого опыта достаточно для разработки небольшой философии кофейни, основанной на анализе времени. Но культуркампу, развернувшемуся за возврат экспроприированного личного времени, свойственны и преувеличения. Психически нормальному человеку присуща способность адекватного восприятия реальности, и ориентация на универсальность того времени, которое позволяет нам на больших пространствах и на длительные времена регионально и социально координировать наши действия с действиями других, является условием этой способности адекватного восприятия реальности. В связи с этим психиатр по праву озабоченно регистрирует, что «странным образом стало модой» «не носить часов, не придерживаться условленных сроков» или другим образом предупреждать об отказе от обязательства соблюдать согласованное всеми время. Это следует расценивать «как инфантильный протест против «порабощения» со стороны ежедневников и «давления обстоятельств» (Sachzwänge)»¹⁹.

Ряд подобных наблюдений за протестом против принудительного характера времяпрепровождения в обществах модерна можно долго продолжать. Получилась бы впечатляющая картина современного опыта нехватки и давления времени, и в самом деле напрашивалось бы предположение, что это давление времени объективно и универсально действует угнетающе на нас — до тех пор пока мы выполняем условия цивилизации модерна. Тем не менее данному опыту нехватки и давления времени присуща определенная односторонность. Он является комплементарным по отношению к тому факту, что время ни в одном обществе прежде не было в определенном отношении более доступно, чем в индустриальном обществе модерна. Это можно наглядно проиллюстрировать следующим образом. С этой целью я напомним об элементах культуры повседневности, знакомых каждому из нас. Эти элементы создают нормальность нашей повседневности, и именно поэтому они, будучи привычными и хорошо знакомыми, как правило, не являются интересными для сообщений о них в СМИ. Речь идет об элементах, в которых исполнилось предвидение романтика Карла Маркса — вот только парадоксальным, на первый взгляд, образом сначала в общественно-политическом контексте капитализма. Речь идет о предвидении завершающего историю состояния полноты, когда мы больше не влачим в муках наши дни, больше не проводим их, будучи отчужденными от самих себя, погруженные в деятельность, где господствует глубокое разделение труда, а напротив, выполнив свои профессиональные обязанности, отправляемся

¹⁸ Merkur kaffee, sucre Aarberg. [«И внезапно время остановилось» (*фр.*.)]

¹⁹ Heimann H. Zeitstrukturen in der Psychopathologie // Die Zeit. Schriften der Carl Friedrich von Siemens Stiftung / A. Peisl, A. Mohler (Hrsg.). Bd. VI. München; Wien, 1983. S. 59–78, S. 59.

8. ВЫИГРЫШИ ВО ВРЕМЕНИ И КУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

на охоту и рыбалку, или же посвящаем свое время интеллектуальным формам деятельности, характерным для критических критиков²⁰.

Расцвет культуры повседневности — этот характерный для модерна феномен, который целесообразно актуализировать, занявшись фальсификацией высказываний знаменитых культурпессимистов. Теодор В. Адорно — этот, помимо прочего, первоклассный теоретик музыки и блестящий знаток и любитель наших музыкальных традиций, рискнул в середине 1950-х годов предсказать, что наше домашнее музицирование отомрет. Причина мрачного прогноза Адорно была следующая: постоянно растущее совершенство в техническом воспроизведении всех важных произведений нашей музыкальной культуры постепенно избалует наш слух таким образом, что мы рано или поздно уже не будем в состоянии выносить звуки, извлекаемые в ходе наших домашних занятий.

Звучит это убедительно. Однако фактическое развитие культуры демонстрирует нам полную противоположность этого. Пассивное, ставшее технически возможным потребление воспроизведенной музыки не привело к отмиранию активного музыкального исполнительства, более того, оно возросло в невиданных дотоле масштабах. Никогда прежде не существовало так много камерных музыкальных кружков, как сегодня. Среди наших бесчисленных школьных оркестров немало таких, которые достигли уровня, достаточного для участия в гастрольных поездках. В наших музыкальных школах для детей и юношества не хватает учебных мест, чтобы удовлетворить спрос, и пока количество посещений церкви стагнирует, число членов духовых оркестров растет. Очевидно, было бы странным, если бы полноту действий, совершаемых при подобных и аналогичных занятиях, мы стали бы анализировать в аспекте давления времени, которому люди подвергаются, решившись на участие в данных занятиях. Речь же при этом идет о полностью автономных решениях, которые в темпоральном аспекте дела демонстрируют не давление времени, а скорее суверенитет в отношении времени.

Нечто подобное относится также к тому типу обращения со временем, который проявляется в расцвете нашей повседневной культуры чтения. И снова тот самый Адорно в середине 1950-х годов наряду с закатом домашнего му-

²⁰ *Marx K., Engels F. Die deutsche Ideologie. Kritik der neuesten deutschen Philosophie in ihren Repräsentanten Feuerbach, B. Bauer und Stirner, und des deutschen Sozialismus in seinen verschiedenen Propheten // MEW (Marx/Engels Werke). Bd. 3. Berlin, 1981. S. 9–530, S. 33. Рус. пер.: Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 3. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 32. Здесь о будущем коммунистическом обществе говорится следующее: «тогда как в коммунистическом обществе, где никто не ограничен исключительным кругом деятельности, а каждый может совершенствоваться в любой отрасли, общество регулирует всё производство и именно поэтому создаёт для меня возможность делать сегодня одно, а завтра — другое, утром охотиться, после полудня ловить рыбу, вечером заниматься скотоводством, после ужина предаваться критике, — как моей душе угодно, — не делая меня, в силу этого, охотником, рыбаком, пастухом или критиком».*

зицирования возвестил также упадок культуры чтения. Серьезность такого пророчества не нуждается в детальном обосновании в культуре, которая все же основана на книге. Адорно пришел к выводу, что тогда в США уже наблюдаемое, а в Европе только формирующееся массовое потребление телевидения, воздействие которого стимулирует пассивность, лишит людей способности совершать интеллектуальные усилия по чтению книг. Очевидно, и этот прогноз был опровергнут полностью фактами статистики в области культуры. Франкфуртская книжная ярмарка, крупнейшая книжная ярмарка в мире, вторгаясь на другие рынки из года в год, уверенно демонстрирует новые рекордные показатели — и по сбыту, и по обороту, и по количеству названий. Разумеется, отформатированный под бестселлер большой развлекательный роман, которые можно было бы рекомендовать как эквивалент телевизионных развлекательных передач, переживает трудности. Но все, что способствует продолжению образования, да и просто повышению уровня образованности, пользуется невиданным дотоле спросом. Особо это относится также к той литературе, от которой мы зависим с точки зрения увеличения наших компетенций, связанных с образом жизни за пределами профессиональной сферы, включая литературу по садоводству, книги о путешествиях и руководства «Do-it-yourself» («Сделай сам»).

Есть и скептическое возражение: книги сегодня, безусловно — сомнений тут быть не может, — будут покупать, но вот читать их — вряд ли. Правда, что сегодня покупают значительно больше, чем при самом большом желании можно было бы прочесть. Тем не менее неверно, что сегодня приобретение книг все еще служит только целям демонстративного культурного потребления. Книги в мягкой обложке, к примеру, вовсе не годятся для этой цели, а небывалое распространение изданий классической литературы происходит именно в этом формате. То, что покупается больше, чем читается, не означает, что читают меньше; дело в том, что мы одновременно читаем и больше, и более избирательно. К этому эффекту специфического для обществ модерна возрастания избирательности нашей культуры мы еще вернемся²¹.

Знакомство с изобразительным искусством переросло в массовый интерес, и только снобистским высокомерием можно объяснить, когда в культурно-теоретической оценке этого процесса напирают преимущественно на слово «масса» в понятии «массовый интерес». Массы, конечно, осаждают наши музеи, но численность музеев сегодня не в последнюю очередь легитимируется их массовой популярностью, а без массового распространения суверенитета в обращении со временем и вовсе не возникла бы та массовая популярность, которой сегодня у публики пользуются произведения изобразительного искусства. *Nota bene*: то, что можно наблюдать в этом отношении, противоречит также известному культур-пессимистическому диагнозу Вальтера Беньямина. Даже тот, кто обычно совсем не знаком с богатым творчеством Вальтера Беньямина, знает его фразу о неизбежной утрате ауры художественного произведения в эпоху

²¹ См. наст. изд., с. 326 и далее.

8. ВЫИГРЫШИ ВО ВРЕМЕНИ И КУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

его технической воспроизводимости²². Популярность этого тезиса связана с иллюзией его убедительности. В действительности эта иллюзия призрачна. Репродукции «Подсолнухов» Ван Гога, напечатанные в издательстве «Пипер», висят в каждой комнате, где живет молоденькая девушка. Утрачивает ли из-за этого оригинал свою ауру? Здесь явно имеет место полная противоположность этому. О чем речь уже шла выше²³. Если выразить это в категории цен, то это означает, что оригинальная картина «Подсолнухи», если только она появится на рынке, будет стоить сегодня десятки миллионов. В плане выставочной практики это выражается в том, что произведение искусства, которое люди никогда не видели, но которое было воспроизведено миллионными тиражами, является сегодня в его оригинальной форме объектом массового паломничества нашей современной публики — посетителей музеев и выставок.

Ясно, что культур-пессимистические диагнозы Адорно и Беньямина были опровергнуты реальным развитием культуры, и мне бы хотелось воспользоваться высказыванием Адорно, чтобы объяснить, почему он оказался не прав. Тогда же, в середине 1950-х годов я услышал, как Адорно заявил: время и деньги — суть мера свободы. Тогда для нас, молодых граждан также молодой Федеративной Республики Германии, которую мы как раз, причем настойчиво, поставили на конституционный и политический республиканский фундамент, а слово «свобода» обычно произносилось с некоторым пафосом, это прозвучало несколько цинично. Тем не менее то, что Адорно имел в виду, осталось ясным и важным: время и деньги суть мерила владения свободой, и по этим меркам, дополняющим обеспеченную в правовом и политическом отношениях свободу граждан, никогда никакая цивилизация не была свободнее, чем цивилизация нашего индустриального общества модерна.

Нет необходимости подкреплять это положение ссылкой на нашу социальную статистику²⁴. Доля жизненного времени, которую мы сегодня проводим вне профессиональных обязанностей, расширилась беспримерно в историческом плане. «Досуг» является совершенно неподходящим понятием для актуализации этого состояния. «Досугом» можно было назвать свободное время, не занятое профессиональными обязанностями, в эпохи, когда время профессиональной занятости полностью доминировало в среднем сроке жизни. В настоя-

²² Benjamin W. Das Kunstwerk im Zeitalter seiner technischen Reproduzierbarkeit // Benjamin W. Das Kunstwerk im Zeitalter seiner technischen Reproduzierbarkeit. Drei Studien zur Kunstsoziologie. Frankfurt am Main, 1963. S. 7–63, S. 19. Рус. пер.: Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости / пер. с нем. С. Ромашко // Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. М.: Медиум, 1996. С. 66–91, с. 25. Здесь говорится: «Освобождение предмета от его оболочки, разрушение ауры — характерная черта восприятия, чей “вкус к однотипному в мире” усилился настолько, что оно с помощью репродукции выжимает эту однотипность даже из уникальных явлений».

²³ См. наст. изд., с. 104 и далее.

²⁴ Цифровые показатели для примера см. у Фридриха Хегнера: Hegner F. Zur Entwicklung von erwerbsgebundener und erwerbsfreier Zeit // Hesse J.J., Zöpel C. (Hrsg.). Neuorganisation der Zeit. Baden-Baden, 1987. S. 33–81.

щее время доля жизни, которую мы сегодня проводим вне профессиональных обязанностей, выросла до такой степени, что она — будучи временем досуга — уже не может быть преисполнена полнотой смысла жизни. Задача проживания жизни в эпоху модерна — генерировать смысл из свободы — требует от нас более серьезных форм самодеятельности (*Selbstbetätigung*), чем те способы времяпрепровождения, которые у нас все еще в первую очередь ассоциируются со словом «досуг».

То, как мы сегодня в сфере культуры повседневности автономно трансформировали свободу в смысл жизни, выходит, разумеется, далеко за пределы культурных занятий в смысле узкого понятия культуры и охватывает гораздо большую область, чем посещения музеев, чтение классической литературы или разнообразные формы активного или пассивного обращения к музыке. Сюда вполне можно отнести, например, теневую экономику²⁵. Речь идет о нерегулируемых налоговым и трудовым правом видах деятельности, создающих добавленную стоимость (*wertschöpfenden Tätigkeiten*), которые, по оценкам наших экономистов, позволяют ежегодно производить товары и услуги стоимостью от 8 до 10% ВВП, т.е. в размере около 200 миллиардов марок. Быстро становится понятным, что для объяснения этой теневой экономики, в сфере которой трудятся, не жалея сил, не работает ссылка на экономический фактор трудовых издержек, и в особенности издержек на заработную плату. Здесь также задействованы амбиции по самореализации. Уровень компетенций современных профессий постоянно возрастает, а согласно классической теории счастья, восходящей к Античности, мы не в последнюю очередь можем достичь жизненного счастья, когда используем свои умения. Соответственно низка вероятность того, что люди могут продолжительное время быть заинтересованными в том, чтобы все больше уменьшать и ограничивать реализацию своих профессиональных компетенций, сокращая свое рабочее время, и если именно это происходит в рамках тарифного соглашения, то надо считаться с тем, что тогда профессиональные компетенции будут выполняться и использоваться уже вне рабочего времени, уделяемого профессиональной деятельностью. Ведь у знаменитого дирижера или крупного ученого остается привилегия продолжать осуществлять свою профессиональную деятельность вне отмеренных часов служебных обязанностей?

Садоводческая культура также процветает, и на этом простом примере можно наглядно показать, как структурно реализуется обозначенное состояние: если посев взошел, то за ним надо ухаживать, его надо обрабатывать, и день проходит осмысленно. Самоопределение через постановку задач, объективно бросающих вызов, — вот в чем дело. Даже экстремальный спорт в точности следует этой прагматике. Еще в прошлом столетии восхождение на отвесные

²⁵ На тему теневой экономики, значение которой постоянно растет в социально-экономико-политическом значении, см. также в смысле данного различия теневой экономики, с одной стороны, и нелегальной работы — с другой: *Huber J. Die zwei Gesichter der Arbeit. Ungenutzte Möglichkeiten der Dualwirtschaft. Frankfurt am Main, 1984.*

8. ВЫИГРЫШИ ВО ВРЕМЕНИ И КУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

скалы считалось искушением Бога, и статистика несчастных случаев подтверждает, что этот вид спорта действительно связан со множеством опасностей. Вскарabalся разок — пяти метров достаточно — и ты оказываешься во власти объективно необходимых условий, и когда человек после восхождения на отвесную скалу возвращается по удобной дороге вечером после 12-часовой затеи, то чувствует себя необычайно освеженным — не только благодаря свежему воздуху, воздействию которого он так долго подвергался, но в большей мере из-за элементарного упрощения тех сложных настроений, которые сегодня частенько возникают у людей, занятых в непростых профессиях сферы услуг. Причем стабилизация и нормализация происходит здесь за счет самостоятельно выдвинутых требований совершенно элементарного рода. Экстремальный спорт выполняет, таким образом, прежде всего функции психотерапевтического спорта.

Обилие добровольных социальных объединений относится к тому же контексту — всевозможные союзы, включая более 60 000 спортивных союзов, которые зарегистрированы только в Федеративной Республике Германии²⁶, многочисленные добровольные организации добрососедской помощи, организации помощи престарелым людям и по уходу за детьми, да и любое добровольное сообщество лиц, ежедневно собирающихся, чтобы совершить на автомобиле совместную поездку на работу из пригорода в город, руководствуясь не нуждающимися в объяснении экономическими и экологическими мотивами, — вот примеры таких объединений.

Если вспомнить эти вещи, то будешь более устойчив к аргументам культур-критики, зародившейся в условиях общества всеобщего благосостояния, которая видит упадок не в культуре повседневности, а в телевизионном пассивизме. Может быть, в самом деле, телевидение — это великий пожиратель времени, а значит, и человеческой активности? Статистики утверждают: в недельном ритме телевидение потребляет действительно больше четверти имеющегося в распоряжении времени, тогда как на чтение — книг, журналов, газет — едва ли наберется 17%. Если учитывать эти цифры, имея дело с излюбленными темами нашей культур-критики, то оказывается, что по меньшей мере в Германии не может быть и речи об упадке культуры чтения, обусловленном телевизионным консюмеризмом. Если к этому прибавить еще и другие формы осмысленного времяпрепровождения, такие как садовая или спортивная активность, то жизненный активизм, о котором идет речь, уже существенным образом перекрывает телевизионный пассивизм²⁷. Если к тому же признать, что в чем-то телевизионное потребление также может быть осмысленным, то отсюда следует до-

²⁶ См. об этом: Menschen im Sport 2000. Dokumentation des Kongresses "Menschen im Sport 2000". Berlin, 5.-7. November 1987 // Gieseler K.-H., Grupe O., Heinemann K. (Hrsg.). Auftrag des Deutschen Sportbundes. Frankfurt am Main, 1988.

²⁷ См. в связи с этим серию издательства «Шпигель» «Трансформация рынков»: SPIEGEL-Verlagsreihe "Märkte im Wandel". Bd. 11: Freizeitverhalten. Hamburg, 1983. Из этого отчета заимствованы также названные в качестве примера показатели отношений, которые представляют доли времени нашего дневного распорядка, свободные от профессиональной деятельности.

пустимость упомянутого в начале тезиса: индустриальное общество модерна наградило нас исторически беспрецедентным расцветом культуры повседневности, причем именно в виде массовой культуры.

Очевидно, что цивилизация модерна — это цивилизация, которая в силу своих технических особенностей как никогда прежде подчинена императивам использования времени и вынуждает нас — под угрозой исключения из жизненно важных шансов на коммуникацию и сотрудничество — ориентироваться с помощью часов и календаря на единое нормированное время, используемое на больших пространствах и в течение длительных сроков, и кроме того, как ни одна цивилизация прежде, она сделала время в массовом порядке доступным для нашего распоряжения, а именно позволила его использовать по собственному усмотрению. Эта взаимосвязь — не чудо. Она вытекает из роста продуктивности технических инноваций, используемых в промышленности XIX столетия социального прогресса, постоянно снимались сливки — отчасти в форме повышения заработной платы, отчасти — и эта часть иногда бывала более значительной — в форме сокращения рабочего времени. Общественное благосостояние ведет к росту доли жизненного времени, находящегося в нашем распоряжении, и оно же при этом предоставляет средства на покупку книг, годового взноса в союз садоводов или зимнего отпуска для катания на лыжах, что позволяет нам превратить свободу распоряжения временем в смысл жизни. Время как свобода здесь — это вовсе не феномен, отраженный в кривом зеркале предвыборных брошюр. Данные выигрыши в свободе распоряжения временем, которые, повторим, нельзя было бы получить без эффекта роста продуктивности технических инноваций, используемых в промышленности, в политическом отношении не в последнюю очередь зависят, разумеется, от волеизъявления профсоюзов, осуществляемого в ходе переговоров о тарифах и в трудовых спорах, причем такая политика, успешно проводимая на протяжении десятилетий, была бы невозможна без массового одобрения миллионов рабочих и служащих, на пользу которым она идет. Как это можно совместить с приведенными выше жалобами на специфическую для нашей цивилизации прогрессирующую экспроприацию так называемого личного времени? Что же имеет место на самом деле: выигрыш в свободе как выигрыш в жизненном времени, находящемся в индивидуальном распоряжении и освобожденном от необходимых обязанностей, или утрата свободы в результате экспроприации личного времени в рамках цивилизации, где стали вездесущими часы с их указующими стрелками? Разрешение этого мнимого противоречия состоит в том факте, что свобода, а именно свобода времени, которым можно распоряжаться самостоятельно, в свою очередь, ощущается как принуждение.

8.2. Культурные и социальные следствия дифференциации свободы распоряжения временем

Как получается, что эпоха, в которой как никогда прежде увеличивается доля жизненного времени, освобожденная от выполнения необходимых обязанностей, является при этом эпохой, которая как никогда прежде наполнена жалобами на давление времени и утрату личного времени? Речь идет о следствиях свободы распоряжения временем, а точнее, о последствиях крайне разнообразных форм использования времени, с которыми мы вольны обходиться так или эдак. Ничто ведь не делает время при его нехватке более приятательным, чем борьба с ним, руководствующаяся намерением опередить другого. Опередить другого — вот прагматика соревнования, чья метафорическая пригодность для описания нашего бытия (Daseins) на путях жизни издавна нам знакома¹. Пригодность метафорики соревнования для описания ситуаций нашего бытия основана на наглядности тех душевных состояний, с которыми связана гонка, отмеряемая часами, — бег наперегонки с другими ради опережения на минуты, секунды или доли секунды. Нет нужды быть спортсменом, чтобы представить это наглядно. Потребителям телевизионных спортивных передач знаком тот опасливый взгляд, который бросает на догоняющих его соперников все еще лидирующий спортсмен. Большинство ситуаций обгона на дороге также, как правило, объясняются желанием добиться выигрыша во времени, который, впрочем, незначителен и лишь на расстояниях в несколько сот километров может составить какие-нибудь полчаса. Подобные феномены повседневности можно перечислять бесконечно — от спешки, связанной с желанием занять место в очереди, вплоть до склонности опытных туристов к самопремированию, после того как привычный маршрут преодолен за заметно более короткий срок, чем в предшествующий раз. Это феномены, по-видимому, подтверждают процитированную выше жалобу церковного съезда² о порабощении жизни часами в эпоху модерна, равно как и социологические диагнозы относительно прогрессирующей утраты свободы распоряжения временем, — в результате нам только и остается, что комплементарно к этому отправиться на поиски утраченного личного времени. Неслучайно в описаниях нашего образа жизни, проходящего в борьбе ради выигрыша во времени, напрашивается слово «конкуренция», а вместе с тем для любого культур-критика, даже если он лишь отдаленно связан с традицией критической теории, это равнозначно поставленному диагнозу: принуждение времени

¹ 1 Кор. 9, 24–27.

² См. наст. изд., с. 315 и далее.

8.2. Культурные и социальные следствия дифференциации

в буржуазно-капиталистическом обществе, основанном на конкуренции, распространяется далеко за пределы экономической сферы в узком смысле этого слова и пронизывает жизнь даже там, где мы хотели бы прожить ее, освободившись от давления времени, компенсируя то принуждение, которое мы испытываем в профессиональной и трудовой жизни.

Нельзя отрицать, что конкуренция ради преимущества во времени накладывает отпечаток на наше поведение — от деловой жизни до спорта³. Сомнительно, однако, что при этом речь идет о типике поведения, сформированной под давлением времени, присущим индустриальным обществам модерна, такого рода, что мы, будучи сформированы ею, утрачиваем всякую способность к свободному от этого давления обхождению с нашим временем также и за пределами профессиональной и трудовой деятельности. Дело вот в чем: опыт ограниченности времени становится все более интенсивным вместе с ростом множества имеющихся возможностей это время использовать. Только в искажающей оптике критики цивилизации выходит, что сотрудники офиса, ежедневно имеющие дело с документами, на папке с которыми красуется требование «Срочно!» или даже «Немедленно!», выведенное броскими красными буквами, и дома ведут себя так, словно у них, так сказать, расстройство поведения по причине того, что на стене в качестве домашнего изречения висит подхлестывающее требование, также написанное красными буквами. На самом деле очевидная манера, с которой мы сегодня как в пределах, так и вне профессиональной деятельности совершаем наши действия, где помимо достижения целей этой деятельности мы — в дополнение к этому — стремимся еще и сэкономить время, вытекает из общего свойства нашей цивилизационной эволюции: множество возможностей, которые было бы интересно использовать, растет быстрее, чем количество имеющегося в нашем распоряжении и пока еще не распределенного времени, на которое мы могли бы рассчитывать для использования тех самых возможностей. Рост продуктивности, т.е. обусловленный техническими и организационными усовершенствованиями рост производства в единицу времени, не в последнюю очередь приводит к сокращению времени профессионального труда, причем выигрыш во времени, которое находится в нашем распоряжении, достиг сегодня масштабов, характерных для культурной революции. Можно вспомнить упомянутое изречение Адорно о том, что время и деньги — суть мерил свободы. Никогда, соответственно, не существовало — если объективно мерить по этому масштабу — цивилизации свободнее, чем наша. Как ни одна прежняя цивилизация, она располагает средствами, которые позволяют превратить свободу, предоставленную нам в качестве времени, в смысл, и так все и происходит. «Расцвет культуры повседневности» — этими словами была охарактеризована

³ Гельмут Плеснер показал, что спорт, в том числе и любительский, сам принимает структуру того, от чего он должен освободиться. См. об этом: *Plessner H. Die Funktion des Sports in der industriellen Gesellschaft* (1956) // *Plessner H. Gesammelte Schriften X. Schriften zur Soziologie und Sozialphilosophie*. Frankfurt am Main, 1985. S. 147–166.

8. ВЫИГРЫШИ ВО ВРЕМЕНИ И КУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

культурная реальность, в которой происходит это превращение⁴. Если взглянуть на эту реальность, то обвинение, которое вменяет в вину индустриальному обществу экспроприацию «личного времени», теряет свою убедительность. Именно индустриальное общество позволяет индивидам индивидуально располагать возрастающей долей времени жизни, а неопровержимый опыт гнетущей утраты свободы распоряжения временем — это не исключительно, но в существенной мере опыт неудачного обхождения с личным временем.

Это не морализирующая констатация. Данный тезис не означает, что предпосылки, от которых зависит возможность наполнения смыслом того личного времени, которое может такой смысл нести, всегда полностью находятся в нашем распоряжении. Но это ничего не меняет в утверждении, что познаваемость на опыте той свободы, мерилом которой является доступное нам время, как свободы, исполненной смыслом, зависит от того, насколько удачно индивиды распорядились своим временем. Именно поэтому есть свои трудности в ситуации, когда, как было сказано, множество опций растет быстрее, чем количество времени, на которое мы можем рассчитывать для их реализации. Выигрыши, которые выпадают нам в виде времени, находящегося в нашем распоряжении, являются необычайно высокими; но еще быстрее расширяется пространство осмысленных видов деятельности, из которых мы должны выбирать, суверенно распоряжаясь нашим личным временем. Это делает понятным, почему вместе с ростом личного времени, находящегося в распоряжении индивида, все громче и чаще раздаются жалобы на нехватку времени. Мы бы поверхностно подошли к этому вопросу, если бы стали предостерегающе указывать на те формы современного образа жизни, которые связаны с потреблением. Критика потребления уже давно актуальна среди моралистов общества всеобщего благосостояния, и эта критика частично справедлива. Но в контексте так называемой переоценки ценностей идеалы самореализации значимы практически безгранично; считается ложной скромностью воздерживаться от заявления жизненных амбиций (*Ansprüchen ans Leben*), а привилегии в осуществлении таких амбиций в эгалитарном обществе и без того ни за кем не признаются. Есть возможность сравнить степень реализации жизненных амбиций, и соответственно существует также конкуренция в рвении по их реализации.

Повторим еще раз, если речь идет о релевантных для сравнения жизненных амбициях, а при этом думают преимущественно о тех из них, которые можно удовлетворить за счет обладания престижными потребительскими товарами, то речь идет о дурном газетном фельетоне, в лучшем случае — о популярной социологии. Как раз в обществе всеобщего благосостояния уровень жизненных амбиций людей также значительно выше уровня потребления. Комплементарно к культуре потребления, в которой обладание престижными товарами действительно может иметь мотивирующий характер, давно существует — причем не только в форме субкультуры, но как широко распространенное явление — культура «антиконсюмеризма» или же, выражаясь более нейтраль-

⁴ См. наст. изд., с. 323 и далее.

8.2. Культурные и социальные следствия дифференциации

но, культура целерационального обхождения с потребительскими товарами в ориентации на более высокие жизненные цели. «Коммуникация» — это ключевое слово для той жизненной сферы, возможность вращаться в которой с полным основанием считается куда более важной, чем значимость благодаря владению символами благосостояния. Жизнь не в последнюю очередь есть жизнь с другими людьми и никогда круг жизненных связей, посредством которых мы связаны или можем быть связаны с другими людьми, не был шире, чем сегодня. Благодаря телефонной сети мы, несмотря на большие расстояния, коммуницируем с родственниками, друзьями и знакомыми, связать и удерживать на связи которых в нашем жизненном круге было совершенно невозможно на ранних ступенях развития нашей цивилизации — как по техническим, так и по экономическим причинам. Интеллектуалы, которые являются особыми ценителями коммуникации в литературной форме, стремятся в цивилизационно-критических целях сравнивать коммуникативное содержание повседневных телефонных разговоров с блеском и полнотой опубликованной или созревшей для публикации переписки. Но такое сравнение было бы нечестным. Во-первых, и в эпоху развивавшейся эпистолярной культуры преобладающее содержание писем для третьих лиц было вполне банальным, и даже для тех переписок, корреспонденты которых, имея литературные намерения, подумывали и о публикации, справедливо все же, что они только в незначительной части смогли войти в историю литературы, а в остальном представляют интерес лишь как источники для историографии повседневности и менталитета. Во-вторых, телефон не разрушает эпистолярную культуру, но вынуждает только уменьшать ее долю во взрывным образом расширяющейся коммуникации на дальние расстояния, что в отдельных случаях не исключает переписку, а способствует ей, причем уровень амбиций такой переписки может быть даже выше, чем прежде, после того как в случае эзотерической коммуникации в письме сообщается только то, что полностью очищено от прагматических тривиальностей, переданных по телефону. В-третьих, надо уважать то обстоятельство, что телефон позволяет устанавливать массовые коммуникативные связи, которые без этого технического инструмента никогда не возникли бы в силу недостатка компетенции для более требовательных форм сообщения, и достаточно подумать о растущем числе пожилых людей, чтобы осознать важность этого в аспекте повседневной культуры. Разговаривая по телефону, человек может ощущать себя не таким одиноким.

При этом телефон является только метонимом для технически и экономически открытой для нас в цивилизации модерна полноты коммуникативных возможностей, от которых безнадежно отстали ресурсы времени, необходимые для их использования. Возникающие в связи с этим узкие места обнаруживаются при попытке внести в календарь назначенные встречи, что актуально, например, для городского политика. Ибо политика, если описать ее вне зависимости от содержания, — это практика завоевания одобрения целей, релевантных для общего блага, которые человек, связанный с другими в партию, сам представляет, чтобы иметь возможность сформировать необходимое

8. ВЫИГРЫШИ ВО ВРЕМЕНИ И КУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

большинство в руководящих советах и институтах, принимающих решения относительно подобных целей. Для этого необходимы присутствие в публичной сфере, выступления и ответы на вопросы, участие в коммуникативных процессах в организованных или возникающих ad hoc группах. Имеются регулярные сроки организованной партийной жизни, периодически возобновляющееся оживление активности в предвыборной борьбе, присутствие на приемах с участием знаменитостей или на иных мероприятиях, когда можно ожидать репортажей в прессе. Гражданские инициативы, крайне активные на местном уровне, непредсказуемо вторгаются со своими неотразимыми требованиями в уже четко организованный календарный план, а местные общественные союзы, совершенно не относящиеся прямо к политическим целям, жаждут заявить о собственных интересах на своих празднествах и встречах, и активное участие в них является подходящим случаем для изъяснения чувства солидарности. Над этим, конечно, можно иронизировать, но повод для этого дают только случаи преувеличенной деловитости, которые действительно встречаются. Для нормальной же ситуации верно вот что: множество возможностей присутствовать, участвовать и коммуницировать значительно превышает множество возможных отметок в собственном календаре-органайзере. Отбор неизбежен, и проблема удачного отбора является не только вопросом применения способности суждения, позволяющей отличать более важное от менее важного, но точно так же вопросом суверенитета в обращении со временем, когда мы можем обращаться со временем, не испытывая его давления, и благодаря упорядоченному обхождению с ним делаем возможным координацию собственного времени со временем других людей и таким образом открываем путь для кооперации.

Но необходимость темпоральной самоорганизации в течение дня, недели и года, настоятельность которой возрастает вместе с растущим количеством объективно имеющихся возможностей кооперации и общения, характерна сегодня не только для экзистенциального опыта политиков. Опыт этой необходимости сделался сегодня общим, и именно он обнаруживает, что организация времени — это единственное средство оставаться суверенным в отношении времени. Расцвет жизни союзов — об этом уже шла речь⁵ — относится к расцвету культуры повседневности модерна, и деятельность союзов, использовать которую в качестве шанса на коммуникацию можно только рекомендовать местному политику, приглашает к участию каждого. Кто в ней не участвует, упускает жизненные возможности, над которыми было бы легкомысленно посмеиваться, разделяя перспективу экзистенциального опыта интеллектуалов, далеких от жизни союзов, — от полезного для здоровья спорта до хоровых кружков, которые — безотносительно к их заслугам на ниве высоких целей искусства — дарят пожилым людям даже и в весьма преклонном возрасте радость общения. Многие из таких активностей сочетаются с обретением смысла жизни, в таких контекстах ничего не делается только для себя самого, и уж подавно не в ка-

⁵ См. наст. изд., с. 324.

8.2. Культурные и социальные следствия дифференциации

честве исполняющего обязанности тех бесчисленных председательских должностей, которые нужно исполнять, а тот, кто тратит на это собственное время, на своем опыте тут же познает его ограниченность перед лицом растущих возможностей такого использования. Как никогда прежде от каждого требуется компетентность в отборе, а прежде всего — искусство темпоральной самоорганизации, т.е., если использовать метоним, искусство вести записи о предстоящих делах в ежедневнике.

С необходимостью проводить отбор из изобилия возможностей и вместе с тем индивидуально организовывать ход времени сталкиваются не только люди, одаренные в коммуникативном отношении. Интроверт, который общается не столько с современниками, сколько с классиками, а кроме того, повышая свой образовательный уровень, с самим собой, должен сегодня как никогда прежде выбирать, ограничивать себя, сообразуясь с растущим многообразием существующих возможностей для самодеятельности, и настраивать на это свое время. Одно только изучение перечня лекций, который каждые полгода издает местный народный университет, делает очевидной необходимость подобной темпоральной самоорганизации, а взгляд на радиопрограмму и подавно, причем именно в том случае, когда человек предъявляет к себе высокие требования и не просто хотел бы видеть и слышать, но хотел бы видеть и слышать «сознательно». Стоило бы провести специальное исследование в области истории понятий, чтобы выяснить, с какого времени, в каком культурном контексте стало обычным называть жизнь, которая, выходя за свои собственные пределы, должна быть аутентичной, жизнью, проживаемой «осознанно». В любом случае предпосылкой для этого является столкновение нашего бытия с объективно растущим избытком альтернатив, из которых индивиду приходится выбирать, которые нужно комбинировать и в этом сочетании оптимизировать и которые вместе с этим принуждают нас заняться эксплицитной темпоральной организацией жизни.

*Polupragmosyne** или концентрация: в культуре объективно возрастающих возможностей для кооперации и общения — и вместе с тем наличных жизненных альтернатив и требований к отбору — порядок жизни приобретает значение жизненного свершения, успешность которого свидетельствует об искусстве жить. Быть суверенным в отношении времени или не быть — вот в чем здесь различие. Часы и календарь представляют собой не что иное, как инструментарию реализации этого суверенитета в отношении времени. Они не лишают нас нашего «личного времени», но обеспечивают его. Правда, что обходу с часами и календарем также нужно научиться. Это происходит лучше всего в жизненных ситуациях, в которых под давлением избытка возможностей и требований человек вынужден производить необходимый отбор и координацию, а также их временное планирование. Давление, которое здесь возникает, не угнетает, но освобождает от *angina temporis***. С этим

* Занятие многими делами, хлопотливость (*греч.*).

** Лихорадочная спешка (*лат.*).

8. ВЫИГРЫШИ ВО ВРЕМЕНИ И КУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

связан тот факт, что перегруженные делами люди по большей части выглядят спокойными при встрече. О тех же, кто не менее перегружен суетой, напротив, можно сразу сказать, что они мало что делают и, будучи дезорганизованными в отношении времени, то и дело попадают под гнет несделанных неотложных дел. В менеджменте так называемая болезнь менеджера распространена в наименьшей степени.

Как правило, добродетель темпоральной дисциплины требуется тем, кто во время повседневной деятельности почти не подвергается непосредственному внешнему вмешательству третьих лиц, обладающих соответствующими полномочиями, или даже не подвергается хотя бы воздействию ожиданий, связанных с третьими лицами. Для писателей и для части художников это справедливо. Но и в ряде научных профессий, которые в своей деятельности не связаны с энергично самоуправляемыми крупными институтами и с нуждающейся в координации деятельностью многочисленных сотрудников, профессора существуют, обладая широкими возможностями в плане суверенитета в отношении времени, т.е. то, что они повседневно делают, происходит либо по их воле, либо вообще не происходит. Вот это привилегированные профессии, — подумает кто-то, и в определенном отношении это так. Разумеется, существует неопределенное ожидание издателя, который через год рассчитывает на издание новой книги. Того, кто долго не дает о себе знать, в конце концов забывают. У работников академических профессиональных сообществ в обычном случае не требуют в ходе исследования доказательств деятельности для контроля выполнения ими служебных обязанностей, и упреков в том, что они слишком долго ничего не представляли, они от своих начальников не выслушивают. Однако, естественно, в дальней перспективе им угрожает утрата значимости. Органы общественного контроля, которому подчиняются работники названных в качестве примера суверенных в отношении времени профессий, могут быть даже весьма суровыми в силу использования грозных санкций утраты общественной значимости. Но у них совершенно нет права контролировать темпоральную дисциплину, обхождение со временем и использование времени. В той мере, в какой собственная деятельность не основана прямо на ее темпоральной координации с деятельностью других сотрудников, человек существует в профессиональном отношении так же, как мечтает существовать во время отпуска тот, кто работает в темпорально менее независимых профессиях, — т.е. обладая полной свободой в распоряжении временем.

Соответственно формы препровождения дня и года, которые в данных профессиях действительно наблюдаются, имеют множество вариантов. «Жаворонки» получают преимущество уже после обеда заканчивать свою дневную работу, когда другие коллеги, завершив рутинные дела до обеда, обращаются, наконец, к своим главным профессиональным задачам. Известны такие коллеги, которые стараются работать только по ночам. Преимущества подобного использования времени, комплементарного к общекультурно принятому распорядку дня, очевидны: ночью, когда улицы и телефоны наконец успокаиваются, этот покой становится выигрышем для собственной работы,

8.2. Культурные и социальные следствия дифференциации

а днем человек удаляется из мира в спальню с задернутыми шторами. За это, разумеется, приходится платить утратой связи с миром, она, однако, мало что значит для людей, которые и без того уже превратили собственную жизнь в медиум продолжения своей жизни в грядущих поколениях. Существует также множество форм заполнения длинных периодов времени, выработанных в суверенных в отношении времени профессиях. Речь идет о мотивациях, простирающихся в темпоральном отношении на экстремально большие дистанции, без которых крупный проект не получится довести до конца. Между концепцией и завершением рабочего проекта протекают годы, а пока его публикация откликнется эхом в публичной сфере, нередко пройдет еще несколько лет. Как удастся сохранить плодотворное напряжение между началом работы и ее завершением, если между ними пролегал так много лет? Крайние случаи в ответе на этот вопрос известны — нередко в стилизованном виде — из биографий художников и интеллектуалов. Один человек день за днем выполняет свой урок, так что короткие главы или длинные абзацы книги можно коррелировать с датами их написания. Другие для роста своей продуктивности нуждаются в таком давлении времени, которое в конце концов — раз уж ничего все еще не делается — становится невыносимым после столь длительного периода ничегонеделания. А третьи работают одновременно над двумя крупными проектами — лучше всего на двух письменных столах — и используют смену как стимулятор, чтобы после долгого молчания поразить своих читателей двойными публикациями.

Так или иначе, быть господином своего времени означает, что на дни или на годы растягиваются периоды, когда ничего не происходило бы, если это не происходило по своей воле. Удовольствию темпорального самоопределения элементарно бремя его неудачи. Профессора знают коллег, которые из своего саббатика, т.е. из свободного года или свободного семестра, освобожденного от преподавательских обязанностей, с радостью и спокойствием возвращаются как люди, которым удалось завершить свой запланированный рабочий проект, реалистично сообразуясь с отведенным на него временем, и которые теперь могут радоваться получению первых корректур. И они знакомы также с другими коллегами, которые в немного комичном отчаянии объясняют неудачу своих прекрасных планов знакомым ходом вещей: сначала надо было подготовиться к работе, позволить себе отдохнуть, взяв и без того избыточный отпуск, а когда все вплоть до чернильных патронов для ручки лежало наготове для начала работы, возник неотложный запрос выступить в качестве эксперта или советника, приглашение посетить Вашингтон или Москву отклонить было просто невозможно, теперь же, как нарочно, вместо обычных в конце семестра двух студентов подали свои готовые дипломные работы пятеро и, наконец, демотивирующе подействовала эта, как каждый должен признать, действительно необычная погода. Даже сомнения в смысле рабочего проекта возникают тем чаще, чем больше он стопорится, и именно эти сомнения мешают, в свою очередь, его движению вперед. Чем явственнее вырисовывалась перспектива того, что исконный смысл предоставленного досуга останется неисполненным, тем

8. ВЫИГРЫШИ ВО ВРЕМЕНИ И КУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

неизбежное становилась суета по созданию суррогата смысла путем взятия на себя обязанностей по докладам, по всякой работе в советах или деятельности в роли эксперта в ток-шоу или слушаниях.

Короче говоря, чем в большей свободе распоряжения временем человек объективно существует, тем субъективно труднее ему на деле реализовать суверенитет в отношении времени. Достижимые для индивидов уровни культуры обращения со временем расходятся между собой все дальше. В этом они зависят от социально неравномерно распределенных факторов нашей культуры, причем некоторые из этих факторов — речь идет прежде всего о воздействии благоприятного или, с другой стороны, неблагоприятного семейного воспитания в раннем детском возрасте — не только неравномерно распределены, но, кроме того, в большинстве случаев и не могут быть равномерно распределены. Следствия дифференциации свободы распоряжения временем остались бы маргинальным явлением, если бы рассматриваемая свобода распоряжения временем была бы исключительной привилегией малых групп художников и интеллектуалов. В действительности она все больше и больше становится общей свободой, и сегодня миллионы людей познают на опыте ее выгоды и недостатки. Никогда доля населения, которая работает в сфере художественного творчества, не была больше, чем сегодня. Но несравнимо быстрее, чем сообщество художников, росло сообщество ученых, а с ним и доля тех, кто описанным образом могли бы рассказать на основе собственного опыта, как трудно создать смысл из свободы, под каковой подразумевается имеющееся в нашем распоряжении время. В высокоразвитых обществах каждый пятый член возрастной группы, включающей людей в возрасте вплоть до 30 лет, находится сегодня в академических пространствах, освобожденных от профессиональных обязанностей, а там, где человек считает правильным не связывать учебу в высшей школе с правилами школьной дисциплины («академическая свобода»), проблема, состоящая в том, чтобы, получая удовольствие от свободы распоряжения временем, выработать суверенитет в отношении времени, становится проблемой миллионов. Уже более или менее осмысленные привычки использования СМИ порождают самые значительные различия в компетенциях. Некоторые студенты довольно поздно обнаруживают, что информацию, которую нам предлагают СМИ, только в ничтожной своей части можно конвертировать в выигрыш в ориентации или, тем более, в развитие способности суждения, но что она преимущественно служит целям развлечения. Вследствие же того употребления, которое такой студент дал своей способности информационного самоопределения, он становится информационным инвалидом. Из-за слишком быстрого сокращения той части дня, когда у него еще есть возможность воспринимать информацию не рассеянно, а систематически скоординированно и прагматически выборочно, ему удастся разве что неполноценно формировать продуктивные интеллектуальные компетенции. Когда другие работают, он участвует в дискурсивных процессах, и при каждом взгляде в зеркало он встречает печальный след жизни, наложенный таким интеллектуальным пассивизмом. Для получения информации о событиях в

8.2. Культурные и социальные следствия дифференциации

мире, равно как и о текущих событиях, в обычном случае достаточно пятиминутного прослушивания утренних новостей по радио, а кто выигранное таким образом время использует для получения информации, которая складывается не в глянцево-журнальные, а в растущие знания и умения, станет за кратчайшее время недостижимым для своих соварищей, менее суверенных в использовании времени. Поэтому уже только из-за таких различий в привычках использования СМИ снижается культурная однородность в среде учеников и студентов. Это, однако, не означает, что уровень падает. Это означает, что способности, приобретенные в зависимости от их использования, расходятся все дальше друг от друга. Соответственно правильный ответ, который можно дать более старшему коллеге, уже несколько лет назад ушедшему из преподавательской деятельности, на вопрос, являются ли нынешние студенты скорее лучше или скорее хуже, чем раньше — ведь можно услышать и то и другое, — будет такой: и то и другое имеет место одновременно.

Но далеко за пределами особых проблем студенческой экзистенции сегодня каждый испытывает в опыте повседневности обременительный характер полученной свободы распоряжения временем. Приложения в наших газетах, посвященные путешествиям, выступают, соответственно, как консультанты в искусстве проведения отпуска, который может быть наполнен смыслом. Последствия недостаточного суверенитета в отношении времени отпуска в безобидных случаях дают пищу карикатуристам, а в менее безобидных случаях — врачам и психиатрам. В силу экономического и социального прогресса для большинства людей сегодня верно то, что как никогда прежде увеличиваются периоды жизненного времени, когда если ничего не происходит, то это не происходит по твоей воле. Самоопределение и самореализация уже только по этой причине суть неизбежные темы в контексте проживания жизни в обществе модерна, и культур-критика, которая в амбициях самореализации не способна распознать ничего другого, кроме морально декадансной зацикленности на самом себе, не понимает временной структуры культуры модерна, которая объективно поставила нас в зависимость от той свободы, мера которой есть время, и тем самым перед необходимостью субъективно, самоопределяясь, превращать эту свободу в смысл. Господствующая проблема времени не состоит, таким образом, в том, что у нас якобы украли наше «личное время». Это именно суверенитет в отношении времени, которого от нас требует обхождение с личным временем, более чем в предостаточном виде оказавшемся в нашем распоряжении. Поэтому в зависимости от неравномерно распределенных, даже частично неспособных к равномерному распределению индивидуальных и социальных факторов, которые определяют достигнутую в данном конкретном случае степень суверенитета в отношении времени, вместе с ростом свободы распоряжения временем одновременно растет культурное многообразие форм его использования. Не в «массовое общество» ведет нас в силу своей темпоральной структуры культура модерна, а в общество растущего многообразия стилей жизни, которые не в последнюю очередь вырабатываются в зависимости от индивидуализированных форм использования времени.

8. ВЫИГРЫШИ ВО ВРЕМЕНИ И КУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Теорема массового общества имела свою конъюнктуру в период между мировыми войнами. Можно вспомнить анализ массового общества, проведенный Ортегой-и-Гассетом⁶, или аналогичный анализ, осуществленный Карлом Ясперсом в его знаменитой брошюре «Духовная ситуация времени», вышедшей в серии издательства «Götschen»⁷. На реликты этой теоремы массового общества наталкиваешься вплоть до сегодняшнего дня. Ее мнимая убедительность основана на действительно поразительном количественном размахе культурных активностей, связанных с самостоятельным использованием личного времени. Только в западной части Германии спортивными союзами охвачены более двух десятков миллионов спортивных активистов⁸. Кто в силу эзотеричности своего интеллектуального существования далек от организованного спорта, склоняется к комментированию подобных цифр с позиций культур-критики с обильным использованием слов «масса» или «омассовление». К этому ассоциативно подключаются воспоминания о телевизионных картинках с переполненными футбольными аренами, а комплементарно к этому обезлюдившие города во время кубковых матчей международного значения подтверждают, на первый взгляд, массовый характер использования досуга в целом. На это нечего возразить. Однако этим теорема массового общества не подтверждается. Это становится очевидным, если вспомнить, что еще, кроме футбола, есть в спорте, причем совершенно неважно, ценим мы это или нет. Миллионы спортсменов организованы в союзы, число которых только в Западной Германии превышает 50 тысяч. И эта цифра является репрезентацией вовсе не «омассовления», а используемых в массовом порядке возможностей заниматься чем-то отличным от того, что делают другие, — включая экстремальное скалолазание, игру в гольф и историзирующую реактуализацию регионального спортивного фольклора. Кто уже 30 лет назад играл в гольф, будет, пожалуй, морщить нос при упоминании сегодняшней экспансии этой спортивной формы свободы распоряжения временем, до недавнего времени специфической для высшего класса, и в который раз заведет речь об «омассовлении». Но речь идет в действительности о последствиях массового участия в тех дифференцированных формах, которые принимает самостоятельно определяемое использование расширяющейся свободы распоряжения временем в обществах всеобщего благосостояния. Даже желание оставаться в малых группах, где субъекты с редкими качествами чувствуют себя среди своих, т.е. желание исключительности, в так называемом массовом обществе по-прежнему может выполняться без всяких ограничений.

⁶ Первое издание 1929 г. На немецком языке книга вышла в 1931 г. под названием «Der Aufstand der Massen». Рус. пер.: *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 3–4.

⁷ *Jaspers K.* Die geistige Situation der Zeit. 2. Aufl. Berlin; Leipzig, 1939, особенно S. 25 и далее. Рус. пер.: *Ясперс К.* Духовная ситуация времени // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 288–418.

⁸ О спорте в культуре современности, включая его важнейшие организационные формы, кратко сообщает Оммо Групе: *Grupe O.* Menschen im Sport 2000. Von der Verantwortung der Person und der Verpflichtung der Organisation // Gieseler K.H., Grupe O., Heinemann K. (Hrsg.). Menschen im Sport 2000. Schorndorf, 1988. S. 44–66.

8.2. Культурные и социальные следствия дифференциации

Если угодно, можно организовать спортивные союзы по принципу закрытого клуба. В случае необходимости в качестве барьера для недопущения нежелательных лиц используются чрезмерные вступительные или членские взносы. Кроме того, ничто не препятствует поиску форм спортивной активности, исключительный характер которой защищен непопулярностью, и вовсе нет предела возможностям делать тоньше то, что делают все, — так, что это заметно только знатокам⁹.

Тот, кто не считает подходящим для опровержения теоремы массового общества указания на неоспоримые дифференциации в актуальной спортивной культуре, может, тем не менее, натолкнуться на аналогичные социальные закономерности также в тех сферах, которые он, в отличие, возможно, от спорта, безусловно отнесет к высокой культуре. Мы же знакомы с музеем как местом экспозиции и хранения самых взыскательных и изысканных произведений искусства человечества. Но и художественная публика в последнее время превратилась в массовую. Доля населения, причастного к системе высшего образования, которое позволяет разбираться в изысканном искусстве, постоянно растет, современная художественная публицистика обращается к миллионам, а миллионы обладают временем, без обращения которого на дело приобщения к искусству невозможно пробудить к нему постоянный интерес. Все это преобразуется в миллионы посетителей музеев, а статистика в области культуры дает нам знать, что речь здесь идет о массовых движениях, которые по своим количественным масштабам далеко превосходят аналогичные явления в области спорта¹⁰. Справедливо, что потоки посетителей, которые сегодня наводняют крупные музеи мира, все чаще затрудняют подобающее созерцание великих произведений искусства. Время просмотра сокращается из-за возрастания скорости потока, без чего средняя вместимость музея уже не может справиться с ростом числа посетителей. Все это уже давно поставляет материал для карикатур, а также заботит специалистов по сохранению картин, которые обеспокоены воздействием на произведения искусства испарений, исходящих от массовой музейной публики. Неверно, тем не менее, что массовое обращение к искусству приведет к снижению уровня взыскательности вкуса до самого низкопробного в силу его массовой гомогенизации. Вместо этого и здесь действует правило, что с социальным расширением возможностей участия, в особенности благодаря выигрышу свободы распоряжения временем, уровни потребительских притязаний, которые демонстрируют массы, становятся дифференцированными. Модерновому понятию классиче-

⁹ Принцип социального исключения путем формирования утонченности и изысканности описан Вебленом еще на рубеже XIX–XX вв.: *Veblen T. Theorie der feinen Leute. Eine ökonomische Untersuchung der Institutionen.* München, 1971. S. 141. Рус. пер.: *Веблен Т. Теория праздного класса: экономическое исследование институций.* М.: Прогресс, 1984.

¹⁰ Об аспекте массовой культуры процесса музеефикации см. мою статью «Прогресс и музей»: *Lübbe H. Der Fortschritt und das Museum // Lübbe H. Die Aufdringlichkeit der Geschichte. Herausforderungen der Moderne vom Historismus bis zum Nationalsozialismus.* Graz; Wien; Köln, 1989. S. 13–29.

8. ВЫИГРЫШИ ВО ВРЕМЕНИ И КУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

ского¹¹ адекватно соответствует то, что в эпоху ставшего общедоступным высшего образования именно классические музейные фонды обладают массовой музейной привлекательностью. Еще более привлекательной, однако, сегодня оказалась так называемая классика модерна. Но исключительно утонченные формы интереса, характерные для знатоков искусства, также находят возможность для эзотерической активности в галереях и музеях для специалистов, и между авангардным искусством и гостиничной живописью, которую Адорно, как уже упоминалось, ошибочно считал альтернативой, развиваются крайне разнородные интересы публики, комплементарным образом обращенные к таким формам искусства, которые в эту альтернативу как раз и не вписываются. О чем идет речь? «Представители нео-наивного направления, отнюдь не ориентированные на магические фокусы специалисты по трюмплё*, чье искусство заставило бы поблекнуть картины Зевксиса, выходяцы из побочной линии экспрессионистской школы, в законченных произведениях которых аффирмативно распознает себя целая региональная культура¹², а также искусство, которое беспечно застыло в эпоху автономного искусства, хотя такое отсутствие изменений, само собой разумеется, отнюдь не похоже, например, на неизменность церковного или даже партийного искусства, которое лезет на рожон, да и на придворное искусство (*Hofmalerei*) это тоже не похоже, хотя в условиях свободных жизненных отношений за ним не был замечен мотив, состоящий в том, чтобы перечить господствующим вкусам», — так в другом контексте я охарактеризовал следствия динамики культурной эволюции, ведущие к плюрализации художественного производства и художественного вкуса¹³, при этом дополнительным фактором, ведущим к росту дифференциации в эпоху модерна, являются чрезвычайно разнообразные формы использования свободы распоряжения временем, без которой вкус вообще не может сформироваться.

Помимо приведенных примеров из области спорта и интереса к искусству, аналогичные дифференцирующие последствия индивидуализированного использования свободы распоряжения временем можно проследить и во многих других областях нашей культурной современности — от культуры заботы о здоровье до деятельности в теневой экономике, где добавленная стоимость создается помимо профессиональной деятельности¹⁴, и от культуры чтения

¹¹ См. наст. изд., с. 112 и далее.

* *Trompe-l'œil* (обман зрения (*фр.*)) — технический прием в искусстве, создающий иллюзию трехмерного пространства на двухмерной плоскости изображения.

¹² См. об этом в качестве примера: *Scheicher H. Der Fall Werner Berg // Scheicher H. (Hrsg.). Werner Berg. Seine Kunst, sein Leben / mit dem einleitenden Essay von W. Schmied. Klagenfurt, 1984. S. 7–13.* Кроме того: *Lübbe-Grothues G. Zeit-Bilder? // Kuchling H. (Hrsg.). WB 70. Für Werner Berg. Sonderausgabe der Schriftenreihe KONTUR. Wien, 1970.*

¹³ В моей статье «Историзация и эстетизация. О необязательностях в прогрессе»: *Lübbe H. Historisierung und Ästhetisierung. Über Unverbindlichkeiten im Fortschritt // Lübbe H. Op. cit. (См. примеч. 10.) S. 46–63, S. 63.*

¹⁴ См. об этом: *Huber J. Die zwei Gesichter der Arbeit. Ungenutzte Möglichkeiten der Dualwirtschaft. Frankfurt am Main, 1984.*

8.2. Культурные и социальные следствия дифференциации

до многообразных форм реализации прав участия в политической деятельности. Однако мы впали бы в социально-теоретически необоснованную романтику индивидуальности, если бы ситуацию свободного самоопределения, связанного с автономным использованием времени, в которой индивид находится в обществе модерна, спутали со свободой, которую считают связанной с общественной автаркией. Разумеется, существуют общественные отношения, которые подходящим образом описывает альтернатива Гельмута Шельски: «самостоятельный и опекаемый человек»¹⁵. Все же в обычном случае индивид, культурная индивидуальность (самореализация) которого определяется свободой распоряжения временем, отнюдь не является индивидом, не зависящим от социальных гарантий и обеспечений. Ровно наоборот, именно такой индивид рассчитывает на все достижения современного социального государства и только благодаря этому располагает той свободой распоряжения временем, которая позволяет воплотить в жизнь растущие претензии в отношении продолжительности отпуска, проводить профсоюзные кампании в пользу введения 35-часовой рабочей недели и требовать снижения возраста ухода на пенсию¹⁶.

Культур-критика в форме критики так называемого массового общества на поверку оказывается результатом путаницы. Она путает количественный рост возможностей, которые предоставляет культура для реализации шансов на деятельность и участие, что действительно характерно для современного общества, с безудержным господством самого низкопробного массового вкуса. Правда состоит в том, что массовый вкус в цивилизации модерна также бесцеремонно заставляя с собой считаться и управляет спросом на расширяющихся рынках. Неправда, что влияние конкуренции на этих рынках разрушило производство, позволяющее удовлетворять более высокие притязания. То, как именно так называемое массовое общество составляет единое целое с обществом прогрессирующей индивидуализации, — это еще в конце XIX в. Георг Зиммель разъяснил следующим образом: «Потоки культуры модерна устремляются в двух, на первый взгляд, противоположных направлениях: с одной стороны, в направлении нивелирования, уравнивания, создания все более широких социальных кругов, возникающих путем связывания одинаковыми условиями того, что находится далеко друг от друга, и, с другой стороны, в направлении выработки того, что является индивидуальным в наивысшей степени, независимости личности, самостоятельности ее формирования. И оба направления поддерживаются денежной экономикой, которая, с одной стороны, делает возможным вполне всеобщий, повсюду равно действенный интерес, средства связи и взаимопонимания, а с другой стороны, для личности — предельную сдержанность, инди-

¹⁵ Schelsky H. Der selbständige und der betreute Mensch. Stuttgart, 1976.

¹⁶ О связи культурной индивидуализации и социальных гарантий см.: Zapf W., Breuer S., Hampel J., Krause P., Mohr H.-M., Wiegand E. Individualisierung und Sicherheit. Untersuchungen zur Lebensqualität in der Bundesrepublik Deutschland. München, 1987. Особенно S. 16 и далее: «Pluralisierung der Lebensstile» («Плурализация стилей жизни»).

8. ВЫИГРЫШИ ВО ВРЕМЕНИ И КУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

видуализацию и свободу»¹⁷. «Многообразие и неодинаковость», снижающая культурная гомогенность — такие неустанно повторяемые характеристики для описания эволюции обществ модерна еще раньше сформулировал Герберт Спенсер¹⁸. Темой этой главы был тот вклад, который вносит в этот процесс культурной дифференциации необычайно индивидуализированное использование расширяющейся свободы распоряжения временем.

¹⁷ *Simmel G. Das Geld in der modernen Kultur (1896) // Simmel G. Schriften zur Soziologie. Eine Auswahl / Herausgegeben und eingeleitet von H.-J. Dahme, O. Rammstedt. Frankfurt am Main, 1983. S. 78–94, S. 83.* Основополагающей остается также ранняя работа Георга Зиммеля: *Über sociale Differenzierung. Sociologische und psychologische Untersuchungen. Leipzig, 1890.*

¹⁸ См. в качестве примера: *Spencer H. Die Principien der Sociologie. Autorisierte deutsche Ausgabe. Nach der zweiten englischen Auflage übersetzt von Dr. B. Vetter. Bd. III. Stuttgart, 1889. S. 722.* Рус. пер.: *Спенсер Г. Основания социологии: в 2 т. СПб.: Издание И.И. Билибина, 1876–1877.*

9. ВРЕМЯ
ПЕРЕЖИВАЕМОЕ
И ВРЕМЯ
ИЗМЕРЯЕМОЕ

9.1. Субъективное и объективное время

В цивилизации модерна мы как никогда прежде подчинены императивам использования времени, убеждаясь на опыте, что время сокращается. Комплементарно к этому расширяются периоды свободы распоряжения временем, когда не происходит ничего, если это не происходит по своей собственной воле. Поэтому нередко тогда, когда мы свободно проводим время, также происходит мало чего, и мы страдаем больше не от нехватки личного времени, а от недостаточного умения обращаться со временем. Так или иначе, но время все сильнее дает о себе знать. Виды опыта обхождения с ним различаются — в индивидуальном, профессиональном отношениях, по принадлежности к разным слоям общества и в зависимости от прочих характеристик той позиции (Positionalität), которую мы занимаем в цивилизационной эволюции. Богатая традициями моралистика, предлагающая полезные в житейском плане правила обращения со временем (например, «живи настоящим» — «*carpe diem*»¹), продолжает развиваться, приспособляясь к специфическим требованиям жизни в цивилизации модерна, становится более педагогичной и наукообразной, операционально приспособленной для использования в школьных и тренинговых программах. Организации предлагают свои услуги «консультаций по менеджменту времени»². Ради полноты стоит заметить, что на таких консультациях люди не чураются рекомендаций, которые давно стали банальностью в нашей повседневной практике обращения со временем («Органайзер должен помещаться в кармане пиджака, чтобы его всегда можно было иметь при себе»). Другие сведения, которые сообщают нам современные консультанты по вопросам обращения со временем, напротив, не так тривиальны. Это верно в отношении высказывания, информирующего нас о том, «что менеджмент времени служит прежде всего коммуникации»³. Здесь нам напоминают мысль Норберта Элиаса, что пунктуальность — как условие добродетели временной координации наших действий с действиями людей, находящихся вдали от нас, — становится все важнее, а также что вошедшая в моду дисквалификация этой добродетели обхождения со временем в качестве «репрессивной» объективно поощряет тот тип поведения, в силу которого в цивилизации модерна мы сокращаем наши шансы на коммуникацию⁴. Если человек упустил возможность установить суверенитет в отношении времени, то гнет ущерба

¹ Гораций. Ода I, 11.

² Schmidt J. Sinn und Unsinn moderner Zeit-Management-Beratung // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1986. 10. Juni. Nr. 131. B 2.

³ Ibid.

⁴ См. наст. изд., с. 314 и далее.

и страданий должен быть, на деле, весьма сильным. Иначе было бы непонятно, почему школы, в которых преподают искусство обхождения со временем, ожидают эффекта от своего рекламного объявления в газете, что «за два дня» человек научится «избегать стресса и спешки» и таким образом «взять под контроль всю свою жизнь»⁵.

Некоторые жизненные правила из традиции моралистики использования времени стали классическими, т.е. в высшей степени устойчивыми к изменениям. Это относится к одному из наиболее цитируемых вплоть до сегодняшнего дня правил — «*carpe diem*» Горация. С другой стороны, как легко заметить, за топической идентичностью постоянно цитируемого правила скрывается история его рецепции, которая коррелятивна истории нашей цивилизации. Не нужны особые герменевтические ухищрения, чтобы заметить, что данная цитата из Горация, если она произносится в атмосфере бизнес-форума, который, помимо прочего, служит повышению квалификации сотрудников фирм⁶, имеет своей предпосылкой открытие эквивалентности времени и денег, произошедшее в эпоху раннего капитализма, тогда как Гораций, как помнит каждый гимназист, призывал не к работе, а к наслаждению текущим моментом перед лицом неопределенностей завтрашнего дня.

Однако небезуспешным может оказаться также и поиск в традиции моралистики антропологических констант, сопряженных со смыслом жизни и содержащихся в императивах использования времени. Аристотель — автор классического учения о счастье, которое представляет собой побочное, прямо не предполагаемое следствие деятельности наших специфически человеческих способностей⁷. У самого Аристотеля, разумеется, особым образом подчеркивалось значение практики в области теории. Подтверждением этому служит позднеантичный рассказ о том, что он, чтобы не отводить на сон чрезмерно большую долю жизни, отнимая ее от теоретической практики, позволяющей достичь счастья, во время занятий философией держал в руке медный шарик, который, если философ начинал засыпать, со звоном падал на дребезжащую металлическую лохань и таким образом возвращал мыслителя к мыслительной деятельности⁸. С позиции актуальной критики нашей современной куль-

⁵ По цене от «900 немецких марок — включая НДС и стоимость материалов для семинара» — это, разумеется, небольшая цена ввиду исключительного размера обещанного жизненного выигрыша (Frankfurter Allgemeine Zeitung, Wirtschaft. 1986. 12. August. Nr. 184. S. 13).

⁶ Как в случае предпринимательского форума Лилиенберг в Эрматингене (швейцарский кантон Торгау).

⁷ Об античной теории счастья и ее истории рецепции см. сборник: *Bien G.* (Hrsg.) *Die Frage nach dem Glück.* Stuttgart; Bad Cannstatt: Frommann Holzboog, 1978.

⁸ *Diogenes L. Leben und Meinungen berühmter Philosophen.* Buch I–X / Aus dem Griechischen übersetzt von O. Apelt, unter Mitarbeit von H.G. Zekl neu herausgegeben sowie mit Vorwort, Einleitung und neuen Anmerkungen zu Text und Übersetzung versehen von K. Reich. 2. Aufl. Hamburg, 1967. S. 248. Рус. пер.: *Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1986. С. 192.

туры обращения со временем, которой сегодня посвящены целые евангелические церковные съезды⁹ (так, словно бы речь идет об акте возмещения того культурно-исторического вклада, который Реформация сделала в эту самую культуру¹⁰), искусство повседневной жизни Аристотеля, известное благодаря дошедшему до нас анекдоту, кажется дурным истязанием ради выкраивания минут. Но понятней, пожалуй, был бы другой вид рецепции анекдота об Аристотеле — не менее характерный для эпохи модерна. К настоящему времени высокого уровня развития достигла техника секундного сна. Для ее изучения на всевозможных терапевтических курсах сегодня вводятся педагогически разработанные уроки. Менеджеры и работники других современных профессий, испытывающие давление императивов использования времени, открывают здесь для себя тайну своего спокойствия — разгрузку от напряжения, которую действительно может дать секундный сон, и ничего не препятствует нам вчитать эту трактовку в анекдот об Аристотеле.

Нам издавна известно, что в опыте сна мы предвосхищаем опыт смерти. Отсюда напрашивается желание использовать сокращение сна в качестве способа удлинить жизнь. Те успехи, которых достиг Наполеон в реализации этого намерения, относятся к тем неизменным элементам, которые вызывают восхищение этим человеком¹¹. К настоящему времени это искусство удлинять жизнь за счет сна опробовано в качестве психотехники, и сейчас ему можно научиться. В некоторых жизненных ситуациях, характерных для эпохи модерна, оказаться в которых еще несколько десятилетий тому назад едва ли кто-нибудь согласился по доброй воле, овладение этим искусством является даже жизненно необходимым — например, для яхтсменов, пересекающих океан в одиночку. Здесь невозможно поспать несколько часов подряд. Таким образом, яхтсмен плывет постоянно с малыми перерывами на краткий сон, которые на протяжении дня складываются в известные наполеоновские пять часов. В Бостонском университете, как сообщается, проверяется вопрос, не могла бы эта методика помочь врачам и представителям других профессий с интенсивной нагрузкой сохранять бодрость и внимание в течение длительного времени. В качестве классика этого жизненного искусства упоминают самого Леонардо да Винчи, чья уникальная производительность не в последнюю очередь была связана со следующей легендарной способностью: после четырехчасовой работы он мог восстанавливать силы в течение пятнадцати минут сна. Сообщения на эту тему становятся заметкой в разделе газетных фельетонов: один

⁹ Согласно уже давно ставшим популярными историко-социологическим анализам Макса Вебера: *Weber M. Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus // Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie. 5. Aufl. Tübingen, 1963. S. 17–206. S. 31, 54, 167 и далее. Рус. пер.: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 61–272.*

¹⁰ См. наст. изд., с. 315.

¹¹ См., например: *Presser J. Napoleon. Das Leben und die Legende. Stuttgart, 1977. S. 85, а также: Tarlé E. Napoleon. Berlin, 1959 (рус. пер.: Тарле Е. Наполеон. М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1939), а также: Chandler D. Napoleon. Bergisch Gladbach, 1978. S. 9.*

современный итальянский художник после шести месяцев поначалу весьма успешной попытки подражать Леонардо разочарованно прекратил эти занятия — дал о себе знать мучительный опыт, состоящий в том, что, приняв вызов Леонардо ради значительного выигрыша времени, он оказался не на высоте в художественном отношении¹². Для миллионов людей, страдающих бессонницей¹³, сокращение времени сна является не выигрышем жизненного времени, а серьезным ухудшением качества их жизни, и для них рассказы о подобных методиках ориентированного на деятельность сокращения сна, разумеется, звучат горько и даже цинично. Но так или иначе, формы удачной или неудачной организации ритма и распределения времени сна и времени бодрствования также, по-видимому, являются постоянно дифференцирующимися — в зависимости от неравномерно распределенных факторов этой удачи или неудачи. И это в очередной раз подтверждает тот факт, что императивы использования времени, связаны ли они с нехваткой времени или со свободным временем, увеличивают негомогенность общей для нас культуры модерна — как индивидуально, так и в зависимости от социального слоя, как в рамках профессиональной, так и в рамках иных видов деятельности.

Опыт, согласно которому удачное использование времени продлевает жизнь, является общечеловеческим. Продление жизни, которое мы имеем в виду, конечно, невозможно измерить объективно-хронологически, хотя с учетом некоторых других оснований и существует определенная вероятность того, что человеку, жизнь которого исполнена смысла и труда, выпадет несколько дополнительных лет — в силу того, что такая жизнь благоприятно скажется на его здоровье. Опыт, о котором идет речь, когда мы говорим о продлении жизни посредством наполнения времени, состоит в том, что жизненное время, которое мы актуализируем, оглядываясь на деятельно проведенные годы, растягивается, тогда как — комплементарно к этому — оно сливается в неразличимое целое, когда мы вспоминаем те годы, о которых нечего рассказать. Из литературы этот опыт знаком нам как эффект «Волшебной горы» Томаса Манна: возникает ощущение, что мы «лета и не видели», списываем все на погоду, хотя в действительности это означает, что «благодаря свободе, даваемой болезнью», — понимая под этим свободу необремененного делами и заботами времяпрепровождения, — мы сами «упустили» это лето, «безрассудно рас-

¹² Об этом можно прочесть в заметке «Тайна Леонардо да Винчи» (Leonardo da Vincis Geheimnis // Neue Zürcher Zeitung. 1990. 8. August. S. 61). «Он ненавидел сон», — сообщает нам об этом Рихард Фриденваль (Friedenthal R. Leonardo. Eine Biographie. München; Zürich, 1983. S. 65). В той же работе (S. 63) цитируются слова самого Леонардо: «Лучше смерть, чем усталость». Однако в других биографических описаниях Леонардо характеризуется вовсе не как строгий и последовательный пользователь времени, а скорее как непостоянный сезонный рабочий, в деятельности которого сменяются страстная самоотдача своему делу и периоды безделья (об этом пишет Кеннет Кларк: Clark K. Leonardo da Vinci in Selbstzeugnissen und Bild-dokumenten. Hamburg, 1969. S. 89).

¹³ См. Strauch I. Schlafstörungen als psychologisches Problem. Zürcher Antrittsrede am 1. Juli 1978 // Berichte aus der Abteilung Klinische Psychologie. Nr. 7. Zürich, 1978.

трачивая время, личное и календарное», а вместе с тем — и жизненное время этого лета¹⁴.

Время, заполненное деятельностью и коммуникацией, пролетает быстро, а когда мы актуализируем его в воспоминании, длится долго, время же, которое мы сейчас проводим в скуке, в воспоминании пролетит незамеченным, — этот опыт является общеизвестным и вышел далеко за пределы тематического к нему обращения в современном романе о времени (*Zeit-Roman*)¹⁵. Ссылки на этот общечеловеческий опыт, дидактической целью которых является соотнесение с теми знаниями, которыми обладают дилетанты, весьма популярны даже в специальной психологической и социологической литературе по теории субъективного восприятия времени¹⁶, поэтому не помешало бы провести небольшое исследование культурной истории роста внимания к феноменам субъективного восприятия времени, чтобы выяснить, с какого момента и в каких литературных и научных контекстах стало тематизироваться обратное соотношение краткой и продолжительной длительности времени как,

¹⁴ Mann T. Der Zauberberg. Roman: Zweiter Band. S. 375, 436. (Moderne Klassiker, Fischer Bücherei 105). Рус. пер.: Манн Т. Волшебная гора / пер. с нем. В. Курелла // Манн Т. Собр. соч.: в 10 т. Т. 4. М., 1959. С. 20, 101. [Автор комбинирует две цитаты романа: «Не права ли Клавдия, считая, что свобода, даваемая болезнью, избавляет ее и от необходимости писать?» и «Неужели пришла зима? Если верить чувствам, то создавалось такое впечатление, и все жаловались, что “лета и не видели”, хотя сами же его упустили, безрассудно растрчивая время, личное и календарное, в чем им помогали окружающие естественные и искусственные условия» (Ч. II. Гл. 6. Перемены; Ярость. И еще нечто крайне тягостное).]

¹⁵ О месте «Волшебной горы» Томаса Манна в контексте других крупных романов о времени, написанных в нашем столетии, см.: Lindsay J. Der Zeitbegriff im “Zauberberg” // Sinn und Form. Beiträge zur Literatur / Herausgegeben von der Deutschen Akademie der Künste. Sonder Heft Thomas Mann 1965. Berlin, 1965. S. 144–156.

¹⁶ Такие ссылки уже давно получили распространение, прежде всего, в психологии скуки: Hoche A. Langeweile // Psychologische Forschung. 1923. Nr. 3. S. 258–271. Можно назвать классическим — по причине его частого цитирования — следующее краткое описание, принадлежащее Уильяму Джемсу: «In general, a time filled with varied and interesting experiences seems short in passing, but long as we look back. On the other hand, a tract of time empty of experiences seems long in passing, but in retrospect short» (James W. The Principles of Psychology (1890). Authorized, unabridged Edition 1950. Vol. I. S. 624). Рус. пер. (в авторском сокращенном издании): «Вообще говоря, время, заполненное разнообразными и интересными впечатлениями, кажется быстро протекающим, но, протекая, представляется при воспоминании о нем очень продолжительным. Наоборот, время, не заполненное никакими впечатлениями, кажется длинным, протекая, а протекая, представляется коротким» (Джемс У. Психология / под ред. Л.А. Петровской. М.: Педагогика, 1991. С. 184). Об общем значении этих наблюдений для теории времени см.: Sorokin P.A., Merton R.K. Social Time. A Methodological and Functional Analysis // The American Journal of Sociology. March 1937. Vol. XLII. No. 5. P. 615–629. Рус. пер.: Сорокин П., Мертон Р. Социальное время: Опыт методологического и функционального анализа // СоцИс. 2004. № 6. С. 112–119). См. также: Schmied E. Soziale Zeit. Umfang, “Geschwindigkeit” und Evolution. Berlin, 1985. S. 86 и далее — параграф «Проблема скорости протекания социального времени» («Das Problem der Geschwindigkeit sozialer Zeit»).

9. ВРЕМЯ ПЕРЕЖИВАЕМОЕ И ВРЕМЯ ИЗМЕРЯЕМОЕ

с одной стороны, актуально пережитого и, с другой стороны, вспоминаемого времени.

Эти феномены описывать легко. Но понять их не столь просто. Почему в нашем воспоминании длится долго то, что в актуальном опыте пролетело быстро? Это становится понятным, если увеличение времени, ощущаемое при взгляде на прошлую жизнь, измерить мерой времени рассказа (Erzählzeit), которое необходимо для того, чтобы актуализировать в памяти его содержание. Увеличение продолжительности этого времени рассказа и субъективное увеличение времени актуализированной посредством воспоминания жизни, по всей видимости, соотносятся между собой прямо пропорционально. Это звучит с псевдопретензией на точность, но все же раскрывает некоторую связь, если уяснить, что нарративная актуализация того отрезка времени жизни, который уже в прошлом, не является произвольным актом действия общающихся между собой субъектов, т.е. таким актом, от которого молчаливый по своему складу человек равным образом мог бы и отказаться. Напротив, благодаря подобной актуализации субъекты идентифицируют себя через свое прошлое и лишь таким образом обретают ту идентичность, без которой субъект вовсе не смог бы относиться к будущему как к своему собственному будущему.

Наполненность времени увеличивает время жизни, и как раз поэтому простая истина, что жизнь коротка, не является исчерпывающей. «У человека есть две с половиной минуты: одна на улыбку, другая на вздох, и полминутки, чтобы любить, потому посреди этой минуты он умрет». Это написал Жан Пауль маленькому Вальтеру фон Гёте* в альбом. Дедушка Гёте считал, что эти слова — не единственное, чем можно напутствовать ребенка на жизненном пути относительно продолжительности и краткости жизни, и добавил ниже: «Их шесть десятков есть в часу, больше тысячи за день. Сообрази, сынок, сколько всего можно сделать успеть»¹⁷. Разумеется, из общечеловеческого, а также — по причине его элементарной жизненной значимости — широко представленного в литературе опыта, состоящего в том, что время жизни увеличивается вместе с наполненностью жизни, нельзя сделать вывод, что наполнение времени с целью выигрыша времени — это подходящее средство для увеличения времени жизни, достигаемого путем сокращения пустого жизненного времени. Поэтому с условиями выигрыша жизненного времени дело обстоит так же, как с условиями счастья. Счастье, согласно старому учению¹⁸, это состояние, в котором никто не может оказаться, преследуя цель в нем оказаться. Напротив, счастье — это прямо не предполагаемое побочное следствие осмысленного действия, а именно — следствие добродетельной жизни, если выражаться на языке традиционной, но, невзирая на ее возраст, не устаревшей, т.е. классиче-

* Внук Иоганна Вольфганга Гёте (1818–1885), композитор.

¹⁷ Goethes poetische Werke. Vollständige Ausgabe. 1. Bd. Gedichte, S. 1031 (приписка-стихотворение Гёте под изречением Жан Пауля сочинена 9 апреля 1825 г.).

¹⁸ См. об этом в названной в примеч. 7 работе Гюнтера Бьена.

ской этики. То же самое относится и к обращению со временем: его пустоты не избежать, заполняя его с намерением ее избежать. Делай, что необходимо, что имеет смысл и что можешь сделать — тогда из пустоты времени возникнет его полнота.

Подобные описания для некоторых людей неизбежно звучат с несколько пасторскими нотками. Но такова суть дела. Ибо культура обращения со временем — это общераспространенная культура повседневности. Ее действительное значение не исчерпывается литературными традициями эзотерической моралистики. Сюда относятся также колонки житейских советов в журналах для семейного чтения, и даже церковные съезды, как мы видели¹⁹, обращались к данной теме, пусть и не всегда удачно. Актуальная культур-критика и без того обращена к этой теме, но если Гёте, как было процитировано, еще считал необходимым поговорить с внуком о полноте времени, то сегодня в экономике свободного времени специфическим для нашей эпохи считается, напротив, феномен «самоэксплуатации». Как пишут сегодня, даже те, кого нельзя назвать «затравленным до безумия повседневностью», «вынуждены перейти от пустого времяпрепровождения к быстрым действиям»²⁰. Действительно, в современных жизненных условиях в некоторых важных отношениях объективно стало труднее сформировать жизненно верную культуру обращения со временем. Но это вовсе не доказывает, что сегодня утратил свою состоятельность опыт, состоящий в том, что наполненное время увеличивает время жизни, а пустое его сокращает. Это только доказывает, что традиции обхождения со временем, связанные со сравнительно постоянными условиями жизни, утратили свою значимость в силу динамики изменения наших жизненных условий. Поэтому наше обращение со временем является небывало свободным от значимости традиции, что ведет, соответственно, к уменьшению гомогенности наблюдаемой культуры обращения со временем.

Субъективное увеличение времени, зависящее от его полноты и пустоты, распространяется, разумеется, и на наше отношение к будущему. Этот повседневный опыт также давно знаком каждому по субъективному увеличению времени, проведенному в пути. «A familiar journey seems to take less time than unfamiliar»²¹. Неважно, путешествуем ли мы пешком, едем ли на поезде или даже летим на самолете (когда мы, глядя в окно, иногда пытаемся распознать ориентиры) — всегда время в первый раз длится дольше, чем при повторной поездке. Почему так происходит? Ответ следующий: будущее время еще незавершенной поездки по хорошо знакомому пути сопровождается постоянно реализующимися ожиданиями, тогда как в случае незнакомого пути, напротив,

¹⁹ См. наст. изд., с. 315.

²⁰ Так считает Клаус Лерманн: *Laermann K. Alltags-Zeit. Bemerkungen über die unauffälligste Form sozialen Zwangs // Kursbuch 41: Alltag. September 1975. S. 87–105, S. 99.*

²¹ Так излагает свое восприятие этого хорошо известного повседневного опыта Джон Коэн: *Cohen J. The Experience of Time // Révész G. (ed.). Acta Psychologica. 1954. Vol. X. S. 207–219, S. 209.* [«Путешествие по знакомому маршруту кажется не таким долгим, как по незнакомому» (англ.).]

9. ВРЕМЯ ПЕРЕЖИВАЕМОЕ И ВРЕМЯ ИЗМЕРЯЕМОЕ

оно не заполнено. Но пустое будущее время увеличивается в точности комплементарно к эффекту сокращения, в силу которого уменьшается пустое время в прошлом, тогда как, в противоположность этому, определенное ожидание сокращает будущее время в той же мере, в какой его наполнение увеличивает прошедшее время.

Увлекательно до тонкостей разбираться в феноменологии субъективного опыта восприятия времени. Если не уходить от примера с увеличивающимися или сокращающимися отрезками времени в пути, то можно было бы проанализировать всякого рода дополнительные условия, от которых зависит, действительно ли связанное с определенными ожиданиями будущее время воспринимается как время, протекающее быстрее. Важнейшим из таких условий является то, что время, течение которого должно наполняться определенным ожиданием, проводится не исключительно в ожидании, а напротив, в совершении действий, которые при этом можно совершать. Банально утверждать, что к этим действиям — благодаря суверенитету в отношении времени — может относиться также отсутствие действия, и столь же банально то, что отсутствие действий и заполняющие время ожидания действия никоим образом не следует воспринимать как эквиваленты. В непатологическом нормальном случае нашего жизнепрепровождения время ожидания, которое мы проводим исключительно в ожидании (отвлекаясь от особых случаев, в которых именно отсутствие действий ощущается как особенно действие, дающее ощущение счастья), является временем, проведенным в скуке. Крайней степени интенсивности опыт такой скуки достигает тогда, когда то, что мы ожидаем, совершенно ничего не делая, есть именно начало нашей собственной деятельности. Затачиваем карандаши, но ничего не пишем, намечаем расписание нужной поездки, но никуда не отправляемся, в который раз перечитываем письмо, на которое необходимо ответить, но так и не беремся за ответ, по многу раз проверяем, поспели ли плоды в саду, пока те не сгниют, — все это в конечном счете приводит к состояниям, которые Гончаров в своем несравненном романе о времени²² назвал «обломовщиной»²³. Грустному времяпрепровождению по образцу Обломова противостоит исполненное наслаждением отсутствие действия, которое описал Фридрих Шиллер²⁴, а именно такое состояние упоения

²² *Gontscharow I. Oblomow: Roman / Aus dem Russischen übersetzt von C. Brauner. Nachwort von F. Ernst. 2. Aufl. Zürich, 1987.* На русском языке роман впервые опубликован в 1859 г.

²³ О культурной истории скуки см.: *Rehm W. Gontscharow und die Langeweile // Rehm W. Experimentum Medietatis. Studien zur Geistes- und Literaturgeschichte des 19. Jahrhunderts. München, 1947. S. 96–183.*

²⁴ Так по смыслу Шиллер пишет в заключительном замечании к 21-му письму из его «Писем об эстетическом воспитании человека»: *Schiller F. Über die ästhetische Erziehung des Menschen in einer Reihe von Briefen // Schiller F. Sämtliche Werke. Fünfter Band. 6. Aufl. München, 1980, S. 570–669, S. 636.* Рус. пер.: *Шиллер Ф. Собрание сочинений. Т. 6. Статьи по эстетике. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1957. С. 320–322 (21-е письмо).*

собственными силами, когда человек до определенного времени оттягивает момент, чтобы, само собой разумеется, перейти к их использованию.

Суть дела такова, что феноменология субъективного опыта времени, которая представлена в поэтической литературе о времени, написанной в XIX и XX вв., по большей части нагляднее и точнее, чем феноменология опыта времени, с которой можно встретиться в текстах философов. Но здесь мы не будем говорить о феноменологии. Самые заметные феномены и без того знакомы каждому по собственному жизненному опыту, и существует общий культурный обычай иногда открыто о них поговорить, например, на семейных или дружеских встречах, редкость которых дает повод вспомнить о том опыте времени, который повлиял на чью-либо жизнь. Это случается на любых похоронах, на встречах выпускников, которые сегодня — помимо своих конвенциональных целей — дают возможность постичь ту историческую сингулярность, которая в динамической цивилизации отмечает жизненный опыт, связанный с определенной возрастной группой²⁵. Обычно на таких встречах обмениваются также опытом восприятия времени, т.е. он совместно подтверждается как всеобщий опыт. Однако топос «как быстро летит время» не дает, пожалуй, при этом ничего, кроме установления коммуникативного согласия, — ведь в ходе разговора оно всегда должно опираться на непротиворечивость, но на таких редких мероприятиях не приняты обычные в других случаях переходы к разговорам о погоде, а требуется подтверждение одновременности (*Kontemporalität*) жизненных ситуаций. Если кто-то скажет, что протекшие с последней встречи пять лет пронеслись быстрее, чем три или четыре года, которые пролегли между последней и предпоследней встречей, то он, конечно, выразит еще один известный всем опыт, сопровождающий процесс старения. Но на последующий затем вопрос, в чем же тут дело, уже нельзя будет ответить, перейдя на топосы мудрых изречений или общие места. В беседу, которая развивается вокруг этого вопроса, включатся участники, искушенные в вопросах психологического развития, а также знатоки литературы или феноменологически одаренные и способные к самоописанию наблюдатели. Почему в опыте восприятия времени гимназиста-первоклассника экзамены на аттестат зрелости находятся далеко в будущем — дальше, чем у химика-первокурсника находится его защита диссертации, хотя хронологически эти периоды примерно одинаковы? Не нужно быть психологом, чтобы понять, что заметный характер ограниченности горизонта будущего, бы-

²⁵ В менее динамических цивилизациях, как и в нашей, также, естественно, существуют — что банально — конвенциональные представления о соответствии жизненного опыта и возраста. Само же это возрастное соответствие является при этом межпоколенческой константой. В этом определенном отношении ничего не меняется и в динамической цивилизации. Но здесь дополнительно к этому появляется новый опыт, состоящий в том, что в зависимости от необратимых изменений цивилизационных обстоятельств существует такой возрастной опыт, связанный с этими жизненными обстоятельствами, который аналогичные возрастные группы в более ранних поколениях никогда не имели и в будущих поколениях также никогда снова иметь не смогут.

стро проявляющийся по мере взросления, есть функция активного заполнения будущего деятельностью-мотивирующими интересами, соответствующими планами и ожиданиями. Пока мы еще не располагаем далекой перспективой будущего, на которую уже в настоящее время темпорально ориентированы собственные действия, будущее становится удаленным от настоящего на безмерные периоды времени. Если, наоборот, человек стал компетентным в соответствующей сфере деятельности и благодаря профессии или иной жизненной ситуации мотивирован к этой деятельности, то уже теперь актуализируются те будущие периоды времени, быстро увеличивающиеся в определенных жизненных фазах, на которые распространяются собственные жизненные и деятельные планы, и именно поэтому будущее уже не является далеким, а напротив, близким — это уже актуализированное будущее. Все, кто должен сопровождать или способствовать развитию детей, школьников, учащихся профессиональных школ или студентов, обладают насыщенным опытом общим знанием о том, что таким вот образом структурированные временные перспективы развиваются с большими различиями, зависящими от индивидуальных особенностей образования, социального положения, а также психологических предрасположенностей. При этом исследование развития временных перспектив в зависимости от возраста, равно как и установление средних показателей результатов таких исследований, включая распределение случаев с отклонениями, причиной которых интересуются, прежде всего, в силу понятных практических оснований, — все это является делом методологически разработанных эмпирических подходов²⁶. К изменениям в актуальном восприятии будущего, которые настоятельно вторгаются в обычную жизнь субъекта²⁷, относятся прежде всего перемены, связанные с преклонным возрастом. Если исследователи обращаются к этому вопросу, то сразу обнаруживают то, что и так уже известно пожилым людям, достигшим некоторых успехов в дескриптивной объективации своего возрастного опыта, а именно, что в перспективе будущего вплоть до глубокой старости все будет гораздо больше определяться здоровьем и болезнями, сохранившимися или распавшимися семейными или прочими отношениями, а также большей

²⁶ В качестве примера см.: *Mieszler M. Leistungsmotivation und Zeitperspektive. Ein empirischer Vergleich der Ergebnisse von Volksschülern und lernbehinderten Sonderschülern. München, 1976.* Краткий, но разнообразный обзор важнейших аспектов развития временной перспективы дает Роберт Кастенбаум: *Kastenbaum R. The Dimensions of Future Time Perspective, and Experimental Analysis // The Journal of General Psychology. 1961. No. 65. P. 203–218.* О зависимости временной перспективы от социального слоя см.: *Tisner K.-G. Zeitperspektive und soziale Schichtzugehörigkeit // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 1985. 37. Jahrgang. S. 677–697.* Полезные в педагогическом отношении прикладные разработки можно найти в социально-критически мотивированной работе Герды Касакос: *Kasakos G. Zeitperspektive, Planungsverhalten und Sozialisation. Überblick über internationale Forschungsergebnisse. München, 1971.*

²⁷ См. об этом: *Neugarten B.L. Time, Age, and the Life Cycle // The American Journal of Psychiatry. July 1979. No. 7 (136). P. 887–894, p. 890.*

или меньшей смысловой очевидностью собственной деятельности, чем хронологическими подсчетами в отношении приближающегося конца жизни²⁸. Представление о том, что угроза предстоящей смерти занимает все больше наши мысли по мере уменьшения числа тех лет, которые нас еще, по всей вероятности, от нее отделяют, — это далекий от актуальной релевантности продукт случайной фантазии молодежи относительно старости. Верно, напротив, то, что и в пожилом возрасте люди проводят вероятностные подсчеты относительно конца жизни только в тех жизненных ситуациях, когда — вместо приобщения к подлинности вот-бытия посредством принятия себя самого как «бытия-к-смерти»* — речь идет о том, чтобы получить страховую сумму по договору о страховании жизни, срок которого — вопреки математическим расчетам вероятностей, производимым при страховании жизни, — оказался превышен, или же о том, чтобы согласиться с непременно пугающе высоким страховым взносом, который придется заплатить, если вы захотите застраховать на случай смерти взятый в пожилом возрасте кредит. Таковы те случаи, когда в индивидуальной жизненной практике обретают значение таблицы смертности — относительно недавнее с точки зрения науки (а точнее, относящееся к началу Нового времени) достижение теории вероятностей по определению нашей темпоральной структуры жизни (*Lebensverfassung*)²⁹. Но и вне зависимости от подобных крайностей, т.е. вычислений хронологического времени жизни, к которым принуждает практика страхования жизни, в пожилом возрасте люди обычно относятся к объективному сокращению оставшегося времени жизни не экзистенциально, а деятельно — в форме социально или культурно обусловленных действий. Нужно делать распоряжения для завещания; известные авторы заботятся о сохранности своего наследия; разбирающийся в ритуальных вопросах благочестивый человек заблаговременно указывает стих из Библии, под которым должно быть напечатано объявление о его смерти. По сути это означает следующее: даже в пожилом возрасте и, более того, именно в это время присутствие смерти — это присутствие сроков завершения необходимых дел перед лицом ее предстоящего прихода. Но поскольку человек реалистично все еще не может рассчитать этот предстоящий приход, то и в пожилом возрасте времен-

²⁸ См. об этом: *Lehr U. Attitudes towards the Future in Old Age // Human Development. 1967. No. 10. P. 230–238.*

* Здесь скрытая ироничная отсылка к работам Мартина Хайдеггера. Здесь и далее в контексте использования терминологии Хайдеггера понятие «Dasein» передается как «так-бытие».

²⁹ Об истории страхового дела, развитие которого связано со специфически новоевропейскими социальными условиями, см. в качестве примера: *Arps L. Auf sicheren Pfeilern: deutsche Versicherungswirtschaft vor 1914. Göttingen, 1965.* Кроме того: *Halpérin J. Les assurances en Suisse et dans le monde. Leur rôle dans l'évolution économique et sociale. Neuchâtel, 1946.* Об историко-математических предпосылках страхового дела см.: *Stigler S.M. The History of Statistics. The Measurement of Uncertainty before 1900. Cambridge (Mass.); London, 1986.*

ная перспектива отмечена этим предстоящим приходом смерти столь же мало, как и в более ранние годы жизни. Вот почему более важными оказываются другие различия в отношении к будущему у молодых и пожилых людей. Решающим моментом здесь, по-видимому, является прежде всего уменьшающееся с возрастом количество возможностей что-нибудь сделать снова, но по-другому. В такой формулировке соответствующий жизненный опыт выглядит как опыт смирения, и это подходящая формулировка. Тем не менее наряду с уменьшением количества возможностей сделать что-либо по-другому не растет *eo ipso* количество того, что человек считает необходимым сделать по-другому. Это означает, что в удачном с точки зрения жизненной практики случае³⁰ в пожилом возрасте достигается состояние согласия с собой, чего не бывает в ранние периоды жизни, когда детство уже завершилось, и что для молодых людей, действительно, было бы неадекватно их возрасту. «Сверхидентичность» — так Гельмут Шельски назвал это специфически возрастное отношение к себе³¹. Конечно, встречаются случаи, в которых «сверхидентичность» Шельски есть не что иное, как синоним «старческой косности» — в завуалированной форме, приданной ей словесной жеманницей. Но как правило, особенно если исходить из современных теорий идентичности³², мы слышим в понятии «сверхидентичность» то достигаемое лишь с возрастом согласие с самим собой, которое и обуславливает специфическое старческое спокойствие³³. Для перспективы будущего в пожилом возрасте это означает, что она — даже тогда, когда она в остальном остается наполненной очевидными замыслами, а также уверенностью в жизненно важных семейных и иных социальных отношениях, — становится, в конце концов, перспективой, лишенной жизненных планов. Смерть уже ничего больше не прерывает, и именно поэтому может быть даже желанной. При этом в рамках такой структуры жизни долгосрочная перспектива того, что она все еще не приходит, была бы несносной. Именно поэтому в эпоху, когда процветает геронтология и когда из добрых, даже настоятельных намерений ободряют и побуждают пожилых людей к тому, чтобы они оставались деятельными, испытываешь

³⁰ Об «успешном возрасте» говорят Пауль и Маргрет Бальтес: *Baltes P.B., Baltes M.M. Optimierung durch Selektion und Kompensation. Ein psychologisches Modell erfolgreichen Alters // Zeitschrift für Pädagogik. 1989. Jahrgang 35. Nr. 1. S. 85–105.*

³¹ В ходе бесед с Шельски, когда обсуждались следующие его работы, посвященные теории возраста: *Schelsky H. Die Paradoxien des Alters in der modernen Gesellschaft (1959) // Schelsky H. Auf der Suche nach Wirklichkeit. Düsseldorf; Köln, 1965. S. 198–221.* Помимо этого: *Schelsky H. Das Prinzip Erfahrung. Lebensgrundlage einer Generation. Vortrag am 15. März 1977 vor der Industrie- und Handelskammer für Rheinhessen in Mainz. 23 S.*

³² По теме «идентичность» см. представительный для междисциплинарных исследований сборник: *Marquard O., Stierle K. (Hrsg.). Identität. Poetik und Hermeneutik. Arbeitsergebnisse einer Forschungsgruppe VIII. München, 1979.*

³³ По теме «старческое спокойствие» см.: *Kruse A. Sterben und Tod — Bestandteil unseres Lebens // Kruse A., Lehr U., Rott Chr. (Hrsg.). Gerontologie — eine interdisziplinäre Wissenschaft. München, 1987. S. 448–494.*

удовлетворение, когда узнаешь о результатах эмпирических исследований по расширению временной перспективы пожилых людей, заключающихся в том, что в весьма преклонном возрасте она все же сокращается — быстро и существенно³⁴. Это эмпирически обоснованное свидетельство приносит удовлетворение, поскольку на этот раз оно подтверждает и без того культурно широко распространенный предрассудок относительно временной структуры нашей жизни в глубокой старости.

Но важнее, чем детали феноменологии субъективного восприятия времени, является ответ на вопрос о том, что в контексте культуры модерна сделало субъективное восприятие времени заметным как никогда прежде. Применительно к поэтической литературе этот вопрос звучит так: «Почему проблема времени играет такую важную роль» именно «у модернистских писателей»?³⁵ Ответ, на мой взгляд, должен быть такой: проблема обхождения со временем становится настойчивой тогда, когда субъекты, получившие свободу для самостоятельной деятельности в социальных рамках ставшего автономным искусства, должны продемонстрировать свой суверенитет в отношении времени, когда, кроме того, объективно растущее изобилие возможностей требует от них компетенций отбора, точнее говоря — отказов и самоограничений, и когда тем самым дисциплина времяпрепровождения предстает как важнейшая предпосылка креативности. Опыт времени как опыт творческой свободы — важная тема в философии Бергсона³⁶. Именно благодаря своему анализу времени Бергсон приобрел большое влияние в философии³⁷. Бергсон, разумеется, принадлежит — и так считают не только французы — к небольшой группе философов, которых можно одновременно ценить также за их литературное дарование, и он вполне заслуженно снискал славу нобелевского лауреата³⁸. Тем не менее точность описаний не относится к числу его сильных сторон. Недостаток феноменологической четкости при актуализации субъективного опыта времени компенсируется энтузиазмом, и это как раз действовало на

³⁴ См. об этом основательное, изобилующее интересными материалами исследование Вольфганга-Фридриха Шнайдера: *Schneider W.-F. Zukunftsbezogene Zeitperspektive von Hochbetagten. Dissertation. Bonn, 1987.*

³⁵ *Lindsay J. Der Zeitbegriff im "Zauberberg" // Sinn und Form. Beiträge zur Literatur. Sonderheft Thomas Mann. 1965. S. 144–156, S. 145.*

³⁶ *Bergson H. Essai sur les données immédiates de la conscience. Paris, 1889.* В немецком переводе книга вышла в 1911 г. в Йене под названием «*Zeit und Freiheit. Eine Abhandlung über die unmittelbaren Bewußtseinsstatsachen.*». Рус. пер.: *Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания / пер. Б.С. Бычковского // Бергсон А. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М., 1992.*

³⁷ *Meyer R.W. Bergson in Deutschland. Unter besonderer Berücksichtigung seiner Zeitauffassung // Orth E.W. (Hrsg.). Studien zum Zeitproblem in der Philosophie des 20. Jahrhunderts. Freiburg; München, 1982. S. 10–64.* См. также обширный указатель литературы по истории рецепции Бергсона в книге Гюнтера Пфлюга: *Pflug G. Henri Bergson. Quellen und Konsequenzen einer induktiven Metaphysik. Berlin, 1959. S. 359–366.*

³⁸ А именно в 1927 г.

читателя. «Чистая длительность есть форма, которую принимает последовательность наших состояний сознания, когда наше “я” просто живет, когда оно не устанавливает различия между наличными состояниями и теми, что им предшествовали»³⁹. «Чистая длительность» у Бергсона — это и есть знаменитое обозначение времени, как его познает на опыте субъект, когда он, так сказать, неотчужденно пребывает самим собой, когда он не подвергается социальному давлению, принуждающему темпорально — по масштабу измеренного времени — координировать течение собственной жизни с жизнью других людей. Отчужденное время, полагал Бергсон, есть проецируемое «в пространство» время⁴⁰, и часы с их циферблатами и окружностями, а также масштабированные временные пространства календарей или же хронологических таблиц исторических событий наглядно показывают нам, что это должно означать. И астрономы, и начальники железнодорожных станций, внушает нам анализ времени у Бергсона, словно бы отдали себя в распоряжение времени, выраженному в пространстве, и тем самым расстались со своей творческой субъективностью. «Наша поверхностная психическая жизнь» разыгрывается в вульгарном времени последовательностей, получивших пространственное выражение и подчиненных социальному контролю. И напротив, «по мере того как мы проникаем все дальше в глубины сознания» и обнаруживаем «внутреннее “я”, чувствующее, волнующееся», мы открываем также чистое время как время «чистого сознания»⁴¹ — время творческого субъекта, пребывающего в неотчужденном состоянии.

Эти отличающиеся некоторой загадочностью размышления и утверждения Бергсона, как мне кажется, становятся понятными только в том случае, если воспринимать их как рефлексии индивида, принадлежащего к обществу модерна и занятого художественной или иной творческой деятельностью, который описанным выше образом⁴² существует максимально независимо от социальных обязанностей и в этом смысле — автономно, точнее говоря, автономно в вопросах распоряжения временем. Тогда он либо, творчески самоопределяясь, превращает свою свободу распоряжения временем в смысл, либо вместе со своим временем теряет и сам себя, а именно, отрекаясь от самого себя и погружаясь в хлопоты общественной жизни, где использование времени подчинено социально контролируемым правилам. Можно понять, что исключительное влияние анализа времени, проведенного Бергсоном, следует приписывать не его феноменологической точности, а приглашению к суверенному в отношении времени творчеству, которое читатель — вполне по праву — полагал, что может отнести к себе.

На самом деле бергсоновское противопоставление субъективного времени, в котором неотчужденный субъект познает себя в своей творческой потен-

³⁹ Bergson H. Op. cit. P. 78. Рус. пер.: Бергсон А. Указ. соч. С. 93. (См. примеч. 36.)

⁴⁰ Ibid. P. 79. Рус. пер.: Там же. С. 93.

⁴¹ Ibid. P. 98. Рус. пер.: Там же. С. 104.

⁴² См. наст. изд., с. 332.

ции, с одной стороны, и выраженного в пространстве, а именно измеряемого и подчиненного социальному времени наших обязанностей — с другой, является фикцией. Она привлекательна для субъектов, принадлежащих к обществу модерна, которые — в специфической для модерна манере — возвели в идеал тотальную свободу распоряжения временем, тогда как они уже и без того располагают достаточным временем, в рамках которого они полностью предоставлены собственному самоопределению. С этим можно согласиться, если рассматривать такую позицию как выражение темпорального настроения субъектов, представляющих художественные или другие профессии, где требуется автономное распоряжение временем. А в остальном это противопоставление является псевдофеноменологическим противопоставлением. Его подверг критике уже Мартин Хайдеггер, сделав вывод, что время, с которым мы имеем дело в повседневной практике, пользуясь, например, часами или производя отсчет времени, является вполне «подлинным явлением времени», а «никак не овнешнением некоего “качественного времени” до пространства, как стремится утверждать онтологически совершенно неопределенная и недостаточная интерпретация времени у Бергсона»⁴³. Нет «ничего более ошибочного», подтвердил позднее Жан Пиаже, «чем полагать, будто метафизика Бергсона соответствует действительному психологическому развитию темпоральных отношений»⁴⁴. То, чем является время, раскрывается в обращении с ним, а не в интроспективном наблюдении нашей субъективности, свободной от такого обращения. «Временной порядок», в котором мы учимся ориентироваться, «имеет операциональную, а не созерцательную природу»⁴⁵. В качестве примера приводится тот факт, что дети, которые к началу школьного возраста по понятным причинам еще, как правило, оценивают возраст людей по их росту, лишь с большим трудом, усваивая понятие скорости, учатся понимать, что их младший брат, который оказался на голову выше их, остается, тем не менее, их младшим братом⁴⁶. Это звучит банально. Но эмпирическое развитие фактической эволюции наших способностей, позволяющих нам ориентироваться во времени — вещь совсем не банальная, а идентификация тех понятий времени, которые операционально выработались в ходе этой эволюции и теперь находятся в нашем распоряжении, — не банальна и подавно. Прежде всего речь идет о понятии скорости, благодаря которому нам впервые удается дифференцировать и одновременно операционально связать между собой опыт пространства и опыт времени. Именно в таких контекстах вырабатывается то

⁴³ *Heidegger M. Sein und Zeit. Erste Hälfte. Halle a.d.S., 1927. S. 333.* Рус. пер.: *Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. и примеч. В.В. Библихина. 2-е изд., испр. СПб.: Наука, 2002. С. 333.* [Пагинация немецкого и русского издания совпадают, далее цитаты частично даны в собственном переводе.]

⁴⁴ *Piaget J. Die Bildung des Zeitbegriffs beim Kinde. Frankfurt am Main, 1974. S. 275.* Оригинальное французское издание вышло в 1946 г. под названием «Le développement de la notation de temps chez l'enfant».

⁴⁵ *Ibid.* S. 18.

⁴⁶ *Ibid.* S. 281.

9. ВРЕМЯ ПЕРЕЖИВАЕМОЕ И ВРЕМЯ ИЗМЕРЯЕМОЕ

понятие времени, которое Мартин Хайдеггер любил называть «вульгарным и традиционным понятием времени»⁴⁷. Речь идет о понятии времени, длительность которого задается посредством множества многократно повторяющихся процессов, а также в рамках которого мы характеризуем скорость того, что движется, многократно повторяя один период — до тех пор пока движущийся предмет продолжает двигаться. «Традиционным» такое понятие времени является без всяких сомнений. Но почему оно «вульгарное», остается загадкой. Правильнее было бы, напротив, назвать его элементарным. Ведь не на уроках же физики в средних классах гимназии нас впервые учат тому, чтобы соотносить наш опыт времени с объективированными — т.е. представленными в виде шкалы — отрезками времени, а также измерять и сравнивать различные скорости в пределах этих временных рамок. Такого рода ориентация во времени формируется, напротив, во всевозможных видах повседневной практики. Темпоральная координация действий без уверенного операционального обхождения с «вульгарным» понятием времени была бы совершенно невозможна. Мы не знали бы ни наш возраст, ни дату нашего рождения и вообще не сформировали бы той индивидуальной идентичности, которую мы неповторимо обретаем, интегрируясь в межпоколенческий, социальный и культурный жизненный контекст, чей порядок времени как раз и охарактеризован Хайдеггером как «вульгарный»⁴⁸.

«Как и почему происходит формирование вульгарного понятия времени, нуждается в прояснении, исходящем из фундированного временем строя бытия, который отличает вот-бытие, озабоченное временем», — говорит Мартин Хайдеггер⁴⁹. На эту потребность в прояснении ответили эмпирики, встречающиеся среди теоретиков времени, в особенности же Пиаже, занимавшийся вопросом индивидуально-психологического генезиса нашей ориентации во времени, который независим от специфики исторических эпох. Если эти результаты также считать «вульгарными», руководствуясь дезориентирующим влиянием феноменологического антипсихологизма, тогда обещанная теория «формирования вульгарного понятия времени» съезживается, в конце концов, до уверения в существовании «временности как изначального времени»⁵⁰. Вместо того чтобы действительно показать и сделать наглядным, каким образом в ходе генетического развития человеческой ориентации в окружающей его реальности ориентация во времени имеет своей предпосылкой операциональную доступность именно этого «вульгарного» понятия времени, а также понятие скорости, позволяющее связывать пространство и время, из

⁴⁷ Heidegger M. Op. cit. (См. примеч. 43.) S. 349.

⁴⁸ См. об этом: Bieri P. Zeiterfahrung und Personalität // Burger H. (Hrsg.). Zeit, Natur und Mensch. Beiträge von Wissenschaftlern zum Thema "Zeit". Berlin, 1986. S. 261–281. Далее см. также аналитически превосходную дескрипцию в более ранней работе Петера Биери: Bieri P. Zeit und Zeiterfahrung. Exposition eines Problembereichs. Frankfurt am Main, 1972.

⁴⁹ Heidegger M. Op. cit. (См. примеч. 43.) S. 405.

⁵⁰ Ibid.

грубого факта «вульгарной» практики человеческой ориентации во времени тут же делается заключение к понятию «изначального времени», которое следует предположить как условие возможности повседневной-практической ориентации во времени. Если бы структура вот-бытия не была бы изначально временной, то невозможно было бы научить ребенка проводить различие между «больше» и «старше» — так может рассуждать философ, устранившийся от эмпирии, объявляемой «вульгарной», в трансцендентальные или фундаментально-онтологические области. Но тем самым он только удваивает метафизику в дурном значении этого слова, т.е. возводит продукт своей абстракции от конкретного в статус основы этого конкретного. «Вульгарное понятие времени обязано своим происхождением нивелированию изначального времени»⁵¹, — говорит Мартин Хайдеггер, и в этой формулировке раскрывается, что подлинным интересом, движущим его описания темпоральных состояний, является не дескриптивная феноменология, а культур-критика. «Вульгарное» понимание времени предстает как момент «вульгарного понимания вот-бытия». В качестве «вульгарного» характеризуется «самозабвенное “представление” о “бесконечности” публичного времени», ориентироваться на которое означает пуститься в «бегство от смерти». Все верно: время как вульгарное, а именно шкалированное время позволяет провести мыслительную операцию по какому угодно продлению его в будущее. И на этом основании Хайдеггер ошеломляющим образом полагает возможным заключать, что содержание нивелированного в темпоральном отношении понимания вот-бытия состоит в том, что «до конца» ведь «есть еще время». Понимание «конечности бытия» здесь, согласно Хайдеггеру, утрачивается. Напротив, «озабоченность» жизни нацелена на то, чтобы «по возможности больше урвать от времени, которое еще длится сейчас и “идет дальше”»⁵², и т.д. и т.п.

«Вульгарным» следовало бы назвать не понятие измеряемого времени, а экзистенциалистскую критику обращения со временем, предлагаемую Хайдеггером. За этой критикой не стоит насыщенная очевидной наглядностью аналитика цивилизационно-специфической практики обхождения с временем. Здесь выражается, напротив, жест руководствующегося экзистенциалистскими мотивами философа, который в позе мыслителя, находящегося в особых отношениях с бытием, пытается с помощью предоставленных ему языковых средств изобразить предполагаемый им декаданс обхождения с временем, отличающий деловых участников публичной жизни цивилизации модерна. Этому противостоит экзистенциалистский смысл призыва принять «смерть как наиболее собственную, безотносительную, неустаревающую возможность»⁵³ и, отрекаясь от цивилизационно-специфического упадка, вернуться к аутентичному вот-бытию. Таков экзистенциализм Хайдеггера, который взволновал сердца бесчисленных представителей межвоенного поколения, равно как и

⁵¹ Ibid.

⁵² Ibid. S. 425.

⁵³ Ibid. S. 250.

души энтузиастов революции, движимых желанием перемен. «Бытие и время» с его неповторимым воздействием относится к контексту специфической для той эпохи децизионистской романтики⁵⁴. В остальном описания темпоральной структуры цивилизации модерна, которые можно встретить у Хайдеггера, слабы настолько же, насколько мощным было воздействие его призыва к подлинности.

Понятие времени, которое Хайдеггер называет «вульгарным», есть в действительности понятие такого времени, на основе противопоставления которому субъективное восприятие времени вообще может быть впервые воспринято и описано как субъективное. Конечно, справедливо, что публичное время, представляющее собой нормированное и повседневно-практически, технически и научно-практически измеряемое время, — это не «изначальное» время. Но это означает только то, что понятие такого времени должно сначала выработаться в ходе истории формирования нашей индивидуальной и культурной ориентации. Сторону дела, связанную с психологическим развитием, прояснил нам, в частности, Пиаже, а о долгой предыстории тех способов ориентации во времени, с которой мы знакомимся, будучи космологами или же любителями популярной космологической литературы⁵⁵, сообщают нам сегодня социологи культуры, интересующиеся историей⁵⁶. Банальным образом операциональное использование таких понятий времени, которые уже продвинутому ученику начальной школы позволяют осмысленно использовать часы в повседневной практике, есть лишь элементарная с точки зрения психологии развития предпосылка, приобретаемая в раннем возрасте, необходимая для тех профессиональных, связанных с практикой ориентации во времени утонченных навыков в эмпирической деятельности и использовании измерительной техники, которых добивается, например, инженер, ответственный за вопросы «срока гарантии надежности»⁵⁷, или физик и космолог⁵⁸. Но между этими «примитивными» — т.е. ранними с точки зрения развития — и теми дифференцированными видами ориентации во времени

⁵⁴ См. об этом: *Krockow C.G. von. Die Entscheidung. Eine Untersuchung über Ernst Jünger, Carl Schmitt, Martin Heidegger.* Stuttgart, 1958.

⁵⁵ Наиболее влиятельной среди относящихся к популярным книг является книга Стивена Хокинга: *Hawking S.W. Eine kurze Geschichte der Zeit. Die Suche nach der Urkraft des Universums / mit einer Einladung von C. Sagan.* Deutsch von H. Kober unter fachlicher Beratung von Dr. B. Schmidt. Reinbek bei Hamburg, 1988. Рус. пер.: Хокинг С. Краткая история времени. От большого взрыва до черных дыр / пер. с англ. Н.Я. Смородинской. СПб., 2000.

⁵⁶ См., например: *Dux G. Die Zeit in der Geschichte. Ihre Entwicklungslogik vom Mythos zur Weltzeit / mit kulturvergleichenden Untersuchungen in Brasilien (J. Mensing), Indien (G. Dux, K. Kälble, J. Messmer) und Deutschland (B. Kiesel).* Frankfurt am Main, 1989.

⁵⁷ См. об этом: *Uebing D., Schlegel D. Einflußgrößen der Zeitsicherheit bei technischen Anlagen.* Wiesbaden, 1985.

⁵⁸ См. об этом, например: *Priester W. Vom Ursprung des Universums // Maier-Leibnitz H. (Hrsg.). Zeugen des Wissens.* Mainz, 1986. S. 127–156.

располагаются различные формы генезиса, которые каждый, кто оказался включен в профессиональную практику обхождения со временем, может реконструировать, оглядываясь на свой собственный путь становления, а также их можно встретить в трансформированном виде в качестве вводных курсов в рамках учебных программ. Здесь нет ничего «вульгарного». Напротив, остается спросить, что означает для нашей общей культуры и тем самым для каждого человека существование в условиях высокоразвитых форм современной практики обхождения со временем, которые открыли для нас — технически и социологически, физически и биологически — периоды времени как огромных, так и весьма малых размеров, а вместе с тем и потребовали от нас сопрягать наше жизненное время с драматически изменяющимися размерами культурных и природных темпоральных реальностей. «Изначальное» время, т.е. время, которое субъект в рамках самотематизации воспринимает как проживаемое время и может его описать, не остается незамеченным в ходе характерного для модерна технического и научно-практического обращения к «мировому времени», включая и его огромные, и весьма малые масштабы, а тем самым не нуждается и в том, чтобы его возвращали назад — вопреки объективирующим трендам цивилизации модерна. Более того, переживаемое время в том, что касается таких его особенностей, как способность обращать на себя внимание и невозможность остаться незамеченным, выигрывает не меньше, чем «мировое время» — по мере того как последнее раскрывается нам во всех своих технических, социальных и научно-практических измерениях. Так называемую феноменологию внутреннего сознания времени⁵⁹ нельзя понять как программу возврата к темпоральным изначальностям, погребенным в силу специфики нашей цивилизации. Она является, скорее, программой описания феноменов, которые мы познаем тем яснее, чем дальше мы продвинулись в темпоральном измерении реальности, отличающем нашу цивилизацию. В работах, посвященных истории феноменологического открытия переживаемого времени, постоянно попадаетея карикатура со следующим сюжетом: физики, ориентирующиеся на «линейное» время, считали настоящее за момент с нулевой длительностью, тогда как только философ, осуществив феноменологическое «исключение объективного времени», научил нас видеть «имманентное время протекания сознания» и обнаружил, что «настоящее» — это не нулевая точка на оси времени, но оно структурировано экстенционально — посредством «ретенций» и «протенций»⁶⁰. На самом деле, конечно, вообще не существует ни физика, ни какого-либо другого эксперта по измерению объективных процессов, который бы утверждал, что проживаемое настоящее имеет характер нулевой точки. Поэтому и нет вооб-

⁵⁹ По названию знаменитой книги Эдмунда Гуссерля: *Husserl E. Vorlesungen zur Phänomenologie des inneren Zeitbewußtseins*. Herausgegeben von Martin Heidegger. Halle a.d.S., 1928. Рус. пер.: Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени / пер. с нем. В.И. Молчанова. М.: Логос; Гнозис, 1994.

⁶⁰ Ibid. S. 369, 392 и далее, S. 410 и далее. Рус. пер.: Там же. С. 7, 34 и далее, с. 56 и далее.

9. ВРЕМЯ ПЕРЕЖИВАЕМОЕ И ВРЕМЯ ИЗМЕРЯЕМОЕ

ще никакой необходимости в спасении субъективных феноменов времени от объективизма естественных наук. Ситуация как раз обратная: вместе с объективирующим темпоральным измерением реальности, в которой мы живем, описание и, кроме того же, измерение⁶¹ переживаемого времени также стали отличительной темой цивилизации модерна.

⁶¹ Существует философский предрассудок, что объективирующее измерение переживаемого времени искажает его в том, что касается субъективного характера переживания. Однако, напротив, оно делает темпоральную структуру наших переживаний времени понятнее. См. об этом: *Pöppel E. Erlebte Zeit und die Zeit überhaupt: ein Versuch der Integration // Die Zeit. München; Wien, 1983. S. 369–382.*

9.2. Время культуры и время природы

Коммуникация и сотрудничество удаются только в таком порядке времени, которому был придан гомогенный характер. Вместе с увеличением социального круга наших коммуникаций и коопераций расширяются также рамки времени, в пределах которых мы выполняем наши договоренности, темпорально координируем и планируем наши сопряженные между собой действия. Социальные группы конституируются не в последнюю очередь благодаря синхронизациям, и к единству любой культуры относится единство времени, без которого не было бы возможно достичь взаимопонимания относительно одновременности и разновременности в прошлом и будущем. Гомогенность времени, которая сделала возможной коммуникацию для той или иной группы или культуры, всегда характеризуется как некий единый период, специфический для данной группы или культуры, многократное повторение которого позволяет определять длительность движения или действия, а число этих повторений позволяет синхронизировать множество действий или движений. Элементарной мерой времени в каждой известной культуре являются природные периоды. Это антропологически очевидно отчасти из-за того, что такие периоды хорошо заметны для чувственного восприятия, отчасти из-за их жизненно-практического значения. Интеграция культур, в которых в ходу различные меры времени, предполагает соответственно синхронизацию этих мер времени, также и развитие культур включает осуществляемые посредством подобных синхронизаций переходы от старой системы к более целесообразной, т.е., скажем, к более точным единицам измерения времени. При этом уже довольно рано, например, в случае юлианской календарной реформы, речь шла о задачах сравнения мер времени, которые никогда не могли быть решены из перспективы повседневно-практического опыта обращения со временем, но которые имели в качестве предпосылок математические и астрономические компетенции¹. Природные периоды исчисления времени становятся при этом периодами, нормированными культурой. Тем не менее в любой культуре сохраняется в конечном счете обратная связь культурно нормированной меры времени с периодичностью природных процессов. Григорианская календарная реформа была не чем иным, как культурным актом обратного приспособления времени культуры к времени природы². Аналогично и периоды, с помощью которых современные атомные часы отсчитывают время, можно рассматривать как ренатурализацию придуманных в культуре, точнее говоря, нормирован-

¹ См. об этом краткий и содержательный обзор Агасфера фон Брандта: *Brandt A. von. Historische Grundlagen und Formen der Zeitrechnung // Studium Generale. 1966. Jahrgang 19. Heft 12. S. 720–730, S. 724.*

² *Ibid.* S. 725.

ных культурой периодов движения Солнечной системы, в соответствии с которыми мы отсчитываем в годах и секундах время жизни и время истории, а также, преимущественно, и время природы. Использование повторяющихся процессов в субатомной области служит при этом не только прагматическим целям увеличенной точности исчисления времени. Использование подобных мер времени для хронологии ранних процессов в истории природы устраивает также историческое чувство, которое хотело бы избежать анахронизмов. Что такое «годы» или даже «наносекунды», понимаемые как части года, в те далекие периоды прошлого нашей истории природы, когда наша Солнечная система, историей которой из числа философов занялся уже Кант³, еще вообще не возникла? Выразаться таким образом — это, очевидно, анахронизм с точки зрения истории природы, хотя, разумеется, в техническом смысле это и безвредный анахронизм, поскольку ведь всегда возможно взаимно соотнести употребляемые меры времени.

Но речь здесь идет не об историографии исчисления времени и не о работах, посвященных их естественно-научным и техническим предпосылкам. Важно, тем не менее, зафиксировать, что, во-первых, к единству любой культуры относится единство гомогенного публичного времени. Ориентация во времени в любой культуре есть ориентация на то время, подходящим наименованием для которого Мартин Хайдеггер считал выражение «вульгарное время». Во-вторых, любое гомогенное и публичное время культуры одновременно является временем, обратным образом соотносимым с природным временем, и меры времени, в которых мы измеряем время истории, с одной стороны, и время природы — с другой, являются идентичными или по крайней мере соотносимыми друг с другом.

Как могло сформироваться и закрепиться мнение о том, что время природы и время истории не поддаются сравнению?⁴ Можно предположить, что к первоначальным представлениям, которые мы можем обнаружить в истории мнений относительно негомогенности времени природы, с одной стороны, и времени истории — с другой, относится представление о противоположности между циклическими и линейными движениями. Эта противоположность или, выражаясь более нейтрально, это различие двух форм движения обладает, разумеется, принудительной наглядной очевидностью и распространяется на все области — вплоть до нашей повседневной практики, и история как донаучных, так и научных попыток упорядочить с помощью этих двух несовместимых

³ *Kant I. Allgemeine Naturgeschichte und Theorie des Himmels (1754) // Kant's Werke. Bd. I. Vorkritische Schriften I 1747–1756. Berlin, 1910. S. 227–368. Рус. пер.: Кант И. Всеобщая естественная история и теория неба / пер. с нем. В.А. Костицына, Б.А. Фохта // Кант И. Сочинения: в 8 т. Т. 1. М.: ЧОРО, 1994. С. 113–260.*

⁴ «Понятие времени в исторической науке не носит тем самым ничего от гомогенного характера естественно-научного понятия времени», поскольку «времена истории» в противоположность временам природы различаются «качественно» — так уже полагал молодой Хайдеггер в работе «Понятие времени в исторической науке» (1916): *Heidegger M. Der Zeitbegriff in der Geschichtswissenschaft // Heidegger M. Frühe Schriften / F.-W. von Herrmann (Hrsg.). Frankfurt am Main, 1978. S. 413–433.*

форм движения процессы в том мире, в котором мы живем, уходит далеко в прошлое⁵. Однако в ту научно-историческую эпоху, когда сам великий Иоганн Густав Дройзен считал, что может обозначить различие между природными и культурными движениями как различие между циклическими движениями, с одной стороны, и поступательными, т.е. линейными движениями — с другой, речь шла уже о безнадежно устаревшем противопоставлении. «Момент времени», полагал Дройзен, «кажется нам» в природных процессах «вторичным». В природе процессы разделяются на «равные повторяющиеся циклы и периоды», тогда как движение истории как истории «мира людей» есть «движение поступательное»⁶. Вероятно, Дройзен в этом противопоставлении имел перед глазами периодичность в движениях элементов Солнечной системы. Если бы только он вместо этого при случае занялся бы — подобно Канту — историей Солнечной системы, то до него должно было бы прийти, что говорить, будто в истории природы, в отличие от истории культуры, «момент времени» «вторичен», значит просто противоречить самим явлениям. И уж подавно это относится, конечно, к несравнимо более коротким срокам тех процессов, которые бурно разыгрывались в ходе развития жизни на Земле, о чем уже во времена Дройзена выдвигались хорошо обоснованные предположения⁷. Тем не менее введенное Дройзеном противопоставление темпоральных структур истории природы и истории культуры, которое не только допускает неверные истолкования, но и прямо является ложным, остается влиятельным вплоть до сегодняшнего дня, и не в последнюю очередь это влияние углубило пропасть между так называемыми «двумя культурами»⁸. Эти «две культуры» в самом деле существуют. Их представители, однако, находятся не на равном расстоянии друг от друга. В природе вещей, которыми должны заниматься специалисты по естественной истории, с одной стороны, и историки культуры — с другой, заложено, что по характеру полученного образования специалисты по истории природы находятся в несравнимо большей близости к истории культуры, чем, напротив, историки культуры к истории природы. Гомера или Фукидида, Горация или Гёте, в конце концов, каждый должен был прочитать в гимназии, а на постановках шекспировских пьес и в археологическом музее или же в музее классического модерна люди встречают коллег-геологов или физиков-теоретиков не реже, чем исследователей фольклора или лингвистов. А вот множество посетителей наших естественно-исторических собраний не являет собой такой

⁵ Gould S.J. *Time's Arrow, Time's Cycle. Myth and Metaphore in the Discovery of Geological Time*. Cambridge (Mass.); London, 1987.

⁶ Droysen J.G. *Historik*. Herausgegeben von Rudolf Hübner. München, 1971. S. 11 ("Geschichte und Natur"). Рус. пер.: Дройзен И.Г. *Историка. Лекции об энциклопедии и методологии истории*. СПб.: Владимир Даль, 2004. С. 51 (глава «История и природа»).

⁷ Краткий обзор древней истории естественной историографии дает Отто Шиндewolf: Schindewolf O.H. *Wesen und Geschichte der Paläontologie*. Berlin, 1948.

⁸ Snow C.P. *Die zwei Kulturen. Literarische und naturwissenschaftliche Intelligenz*. Stuttgart, 1967. Рус. пер.: Сноу Ч.П. *Две культуры и научная революция // Сноу Ч.П. Портреты и размышления*. М., 1985. С. 195–226.

же пестрой смеси. Короче говоря: уровень самоограниченности у специалистов по естественной истории и у историков культуры неодинаков, причем в невыгодном положении оказываются историки культуры. В очень важных разделах истории немецкой теории науки получившие гуманитарное образование философы науки даже не смогли почувствовать, что посредством способа изложения, принятого при описании единичных процессов («идиографика»), невозможно — если отдавать должное самим явлениям — провести различие между науками о культуре и науками о природе⁹. Разумеется, было и остается верным то, что естественные науки являются науками, занятыми построением теорий, т.е. науками, которые помимо описания индивидуальных процессов стремятся познать их закономерности. Но верно также и то, что естественные науки, а именно естественно-исторические науки также, в свою очередь, являются науками описания единичных процессов, как верно и обратное: среди так называемых наук о духе есть такие, познавательная цель которых состоит не в историографии, а в построении теории. Виндельбанд сам доказал это в отношении психологии, и ничто не препятствовало тому, чтобы комплементарно к этому и для естественных наук теперь доказать, что в некоторых научных дисциплинах — от геологии до палеонтологии — помимо констатации закономерностей существует в конечном счете интерес именно к историческим описаниям единичных, никогда не повторяющихся событий. Ведь верно, что некоторые науки «суть науки о законах, а другие — науки о событиях; первые учат тому, что есть всегда, вторые — о том, что однажды было», и тогда — в целях введения семантически выразительных понятийных наименований — позволительно сказать: «Научное мышление есть... в первом случае номотетическое, во втором — идиографическое»¹⁰. Но остается только добавить, что это различие совершенно индифферентно по отношению к различию наук о природе и наук о духе. Закономерности можно констатировать и в области культуры и в сфере природы¹¹, и вместе с тем и в природе, и в культуре существуют единичные, т.е. неповторяющиеся, фактически необратимые, в отдельных случаях направленные, но и не целенаправленные процессы («эволюции», а также «истории»), в отношении которых именно по причине их сингулярности невозможно строить теории, и поэтому в практике изложения они могут быть описаны только нарративно. Историчность не является свойством, благодаря которому различаются культура и природа. Этому полностью соответствует общеупотребительная семантика слова «история», которая без помех позволя-

⁹ Согласно Виндельбанду: *Windelband W. Geschichte und Naturwissenschaft // Windelband W. Präludien. Aufsätze und Reden zur Philosophie und ihrer Geschichte. Zweiter Band. 9. Aufl. Tübingen, 1924. S. 136–160.* Рус. пер.: *Виндельбанд В. История и естествознание // Виндельбанд В. Прелюдии / пер. с нем. и вступ. ст. С. Франка. М.: Гиперборея; Кучково поле, 2007. С. 333–352.*

¹⁰ *Ibid.* S. 145. Рус. пер.: Там же. С. 340.

¹¹ См. об этом: *Hempel C.G. The Function of General Laws in History (1942) // Gardiner P. (ed.). Theories of History. New York; London, 1959. S. 344–356.* Рус. пер.: *Гемпель К.Г. Функция общих законов в истории // Гемпель К.Г. Логика объяснения. М.: Дом интеллектуальной книги; Русское феноменологическое общество, 1998. С. 16–31.*

ет употреблять сочетания типа «история архозавров» или «история автомобиля», «история Балтийского моря» или «история науки» — невзирая на различия между природными и культурными, техническими и языковыми предметными областями.

Таким же образом и в отношении производимых в научной практике когнитивных операций понимания, с одной стороны, и объяснения — с другой, верно то, что эти операции никак не связаны с различием наук о природе и наук о культуре. Дильтей сильно погрешил против законов немецкой семантики, заявив, что мы «природу объясняем», а «душевную жизнь», напротив, «понимаем»¹². На самом деле общегерманская семантическая функциональная роль слов «объяснять» и «понимать» заключается в том, что мы — в любой науке, да и в любых познавательных усилиях нашей повседневной практики — настаиваем на объяснении там, где мы не понимаем, сталкиваясь с нарушением правил, несбывшимися ожиданиями или странностями. Как только нам дают разъяснение, мы реагируем на него междометием «ага», свидетельствующим о понимании и указывающим на то, что нормальная когнитивная ситуация восстановлена¹³. Именно так мы фактически употребляем данные слова в немецком языке, а философия, которая соблазняет нас идти по стопам Дильтея, утверждая, что объяснение есть операция из практики естественных наук, тогда как гуманитарии стремятся прийти к пониманию, — это в данном случае худая философия. Гюнтер Патциг прокомментировал это так, что подобное словоупотребление, грубо попирающее общеупотребительный немецкий язык, можно объяснить только тем, что гуманитарии, которые до сих пор его используют, все еще, по-видимому, так и не поняли надлежащим образом, о чем, собственно, идет речь в случае объяснения¹⁴.

Когда мы указываем на индифферентную по отношению к различию естественных и гуманитарных наук функциональную роль когнитивных операций объяснения, с одной стороны, и понимания — с другой, то было бы странным недоразумением заключить отсюда о намерении вообще стереть данное различие. Станным это недоразумение было бы потому, что совершенно нельзя было бы понять прагматику подобного намерения. Ведь различием «природы» и «культуры» в определенном общекультурном отношении мы пользуемся без всяких усилий — невзирая на крайне дифференцированный с точки зрения

¹² Dilthey W. Ideen über eine beschreibende und zergliedernde Psychologie (1894) // Dilthey W. Die geistige Welt. Einleitung in die Philosophie des Lebens. Erste Hälfte. Abhandlungen zur Grundlegung der Geisteswissenschaften. 2. unveränd. Aufl. Stuttgart; Göttingen, 1957. S. 144. Рус. пер.: Дильтей В. Описательная психология / пер. с нем. Е.Д. Зайцевой под ред. Г.Г. Шпета. М.: Русский книжник, 1924.

¹³ Так мы можем это позаимствовать уже из блестящей феноменологии когнитивной практики, которой мы обязаны Эрнсту Маху, см.: Mach E. Erkenntnis und Irrtum. Skizzen zur Psychologie der Forschung. 3. Aufl. Leipzig, 1917. Рус. пер.: Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2003.

¹⁴ Patzig G. Erklären und Verstehen. Bemerkungen zum Verhältnis von Natur- und Geisteswissenschaften // Neue Rundschau. 1973. Nr. 3. S. 392–413, S. 400.

истории понятий генезис этого различия, реконструкция которого является объектом культурно-исторических, а точнее, историко-философских и историко-понятийных исследований. Когда мы настаиваем, что в случае как природных, так и культурных процессов мы, заметив, что их не понимаем, должны их объяснять, чтобы понять, то смысл этого заключается не только в том, чтобы предохранить язык научной теории, а точнее, язык теории наук о культуре, от того, чтобы в избыточной и одновременно способной ввести в заблуждение манере отклоняться от общепринятых норм словоупотребления. Аналогично и в случае употребления понятия «история»: мы настаиваем на том, что оно используется безотносительно к различию природы и культуры не только с той целью, чтобы потребовать уважения к устоявшимся и, соответственно, вполне свободным от недоразумений общепринятым способам словоупотребления. И в том и в другом случае речь кроме того и прежде всего идет о том, чтобы четко сформулировать различие между природными и культурными эволюционными процессами. Заметим, что наши специалисты по герменевтике характеризуют единство культурных жизненных взаимосвязей, существующих в языке, религии, праве, искусстве и литературе, как единство смыслового содержания (Sinnbestand), объективированного символическими средствами языка и ставшего пригодным для традирования, — это касается как истории воздействия, так и, комплементарно к этому, истории рецепции. На примере это означает следующее: межпоколенческое единство культуры не в последнюю очередь наличествует в виде единства фонда, включающего особенно важные и именно поэтому очень старые книги, которые продолжают стоять на полках наших библиотек, невзирая на самые разные результаты наших усилий их прочитать и понять. Напротив, «книга природы», которую мы читаем, является метафорической книгой¹⁵. Эта богатая традициями метафора подтверждает, что и природа, всецело аналогично культуре, понимается нами с древних времен как сфера нашей жизненной реальности, к которой мы обращаемся, стараясь ее понять.

Когда утверждается, что лишь культура позволяет понять себя, — это совершенно противоречащее традиции и в точном смысле удивительное, а потому нуждающееся в объяснении ограничение нашего употребления слова «понимать». Остается только отправиться на поиски этого объяснения. Оно бы позволило нам понять, каким образом в отдельных областях самопонимания немецкой научной культуры могла развиться культура равнодушия к природе и каким образом вместе с этим было утрачено чувство единства истории природы и истории культуры. Декультивирующее значение этой утраты можно оценить, в особенности приняв во внимание тот исторический факт, что в главном течении европейской истории образования и, говоря точнее, в истории научной культуры интерес к истории природы и интерес к истории культуры всегда имели равный культурный ранг. Историчность природы и историчность культуры были, как известно из истории науки, открыты одновременно, и равно-изначальное культурное происхождение интересов как к одному, так и к другому типу исто-

¹⁵ Blumenberg H. Die Lesbarkeit der Welt. Frankfurt am Main, 1981.

рии солидно документировано в истории научной культуры (в особенности — научной культуры XIX в.) — например, в виде взаимодополняющих зданий историко-культурного музея, с одной стороны, и естественно-исторического музея — с другой, заметных по выдающимся купольным постройкам в стиле архитектурного историзма*. Выше уже шла речь об этом¹⁶, как и об аналогичном символическом значении, которое имеет присутствие памятников обоих братьев Гумбольдтов, историка природы Александра и историка культуры Вильгельма, перед порталом старого здания Берлинского университета Фридриха-Вильгельма в Берлине.

Тот образ раннего периода истории нашей научной культуры, который возникает при взгляде на подобные символические свидетельства, может быть дополнен и дифференцирован с учетом истории философских факультетов, которые после прусской университетской реформы Вильгельма фон Гумбольдта¹⁷ оставались едиными — вплоть до середины нашего столетия и даже позднее, — т.е. охватывали культурно-исторические и естественно-научные, а равным образом и естественно-исторические дисциплины, и история их последовавшего разделения, начавшегося в XIX в.¹⁸, никоим образом не вызвала к жизни и не привела к институционализации «двух культур», напротив, здесь преследовались исследовательски-практические и организационно-технические цели. В ходе продолжения истории этого разделения постепенно институционально обособились и так называемые науки о действии, включая психологию и педагогику, а также общественные науки, но и здесь это происходило без всякого намерения превзойти дуализм двух культур провозглашением трех, четырех или пяти культур. В истории основания гражданских образовательных союзов также отражается равно-изначальное возникновение интереса к истории культуры и к истории природы. В любом средней величины городе, в котором граждане в рамках таких союзов начали посвящать себя изучению «отечественных древностей», вскоре возникало также «общество естествоиспытателей», и двойное членство в обеих организациях не было исключением.

Если погрузиться в детали культурной истории этой научной традиции, то возвращается ощущение само собой разумеющегося характера, с которым в нашей традиции научной культуры с начала XIX столетия, а значит, и вместе с зарождением модернового научного историзма могло мыслиться единство природы и культуры, объединенное понятием их историчности.

Само собой разумеется, в этих контекстах никто никогда не утверждал, что природные истории и эволюции протекают так же, как и культурные, разворачиваясь в языковых и символических средах (Medien). Свойство историчности,

* Речь идет о Музее естествознания и Музее истории искусств в Вене.

¹⁶ См. наст. изд., с. 286.

¹⁷ См. мою статью: *Lübbe H. Wilhelm von Humboldts preußische Universitätsreform // Lübbe H. Hochschulreform und Gegenklärung. Fewiburg i. Br., 1972. S. 109–118.*

¹⁸ Уже довольно рано произошло отделение естественных наук от наук о культуре в Цюрихе — в 1858 г., и, напротив, очень поздно, к примеру, в Мюнстере — в 1948 г., а через какие-нибудь четверть века — и в австрийских университетах.

однако, не привязано именно к этим средам. По структуре своей историчности истории природы не отличаются от историй культуры. Различие, от которого в этом отношении все зависит при сравнении природных эволюций, с одной стороны, с культурными эволюциями — с другой, это способ межпоколенческого трансфера информации: в культурной эволюции он осуществляется языковым и символическим образом, а в биологической эволюции, напротив, — генетическим. Нет нужды в более подробном разъяснении, что именно от этого различия зависит предельно возросшая — по отношению к естественной эволюции — динамика культурной эволюции, которая в этой книге нас интересует в своих основных и побочных последствиях.

Единство понятия историчности, равным образом включающее природу и культуру, делает, разумеется, необходимым также такое понятие времени, в гомогенный порядок которого мы можем вписать как истории природы, так и истории культуры. И это понятие времени есть именно то, для которого Хайдеггер употребил эпитет «вульгарное», стремясь продемонстрировать его философскую ничтожность. Но уже только на примере автобиографических усилий по реконструкции истории нашей жизни можно показать, что возврата к чистым комплексам воздействий (*Wirkungszusammenhänge*), где логика развития однозначно упорядочивает более ранние и более поздние события, совершенно недостаточно, чтобы прояснить то, каким образом наша собственная жизнь протекала во времени. Последовательности процессов развития, в рамках которых события и процессы следуют друг за другом, подчиняясь логике вещей, можно, конечно, без труда реконструировать с точки зрения их порядка во времени. Однако несовместимые последовательности процессов развития, которые в единстве одной биографии случайно накладываются друг на друга, могут быть, как правило, лишь в том случае синхронизированы в памяти, если они проиндексированы датой, определяющей их место в гомогенном течении времени, индифферентном к его содержанию. Это означает, что никто позднее не смог бы взяться за написание своей автобиографии, если бы его дневниковые записи не содержали ничего, кроме описания того, как он провел день, без указания даты. К реконструкции наших коллективных историй это, само собой разумеется, также относится. Осуществить темпоральную организацию событий и процессов согласно различению «раньше» и «позже» без обращения к порядку гомогенного времени можно только в тех случаях, когда каузальные или иные обусловленные отношения не позволяют перепутать то, что происходило раньше и позже. Если, однако, прошедшие события и процессы не взаимосвязаны подобными обусловленными отношениями или мы ничего не знаем о подобных обусловленных отношениях, т.е. если данные события и процессы ведут себя по отношению друг к другу контингентно, то их синхронизация возможна исключительно посредством их датировки в рамках однородного времени. В этом-то и состоит причина того — если обратиться к дидактической стороне дела, — что уже на школьных уроках без указания годов и других исторических дат, посредством которых мы относим события и процессы к установленному гомогенному порядку времени, истории не изучаются, не понимаются и не описываются нарративно.

Истории не подчиняются такой логике развития, что применительно к ней хронология главных событий и главных эпох эволюции имела бы только контингентный характер. Хронологии — это все что угодно, но только не «вульгарная» часть нашего исторического знания. Необходимость таких хронологий для нарративной реконструкции историй основывается, напротив, на случайном характере событий и процессов, которые со-определяют течение любой истории — в той мере, в какой она действительно является историей. Никто не может понять собственную идентичность как результат деятельной воли к порождению себя самого. Аналогичное справедливо также для институциональных и коллективных субъектов, выступающих в качестве эталонных для нашей профессиональной историографии: их невозможно объяснить как продукт реализации определенных планов, равно и как следствия причин, которые можно было бы прогнозировать, будь соответствующие комплексы воздействий с их закономерностью известны наперед. В структурном отношении то же верно и для эволюционных рядов развития в биологии. В общей формулировке это означает следующее: эволюция открытых систем принципиально не прогнозируема именно потому, что их открытость состоит в том, что они подвержены воздействию событий и процессов той среды, в которой существуют эти системы и которые носят контингентный характер по отношению к их собственному порядку, причем эта эволюция имеет фактический характер, поскольку она с крайне высокой вероятностью необратима и ее направление не является целенаправленным.

Только в упорядочивающих рамках гомогенного времени, с которыми мы должны соотносить истории этой структуры, чтобы объяснить и, таким образом, сделать понятными для нас их результаты, мы в состоянии познать также динамику эволюционных процессов, сравнивая их совершенно разные скорости и — при выполнении некоторых условий — определяя меру их ускорения или замедления. Мартин Хайдеггер, если обратиться к нему еще раз, объявил вульгарными и недостойными философского интереса упорядочивающие рамки времени, принятого в качестве гомогенного, посредством которого мы только и можем синхронизировать процессы, а также измерять и сравнивать их скорости и ускорения. И поэтому совсем неслучайно он в своей феноменологии времени, опирающейся на аналитику *Dasein*, совершенно не постиг эволюционную динамику цивилизации модерна. Во всяком случае, он считал ее философски незначительной и не увидел никаких особых проблем, свойственных цивилизации модерна, в исчерпании наших индивидуальных и институциональных способностей по переработке культурных инноваций. Темпоральность эволюционных процессов не представляет здесь никакого тематического интереса. То, что здесь речь идет о теме, не заслуживающей внимания, позднее подтвердил Ганс-Георг Гадамер. Какой смысл, — спрашивал Гадамер, — историю человеческой культуры как «некоего периода времени, освещенного светом традиции», включать «в единое целое эволюционного события во Вселенной», если справедливы сведения наших специалистов по естественной истории, состоящие в том, что по отношению к темпоральной протяженности этой событийной эволюции «период времени» истории культуры, освещенный традицией, пред-

ставляет собой только «крошечный эпизод»?¹⁹ Напрашивается вывод, замечает Гадамер после процитированного риторического вопроса, что «если речь идет о расширении исторического горизонта», то вообще излишне «думать о тех колоссальных рамках», в которые следовало бы включить культурную историю, если считать осмысленным объединять в единую историю историю культуры вместе с историей природы.

Тем самым Гадамер утверждает, что историк культуры не обязан интересоваться историей природы. Возразить на это совершенно нечего. Действительно, было бы абсурдно, если бы мы захотели вменить историкам культуры в обязанность обратное сопряжение объектов их занятий с рамочными естественно-историческими общими условиями или рекомендовали бы им изменить конвенции нашей историографической практики датирования таким образом, чтобы впредь они датировали события, отсчитывая нулевой пункт времени от Большого взрыва, а не от Рождества Христова. Но именно абсурдность этого предложения является также гарантией того, что никому в голову не придет его делать и, соответственно, что никто из тех, кто обращает внимание на единство наших определяемых культурой представлений о времени как времени, охватывающем и время культуры, и время природы, не полагает, что место исследований в русле истории культуры в будущем должны занять единые научно-исторические исследования, объединяющие проблемы культуры и природы. Никто не требует, чтобы был учрежден некий единый научно-исторический семинар. Нет никакого смысла в том, чтобы обратным образом соотносить процессы и события, проекты и планы, принадлежащие нашей культурно-исторической современности, с удаленными перспективами истории природы. Весьма поучителен в этом отношении комический эффект, возникающий, когда ученый-естественник, увлекшись, иногда соотносит себя с удаленной перспективой естественно-исторического прошлого или, комплементарно к этому, обращается к самым удаленным перспективам исторического будущего природы, исходя из прагматически-оценочной точки зрения современного состояния нашей культуры. «К счастью», замечает Вольфганг Пристер, через минуту после Большого взрыва возникло контингентное неравенство числа нейтронов, с одной стороны, и числа протонов, с другой, поэтому достаточно много протонов остались свободными, что сделало в будущем возможным образование атомов водорода. У нас действительно нет повода сомневаться в сведении, что без этого контингентного неравенства никогда не смог бы возникнуть и развиваться такой космос, где позднее появятся специалисты по космологии, которые могут сообщить нам об указанном первоначальном естественно-историческом условии возможности их собственного существования. Однако объединение обоих этих исторических событий или процессов в рамках одного исторического периода, превышающего десяток миллиардов лет, с помощью привычного для бытового разговора оборота «к счастью» выглядит забавно —

¹⁹ *Gadamer H.-G. Geschichte des Universums und Geschichtlichkeit des Menschen // Krummacker H.-H. (Hrsg.). Geisteswissenschaften — wozu? Beispiele ihrer Gegenstände und ihrer Fragen. Stuttgart, 1988. S. 267–281, S. 269.*

потому, что даже в перспективе культурной истории мы способны оценивать выгоды и недостатки каких-то событий и процессов с точки зрения жизненной практики лишь в рамках очень коротких периодов времени²⁰. Комплементарно к этому для нас равным образом комическим выглядит предсказание, что, если в один далекий в истории природы день Солнце взорвется и наша Земля окажется объята его пламенем подобно крошечному угольку, человечество к этому времени наверняка научится заблаговременно прогнозировать это разрушительное для Земли событие и «технологически окажется в состоянии» заранее «переселиться» в другие солнечные системы²¹.

Таким образом, верно следующее: область смысловых связей, к которым мы обычно обращаемся в наших исследованиях истории культуры, не распространяется на те периоды времени в миллиарды лет, которые история нашего Космоса имеет в прошлом или будущем. Соответственно в ходе изучения этих смысловых связей и в рамках усилий, предпринимаемых для их герменевтической актуализации, нет никакого смысла даже в виде краткого указания ссылаться на временные горизонты этих самых миллиардов лет. Однако тексты, где такие ссылки, тем не менее, эксплицитно устанавливаются, также являются частью нашей культурно-исторической современности, и вопрос, что же в культурном плане означает открытие в истории науки такого рода временных периодов, которые на многие миллиарды лет превышают любые возможные культурно-исторические периоды времени, не получает никакого ответа, когда говорят об отсутствии всякого собственного интереса к процессам, разыгрывающимся в этих временных горизонтах времени. Ответ на этот вопрос, согласно которому тот факт, что эволюция Вселенной «рассматривается во все более широких границах и каким-то образом включает будущее всего универсума во все наши рассуждения» «в принципе» объясняется научным интересом «к чаемому 'savoir pour prévoir'»^{* 22}, — такой ответ сбивает с толку. Ибо в контексте исторической культуры модерна мы не занимаемся исследованиями истории культуры, чтобы «извлекать из истории поучения». Ответ на вопрос о том, что мы должны или не должны делать в ответ на вызовы нашей цивилизации, не требует — с точки зрения того смысла, который связан с техникой обоснования норм, — обращения к историческому знанию. И соответственно Ганс-Георг Гадамер с полным правом цитирует Якоба Буркхардта для подтверждения конечного смысла наших усилий по исторической актуализации прошлого, который говорил, что, занимаясь историей, мы хотим стать «не только умными (на время), но и мудрыми (навсегда)»²³. Когда Гадамер утверждает, что эта фраза

²⁰ *Priester W. Vom Ursprung des Universums // Maier-Leibnitz H. (Hrsg.). Zeugen des Wissens. Mainz, 1986, S. 127–156, S. 129.*

²¹ *Haken H. Physik und Synergetik: Die Vielfalt der Phänomene und die Einheit des Denkens // Ibid. S. 157–201, S. 199.*

* «Знать, чтобы предвидеть» (*фр.*).

²² Но так считает Гадамер: *Gadamer H.-G. Op. cit. (См. примеч. 19.) S. 269.*

²³ *Burckhardt J. Weltgeschichtliche Betrachtungen / mit einem Nachwort hrsg. von R. Marx. 7. Aufl. Stuttgart, 1949. S. 10. Рус. пер.: Буркхардт Я. Размышления о всемирной истории / пер. с нем. А.В. Дранова, А.Г. Гаджикурбанова. М., 2004. С. 17.*

9. ВРЕМЯ ПЕРЕЖИВАЕМОЕ И ВРЕМЯ ИЗМЕРЯЕМОЕ

«в глазах ученого-естественника должна звучать странно»²⁴, он приписывает ученым-естественникам культурную ограниченность. Ученые-естественники, и в особенности специалисты по естественной истории, благодаря научно-практическому опыту или также благодаря научно-теоретической выучке обычно лучше, чем многие историки культуры, знают, что эволюции представляют собой исторические — т.е. контингентно взаимообусловленные — процессы, не сводимые в их исторической уникальности к одной закономерности, которой они подчиняются и которая позволяет их прогнозировать. Поскольку это так, то и история природы исследуется и изучается не с намерением вывести из этих историй правила действий, в которые, указав определенные цели, можно трансформировать познанные закономерности, если только мы имеем дело с областями реальности, которыми можем распоряжаться по своему усмотрению. Поэтому как и историки культуры, наши специалисты по естественной истории также исследуют и рассказывают свои истории не с целью сделать нас умными «в другой раз». Что это за «другой раз» по отношению к уникальности истории Космоса или уникальности истории жизни на Земле? Короче говоря: считать «познавательный интерес» наших специалистов по естественной истории «техническим» — это нонсенс с точки зрения научной культуры.

В чем же тогда состоит тот «познавательный интерес», побуждающий нас сегодня заниматься такими вопросами происхождения и будущего, которые в темпоральном измерении простираются на десятки миллиардов лет, — если только мы, будучи приверженцами определенной герменевтической школы, не объявляем заранее о нашем категорическом отсутствии интереса, с отвращением отвергая «вульгарное»? Что этот интерес в сфере культуры существует, отрицать нельзя, не погрешив простив справедливости. Книга «Краткая история времени»²⁵ Стивена Хокинга — одна из самых успешных популярных работ в нашей истории научной культуры. Разумеется, в данном случае можно сказать, что исключительный интерес публики к этой книге не в последнюю очередь отражает интерес к ее автору. Восхищает биографический факт, что здесь человек, в высшей степени страдающий физическими недостатками и располагающий предельно ограниченными возможностями коммуникации, воспаряет в мышлении к звездам, да что там к звездам, — к «черным дырам» и прикасается к границам Вселенной. При этом явно не столь важно, как там обстоят дела с упомянутыми черными дырами самими по себе, да и после прочтения книги Хокинга неспециалист едва ли это поймет. Дело в том, что Хокинг, конечно, не относится к великим писателям — популяризаторам науки, а это дополнительно подтверждает предположение, что в данном случае главным объектом интереса публики является не столько с трудом поддающееся пониманию содержание книги, сколько сам автор, а именно как автор книги такого содержания.

²⁴ *Gadamer H.-G.* Op. cit. (См. примеч. 19.)

²⁵ *Hawking S.W.* Eine kurze Geschichte der Zeit. Die Suche nach der Urkraft des Universums / mit einer Einleitung von C. Sagan. Deutsch von H. Kober unter fachlichen Beratung von Dr. B. Schmidt. Reinbek bei Hamburg, 1988. Рус. пер.: *Хокинг С.* Краткая история времени. От большого взрыва до черных дыр / пер. с англ. Н.Я. Смородинской. СПб., 2000.

Но в других случаях подобной возможности объяснения, ставящего под сомнение изначально космологический общекультурный интерес публики, не существует. Работа Вайнберга о первых трех минутах нашей истории природы в течение месяца была отмечена во всех газетных фельетонах, посвященных науке²⁶, и с тех пор с порицанием отмечается, что что в своей естественной истории Космоса он отвел «150 страниц на описание первых трех минут», а потом «на пяти страницах покончил со всем, что последовало в будущем»²⁷. Этот недостаток восполняет, в свою очередь, Фримен Дайсон, обещая публике на основе имеющихся у него научных данных рассказать о «времени без конца». Переводчик в своем «Послесловии», демонстрируя некоторые знания в этой области, считает своим долгом указать, что раз «до конца это может длиться нескончаемо», то «это, вероятно, лучшее предсказание, которое может предложить естествознание»²⁸, что, опять же, можно отнести к серии комических эффектов, возникающих при попытках подобрать ключ из области культуры к тем измерениям времени, которые к настоящему моменту были открыты в нашей истории природы.

Итак, ситуация такова: культурная дисквалификация интереса к процессам, которым нельзя придать никакого смысла в континуальной сфере какого бы то ни было смыслового комплекса культуры, не очень согласуется с мощным проявлением этого интереса в нашей современной культуре. Есть что-то от культурологически-философской элитарной позы в том, чтобы считать такой выраженный культурный интерес бессмысленным, относящимся к процессам, темпорально предельно удаленным в область «вульгарного» времени, а также считать его инфицированным этой вульгарностью. С другой стороны, смысл этого интереса явно может быть охарактеризован как нецелесообразный, если его — в соответствии с проводимым Буркхардтом разделением ума и мудрости — интерпретировать как ориентированный на ум. Исследования в области истории природы не служат удовлетворению наших практических интересов, и нельзя извлечь никакого утешения из свидетельства о том, что этот мир просуществует еще долго — по расчетам Дайсона выходит, что до «распада всей материи до железа» остается 10^{1500} лет²⁹. Так в чем же тогда заключается культурный смысл интереса к процессам, протекавшим в прошлом и ожидаемым в будущем, в те естественно-исторические периоды времени, которые совершенно трансцендентны для культурного смысла?

²⁶ Weinberg S. The First Three Minutes. A Modern View of the Universe. New York, 1977. Книга в том же году вышла на немецком языке: Weinberg S. Die ersten drei Minuten. Der Ursprung des Universums / mit einem Vorwort von R. Lüst. Aus dem Amerikanischen von F. Griese. München; Zürich, 1977. Рус. пер.: Вайнберг С. Первые три минуты. Современный взгляд на происхождение Вселенной / пер. с англ. А.В. Беркова. Ижевск, 2000.

²⁷ Dyson F. Zeit ohne Ende. Physik und Biologie in einem offenen Universum / Übersetzt von R. Herken. Berlin, 1989. S. 8.

²⁸ Ibid. S. 83.

²⁹ Ibid. S. 43.

9. ВРЕМЯ ПЕРЕЖИВАЕМОЕ И ВРЕМЯ ИЗМЕРЯЕМОЕ

В главе, посвященной Гитлеру, книги «Время жизни и время мира»³⁰ Ханс Блюменберг предполагает, что раскрытие крайне длительных периодов времени, осуществляемое нашим современным космологическим и естественно-историческим познанием, действует как увлекательный призыв. Он заключается в том, чтобы наше краткое жизненное время, которое становится все более коротким по отношению к открываемым сегодня измерениям мирового времени, желательно по возможности сделать максимально конгруэнтным расширяющемуся мировому времени посредством уплотнения времени и сжатия сроков, т.е. посредством все более плотного заполнения жизненного времени действиями и жизненными планами, подлежащими деятельной реализации. В жизненном плане Гитлера, по словам Блюменберга, эта «конгруэнтность времени жизни и времени мира» сделалась «безумной идеей», состоящей в том, чтобы завершить всю немецкую мировую историю в рамках его собственной жизненной истории³¹. Такая интерпретация не убеждает. Что касается Гитлера, то мы, пожалуй, сохраним большую близость историческим фактам, если безумный характер его жизненной ориентации рассмотрим как результат его философии истории, основанной на расовой теории. В рамках этой идеологической безумной системы реалистичнее считать, что Гитлер исходил из того, что час немцев — так, как его следует понимать, исходя из расовой исторической теории, — пробьет либо теперь и благодаря ему, либо вообще не пробьет. Что Гитлер при этом считал реализуемым все то, что он намеревался реализовать, — это, опять же, следует назвать безумной идеей, хотя и это суждение, возможно, больше определяется фактическим исходом дел, чем очевидностью нашего знания о том, что в мире возможно и что невозможно. Так или иначе, мое предположение заключается в том, что бесспорные и широко представленные в этой книге³² феномены уплотнения времени жизни, отличающие цивилизацию модерна, никак не связаны с распространением в нашей культуре знания о темпоральных масштабах Космоса. Описанные в том числе Блюменбергом феномены современной техники жизни, состоящие в том, чтобы втиснуть в наше жизненное время такую полноту жизни, которая позволит увеличить проживаемое жизненное время, объясняются, как мне кажется, тем фактом, что только в контексте цивилизации модерна открывается та полнота возможностей, от которой никто не хотел бы отказываться. Поэтому напрашивающееся решение состоит в том, чтобы с помощью технологий уплотнения времени и сжатия сроков минимизировать ту долю возможностей, от которых нам все же придется отказаться ввиду краткости нашей жизни. Напротив, культурное очарование, которое возникает у нас при взгляде на известные нам теперь периоды времени естественной истории, охватывающие миллиарды лет, основывается исключительно на полной иррелевантности этих периодов времени для практики нашей жизни. Речь идет о темпоральном аспекте аффективной нейтрализации мира, блестяще описанной самим Блюменбергом, которая представляет

³⁰ Blumenberg H. *Lebenszeit und Weltzeit*. Frankfurt am Main, 1986.

³¹ Ibid. S. 80 и далее.

³² См. наст. изд., с. 298 и далее.

собой культурный результат естественно-научного знания, возникающий за пределами его технической или иной жизненно-практической релевантности.

Невозможность истолковывать мир по аналогии со смыслом действия или смыслом текста приобретает все большую очевидность по мере того, как науки продвигаются во все более удаленные от жизненного мира измерения очень больших, очень малых, очень удаленных и очень сложных объектов. На примере это означает вот что: различие между тем, что наш Космос в один далекий день (что, кстати, значит «день» в этом контексте?) под воздействием силы притяжения свернется сам в себя, когда прекратится его актуально наблюдаемое расширение, или же он будет продолжать расширяться бесконечно, если следовать другому, основанному на большей редкости, предположению относительно распределения материи в пространстве, — это различие, конечно, затрагивает универсум в целом. Но при этом нет никакой возможности сказать, в чем же состоит культурное различие между наступлением того или другого случая, что как раз и составляет смысл отчетливо выраженного культурного интереса к этой или аналогичным альтернативам. Если резюмировать, это означает следующее: причиной нашего интереса к естественно-историческим фактам, лишенным того смысла, которым обладают тексты и действия, является интерес к опыту контингентности, т.е. интерес к подтверждению нашей жизненной ситуации (*Lebenslage*) как ситуации, к которой из-за ее абсолютной, в конечном счете, контингентности нельзя подобрать никакого технического или морального, никакого политического и иного практического ключа, и уж подавно никакого научного, а также философского. Это означает также, что явный интерес к культурно совершенно индифферентным историям природы представляет собой одну из тех сред, в которых происходит культурная актуализация условий необходимости религии³³.

Тот, для кого это звучит чересчур мистически, может, естественно, подыскать себе более близкие к практике смыслы нынешнего интереса к изучению феноменов времени в природе. Сюда нужно в первую очередь отнести интерес к изучению ускорения процессов, ведущих к революционным изменениям в культуре. Специалисты по первобытной и древней истории предполагают — об этом мы уже подробно говорили, — что с макроисторической точки зрения ускорение культурно-исторической эволюции как таковое представляет собой культурно-историческую константу³⁴. Что касается периода модерна, то его отличает, соответственно, только драматическая скорость эволюции, которую впечатляющим образом можно обнаружить, а при желании и количественно выразить как в науке и технике, так и в искусстве — именно в этом и состояло намерение центральных разделов этой книги. В некоторых сферах нашей современной культуры динамика эволюции достигла такой степени, что комментарии здравого смысла в духе «Дальше так продолжаться не может!» выглядят как комментарии, которые бьют прямо в точку. Соответственно возникает же-

³³ См. об этом мою книгу: *Lübbe H. Religion nach der Aufklärung*. 2. Aufl. Graz; Wien; Köln, 1990.

³⁴ Так полагает Карл Нарт: *Narr K.J. Zeitmaße in der Urgeschichte*. Opladen, 1978.

9. ВРЕМЯ ПЕРЕЖИВАЕМОЕ И ВРЕМЯ ИЗМЕРЯЕМОЕ

ление и в истории природы подыскать сравнимые случаи эволюционной гипердинамики, чтобы достичь понимания конечной стадии гипердинамических эволюционных процессов. Литература, которая с этой целью сравнивает историю природы и историю культуры, необъятна. Конечно, состоятельность подобных сравнений естественных и культурных историй сомнительна. Тем не менее испытываешь смущение, когда читаешь, что «предельно способствующие эволюции... ряды прогрессирующих существ» «как правило, не в состоянии» осуществить «значительные перестройки, направляющие эволюцию на длительный период в новые колеи», поскольку доказано, что «они быстро вымерли»³⁵. Возможно, что правило, согласно которому — как доказано — так оно и есть в палеонтологии, не работает в нашей собственной ситуации. Но выяснить это — вопрос очевидного практического интереса. А пока мы это не выяснили, разумно не успокаиваться в том, что касается мотивов наших исследований и наших действий.

Можно показать, что при этом речь не идет о беспокойстве, которое чувствуется только в эзотерических кругах ученых. Уменьшение уверенности в будущем, основанное на опыте динамики нашей цивилизационной эволюции, распространяется сегодня во всех областях культуры, и нет ничего удивительного, что этот специфический для модерна опыт времени сегодня дошел и до искусства. Искусство, обращенное к теме времени, актуально³⁶. Описаниям и аналитическим исследованиям этой книги особенно хорошо соответствует скульптура Карла Шнайдера, которую можно было увидеть на швейцарской выставке садоводства «Grün 80» в Базеле (1980). Скульптура называется «Экспоненциальная лестница перед ящером» и представляет собой восходящую лестницу, начало которой уютно и привлекательно, затем высота ступеней резко возрастает в ущерб их ширине, и тот, кто продолжал бы дальнейшее движение по ней, быстро достиг бы такой точки, после которой следует падение вниз.

³⁵ Так считает Генрих Эрбен: *Erben H.K. Die Entwicklung der Lebewesen. Spielregeln der Evolution. München; Zürich, 1975. S. 224.*

³⁶ См. об этом в качестве примера прекрасную статью Маргареты Йохимсен: *Jochimsen M. Zeit zwischen Entgrenzung und Begrenzung der bildenden Kunst heute // Baudson M. (Hrsg.). Zeit. Die vierte Dimension in der Kunst. Fribourg; Weinheim, 1985. S. 219–239.*

ПОСЛЕСЛОВИЕ

І. Сокращение настоящего.

Новое понятие вызывает интерес

Во введении к этой книге, написанном еще в 1992 г., я вскользь упомянул понятие «сокращение настоящего», которое эксплицитно было введено в главе, посвященной авангарду, в связи со способностью авангардизма к расширению сферы прошлого¹. Сокращение настоящего означает, что в темпоральном отношении прошлое становится все ближе к настоящему. «Хронологический возраст устаревшего уменьшается. Иными словами: в динамической культуре уже устаревшее становится все моложе»². В одной из более поздних статей, где были введены семь понятий, пригодных для концептуальной характеристики цивилизационной динамики модерна³, в их число я включил и понятие «сокращение настоящего», тем самым подчеркнув его полезность для современной философии времени⁴. Новое понятие привлекло внимание и вызвало интерес, так что я неоднократно получал приглашение прочитать доклады на тему «Сокращение настоящего»⁵, опубликовать статьи, в заглавии которых специально фигурировало понятие «сокращение настоящего»⁶, написать фельетон о «сокращении настоящего» для юбилейного тысячного выпуска газеты⁷ или же ответить на вопрос «Сокращается ли настоящее?» перед музейной публикой, собравшейся в вокзале, превращенном в музей техники⁸.

¹ Наст. изд., с. 24.

² Наст. изд., с. 96.

³ *Lübbe H. Zeit-Erfahrungen. Sieben Begriffe zur Beschreibung moderner Zivilisationsdynamik. Akademie der Wissenschaften und der Literatur zu Mainz. Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse. Jahrgang 1996. Nr. 5. Stuttgart, 1996.*

⁴ Наряду с понятиями «прецепция», «экспансия будущего», «рост множества реликтов», «эволюционная илламинарность», «сетевая концентрация» и «эмпирическая апокалиптика».

⁵ Например: «Сокращение настоящего, опыты времени в динамической цивилизации» (*Lübbe H. Gegenwartsschrumpfung, Zeit-Erfahrungen in einer dynamischen Zivilisation // Fechtrup H., Schulze F., Sternberg T. (Hrsg.). Zwischen Anfang und Ende. Nachdenken über Zeit, Hoffnung und Geschichte. Ein Symposium (Münster, Mai 1999) / mit Beiträgen von J.T. Fraser, H. Lübbe, H. Maier, J.B. Metz, G.L. Müller, R. Saage. Dokumentationen der J. Pieper-Stiftung. Bd. 5. Münster; Hamburg; London, 2000. S. 71–80.*)

⁶ *Lübbe H. Gegenwartsschrumpfung // Backhaus K., Bonus H. (Hrsg.). Die Beschleunigungsfälle oder der Triumph der Schildkröte. 3., erweiterte Aufl. Stuttgart, 1998. S. 263–293.*

⁷ *Lübbe H. Gegenwartsschrumpfung. Über die Veränderung unseres Verhältnisses zur Zeit // Tagblatt. Millennium. St. Gallen. 2000. 1. Januar. S. 5.*

⁸ *Lübbe H. Schrumpft die Gegenwart? Über die veränderte Gegenwart von Zukunft und Vergangenheit. Panta rhei. Vortragsreihe der H. Erni-Stiftung, Luzern, Bd. 23. Luzern, 2000.*

Таковы эффекты медийного усиления внимания к теме, проявляющегося в такого рода повторениях, которые в конце концов ведут также к росту специально-научного интереса⁹ и стимулируют дискуссии на эту тему в контексте эволюционно-теоретических исследований процессов сокращения, сфокусированных на экологии¹⁰.

Новые понятия становятся притягательными, если они дополняют чрезмерное требование смены привычек концептуального структурирования расширением наших возможностей восприятия и описания. От устойчивой надежности того, как мы обычно различаем и концептуально связываем между собой феномены, зависят наши возможности достичь правильного взаимопонимания, и тот, кто позволяет себе изменять концептуальные инструменты описания реальности, должен взять на себя бремя доказательства полезности нового способа ориентации. Похоже, этого удалось достичь в случае понятия сокращения настоящего. Риторическая сторона вопроса заключается в языковой привлекательности наименования нового понятия, т.е. «сокращение настоящего». Оба существительных, которые комбинируются в этом имени понятия, имеют статус обычных, хорошо знакомых, повседневно употребляющихся слов, чего нельзя сказать об их комбинации. Общеупотребительное использование слова «настоящее» не побуждает и даже, в обычном случае, противодействует тому, чтобы рассматривать настоящее как сущность, которая способна к сокращению. Если в школе речь вдруг пойдет о том, чтобы хотя бы элементарно познакомиться с характером настоящего в аспекте философии времени, будут, скорее всего, процитированы строки Фридриха Шиллера о том, что настоящее всегда несетя «крылатою стрелою», тогда как будущее приближается «медлительной стопою», а «всегда безмолвное» прошлое стоит на месте*. Такой взгляд на вещи не способствует тому, чтобы говорить о сокращении, и именно это, видимо, побудило одного из организаторов мероприятия посоветовать дать моему планируемому докладу о «сокращении настоящего» проблематизирующую формулировку в виде вопроса «Сокращается ли настоящее?»¹¹. «Сокращение времени?» — так переформулировал этот вопрос другой организатор¹²,

⁹ В качестве примера см. выступления социологов на Всемирном социологическом конгрессе в Брисбене (2000), а именно доклад Хартмута Роса: *Rosa H. Social Acceleration — Ethical and Political Consequences of a de-synchronized High-Speed-Society. Paper for Session 6, RC 35 (COCTA) and Ad Hoc Session 7. P. 6.*

¹⁰ *Schenkel W. Geschwindigkeit als kritischer Faktor in der Ökologie // Hager F, Schenkel W. (Hrsg.). Schrumpfung. Chancen für ein anderes Wachstum. Ein Diskurs der Natur- und Sozialwissenschaften. Berlin; Heidelberg; New York, 2000. S. 21–33.*

*
 «Трояк седого времени полет:
 Грядущее идет медлительной стопою,
 Всегда безмолвное прошедшее стоит,
 А настоящее летит крылатою стрелою».
 (Притчи Конфуция. Пер. с нем. Н. Гербеля)

¹¹ См. примеч. 8.

¹² *Weis K. Zur Einführung: Was verdeutlicht das Fragen nach der Zeit? // Was ist Zeit? Zeit und Verantwortung in Wissenschaft, Technik und Religion / Eingeleitet und herausgegeben von K. Weis. FAKTUM. Eine Reihe wissenschaftlicher Veröffentlichungen der Technischen Universität München, Bd. 6. 3. Aufl. München, 1995. S. 9–22, S. 17.*

I. СОКРАЩЕНИЕ НАСТОЯЩЕГО. НОВОЕ ПОНЯТИЕ ВЫЗЫВАЕТ ИНТЕРЕС

что в обычном оперативном использовании слова «время» было бы, конечно, осмыслено только в знакомом контексте хронологической последовательности, связанной с просрочкой по срокам платежей.

«Сокращение» только тогда может быть предсказано «настоящему», если настоящее, в свою очередь, понимается как момент времени, который обладает темпоральной протяженностью. Физиологи и психологи, изучающие восприятие, как известно, просветили нас насчет того, что даже тот пункт времени, который в ходе беговых состязаний отмечается стартовым выстрелом, и по которому бегуны должны по возможности одновременно стартовать, никоим образом не является лишенным темпоральной протяженности моментом «сейчас», но представляет собой, напротив, физиологически обусловленную минимально протяженную величину «примерно в три тысячных доли секунды», в пределах которой мы были бы не в состоянии воспринять в качестве различных два стартовых выстрела, сделанных с промежутком в две тысячных секунды¹³. Знакомство с этими результатами исследований физиологически обусловленной минимальной длительности переживаемого настоящего вызывают неизменное изумление, однако, разумеется, намного более почтенный возраст имеет «настоящее» в качестве исторического понятия для обозначения эпох, с помощью которого мы стремимся дескриптивно обобщить контемпоральную, культурную, социальную и политическую принадлежность к одному времени (*Zeitgenossenschaft*). То же случается, когда журнал получает название «Die Gegenwart»¹⁴ или так называется полоса известной газеты, которая с некоторой нерегулярностью предлагает здесь авторам высказаться на темы, представляющие устойчивый интерес помимо актуальной ежедневной информации¹⁵. Такое «настоящее», чья темпоральная длительность охватывает обстоятельства и условия, выходящие за горизонт времени тех интересов, которыми преимущественно руководствуются профессиональные журналисты, также при известных обстоятельствах может сокращаться.

Когда это случается? Книга, которая здесь представлена в третьем издании, описывает это. По мере роста динамики цивилизационной эволюции сокращаются сроки, через которые прошедшие периоды времени кажутся нам прошлым, ставшим для нас чужим. Комплементарно к этому при взгляде вперед на нас надвигается такое будущее настоящего, когда в важных отношениях мы, наши дети и, тем более, внуки должны будем считаться с другими жиз-

¹³ Это следует из неоднократно обнародованных результатов исследований Эрнста Пёппеля: *Pöppel E. Gegenwart — psychologisch gesehen // UNIVERSITAS. 1988. Jahrgang 43. Nr. 510 (Dezember). Schwerpunkt Zeit. S. 1249–1254, S. 1250*. Практический контекст этого исследования подробно рассмотрен здесь: *Pöppel E. Grenzen des Bewusstseins. Über Wirklichkeit und Welterfahrung. Stuttgart, 1985*.

¹⁴ Так уже в 1872 г. называлось периодическое издание, которое в подзаголовке предлагало свои услуги в качестве «Еженедельника по литературе, искусству и публичной жизни», или же можно упомянуть случай двухнедельного журнала «Die Gegenwart», который не случайно начал выходить во Фрайбурге-в-Брайсгау после эпохального 1945 г.

¹⁵ Речь идет о «Frankfurter Allgemeine Zeitung».

ненными обстоятельствами, предвидеть которые в то же время становится все труднее. Для настоящего это, в свою очередь, означает: оно сокращается, т.е. сокращается число лет, в течение которых мы можем исходить из сравнительно константных предпосылок нашей профессиональной и политической практики или же нашей социальной и культурной среды. «Сокращенное пребывание в настоящем» — именно так, соответственно, звучит название подзаголовка этой книги, которая в репрезентативных деталях описывает и анализирует как практические результаты этого сокращения настоящего, так и его последствия для нашего душевного состояния (*Befindlichkeitsfolgen*), включая парадоксы художественного авангарда и динамику старения сохраняемой информации, потребность в организации времени как медиума пространственно рассредоточенной социальной интеракции, а также востребованную индивидами способность к жизненно-утилитарному наполнению расширяющихся периодов времени, в рамках которых не происходит ничего, если мы сами его ничем не наполним.

Что делает такое понятие сокращения настоящего, охарактеризованное здесь в общем виде, интересным для теории цивилизационной эволюции? Уже цитировавшийся выше социолог Хартмут Роса¹⁶ считает, что широко допускаемое также и в социальных науках «Acceleration of Social Change»* «still remains an ongoing and so far unresolved empirical challenge»**. Понятие «сокращение настоящего» («contraction of the present») могло бы оказать помощь в попытках придать тезису ускоренного развития (*Accelerationsthese*) эмпирическую очевидность¹⁷. Любое понятие в контексте практики построения теории, само собой разумеется, есть не эмпирическая данность, а конструкция, а именно схема действий для дескриптивного различения и упорядочивания¹⁸. Эмпирический же базис для тезиса ускоренного развития образуют, напротив, феномены, которые объединяются понятием «сокращение настоящего», а именно феномены темпорального сгущения инноваций как в научных и технических, так и в культурных и политических процессах, элементы которых эволюционно можно упорядочить на «ранние» и «поздние». В этой книге собраны различные примеры такого рода: мы обращались к развитию архаических орудий труда, о которых сообщают наши специалисты по древней и ранней истории¹⁹, принимали во внимание результаты медиевистических исследований по истории агротехнологии²⁰, вспоминали технические и социальные условия, кото-

¹⁶ Rosa H. Op. cit. (См. примеч. 9.)

* «Ускорение социального изменения» (англ.).

** «Остается все еще актуальным и пока неразрешимым эмпирическим вызовом» (англ.).

¹⁷ Rosa H. Op. cit. P. 6.

¹⁸ Соглашаюсь в этом вопросе с авторами работы: *Kamlah W., Lorenzen P. Logische Propädeutik oder Vorschule des vernünftigen Redens*. Mannheim, 1967. S. 53 и далее, а также S. 70 и далее.

¹⁹ Наст. изд., с. 245.

²⁰ Наст. изд., с. 246 и далее.

I. СОКРАЩЕНИЕ НАСТОЯЩЕГО. НОВОЕ ПОНЯТИЕ ВЫЗЫВАЕТ ИНТЕРЕС

рые форсировали переход ко всеобщему использованию устройств измерения и планирования времени, начиная с часов и календаря²¹, описывали способы решения проблем, связанных с культурно-революционным ростом множества реликтов, включая изменения в кладбищенском деле²², появление музеев авангарда²³ и прогрессивное уменьшение возраста памятников в процессе самоисторизации современной цивилизации²⁴.

В зависимости от специфицированного теоретического интереса перечень эмпирических свидетельств, позволяющих наглядно актуализировать ускоряющееся цивилизационное развитие, можно расширить в различных направлениях. Существуют различные «тренды культурной и политической эволюции»²⁵, возрастающее число которых прагматически осмысленно различать по мере развития процесса модернизации. К их числу относятся процессы уплотнения сетей уличного движения, которые, со своей стороны, уже сделались предметом музейной визуализации; еще раньше появившиеся сложности, связанные с уплотнением потока рельсового транспорта; освобождение информационных сетей от сетей транспортного сообщения — революционное с точки зрения истории их построения, — последствия которого в экономическом, равно как и социальном, культурном и политическом отношении все еще едва ли поддаются обозрению²⁶, — те эволюционные процессы, динамика которых объясняется принудительной очевидностью их подавляющих преимуществ, но которые при этом одновременно открывают такие недоступные прогнозированию пространства будущего, темпоральная дистанция которых по отношению к современности сокращается.

Сети — это технические инфраструктуры, выгоду от использования которых также можно хорошо измерить и тем самым выразить ее в количественном отношении. Такого не скажешь о тонких аспектах другого тренда, а именно того, который в течение менее чем полувека полностью устранил культурное различие города и деревни, точнее говоря, различие профессионально-социальных, коммуникативных и политических компетенций. Этому тренду в то же время соответствуют комплексные процессы в географии расселения, которые работают уже не на рост метрополий, а ведут к развитию агломераций, включая развитие таких структур поселений, в пределах которых растет относительное значение исторических центров²⁷. Тем не менее и этот тренд имеет квантифици-

²¹ Наст. изд., с. 298 и далее.

²² Наст. изд., с. 43 и далее.

²³ Наст. изд., с. 93 и далее.

²⁴ Наст. изд., с. 58 и далее.

²⁵ Именно такой подзаголовок имеет моя книга: *Lübbe H. Modernisierung und Folgekosten. Trends kultureller und politischer Evolution*. Berlin; Heidelberg; New York, 1997.

²⁶ См. об этом статью «Сжатие сетей. К философии развития индустриального общества»: *Lübbe H. Netzverdichtung. Zur Philosophie industriegesellschaftlicher Entwicklungen* // *Lübbe H. Op. cit.* (См. примеч. 25.) S. 3–22.

²⁷ См. об этом статью «Метрополии и конец провинции»: *Lübbe H. Die Metropolen und das Ende der Provinz* // *Ibid.* S. 51–58.

цируемые аспекты, среди которых доступность школ и гимназий, ставшая независимой от различия города и деревни, дистанция маятниковой миграции и полная интеграция граждан, независимо от места их проживания, осуществляемая с помощью средств массовой коммуникации. Наконец, в порядке примера следует назвать еще и тренд, комплементарно включающий, с одной стороны, быстрый рост множества интернациональных организаций и объединений и, с другой стороны, быстро развивающуюся плюрализацию малых политических объединений, обладающих компетенцией для самоопределения, — от суверенных национальных государств до регионов, действующих на субгосударственном уровне²⁸.

Наглядное представление о тренде цивилизационной эволюции, возникающее благодаря квантифицированным результатам ее социально-научного измерения, лишь в исключительных случаях достаточно для оценки ее будущего практического значения. Поэтому историк с социально-научной выучкой, в силу своей специальности обычно широко открытый к тому, чтобы видеть случайности и удивительные обратные воздействия тех процессов, которые кажутся доминирующими, лучше подходит для вынесения такой оценки, чем специалист в области построения социологических или экономических теорий.

Так или иначе: темпоральное качество рассматриваемого мегатренда становится наглядным только в своих квантифицируемых аспектах, и только благодаря такого рода наглядности становится понятно, почему динамика цивилизационной эволюции достигла за это время той степени, которая принуждает к рефлексивной тематизации проблемы обращения со временем — как в жизненно-практическом и организационном, так и в экзистенциальном и политическом отношении. Понятие, именуемое «сокращение настоящего», охотно при этом используется, так как уже в самой привлекательности этого наименования находят отражение некоторые из трудностей, с которыми связано темпоральное обустройство в жизненных мирах модерна.

²⁸ См. об этом мои статьи «Политическая организация в рамках процессов модернизации», а также «Европейская над-национальность. Образование союза и государственная плюрализация» в сборнике моих статей «Политика после Просвещения»: *Lübbe H. Politik nach der Aufklärung*. München, 2001. S. 39–74, 215–237.

II. Выигрыши во времени и актуальность моралистики времени

Подзаголовок настоящей книги можно прочесть и как «Сокращенная остановка в настоящем», что связывает заглавие этой работы «В ногу со временем» с метафорой железной дороги. Тем самым мы напоминаем об обусловленных появлением железной дороги драматических изменениях, связанных с организацией публичного времени, а также с культурой обращения со временем. По веским основаниям об этом совершенно необходимо помнить в рамках любой историографической работы, связанной с культурой времени. Железная дорога неизбежно широко распространяет темпоральную дисциплину — вплоть до учета каждой минуты. Это организационно порождает переход от ранее несоординированных, различных по своему происхождению локальных режимов времени (Ortszeiten) к единому времени, которое связано национальными, а в конечном счете и интернациональными обязательными правилами фиксации и исчисляемой связи отдельных локальных режимов времени. Таким образом, метафорика железной дороги — это культурная и историко-техническая метафорика, которая запрашивается для названия книги о времени.

Можно рассматривать эту метафорику и буквально, как это делается в рекламе немецкой железной дороги. Судя по объявлению в буклете, сопровождаемому приветственным словом уполномоченного земельного министра, на участке дороги между Майнцом и Карлсруэ, проходящем через Пфальц, люди теперь совершают поездки «в ногу со временем». При ближайшем рассмотрении оказывается, что речь идет о «вагоне, созданном по новым технологиям, — VT 612», «скошенный тип» которого позволяет двигаться на изобилующих поворотах участках пути «с максимальной скоростью 160 км/ч», «давая 30%-й выигрыш во времени». Такую скорость оценят те, кто регулярно совершает поездки на поездах на работу и обратно, и это должно смягчать проблему регионального автомобильного движения в час пик. Кроме того, есть надежда, что обещанный выигрыш во времени пойдет на пользу также туристическим экскурсиям, на что указывает и предлагаемая услуга «доставки велосипеда» (Fahrrad-Hotline), которая была введена тогда же, когда появился слоган «в ногу со временем»¹.

Речь идет о произвольно выбранной, но примечательной детали — типичной рекомендации по использованию технического прогресса, преимущества которого для жизни рассматриваются как выигрыш во времени. Указание на данный выигрыш в рекламе само собой исходит из того, что нельзя сомневать-

¹ Более подробно см.: <www.rheinland-pfalz-takt.de>, а также <www.bahn.de>.

ся в его положительном характере; предполагать же, что при этом рекламщики eo ipso имеют ввиду исключительно экономические преимущества, значило бы впадать в приторную культур-критику. Рекламщики, конечно, считаются с распространяющейся склонностью к подобной культур-критике. Соответственно они противопоставляют этому указание на открытие железнодорожной услуги по транспортировке велосипедов, и они могут рассчитывать на то, что такая мера встретит широкое понимание. Немецкая железная дорога, которая в сообщении об открытии нового участка высокоскоростной дороги между Кёльном и Франкфуртом объявляет, что она дарит нам час свободного времени, рискует, пожалуй, встретить возражение, что за этот подарок нам придется заплатить дополнительную цену. Но сам подаренный час будет с удовольствием принят. Публика, которая готова за это платить, хотела бы также знать, на что потратить этот час. Утверждение же, что «культурная индустрия» уже позаботилась о том, чтобы те, кто сэкономили время и получили дополнительный досуг, всегда «равнялись» «на единство продукции», является, очевидно, не описанием реальности, а индуцированным философией антимодернизмом в духе Критической теории². «Гонка все ускоряется» — это в самом деле бесспорное утверждение³, если подумать о максимальной скорости поезда, который на час сократил поездку от Кельна до Франкфурта. Но пассажиры, которых перевозят со скоростью 300 км/ч, совсем никуда не мчатся, но расслабленно сидят в своих креслах и радуются освободившемуся времени в пункте назначения. Конечно, верно и то, что можно изобразить также противоположную картину, которая совсем иначе будет трактовать этот выигрыш во времени, — таков, например, давно известный культур-критический образ спешащего на встречи менеджера, для которого сократившееся время путешествия превратит изучение документов для подготовки к заседанию в дополнительное обременение в силу возросшей нехватки времени и, кроме того, увеличит рабочий день в пункте назначения, так как выигранный час давно превращен в дополнительную встречу в его расписании.

Так это или не так — в данном случае не вопрос разницы перспективы. Существует и помогающее жизни или укорачивающее жизнь времяпровождение, причем и в этом вопросе существует социальное неравенство. Известен миф, возникший во времена, которые позже назвали экономическим чудом, что менеджеры этого чуда диспропорционально часто становились жертвами болезни, которую тотчас называли в их честь, — а именно болезни менеджера. Эту тему, соответственно, счел для себя подходящей Генрих Бёлль, который в одной интересной сатире представил фабриканта Альфреда Вунзиделя: во время работы он постоянно внутренне поторапливал самого себя при всяком

² *Horkheimer M., Adorno T.W. Dialektik der Aufklärung. Philosophische Fragmente. Frankfurt am Main, 1989. S. 132, 128. Рус. пер.: Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты / пер. с нем. М. Кузнецова. М.; СПб.: Медуим; Ювента, 1997.*

³ *Landes D.S. Der entfesselte Prometheus. Technologischer Wandel und industrielle Entwicklung in Europa von 1750 bis zur Gegenwart. Köln, 1973. S. 495.*

II. ВЫИГРЫШИ ВО ВРЕМЕНИ И АКТУАЛЬНОСТЬ МОРАЛИСТИКИ ВРЕМЕНИ

удобном и неудобном случае, а своих коллег подгонял возгласом «Надо что-то делать!», пока, наконец, не свалился замертво, о чем затем «тихо» уведомили его коллег, объявив, что нечто «было сделано»⁴. Этой литературно оформленной картине деятельного неумения ценить преходящее (*das Zeitliche*)⁵ противоречит недавний «репрезентативный опрос Института демоскопии Аленсбаха, выполненный при поддержке Гамбургского Фонда Кёрбера (Körber-Stiftung)». Из всех профессиональных групп реже всего говорят о себе, что они страдают от стресса (25%), именно менеджеры, а самая большая группа, которая подвергается стрессу, — рабочие средней квалификации (37%)⁶. В этой эмпирически подкрепленной картине мнений отражается обыкновенный жизненный опыт: заниматься чем-либо со знанием дела — это источник жизненного счастья. Его социальная определенность растет вместе с признанием наших трудовых достижений, а также по мере того, как наш опыт показывает, что мы в нашей признанной и вместе с тем стабилизированной в смысловом отношении деятельности способны еще и развивать наши способности в определенных направлениях. Равным образом верно следующее: чем больше мы можем самостоятельно устраиваться и ориентироваться в нашей деятельности, тем, одновременно, больше эта деятельность способна быть медиумом самопознания, а это означает, что мы ощущаем себя деятельными там, где способны к самоопределению, — даже в моральном отношении, включающем и мораль обращения со временем, развитие и следование которой позволяет нам жить пунктуально, и именно поэтому в то же время спокойно, предусмотрительно, а значит, и не испытывая нехватку времени. Благодаря этому описанию взаимосвязей становится также очевидным, каким образом вероятность того, что мы овладели культурой обращения со временем, способствующей нашему хорошему самочувствию, должна расти вместе с уровнем тех притязаний, которые мы связываем с нашей деятельностью. Можно считать решенным спор об экзистенциальных выгодах и недостатках современной профессиональной деятельности⁷, который был эхом кризисного политического состояния конца 1960-х — начала 1970-х годов.

⁴ Böll H. Es wird etwas geschehen. Eine handlungsstarke Geschichte // Böll H. Nicht nur zur Weihnachtszeit. Satiren. 17. Aufl. Köln; Berlin, 1974. S. 81–86. Это небольшая сатира о менеджерах была написана в 1954 г. Рус. пер.: Бёлль Г. Надо что-то делать! // Бёлль Г. Собр. соч.: в 5 т. Т. 2 / пер. с нем. Е. Михелевич. М.: Художественная литература, 1990. С. 615–620.

⁵ Как мы можем сказать, следуя названию материалов конференции, посвященной времени, одной церковной академии: *Die Kunst, das Zeitliche zu segnen. Beiträge einer Tagung der Evangelischen Akademie Baden vom 12. bis 14. Februar 1993 in Bad Herrenalb* / Herausgegeben von Evangelische Akademie Baden. Karlsruhe, 1993.

⁶ Эти сведения почерпнуты из газетной статьи с примечательным названием «Немцы стали меньше, чем раньше, испытывать давление времени. Ощущение стресса уменьшилось — менеджеры жалуются меньше всего»: *Deutsche fühlen sich weniger unter Zeitdruck als früher. Stressempfinden hat nachgelassen — Manager klagen am wenigsten* // *Ostfriesische Nachrichten* Nummer 133 (11. Juni 2002). “Aus aller Welt”.

⁷ См., например: *Noelle-Neumann E., Strümpel B. Macht Arbeit krank? Macht Arbeit glücklich? Eine aktuelle Kontroverse*. München; Zürich, 1984.

Результаты тематизации времени в сфере техники и его организации с целью экономии и соответственно получения выигрыша во времени неизменно вызывают преобладающую одобрительную оценку у цивилизационных современников. Именно поэтому слова политиков, помещенные в рекламных проспектах железной дороги, посвященных открытию более быстрых путей сообщения, действуют как реклама в узком смысле этого слова. Можно сказать даже так: по мере роста надежности удовлетворения так называемых базовых потребностей для граждан и избирателей становится все более интересной та свобода, которую — помимо наличного дохода — дает находящееся в их распоряжении время. Быстрый рост потребления рано или поздно наталкивается на границы. Выигрыш во времени, напротив, может быть реализован без всяких ограничений, и нельзя верить нашим культур-критикам, что, мол, потребление — это и есть, в конце концов, то, чем нам остается занять недавно обретенное, освобожденное от насущных забот время. Тот, кто играет в домашнем музыкальном квартете, не потребляет, но действует, причем это действие самоценно и исполнено смыслом, даже если нет пятого или шестого человека, который бы слушал эту игру. Аналогичное верно и в отношении того избытка времени, которое мы по-семейному посвящаем собственным детям или родителям, по-добрососедски — людям с ограниченными возможностями или старикам, по-компанейски — друзьям или кругу коллег. Короче говоря: время — это единственный неограниченно полезный выигрыш от прогресса. Чего нельзя сказать о деньгах, которые действительно можно рассматривать как эквивалент времени, но лишь ограниченно — в некоторых жизненных контекстах.

Тем не менее не случайно, что вместе с постоянно растущим множеством поводов для получения удовлетворения от выигрышей во времени число культур-критиков, специализирующихся на теме времени, становится все больше. Их голоса становятся громче и иногда даже режут слух. Не выигрыш во времени, а непредполагаемая потеря времени есть ненамеренное следствие «темпоральной организации модерна»⁸. Такое в самом деле имеет место. Правила осмысленного использования времени становятся тем более требовательными, чем больше становятся периоды времени, которыми мы можем распоряжаться, и, соответственно, уже только в силу этого — независимо от выигрыша во времени — должна расти вероятность неудач, которые случаются при организации времени. В индивидуальном случае это означает следующее: ежедневник безнадежно заполнен — будь то в силу прогрессирующей неспособности сказать «нет», будь то в силу неверной оценки срока исполнения обязательств в рамках текущего горизонта распоряжения временем, без которой уже взятые на себя обязательства вообще не могут быть выполнены в обозримом будущем, или даже в силу давления той трансцендентной человеческой воли, продуктивная догадка о которой принадлежит Хансу Блюменбергу, каковая стремится к тому,

⁸ Согласно Дитмару Камперу: *Kamper D. Zeit gewinnen. Eine Erinnerung an die Zukunft // Sloterdijk P. (Hrsg.). Vor der Jahrtausendwende. Berichte zur Lage der Zukunft. Bd. 2. Frankfurt am Main, 1990. S. 673.*

II. ВЫИГРЫШИ ВО ВРЕМЕНИ И АКТУАЛЬНОСТЬ МОРАЛИСТИКИ ВРЕМЕНИ

чтобы продлить краткость жизненного времени человека, на которую мы издревле сетуем, посредством прогрессирующего наполнения его деятельностью, чтобы оно максимально возможным образом могло соответствовать масштабу мирового времени⁹.

Итак, получается: «потеря времени» в силу переполнения его из-за возрастающей неспособности в практике жизни рационально обходиться с объективно возрастающей наполненностью свободного времени. Поэтому возможен такой случай, что комплементарно к потере времени, которая поддается объяснению описанным выше образом, возникает стремление к опыту наполнения времени «пустой тратой времени»¹⁰. «Гештальты» жизни, которые оформляют «совместную пустую трату времени», могут быть при этом описаны следующим образом: «выходка, торжество, праздник, игра, “тихие часы искреннего совместного времяпрепровождения”»¹¹. Таковы безусловно отрадные и хорошо известные «гештальты» жизни, для конвенциональной темпоральной характеристики которых, правда, мы не стали бы использовать озадачивающее понятие «пустая трата времени». Мы назвали бы это, скорее, наполненной смыслом деятельностью, цель которой находится не вне ее, но каковая, напротив, самодостаточна — как в случае тех же праздников или игр, взять хотя бы тот выпавший нам случай свободной от темпорального опыта деятельности, когда без спешки и скуки мы, как и положено счастливым, минут не наблюдаем, а время летит незаметно, пока праздник, в конце концов, все же не закончится.

Называть это «пустой тратой времени» — значит, по-видимому, быть мотивированным той установкой, когда ориентированная на выигрыш во времени техническая и организационная рационализация современной производительной или сервисной деятельности вытесняет из нашей жизни «выходку, торжество, праздник, игру» etc. Феноменология современной культуры повседневности говорит нам обратное: никогда мы не праздновали столько, сколько сегодня. Число деревенских, городских, корпоративных праздников растет постоянно. Сроки, в течение которых нам сегодня приходится в неотложном порядке готовиться к университетским юбилеям, годовщинам etc., сокращаются, и что нас поэтому в настоящее время обременяет, так это не недостаток свободы времени в силу функционалистского отчуждения нас самих на службе целям, которые нельзя назвать самодостаточными, а напротив, темпоральная дезорганизация нашего недельного и годового времяпрепровождения в силу перегруженности календаря нашими праздничными мероприятиями. Вследствие

⁹ См.: *Blumenberg H. Lebenszeit und Weltzeit.* Frankfurt am Main, 1986. В этой работе неизвестный Адольф Гитлер представлен как личность, у которой воля к тому, чтобы сделать конгруэнтными жизненное и мировое время, стала «безумной идеей». О состоятельности этого предположения см. наст. изд., с. 376.

¹⁰ См.: *Kodalle K.-M. Zeit-Verschwendung. Annäherung an ein Thema, das «an der Zeit» ist // Kodalle K.-M. (Hrsg.). Zeit-Verschwendung. Ein Symposium.* Würzburg, 1999. S. 9–16.

¹¹ *Ibid.* S. 14.

этой перегрузки действительно имеет место пустое времяпрепровождение, но не как акт освобождения от функционализма практической ориентации на утилитарные цели, а, скорее, как практика неизбежного, а именно понуждаемого скукой убийства обретенного пустого времени, возникающая в силу чрезмерного требования в самом деле зыскательного искусства, состоящего в том, чтобы наполнить смыслом это время.

Удавшееся или неудавшееся использование времени — вот в чем здесь различие, но предпосылкой того и другого является факт объективного увеличения периодов времени, которыми мы можем свободно распоряжаться. Пустая трата времени, к которой мы склоняемся, дает нам в конце концов не время, а репрезентирует порожденный избытком времени способ модернового обхождения со временем. Расточительство становится вероятным тогда, когда мы имеем дело с избытком. Опыт избытка — редкий, но в этой редкости он все же представляет собой знакомый нам элемент жизни, и, соответственно, существует также культура обращения с этим избытком. Есть при том и дисфункциональность избытка, которая позволяет и подталкивает к тому, чтобы придать ему эстетическое измерение. Тогда начинает процветать роскошь, и даже изобретаются искусства, которые дают нам возможность превращать роскошь в праздник роскошного расточительства — таков, например, фейерверк¹². Само собой разумеется, не было бы никакого эстетического удовольствия от фейерверка без очевидной уверенности в том, что расточаемая роскошь — это роскошь, быстро сгорающая на наших глазах.

Таким образом, мы неизменно получаем выигрыши во времени и присваиваем их себе. Однако в интеллектуальной среде мы редко слышим выражение удовлетворения по этому поводу. Праздничного чествования темпорального изобилия свободного времени, характерного для модерновой экзистенции, в литературе не наблюдается. Новейшая литература, посвященная темпоральному устройству современной культуры, руководствуется в первую очередь культур-критическими интенциями. Об этом не стоило бы сожалеть, напротив, это рационально, поскольку верно то, что культурно продуктивные формы использования времени могут развиваться не так быстро, как те выигрыши во времени, которые требуют определенной культуры использования. Можно сказать и так: жизненно-практическая предельная полезность наших стремлений, направленных на достижение выигрыша во времени, по видимому, сокращается. В точности комплементарно к этому растет — еще быстрее, чем множество аналитической литературы о темпоральной структуре ускорившейся цивилизационной эволюции, — число книг, которые стремятся оказать нам помощь в совершенствовании новых, полезных в жизненно-практическом отношении форм обращения с модерновым опытом ускорения. Стен Надольни вынес «открытие неспешности» в заглавие успешного романа¹³, и этот успех вызвал затем бум свободного, вольного использования этого названия — от

¹² Die schöne Kunst der Verschwendung / G. Kohler (Hrsg.) unter Mitarbeit von A. Villon-Lechner. Zürich; München, 1988.

¹³ Nadolny S. Die Entdeckung der Langsamkeit. München, 1983.

II. ВЫИГРЫШИ ВО ВРЕМЕНИ И АКТУАЛЬНОСТЬ МОРАЛИСТИКИ ВРЕМЕНИ

докладов о расширяющейся сети ностальгических железных дорог, выходящих под теперь уже непременно заголовком «Открытие неспешности»¹⁴, вплоть до претенциозного фельетона о пространственной инсталляции Мика Эннепера, сенсационность которой не в последнюю очередь связана с медленными изменениями условий освещения, релевантных для получения пространственных впечатлений, в зависимости от положения Солнца¹⁵. Вестники высшей школы предлагают курсы, где дается ответ на вопрос, «как конечное и ограниченное “жизненное время” человека может приобрести осмысленную форму в контексте бесконечного “мирового времени”», а также исходя из культур-критической установки сообщается о наличии «кинетического императива», согласно которому все должно «все более ускоряться»¹⁶. «Ах, милое время», — вздыхает Карлхайнц А. Гайслер в названии предисловия к своей книге, богатый смыслами подзаголовок которой звучит как «*Minima Temporalia*» и обещает нам моралистические поучения относительно культуры обращения со временем¹⁷, тогда как в подзаголовке другой книги того же автора даже возвещается «конец времени, отмеряемого с помощью часов»¹⁸. Давно известные сетования об утрате досуга являются обязательными во многих актуальных книгах, посвященных времени, — без всякого ущерба для их конвенциональности¹⁹. В Австрии под влиянием философа Петера Хайнтеля академическая инициативная группа, занимавшаяся «замедлением времени», образовала союз, целью которого является реализация этой задачи²⁰.

¹⁴ Так в докладе: Die Entdeckung der Langsamkeit. Das gute alte “Dampfross” hat noch viele Fans — Mehr als 120 Nostalgie- und Museumsbahnen in Deutschland // Ostfriesische Nachrichten. 2002. 10. April. Nr. 83. S. 22.

¹⁵ *Stremmel K.* Die Entdeckung der Langsamkeit. Projekte von Mic Enneper in Ludwigs-hafen und Mannheim // Neue Zürcher Zeitung. Internationale Ausgabe. 2001. 18. Juli. Nr. 164. S. 34.

¹⁶ См.: «Salzburger Hochschulwochen» с 29 июля по 4 августа 2002 г., календарь праздников «Wovon wir leben werden» (S. 18).

¹⁷ *Geißler K.A.* Wart mal schnell. *Minima temporalia*. Stuttgart; Leipzig, 2002.

¹⁸ *Geißler K.A.* Vom Tempo der Welt. Am Ende der Uhrzeit. Freiburg im Breisgau, 1999.

¹⁹ Так в указанной в примеч. 10 работе К.-М. Кодалле о «Пустой трате времени» или же в докладе по теме времени, прочитанном в рамках Венского цикла лекций: *Chvojka E., Schwarcz A., Thien K.* (Hrsg.). *Zeit und Geschichte. Kulturgeschichtliche Perspektiven*. Wien, 2002.

²⁰ Благодаря разнообразным академическим активностям, которые подготавливались на протяжении десятилетий, когда в “защищенных пространствах” (на семинарах или в “лабораториях”) можно было приобрести опыт того, как, защищаясь от «всепожирающего Хроноса», вполне может получиться «придать значимость другим течениям и порядкам времени (например, предусмотрительно отводить время на ожидание, молчание, саморефлексию, паузы для индивидуального времяпрепровождения, выбирать распорядок дня, совпадающий с ритмом тела, договариваться о проведении времени с различным содержательным наполнением etc.)» — вот о чем говорит Петер Хайнтель: *Heintel P.* Beschleunigte und verzögerte Zeit // Arnold U., Heintel P. (Hrsg.). *Zeit und Identität. Zur Erinnerung an Jakob Huber*. Wien, 1983, S. 11–40, S. 13. «Замедление времени» уже в этой ранней статье характеризуется как «прерывание безумия очередностей» (Ibid. S. 17).

Актуальная культур-критическая литература по теме времени (а ее, между тем, уже наберется на небольшую библиотеку) не подтверждает иллюзорный характер выигрышей во времени, которые действительно связаны с процессом модернизации и ожидание которых образует одну из движущих сил этого процесса. Однако она подтверждает, повторюсь, чрезмерные требования по использованию этих выигрышей, и, кроме того, она подтверждает, что в субъективном восприятии многие вредные последствия, которые возникают благодаря чрезмерному требованию по жизненно-практическому обходу с выигрышами времени, растут даже быстрее, чем сами эти выигрыши. По большей степени при этом не воспринимается, что польза и вред темпоральных условий современной жизни в социальном отношении распределены в высшей степени неравномерно — не просто в зависимости от специфики социального слоя, но, скорее, в зависимости от преимущественно недоступных нашему контролю факторов, связанных с нашими соответствующими способностями что-то делать или же не делать с освободившимся временем. Кроме того, в ходе нашей индивидуальной жизни чередуются ситуации, в которых мы поначалу, как в случае отъезда в отпуск, нисколько не сомневаемся в том, что дает для смысла жизни выигрыш во времени, полученный благодаря улучшенной технической инфраструктуре, но затем, к концу затянувшегося отпуска, радуемся выздоровлению от всевозможных фрустраций, возвращаясь к нормальному течению повседневности.

И та и другая сторона времени, которое — под влиянием модернизации — настоятельно требует распоряжения, может по собственному усмотрению наполняться отрадным или совершенно безотрадным содержанием. Правила культуры обращения со временем становятся, соответственно, интегральной частью современной моралистики, а трудности нахождения нужных правил отражаются на аналитических, феноменологических и прагматических недостатках этой моралистики. Неужели взаправду «потогонная система» все еще докучает нам в работе? Никогда прежде исследования рабочего времени не использовались в столь значительном объеме для организации рабочих мест, оптимальной с точки зрения практики поддержания здоровья²¹. «Замедленное общество будет обществом досуга и лени»²². Это предсказание питается топом моралистики с весьма богатой традицией, и современные монастыри, которые для нахождения новых источников дохода предлагают свои услуги в качестве «оазисов времени»* для тех временных отпускников, которые нуж-

²¹ С противоположным мнением можно ознакомиться здесь: *Reheis F. Die Kreativität der Langsamkeit. Neuer Wohlstand durch Entschleunigung. Darmstadt, 1996.*

²² *Ibid.* S. 207.

* «Оазис времени» («Zeitoase») — понятие, употребляемое в немецкой публицистике для различных форм временного выключения из напряженных ритмов современной жизни, а также используемое как название, в частности, немецкой сети учреждений социальной направленности, ориентированной на пожилых людей, поддерживаемых в настоящее время благотворительной организацией *Diehl-Zesewitz-Stiftung (diezeitstifter.de)*. Могто «оазисов времени» Фонда Диля — Цезевитца — «Вместе, а не в одиночку». Хотя в публичных документах это не акцентируется, однако, судя по ироничным высказываниям Люббе, некоторые из таких «оазисов времени» связаны с католическими кругами.

II. ВЫИГРЫШИ ВО ВРЕМЕНИ И АКТУАЛЬНОСТЬ МОРАЛИСТИКИ ВРЕМЕНИ

даются в его замедлении, толково этот топос используют. Но добрые сестры, благодаря заботе которых гостю здесь вольготно живет в темпоральном отношении, трудятся как испокон веков — разве что их намерение поощряется культурой времени, а соответствующую собственную потребность они считают безусловно удовлетворенной в плане одобрения со стороны традиции.

Так или иначе, резюмируем этот баланс пользы и вреда вместе с Джулиусом Томасом Фрейзером, который как никто другой собрал воедино результаты современных исследований времени, обработал их и обобщил в форме, пригодной для использования. Фрейзер резюмирует тему, над которой работал в течение всей своей жизни, в старом стиле справки: «наше время» стало «метастабильным», а именно — в рамках перехода нашего цивилизационного жизненного мира к состоянию «неуютного глобального сообщества», которое ставит нас перед проблемой, характеризуемой Фрейзером как проблема воспитания²³. Фрейзера можно назвать самым известным исследователем времени в мировой науке. Многочисленные тома грандиозного проекта «Исследование времени» («The Study of Time»), в котором собраны важнейшие публикации Международного общества исследования времени (International Society for the Study of Time) во многих отношениях необходимо учитывать в специальных исследованиях, Фрейзеру мы также обязаны монографией под названием «Время, знакомый незнакомец»²⁴, которая примечательным образом вновь поднимает первоначально тематизированную, как известно, Августином проблему, состоящую в том, что в оперативном использовании у нас нет никаких сложностей с понятием времени, но тем большие трудности, однако, возникают при попытках рефлексивной актуализации и экспликации этого понятия. Речь идет о специфической чуждости того, что нам особенно хорошо известно, которая доставляет немало сложностей и для моралистики современной культуры времени, что, соответственно, делает незавершенным поиск «стабильных правил поведения»²⁵ для практики нашего индивидуального и коллективного обращения со временем.

²³ *Fraser J.T. Zeit und menschliche Werte — eine zeitgemäße Sicht // Fechtrup H., Schulze F., Sternberg T. (Hrsg.). Zwischen Anfang und Ende. Nachdenken über Zeit, Hoffnung und Geschichte. Ein Symposium (Münster, Mai 1999) / mit Beiträgen von J.T. Fraser, H. Lübke, H. Maier, J.B. Metz, G.L. Müller, R. Saage. Münster; Hamburg; London, 2000. S. 43–69, S. 64 и далее.*

²⁴ *Fraser J.T. Time, the Familiar Stranger. Amherst, 1987.*

²⁵ *Ibid. P. 65. (См. также примеч. 51.)*

III. Издержки времени как смысловая граница инноваций

Там, где в изменяющихся условиях жизни на подходе новая организация или учреждение, адекватным адресатом для получения подобного ему одобрения в современную эпоху является молодежь. В чреде поколений она — носитель обетования, заключающегося в том, чтобы быть беспристрастным в отношении нового и вместе с тем быть заинтересованным в продуктивном обращении с теми проблемами, которые будут результатом этого нового. Этим ожиданием руководствовалась и немецкая учебная премия, которую регулярно объявляет Фонд Кёрбера (Körber-Stiftung) в рамках «форума импульсов», а в 2002 г. она знаковым образом была объявлена по теме «tempo! Ускоряющийся мир»¹.

Объявления о премиях, целью которых является содействие науке, функционируют в соответствии с прототипом придуманной в XVIII в. научной практики, которая заключается в обнародовании вопроса, на который надеются получить ответ, заслуживающий премии. Такие объявления о премиях получают, разумеется, большой публичный резонанс только в том случае, если они посвящены одному из тех вопросов, которые, помимо своей исследовательски-практической продуктивности, являются предметом общего или, по меньшей мере, широко распространенного интереса. Очевидно, что вопросы такого типа легче найти там, где научные специальные дисциплины имеют не слишком высокий уровень дифференциации. Если изменить ориентацию этой формулировки на обратную с точки зрения научной эволюции, то это означает следующее: по мере специализации возрастает эзотерический характер тех сообществ исследователей, которым вообще может быть адресован премиальный вопрос в надежде получить хорошо обоснованный и продуктивный ответ на него. Если же, напротив, объявляя премиальный вопрос, хотят обратиться не к знанию специалистов, а к знанию универсалов (пусть даже это будет универсальное знание специалистов), то вместе со степенью сложности современных условий жизни возрастает сложность вообще найти и сформулировать такой вопрос, который в исследовательски-практическом плане осмысленно может быть адресован широкому междисциплинарному научному сообществу. Именно эта трудность объясняет, почему цитированное объявление о немецкой учебной премии 2002 г. вообще отказывается от постановки вопроса и вместо этого обещает 250 тысяч евро за достойную премии реакцию на какое-то восклицание — а именно: tempo! Не вопрос, а напористая тема своим ассоциативным потенциалом должна вызвать исследовательское стремление,

¹ См. «Условия участия» в объявлении о немецкой учебной премии 2002 г. «tempo! Ускоряющийся мир», контактный адрес: Körber-Stiftung Deutscher Studienpreis, Kurt-A.-Körber-Chaussee 10, D-21027 Hainburg <www.studienpreis.de>.

III. ИЗДЕРЖКИ ВРЕМЕНИ КАК СМЫСЛОВАЯ ГРАНИЦА ИННОВАЦИЙ

и ожидается, что пробужденное тематическое любопытство уже само выведет на след продуктивных с точки зрения исследовательской практики вопросов.

Нет ни малейшего повода сомневаться, что эта новая практика объявления премий будет стимулировать практику ориентации. По самому своему неопределенному характеру она является точным комплементарным дополнением по отношению к достигнутой на сегодняшний день степени специализации исследовательской практики. Чтобы принять в ней участие, студентам предстоит для начала освоить множество требовательных учебных курсов. Тем важнее, если говорить просто, не утратить перспективу; при этом общие и масштабные, но находящиеся в зависимости от состояния современной цивилизации жизненные темы, настоятельность которых обусловлена экзистенциально, культурно или даже политически, играют роль принципов релевантной в ориентационно-практическом отношении координации наличествующего запаса знания — и, следовательно, «tempo!».

К настоящему времени был выработан даже особый, ранее не известный тип вопросов, который лишь по форме напоминает премиальные вопросы предшествующей эпохи в истории науки, однако в силу легко распознаваемой невозможности ответа на поставленные вопросы риторически ясно дает понять, что смысл этих вопросов состоит не в том, чтобы дать на них ответ, в точности им релевантный, но в том, чтобы ассоциативно спровоцировать исследовательский интерес, чтобы только в ходе работы с какой-то насущной темой впервые найти те постановки вопросов, на которые может быть получен ответ. «Сколько тел нужно человеку?» — вот один из вопросов обрисованного риторического типа, и именно он фигурировал в предшествующем объявлении о премии Фонда Кёрбера. Руководствующийся этим риторическим образцом соответствующий вопрос по теме «время» звучит так: «Какой темп выдержит мир?». «Выражаясь точнее», это означает: «Какой темп выдержит человек?»². Но даже в такой формулировке вопроса «точнее» означает просто-напросто «ассоциативно более продуктивно», а вовсе не «более подходяще, чтобы дать на него ответ».

Для понимания того места, которое занимает в области научной культуры указанное объявление о премии по теме «Ускоряющийся мир», интересен и другой риторический вопрос, который содержится в тексте этого объявления, а именно: «насколько важной считают эту тему те, кто учится сегодня». Вопросы этого типа известны нам из демоскопии. Там, где их ставит интервьюер, он дает колонку цифр от одного до трех или даже от одного до шести и предлагает путем выбора одного из чисел определить ту важность, которую респондент придает какой-то теме. Само собой разумеется, фонд, который дает объявление, надеется, что его адресаты оценят его тему как очень важную. Если они, вопреки ожиданиям, так не поступили бы, то тем самым, а именно в силу демонстрации безучастности, обнаружился бы беспредметный характер объявления о премии. В случае темы «tempo!» этого, конечно, нельзя всерьез опасаться, и растет число объяснений того, о чем сегодня в первую очередь говорит продолжающий расти поток литературы о времени. Причем эти объяснения жи-

² <www.studienpreis.de>. S. 3.

вительно свободны от культур-критических обертонов. Объявление о премии не оспаривает, но подтверждает: во многих областях жизни «больше темпа» неизменно есть «требование», и этим требованием никто не стал бы руководствоваться, если бы в его пользу не свидетельствовала очевидность жизненных преимуществ, которые могут быть получены только посредством сокращения издержек времени — идет ли речь о технике доставки информации или автоматических кассах, используемых для снятия денег или при покупках в магазинах самообслуживания, о сокращении необходимого периода госпитализации или домашней fast-food кухни, включающей комбинацию консервирующей заморозки и разогревания в микроволновой печи, которую привыкли использовать занятые на работе хозяйки и хозяева. Все это накладывает отпечаток на наши современные миры повседневности — по большей части мы принимаем это безропотно и без вопросов, и таково на самом деле фоновое наполнение нашей повседневности новыми возможностями использования времени, получаемыми благодаря выигрышам во времени, следствием которых, в свою очередь, могут быть все более назойливые издержки.

Действительно, как мы уже видели, современная литература, посвященная времени, прежде всего занимается этими следствиями и издержками, и объявление премии по теме «tempo!» также, само собой, восприимчиво к этому — от растущих неудобств, связанных с пробками в транспортных и информационных сетях, которые открыты для незапланированного и самостоятельного использования, вплоть до субъективных тягот срочной темпоральной координации деятельности, которые увеличиваются несравненно быстрее, чем множество коммуникативных связей, накладывающих отпечаток на наши современные жизненные миры. Все это действительно позволяет сделать обоснованное предположение, что мы теперь имеем дело с феноменом «чрезмерных требований, вызванных ускорением». Вместо выигрыша в свободе, получаемого благодаря экономии времени, на нашу повседневность накладывается опыт «дефицита времени». Вместо того чтобы вести автономную жизнь в пространствах невиданных ранее возможностей, мы попадаем в «западню ускорения». Рассмотренный текст объявления о премии исходит, следовательно, из того, что это является общим цивилизационным опытом, и в качестве свидетельства этому можно указать на огромный массив «литературы по теме», включая настоящую книгу, представленную здесь в новом издании и преимущественно посвященную проблемам, которые привлекают наше внимание в связи с обременительными последствиями, налагаемыми на нас ускорением цивилизационной эволюции — включая увеличивающийся «период обесценивающего полураспада знания»³, связанную с этим «утрату традиции»⁴, а также «сокращение настоящего»⁵.

Такие результирующие издержки успешно состоявшегося сокращения трат времени делают понятными выражения неудовольствия. Но тот, кто хочет ис-

³ В наст. изд. обсуждается на с. 215 и далее.

⁴ В наст. изд. обсуждается среди прочего на с. 18 и с. 264.

⁵ См. на эту тему параграф «Азы ускорения» («ABC der Beschleunigung») в условиях участия в конкурсе на получение рассматриваемой выше премии. (См. примеч. 1.)

III. ИЗДЕРЖКИ ВРЕМЕНИ КАК СМЫСЛОВАЯ ГРАНИЦА ИННОВАЦИЙ

пользовать это неудовольствие в качестве импульса для рационального, т.е. идущего на пользу противодействия, должен бы ориентироваться не на экспрессию, а на калькуляцию, что означает — ему следовало бы стремиться аналитически прояснить те комплексы воздействий, которые могут связать новшества, обещающие выигрыши во времени, с такими результирующими издержками, которые в конец концов уничтожают эти уже полученные выигрыши. Принцип, который позволяет выявить такие комплексы, с учетом «новой институциональной экономики»⁶ сформулировал Холгер Бонус — это принцип срока действия значимых правил игры, который всегда должен быть больше, чем хронологическая длительность тех ситуаций, когда мы, находясь в динамическом игровом контексте, должны — к нашей пользе или нашему убытку — угадать решения, руководствуясь условиями этих правил⁷. «Конечно, правила меняются повсеместно; однако темп, с которым это происходит, должен быть существенно *медленнее*, чем собственная длительность игры»⁸. «Правило игры» — это понятие в то же время является подходящим метонимом для совокупности тех элементов развивающейся системы, относительная стабильность которых есть условие способности самосохранения этой системы.

В случае простого, но реального экономического примера это означает следующее: изменения в дизайне некоторого типа автомобиля, которые, в принципе, способствуют росту продаж, не должны ускоряться за счет сокращения тех сроков, которые требуются потребителям, чтобы свыкнуться с новинкой таким образом, чтобы это позволило им отличать еще более новое от прежнего нового, которое стало старым. Если такое все же случается, то вместе с утраченной возможностью проводить различие между старым и новым, обусловленной скоростью инноваций, новое также утрачивает привлекательность. Такое действительно имело место в истории японских автопроизводителей и американских импортеров⁹, а темпоральное содержание такого опыта можно обобщить в виде следующего эволюционно-теоретического принципа: эволюция системы происходит не ламинарно, т.е. не с гомогенной скоростью в ходе симультанного изменения всех элементов системы¹⁰. Это верно и в отношении

⁶ North D.C. Institutionen, institutioneller Wandel und Wirtschaftsleistung / Aus dem Amerikanischen übersetzt von M. Streissler. Tübingen, 1992 (первое американское издание: New York, 1990). Рус. пер.: *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

⁷ Bonus H. Die Langsamkeit von Spielregeln // Backhaus K., Bonus H. (Hrsg.). Die Beschleunigungsfälle oder der Triumph der Schildkröte. 3., erw. Aufl. Stuttgart, 1998. S. 41–56.

⁸ Ibid. S. 41.

⁹ См.: Backhaus K., Gruner K. Epidemie des Zeitwettbewerbs // Backhaus K., Bonus H. (Hrsg.). Op. cit. (См. примеч. 7.) S. 107–132, S. 126.

¹⁰ О понятии эволюционной илламинарности см. соответствующий раздел моей статьи «Опыты времени. Семь понятий для описания современной цивилизационной динамики»: Lübke H. Zeit-Erfahrungen. Sieben Begriffe zur Beschreibung moderner Zivilisationsdynamik // Lübke H. Modernisierung und Folgelasten. Trends kultureller und politischer Evolution. Berlin; Heidelberg; New York, 1997. S. 23–50, S. 40 и далее.

цивилизационной эволюции, в которую в качестве факторов включены индивидуальные и институциональные субъекты действия. Из данного знания вытекают определенные последствия. Это позволяет понять разрушительные культурно-революционные результаты его игнорирования, а именно в рамках осуществленного в реальности социализма большевистского толка с инспирированным марксизмом убеждением, что с изменением производственных сил синхронно происходит переворот также и во всей «надстройке» господствующей на тот момент культуры¹¹. Что это не относится к языку, решил, в конце концов, самолично сказать уже Сталин. К религии это также не относится, а разрушительным фактором для социалистической системы оказалась в конечном счете недооценка чрезвычайно высокого уровня резистентности по отношению к революции тех структур стимулов и мотиваций, которые позволяют человеку быть заинтересованным или, с другой стороны, незаинтересованным, работоспособным или безразличным, способным к автономному действию или нуждающимся в авторитете. Генеральный секретарь Горбачев предпринял, наконец, запоздалую попытку соответствующих реформ, однако слишком поздно, так что повсюду жизни обернулось неизбежным крахом системы¹².

Расхождения в скорости изменений элементов в контексте эволюции некоторой совокупной системы делают — если взять усложняющиеся культурные и социальные системы модерна — все более настоятельной необходимостью срочных мер синхронизации, и вероятность темпоральной дезорганизации возрастает. Таково теоретическое положение, для выяснения практической весомости которого требуется опыт. Однако уже повседневный опыт жизненной практики время от времени подсказывает, о чем здесь идет речь. Так проявим же это на примере перспективы железнодорожного пассажира, учитывая известное историческое значение железнодорожной техники для распространения в пространстве стандартизированного времени, отмеряемого с помощью часов¹³. Преимущества, которые не так давно сделали привлекательным железнодорожное сообщение для тех путешественников, которые ценят время, очевидны — высокая частота рейсов, по возможности синхронизированных с твердыми часами суток, максимальная свобода от опасений относительно удобства сообщений, следовательно, минимизированное число срочных пересадок и, не в последнюю очередь, те высокие скорости, которые на средних дистанциях позволяют поезду конкурировать с самолетом, а именно в том случае,

¹¹ Согласно работе Карла Маркса «Критика политической экономии» (1859). Новое издание: Ost-Berlin, 1947. S. 12 и далее. Рус. пер.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 13. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1959. С. 1–167, с. 8 и далее.

¹² См. по этому вопросу: *Ammann R. Zur Reform des ökonomischen Systems der UdSSR: Interdependenz zwischen Politik und Wirtschaft // Adomeit H., Höhmann H.-H., Wagenlehner G. (Hrsg.). Die Sowjetunion unter Gorbatschow. Stand, Probleme und Perspektiven der Perestroika. Stuttgart; Berlin; Köln, 1990. S. 162–184.*

¹³ См. на эту тему, если брать недавнюю книгу по этому вопросу: *Blaise C. Die Zähmung der Zeit. Sir Santford Fleming und die Erfindung der Weltzeit / aus dem Amerikanischen von H.G. Holl. Frankfurt am Main, 2001.*

III. ИЗДЕРЖКИ ВРЕМЕНИ КАК СМЫСЛОВАЯ ГРАНИЦА ИННОВАЦИЙ

если мы реалистически подсчитаем время заезда и выезда из удаленных аэропортов, время регистрации etc. Самолеты в таком случае все еще сохраняют свою привлекательность для поездок в переломные моменты дня — рано утром и поздно вечером, т.е. в качестве альтернативы обычно срочным поездкам в ночных вагонах, особенно если речь идет об удаленных целях путешествия, из чего и извлекают выгоду региональные аэропорты. В течение дня, напротив, высокоскоростной поезд, направляющийся от города к городу, представляет собой оптимальное место — предполагая, что речь идет о купе, где запрещены мобильные телефоны, — для изучения документов и книг или же для чтения газет, а возможно, и для телесной и психической консолидации, использующей возможность нахождения в положении, свободном от раздражений и помогающем нам собраться¹⁴.

Все это, конечно, предполагает давно привычный нам спокойный ход поездов по бесстыковым путям. Но именно это ожидание спокойной поездки, которая, как склонен считать дилетант, должна обслуживаться надежной старой техникой, постигло горькое разочарование, когда несколько лет назад с большими затратами была установлена новая InterRegio-System немецкой железной дороги*. Поезда этой системы совершают поездки на дальние расстояния и пересекают федеральные регионы страны, развивая наибольшие скорости на больших отрезках пути в регионах с небольшой плотностью населенных пунктов. Но именно поэтому пришлось попрощаться со спокойной поездкой, которая нужна для сосредоточенного чтения: вагоны трясет так, что последовательность предложений, которые стремится ухватить тот, кто читает газету или книгу, превращается в винегрет из букв, а компенсирующие усилия, которые необходимы для концентрации, через некоторое время тебя дезорганизуют. Короче говоря, дорогостоящая транспортная система, которая, согласно своему расписанию, обещала привлекательный выигрыш во времени, разрушила условия для взыскательного использования этого времени в силу простого технического недостатка. Дилетант все же склонен считать, что вагоностроители, используя те сокровища опыта, которые были накоплены за более чем полутора столетнюю историю железной дороги, подвергнут испытанию свободные колебательные характеристики своего на данный момент новейшего продукта, так что приемщик верифицирует результаты этого испытания, а недостаток, который неожиданно обнаружился в ходе эксплуатации, будет исправлен в новых изделиях. Давление ожиданий, неважно, наведенных извне или сформировавшихся самостоятельно, — вот естественное объяснение для грубого системного недостатка, который как техническая ошибка был бы, пожалуй, немислим, если бы в этом случае инженерное искусство реализовалось бы свободно и без помех.

¹⁴ «Капсула времени» — так называет эту возможность перемещаться в современном поезде известный любитель железных дорог Хайнц Дюрр и соответственно именует «замедленным путешествием» поездку по высокоскоростной трассе: *Dürr H. Muße im rasenden Zug der Zeit // Backhaus K., Bonus H. (Hrsg.). Op. cit. (См. примеч. 7.) S. 3–13, S. 8, а также S. 12.*

* Система межрегионального скоростного железнодорожного сообщения в некоторых странах Европы, в Германии существует с 1998 г.

Требуется инсайдерское знание, чтобы, опираясь на надежные детали, иметь возможность сказать, что здесь нарушило работу инженеров. Ближайшее предположение заключалось бы в том, что железная дорога под давлением общественных ожиданий, рассчитывающих на рост способности к инновациям в силу ее приватизации, стремилась быстрее предложить нечто новое, чем то позволяло время, необходимое для основательного технического планирования. Уже действие фактора недостатка времени, необдуманно отведенного для выполнения работ, могло — в силу рекламных обещаний — принудить к соблюдению сроков, которые в свободных от внимания общественности пространствах действия можно было бы спокойно перенести в интересах достижения технически лучшего результата, и поэтому добровольный и ценящий время клиент, вместо того чтобы путешествовать в «капсуле времени», на многие годы становится участником испытания на вибропрочность. В обобщенном виде это означает следующее: современные сферы публичности, политическая публичность, равно как и специализированная публичность потенциальных потребителей и прочих клиентур, в цивилизациях с весьма усложнившимися инфраструктурами подвержены — в силу незнания специальных предметов — нереалистичным ожиданиям, и потенциал одобрения или запроса, который заключен в таких ожиданиях, действует как сила, подстрекающая к их удовлетворению, ускоренному как в техническом, так и в организационном смысле. Можно выразить это и так: в динамических и в то же время медийно-интегрированных цивилизациях растет вероятность столкнуться с незрелым. Наша повседневность отмечена опытом, связанным с этой темпоральной структурой. Почему ремонт старого электронного указателя уровня топлива в автомобиле требует таких затрат времени и денег, которые побуждают к отказу от такого ремонта с тем результатом, что отныне лучшим способом оценки запаса топлива во время заправки будет наполнение бака до краев — это непонятно дилетанту с точки зрения технической конструкции. Однако внешнее темпоральное обстоятельство, с которым должен считаться мастер и которое связано с обязательным сроком предварительного заказа на поставку новой модели указателя, делает это, пожалуй, оправданным.

«Незрелость» — это, что касается первоначальной области этой метафоры, также и повседневный феномен модерна, связанный с нашими фруктовыми рынками. При этом мы понимаем, что многие фрукты вообще нельзя было бы транспортировать, если не использовать время доставки и как время созревания. В других случаях незрелая штука, которая кому-то предлагается, — не что иное, как неизбежная форма осуществления неразумного ожидания современного потребителя, обладающего руинированным сознанием времен года. Дурная привычка желать продукты, доступные лишь в определенное время, преждевременно и вместе с тем несвоевременно, равно как и рынки, которые обслуживают это желание, дают здесь свой эффект. Снабжение в данном определенном отношении достигло ранее невиданной степени дифференциации, равно как и надежности. Принцип «изобилия» торжествует на витринах магазинов и на рынках. Однако пока растет транспортабельность продуктов и их защищенность от вредителей, кулинарная полезность этих продуктов падает,

III. ИЗДЕРЖКИ ВРЕМЕНИ КАК СМЫСЛОВАЯ ГРАНИЦА ИННОВАЦИЙ

и нам приходится знакомиться с фруктами, о которых даже в условиях большой нужды никто не подумал бы, что они съедобны.

Другой повседневный опыт связан с потерями, возникающими из-за невозможности удовлетворить потребность в замене элементов в силу темпоральной несоординированности. Это также звучит необычно, но легко может быть разъяснено с позиции *common sense*. Любой владелец частного дома знает: полностью автоматическая система отопления выходит из строя из-за того, что прекращает работу специальный электронно-регулируемый насос, а требуемые запасные части спустя 15 лет после установки системы, успевшей устареть за это время, больше не доступны. Современные детали, в какой-то мере способные выполнять такую же функцию, к ней не подходят. Чтобы затраты на необходимый ремонт не выходили за приемлемые границы, прибегают к такому вынужденному техническому решению, когда отказываются от автоматического регулирования, которое может быть компенсировано ручным управлением — включением или выключением отопления во время смены сезона. Тогда для информирования гостей, которые время от времени поселяются в доме, устаревшая инструкция по эксплуатации дополняется рукописным текстом, на который обращают внимание с помощью красных восклицательных знаков.

Этот знакомый случай можно также обобщить. Комплементарно к возросшей скорости старения технических агрегатов, обусловленной прогрессом, уменьшается доступность запасных частей, обрекая нас на жизнь за счет временных решений. Конечно, в принципе здесь нет ничего нового. И ранее уже бывало, что для требующей реставрации кирпичной стены нельзя изготовить камень нужного оттенка, аналогичное верно и в отношении многих элементов нашей архитектурной, ремесленной и технической жизненной среды, что создает в ней знакомую атмосферу пестрой компиляции. Однако вместе с сокращением сроков актуальности технических устройств растет число случаев, когда мы должны решить: обойтись ли нам поначалу временным решением или пойти на полную замену поврежденного реликта на новое устройство, отвечающее более высокому уровню развития техники. Напрашивающееся в этом случае экономическое взвешивание полезности и издержек того или иного решения по большей части намного сложнее для хозяйского *common sense*, равно как нередко и для специалиста, так что на его совет естественным образом влияют его экономические интересы. Мы, соответственно, склонны к недоверию, но оно остается диффузным, не может быть трансформировано в рациональные решения, заставляя нас тем самым колебаться.

Встречается, однако, и отрадный опыт. Система технического обслуживания автомобилей, сроки прохождения которого регулируются публичным правом, всегда организована на высоком уровне, и с учетом среднестатистического заводского срока эксплуатации транспортного средства здесь предусмотрено хранилище запасных частей для автомобилей различного возраста. Но тот, кто редко использует свой автомобиль и одновременно в ходе этого использования проявляет о нем заботу, однажды обнаружит, что запасные части для его старенького автомобиля больше нельзя поставить без дополнительных затрат. При крайней необходимости — а такое бывает — в данном случае можно об-

ратиться в организацию владельцев ретроавтомобилей или в специальные ремесленные мастерские, деятельность которых связана с их консервацией. Такой вид компенсации дефицита, возникающего на складах запчастей в силу скорости обновления автомобилей, дополняется эксплицитными усилиями, которые в контексте высокой цивилизационной динамики технических устройств превращают все более острые проблемы ремонта в предмет самостоятельного в техническом и организационном плане предприятия. Именно с этим, среди прочего, связан сегодня лозунг «постоянства». Когда скорость обновления растет, все более важно сохранять в доступном виде старое, чтобы минимизировать число случаев, когда мы, напротив, уничтожаем то старое, что все еще может быть использовано в определенных отношениях. Разумеется, современное рвение, направленное на консервацию, которое давно обратилось к техническим условиям жизни, может принимать причудливые формы. Нам знаком тип личности, который отличает неспособность что-либо выбросить и который занимается консервацией того, что было обновлено, даже в том случае, когда это очевидным образом иррационально с точки зрения баланса полезности и издержек — как в экономическом, так и в экологическом плане.

Между тем в зависимости от скорости обновления растет число случаев, в которых мы, несмотря на все усилия хозяйственного и производственного common sense, совершенно не способны сделать этот необходимый взвешенный выбор между полезностью и издержками консервации, с одной стороны, и обновлением — с другой. В целом можно предположить, что как из перспективы домохозяйства, так и из перспективы производства неизменно растет сумма инвестиций, которые ввиду отсутствия постоянства в использовании устройств и сооружений, являющихся объектом инвестирования, оказываются в конечном счете неверными. Каждый день, когда вывозят крупный мусор, мы сталкиваемся на улице с продуктами прежних модернизационных усилий, которые стали ненужными ни сами по себе и для себя, но потому, что для их постоянного использования не проявляли заботы ни с организационной, ни с технической точки зрения. Мини-кассеты, которые из-за ничтожных расхождений в стандартах не вставляются в новые выгодные по цене диктофоны, прочий электронный хлам всех видов, который стал ненужным не eo ipso, а скорее, в силу несовместимости с требуемыми для его использования устройствами, газонокосилки, производители которых исчезли с рынка, а вместе с ними и резервные запчасти, и т.д. и т.п. — все это можно там встретить, и в силу аналогичных структурных факторов возникают такие же собрания ненужных вещей на пунктах сбора индустриального и агротехнического металлолома. Нельзя сказать, что эти обременительные остатки, ставшие результатом затрудненного взаимодействия несоизмеримых темпоральных структур, не подлежат исправлению и улучшению. Упомянутые дебаты о постоянстве как раз и ведутся, что касается их экономической части, вокруг темы такого исправления и улучшения (Emendation). Однако эти обременительные остатки возникли в силу потребности в новой организации времени, с которой приходится считаться в такого рода дебатах, а говоря точнее, речь здесь идет о дополнительных издержках от тех выигрышей во времени, которые мы охотно себе присваиваем.

III. ИЗДЕРЖКИ ВРЕМЕНИ КАК СМЫСЛОВАЯ ГРАНИЦА ИННОВАЦИЙ

Ряд аналогичных — близких нашей повседневности или знакомых нам по роли потребителей информации — опытов, связанных с возрастающими сложностями, состоящими в том, чтобы по возможности без затруднений синхронизировать комплексные системы с расходящейся темпоральностью их элементов, может быть продолжен дальше — от поддающейся планированию надежности нашего действия, уменьшающейся вместе с возрастающим темпом изменений нормативных рамочных условий этого действия¹⁵, вплоть до растущего темпорального несоответствия между, с одной стороны, способностью политической системы реагировать на новые обстоятельства и, с другой стороны, драматически возрастающей настоятельностью принятия политических решений, которые относятся к прогнозируемым долгосрочным тенденциям развития, получившим хорошее научно-исследовательское обоснование¹⁶. Такое перечисление было бы излишним. Квинтэссенция этих примеров уже очевидна: в ходе цивилизационной эволюции баланс, связанный с выигрышем во времени, ухудшается. Это вовсе не означает, подчеркну еще раз, что рассматриваемые выигрыши во времени обнаружили, якобы, свою иллюзорность. Это означает, напротив, что издержки от этих выигрышей во все более широких жизненных контекстах растут быстрее, чем сами эти выигрыши. Выражаясь конвенционально, мы на опыте сталкиваемся с пределами прогресса, но нельзя сказать, что прогресса вообще не было.

¹⁵ Если брать недавние сетования по этому поводу, то см.: *Baumann M.* Recht rennt. Gesetzgebung im Zeichen der Beschleunigung // *Neue Zürcher Zeitung*. Internationale Ausgabe. 2002. Nr. 136. 15./16. Juni. Zeitfragen. S. 67.

¹⁶ Важнейший случай такого надежного долгосрочного прогноза, который к настоящему времени настойчиво требует неотложного принятия решения, касается демографии. См.: *Birg H.* Die demographische Zeitenwende. Der Bevölkerungsrückgang in Deutschland und Europa. München, 2001, а также по этому вопросу: *Miegel M.* Vor uns: 30 magere Jahre // *Die Zeit*. 2002. 25. Juli. Nr. 31. S. 20. В целом о «темпоральных ритмах» демократий, а также о раздражении, которое вызывает будущее со стороны носителей политического решения — не в последнюю очередь под давлением публицистов, объявляющих о наступлении катастроф, «о которых еще десять лет назад никто не говорил», см.: *Beume K. von.* Ansätze zur Reform des politischen Systems. Die Institutionen auf dem Prüfstand // *Weidenfeld W.* (Hrsg.). Demokratie am Wendepunkt. Die demokratische Frage als Projekt des 21. Jahrhunderts. München: Siedler Verlag, 1996. S. 158–176, S. 159.

IV. Расцвет наук о духе и будущее воспоминания

Вместе с динамикой цивилизационной эволюции ускоряется одновременно и рост множества реликтов¹. По отношению к скорости обновления скорость устаревания ведет себя комплементарно. В силу этого актуальное присутствие устаревшего в цивилизации модерна неизменно привлекает к себе внимание. Например, растет потребность в организации процессов переработки отходов. Хозяйственное использование отходов — быстро расширяющаяся часть современной экономики. Обеспечение когнитивных предпосылок для этой части самоорганизации общества модерна давно приобрело научный характер — вплоть до создания особых кафедр в наших высших технических школах. Свежие реликты цивилизационного прошлого требуют удаления и переработки. Это обременяет нас, кроме того, шумом измельчителей, а также сомнительным запахом, возникающим в силу размещения биотических остатков нашего образа жизни в соответствующих грандиозных сооружениях в окрестностях наших поселений.

Каким образом эти и другие побочные следствия использования жизненных преимуществ нашей цивилизации изменяют «отношение к научно-техническим предпосылкам нашей жизни» — все это является главной темой моей книги «Смысл жизни индустриального общества»², причем эти изменения имеют и свои отрадные стороны. В культурном отношении рост множества реликтов стимулирует обширные тенденции самоисторизации нашей цивилизации. Мы упускаем из виду эти взаимосвязи, если из академически-интеллектуального страха тривиальности считаем не стоящей объяснения простую, но фундаментальную комплементарную связь, существующую между скоростью инноваций и быстротой старения. Однако же именно реликты цивилизации и есть то, что мы во все более возрастающем объеме консервируем и выставляем на обозрение в наших музеях, что мы стараемся понять и историографически актуализировать в качестве науки вчерашнего дня, погружаясь в научно-историческое изучение библиотечных фондов, которые не играют больше никакой роли в актуальном исследовании предмета. Аналогичное относится и к заслуживающим одобрения стремлениям наших защитников архитектурных памятников, которые, несмотря на драматическое изменение актуального архитектурного состояния наших городов, обеспечивают нас местом для воспоминаний, а вместе с тем дают возможность для реализации опыта континуальности.

¹ О понятии роста множества реликтов см. обобщенные разъяснения относительно четвертого понятия в ряду «семи понятий для описания цивилизационной динамики модерна в моей выше (см. примеч. 3 на с. 381) цитированной статье: *Lübbe H. Zeit-Erfahrungen. Sieben Begriffe zur Beschreibung moderner Zivilisationsdynamik. S. 19–25.*

² *Lübbe H. Der Lebensinn der Industriegesellschaft. Über die moralische Verfassung der wissenschaftlich-technischen Zivilisation. Berlin; Heidelberg; New York, 1994.*

IV. РАСЦВЕТ НАУК О ДУХЕ И БУДУЩЕЕ ВОСПОМИНАНИЯ

В свою очередь, техника делает особенно чувствительной и наглядной взаимосвязь между, с одной стороны, цивилизационной модернизацией и, с другой стороны, самоисторизацией. Этим подпитывается успех у публики наших транспортных музеев, музеев дорожного строительства и выставок, посвященных истории техники. Такие учреждения доказывают в то же время ложность популярного тезиса о том, что актуальный историзм — это феномен массового побега из негостеприимного модерна в идиллию мнимо лучших старых времен. Если бы этот тезис был верен, то мы бы, в первую очередь, стремились к тому прошлому, которое по контрасту к научно-технической цивилизации ретроспективно напоминало бы нам об утраченных жизненных преимуществах доиндустриальной эпохи. Однако современные формы актуализации прошлого сопрягаются отнюдь не только с мирами, из которых мы исходим (*Herkunftswelten*) и которым еще предстояла в будущем индустриальная революция. Реликты устаревшей промышленной техники, со своей стороны, давно стали рассматриваться в качестве памятников, и тот, кто большую часть поездки к месту проведения отпуска проезжает без всяких пробок на высокоскоростном поезде, вслед за этим с удовольствием отправляется со своей семьей в экскурсию по небольшой паровой железной дороге, превращенной в музей, причем делает это, отнюдь не руководствуясь мнением, что условия поездки там будут лучше. Отреставрированные колесные пассажирские паромы на горных озерах — это первоклассные аттракционы. Ни одно авиашоу не проходит без ретроавтомобилей, и это верно даже для соревнований авиамodelистов. Такова знакомая комплементарность старого и нового, актуализация которой в динамической цивилизации позволяет нам понять историю этой цивилизации, располагаясь между происхождением и будущим. Одна из целей этой книги состояла в том, чтобы выявить значимые детали этой взаимосвязи³.

Модернизация, важнейшим фактором которой является наша теоретическая наука, способная служить техническим целям и экономически полезная, создает *eo ipso* благоприятные условия для исторических наук о культуре, образующих ядро тех дисциплин, которые в немецкой культуре называются науками о духе. Это и есть та предпосылка в области истории научной культуры, с которой уже на протяжении десятилетий сопряжена моя аналитическая и прагматическая теория науки исторических дисциплин, к которым относятся также науки об истории природы⁴. Обусловленная модернизацией актуальность наук о духе стала также содержанием «Бамбергского послания», вызвавшего аплодисменты у собрания немецких ректоров, для характеристики которых уместно использовать выражение «бурные и продолжительные»⁵.

³ В качестве примера см. подраздел 2.1 «Парадокс авангарда: Прошлое приближается к современности», а также раздел 4 «Информационная динамика и формирование архивной традиции».

⁴ *Lübbe H.* *Geschichtsbegriff und Geschichtsinteresse. Analytik und Pragmatik der Historie.* Basel; Stuttgart, 1977.

⁵ *Marquard O.* *Über die Unvermeidlichkeit der Geisteswissenschaften // Almanach. Ein Lesebuch.* Bd. I. Bonn, 1987. S. 107–118. В этой речи, прочитанной 5 мая 1985 г., со-

И само собой разумеется, с продолжающейся работой по анализу и дескрипции той взаимосвязи, которая существует между, с одной стороны, ставшим весьма ощутимым эволюционным ускорением и, с другой стороны, историзмом, отличающим общество модерна, с интересом знакомятся и академические ученые-гуманитарии, и внеакадемические практики, действующие в сфере культурного историзма, и просто любознательная публика. Архивариусы, солидаризуясь с той частью этой книги, которая посвящена теории архивного дела⁶, могли обсуждать теоретические проблемы актуального прогнозирования интереса к тому прошлому, которым в будущем станет наше настоящее⁷. Архитекторы в контексте проблемы историзированных городов⁸ интересовались архитектурными последствиями «парадоксов стремления старое вновь сделать старым», впервые описанных в этой книге⁹. Защитники памятников находили едва ли не юбилейный повод обсудить те эффекты, которые вызвали в сфере их деятельности уже указанные в этой книге¹⁰ процессы самоисторизации охраны памятников¹¹. В одном небольшом городе заинтересовались ответом на вопрос о том, почему именно в условиях жизни современных обществ, где происходит значительный рост взаимозависимостей, растет политическое значение контингентного, объяснимого только исторически опыта переживания взаимной принадлежности, локализованного на небольшом пространстве, а именно в контексте процессов плюрализации государственных миров, а также регионализации¹². И это именно один из тех вопросов, который можно связать с объяснением того опыта контингентности, интенсивность которого растет вместе с динамикой цивилизационной эволюции, о чем я писал в другом месте¹³ — в рамках развития политико-теоретических аспектов анализа опыта времени, содер-

держится часто цитируемое сегодня ключевое высказывание: «Чем более современным становится мир модерна, тем более необходимыми становятся науки о духе» (S. 109).

⁶ См. подразделы 4.2 и 4.3.

⁷ См. об этом сборник докладов: *Die Archive am Beginn des 3. Jahrtausends — Archivarbeit zwischen Rationalisierungsdruck und Serviceerwartungen. Referate des 71. Deutschen Archivtages 2000 in Nürnberg, veranstaltet vom VdA — Verband deutscher Archivarinnen und Archivare e.V. Siegburg // Der Archivar. Mitteilungsblatt für deutsches Archivwesen. 2002. Beiheft 6, или: Archive und Geschichtsschreibung. Les Archives et l'écriture de l'histoire // Zeitschrift des Schweizerischen Bundesarchivs. Bern, 2001. Bd. 27.*

⁸ См. специальный выпуск журнала: *Retro-Architektur, Architecture rétro // Archithese. Zeitschrift und Schriftenreihe für Architektur. 2001. Heft 2.*

⁹ Подраздел 1.2.

¹⁰ См. об этом подраздел 1.3.

¹¹ См.: *Staatliche Denkmalpflege in Österreich 1850 bis 2000 // Österreichische Zeitschrift für Kunst und Denkmalpflege. 2000. Heft 4.*

¹² А именно в Высшем технологическом институте Люксембурга. См.: *1ères Rencontres de l'Institut Supérieur de Technologie. Sous la direction de Massimo Malveti, Prosper Schroeder et Roland Simon-Schaefer. Luxembourg, 2002. P. 161 и далее.*

¹³ Об этом см. последний том результатов работы исследовательской группы «Поэтика и герменевтика»: *Graevenitz G. von, Marquard O. (Hrsg.). Kontingenz. München, 1998.*

IV. РАСЦВЕТ НАУК О ДУХЕ И БУДУЩЕЕ ВОСПОМИНАНИЯ

жащегося в этой книге¹⁴. Наконец, вдохновленные нищестем академические ученые-гуманитарии в Германии, которые сочли уместным «неслыханно серьезно»¹⁵ рассмотреть вызовы «Несвоевременных размышлений» Ницше «о пользе и вреде истории для жизни», снисходительно снесли предпринятую с моей стороны попытку разъяснить устаревший характер знаменитой критики историзма Ницше¹⁶.

Всего, конечно, не охватишь: принимая вызов, который именно модерновая цивилизация бросает историческому объяснению истории происхождения нас самих и других, исторические науки о культуре демонстрируют сегодня блестящие результаты. Об этом свидетельствует любой академический доклад, излагающий новейшие достижения в рамках долговременных гуманитарных проектов, и об этом же говорит превосходное качество больших монографий, способных заслужить международное признание, — будь то в области синологии или советологии, историографии мифологии или археологии, истории права или истории террора¹⁷.

Расцвет наших исторических наук о культуре очевиден, и он питается, кроме того, уже упомянутым массовым запросом как образованной, так и менее образованной публики на практические результаты, которые дает историческая культура, — начиная с музейного дела и вплоть до заботы об облике города, создающем историческую атмосферу. Читальные залы архивов заполнены посетителями. Местные союзы (*Heimatvereine*) комментируют и представляют местной публике находки, обнаруженные в ходе региональных археологических раскопок¹⁸, а 1200-летний юбилей встречи между Карлом Великим и Львом III в Падерборне стал поводом для деликатной исторической реконструкции это-

¹⁴ См. об этом главу 5 «Большие и малые пространства. Объединение Европы в контексте цивилизационной эволюции» и главу 6 «Самоопределение и государственный суверенитет в ходе политической трансформации» в моей книге: *Lübbe H. Modernisierung und Folgelasten. Trends kultureller und politischer Evolution*. Berlin; Heidelberg; New York, 1997. S. 71–86, 94–101.

¹⁵ Именно так выражается Дитер Боршмейер в своем предисловии к книге: *Borchmeyer D. (Hrsg.). Vom Nutzen und Nachteil der Historie für das Leben. Nietzsche und die Erinnerung in der Moderne*. Frankfurt am Main, 1996. S. 8.

¹⁶ См. мою статью «Интерес к истории. О растущей настойчивости прошлого в культуре модерна» (S. 15–27), опубликованную в сборнике под редакцией Д. Боршмейера. (См. примеч. 15.)

¹⁷ В качестве примера см. сборник докладов Академии наук и литературы, начиная с доклада Комиссии по философии и истории понятий и вплоть до доклада Германской комиссии по обработке *Regesta Imperii*, созданной при Академии наук и литературы в Майнце (*Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Mainz. Jahrbuch 2001. 52. Jahrgang. Mainz, 2002. S. 203–251*), или же, аналогично, сборник докладов комиссии Академии наук земли Северный Рейн-Вестфалия — от отчета комиссии по наследию Гегеля до доклада комиссии по изучению *Monumenta Germaniae Historica (Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften. Jahrbuch 2001/2002. Paderborn, 2002. S. 162–185)*.

¹⁸ В качестве примера: *Tempel W.-D. Ungewöhnliche Bodenfunde // Rotenburger Schriften / Herausgegeben vom Heimatbund Rotenburg (Wümme). Kreisvereinigung für Heimat und Kulturpflege e.V. Jahrgang 2000. Heft Nr. 86. S. 20–27*.

го события и оказался удобным случаем для того, чтобы продемонстрировать осмысленность такой актуализации прошлого для широкой городской и университетской публики, причем череда этих мероприятий длилась на протяжении целого семестра¹⁹. Сообщения такого рода, поступающие из всех цивилизационно высокоразвитых стран и со всех континентов, можно при желании продолжать и далее, и массив этого материала не оставляет и мысли о том, что цивилизация модерна может быть несовместима с интересом к актуализации прошлого, с высокой ценностью, которую мы придаем своему происхождению, или же с историческим образованием.

Тем удивительнее, что известные выразители мнения немецких гуманитарных наук диагностируют их «кризис» в настоящее время²⁰. Это нуждается в объяснении. Напрашивается — если исходить из лежащего на поверхности — указание на желание поправить свои дела исходя из конъюнктурных соображений или даже по причине бесхозяйственности. Однако такая причина не была бы специфической. Она действует равным образом и в других сферах культуры — от оперного искусства до коммунальных чиновников, занимающихся садами и парками.

Всегда, а равным образом и сегодня сравнение бюджетного положения наук о духе с финансированием мощных экспериментальных наук о природе, медицины и технических наук действует удручающе. Однако мы сами виноваты в этой депрессии. Она основывается на недостатках прагматической способности содержательного сравнения. Если бы мы проводили это сравнение правильно, то оказалось бы, что с подветренной стороны роста бюджетов дорогостоящих наук те средства, которые сегодня достаются менее дорогостоящим наукам о духе, выросли даже непропорционально больше. В противном случае было бы непостижимо наличие множества сравнительно накладных, если брать средние показатели, больших гуманитарных проектов, начиная с издательских серий и вплоть до подготовки больших словарей, отличающихся сегодня требовательными методологическими стандартами. Верно то, что методы поощрения научной деятельности не всегда адекватно учитывают особые прагматические условия продуктивной работы в гуманитарной сфере. Абсурдно пытаться использовать в науках о духе, а также применительно к дисциплинам из перечня так называемых «малых дисциплин»*, в качестве критерия академической репутации объем привлеченных спонсорских средств. Это подействовало бы контрпродуктивно. Еще более деструктивно действует давление популярности, которое, по-видимому, принуждает находящиеся в сфере морализирующей публичности руководящие

¹⁹ Meyer zu Schlochtern J., Hattrup D. (Hrsg.) Geistliche und weltliche Macht. Das Paderborner Treffen 799 und das Ringen um den Sinn der Geschichte. Paderborn; München; Wien; Zürich, 2000.

²⁰ Репрезентативен в данном случае Манфред Фурман, рассуждающий о «кризисе наук о духе»: Fuhrmann M. Bildung. Europas kulturelle Identität. Stuttgart, 2002. S. 74.

* «Малые дисциплины» («Kleine Fächer») — понятие, используемое в политике немецкой высшей школы для обозначения дисциплин, которые отличает небольшое число преподавателей и студентов. Всего в списке около 120 предметов, включая астрономию, историю науки, климатологию, славистику.

IV. РАСЦВЕТ НАУК О ДУХЕ И БУДУЩЕЕ ВОСПОМИНАНИЯ

академические комитеты, а также систему мер по организации поощрений направлять персональные и материальные ресурсы для спекуляции на одобрении медийно-интегрированной публичности. Есть и другие способы, какими гуманитарные науки наносят вред сами себе благодаря некоторым своим представителям, которые в гуманитарно-научном отношении не доросли до смысла представляемых ими специальностей, — например, путем приписывания самим себе роли гласа совести, дающего исторические наставления, или же принятия на себя обязательств по оказанию помощи в ментальной эмансипации граждан от состояния несовершеннолетия, в котором они сами виноваты²¹.

Подобные описания хороших или похуже оснований для дурного расположения духа в сфере гуманитарных наук, тем более в Германии, можно продолжить и далее. Вместо этого здесь, в завершение, следует назвать еще один фактор, действующий угнетающе на науки о духе и, шире, на нашу публичную историческую культуру, а именно такой, который под влиянием цивилизационного развития все более интенсивно и в то же время необратимо действует комплементарно по отношению к динамике цивилизации. Речь идет о таком состоянии, при котором в современной цивилизации потребность в воспоминании растет, по-видимому, быстрее, чем появляются средства для ее удовлетворения. Это, разумеется, нуждается в разъяснении. Если это верно, то для характеристики кризиса наук о духе это имеет следствием то, что в данном случае речь идет не о кризисе, вызванном их ненужностью, а как раз о кризисе, вызванном структурно неизбежными чрезмерными требованиями.

Именно этот вопрос я, развивая темы настоящей книги, изложил на конференции Академии наук и литературы в Майнце, посвященной «Общественному вопрошанию о будущем», в докладе о «Будущем воспоминания»²². Существуют линии, ограничивающие смысл научной, культурной, а вместе с тем и жизненно-практической работы по сохранению воспоминаний. Опыт забвения становится настойчивым и побуждает к возрождению традиции моралистики забвения. Это объясняет выбор названия для последней книги Харальда Вайнриха — «Лета»²³. Понятно, что Харальд Вайнрих в своей книге ссылается на главу об архивах настоящей книги²⁴, и обращается к тем вопросам, которыми сегодня занимаются также и наши архивариусы²⁵. Вместе с неизменно

²¹ Все это, как известно, сыграло определенную роль в тех долгосрочных последствиях, которые вызвало требование 1968 г., заключавшееся в обязанности занять ангажированную позицию. Об этом см. подраздел 6.2 наст. изд. («Спор о компенсаторной функции наук о духе»), с. 267 и далее.

²² *Lübbe H. Die Zukunft der Erinnerung // Hesse H. (Hrsg.). Zukunftsfragen der Gesellschaft. Vorträge des Symposions vom 16. Februar 2001. Mainz, 2001. S. 49–58.* Доклад перепечатан в сборнике: *Lübbe H. Aufklärung anlasshalber. Philosophische Essays zu Politik, Religion und Moral. Gräfelting, 2001. S. 228–241.*

²³ *Weinrich H. Lethe. Kunst und Kritik des Vergessens. München, 1997.*

²⁴ *Ibid.* S. 259 и далее.

²⁵ См. об этом мою статью «Будущее прошлого. Уплотнение коммуникационных сетей и архивное дело»: *Lübbe H. Die Zukunft der Vergangenheit. Kommunikationsnetzverdichtung und das Archivwesen // Die Archive am Beginn des 3. Jahrtausends — Archivarbeit zwischen Rationalisierungsdruck und Serviceerwartungen.* (См. примеч. 7.) S. 5–23.

драматически растущим множеством информационных осадков нашей политической, административной, хозяйственной и культурной деятельности, благодаря которой мы включены в эволюционный процесс нашей цивилизации, неизбежным — в силу прагматических причин, а также, не в последнюю очередь, из-за фактора издержек — становится принуждение к селекции тех видов информации, которые мы, сохраняя в качестве документов, хотели бы передать будущему в качестве источников его знания о том прошлом, каковым сегодня все еще является наше настоящее. С точки зрения архивной практики это означает следующее: растут квоты отбора документов для уничтожения, т.е. доля тех бумаг, которые не могут быть сохранены, а напротив, требуют уничтожения. Одновременно с этим в силу принципиальных оснований вместе с ростом динамики цивилизационной эволюции сокращается прогнозируемость тех интересов, которыми будут руководствоваться те, кто станет обращаться в будущем к актуализации прошлого. Это означает, что возрастает роль случайности в процессе формирования архивной традиции. Данный процесс усиливает растущее множество неизбежно рассогласованных инстанций, которые производят документацию, релевантную с точки зрения ее традирования, начиная с играющих важную локальную роль предприятий и союзов вплоть до международных и наднациональных организаций. Пока лишь в самом предварительном виде можно понять, каким образом быстро растущая часть электронной коммуникации в совокупности коммуникации в целом будет воздействовать на шансы ее селекции и исторической рецепции²⁶. Мы уже даже можем встретить предвещание «конца истории в Интернете»²⁷. Таким образом, зависимость от случайности в процессе формирования архивной традиции возрастает. Комплементарно к этому сокращается историческая уверенность, которая в научной культуре основана на методической надежности нашей работы по актуализации прошлого, и определенный тип отказа от воспоминаний ощущается как настоятельно необходимый. Тот, кому не знаком неодолимый в конечном счете груз требующих обработки материалов, использующихся в ходе собственной исторической научно-исследовательской работы, может припомнить затруднительное положение, в котором оказывается человек в случае смерти одного из членов семьи, когда ему приходится с робостью приступить к селекции материалов семейного архива. Иногда работа по упорядочиванию этих архивных материалов действительно стоит свеч. Несравненно чаще они сегодня заканчивают свой путь в мусорном контейнере.

Аналогичный скепсис сопровождает между тем и попытки актуализировать смысл своей деятельности у наших защитников памятников²⁸. К числу приме-

²⁶ В качестве примера по этому вопросу см. сборник докладов: *Haber P., Koller C.E., Ritter G.* (Hrsg.). *Geschichte und Informatik*. Bd. 12 (2001): *Geschichte und Internet: Raumlose Orte — Geschichtslose Zeit*. Zürich, 2002.

²⁷ Так у Уве Йохума в указанном выше сборнике. (См. примеч. 26.) S. 11 и далее.

²⁸ См. об этом мою статью «Памятники в динамичной цивилизации»: *Lübbe H.* *Denkmale in einer dynamischen Zivilisation // Staatliche Denkmalpflege in Österreich 1850 bis 2000*. (См. примеч. 11.) S. 532–540.

ров того положения дел, в котором коренится этот скепсис, относятся эффекты модернизации, как раз и обусловленные деятельностью по охране памятников, направленной на удержание в настоящем того, что уже стало прошлым. Если воспользоваться наглядным случаем отреставрированного и законсервированного реликта архитектуры, то это будет означать следующее: он не репрезентирует непосредственно то, что было, но является результатом наложения на него актуальных усилий по реконструкции и сохранению этого реликта. Что означает: никогда прежде не существовало того вида, который сегодня повсюду окружает нас в нашей архитектурной жизненной среде, после того как мы взяли его под надзор охраны памятников. То, что мы стали видеть, — совсем не то, что просто когда-то было, а неслыханно современный по своему характеру результат исторически заинтересованной и, сверх того, вполне профессиональной практики консервации и реставрации, которую мы обратили к остаткам того, что некогда существовало. Если использовать старый топос, согласно которому архитектура — это застывший в камне дух своего времени, то можно сказать, что архитектура, являющаяся результатом охраны памятников, — это застывшее в камне историческое сознание. Становится очевидно, что дальше в таком духе продолжаться не может, если применять этот топос также и к процессам передачи результатов охраны памятников вчерашнего дня на попечение охраны памятников дня сегодняшнего. Историческое сознание, конечно, *eo ipso* есть сознание своей собственной историчности. Историография рецепции имеет, в свою очередь, историю рецепции. Любой памятник в конце концов превращается в памятник своей прежней, ставшей историей функции памятника. Продолжать дальше явно не получается. Сегодня мы не нуждаемся в строгом антиистористском напоминании Ницше, что «всякая деятельность нуждается в забвении»²⁹. Мы уже давно это ощутили. К последствиям цивилизационной динамики модерна *eo ipso* относится не только прогрессирующая трансформация, превращающая актуальное в устаревшее, а вместе с тем и расширение периодов того, что определенно стало прошлым, которое, вместе с тем, все ближе приближается к нашему настоящему. С этим связан и опыт, состоящий в том, что компенсаторные возможности исторического сознания всегда меньше, чем силы прогресса, производящие прошлое. Тем самым забвению здесь уже всегда есть место, а потому антиистористское иконоборчество излишне. Можно сказать даже так: историческое сознание сегодня — это одновременно сознание принципиальной недостаточности своей способности памяти. Это и есть та причина, по которой сегодня есть не только богатая литература, напоминающая нам об обязанностях по воспоминанию, но и, равным образом, литература, напоминающая о неизбежности забвения³⁰.

²⁹ *Nietzsche F. Vom Nutzen und Nachteil der Historie für das Leben // Nietzsche F. Sämtliche Werke. Kritische Studienausgabe in fünfzehn Bänden / G. Colli, M. Montinari (Hrsg.). Bd. I. München, 1988. S. 243–334, S. 250. Рус. пер.: Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни / пер. с нем. И. Эбаноидзе // Ницше Ф. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 1/2: Несвоевременные размышления. М.: Культурная революция, 2014. С. 83–172, с. 90.*

³⁰ См. примеч. 23.

Резюмируя, это означает следующее: те пограничные линии, которые все более остро очерчивают практику воспоминания в культуре модерна, не являются поводом для культур-критики. Этому нас может научить также посещение кладбища. Не случайно эта книга начинается с главы, посвященной кладбищам, «Настоящее мертвых. Историзированное кладбище и анонимные захоронения»³¹. Только теолог мог бы увидеть в этом современном способе захоронения «ритуал исчезновения в нашу эпоху»³². Это мрачное и при этом далекое от действительности описание упомянутого фактического состояния практики воспоминаний. Тенденция к анонимности мест погребения имеет, как и другие процессы, возникшие под давлением опыта смысловых границ историзации, исключительно прагматические основания, — в данном случае их, по меньшей мере, два. Первое основание, как это было разъяснено и в настоящей книге, состоит в том, что увеличение мобильности ведет к исчезновению надежной пространственной привязки пребывания живущих подле мертвых. Соответственно возрастают затраты — темпоральные и финансовые, — которые можно позволить себе для исполнения традиционных обязанностей по воспоминанию в Поминальное воскресенье или в случае индивидуальных поводов для воспоминаний, и вот на эти затраты мы реагируем уже во время нашей жизни, предусмотрительно снимая с наших близких родственников бремя обязанностей по воспоминанию. Причем это никоим образом не является актом декультивирования воспоминаний, но проявлением процесса трансформации этой культуры, в основе которой лежит благоразумная оценка тех требований, которые мертвые могут адресовать живым. К этому добавляется и другой момент. Никогда ранее в семейной жизни не существовало столь многих форм воспоминаний о мертвых, не связанных с кладбищем, как сегодня. В качестве примера, на котором это перечисление далеко не заканчивается, можно назвать альбомы с фотографиями, которые документируют жизнь усопших от колыбели до могилы. Сегодня семейная историография преподается даже на общеобразовательных курсах, чтобы предотвратить опасность избыточного архивирования. В нашем распоряжении находятся кассеты для видеокамер, благодаря которым мертвые по желанию могут донести до нас свои последние слова. Вряд ли найдется такой добрый бургер, которому не был бы обеспечен небольшой некролог в местной газете, да и прежде на ее страницах время от времени появлялись сообщения о его деятельности. Все это собирается и сохраняется, причем тогда мы начинаем обращать внимание на границы, с которыми сталкивается искусство поддерживать в актуальном состоянии прошлое в виде документов. Нередким является даже такой случай, когда нынешнее отсутствие интереса к собственной могиле основано на уверенности, что о продолжении собственной жизни в памяти потомков уже с давних пор мож-

³¹ Наст. изд., с. 43–57.

³² *Moltmann J. Vom Anfang der Zeiten in der Präsenz Gottes // Peters T.R., Urban C. (Hrsg.). Ende der Zeit? Die Provokation der Rede von Gott. Dokumentation einer Tagung mit Joseph Kardinal Ratzinger, Johann Baptist Metz, Jürgen Moltmann und Eveline Goodman-Thau in Ahaus. Mainz, 1999. S. 56–65, S. 60.*

IV. РАСЦВЕТ НАУК О ДУХЕ И БУДУЩЕЕ ВОСПОМИНАНИЯ

но заранее позаботиться несравненно лучше, чем это может сделать затратный выбор расположения могилы, а именно благодаря делу всей своей жизни, которое, подобно архитектурному памятнику, надежно сохранит посмертную славу его автора, или же благодаря стопке весомых книг с относительно устойчивым к устареванию, т.е. неоклассическим содержанием, к которым уже при жизни должны будут обратиться в своих диссертациях многочисленные соискатели ученой степени.

Все это может быть, и так оно иногда и бывает, причем становится очевидно, что крайне сложный опыт, связанный с пограничными линиями, очерчивающими практику воспоминания в эпоху модерна, порой превосходит наши герменевтические возможности, а вместе с тем и наши способности понимания. Эти вопросы, пожалуй, следовало бы оставить на рассмотрение ученых-гуманитариев, которые, опираясь на благосклонный запрос публики на результаты их трудов, вместо этого переживают кризис смысла своей деятельности.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

- Августин Аврелий 37–38, 48
Адомайт Ханес (Adomeit Hannes) 400
Адорно Теодор 14, 107–108, 109–110, 112, 115, 132, 240, 320, 322, 327, 338, 388, 407
Айзенверт Шмолл Й.А. (Eisenwerth Schmoll J.A. gennant) 83
Аллванг Карл (Allwang Karl) 252
Аллоуэй Лоуренс (Alloway Lawrence) 97
Альбрехт Хорст (Albrecht Horst) 53
Альтман Натан Исаевич 130
Амманн Рональд (Ammann Ronald) 400
Аннан Лорд (Annan Lord) 241
Антонов-Овсенко Антон 135
Апель Карл-Отто 136
Апельт Отто (Apelt Otto) 344
Арендт Ханна 246
Аристотель 221, 223, 344–345
Арнольд Уве (Arnold Uwe) 393
Арпс Людвиг (Arps Ludwig) 353
Арбес Филипп 44, 76
- Байер Адольф фон 251
Байер Фридрих-Карл (Beier Friedrich-Karl) 294
Байер Хорст 241
Бакхауз Клаус (Backhaus Klaus) 381, 399, 401
Баллард Эдвард (Ballard Edward G.) 223
Бальгес Маргрет 254
Бальгес Пауль 254
Банса Хельмут (Bansa Helmut) 218
Барлог Кларенс (Barlough Clarence) 112
Бaudсон Мишель (Baudson Michel) 378
Бауман Жаклин (Baumann Jacqueline) 170
Бауман Макс (Baumann Max) 405
Баумгертнер Альфред Клеменс (Baumgärtner Alfred Clemens) 298
Бауэр Ф. 298
Бейгер-Кевело Никола (Beiger-Keweloh Nicola) 75
Бейер П. (Beyer P.) 144
Бейме Клаус фон (Beume Klaus von) 405
Бекельман Юрген (Beckelmann Jürgen) 107
Беккер Карл (Becker Karl) 114
Бёль Генрих 388–389
- Бёльке Ганс-Курт (Boehlke Hans-Kurt) 45, 49–50, 51
Бём Готфрид 114
Бёме Гельмут 304
Бензе Макс 107
Бенн Готфрид 132
Бенц Эрнст (Benz Ernst) 316
Беньямин Вальтер 174–175, 321–322
Бергсон Анри 35, 355–357
Берендсен Силья (Berendsen Silja) 315
Беренс Уильям В. (Behrens William W.) 229
Бёрингер Ханнес (Böhringer Hannes) 107
Бернхард Вольфганг (Bernhardt Wolfgang) 294
Бертон Р.Е. 216
Беццола Тобиа (Bezzola Tobia) 6
Биденкопф Курт (Biedenkopf Kurt) 293
Биери Петер (Peter Bieri) 358
Бирг Хервиг (Birg Herwig) 405
Блез Кларк (Blaise Clark) 400
Блерио Л. (Bleriot L.) 128
Блеттлер Шиманн Сидония (Blättler Schiemann Sidonia) 6
Блюменберг Ханс 35, 368, 376, 390–391
Бодрийяр Жан 93
Бокман Хартмут 75, 173, 246
Бокхолдт Рудольф (Bockholdt Rudolf) 113
Бомбах Готтфрид (Bombach Gottfried) 289, 291
Бонус Холгер 381, 399, 401
Борбайн Адольф 103
Борси Франко 124, 126–127
Боршмейер Дитер 409
Борш-Супан Хельмут 81
Боссхарт Давид (Bosshart David) 6
Бофре Жан 37
Брандт Агасфер фон 363
Браунер Клара (Brauner Clara) 350
Браун Ханс-Йорг (Braun Hans-Jürg) 170
Брахер Карл Дитрих (Bracher Karl Dietrich) 124
Брейер Сигрид (Breuer Sigrid) 155, 175, 339
Бузек Эрхард (Busek Erhard) 250

* Написание имени на языке оригинала сохранено в двух случаях: 1) в тексте нет транскрипции имени на русском языке; 2) транскрипция имени является неустоявшейся.

- Бумс Ханс 183, 196, 198
 Бунсторф Юрген (Bünstorf Jürgen) 64
 Бур Манфред 143
 Бургер Хайнц (Burger Heinz) 358
 Бурдьё Пьер 318
 Буркхардт Якоб 257, 373, 375
 Бусс Альфред (Buss Alfred) 315
 Бусс Христа (Buss Christa) 317
 Бьен Гюнтер (Bien Günther) 140, 344, 348
 Бэгвелл Филипп (Bagwell Philipp S.) 303
 Бюргер Петер 99
- Вагенленер Гюнтер (Wagenlehner Günther) 400
 Вагнер А. 160
 Вайнберг Стивен 375
 Вайнденфельд Вернер (Weidenfeld Werner) 405
 Вайнрих Харальд (Weinrich Harald) 102, 411
 Вайс Герхард (Weiss Gerhard) 78
 Вайс Курт (Weis Kurt) 382
 Вайснер Ульрих 104
 Вайспфенинг Вальтер (Weispfennig Walter) 57
 Вайцзекер Карл Фридрих фон 264
 Вальзер Мартин 113–114
 Ван Гог Винсент 322
 Вангерин Герда (Wangerin Gerda) 78
 Вапневски Петер 105
 Варнинг Райнер (Warning Rainer) 114, 185
 Вархмин Иоахим (Varchmin Joachim) 253
 Вебер Макс 345
 Веблен Торстейн 337
 Вегенер К.Х. 144
 Велер Ханс-Ульрих 149
 Вельш Вольфганг 79
 Вендорф Рудольф 37
 Вентури Р. 85
 Веснин Александр 130
 Веснин Виктор 130
 Веттер Б. (Vetter B.) 340
 Виганд Эрих (Wiegand Erich) 155, 175, 339
 Видманн Франц (Widmann Franz) 79, 113
 Виланд Вольфганг (Wieland Wolfgang) 145
 Виллон-Лехнер Элис (Villon-Lechner Alice) 392
 Вильгельм Вальтер (Wilhelm Walter) 293
 Вильгельм Ханс-Хайнрих (Wilhelm Hans-Heinrich) 135
 Виммер Генрих (Wimmer Heinrich) 206
 Винген Макс (Wingen Max) 6, 177
 Виндельбанд Вильгельм 366
- Винер Освальд (Wiener Oswald) 93
 Вирильо Поль 4, 258
 Висс Бит (Wyss Beat) 73
 Витгенштейн Людвиг 249
 Витте Фиа (Witte Fia) 317
 Виттманн Хайнц-Гюнтер (Wittmann Heinz-Günter) 36, 230, 291
 Во Ивлин (Waugh E.) 45
 Волебен Марион (Wohlleben Marion) 58, 67, 73, 270
 Вольтер Франсуа-Мари 49
 Вулье Рональд 4, 258
 Вьетта Эгон (Vietta Egon) 107
- Гави Филипп 258
 Гадамер Ганс-Георг 37, 112, 222, 371–374
 Гаедке Юрген (Gaedke Jürgen) 47, 56
 Гайслер Карлханц А. 393
 Гален Бернхард (Gahlen Bernhard) 289, 291
 Гальперин Жан (Halpérin Jean) 353
 Гардинер Патрик 366
 Гасснер Хубертус 130
 Гауденц Серайна (Gaudenz Seraina) 67
 Геббельс Йозеф 16, 135
 Гегель Георг Вильгельм Фридрих 100, 139–143, 149, 187, 223
 Гейне Генрих 144
 Геккель Эрнст 335, 337–338
 Гемпель Карл Густав 366
 Ген Петер (Gen Peter) 45
 Геринг Юрген (Hering Jürgen) 206, 218
 Германд Йост (Hermand Jost) 132
 Германн Фридрих-Вильгельм фон (Herrmann Friedrich-Wilhelm von) 364
 Гессе Гельмут (Hesse Helmut) 411
 Гёте Вальтер фон 348
 Гёте Иоганн Вольфганг фон 67–68, 186, 202, 257, 348–349, 365
 Гетманн Карл Фридрих (Gethmann Carl Friedrich) 112
 Гигон Олоф (Gigon Olof) 221
 Гидион Зигфрид 305
 Гизелер Карл-Хайнц (Gieseler Karl-Heinz) 324, 336
 Гиллен Экхарт 130
 Гирер Альфред 265
 Гитлер Адольф 16–17, 121, 124, 131–133, 135, 376
 Глазер Хорст Альберт 241
 Глоцер Ласло 96, 110
 Гомер 365
 Гончаров Иван 350

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Гораций 343–344, 365
Горбачев Михаил 400
Гофман Август Вильгельм фон 251
Гранир Герхард 160
Граскамп Вальтер (Graskamp Walter) 96
Гризе Жерар (Grisey Gérard) 112
Гризе Фридрих (Griese Friedrich) 309, 375
Гримм Райнхольд (Grimm Reinhold) 132
Грунер Каи (Gruner Kai) 399
Группе Оммо (Grupe Ommo) 324, 336
Грэвениц Герхард фон (Graevenitz Gerhart von) 408
Грюндер Карлфрид 6, 186, 266
Гудман-Тау Эвелин (Goodman-Thau Eveline) 414
Гулд Стивен Дж. 365
Гумбольдт Александр фон 286–369
Гумбольдт Вильгельм фон 98, 140, 250, 276, 286, 369
Гуссерль Эдмунд 31, 37, 361
Гутенберг Иоганн 253
Гутчов Нильс (Gutschow Niels) 303
- да Винчи Леонардо 345
Дайнингер Рольф 177
Дайсон Фримен 375
Дальхаус Карл 14, 112
Даме Хайнц-Юрген (Dahme Heinz-Jürgen) 340
Дарвин Чарльз Р. 235, 237
Девезе Михель (Deveze Michel) 241
Дедьер В. 216
Деетерс Вальтер 6, 158, 183
Делани Пол 48
Денифле Генрих (Denifle O.P. Heinrich) 187
Дехио Георг 58, 67, 71–72, 270
Джемс Уильям 347
Дженкс Чарльз (Jencks Charles) 82, 85, 110
Дильтей Вильгельм 279, 367
Диоген Лаэртский 344
Дитрих Вольфганг 218
Драегер В. (Draeger W.) 108
Дройзен Иоганн Густав 365
Дудзик Питер (Dudzik Peter) 292
Дукс Гюнтер (Dux Günter) 360
Дурт Вэрнер (Durth Werner) 121, 133, 303
Дутке Пердита (Duttke Perdita) 76
Дюрр Хайнц 401
- Егер Альфред (Jäger Alfred) 315–316
Енинг Карл Вильгельм (Jähmig Karl Wilhelm) 81
- Засс Фридрих (Sass Friedrich) 121
Засс Ханс-Мартин (Sass Hans-Martin) 31
Зекл(ь) Ханс Гюнтер (Zekl Hans Günther) 344
Земанек Хайнц 298
Зиберт Хорст (Siebert Horst) 291
Зильберман Альфонс 230
Зиммель Георг 339–340
Золль Райнер (Zoll Rainer) 33
Зуртц Эдвард (Surtz Edward) 138
- Имдаль Макс 6, 103
Иоанн Павел II 236
- Йамерс Антониус (Jammers Antonius) 207
Йенц Хайдерос (Jenz Heiderose) 55
Йохимсен Маргарета (Jochimsen M.) 378
Йохум Уве (Jochum Uwe) 412
- Касакос Герда (Kasakos Gerda) 352
Кайзер Йоахим (Kaiser Joachim) 258
Кайзер Рейнхард (Kaiser Reinhard) 254
Каллен Майкл С. (Cullen Michael S.) 97
Камлах Вильгельм (Kamlah Wilhelm) 384
Кампер Дитмар (Kamper Dietmar) 390
Канвайлер Даниэль-Анри (Kahnweiler Daniel-Henri) 107
Кант Иммануил 138–140, 142–143, 222–223, 262, 364–365, 409
Карл Великий 409
Каро Антонио 104
Касбом Адельхайд (Kasbohm Adelheid) 206, 215–216
Кассирер Эрнст 138–139, 142
Кастенбаум Роберт (Kastenbaum Robert) 352
Кауффер Эрих (Kaufherr Erich) 293
Кауфманн Ханс (Kauffmann Hans) 98
Кебир Сабина (Kebir Sabine) 128
Кеблер Р.В. (Kebler R. W.) 216
Кейссер Ханс-Иоахим 246, 251, 291
Келлер Вилли (Keller Willy) 251
Кёльбль К. (Kälble K.) 360
Кемпер Петер (Kemper Peter) 223, 244
Кенцель К. (Quenzel K.) 144
Кёстлер Артур (Köstler Arthur) 231
Кизель Б. (Kiesel B.) 360
Кларк Кеннет 346
Клаус Георг (Klaus Georg) 143
Клемм Фридрих (Klemm Friedrich) 252
Клотц Хайнрих (Klotz Heinrich) 80, 82, 84, 133

- Кнобелох Хайнц (Knobeloch Heinz) 112
 Кнопф Норберт (Knopp Norbert) 83, 113, 116
 Кобер Хайнер (Kober Heiner) 35, 237, 360, 374
 Кодалле Клаус-Михаэль (Kodalle Klaus-Michael) 391, 393
 Козелек Райнхарт 4–5, 56, 145, 187, 204, 262, 276
 Козловский Петер (Koslowski Peter) 82
 Коинг Хельмут (Coing Helmut) 293
 Кока Юрген (Kocka Jürgen) 4, 32
 Колер Георг (Kohler Georg) 392
 Коллер Христоф Е. (Koller Christoph E.) 412
 Колли Джорджио 83, 413
 Коль Гельмут 284–285
 Корн Карл (Korn Karl) 153
 Коэн Джон 349
 Крассер Рудольф (Krasser Rudolf) 294
 Краузе Петер (Krause Peter) 155, 175, 339
 Краусник Хельмут/Гельмут (Krausnick Helmut) 135
 Крейг Гордон 148
 Кроков Кристиан Граф фон (Krockow C. Graf von) 360
 Кроник Дэвид А. (Kronick David A.) 205, 264
 Крузе Андреас (Kruse Andreas) 354
 Круммахер Ханс-Хенрик (Krummacher Hans-Henrik) 372
 Крютт Йоахим В.Е. (Krütt Joachim W.E.) 298
 Кун Томас С. 221–222
 Кун Хельмут (Kuhn Helmut) 79, 113
 Куниш Норберт (Kunisch Norbert) 103
 Кухлинг Хаймо (Kuchling Heimo) 338
 Кюнеманн Юген (Kühnemann Eugen) 441
 Кюнл Райнхард (Kühnl Reinhard) 124
 Кюпперс Бернд-Олаф (Küppers Bernd-Olaf) 264
 Кюттлер Вольфганг (Küttler Wolfgang) 192
- Ла Фоллет Марсель С. (La Follette Marcel C.) 236
 Лайбфид Стефан (Leibfried Stephan) 240
 Лампуньяни Витторио Маньяго (Lampugnani Vittorio Magnago) 17, 125–126, 133
 Ландес Давид С. (Landes David S.) 4, 251, 294, 307, 309, 388
 Ландсхут Зигфрид (Landshut Siegfried) 194
 Лаплас Пьер-Симон 193
 Лахенман Хельмут (Lachenmann Helmut) 112
 Лев III 409
 Лёв Райнхард (Löw Reinhard) 82
 Левинас Микаэль (Lévinas Michaël) 112
- Лёвит Карл (Löwith Karl) 37, 276
 Ленди Вальтер (Lendi Walter) 161
 Ленин Владимир 15, 46–47, 82, 129, 132, 149–150, 170
 Лео Людвиг 82
 Лепенис Вольф (Lepenius Wolf) 111, 286
 Лепсиус М. Райнер (Lepsius M. Rainer) 240, 242–243
 Лер Урсула (Lehr Ursula) 353–354
 Лерманн Клаус (Laermann Klaus) 318, 349
 Лиотар Жан-Франсуа (Lyotard Jean-François) 123
 Линдсей Джек (Lindsay Jack) 347, 355
 Лисицкий Эль 82
 Лоренцен Пауль (Lorenzen Paul) 269, 384
 Лортц Йозеф (Lortz Joseph) 187
 Лоуренс Н. (Lawrence N.) 31
 Лоцек Герхард (Lozek Gerhard) 192
 Луначарский Анатолий 16, 130
 Лутц Хайнрих (Lutz Heinrich) 187
 Люббе Герман 36, 63, 94, 98, 104, 113, 122, 140, 183, 189, 191, 209–210, 214, 234–235, 241, 249–250, 262, 264–265, 267, 275–276, 279–281, 284, 292, 302, 304, 337, 338, 369, 377, 381, 385–386, 395, 399, 406–407, 409, 411–412
 Люббе Райнер 6
 Люббе-Вольф Гертруда (Gertrude Lübbe-Wolff) 141
 Люббе-Гротуес Грете (Lübbe-Grothues Grete) 338
 Люст Раймар (Lüst Reimar) 375
 Лютер Мартин 52, 185, 187–188
 Лютцелер Генрих (Lützelner Heinrich) 103
 Люшен Гюнтер (Lüschen Günther) 240
 Люшер Эдгар (Löscher E.) 33
- Майер Кристиан (Meier Christian) 268, 281
 Майер Ханс (Maier Hans) 64, 381, 395
 Майер-Лейбниц Хайнц (Maier-Leibnitz Heinz) 236, 246, 360, 291, 373
 Маир Отто (Maier Otto) 309
 Малевич Казимир 130
 Мальветти Массимо (Malvetti Massimo) 408
 Манн Томас 347, 355
 Мантл Вольфганг (Mantl Wolfgang) 250
 Маринетти Филиппо Томмазо 9, 94–95, 128, 132
 Мария Лучано де (Maria Luciano de) 128
 Марквард Одо 6, 56, 87, 102, 146, 267–268, 280, 282, 354, 407, 408
 Марков Вальтер (Markov Walter) 46, 139

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Маркс Карл 17, 140, 142–144, 187, 191–192, 194–195, 265, 319–320, 400
Маркс Рудольф (Marx Rudolf) 373
Маркузе Герберт 101, 284
Маршалл Михаэль (Marshall Michael) 112
Мах Эрнст 228, 367
Махольд Клаус (Machold Klaus) 156
Маяковский Владимир 129
Медоуз Денис Л. (Meadows Denis L.) 229
Медоуз Донелла Г. (Meadows Donalla H.) 229
Мейер Ричард (Meier R.) 80, 81
Мейер Рудольф (Meyer Rudolf) 33, 355
Мейер цу Шлохтерн Йозеф (Meyer zu Schlochtern Josef) 410
Мелес Бриджит (Meles Brigitte) 162
Менсинг Й. (Mensing J.) 360
Меркер Райнхард (Merker Reinhard) 132
Мёрт Инго (Mörth Ingo) 33
Мертон Роберт К. 347
Мёрш Георг (Mörsch Georg) 58, 67, 71, 75, 270
Мессмер Й. (Messmer J.) 360
Местмэхер Эрнст-Иоахим (Mestmäcker Ernst-Joachim) 293
Метц Иоанн Баптист (Metz Johann Baptist) 381, 395, 414
Мигель Майнхард (Miegel Meinhard) 405
Мизлер Мария (Mieszler Maria) 352
Мис ван дер Роэ (Mies van der Rohe) 79, 85
Митхам Карл (Mitcham Carl) 230
Михель Карл Маркус (Michel Karl Markus) 60, 268, 281–282
Молер Армин (Mohler Armin) 33, 319
Мольтени Марко (Molteni M.) 6
Мольтманн Юрген (Moltmann Jürgen) 414
Моммертц Карл-Хайнц (Mommertz Karl-Heinz) 252
Моммзен Вольфганг Й. (Mommsen Wolfgang J.) 187
Монтинари Маззино (Montinari Mazzino) 83, 413
Мор Томас 138
Мор Ханс-Мишель (Mohr Hans-Michael) 155, 175, 339
Мос Станислаус фон (Moos Stanislaus von) 304–305
Мосс Джордж Л. (Mosse George L.) 132
Мурайл Тристан (Murail Tristan) 112
Муссолини Бенито 132
Мюллер Алоиз М. 6
Мюллер Г.Л. (Müller G.L.) 381, 395
Надольни Стен 392
Наполеон 345
Нарр Карл 245, 276, 313, 377
Негт Оскар 268
Нестле Вилгельм (Nestle Wilhelm) 223
Никритин Соломон 131
Нипперди Томас (Nipperdey Thomas) 4, 69, 71
Нитхаммер Лутц 168
Ницше Фридрих 13, 15, 82–83, 86–87, 119–123, 133, 409, 413
Новотны Хельга 317
Нойберт Хайнц (Neubert Heinz) 230
Нойгартен Бернице Л. (Neugarten Bernice L.) 352
Норт Дуглас 399
Ноэль-Нойманн Элизабет (Noelle-Neumann Elisabeth) 389
Ньютон Исаак 225
Обершельп Райнхард (Oberschelp Reinhard) 207, 211
Оельмюллер Вилли (Oelmüller Willi) 102, 225, 281
Оинг-Ханхофф Лудгер (Oeing-Hanhoff Ludger) 187
Ольджиати Рудольф 67
Оппенгейм Генрих Бернхард 140
Оппенлендер Карл Хайнрих (Oppenländer Karl Heinrich) 293–294
Орт Эрнст Вольфганг (Orth Ernst Wolfgang) 34, 355
Ортега-и-Гассет Хосе 336
Оруэлл Джордж 170
Осман Жорж Эжен (Hausmann G.E.) 120
Оствальд Вильгельм 235
Отт Альфред Э. (Ott Alfred E.) 289, 291
ап. Павел 111
Пайсль Антон (Peisl Anton) 33, 319
Палаццешчи Альдо (Palazzeschi Aldo) 128
Парк Д. (Park D.) 31
Паркинсон Сирил Норткот (Parkinson Cyril Northcote) 23, 156
Патциг Гюнтер (Patzig G.) 145, 268, 273, 275–278, 367
Пауль Жан 348
Педдингхаус Карл (Peddinghaus Carl) 315
Пёльциг Ханс 84–85
Пёппель Эрнст (Pöppel Ernst) 33, 362, 383
Петерлих Майнрад (Peterlich Meinrad) 250
Петерс Тимо Райнер (Peters Tiemo Rainer) 413

- Петри Харальд (Petri Harald) 33
 Пиаже Жан 35, 357
 Пинкни Дэвид 120
 Плесснер Гельмут 327
 Позенер Юлиус 84–86, 133
 Познер Роланд (Posner Roland) 297
 Поппер Карл Раймунд 123, 147, 195, 237, 284
 Пост Нора (Post Nora) 112
 Прессер Якоб (Presser Jacob) 345
 Пристер Вольфганг 236, 360, 372–373
 Прометей 115
 Пфау Уна (Pfaу Una) 44
 Пфлюг Гюнтер 6, 206, 355, 358, 360
 Пюклер-Мускау, князь 45
- Радкау Иоахим (Radkau Joachim) 253
 Райх Клаус (Reich Klaus) 344
 Рамдор Фридрих Вильгельм фон 81
 Раммштедт Оттайн (Rammstedt Otthein) 340
 Рандерс Йорген (Randers Jörgen) 229
 Расмуссен Штеен Айлер (Rasmussen Steen Eiler) 78
 Ратцингер Йозеф 236, 414
 Рейес Фритц (Reheis Fritz) 394
 Рейнхард Карл (Reinhardt Karl) 114
 Рем Вальтер (Rehm Walther) 350
 Ригль Алоиз 58, 67, 71–72, 270
 Риккерт Генрих 269
 Римпл Герберт 133
 Риттер Герольд 412
 Риттер Йоахим 186, 267, 269, 272
 Риттер Хеннинг 268
 Рихтер, доктор 99
 Робеспьер Максимилиан 141
 Ройгер Эрнст 55
 Рольфф Ханс-Гюнтер (Rolf Hans-Günter) 306
 Рополь Гюнтер (Ropohl Günther) 230
 Роса Хартмут 382, 384
 Росса Курт (Rossa Kurt) 137
 Ротт Ч. (Rott Chr.) 354
 Ру Эммануэль де (Roux Emmanuel de) 202
 Руст Алоиз (Rust Alois) 7
 Рюзен Йорн (Rüsen Jörn) 187
- Сааге Р. (Saage R.) 381, 395
 Саган Карл 35, 237, 360, 374
 Сикорский Игорь 254
 Симон-Шефер Роланд (Simon-Schaefer Roland) 409
 Славинский Ю. 16, 130
- Слотердаик Петер 390
 Смит Элвин А. (Smith Elwyn A.) 236
 Сноу Чарльз Перси 33, 365
 Собуль Альбер (Soboul Albert) 46, 139
 Солла Прайс Дерек Джон де (Solla Price Derek J. de) 180, 224, 233
 Сорокин Питирим 347
 Спенсер Герберт 340
 Сталин Иосиф 16, 129, 131–132, 135, 149, 170
- Тарле Евгений Викторович 345
 Темпель Вольф-Дитер (Tempel Wolf-Dieter) 409
 Тессенов Генрих (Tessenow Heinrich) 78
 Тизмер Карл-Георг (Tismer Karl-Georg) 352
 Тин Клаус (Thien Klaus) 393
 Титце Ханс 96
 Топич Эрнст (Topitsch Ernst) 147
 Тоток Вильгельм (Totok Wilhelm) 206–207, 211
 Трапп Вернер (Trapp Werner) 168
 Тревитхикс Ричард 292
 Трое Вильгельм 293
 Троицкий Лев 170
 Тун, графиня 81
- Уайт Лин 4
 Уатт Джеймс 309
 Уитроу Джордж Дж. (Whitrow George J.) 33
 Ульман Бернارد 202
 Уорхол Энди 101, 284
 Урбан Клаус (Urban Claus) 414
 Уркварт Д.Дж. (Urquhart D.J.) 216
- Фавье Жан 202
 Фалес 221, 224
 Фарнер Конрад 107
 Фаулвассер Юлиус (Faulwasser Julius) 121
 Ферма Пьер 221
 Фёрнихоу Брайан 112
 Фехтруп Герман (Fechtrup Hermann) 381, 395
 Фихте Иоганн Готлиб 140, 144
 Фишер Вольфрам 253, 290
 Флеминг Сэндфорд 400
 Фолькманн-Шлук Карл-Хайнц (Volkmann-Schluck Karl-Heinz) 37
 Фольц Вольфганг (Volz Wolfgang) 97
 Фонтане Теодор 54
 Франкенбергер Рудольф 206, 218
 Франц Экхарт Г. 140, 156–157, 159, 177, 183, 190
 Фрейзер Джулиус Томас 31, 36, 381, 395

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Фриденваль Рихард 346
Фридрих Каспар Давид 81
Фрич Бруно 6
Фукидид 365
Фурман Манфред 410
Фюрстенберг Фридрих 33
- Хабер Петер (Haber Peter) 412
Хаберманн Александра (Habermann Alexandra) 206
Хабермас Юрген 86, 133
Хавекост Германн (Havekost Hermann) 211–212
Хагер Вернер (Hager Werner) 83
Хагер Фригьоф (Hager Frithjof) 382
Хайдеггер Мартин 31–32, 35–37, 248–250, 257, 284, 357–361, 364, 370–371
Хайманн Ханс (Heimann Hans) 319
Хайнеманн Готфрид (Heinemann Gottfried) 33
Хайнеманн Клаус (Heinemann Klaus) 324, 336
Хайнтель Петер (Heintel Peter) 393
Хакельсбергер Христоф (Hackelsberger Christoph) 67
Хакен Германн (Haken Hermann) 373
Хальбрайт Гарри (Halbreich Harry) 112
Хампель Юрген (Hampel Jürgen) 155, 175, 339
Хан-Магомедов Селим О. 129–130
Харих Вольфганг (Harich Wolfgang) 275
Харре Ром (Harré Rom) 237
Хазе Карл (Haase Carl) 158–160, 170, 182–183, 190, 193, 200–201
Хаттруп Дитер 410
Хаузер Ханс-Йорг (Hauser Hans-Jörg) 211
Хегнер Фридрих (Hegner Friedhart) 322
Хекстер Дж.Х. (Hexter J.H.) 138
Хельблинг Ханно (Helbling Hanno) 257–258, 260, 263, 281
Хеннингсен Юрген (Henningsen Jürgen) 48
Хеншен Ханс-Хорст (Henschen Hans-Horst) 44
Херкен Рольф (Herken Rolf) 375
Хесс Вальтер (Hess Walter) 94
Хесс Герхард (Hess Gerhard) 98
Хессе Йоахим Йенс (Hesse Joachim Jens) 306, 322
Хетцельт Фридрих (Hetzelt F.) 125
Хёхманн Ханс-Германн (Höhmann Hans-Hermann) 400
Хинц Зигрид (Hinz Sigrid) 81
Хинц Манфред (Hinz M.) 128
- Хирхольцер Клаус (Hierholzer Klaus) 36, 230, 291
Хирш Гертруда (Hirsch Gertrude) 223, 264
Хойнинген-Хюне Пауль (Hoyningen-Huene Paul) 223, 230, 264
Хокинг Стивен У. (Hawking Stephen W.) 35, 237–238, 360, 374
Холден Чарльз (Holden C.) 124
Холл Ханс Гюнтер (Holl Hans Günter) 400
Хопманн Эрих (Hoppmann Erich) 393
Хорварт Манфред (Horvart Manfred) 33
Хоркхаймер Макс 388
Хортледер Герд (Hortleder Gerd) 240
Хофмайстер Йоханнес (Hoffmeister Johannes) 142
Хофманн Вернер (Hofmann Werner) 97
Хофманн Вильгельм (Hofmann Wilhelm) 78
Хоше Альфред (Hoche A.) 347
Хоц Гюнтер (Hotz Günter) 229
Христос 97
Хубер Бенедикт (Huber Benedikt) 59–60
Хубер Якоб (Huber Jakob) 333, 339, 393
Хузе Норберт (Huse Norbert) 58, 72, 75
Хунинг Алоис (Huning Alois) 230
Хэберле Петер (Häberle Peter) 105
Хюбнер Курт (Hübner Kurt) 223, 244
Хюбнер Рудольф (Hübner Rudolf) 365
- Цапф Вольфганг 155, 175, 339
Цвинк Эберхард (Zwink Eberhard) 206, 218
Цёпель Кристоф (Zöpel Christoph) 306, 322
Цекл Х.Г. 344
Циммерли Вальтер Кристоф (Zimmerli Walther Ch.) 80
Циммерманн Розмари (Zimmermann Rosemarie) 170
- Чандлер Дэвид (Chandler David) 345
Чаплин Чарльз 305
Чвойка Эрад (Chvojka Erad) 393
- Шагал Марк 130
Шайбе Эрхард (Scheibe Erhard) 145
Шайберт Петер (Scheibert, Peter) 129, 146
Шайхер Харальд (Scheicher Harald) 338
Шапп Вильгельм 186
Шварц Андреас (Schwarcz Andreas) 393
Шварц Герхард (Schwarz Gerhard) 206
Шватло (Schwatlo) 84
Швеммер Освальд (Schwemmer Oswald) 269

- Швинге Ральф Фольке (Schwinge Ralf Folke) 69
 Шекспир Уильям 365
 Шельски Гельмут 32, 155, 269, 339, 354
 Шенда Рудольф (Schenda Rudolf) 298
 Шенкель Вернер (Schenkel Werner) 382
 Шефер Карл 73
 Шехе Вольфганг (Schäche Wolfgang) 125
 Шидер Теодор (Schieder Theodor) 78
 Шилз Эдвард (Shils Edward) 204
 Шиллер Фридрих 102, 141, 350, 382
 Шиндевольф Отто 365
 Шинкель Карл Фридрих 17, 74–76, 98
 Шлегель Дитер (Schlegel Dieter) 360
 Шлейермахер Фридрих Даниэль Эрнст 140
 Шмид Виланд (Schmied Wieland) 338
 Шмид Эрхард (Schmied Erhard) 347
 Шмидль Йозеф (Schmidl Josef) 177
 Шмидт Бернд (Schmidt Bernd) 35, 237, 360, 374
 Шмидт Густав (Schmidt Gustav) 45
 Шмидт Йозеф (Schmidt Joseph) 343
 Шмидт Хайнрих (Schmidt Heinrich) 235
 Шмитт Петер 74
 Шнайдер Вольфганг-Фридрих 355
 Шнайдер Геральд (Schneider Gerald) 305
 Шнайдер Карл 378
 Шнедельбах Герберт 268, 279–280
 Шори Марлис (Schori Marlise) 301
 Шпеер Альберт 124
 Шпеман Роберт (Spemann Robert) 82
 Шпенглер Тильман (Spengler Tilman) 60
 Шпиннер Гельмут Ф. 225, 227, 229
 Шрайбер Матиас (Schreiber Matthias) 126
 Шрёдер Проспер (Schroeder Prosper) 408
 Шрётер Михаэль (Schröter Michael) 308, 314
 Штернберг Томас (Sternberg Thomas) 381, 395
 Штеффенс Хенрик 140
 Штиглер Стивен М. (Stigler Steven M.) 353
 Штирле Карлхайнц (Stierle Karlheinz) 56
 Штолль-Лангенберг Греета 7
 Штрайсслер Моника (Streissler Monika) 399
 Штраус Давид 119
 Штраух Инга (Strauch Inge) 346
 Штреммель Керстин (Stremmel Kerstin) 393
 Штрюмпель Буркхард (Strümpel Burkhard) 389
 Шуберт Франц 113
 Шульц Ханс-Юрген 236
 Шульце Фридберт (Schulze Friedbert) 381, 395
 Шуман Роберт 29
 Шумейкер Уэйн (Shoemaker Wayne) 48
 Шустер Петер-Клаус (Schuster Peter-Klaus) 131
 Эбхардт Бодо 72
 Эванс О. 292
 Эйнштейн Альберт 225
 Эйхман Эдуард 53
 Эко Умберто 82
 Элиас Норберт 26, 307–308, 314, 343
 Энгельберг Эрнст (Engelberg Ernst) 192
 Энгельзинг Рольф (Engelsing Rolf) 206
 Энгельманн Петер (Engelmann Peter) 123
 Энгельс Фридрих 142, 191, 320
 Энри Ханс (Enri Hans) 381
 Энценсбергер Ганс Магнус 60
 Эпиметей 115
 Эрбен Генрих 378
 Эрнст Фриц (Ernst Frinz) 350
 Этлин Ричард 44, 49
 Этлингер Леопольд Д. (Ettlinger Leopold D.) 100
 Юбинг Дитрих (Uebing Dietrich) 360
 Юккер Гюнтер 103
 Яде Вальтер (Jaide Walter) 51
 Якоби Генри (Jacoby Henry) 156
 Ян Хельмут (Jahn Helmut) 93
 Ясперс Карл 23, 336
 Яусс Ханс Роберт 79, 94, 113–114

ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ*

- Авангард 5, 9, 13–18, 73, 93–97, 99, 102–116, 128–134, 146, 196, 203, 263, 283, 338
Авангард, провинциальный 108
Авангардизм 149, 274, 381
Автобиография 48, 169, 186–187, 370
Администрирование / управление (Verwaltung) 23, 153, 156, 160–161, 168, 176–177, 215, 258, 260–261
Аналитика Dasein 371
Аннотация 228, 230–231
Антимодернизм 388
Архив 18–19, 159, 161, 164, 177, 201, 208, 409, 411
Архив, временный (Zwischenarchiv) 200
Архивирование, избыточное 414
Архивирования, квота 183
Архивное дело 5, 159, 160, 162–163, 165, 195–197, 274
Архитектура, революционная 82
Аура 321–322
- Библиотека 23–24, 158, 180, 205–206, 209–210
Библиотека, архивная 211, 214, 217–218
Библиотека- книгохранилище 5, 24, 204, 211
Библиотечное дело 22
Болезнь менеджера 332, 388
Большевизм 124
Большевизм, ранний 131
Большой взрыв 296, 372
Борьба с музеями (Museumssturm) 9, 97
Будущего, история 145
Будущего, общество 135
Будущее 382, 407
Быстротечность (Schnellebigkeit) 257
Бюрократии, критика 153
Бюрократия 155–156, 158
- Варварство 119–120, 141, 164
Варварство, ученое 72
Взгляд на прошлую жизнь (Lebensrückblick) 348
Возврат (Rekurrenz) 172
Вопрос, премиальный (Preisfrage) 396
Воссоздание (Rückbau) 28, 59, 65, 68, 70, 77, 88–90
- Временем, распоряжение (Zeitverbringung) 390
Времени, издержки (Zeit-Kosten) 396, 398, 405
Времени, измерение (Zeitmessung) 307, 385
Времени, капсула (Zeitkapsel) 402
Времени, культура (Zeitkultur) 395
Времени, менеджмент (Zeitmanagement) 343
Времени, моралистика (Zeit-Moralistik) 387, 389, 391, 393, 395
Времени, недостаток (Zeitverknappung) 27
Времени, нехватка (Zeitdruck) 315, 388
Времени, оазис (Zeitoasen) 394
Времени, организация (Zeitorganisation) 390
Времени, план использования (Zeitverbringungsagende) 26, 298
Времени, планирование (Zeitplanung) 307, 385
Времени, потеря (Zeitverlust) 391
Времени, пустая трата (Zeit-Verschwendung) 391–392
Времени, увеличение (Zeitdehnung) 348
Времени, эквивалент (Zeit-Äquivalent) 390
Времени, экспроприация (Zeit-Enteignung) 26
Временной горизонт (Zeithorizont) 26, 35, 300–302, 305, 373
Время бодрствования (Wachzeit) 346
Время доставки (Transportzeit) 402
Время культуры (Kulturzeit) 363
Время ожидания (Wartezeit) 314, 350
Время отпуска (Urlaubszeit) 335
Время природы (Naturzeit) 363–364, 372
Время рассказа (Erzählzeit) 348
Время сна (Schlafzeit) 346
Время созревания (Reifezeit) 402
Время товаров (Warenzeit) 317
Время, будущее (Zukunftszeit) 350
Время, вульгарное (Vulgärzeit) 356, 358–360, 364, 375
Время, измеряемое (Zeit, gemessene) 35, 343, 359
Время, личное (Eigenzeit) 26–27, 317, 325, 328, 331, 335–336, 343
Время, мировое (Weltzeit) 35, 317, 361, 376, 391, 393

* Оригинальные слова и выражения приводятся в указателе в двух случаях: 1) неустоявшийся перевод термина; 2) нетривиальный перевод термина.

ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Время, объективное (Zeit, objektive) 35–36, 343
- Время, отмеряемое с помощью часов (Uhrzeit) 393, 402
- Время, переживаемое (Erlebniszeit / Zeit, erlebte) 341, 361
- Время, пустое (leere Zeit) 392
- Время, стандартное (Standardzeit) 303
- Время, субъективное (Zeit, subjektive) 343
- Во времени, выигрыш (Zeitgewinn) 292, 313, 326, 387, 389–395, 398–399, 401, 404–405
- Вселенная 373
- Вторичный отбор документов для уничтожения (Nachkassation) 200
- Выгода от реставрации 61–62
- Геноцид 148
- География расселения (Verstädterung) 385
- Геронтология 354
- Гигиена 44–46, 138
- Гильотина 137–138
- Гипердинамика 378
- Города и деревни, различие 385–386
- Города, историзированные 408
- Государства, национальные (Nationalstaaten) 386
- Государство, культурное (Kulturstaat) 104–106
- Государство, социальное (Sozialstaat) 105, 339
- Гуманность 137–138
- Давление массы 20, 22, 95, 110, 172, 199, 208–209, 215
- Двойное кодирование 82
- Дезорганизация, темпоральная 391
- Действий, координация 5, 298, 302, 309–310, 314
- Действий, цепочка 305
- Декаданс 83
- Демография 405
- Демократизация 50, 104
- Деньги 322, 327, 390
- Деполитизация 105
- Диалектика, диалектический 223, 264
- Диктатура в области искусства (Kunstdiktatur) 131
- Дисциплина, темпоральная (Zeitdisziplin) 26, 314, 332, 387
- Дифференциация 104–105, 154, 338
- Дифференциация, культурная 337
- Длительность, чистая 356
- Добродетель 28
- Добродетель, второстепенная 27, 28, 314
- Добродетель пунктуальности 5, 26, 307, 314–315
- Добродетель, социальная 314
- Добродетель эклектизма 14, 110–111
- Догматизм 146
- Документ (Akte) 153–154, 157–159, 167–169, 176, 178–179, 190–191
- Документов, уничтожение 164
- Домодерновая эпоха (Vormodernität) 407
- Досуг 27, 64, 309, 322, 333
- Досуга, использование 336
- Живопись, гостиничная 107, 109, 112, 115, 132, 338
- Жизненное время / срок жизни (Lebenszeit) 9, 13–14, 27, 35, 97, 226–227, 254, 257, 289, 301, 322, 325, 335, 347–349, 353, 361
- Жизненного времени, выигрыш (Lebenszeitgewinn) 346, 348
- Жизненный мир 38, 48, 236–237, 377
- Жизненный мир, современный 398
- Жизненного мира, удаленность от (Lebensweltferne) 236
- Забвение (Vergessen) 413
- Заболачивание 88
- Завихрение (Wirbel) 15, 108, 266
- Замедление 258, 259–260, 275, 371
- Захоронение, анонимное 9, 53
- Знание для принятия решения (Entscheidungswissen) 240, 242
- Знание о данных (Datenwissen) 229
- Знание, экспертное 242–243
- Значение для будущего (Zukunftsreichweite) 172, 295
- Значимость, неизменная (Geltungskonstanz) 29, 96, 112, 115
- Игра 391
- Игры, правило 399
- Идеал чистоты стиля 77, 87
- Идеализм 144
- Идентичности, актуализация (Identitätsvergegenwärtigung) 213–214
- Идентичности, трансформация 214
- Идентичность 21, 36, 63, 67, 78, 186, 192, 285, 371
- Идеология, классовая 147
- Идеология, расовая 147
- Идиографика 366
- Избирательность 321
- Избранная раса 195

ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Избыток (Überfülle) 392
Избыточность 178
Изобилие (Fülle) 402
Иконоборчество 104
Илламинарность 399
Императив, кинетический 393
Идентичность 21, 36, 63, 67, 78, 186, 192, 285–286, 371
Индивид 185–186, 339
Индивидуализации, процесс 176
Инноваций, динамика 11, 120–121
Инноваций, переработка 4, 19, 29, 38, 234, 251, 263
Инноваций, сгущение 25, 94, 240, 252, 289
Инноваций, скорость (Innovationsrate) 14, 95, 209, 313, 406
Инновация, техническая 247
Интерес к истории (Geschichtsinteresse) 18
Интерес рецепции / рецептивный интерес (Rezeptionsinteresse) 20, 178–179, 184, 189–190, 198–199
Интернационал-социализм 125–126, 133, 147
Информации, избыток (Überinformation) 227
Информации, потеря (Informationsverlust) 178–179
Информации, трансфер 36, 265, 370
Информационная динамика 19, 21–23, 151, 219
Информационная имплозия 227
Информационная сеть 385, 398
Информационное загрязнение 171
Информационное общество 178, 209–210
Информационный мусор (Datenschutz) 176–177
Информационный реликт 19
Информация 21, 177, 208–210, 226, 230–231, 234, 264–265, 334–335
Искусств, история 94
Искусства, понятие 105
Искусство 9, 13, 15–16, 88, 93–106, 112, 114, 129, 321
Искусство, музейное 96, 98
Искусство, народное 110
Искусство, революционное 100
Искусствознание 103
Использование времени (Zeitnutzung) 25, 332, 392
Использования времени, добродетель 308
Использования времени, императив (Zeitnutzungszwang) 289, 298, 315, 318
Использования времени, последствия 313
Использования времени, техника 305
Историзация 213, 414
Историзм (Historismus) 9, 12–13, 20, 54, 72, 82–84, 86, 111, 175, 198, 265, 271, 369, 407–408
Историзм, архитектурный 80, 82–86, 119–120, 122, 369
Историзма, критика 83, 86
Истории (Geschichten) 285
Истории, время (Geschichtszeit) 364
Истории, понятие 265
Истории, смысл 194
Истории, субъект 147
Истории, теория 18, 143, 191, 194–196, 262
Истории, философия 14–15, 17, 128, 145–146, 147, 263, 266, 284, 376
Историцизм (Historizismus) 146, 195–196, 284
Историческая наука 4, 185, 194, 208, 276
Исторических источников, формирование (Geschichtsquellenbildung) 171
Исторической науки, теория 32, 39, 267
История 368
История культуры 34, 263, 279, 286, 365, 370
История рецепции (Präzeptionsgeschichte) 201
История природы 36, 111, 265, 279, 286, 364–365, 368–370, 372, 374–375
История рецепции 67, 201, 253, 413
История, событийная (Ereignisgeschichte) 193–194
История, структурная (Strukturgeschichte) 193–194
Источник 18–21, 167–172, 177, 180–181, 210
Источники, потребность в (Quellenbedarf) 177, 180
Календарная революция 300
Календарная реформа 363
Календарь 298–302, 307–309, 315, 317, 324, 329–331, 385
Календарь-ежедневник 26, 298
Канон 17–18, 180
Капитализм 318–319
Картина мира 236–237
Картины мира, революция 237
Квота отбора документов для уничтожения (Kassationsquote) 412
Кладбищ, историзация 57
Кладбищ, реформа 58, 149
Кладбище 9–10, 43–44, 47, 49–55, 414
Кладбище знаменитостей 10
Кладбище, реформированное 47–49
Кладбище, социальное 55
Кладбище, церковное 9, 43–45, 47

ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Кладбищенская культура 57
Классика 14, 82, 107, 112–115, 132–133, 181, 197, 321, 338
Классицизм 17, 86
Коммуникации, реликт 21, 160
Коммуникация 5, 153–154, 157, 160, 166–168, 171, 175, 183–184, 201, 231–232, 261, 314, 329, 343, 363
Компенсации, понятие 11, 270, 278, 285
Компенсации, теория / компенсаторная теория (Kompensationstheorie) 60, 267–270, 272–277, 279–282, 285
Компенсация 11, 60, 63, 65, 267, 270
Компетенция, селекционная 231–232
Комплексность 212, 228–229, 302, 306–308
Конкуренция 326–327
Консерватизм 18
Консервации, метод 22
Консервация 404
Консервация могил 49
Контингентности, опыт 238, 377, 408
Контингентность 18, 181, 238–239, 250, 283, 285
Континуальности, опыт 11, 406
Контроль, общественный 332
Копия 66–67, 86, 217
Космос 372, 375–376
Креационизм 235
Кремация 53
Кремниевый век 246
Критическая теория 388
Культура 13, 103, 191, 265, 367–368
Культура воспоминания (Gedächtniskultur) 50
Культура повседневности 27, 290, 319, 324, 327, 330, 349
Культура, единая 82, 86, 120
Культур-критика / критика культуры (Kulturkritik) 26, 44, 60, 233, 335, 349, 359, 388, 414
Культурная индустрия 388
Культурная константа 246
Культурное различие (Kulturdivergenz) 385

Ламинарность 15, 28
Ламинарный 399
Легислатурный период (Wahlperiode) 305
Ликвидация 135, 149

Масса 132–134, 321, 336
Массив созданных документов (Schriftgutproduktion) 156
Массовая ликвидация 46
Массовая нищета 290
Массовое захоронение 46, 135, 149
Массовое общество 12, 175, 240, 339
Массовое преступление 285
Массовое производство 290
Массовые перевозки 313
Массовые убийства 136–137, 148–149
Массовый вкус 337–339
Массовый террор 135, 147, 149
Междисциплинарность 32–34, 36–37
Мемориальное бешенство (Denkmalswut) 69
Мертвых, общество (Totengesellschaft) 48
Мертвые, воспоминание о 9–10, 44, 46, 48, 50, 58, 150
Метафизика 222–223, 249–250, 359
Метафора гигиены 138–139
Метафора незрелости 402
Метафора хирургии 139
Метафора часов 309–310
Метафорика железной дороги 387
Метафорика рака 156
Метафорика революции 221
Мимесис 101, 284
Мир, ускоряющийся 397
Могильник 296
Модерн (Moderne) 5, 16, 75–76, 79, 86–87, 407
Модерн, архитектурный 80–82, 84–87, 89, 133, 274
Модерн, историзированный 82
Модерн, классический 116
Модернизации, романтика 115
Модернизационные усилия, прежние 404
Модернизация (Modernisierung) 407
Монументализм, архитектурный 16–17, 124–126
Морализм, политический 141, 284
Моралистика 394–395
Моральное обеление (Entlastung, moralische) 148
Мудрость 375
Музеефикация (Musealisierung) 66, 94–95
Музей 3, 13, 27, 65–69, 95–99, 102, 278, 284, 286, 302, 337–338, 365
Музей, художественный 100, 284

Надежность, поддающаяся планированию (Planungssicherheit) 405
Надстройка 400
Напоминание (Mahnsinn) 56–57
Направление внимания 232
Направленность 147

ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Направленность на цель 147
Народность (Volkstümlichkeit) 134
Нарратив 279
Настоящего, сокращение (Gegenwartsschrumpfung) 24–25, 39, 95, 381–386, 398
Настоящее (Gegenwart) 382–384
Наука о действии (Handlungswissenschaft) 32, 269, 369
Наука о культуре 60, 103, 269, 276
Наука о культуре, историческая 269, 286, 409
Наука о природе, историческая 286
Наука, популярная 238
Наука, социальная 240–243
Наук о духе, кризис 411
Науки о духе / гуманитарные науки (Geisteswissenschaften) 241, 243, 267–269, 272–283, 366–368, 406–407, 410–411
Науки о природе (Naturwissenschaften) 410
Науки, естественно-исторические 365
Науки, история 213, 222–223, 276
Науки, объем 224
Науки, теория 407
Науковедение 224
Научной культуры, история 368, 374
Национал-социализм 16, 124–126, 131–133, 135, 147–149
Неисторичность (Geschichtslosigkeit / Ungeschichtlichkeit) 269–272
Нейтральность по отношению к происхождению (Herkunftsneutralität) 270
Некролог 52
Неоапкалиптика 275
Необходимый возраст для помещения в музей (Museumsreife) 13
Неоклассика 132–133, 181
Неоклассицизм 16–17, 124–127, 133
Несовершеннолетие 411
Неспешность (Langsamkeit) 392–394
Норм, обоснование 242
Норма 242, 243
Ностальгический реквизит 89, 304
Ностальгия 24, 54, 63, 305, 392

Обломовщина 350
Обратная связь (Rückkoppelung) 223
Обращения со временем, добродетель (Zeitumgangstugend) 27
Обращения со временем, культура (Zeitumgangskultur) 5, 26, 300, 334, 345, 349, 389, 394
Обращения со временем, мораль (Zeitumgangsmoral) 389
Общее знание (Gemeinwissen) 243
Общественное благосостояние (Wohlfahrt) 60, 154–155, 254, 325
Общество всеобщего благосостояния (Wohlstandsgesellschaft) 328, 336
Объективности, постулат 187
Объективность 187
Объективность обоснования (Begründungsobjektivität) 188–189
Объективность, консенсусная (Konsensobjektivität) 188–189
Объяснение 279, 367–368
Овеществление (Verdinglichung) 316
Ожидание (Erwartung) 401
Ожиданий, давление 401
Ожидания, горизонт 4, 145
Омассовление 336
Омассовления, эффект 290
Онтогенез 221
Опыта, пространство 4, 145, 204
Освобождение от обязательств сохранения воспоминаний (Erinnerungsentpflichtung) 58
Отбор документов для уничтожения (Kassation) 19–24, 163, 171–175, 177–182, 190, 197–200, 203, 207–208, 261, 274, 412
Отказ от воспоминаний (Erinnerungsverzicht) 413
Отпуск 394
Отходов, переработка 406
Очищение 46, 138–139, 149
Ощущать себя (Selbsterfahrung) 389

Памяти, долг (Erinnerungspflicht) 10, 54
Памяти, консервация 10, 18, 47, 149
Памяти, культура (Erinnerungskultur) 9–10, 43, 45–47, 58, 154, 199
Памяти, ликвидация 46
Памяти, способность (Erinnerungskapazität) 5, 9–10, 413
Памятник 10–12, 62–65, 75, 413
Памятник для устрашения (Abschreckungsdenkmal) 126
Памятник павшим (Kriegerdenkmal) 56
Памятников, охрана (Denkmalschutz) 3, 10–13, 23, 27, 54–55, 58–60, 65–66, 69–71, 75, 77–78, 80, 89–90, 122, 125, 127, 270, 272, 274, 280, 408
Память (Erinnerung) 9–10, 18, 43, 49–53, 57–58, 74, 97, 115, 149, 159, 166, 202, 205, 218, 298, 308, 370, 406, 414

- Партийность 188
 Пассивизм 334
 Патентное право 5
 Патентных прав, охрана 293–294
 Переломный момент дня (Eckzeit) 401
 Переоценка ценностей (Wertewandel) 28, 186, 328
 Период обесценивающего полураспада (Halbwertszeit) 5, 24, 215–216, 272, 274, 398
 Период полной минерализации (Verwesungsfrist) 47
 Период, щадящий (Verschonungsfrist) 47
 Планирование 196, 227, 295, 302–303, 306–307
 Плюрализм 17, 77, 79, 83, 86, 100, 123, 171, 202
 Познавательный интерес 374
 Поколение 13, 29, 48, 50–52, 146, 172, 183, 199, 204, 264–265, 301, 313, 369
 Политика в области искусства (Kunstpolitik) 132–133
 Понимание 279, 367–368
 Понятие 382, 384
 Поп-арт 101–102
 Популизм 16
 Популяризация 238
 Популярность (Publizität) 109, 176, 232–233, 410
 Последующие затраты (Folgelast) 61, 65, 90, 102
 Постмодерн 5, 13, 71, 77, 79–80, 82, 84–87, 93, 116, 122–123, 258, 274
 Постоянство (Nachhaltigkeit) 404
 Потребительская полезность (Gebrauchswert) 68, 316
 Потребление 390
 Потребность в воспоминании (Erinnerungsbedarf) 411
 Права человека 141
 Правило уничтожения старой документации (Kassationsregel) 21
 Праздник 391
 Предельная полезность (Grenznutzen) 14, 22, 61, 90, 156, 249, 254, 392
 Прецепция 20–21, 54, 184–185, 189–191, 196–197, 198–203, 207
 Принуждение к повторению 233
 Приоритета, обеспечение 234
 Природа 191, 264–265, 367–368
 Природы, охрана 280
 Пробка (Stau) 398
 Провинция 108–109
 Прогнозирование 229
 Прогресс 15, 18, 25, 60–61, 77, 95, 102, 115, 127–129, 135, 138, 141, 186, 196–197, 223, 239, 244–246, 249, 252–254, 296, 303, 405, 413
 Прогресс, технический 247
 Производительность (Produktivität) 25–26, 154, 227, 289–291, 325, 345
 Происхождение (Herkunft) 407
 Происхождения, история (Herkunftsgeschichte) 24, 145, 274, 283
 Просвещение 14, 43–46, 48, 111, 137–140, 149, 235–236, 237, 281
 Протенция (Protention) 361
 Профессиональная деятельность 389
 Прошлого, актуализация (Vergangenheitsvergegenwärtigung) 3, 9, 11–12, 21, 59–60, 71, 82, 87, 103, 135, 187, 214, 407, 410, 412
 Прошлого, консервация 11
 Прошлое 382
 Публичность 402, 410–411
 Пунктуальность 5, 26–27, 303, 307–308, 315, 343
 Работа, нелегальная (Schwarzarbeit) 323
 Рабочее время 253, 323, 325
 Рабочего времени, сокращение 280
 Радость (Heiterkeit) 102, 333
 Разговор, междугородний 166
 Разновременность (Ungleichzeitigkeit) 13, 17, 87, 203, 363
 Расписание (Fahrplan) 304
 Рассказывание (Erzählen) 279
 Реализм, социалистический 17, 101, 131–132
 Революция 16, 128–131, 139–144, 246
 Регион 386
 Регионализация 408
 Регламентаций, плотность (Regelungsdichte) 258
 Резистентность по отношению к революции (Revolutionsresistenz) 400
 Реликт 11, 54, 58, 64, 69, 78–79, 110–111, 116, 157, 160, 162, 183, 198, 204, 272
 Реликтов, плотность 79
 Реликтов, рост множества 406
 Реликтов, уничтожение 162
 Реликтов, хаос 111
 Ретенция (Retention) 361
 Ретроавтомобиль (Oldtimer) 404, 407
 Реформа, университетская 140, 250, 369
 Рецепции, возможность (Rezeptionskapazität) 230

ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Рецепция 20, 162, 178, 185, 187–188, 196–199, 201, 207, 232, 262
- Решение, временное (Provisorien) 403
- Романтизм 113, 133
- Романтика устных бесед (Gesprächsromantik) 166, 168
- Романтика, децизионистская 360
- Романтика, технофобская 248
- Руин, консервация 77
- Руин, ценность (Ruinenwert) 12, 72, 74
- Руины, отреставрированные 12
- Рынок 94, 98–99, 105, 315
- Рыночная цена (Marktwert) 316
- Самоисторизация 12, 20, 27, 43, 49, 52, 57, 97, 120, 122, 158–159, 179, 202–203, 214–215, 217, 263, 274, 276, 278, 280, 296, 385, 406–408
- Самоопределение (Selbstbestimmung) 27–28, 308, 323, 334, 339, 357, 389
- Самоорганизация, темпоральная 331
- Самоподкрепление (Selbstverstärkung) 36
- Самопривилегирование 146–147, 194, 284
- Самореализация 28, 175–176, 323, 328, 335, 339
- Самотрадирование (Selbstüberlieferung) 159, 169
- Самоуполномочивание (Selbstermächtigung) 141, 146, 148–149
- Самозэксплуатация (Selbstaussbeutung) 349
- Сверхидентичность (Überidentität) 354
- Свершение исторического смысла (Geschichtssinnvollstreckung) 15, 198
- Свобода 28, 129, 141, 309, 313, 328, 390
- Свобода распоряжения временем (Zeitfreiheit) 317, 326, 334–336, 338–340
- Свобода, академическая 334
- Сети (netze) 385
- Сеть транспортного сообщения (Verkehrsnetz) 385, 398
- Сжатые сроки (Zeitverdichtung) 12, 135, 376
- Синхронизация 363, 370, 400
- Система знания 222
- Скорость обновления (Neuerungsrate) 11, 14, 24, 404
- Скорость транспортирования 26
- Скука 347, 391
- Случай 18, 165–166, 167, 171, 181–182
- Смерть 137, 353–354
- Смысл 27–28, 161, 323, 328
- Смысл жизни 27, 39, 323, 330, 344
- Сознание времен года (Saison-Bewusstsein) 402
- Сознание, историческое 18–19, 21–22, 59, 80–81, 159, 204, 274, 413
- Сознание, моральное 136
- Сон 345–346
- Социализм 101, 132, 135, 143–144, 196, 318, 400
- Социология, забавная (Jux-Soziologie) 23, 156
- Спокойствие 333, 345, 354
- Спорт, психотерапевтический (Psychosport) 324
- Способность суждения 198, 226, 252, 254, 281, 330
- Способность суждения, эстетическая 290
- Сравнение 209
- Срок актуальности 403
- Старения, быстрота (Alterungsrate) 406
- Старения, динамика 384
- Старения, скорость 403
- Старинности, качество 67–72, 75
- Статистика 5, 21, 177, 193, 205, 226
- Стереотипный взгляд на других (Heterostereotyp) 188
- Стереотипный взгляд на себя (Autostereotyp) 188
- Стилей, плюрализм 13, 17
- Страх перед скоростью (Tempo-Angst) 29
- Стресс 389
- Субъект культурной памяти (Erinnerungssubjekt) 50
- Суверенитет в отношении времени (Zeitsouveränität) 27, 320, 330–335, 343, 350, 355, 356
- Судьба бытия 250
- Суждение вкуса (Geschmacksurteil) 106
- Схватывание смысла истории (Geschichtssinnergreifung) 147
- Сциентизация 102
- Счастье 323, 348
- Счастье, жизненное 389
- Тахителія 29–30
- Темпорализация (Verzeitlichung) 145
- Темпоральная организация (Zeitregie) 390
- Темпоральные структуры, несоизмеримые 404
- Теории, трансформация 223
- Теория, критическая 195, 283
- Теория, эволюционная 36, 236
- Террор 128–129, 135–139, 141, 146–149
- Техника 249–251, 274, 295
- Техники, история 246, 272
- Тоталитаризм 13, 15, 17, 131

- Традиции, утрата 398
 Традиция 18, 264–265
 Траур 142
 Тренд 385
- Удостоверенность смысла
 (Sinnvergewisserung) 82
 Ультраконсерватизм 146
 Ум 375
 Уменьшение уверенности в будущем 378
 Уровень участия 104
 Ускорение 29, 38, 97, 101, 121, 134, 157,
 234, 245–246, 257, 259, 262–264, 266,
 316, 371, 377
 Ускорения, западная 398
 Ускорения, опыт 392
 Ускоренного развития, тезис 384
 Устаревание 292
 Устареванию, сопротивляемость 28, 113, 133,
 172, 200, 210, 266
 Устаревания, быстрота (Veraltensrate) 3,
 24–25, 226, 292
 Устаревания, скорость
 (Veraltensgeschwindigkeit) 21, 159, 200,
 209, 224
 Утопия 145
 Утрата привычности
 (Vertrautheitsschwund) 11, 60–61
- Фашизм 124–125, 127–128, 132
 Фейерверк 392
 Феноменология 31, 35, 37–38, 186, 263,
 350–351, 355, 358–359, 361, 371
 Филогенез 221
 Формирование (архивной) традиции
 (Überlieferungsbildung) 18–19, 22, 151, 170–
 173, 175, 177, 183, 189–190, 193–196, 199,
 201–203, 205–207, 208, 212, 214, 218, 412
 Футуризм 15, 94–95, 120, 127–128, 132,
 134, 257
 Футурология 183
- Хаос 36, 110, 119–121, 158
 Художественный рынок 98–99
 Художника, автономия 98
- Цель человечества (Menschheitszweck)
 129, 144
 Цивилизации, критика 166
 Цивилизации, реликты 406
- Цивилизационная динамика
 (Zivilisationodynamik) 3, 208, 259–260,
 266, 276, 296, 313, 381
 Цивилизационный процесс 183
- Часы 307, 308–310, 314–315, 317–319, 325,
 331, 385
 Человечество будущего 136
 Чистка 46, 139, 149
- Шум 22
- Эволюция 79, 97, 147, 170, 172, 219, 244–246,
 262, 264, 273–275, 283, 296, 306–307,
 373–374, 377–378
 Эволюция, техническая 5, 244–245, 250–251,
 252–254, 275, 278, 290–291
 Эволюция, цивилизационная 3–6, 17, 21, 23,
 28, 76–77, 170–172, 383–386, 392, 398, 400,
 405, 408
 Экзекуция 135, 138
 Эклектизм 14–15, 110–111
 Экономика, институциональная 399
 Экономика, теневая 27, 323, 338
 Экономия мышления
 (Denkökonomie) 228
 Экспоненциальная лестница
 (Exponentialtreppe) 30, 378
 Экспрессионизм 16, 132
 Эмансипация 143, 146, 411
 Эмансипация евреев 142
 Эмансипация, политическая 142
 Эссе 39–40
 Эстетизация 99–101
 Эстетика, политическая 257–258
 Эстетика, тоталитарная 124
 Эффект «Волшебной горы» 346
 Эффект «невиданной зверушки»
 (Wolpertinger-Effekt) 70
- Angina temporis (лихорадочная
 спешка — лат.) 331
 Common sense (здравый смысл — англ.)
 39, 128, 144, 149, 198, 241, 281, 403
 Oral history (устная история — англ.)
 161, 168
 Polyragmosyne (занятие многими делами,
 хлопотливость — греч.) 331
 Trompe-l'oeil (тромплэй — фр.) 108, 338

Научное издание
Серия «Исследования культуры»

ГЕРМАН ЛЮББЕ

**В НОГУ СО ВРЕМЕНЕМ
СОКРАЩЕННОЕ ПРЕБЫВАНИЕ
В НАСТОЯЩЕМ**

Второе издание

Главный редактор
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Заведующая книжной редакцией
ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Редактор
МАРИЯ РУМЯНЦЕВА

Художник
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Верстка
СВЕТЛАНА РОДИОНОВА

Корректор
ЕЛЕНА АНДРЕЕВА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20,
тел.: 8 (495) 772-95-90 доб. 15285

Подписано в печать 19.11.2018. Формат 70×100/16
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 37,1. Уч.-изд. л. 30,9
Бумага офс. № 1. Печать офсетная. Тираж 600 экз.
Изд. № 2233. Заказ №

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru,
тел.: 8 (499) 270-73-59

ГЕРМАН ЛЮББЕ В НОГУ СО ВРЕМЕНЕМ

СОКРАЩЕННОЕ ПРЕБЫВАНИЕ В НАСТОЯЩЕМ

ГЕРМАН ЛЮББЕ (1926 г.р.) — заслуженный доктор философии и доктор теологии. Философ, крупнейший немецкий теоретик общества и культуры модерна, общественный деятель, один из наиболее значимых представителей немецкого либерал-консерватизма. Преподавал в университетах различных городов Германии, включая Мюнстер, Бохум, Билефельд. До выхода на пенсию — профессор философии и теологии Университета Цюриха.

В 1966–1970 гг. работал в должности заместителя министра в правительстве земли Северный Рейн-Вестфалия.

Входит в число членов Академии наук и литературы в Майнце, Академии наук в Дюссельдорфе и в Берлине.

В 1975–1978 гг. — президент Немецкого философского общества. Лауреат множества литературных и общественных премий. Наряду с Одо Марквардом относится исследователями к числу главных представителей школы Иоахима Риттера. Автор более 30 монографий.

Герман Люббе — мастер диагноза эпохи и мастер слова.

*Юрген Миттельштрасс, немецкий философ,
издатель "Энциклопедии философии и теории науки"*

[Герман Люббе] помогает нам ориентироваться в современном мире, всегда остроумно и без всякого указующего перста.

*Лотар Шпет, немецкий политик,
член Христианско-демократической партии Германии,
предприниматель, общественный деятель*

В Ы С Ш А Я

Ш К О Л А

Э К О Н О М И К И